

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

АПРѢЛЬ.

МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская улица, соб. домъ.

1892.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
I. НА ПАХОТЪ. (Повѣсть).—Е. П. Карпова.	1
II. ЯДЪ. Романъ Александра Килланда. Гл. IX—XIII. Переводъ Э. Р. Окончаніе.	40
III. СТИХОТВОРЕНІЯ.—В. Л. Величко.	68
IV. УЧЕНИЦА ГАРРИКА. Историческій романъ Огюстена Филона. Гл. XIV—XVII. Переводъ В. М. Р. Окончаніе	70
V. СТИХОТВОРЕНІЕ.—А. М. Федорова.	96
VI. ЛЮБОВЬ. (Романъ). Часть II, гл. III—V. <i>Продолженіе.</i> — И. Н. Потапенко	97
VII. РОЗА И НИНЕТА. Современный романъ Альфонса Доде. Гл. I—V. Переводъ съ французскаго М. Н. Ремезова	141
VIII. ПРОТЕКЦИОНИЗМЪ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.—В. В. Бирю- ковича	1
IX. НѢСКОЛЬКО ЛѢТЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ. <i>Продолженіе.</i> —Н. Гарина.	18
X. СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ЖЕРТВЪ ПРОМЫШЛЕННОЙ ЭКСПЛУА- ТАЦИИ. <i>Окончаніе.</i> —П. Н. Обнинскаго	40
XI. НОВОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ О РЕФОРМѢ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. (П. Н. Милкоковъ: «Государственное хозяйство Россіи въ пер- вой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго»).— В. А. Г.	53
XII. РЕФОРМА АНГЛІЙСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ ВЪ XIX СТО- ЛѢТІИ. <i>Продолженіе.</i> —А. С. Онольскаго.	57
XIII. МАРІЯ БОНОПНИЦКАЯ, (Очеркъ изъ современной польской литературы).—В. Мякотина	70

Поступилъ въ продажу

„СБОРНИКЪ ВЪ ПОЛЪЗУ ГОЛОДАЮЩИХЪ“.

Издание редакціи журнала „Русская Мысль“.

СОДЕРЖАНІЕ:

Голодь. Стихотвореніе. *Василія Величко*.—Что сдѣлали Тургеневъ и Григоровичъ для русской экономической мысли. *А. Исаева*.—Сила человѣка. Стихотвореніе. *Д. Мережковскаго*.—Скупой рыцарь. Разсказъ. *И. Салова*.—Стихотвореніе. *Н. Минскаго*.—Право и политическая экономія. *Виктора Гомцева*.—Сахемъ. Разсказъ Генрика Сенкевича, переводъ *Вукла Лаврова*.—Сергій Тимофеевичъ Аксаковъ. *М. Протопопова*.—Въ голодовку. *Григорія Мачета*.—Стихотвореніе. *А. Монастырскаго*.—Русская колонія въ Латинскомъ кварталѣ. *М. Ремезова*.—Гражданское правосудіе въ духѣ Судебн. Уставовъ. *Гр. Джамшьева*.—Черкесь. Очеркъ. *В. Короленка*.—Лѣсъ. Стихотвореніе. *Ал. Ленцевича*.—Метеорологическія условія неурожая 1891 г. *В. Соколова*.—Денегъ нѣтъ. Разсказъ. *Л. Лукьянова*.

Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к.

Сборникъ напечатанъ въ количествѣ 3,000 экзempl.
Весь валовой сборъ поступаетъ въ пользу голодающихъ.

Складъ изданія въ конторѣ редакціи журнала „Русская Мысль“ (Москва, Леонтьевскій, 21).

Вышли изъ печати и поступили въ продажу новыя изданія редакціи
журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

I.

„НАШИХЪ ПОЛЕЙ ЯГОДЫ“.

Романъ М. Анютина (М. Н. Ремезова).

Цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 20 коп. Подписчики на *Русскую Мысль* за пересылку не платятъ.

II.

„СИЗИФЪ“.

КАРТИМКИ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ КЛЕМЕНСА ЮНОШИ.

Переводъ съ польскаго В. М. Лаврова.

Цѣна 50 коп., съ пересылкою 65 коп. Подписчики на *Русскую Мысль* за пересылку не платятъ.

Складъ изданій въ конторѣ редакціи журнала „Русская Мысль“ (Москва, Леонтьевскій, 21).

Вышла и продается у всѣхъ книгопродавцевъ **НОВАЯ КНИГА:**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ (ПОЛНОЕ)

Н. ЗЛАТОВРАТСКАГО.

Въ двухъ томахъ, въ большую осьмушку компактной печати въ двѣ колонны, съ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ и ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА, исполненнымъ въ фототипіи Шерера, Набгольць и К^о въ Москвѣ.

СОДЕРЖАНІЕ I ТОМА. Крестьянскіе повѣсти и рассказы: Рассказы заводскаго хлопца. — Крестьяне-присяжные. — Въ артели. — Авраамъ. — Деревенскій король Лиръ. — Горе стараго Кабана. — Пропала деревня. — Пророчица. — Устой. (Исторія одной деревни). Повѣсть въ четырехъ частяхъ. **СОДЕРЖАНІЕ II ТОМА.** Повѣсти и рассказы: Золотя сердца. (Повѣсть). — Барская дочь. — Скиталець. (Приѣздъ въ деревню. — Израильская жизнь. — Миша и Гриша. — Семья Кремлевыхъ. — Конецъ Русанова). — Мои видѣнія. — Господа Караваевы. — Надо торопиться. — Изъ однихъ воспоминаній. — Предводитель золотой роты. — Лѣсъ. — Труженики. — Городъ рабочихъ. — Искра Божія. — Безумецъ. — Гетманъ. — Бытовые очерки: Деревенскія будни. (Очерки крестьянской общины). — Красный кусть. — Деревенскіе политики. (Бабе царство. — Солдатикъ Васекъ. — Облюбовали).

Изданіе редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“. Цѣна за два тома 3 р., съ перес. 3 р. 80 к. Подписчики „Русской Мысли“ за пересылку не платятъ.

Складъ изданія въ конторѣ редакціи журн. „РУССКАЯ МЫСЛЬ“ (Москва, Леонтьевскій переулокъ, 21).

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

КНИГА IV.

МОСКВА.

—
1892.

10 1/2
10 1/2

Москва. Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.

AP50
R 875
V. 13:4
MAIN

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. НА ПАХОТѢ. (Повѣсть).—Е. П. Карпова.	1
II. ЯДЪ. Романъ Александра Килланда. Гл. IX—XIII. Переводъ Э. Р. <i>Окончаніе</i>	40
III. СТИХОТВОРЕНІЯ.—В. Л. Величко.	68
IV. УЧЕНИЦА ГАРРИКА. Историческій романъ Огюстена Филона. Гл. XIV—XVII. Переводъ В. М. Р. <i>Окончаніе</i>	70
V. СТИХОТВОРЕНІЕ.—А. М. Федорова	96
VI. ЛЮБОВЬ. (Романъ). Часть II, гл. III—V. <i>Продолженіе</i> .— И. Н. Потапенко	97
VII. РОЗА И НИНЕТА. Современный романъ Альфонса Додэ. Гл. I—V. Переводъ съ французскаго М. Н. Ремезова	141
VIII. ПРОТЕКЦИОНИЗМЪ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.—В. В. Бирю- новича	1
IX. НѢСКОЛЬКО ЛѢТЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ. <i>Продолженіе</i> .—Н. Гарина.	18
X. СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ЖЕРТВЪ ПРОМЫШЛЕННОЙ ЭКСПЛУА- ТАЦИИ. <i>Окончаніе</i> .—П. Н. Обнинскаго	40
XI. НОВОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ О РЕФОРМѢ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. (П. Н. Миллюковъ: «Государственное хозяйство Россіи въ пер- вой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго»).— В. А. Г.	53
✓ XII. РЕФОРМА АНГЛІЙСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ ВЪ XIX СТО- ЛѢТІИ. <i>Продолженіе</i> .—А. С. Окольскаго.	57
XIII. МАРІЯ КОНОПНИЦКАЯ. (Очеркъ изъ современной польской литературы).—В. Мякотина	70

852210

	Стр.
XIV. ПАМЯТИ ЯНА АМОСА БОМЕНСКАГО. (1592—1892).— В. А. Гольцева	98
XV. ЛОББЪ. (<i>Thomas Fowler: «Locke»</i>). <i>Окончаніе</i> .— П. Ф. Н.	104
XVI. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Пятаніе голодающихъ.—Ф. Ф. Эрисмана.	128
XVII. ДВОРИЩНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ.— А. Я. Ефименко	156
XVIII. ЯРМАРКА ЖЕНСКАГО ТЩЕСЛАВІЯ.—М. А. Протопопова . .	178
XIX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	204
XX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Ходъ продовольственной операціи.— Положеніе о хлѣбозапасныхъ магазинахъ.— Проектъ г. Гросса о страхованіи посѣвовъ отъ неурожая.—Дѣло Тельнова.— Уложеніе о наказаніяхъ и охрана личности.— Статистика судимости за преступленія противъ личности.— Два подвижника врачебнаго дѣла.— Женскій медицинскій институтъ.— Число врачей въ Россіи.— Коммиссія Н. С. Абазы.— Финансовые результаты 1891 г.— М. И. Семеvскій и гр. Сальясъ (Евгенія Туръ) †.— Отчетъ по изданію <i>Русскими Вѣдомостями Сборника</i> въ пользу голодающихъ	211
XXI. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.— Педагогика.— Публицистика.— Исторія и біографія.— Политическая экономія и статистика.— Юридическія книги.— Этнографія и археологія.— Языковѣдѣніе.— Естествознаніе.— Сельское хозяйство.— Медицина.— Учебники.— Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», <i>февраль—мартъ</i> .— «Русское Богатство», <i>январь</i> .— Славянская періодическая печать. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 15 марта по 15 апрѣля 1892 года.	155

НА ПАХОТЪ.

(Повѣсть).

(Посвящается В. М. Кудрявцевой).

I.

Сѣрый денежь ранней весны 1874 года близился къ вечеру.

Сумерки непримѣтно спускались на землю, застилая поля и лѣса легкими темными тонами. Низкія бѣлыя облака сплошь покрывали небо отъ края до края. Холодноватая сырость чувствовалась въ воздухѣ. Порой налеталъ рѣзкій сѣверный вѣтерокъ. Въ лѣсу слышался глухой, недовольный ропотъ деревьевъ. Прокатившись по лѣсу перекатною волной, шумъ внезапно стихалъ. Снова безмолвно стояли тѣсною стѣной старыя гигантскія сосны и ели.

Среди угрюмой тишины лѣса ясно раздавалось хлябанье лошадиныхъ ногъ и неровное позвякиваніе колокольчика.

— Эй, вы, голуби! Потрогивай! — негромко, ласково понукалъ молодой малый, ямщикъ, тройку почтовыхъ лошадей.

Взмыленные, усталые кони съ трудомъ тащили телѣгу по грязной, изрытой колеями, дорогѣ, проторенной въ глуши заповѣднаго лѣса Бугровскаго уѣзда. Дородный гнѣдой коренникъ, высоко поднявъ косматую голову, постоянно дергалъ то въ одну, то въ другую сторону, объѣзжая пни, выбоины и колдобины. Пристяжныя туго натянули постромки и боязливо жались къ оглоблямъ, осторожно ступая по скользкимъ, покатымъ краямъ дороги. Ямщикъ, легонько покачиваясь на козлахъ, все время перебиралъ возжами.

— Ну, дорожка, пропасти на ее нѣту! — ворчалъ онъ себѣ подъ носъ. — За непочтеніе родителей по ней только возить... Ну, и дорога!

Въ телѣгѣ сидѣлъ мужчина, одѣтый въ черное драповое потертое пальто и барашковую шапку, и рядомъ съ нимъ женщина,

закутанная въ большой сѣрый теплый платокъ. Они ѣхали молча, отвернувшись другъ отъ друга. Повидимому, они были заняты каждый своими мыслями.

Мужчинѣ на взглядъ можно было дать лѣтъ тридцать съ небольшимъ. Его чисто-русскаго типа лицо съ темными бровями, глубокими спокойными глазами, небольшимъ мясистымъ носомъ, обрамленное густою темнорукою бородой, завитою мелкими кудрями, выражало тихую, ясную задумчивость, какую-то сердечную безмятежность. Женщина была лѣтъ на десять моложе своего спутника. Изъ сѣрой рамки платка выдавался бѣлый овалъ ея лица съ тонкими, рѣзкими очертаніями высокаго лба, правильнаго, прямого носа, строгихъ, плотно сжатыхъ губъ и заостреннаго подбородка. Выбившіяся изъ-подъ платка на лобъ черныя пряди спутанныхъ волосъ какъ нельзя болѣе шли къ мечтательному взгляду ея черныхъ продолговатыхъ глазъ. Ея лицо постоянно жило, постоянно мѣняло оттѣнки выраженія. То въ немъ было что-то радостное, веселое, и свѣтлые глаза ярко блестя, то вдругъ они тускнѣли, и все лицо смотрѣло печально, а порой, когда брови чуть-чуть сдвигались, даже мрачно.

Она была въ нервномъ, возбужденномъ настроеніи. Ей предстояла новая, еще невѣдомая, но такъ ясно сложившаяся въ ея фантази жизнь. Неугомонныя мечты то прихотливо рисовали ей до мельчайшей подробности эту мирную идиллію будущаго, то переносили назадъ, въ недавнее прошлое, гдѣ, ей казалось теперь, царилъ темная, «безпросвѣтная ночь».

Холодный вѣтеръ все усиливался и, наконецъ, подулъ безпрерывно. Мрачный, окутанный сумерками, лѣсъ громко зашумѣлъ косматыми верхушками. Дорогу начало подмораживать. Телѣга громче застучала колесами, чаще стала подпрыгивать и поталкивать.

— Скоро ли мы доплетемся? — нетерпѣливо сказала женщина звонкимъ, нѣсколько сухимъ голосомъ, ни къ кому не обращаясь.

Мужчина повернулъ къ ней голову, но ничего не отвѣтилъ и вопросительно посмотрѣлъ на затылокъ ямщика.

— Таперича недалечко... Эй, вы, голуби!... Верста, не болѣе будетъ... Но, что задремали!... Дѣлай, что ли! — неожиданно лихо крикнулъ ямщикъ.

Лошади побѣжали неторопливою рысью. Телѣгу сильно закачало изъ стороны въ сторону. Мелькнула полоса синеватаго свѣта и снова пропала на заворотѣ, затѣмъ опять мелькнула шире. Телѣга, проѣхавъ нѣсколько саженой, выѣхала на обширную поляну.

— Вонъ и Дымково, — сказалъ ямщикъ.

— А-а...—значительно произнесъ мужчина.—Слышишь, Варя, прїѣхали... дома!—обратился онъ къ женщинѣ.

Она не обратила вниманія на его слова. Пристально разсматривая задернутую туманомъ мѣстность, она ничего не слыхала.

На небольшомъ бугрѣ, полого спускавшемся все ниже и ниже къ высокому, темному лѣсу, столпились три старья, кривыя избы съ убогими дворами. Онѣ казались темно-сѣрымъ пятномъ на черномъ фонѣ окружающихъ распаханыхъ полей. На задахъ поселка, въ огородахъ, торчали высокіе журавли колодцевъ, а немного поодаль, къ сторонѣ, какіе-то сараи, кривые и неприглядные, какъ и избы. Дорога прямою полосой пересѣкала поляну, бѣжала по улицѣ поселка и снова тянулась въ опушкѣ противоположнаго лѣса.

— Такъ это и есть Дымково? — спросила женщина какъ-то разочарованно.

— Оно самое и есть... Дымково,—отвѣтилъ ямщикъ.

— Что, неказисто, Варя?—ласково обратился къ ней мужчина, стараясь заглянуть ей въ глаза.

— Бѣдность, должно быть, ужасная, — произнесла Варя, не спѣша, тихимъ голосомъ, словно отвѣчая на свои мысли, и задумалась.

— Нѣтъ, ничего-съ... Нельзя Бога гнѣвить... Здѣсь рендатели сытно живутъ... Ъдятъ харчисто... ничего-съ,—отвѣтилъ ямщикъ и разомъ гаркнулъ:—Эй, зачетные! Дѣлай, что ли!

Телѣга быстро очутилась среди поселка. Изъ подворотенъ стремительно высочили три здоровенные, лохматые пса съ разинутыми пастьями. Увидавъ, что телѣга остановилась, они стали вдали и, поджавъ хвосты, хрипло и рѣдко залаяли.

Не успѣли прїѣзжіе слѣзть съ телѣги, какъ изъ двухъ рядомъ стоящихъ избъ выбѣжали мужики и остановились въ дверяхъ, выражая на лицахъ тупое недоумѣніе. Изъ оконъ высунулось нѣсколько бабьихъ и дѣтскихъ головъ. Всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на прїѣзжихъ.

Мужчина слѣзъ съ телѣги и помогъ сойти женщинѣ. Ямщикъ грузно соскочилъ съ козелъ и принялся поправлять покривившуюся дугу, производя отрывистый, громкій звонъ.

— Кто изъ васъ Василій Куницынъ, почтенные? — спросилъ прїѣзжій, подходя къ крестьянамъ и приподнимая шапку.

— Я... А что? — боязливо отвѣтилъ низенькій, плотный мужикъ съ всклокоченною головою и блѣднымъ морщинистымъ лицомъ съ рѣдкою козьею бородкой.

— Я, видишь ли, новый арендаторъ... Такъ вотъ Анна Егоровна говорила, что ты мнѣ поможешь устроиться...

— Такъ, такъ...—выпучивъ на прїѣзжихъ каріе, мутные глаза, очевидно, недоумѣвая, неопредѣленно поддакивалъ крестьянинъ.

— Гдѣ же тутъ прежній арендаторъ жилъ?

— Прежній-то?... Прежній-то жилъ вотъ туточка.

Василій указалъ рукой на стоящую напротивъ большую старую избу съ свѣтелкой, съ растрепанною соломой на крышѣ, съ наглухо заколоченными окнами и дверью, съ остовомъ скотнаго двора безъ навѣса.

— Можно въ ней теперь-то жить?—усомнился прїѣзжій.

— Съ чего нельзя жить... Вѣстимо, можно.

Женщина во время этого разговора стояла у телѣги и разсматривала свое новое жилище и новыхъ знакомыхъ. Ея лицо какъ-то странно улыбалось и глаза смотрѣли растерянно. Наконецъ, ей стало холодно; дрожь пробѣжала по тѣлу.

— Скоро ли, Сережа, ты кончишь?... Я озябла, — нерѣшительно сказала она, закутывая руки въ концы платка.

— Сейчасъ, сейчасъ, Варя... Ты иди въ избу... Я сейчасъ... Вотъ что, братъ Василій, я сегодня съ женой переночую у тебя въ избѣ.

— Такъ, такъ...

— Можно, что ли? Теперь, видишь, ночь на дворѣ, а завтра видно будетъ, какъ и что, а?

— Такъ, такъ... Съ чего нельзя... Можно... Эвто можно.

— Вещи-то куда прикажете сложить?—спросилъ ямщикъ, видя, что прїѣзжій съ Васильемъ идутъ въ избу.

— Тащи сюда!... За мной тащи!—отвѣтилъ прїѣзжій, пролѣзая, нагнувшись, въ низкую дверь сѣней.

— Рендатель, вишь...—произнесъ стоявшій до этого безмолвно другой крестьянинъ, высокаго роста, съ лицомъ, силошь заросшимъ рыжими волосами. Уставившись маленькими сѣрыми глазами въ землю, онъ почесалъ поясницу и, тряхнувъ плѣшивую головой, пошелъ во дворъ, что-то бормоча себѣ въ бороду.

II.

Просторную избу, съ черными, закопченными стѣнами и землянымъ поломъ, освѣщала красноватымъ свѣтомъ горящая въ поставцѣ лучина. Слегка потрескивая, она мерцала и вспыхивала то ярче, то темнѣй. Въ ея неровномъ освѣщеніи лица сидящихъ

за столомъ людей то ясно выдѣлялись, то тускнѣли. Въ избѣ было тепло, даже немного жарковато; пахло дымкомъ и кислымъ ржанымъ хлѣбомъ. На печкѣ спало двое ребятъ. Ихъ негромкое храпѣніе покрывало ворчливый шумъ самовара, кипѣвшаго на столѣ, гдѣ лежалъ хлѣбъ, помятыя булки, кусокъ сыру и скорлупа отъ яицъ.

Варя, одѣтая въ сѣрое фланелевое, простенькое платье, разливала чай и подавала чашки сидѣвшему рядомъ съ ней мужу и хозяйкамъ, боязливо прилѣпившимся у края стола. Она молчала и присматривалась, чувствуя себя нѣсколько неловко въ непривычной для нея обстановкѣ. Долининъ, казалось, совершенно уже освоился съ этою грязною хатой и спокойно бесѣдовалъ съ Васильемъ о дѣлахъ. Агулина, толстая, крѣпко сколоченная баба, жена Василья, въ грязномъ синемъ сарафанѣ, съ испугомъ на кругломъ рыбомъ лицѣ, съ тупымъ удивленіемъ переводила свои большіе зеленовато-сѣрые глаза то на Варю и ея мужа, то на наваленныя на лавкѣ вещи прїѣзжихъ. Обливаясь потомъ, она опораживала чашку за чашкой. Варя въ душѣ даже осудила ее,—ужь очень ей надобно наливать и подавать чашки.

— Тебѣ, Василій, Анна Егоровна писала, говоришь, что мы прїѣдемъ?—спрашивалъ Долининъ.

— Она точно-што отписывала, ваше вскородіе...

— Ты, братъ Василій, зови меня просто Сергѣй Григорьевъ,—торопливо перебилъ его Долининъ.

Василій запнулся, откашлялся и началъ снова:

— Она точно-што отписывала, Сергѣй Григорьичъ... Прїѣдетъ, молъ, рендатель замѣсто Петра.

— А объ избѣ она ничего не писала?

— Когда не писала... И объ эвтомъ писала... Объ избѣ то-ись... Приготовь, молъ, имъ избу. Ну, я полагалъ, рендатель тоже будетъ изъ нашихъ же, то-ись мужиковъ... Чего же ему готовить?... Изба стоитъ вполне... А ежели что коло дому, знашь, сробить,—самъ, молъ, не безъ рукъ... анъ вонъ поди! Нешто знато эвто?... Виновать, Сергѣй Григорьичъ! — неожиданно закончилъ Василій.

— Полно, Василій... Что ты, братъ?... Не все ли равно, я ли, другой кто? Все равно арендаторъ такой же. Вотъ завтра примусь за работу.

— Оно дѣйствительно што... Ну, а все же, какъ можно...

— Плотника-то у васъ можно здѣсь достать?

— Съ чего нельзя... Можно... Да ежели что коло избы, такъ и я сроблю. Я топоромъ-отъ гораздъ.

— У тебя, поди, своей работы много?

— Есть работа, да пока што, можно. Вишь погода - то какая... все заморозки.

— Не пахали еще подь яровое?

— Нешто не видишь?... Какая пашня!—ухмыльнулся въ бороду Василий. — На той недѣлѣ рази къ концу.

— Поздновато... Выспѣваетъ хлѣбъ-то?

— Выспѣваетъ... А иной и не выпѣетъ, и то бываетъ... Всяко бываетъ... годомъ... Ежели весна дружна, да лѣто жарко, ничего, выпѣвать. Ну, а ежели, чего Боже храни, весна съ заморозками, да лѣто дождливо, такъ и не совсѣмъ... А бываетъ и совсѣмъ зеленый снимешь... Всяко... годомъ... Тутъ однава было такъ, братецъ ты мой, годовъ пятокъ тому мѣста, весь до-чиста хлѣбушка-то вымерзъ, до зернушка. Больно крутой годъ былъ. Много народу сгинуло. Прочіе и до сихъ поръ хозяйствомъ взяться не могутъ вполности. Сколько скотины продали,—страсть вспомнить. И таперича жуткость беретъ!

Акулина громко вздохнула и, подгорюнившись, подперла рукой щеку. Варя, заинтересовавшись разговоромъ Василья о голодѣ, пристально смотрѣла на его оживленное лицо и ей приходили на умъ невеселыя мысли.

«Сколько перенесъ на своемъ вѣку этотъ Василий! — думалось ей. — Неурожай, голодъ, малоземелье выгнали его изъ родной стороны. Забрался онъ въ эти лѣсныя дебри, поселился на чужой землѣ... Отдаетъ ей всѣ свои силы. И самъ, и вся семья работаетъ. И все это затѣмъ, чтобы не умереть съ голоду... А вдругъ, Боже сохрани, померзнетъ хлѣбъ или сажжетъ его солнцемъ? И неужели такъ можно жить и вѣчно бояться? Ужасно!»

— А земля здѣсь какъ? Не очень плохая?—спокойно спрашивалъ Долининъ.

— Земля-то? Земля — ничего, средственная. На новинахъ хорошо родить... А такъ, безъ назѣму, не обойдешься. Ежели скоть есть, жить можно.

— На мой дворъ приходится восемь коровъ и двѣ лошади? Онѣ у тебя, что ли, стоять?

— Попрокамъ онѣ у насъ раздѣлены. Четыре коровы и лошады у меня, ну, а прочія у Егора. Съ этимъ животомъ на твоей части можно вполнѣ орудовать.

Василій увлекся разговоромъ о землѣ и крестьянскомъ хозяйствѣ. Забывъ совершенно свою робость передъ неожиданно явив-

щимся «рендателемъ изъ господъ», онъ связно и толково излагалъ условія, въ которыя приходится стать землепашцу въ этомъ краѣ. Онъ рассказывалъ о бѣдности мѣстныхъ крестьянъ, о томъ, какъ и чѣмъ они живутъ.

— Ленъ большую помощь оказываетъ. Только и дышуть льномъ. Первое дѣло—ленъ... И подати уплачиваютъ, и хлѣбушко прикупаютъ; коли недостатокъ. Хлѣба не дюже много, овсы тоже рѣдки по здѣшнимъ мѣстамъ. На новинахъ ленъ дюжей родить... Трудно робить новины... Только артельные семьи могутъ управиться съ этимъ дѣломъ. Таперича здѣсь больше орудуетъ на счетъ новинъ чухна. Страсть сколь идетъ таперича сюды эвтой чухны. Все землю рендуетъ... А то и на-вовся по лѣснымъ дебрямъ селится... Народъ дикой!... Нашего брата, христьянина, не очень уважаетъ. Все больше особнякомъ. Трубочку сосетъ, да постукиваетъ въ лѣсу. Видимо-невидимо сколь эвта чухна лѣсу перевела. Ну, прямо сказать, народъ трудящій, до всего дошлый народъ... Ста-а-ра-ательный народъ... Съ собой струментъ весь привезъ, нашимъ орудовать не можетъ...

Видя, какъ его рассказами интересуется Сергѣй Григорьевичъ, и поощряемый его вопросами, Василій далеко за полночь завелъ свою бесѣду. Акулина уже успѣла вздремнуть подъ шумокъ мужниныхъ рассказовъ. Проснувшись, она протерла глаза и, не торопясь, принялась убирать со стола, неслышно ступая босыми ногами по полу. Варя сначала внимательно слушала рассказъ Василья, но когда онъ принялся очень подробно исчислять количество копенъ на каждомъ лужкѣ и дѣлянкѣ, она стала позѣвывать. Утомленіе послѣ дороги какъ-то сразу начало давать о себѣ знать. Ломила спина, въ ушахъ звенѣло и голова сдѣлалась тяжела, какъ пудовая гиря. Варѣ захотѣлось прилечь.

— Сережа, пора спать. Я ужасно устала,—рѣшилась сказать Варя, чувствуя, какъ ея тяжелыя вѣки, не слушаясь, закрываютъ глаза.

— Сейчасъ, Варя. Заболтались мы. Дѣйствительно пора, скоро часъ,—отвѣтилъ Сергѣй Григорьевичъ, смотря на часы.

Василій замолчалъ на полусловѣ и, поспѣшно вставъ, принялся суетливо таскать подушки пріѣзжихъ на полати.

— Сережа, мы лучше ляжемъ на лавкахъ. Ты на этой, а я на той,—сказала Варя, указавъ на лавки, угломъ сходявшіяся «подъ святыми».

— Хорошо. Ляжемъ здѣсь, Варя.

На лицахъ Василья и Акулины снова появилось недоумѣваю-

щее выраженіе. Приѣзжіе этого не замѣтили. Разстлтая шубы, пальто и простыни, они устраивали себѣ постели.

Когда затушили лучину, Варя и Сергѣй Григорьевичъ, сильно-утомленные дорогой, едва легли въ постель, моментально уснули. На полатахъ еще долго былъ слышенъ неясный шепотъ.

— Изъ господъ, надо быть, — слышался голосъ Акулины.

— Надо быть, изъ ихъ, — со вздохомъ отвѣчалъ Василій и неожиданно грубо-прибавилъ: — А ты спи!...

III.

Долининъ проснулся очень рано.

Сквозь небольшія зеленноватые стекла оконца только что началъ пробиваться разсвѣтъ. Въ избѣ на всемъ еще лежалъ полумракъ.

Варя спокойно спала. Подложивъ подъ голову бѣлую, нѣжную руку, она лежала вверхъ лицомъ. Ея густые черные волосы красиво разметались по подушкѣ. Ровно колыхалась высокая грудь, приподнимая тонкое полотно рубашки, но на блѣдномъ лицѣ съ закрытыми глазами было грустное, горькое выраженіе.

«Ей снится, должно быть, нехорошій сонъ», — подумалъ Сергѣй Григорьевичъ, съ ласковою нѣжностью смотря на Варю, и безотчетно вздохнулъ.

Осторожно, боясь произвести малѣйшій шумъ, онъ одѣлся и вышелъ изъ избы. Свѣжій холодокъ весенняго утренника обхватилъ его тѣло. Онъ повелъ плечами и, потирая руки, посмотрѣлъ вокругъ. Бѣлая пелена снѣга покрывала всю поляну, только коегдѣ торчалъ черный пенъ или голый валунъ. Синеватое, съ темно-лиловыми тонами небо низко тянулось надъ землей и словно гигантскій куполъ со всѣхъ сторонъ опускалось надъ лѣсомъ.

«У насъ давно отсѣялись», — подумалъ Долининъ и ему ясно представилась усадьба его отца, обильно залитая горячими ослѣпительно-свѣтлыми лучами июльскаго солнца, смотрящаго съ высокога, чистаго, безпредѣльнаго неба.

Вспомнился Долинину небольшой, красивый помѣщичій домъ, спрятавшійся въ густую зелень старыхъ липъ сада; дорога у изгороди, бѣгущая подъ тѣнью развѣсистыхъ ракутъ; длинная темно-зеленая полоса конопляника, нагибающая отъ вѣтра тяжелыя лохматыя верхушки, окруженная высокою, колосистою, отливающимъ золотомъ рожью; бѣлая полоса гречи съ медовымъ запахомъ; фруктовый садъ съ зрѣющими, румяными яблоками и грушами.

— Тамъ мѣста добрѣе для земляншца,—проговорилъ про себя Долининъ и, заслышавъ шаги, обернулся.

Бѣ ему подходилъ Василій съ топоромъ въ рукѣ.

— Здорово, Василій,—сказалъ Сергѣй Григорьевичъ, снимая шапку.

Василій, молча, низко поклонился и сталъ рядомъ съ нимъ, уставившись глазами въ одну точку.

— Пойдемъ-ка, Василій, посмотримъ избу,—сказалъ Долининъ.

Василій проворно зашагалъ черезъ дорогу и однимъ ударомъ топора отбилъ доску у двери.

Изъ темныхъ сѣней пахнуло на нихъ сильнымъ запахомъ подвала и гнили. Они вошли въ узкую, длинную свѣтелку съ однимъ створчатымъ огномъ на улицѣ, съ лавками вокругъ довольно чистыхъ, хотя и старыхъ стѣнъ.

Въ переднемъ углу, надъ большимъ столомъ, на полкѣ, затканная частою паутиной, стояли темная, покрытая черною копотью икона и обломокъ зеркала. Съ потолка свѣшивались длинныя бѣлыя нити. Въ одномъ мѣстѣ на лавкѣ разсыпана горсть муки, слѣдь стоявшаго здѣсь когда-то мѣшка. На полу валялся засохшій вѣникъ и десятокъ желтыхъ березовыхъ листиковъ.

— Здѣсь можно будетъ на лѣто поселиться,—сказалъ Долининъ, осмотрѣвъ свѣтелку.

— Вѣстимо,—угрюмо подтвердилъ Василій.

Затѣмъ они осмотрѣли избу, просторную, но темную и грязную, половину которой занимала громадная печь, зашли на скотный дворъ, куда вела низенькая дверь изъ сѣней. Черезъ полуразрушенныя ворота они вышли на улицу, заглянули въ амбаръ, чисто выметенный, безъ зернышка хлѣба, и, наконецъ, отправились смотрѣть скоть.

На дворѣ Василья въ разныхъ мѣстахъ стояли малорослыя, тощія до изнуренія коровы. Полузакрывъ глаза, онѣ лѣниво жевали жвачку. Худыя лошади, еле передвигая ноги, опутивъ головы, бродили по двору, пощипывая около плетня только что выбивающуюся изъ-подъ земли крапиву.

— Какой скоть-то тощій... Кормы, что ли, у васъ такъ плохи?—удивился Сергѣй Григорьевичъ.

— Отощаль за зиму-то. Кормы бы ничего. Травы здѣсь бываетъ вдосталь. Нонишній годъ, дѣйствительно, что плохо было. Опять же продали по осени много, обмшурились. Недохватка вышла. Бѣ веснѣ-то соломой пришлось кормить.

— Плохо, я думаю, молоко даютъ?

— Какое ужъ тутъ молоко. Нешто это молочный скотъ? Это только для назему... Навозный... Есть же двѣ коровки, барыня ихъ откуда-то привела, тѣ ничего, хорошо даютъ. Вотъ одна у избы-то стоитъ, «Барыня» ей и прозвище, а другая у Егора—«Пеструха». Добрыя коровки, Господь надъ ними... Бѣ вамъ онѣ перейдутъ теперича.

Василій подвелъ Долинина къ плетню, отдѣляющему его владѣнія отъ Егоровыхъ. Изъ-за плетня дворъ Егора былъ видѣнъ какъ на ладони. Тамъ двѣ бабы подъ навѣсомъ доили коровъ.

Угрюмый, односложно отвѣчавшій Василій, заговоривъ о хозяйствѣ, снова сдѣлался общительнымъ. Онъ показалъ Долинину весь скотъ, назвалъ каждую штуку по имени, рассказалъ подробно особенности и недостатки, привелъ даже нѣсколько случаевъ изъ жизни скотнаго двора: какъ отучили «Чернуху» бодаться, какъ «Пеструха» сильно тосковала «по своему мѣсту и таково жалостно ревела», назвалъ пузатаго, лохматаго «Воронка» доброю, веселою лошадкой, а рыжую, худую, съ длинною шеей кобылу—старухой.

— Сѣна надо будетъ купить... Дорого здѣсь сѣно-то?—перебилъ его Долининъ.

— Теперичко дорого. У Малиновскихъ можно не шибко дорого купить. Верстъ десять отъ насъ.

— А солома есть дворъ покрыть?

— Малость есть, покроемъ. Седня можно все обладить. Въ избѣ-то крыша тоже кое-гдѣ плоха,—протекаетъ. Надо бы задѣлать. У меня есть тесницъ десятокъ... Обладимъ... Коло избы што,—все обладимъ... Поди, работницу держать будете?—скоро, словно вспомнивъ, спросилъ Василій.

— Надо будетъ,—въ раздумьи отвѣтилъ Долининъ.

— Ну, ужъ и дѣвку я тебѣ, Сергѣй Григорьичъ, предоставлю—владѣ! Сирота тутъ у насъ есть—Татьяна на Брылихѣ и боець-дѣвка. Дѣло у ней въ рукахъ какъ огонь горить. Она было ко мнѣ просилась, да у меня, признаться, ей дѣлать нечего будетъ. А дѣвка ражая, къ работѣ дюже добра.

Разговаривая, они вышли со двора. Василій предложилъ пойти посмотрѣть поля, принадлежащія Сергѣю Григорьевичу.

Долго бродили они по пашнямъ, лугамъ и новинамъ, оживленно бесѣдуя о дѣлахъ землепашца. Долининъ со вниманіемъ прислушивался къ сужденіямъ Василья о крестьянскомъ хозяйствѣ, о работѣ на землѣ. Онъ находилъ необходимымъ подробно ознако-

миться со взглядами Василья, примѣтами, практическими указаніями о веденіи земледѣлства въ этомъ мало знакомомъ ему краю. Онъ вѣрилъ, что крестьянинъ, выросшій среди полей, можетъ передать ему много полезныхъ, цѣнныхъ совѣтовъ, которыхъ онъ не вычитаетъ ни въ какихъ книжкахъ о земледѣліи.

Уже давно расплзлись темно-лиловыя тучки. Съ голубаго, чистаго неба свѣтило солнце; растаяла тонкая пелена снѣга. Съ почернѣвшихъ, потныхъ полей шелъ легкій паръ.

Усталый отъ ходьбы по кочкамъ и рытвинамъ, возвращался Долининъ домой, молча идя рядомъ съ бодро шагавшимъ Васильемъ. Въ головѣ Долинина бродили отрывки недавняго разговора. Осимая рожь посѣяна,—значить, хлѣбъ на зиму будетъ. Яровые тутъ плохо доходятъ. Сѣнокосъ на Васюхиномъ лугу неважный, а у рѣчки, на Мачихѣ, Василій говоритъ, хорошій, да и большой. Ячмень не буду сѣять,—возня съ нимъ. Посѣю лучше на новинѣ рожь. Если бы еще такихъ деньковъ пять, земля бы совсѣмъ отдохнула и пахать можно бы. Надо только лошадей купить; плугомъ на этихъ лошадяхъ нельзя хорошо пахать... Дня черезъ два-три надо будетъ въ городъ съѣздить,—кладъ придетъ, да и Валерій долженъ пріѣхать. Избу бы надо лучше. Если приживусь, на будущій годъ поставлю. Тутъ лѣсу много, недорого будетъ стоять. Хорошій можно будетъ домъ поставить. Скотный дворъ отнесу на зады, ригу и амбаръ перестрою. Баниталовъ хватить. Съ шестью тысячами можно будетъ хорошо поставить хозяйство... Привыкнетъ ли здѣсь Варя? Никогда не жила она въ деревнѣ. Глушь кругомъ... Молода она еще, горяча... Бить у ней въ головѣ...»

Долининъ мотнулъ головой, словно отгоняя непрощенную, назойливую мысль, и быстрѣе зашагалъ къ поселку.

Варя уже встала и сидѣла за самоваромъ, когда вошелъ Долининъ. Въ избѣ никого не было, кромѣ нея и маленькой, чумазой дѣвчонки, спрятавшейся въ темномъ углу. Боязливо посматривая на Варю быстрыми, черными глазенками, дѣвочка жадно ѣла булку.

Свѣжее, веселое лицо Вари съ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ, спокойное выраженіе ясныхъ глазъ, привѣтливая улыбка, съ которою она встрѣтила мужа, произвели на него отрадное, успокоивающее впечатлѣніе.

— Здравствуй, Варя,—ласково сказалъ Долининъ, подходя къ столу и садясь рядомъ съ женой.

Дѣвчонка, крадучись по стѣнѣ, пробралась къ двери и проворно шмыгнула въ сѣни.

— Буда это ты ходилъ, Сережа? Я совсѣмъ заждалась тебя, — спросила Варя.

— Осматривалъ свои владѣнія и усадьбу, — съ ироническою улыбкой отвѣтилъ Долининъ.

— Ну, и что же?

— Да какъ тебѣ сказать? Земли довольно, даже слишкомъ довольно.. Надо только ее поднимать вновь. Лѣсъ хорошій, луговъ много. Климатъ суровъ — вотъ бѣда. Да и это полгоря. А вотъ усадьба-то совсѣмъ швахъ!

— Мнѣ бы хотѣлось, Сережа, поскорѣе перебраться въ свою избу. Здѣсь мы ихъ стѣсняемъ.

— А вотъ завтра и переберемся. Сегодня кое-что тамъ прибрать надо. Только я не знаю, удобно ли тебѣ тамъ покажется? Грязновато тамъ, темно... Вообще неказисто.

— Полно, Сережа! Вѣдь, я знала, что не на дачу въ Павловскъ ѣду. Совсѣмъ никакихъ удобствъ мнѣ не надо, лишь бы былъ свой уголь, — вотъ и все!

— Черезъ недѣлку, другую, если будетъ тепло, можно въ свѣтелку переселиться. Тамъ довольно чисто.

— Вотъ и прекрасно, а пока и въ избѣ проживемъ. Не бѣда. Мнѣ даже хочется, Сережа, пожить въ избѣ, совсѣмъ такъ, какъ вотъ Василій живетъ... какъ вообще всѣ крестьяне живутъ, — съ мечтательнымъ выраженіемъ глазъ, задумчиво отвѣтила Варя.

— Восторженная ты моя дѣвочка!... Дорогая ты моя! — съ чувствомъ сказалъ Долининъ, улыбаясь счастливою улыбкой, и крѣпко поцѣловалъ жену.

IV.

Въ тотъ день, когда новые обитатели Дымкова переселились въ свою избу, къ вечеру пришла изъ Крылихи Татьяна. Василій уже передалъ ей, что «рендателямъ» нужна работница. Долининъ и Варя, усталые, раскраснѣвшіеся, возились около дорожнаго сундука, доставая оттуда тарелки, чашки, стаканы и ставя ихъ на столъ. Дверь тихонько отворилась. На порогъ показалась высокая дѣвушка въ сѣромъ камзолѣ, съ краснымъ платкомъ на головѣ. Сергій Григорьевичъ и Варя выпрямились и вопросительно смотрѣли на вошедшую. Она была еще очень молода, лѣтъ двадцати, не больше. Широко вспыхнувшій румянецъ и опущенныя вѣки съ большими темными рѣсницами выдавали ея смущеніе. Доброе лицо дѣвушки, съ низкимъ лбомъ, густыми, длинными бровями, небольшимъ но-

сомъ съ горбинкой, полными щеками, красными губами, съ ямочкой на кругломъ подбородкѣ, производило очень выгодное для нея впечатлѣніе.

Остановившись у порога, дѣвушка перекрестилась на икону и чуть слышно произнесла:

— Здравствуйте.

— Здравствуй, дѣвица, — отвѣтилъ Долининъ.

«Дѣвица» подняла вѣки и робко посмотрѣла на Сергѣя Григорьевича темно-синими, влажными глазами.

— Василій меня послалъ. Вамъ козачиху требуется? — спросила «дѣвица» низкимъ, но звучнымъ голосомъ.

Варя не поняла, что она спрашиваетъ, но Долининъ быстро отвѣтилъ:

— Да, надо.

— Василій вамъ сказывалъ. Я Татьяна съ Брылихи.

— Сказывалъ, сказывалъ. Сколько же ты въ мѣсяцъ хочешь? — спросилъ Долининъ, внимательно осматривая Татьяну, и невольно подумалъ: «дѣйствительно, ражая дѣвка».

— Я такъ-то, по-вашему, не знаю. У насъ либо въ лѣто, либо на цѣлый годъ наймаютъ.

— А въ лѣто сколько?

— До Покрова, значитъ?

— Да, до Покрова.

— Рублевъ тридцать положите? — тихо проговорила она и снова посмотрѣла на Долинина, какъ бы боясь, что она запросила слишкомъ много.

— Тридцать, такъ тридцать. Ладно и то, — отвѣтилъ, сдерживая улыбку, Долининъ.

Татьяна внимательно смотрѣла на него и тоже робко улыбнулась.

— Такъ я завтра утречкомъ приду совсѣмъ... Ладно, что ли?

— Приходи, — отвѣтила, понявъ, наконецъ, въ чемъ дѣло, Варя.

— Прощайте, — сказала Татьяна, помолчавъ, и быстро вышла изъ избы.

Прошла недѣля. Долинины устроились кое-какъ на новомъ мѣстѣ. Сергѣй Григорьевичъ съ помощью Василія, съ грѣхомъ пополамъ, покрылъ соломой скотный дворъ, поправилъ крышу въ избѣ, починилъ сарай. Онъ весьма рьяно и горячо принялся за работу, но первое время она у него не спорилась.

Руки плохо повиновались и все тѣло страшно уставало. Бѣ

вечеру у него ныла поясница, ломили ноги, голова тяжѣла. Онъ засыпалъ, какъ убитый. Вставая на другой день, онъ еле могъ поднять руки, — такъ онъ у него болѣли. Долинникъ поднимался черезъ силу съ постели и, напившись чаю, бралъ топоръ и шелъ на работу. Сначала руки совсѣмъ отказывались повиноваться. Топоръ рубилъ невѣрно и казался неимоვნю тяжело. Но мало-по-малу дѣло налаживалось, организмъ приспособлялся къ работѣ. Черезъ три, четыре дня Долинникъ уставалъ уже гораздо меньше и работалъ болѣе спокойно и успѣшно. Онъ начиналъ втягиваться въ работу.

Варя также съ горячимъ рвеніемъ принялась за хозяйство. Она усердно мыла и скоблила столы, лавки, готовила обѣдъ, полоскала бѣлье, мыла посуду, доила коровъ. Потъ лилъ съ нея градомъ. Руки покраснѣли, распухли, покрылись какою-то сыпью, но работа подвигалась медленно. Варя была совершенно неподготовлена къ жизни деревенской работницы. Ея отецъ, Павелъ Ивановичъ Коноваловъ, дворянинъ Орловской губерніи, гдѣ у него было небольшое, но доходное имѣніе, служилъ во флотѣ и имѣлъ возможность жить если не роскошно, то вполнѣ прилично, ни въ чемъ не нуждаясь. Мать и отецъ положительно обожали Варю. Ея дѣтство и юность прошли, окруженные самыми нѣжными заботами и ласками. Ни въ чемъ никогда Варя не знала нужды, всякое ея желаніе моментально исполнялось. Ея комнатка, изящно убранная самимъ Коноваловымъ, выглядывала комфортабельно и уютно. Горничная Маша, умная, выдрессированная дѣвушка, всегда была къ ея услугамъ. И послѣ такой жизни, такой обстановки, Варя захотѣла стать работницей. Понятно, что работа шла у Вари изъ рукъ вонъ плохо, — такъ плохо, что можно было придти въ полное отчаяніе.

Но Варя пока не унывала и нисколько не сожалѣла о своемъ петербургскомъ житѣ. Напротивъ, она съ непріязнью вспоминала о своей уютной, изящной комнатѣ и была глубоко убѣждена, что для «настоящей жизни по-совѣсти» необходимо жить именно такъ, какъ она живетъ здѣсь, въ Дымковѣ.

Какъ только къ «рендателямъ» пришла изъ Крылихи Татьяна, въ домѣ и на дворѣ закипѣла «заправская» дѣятельность. Татьяну не надо было понукать, не надо было указывать ей, что и какъ слѣдуетъ дѣлать. Она знала это гораздо лучше хозяевъ. Варя сначала очень удивилась, когда увидала Татьяну за работой. Она совсѣмъ не походила на ту смущенную, робкую дѣвушку, которую видѣла Варя, когда Татьяна приходила къ нимъ «найматься». Это была, дѣйствительно, «король-дѣвка», воюющая съ работой. Тать-

яна именно «воевала» со всякою работой, — съ такою быстротою и энергіей она все дѣлала. Варя очень хотѣла работать, наравнѣ съ Татьяной, но съ перваго же дня она увидала, что это невозможно. Не успѣвъ Варя выдоить и одну корову, Татьяна ужъ всѣхъ своихъ выдоила и принимается за ся.

— Оставь, оставь, Таня, я сама, — говоритъ Варя, видя, что Татьяна садится подѣ «Пеструху».

— Накось... полно ты... выдою... не чижало... Бака ты допльщица?

Варѣ приходится покориться. Она доить только двухъ коровъ, и ея пальцы страшно утомляются, ноги болятъ, поясница ломить.

Моютъ онѣ вмѣстѣ полъ въ свѣтелкѣ. Въ то время, какъ вся красная отъ напряженія, съ головою болью, Варя вытираетъ третью половицу, Татьяна, какъ ни въ чемъ не бывала, только съ нѣскольکو растрепанною головою, домываетъ уже весь полъ. И такъ во всемъ, за что бы онѣ ни взялись.

— Гдѣ же тебѣ съ непривычки? Что ты? Нешто осилить съмое? погоди, попривыкнешь, способности будетъ работать, — утѣшала Варю Татьяна, когда та жаловалась Сергѣю Григорьевичу, что ничего не умѣетъ дѣлать, что ей завидно смотрѣть, какъ легко и весело спорится работа въ рукахъ Татьяны.

— Не сразу, Варя, дай срокъ, — говорилъ, добродушно улыбаясь, Долининъ и несказанно радовался, что жену такъ занимаетъ работа. Онъ самъ, какъ только пріѣхалъ въ Дымково, несмотря на нѣкоторую усталость отъ непривычнаго труда, чувствовалъ себя гораздо бодрѣе и физически, и нравственно, чѣмъ живя въ городѣ. На душѣ у Долинина было спокойно, ясно. Улеглись всевозможные сомнѣнія и вопросы, постоянно волновавшіе его тамъ въ кругу его интеллигентныхъ друзей. Эту душевную безмятежность онъ почувствовалъ какъ только на него пахнулъ смолистый запахъ лѣса и лохматая лапа елей мягко зашептали надъ нимъ.

Мертвая тишина Дымкова, окружающихъ его молчаливыхъ полей, глухой и постоянно ровный ропотъ еще не оглашеннаго пѣніемъ птицъ исполина-лѣса навѣвали на него радужныя мечты. Ему вѣрилось, что, наконецъ-то, такъ долго жданное нравственное удовлетвореніе найдено. Онъ въ деревнѣ, среди простаго народа. Онъ можетъ работать вмѣстѣ, наравнѣ съ нимъ, — не такъ, какъ онъ работалъ раньше, какъ барчуковъ-любитель, а «взаправду», какъ настоящій хлѣбопашецъ. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что научится у народа цѣнить и любить трудъ, и въ свою очередь отдастъ народу свои знанія, постарается внести въ жизнь крестья-

чина идею о необходимости умственного и нравственного совершенствования, оформить и освѣтить для крестьянина то, что въ настоящее время онъ угадываетъ только инстинктомъ.

Проповѣдь любви, правды, проповѣдь нравственного самоусовершенствования путемъ справедливыхъ поступковъ и дѣлъ, солидарность во имя добра, любви и правды, постоянная работа на этомъ поприщѣ, — вотъ въ чемъ сила, — думалъ Долининъ. Зажечь въ людяхъ «божественный огонь», сдѣлать ихъ «присущими божества, истинными сынами Божиими въ нравственномъ отношеніи», — вотъ гдѣ рѣшеніе вѣговой задачи, волновавшей такъ много великихъ умовъ, заставляющей страдать безысходною тоской такъ много чуткихъ сердецъ...

И больше, чѣмъ когда-нибудь, вѣрилъ онъ теперь въ реальное осуществленіе этой мечты. Вѣрилъ, самъ согрѣтый и освященный любовью къ Варѣ, во всемогущее, все сокрушающее дѣйствіе любви. Съ трогательною нѣжностью смотрѣлъ Долининъ на веселую, бодрую, работающую Варю, на эту первую прозелитку его ученія, такъ горячо, такъ беззаветно и искренно отдавшуюся на служеніе его ученію — «религіи любви».

V.

Стояли теплые, солнечные дни. Земля быстро отходила. Въ низинахъ и оврагахъ побѣжали мутные ручейки. Прилетѣли грачи. Важно переваливаясь, они бродили по полямъ, оглашая окрестности рѣзкимъ, громкимъ крикомъ. Въ деревняхъ закипѣла работа. Начали поправлять сохи, налаживать бороны. Пора и за пашню приниматься.

Долининъ съѣздилъ въ городъ. Вмѣстѣ съ багажомъ и провизіей, онъ привезъ небольшой пароконный плугъ и желѣзную борону, привелъ двухъ сытыхъ, короткошеихъ, буланыхъ лошадей, помѣсь битюка съ мѣстной породой. Василій и Егоръ, увидавъ, что пріѣхалъ Сергѣй Григорьевичъ и привелъ коней, бросили работу и подошли къ нему.

— Братцы, помогите мнѣ снести вещи въ избу, — попросилъ онъ ихъ.

Перетаскавъ, вмѣстѣ съ Долининимъ, вещи, крестьяне подошли къ телѣгѣ, гдѣ лежали плугъ и борона. Съ серьезною внимательностью разсматривали они привезенныя орудія, осторожно потрогивая то зубъ, то дышло, то лемехъ.

— Этимъ пахать будешь? — спросилъ подошедшаго Долинина Василій.

— Да, а что?

— Ничаво. Чижало, поди, лошадей надорвешь.

— На парѣ, вѣдь, буду пахать.

— На ѡвтихъ, что ли?

Василій указаль на приведенныхъ коней. Обернувъ головы, настороживъ уши и широко раздувъ нѣжно-розовыя ноздри, кони боязливо смотрѣли на людей темными, блестящими глазами.

— Да, на ѡтихъ... Хороши?

Брестьяне не сразу отвѣтили на ѡтотъ вопросъ. Они посмотрѣли конямъ въ зубы, потрепали по шеѣ, подняли ноги и внимательно, тщательно осмотрѣли копыта, взяли почему-то поочередно каждую за хвостъ и потянули въ сторону. Затѣмъ Василій отвязаль сперва одну, потомъ другую лошадь и, держа въ рукахъ поводъ, пробѣжалъ по улицѣ, оглядываясь назадъ, на коня.

— Ничего, добрые кони, — рѣшилъ онъ, наконецъ. — Веселыя лошадки, Господь надъ ними.

— Дороги, поди? — спросилъ Егоръ.

— Полтора за пару.

— По конямъ и цѣна, — сказалъ Василій, обходя кругомъ лошадей. — На ѡвтихъ животахъ работать можно... Вполнѣ.

— Какъ въ работѣ - то, поглядимъ опосля, — скептически-врачно замѣтилъ Егоръ и пошелъ къ сараямъ, что-то бормоча себѣ въ бороду. Онъ, видимо, недоброжелательно относился къ новому «рендателю».

— Какія красивыя лошадки! Не то что наша Рыжуха противная! — воскликнула Варя, появляясь въ дверяхъ избы.

Она быстро подошла къ конямъ, начала гладить ихъ гривы, трепать по шеѣ, и ей такъ захотѣлось поцѣловать ихъ гладкія красивыя морды.

— Рыжуха тожа... на своемъ вѣку... Рыжуха Боже мой чего видывала!... Вдосталь! — счель долгомъ заступиться Василій и направился, понуривъ голову, слѣдомъ за Егоромъ.

— Отъ нашихъ нѣтъ письма? — спросила Варя.

— Нѣтъ... А вотъ нисьмо отъ Валерія, — и Долининъ подавъ женѣ конвертъ, испещренный штемпелями. — Приготовь самоваръ, Варя. Я только лошадей поставлю, — сказалъ онъ и повелъ подъ сарай телѣгу.

Варя вошла въ свѣтелку и сѣла у окна. Медленно и совсѣмъ не о письмѣ думая, она начала пробѣгать глазами мелко исписанный листокъ.

Валерій вначалѣ писалъ о дѣлахъ, о покупкѣ плуга, бороны, обѣ

ихъ цѣнѣ, о томъ, что онъ привезетъ съ собою столярный инструментъ, затѣмъ сообщалъ кое-какія петербургскія новости объ ихъ общихъ знакомыхъ. Читая это, Варя внимательно пробѣгала строчки. И вдругъ ей захотѣлось побывать хоть одинъ денекъ въ Питерѣ, все посмотреть тамъ, повидаться съ своими и возвратиться снова въ тихое Дымково.

«Повидала бы папу, забѣжала бы хоть на минутку къ Галькѣ, поспорила бы съ ней. Покаталась бы на лодкѣ по взморью», — подумала Варя и закрыла глаза, ясно представляя себѣ и Гальку въ ея тѣсной, полутемной каморкѣ, и своего отца, сидящаго съ книгой въ рукахъ у окна въ кабинетѣ, въ синихъ облакахъ сигарнаго дыма, и катанье на лодкѣ въ веселой компаніи молодежи по взморью, которое описывалъ Валерій. Задумавшись, Варя снова разсѣянно, механически прочла нѣсколько строчекъ и опомнилась на томъ мѣстѣ, гдѣ Валерій писалъ, что онъ пріѣдетъ не ранѣе, какъ черезъ недѣлю.

«Меня задержалъ Левшинъ, — писалъ Валерій, — это знакомый Анны Егоровны докторъ. Онъ хочетъ пожить лѣто въ глухой деревнѣ и испытать себя на крестьянской работѣ. Несмотря на мои увѣренія, что вы будете рады ему и какъ лишнему интеллигентному человѣку, и какъ даровому работнику, онъ просилъ меня спросить васъ: не имѣете ли вы чего-нибудь противъ его пріѣзда въ Дымково? Отвѣтите на мое имя телеграммой».

— Что же это за Левшинъ? — задумчиво сказала Варя. — Я, кажется, его нигдѣ не встрѣчала... Докторъ...

«Что же, пускай пріѣзжаетъ; онъ намъ не помѣшаетъ», — подумала Варя и вслухъ прибавила:

— И зачѣмъ это ему крестьянская работа?... Сидѣлъ бы съ своею анатоміей!... — Сережа, ты не знаешь этого Левшина, о которомъ пишетъ Валерій? — спросила она входящаго съ ружьемъ въ рукахъ мужа.

— Знаю немного... А что? — нехотя отвѣтилъ Долининъ.

— Я не встрѣчала его у тебя?

— Не помню. Онъ рѣдко ко мнѣ заходилъ.

— Ты ужь отвѣтилъ, чтобы онъ пріѣзжалъ?

— Да, Варя. Я зналъ, что ты ничего не будешь имѣть противъ этого, потому и рѣшилъ послать телеграмму. Вѣхать въ Дымково и обратно въ городъ мнѣ не хотѣлось, да и некогда... Надо, чтобы они скорѣе пріѣзжали... За работу пора.

— И прекрасно сдѣлалъ, — отвѣтила Варя.

Ей почему-то захотѣлось, чтобы Валерій съ Левшинымъ пріѣхали какъ можно скорѣе.

— У насъ нѣтъ ничего поѣсть? Я что-то голоденъ, — сказалъ Долининъ, повѣсивъ ружье и опускаясь на лавку.

— Какъ нѣтъ? Конечно, есть... Щи кислыя, каша гречневая, молоко... Ты голодный, Сережа, а я не догадалась накормить тебя... Хороша жена — нечего сказать! — весело сказала Варя и быстро вышла.

«Щи есть, каша есть — чѣмъ не житье?» — мелькнуло въ головѣ Долинина, и онъ обвелъ улыбающимися глазами стѣны свѣтелки. Въ окно смотрѣло красноватое, спускающееся надъ лѣсомъ солнце. Свѣтелка смотрѣла нарядно и весело. Въ заднемъ углу, другъ противъ друга, стояли желѣзныя койки, покрытыя яркими пестрыми байковыми одѣялами. Между ними, у стѣны, исправлялъ должность ночнаго столика толстый березовый обрубокъ. Надъ койкой Вари, на двухъ большихъ полкахъ, уставлены книги; подъ ними нѣсколько симметрично прибитыхъ фотографическихъ портретовъ. На другой стѣнѣ висѣло ружье, охотничій ножъ, ягдташъ и дробница. Съ угольной полки, сияя безмятежною любовью, вротко смотрѣлъ хорошо написанный ликъ Христа Спасителя.

«И свѣтелка важная!... Отлично!...» — подумалъ Долининъ и добрая улыбка скривила его губы.

VI.

Варя все болѣе и болѣе свыкалась съ своимъ новымъ положеніемъ. Пока ей было совсѣмъ не скучно въ Дымковѣ. Постоянная жительница Петербурга, не ѣздившая никуда дальше Павловска, но много читавшая въ послѣднее время о деревнѣ, о народѣ и его бытѣ, она могла, наконецъ, близко, на дѣлѣ, изучить и понять этотъ интересующій ее народъ. Подъ народомъ она понимала только мужиковъ, — громадную, необъятную массу мужиковъ, связанныхъ одною, неизвѣстною ей силой.

Съ ранняго дѣтства Варю стали пугать мужикомъ. Она и до сихъ поръ помнить, какъ, гуляя съ мамой въ полѣ, около Шувалова, дѣвочкой лѣтъ восьми, она, завидя босаго человѣка въ свитѣ, бѣжала, вся трясясь отъ страха, къ мамѣ и кричала: «Мужигъ, мужигъ идетъ, мама!» Потомъ годамъ къ четырнадцати Варя отдѣлалась отъ этого страха передъ мужикомъ, но подъ именемъ народа она представляла себѣ пьяную толпу Царицына луга на масляницѣ, мимо которой она проѣзжала, катаясь съ мамой. Эта шу-

мящая буйная толпа внушала ей какой-то инстинктивный страх, смѣшанный съ отвращеніемъ. Варя видѣла, что и вокругъ нея всѣ также пренебрежительно, боязливо относятся къ этой толпѣ, начинающая съ мамы и кончающая горничной Машей. Первою книгой, внушившею ей другія понятія о народѣ, были стихотворенія Некрасова, подаренныя отцомъ въ день рожденія, когда Варѣ минуло пятнадцать лѣтъ. Съ горячимъ увлеченіемъ, свойственнымъ ея натурѣ, запоемъ прочла Варя эту книгу. Въ ея головѣ забродили мысли, прежде никогда не приходившія ей на умъ. Многого не поняла Варя и не могла, какъ ни старалась, понять, но за то многое она увидѣла совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ видѣла раньше.

Запершись въ своей комнатѣ, Варя по нѣскольکو разъ прочитывала *Коробейниковъ*, *Морозъ красный носъ*, *Сашу...* и плакала. Плакала вмѣстѣ съ Катериной, плакала надъ могилой Прокла, гуляла вмѣстѣ съ Сашей по лѣсу, по лугамъ, тосковала съ ней, когда уѣхалъ сосѣдь.

Мама стала замѣчать, что Варя поблѣднѣла, часто выходитъ изъ своей комнаты съ заплаканными глазами. Она ласково спросила Варю о причинѣ ея слезъ. Варѣ почему-то стыдно было сказать, о чемъ она плачетъ. Она увѣряла, краснѣя за свою ложь, что совсѣмъ не плачетъ, что у ней просто болитъ голова. Мама показывала Варю доктору, но онъ ничего не нашель, кромѣ небольшого воспалительнаго состоянія глазъ, и прописалъ какую-то водичку. Мама совершенно успокоилась и больше не трогала Вари. Придя изъ гимназіи, послѣ обѣда, Варя цѣлыми часами просиживала въ кабинетѣ отца, поглощая книгу за книгой. Папа очень одобрительно относился къ занятіямъ Вари литературой. Онъ самъ рекомендовалъ ей книги, съ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ ней о прочитанномъ и съ гордою радостью замѣчалъ, какъ быстро умственно растетъ и развивается Варя.

Зароненная искра подъ вліяніемъ чтенія Тургенева, Григоровича, Толстаго, Гончарова все болѣе и болѣе разгоралась. Варя, незамѣтно для себя, получила совершенно противоположный прежнему взглядъ на народъ. Онъ сталъ казаться ей какимъ-то сказочнымъ, могучимъ богатыремъ, скованнымъ по рукамъ и ногамъ, поработаннымъ непосильною работою, страдающимъ и тоскующимъ по широкой волѣ. Варя видѣла въ немъ невиннаго страдальца и, сама не зная какъ, полюбила созданнаго ея фантазіей богатыря-мужика. Народники-беллетристы послѣднихъ годовъ внесли въ воззрѣнія Вари много новаго. Изъ сказочнаго богатыря, закованнаго въ цѣпи, они сдѣлали громадную сѣрую массу обыкновенныхъ мужиковъ съ

плотью и кровью, съ общими человѣческими недостатками и хорошими сторонами, съ нѣскольکو своеобразными воззрѣніями и вѣковыми, постоянными трудомъ надъ землей. Прежде фантастическій образъ народа принялъ теперь въ глазахъ Вари опредѣленные, вполне реальныя формы. Варя еще болѣе почувствовала любви къ этому неустанно работающему, терпѣливо перепосыающему нужду и голодъ народу. Помочь крестьянину, облегчить его положеніе, принести ему хотя самую незначительную пользу, сдѣлаться сельскою учительницей, фельдшерницей, акушеркой—вотъ о чемъ стала мечтать Варя.

По выходѣ изъ гимназіи, несмотря на протесты мамы, на ея слезы, укоры и даже угрозы, Варя, съ помощью отца, добилась того, что поступила на медицинскіе курсы.

Варя попала въ среду молодежи, которая также, какъ и она, близко принимала къ сердцу «интересы мужика».

Сперва Варю очень занимали горячіе рѣчи, споры, толки веривъ и вкось о мужикѣ и его «горемычномъ житьѣ-бытьѣ» на студенческихъ сходкахъ, но скоро повтореніе одного и того же съ небольшими вариантами наскучило Варѣ. Кроме того, она почувствовала нѣкоторую рисовку, фальшивыя ноты въ горячихъ рѣчахъ кое-кого изъ ораторовъ. Ея правдивая натура запротестовала. Она ушла въ себя и рѣже стала появляться на сходкахъ.

Въ это время Варя совершенно случайно встрѣтилась съ Сергѣемъ Григорьевичемъ Долининымъ.

Была осень. Дождь, не переставая, лилъ уже двѣ недѣли. Варя хандрила, сидѣла, запершись дома, и даже, несмотря на свою аккуратность, не посѣщала лекцій. Галья, близкая ея подруга, приносила ей по временамъ лекціи и сообщала курсовыя и общестуденческія новости.

— Пойдемъ, Варя, на сходку, — предложила Галья въ отвратительно-скучный вечеръ, когда онѣ уже цѣлый часъ молча сидѣли другъ противъ друга.

— Пожалуй, пойдемъ, — машинально отвѣтила Варя.

Ей хотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ, пройтись.

Бутаясь въ пледы и шлепая по грязи, онѣ отправились черезъ Троицкій мостъ на Петербургскую сторону. Въ глухомъ, узкомъ переулкѣ, слабо освѣщенномъ рѣдкими фонарями, онѣ нашли старый, окрашенный коричневою краской одноэтажный домъ съ мезониномъ.

— Здѣсь! — сказала Галья и юркнула въ калитку. Варя послѣдовала за ней. Въ темномъ углу двора, ощупью, отыскивали онѣ

дверь, и по шаткимъ, скользкимъ ступенькамъ крутой лѣстницы съ липкими перилами взобрались наверхъ, въ мезонинъ.

— Какая грязь и вонь!—сказала Варя, поморщась.

— Бѣдота...—довольно хладнокровно отвѣтила Галька.

VII.

Въ большой, но низкой квадратной комнатѣ, куда вошла Варя съ подругой, сидѣло человѣкъ десять студентовъ и три молодыя женщины. Покрытая зеленымъ бумажнымъ абажуромъ лампа оставляла въ полутьмѣ лица сидящихъ вдоль стѣнъ на стульяхъ и на койкахъ людей. Только сидящій у стола Долининъ, склонившійся надъ тетрадкой, былъ ярко освѣщенъ.

Въ комнатѣ господствовала такая тишина, словно въ ней никого не было. Варѣ показалось, что въ обращенныхъ на нее взглядахъ присутствующихъ видны досада и угоризна. Одинъ Долининъ посмотрѣлъ на нее пристальнымъ, нѣсколько удивленнымъ взглядомъ и, какъ бы смѣшавшись, опустилъ голову.

— Я вамъ помѣшала, господа...—тихо, извиняясь, сказала Варя и, поспѣшно сбросивъ пальто, сѣла на стулъ у двери.

— Ничего, пустяки!—торопливо отвѣтилъ Долининъ.—Господа, вы не будете на меня въ претензіи, если я начну сначала? Тутъ не болѣе двухъ страницъ,—несмотря ни на кого, проговорилъ онъ.

— Батайте сначала...—пробурчалъ чей-то глухой голосъ въ углу.

Долининъ повернулся на стулъ лицомъ къ Варѣ и, взявъ въ руки тетрадку, началъ читать. Онъ былъ, видимо, смущенъ. Голосъ плохо повиновался ему, немного дрожалъ и нервно тонировалъ, то повышаясь, то понижаясь до того, что еле можно было разобрать, что онъ читаетъ.

Варѣ было неловко за Долинина. Она слушала, опустивъ глаза и перебирая руками концы платка.

Рефератъ Долинина начинался бѣглымъ обзоромъ современнаго положенія Россіи въ социальномъ, политическомъ и нравственномъ отношеніи.

Варя плохо слушала. Ее развлекала мысль о томъ, какъ неловко, должно быть, этому Долинину читать свои сокровенныя мысли передъ людьми, ему почти незнакомыми. Варя только и помнила изъ всей первой главы, что Долининъ вѣритъ въ то, что русское общество можетъ и должно перевоспитаться нравственно, что въ немъ не погасла искра добра и правды.

«Воѣ силы надо устремить на то, чтобы эту искру раздуть въ животворное пламя. И самая благодарная почва для этого—простой народъ, не тронутый порчей цивилизаціи, живущій на пахотѣ и связанный съ землей воѣ свои традиціи»,—закончилъ Долининъ первую главу.

— Что и говорить... Искра точно есть,—проговорилъ кудрявый блондинъ въ синей блузѣ, когда Долининъ окончилъ.—Да не залягутъ ли окончательно эту искру, прежде чѣмъ вы ее раздуете? Дѣло это гадательное...

Варю неприятно поразилъ этотъ вопросъ, сказанный ровнымъ, холоднымъ тономъ и, какъ ей показалось, даже съ чуть сквозящею ироніей. Она посмотрѣла на вопрошавшаго и увидала блѣдное, худое лицо съ шапкой кудрявыхъ волосъ на головѣ, сѣрые, большіе глаза съ металлическимъ холоднымъ блескомъ, устремленные на Долинина, и глубокую поперечную морщинку на высокому съ большими залысьями лбу.

— Я предвидѣлъ это возраженіе и отвѣчу на него въ слѣдующихъ словахъ...—горячась, но желая сдержаться, отвѣтилъ Долининъ, обращаясь больше къ Варѣ, чѣмъ къ блондину въ синей блузѣ.

Варя совершенно машинально кивнула утвердительно головой и, поймавъ себя на этомъ движеніи, покраснѣла.

Долининъ началъ вторую главу уже окрѣпшимъ, твердымъ голосомъ. Въ ней онъ подвергалъ разбору и критикѣ современныя партіи общественныхъ дѣятелей въ Россіи и за границей.

Онъ не соглашался ни съ одной изъ партій, главнымъ образомъ, потому, что онѣ хотятъ начать постройку общественнаго зданія сверху, забывая, по его мнѣнію, что главное основаніе зданія есть фундаментъ, т. е. народъ. «Опираясь на народъ, на его традиціи и принципы, только и можно крѣпко строить. Но для усиѣнности работы, прежде всего, необходимо подготовить народъ, необходимо разлить въ немъ чувство общечеловѣческой любви и солидарности, поднять въ немъ уровень нравственныхъ и умственныхъ интересовъ. Разъ это будетъ выполнено, правильное развитіе общественнаго организма совершится само собою, безъ всякихъ насилій, естественнымъ ходомъ исторіи, которая не дѣлаетъ скачковъ».

Такъ излагалъ Долининъ программу дѣятельности. Онъ обладалъ большою эрудиціей, много и долго занимался общественными вопросами, имѣлъ возможность прочитать массу книгъ по философіи, исторіи, политической экономіи, соціологіи, не говоря о естественныхъ наукахъ; которыя онъ зналъ, какъ специалистъ. Рефе-

рать Долинина пестрѣлъ отъ начала до конца всевозможными цитатами, ссылками, выдержками изъ самыхъ разнообразныхъ сочиненій.

На Варю эта гибель цитатъ, великихъ именъ, подрѣпляющихъ положенія Долинина, производила положительно ошеломляющее впечатлѣніе. Ей казалось, что разъ мнѣнія подрѣпляются такими умами, какъ Спенсеръ, Льюисъ, Контъ, Кабэ, Фурье, Оуэнъ и другія подобныя свѣтила науки, спорить съ этими ей, да хотя бы и этому кудрявому блондину, по меньшей мѣрѣ, смѣло, чтобы не сказать болѣе.

Но блондинъ въ синей блузѣ, тѣмъ не менѣе, снова пытался возражать. Долининъ опять попросилъ его обождать до окончанія всего реферата.

— Ладно, можно и послѣ, — тѣмъ же ровнымъ голосомъ отвѣтилъ блондинъ и прилегъ на койкѣ.

Долининъ началъ трактовать исторію развитія любви и солидарности въ жизни общества. Онъ находилъ, ссылаясь на историческіе факты, что весь прогрессъ общественной жизни человечества заключается въ болѣе и болѣе широкомъ распространеніи между людьми чувства общей солидарности и любви. Умственный прогрессъ, по мнѣнію Долинина, помогаетъ расширенію горизонтовъ, въ предѣлахъ которыхъ можетъ развиваться солидарность людей. Прогрессъ любви распространяетъ все больше и больше чувство симпатіи, сочувствія, а потому и помощи во всемъ людямъ, какой бы народности они ни были, какую бы религію ни исповѣдовали... И чѣмъ глубже разлито въ народѣ это чувство, тѣмъ отзывчивѣе онъ къ бѣдствіямъ своихъ собратій-людей, а потому тѣмъ менѣе у него общественной несправедливости, тѣмъ совершеннѣе формы общественной жизни и, слѣдовательно, тѣмъ большая часть народа счастлива. Нравственный прогрессъ и надо класть въ основу общественнаго устройства. Надо заботиться, прежде всего, о томъ, чтобы простой народъ, основа всякаго государства, жилъ такою жизнью, при которой возможна крѣпкая солидарность во имя любви другъ къ другу. Задача русской интеллигенціи сводится къ тому, чтобы, живя среди народа, вліять именно въ этомъ направленіи. Надо вездѣ проповѣдывать эту идею общечеловѣческой солидарности, не скрывая ни передъ кѣмъ своихъ воззрѣній. Истина не должна жить во тьмѣ. Гдѣ бы ни жилъ убѣжденный человѣкъ, онъ долженъ и дѣлами своей жизни, и проповѣдью привлекать сторонниковъ этой идеи и составлять братства для совмѣстной жизни и труда надъ землею.

— Возлюби, моги, ближняго, какъ самого себя... Сними одежду и отдай нищему... Тѣ же самыя великія истины, что говорилъ Спаситель почти двѣ тысячи лѣтъ назадъ,—пробурчалъ про себя блондинъ.

Варя разслышала послѣднюю фразу и вскинула на него негодующій взглядъ. Она была въ крайне возбужденномъ настроеніи. Чтеніе Долинина, глубоко убѣжденнаго въ правотѣ своихъ воззрѣній, краснорѣчиво, вдохновенно излагающаго свои мнѣнія, новизна идей и самое лицо Долинина, блѣдное отъ волненія, съ горящими спокойнымъ огнемъ, мечтательными глазами, произвели на Варю сильное впечатлѣніе. Долининъ казался ей какимъ-то пророкомъ, духовидцемъ. Когда онъ съ протянутою впередъ рукой, съ глазами, устремленными въ одну точку, рисовалъ роскошными красками жизнь человѣчества въ то блаженное время, когда всюду, во всѣ сердца разольется всемогущее, животворное чувство любви и справедливость вступитъ въ свои права, Варѣ казалось, что она видитъ эту жизнь собственными глазами.

Долининъ окончилъ рефератъ и остановилъ на Варѣ свой мечтательный и, какъ ей показалось, вопрошающій взглядъ.

Словно убѣдившись, что Варя поняла его мысли, онъ улыбнулся растерянною, блаженною улыбкой.

— Прекрасно, прекрасно!... Великая идея!... Замѣчательно!—слышался восторженный шепотъ вокругъ.

Рефератъ Долинина произвелъ на всѣхъ, очевидно, весьма сильное впечатлѣніе.

Всѣ толпились около Долинина, пожимая ему руки.

— Я послѣ съ вами побесѣдую объ этомъ рефератѣ, — сказалъ блондинъ, прощаясь съ Долининымъ. — Теперь ужь поздно, да и неудобно... Кусъ много, глотъ—ничего... Онъ теперь въ состояніи безумнаго экстаза, — пробурчалъ онъ, надѣвая пальто и уходя. Варя снова разслышала его слова и снова вознегодовала.

Она познакомилась съ Долининымъ. Онъ проводилъ Варю до квартиры. Всю дорогу они горячо бесѣдовали о рефератѣ.

УІІІ.

Придя домой со сходки, Варя долго ходила изъ угла въ уголокъ по своей комнатѣ. Въ ея головѣ толнилось много мыслей. Какъ ни старалась Варя привести въ систему, въ логическую связь эти мысли, онѣ не поддавались ей и толглись совершенно хаотически,

такъ же внезапно исчезая, какъ невѣдомо почему появляясь. Потерявъ, наконецъ, надежду дисциплинировать свои мысли, она предоставила ихъ собственному теченію... И опять Варѣ то приходила мысль о томъ, что въ нравственномъ прогрессѣ заключается ключъ къ райской жизни на землѣ, то вдругъ вспоминалась фраза блондина въ синей блузѣ: «кусь много, глотъ — ничего»... и стальной, спокойный взглядъ его сѣрыхъ глазъ. Затѣмъ шла роскошная фантастическая картина будущей жизни обновленного человѣчества, а рядомъ съ ней вырисовывалось до мельчайшей подробности лицо Долинина.

— Галка, кажется, вмѣсто того, чтобы слушать, все больше смотрѣла на этого многоумнаго блондина. Вотъ ужъ положительно не понимаю, что въ немъ интереснаго?... Ахъ, ужъ эти мнѣ во всемъ сомнѣвающіеся русскіе Гамлетики! «Не зальютъ ли этой искры?»... Глупый вопросъ... Почему же глупый? Да просто потому, что глупый... Иронія въ улыбка и холодъ во взглядѣ... Скажите, какъ это интересно! И почему это Долининъ такъ пристально на меня посмотрѣлъ и смѣшался, когда я вошла?... О какихъ глупостяхъ я думаю... Онъ завтра приглашаетъ меня придти къ нему. У него соберутся его друзья. Я непременно пойду. Онъ замѣчательно убѣжденный человѣкъ. Я еще такихъ не видала. «Безумный экстазъ... Я съ вами послѣ побесѣдую»... Скажите, пожалуйста, какъ все это важно!... Онъ побесѣдуетъ!... И какъ не стыдно было Галкѣ все время такъ пристально, не отрываясь, смотрѣть на него? Я непременно ей это скажу... А я все время смотрѣла на Долинина... На кого же мнѣ было смотрѣть, когда онъ читалъ и говорилъ?

Дверь тихо отворилась. Въ комнату вошла мама, въ бѣлой ночной кофточкѣ, въ юбка, съ чепчикомъ на головѣ. Варя не слыхала, какъ вошла мама, и, нечаянно взглянувъ на нее, отшатнулась и слабо вскрикнула.

— Что ты, Варя, Христось надъ тобой, — боязливо откликнулась старуха и машинально перекрестилась.

— Ничего, мама... Я задумалась, не слыхала, какъ вы вошли, — съ неловкою улыбкой отвѣтила Варя.

— Что ты ходишь тутъ, какъ звѣрь въ клеткѣ? Что съ тобой? Всѣ ужъ улеглись въ домъ давно, — заглядывая въ глаза Варѣ и стараясь тамъ найти отвѣтъ, говорила мама.

— Неужели ужъ такъ поздно, мама? Боторый часъ теперь?

— Два часа третій, матушка.

— Не можете быть?! Ну, такъ я сейчасъ лягу... Я совсѣмъ не ожидала, что такъ поздно.

— Ахъ, Варя, ты меня ужасно беспокоишь! Такъ нельзя вести себя.

— Чѣмъ же, мама? Я сейчасъ ложусь спать.—Варя быстро поцѣловала маму, думая совсѣмъ не о ней, и начала проворно раздѣваться.

— Прощай... Христось съ тобой... Спи,— отвѣтила мама, крестя Варю, и вышла, огорченная мыслью, что дочь, навѣрное, влюблена и не хочетъ сказать этого ей, матери.

Варя легла въ постель, долго ворочалась, осаждаемая наплывомъ всевозможныхъ мыслей, и уснула почти подъ утро.

Во снѣ она ничего не видала, но первая мысль, какъ только она проснулась, была о Долининѣ и его рефератѣ.

Варю совсѣмъ взяли во власть мысли Долинина о переустройствѣ жизни людей на началахъ нравственности. Онѣ ни на минуту не оставляли ея, то возбуждая вопросы, то распланировывая «программу работы», то смущая сомнѣніями, которыхъ она не могла разрѣшить. Варя шла къ Долинину, откровенно, горячо повѣряла ему свои мысли и выходила отъ него сіяющая, съ облегченнымъ сердцемъ, жизнерадостная и вдохновенная.

Долининъ своимъ задумчивымъ, ласковымъ взглядомъ ровно блестящихъ голубыхъ глазъ, пристально устремленныхъ на нее, вызывалъ въ Варѣ какое-то восторженное настроеніе. Для нея наслажденіемъ было слушать его неторопливую, душевную рѣчь, льющуюся прямо въ сердце.

Послѣ бесѣды съ нимъ все становилось для нея ясно и понятно, хотя она иногда совсѣмъ не могла бы повторить себѣ его слова. Она скорѣе чувствовала, чѣмъ понимала, что онъ правъ, и ее не смущали прежнія сомнѣнія. Варя почти не говорила съ Долининимъ о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ его теорій или, какъ онъ называлъ, религіи любви. Она желала насколько возможно яснѣе, обстоятельнѣе представить себѣ весь строй его мыслей, хотя уже съ перваго же вечера увѣровала въ непогрѣшимость его основной идеи.

Долининъ чувствовалъ, что ему крайне пріятно говорить именно съ Варей о своей религіи любви, пріятно, что именно *она* соглашается съ нимъ. Онъ замѣтилъ, что никогда у него не является такъ много вдохновенія, такого обильнаго наплыва доказательствъ, какъ въ бесѣдѣ съ Варей. Въ первый же вечеръ, какъ увидалъ Долининъ Варю, онъ почувствовалъ что-то странное, необычное

въ своемъ настроеніи. Сначала ему стало неловко читать при ней свой рефератъ, потомъ досадно за свою трусость передъ *дочкой*; наконецъ, ему почему-то страстно захотѣлось доказать именно ей, что онъ правъ въ своихъ воззрѣніяхъ. Всегда сдержанный и терпимый къ чужимъ мыслямъ и возраженіямъ, Долининъ въ этотъ вечеръ окончательно разсердился на блондина въ синей блузѣ за его попытки возражать, и очень былъ доволенъ, когда тотъ ушелъ.

Окончивъ рефератъ и увидавъ въ глазахъ Вари сочувствіе къ его мыслямъ, онъ вдругъ обрадовался и совершенно неожиданно для себя предложилъ Варѣ проводить ее до квартиры. Чѣмъ дальше шло знакомство, тѣмъ все больше и больше видѣлъ Долининъ, что Варя для него не только «сестра по духу», но что она дорога и близка ему сама по себѣ, какъ женщина, независимо отъ ея согласія съ нимъ во мнѣніяхъ.

А Варя все менѣе и менѣе отдѣляла Долинина, какъ человѣка, отъ идей, имъ проповѣдуемыхъ. Ей стало казаться, что его «великія идеи», которыя она такъ полюбила, и онъ составляютъ нѣчто нераздѣльное, цѣльное. Свою любовь она перенесла и на него.

Варя была убѣждена, что это особенное, тихое, восторженно-радостное настроеніе въ присутствіи Долинина, или когда она о немъ думаетъ, и есть любовь. Не пошлая любовь, а возвышенная, прочная, идеальная любовь женщины къ мужчине.

Варя спокойно, только съ нѣсколько учащенно-бьющимся сердцемъ, выслушала его горячее, безтолковое и длинное признаніе въ любви. Съ какою-то задумчивою торжественностью, съ мечтательнымъ выраженіемъ глазъ, Варя обѣщала быть его женой, чего бы ей это ни стоило.

Долининъ познакомился съ семействомъ Вари и сталъ часто посѣщать ихъ домъ. Старикъ Коноваловъ съ особеннымъ удовольствіемъ зазывалъ его въ свой кабинетъ и бесѣдовалъ съ нимъ по цѣлымъ часамъ. Мама не долюбивала Долинина. Когда онъ сдѣлалъ предложеніе, какъ этого требовала формальность, мама даже рѣшительно отказала ему, говоря, что Варя еще слишкомъ молода. Варя спокойно, но твердо заявила, что если мама не согласится на ея бракъ съ Долининымъ, то она уйдетъ къ Долинину безъ всякаго брака. Мама сначала бранила Варю, потомъ умоляла, затѣмъ погрозила запереть ее въ монастырь, наконецъ, расплакалась и уступила, сказавъ, что она ничего хорошаго не ждетъ отъ этого брака, но, видя ея упрямство, умываетъ руки.

Отецъ сказалъ, что онъ полагается на благоразуміе Вари и самъ считаетъ Долинина «славнымъ малымъ».

Въ началѣ апрѣля, спустя полгода послѣ первой встрѣчи, Долининъ повѣнчался съ Варей и черезъ недѣлю они уѣхали изъ Петербурга въ Бугровскій уѣздъ.

IX.

Сѣрыя сумерки спустились надъ Дымковымъ. Скотъ уже давно пригнали и бабы успѣли обрядиться. Мужчины тоже отработались. Митька, сынишка Егора, проскакалъ, отчаянно размахивая руками и ногами, въ поле, гоня лошадей. Варя сидѣла одна на порогѣ своей избы. Она приготовила чай и поджидала мужа. Долининъ возился въ сараѣ около сохи, придѣлывая новую обжу. Варя, сильно утомившаяся за день (она съ Татьяной мыла бѣлье), съ особеннымъ удовольствіемъ наслаждалась теплымъ, пахучимъ весеннимъ вечеромъ.

Въ ея головѣ, тихо и плавно, какъ тучки по лазурному небу, пробѣгали мысли. Онѣ не волновали ея, не нарушали приятной душевной тишины, бывшей у нея на сердцѣ.

«Думала ли я годъ тому назадъ, что выйду за Сергѣя и буду жить здѣсь, въ Дымковѣ? — проходило въ ея головѣ и Варя радостно улыбалась, переводя задумчивый взлядъ ясныхъ глазъ по темной зелени опушки лѣса. — И не воображала даже... Мечтала окончить курсъ, быть земскимъ врачомъ... И не слыхала ни про Дымково, ни про Долинина... И вотъ теперь живу здѣсь... работаю... Мужичка! И зачѣмъ все это? — вдругъ, совершенно неожиданно пришло ей въ голову, но сейчасъ же она строго отвѣтила сама себѣ на этотъ «глупый вопросъ»:—за тѣмъ, чтобы своими руками зарабатывать хлѣбъ... За тѣмъ, чтобы крестьяне видѣли, что мы не дармоѣды. Иначе они намъ не повѣрятъ и будутъ совершенно правы. Плохой учитель тотъ, кто самъ не слѣдуетъ своему ученію. А когда же это начнется... ученье - то? Я почти не вижу крестьянъ. Сережа говоритъ, что надо сначала приучить ихъ къ себѣ. Пожалуй, это вѣрно. А такъ все работать, таскать воду, доить коровъ... вѣдь, это, по правдѣ сказать, скучно... Непривычка... Вонъ Танѣ не скучно. Она все веселая за работой... А мнѣ ужъ скучно. Только мѣсяць прошелъ... И какъ это все странно и скоро случилось».

Варя не успѣла докончить своей мысли, какъ увидала, что изъ лѣсу показались на дорогѣ два человѣка. Она перегнулась впередъ и стала пристально вглядываться въ идущихъ людей. Очевидно, это были не крестьяне. Варя встала. Ей показалось, что одинъ изъ идущихъ — Валерій; она узнала его по походкѣ.

«Ну, конечно, это онъ!—сказала она себѣ, замѣтивъ мѣрно махавшіяся по-военному руки.—А другой, должно быть, Левшинъ... Они и есть!»—и Варя пошла имъ на встрѣчу съ улыбающимся, веселымъ лицомъ. Но вдругъ по ея лицу, съ застывшею улыбкой на губахъ, пробѣжала тѣнь озабоченности, вопроса, удивленія. Въ спутникѣ Валерія она узнала блондина въ синей блузѣ. У Вари похолодѣло въ груди и ноги сами собою уменьшили шагъ, готовый остановиться. Она сдѣлала надъ собой усиліе и съ тою же улыбкой, но совсѣмъ не съ веселымъ, а скорѣе съ тревожнымъ выраженіемъ глазъ, пошла на встрѣчу Валерію, боясь чѣмъ-нибудь выдать свое тревожное настроеніе.

— Здравствуй, Валя!... Наконецъ-то!—неестественно-громко сказала Варя, не доходя до него нѣсколько шаговъ.

Валерій быстро подался впередъ, съ силой пожалъ холодную руку Вари и крѣпко поцѣловалъ ее въ самыя губы.

— Здравствуй, здравствуй, Варя!... Ну, что, устроились?... Какъ братъ, что?—скоро, словно боясь опоздать, забыть, что онъ хочетъ сказать, задушевно, напоминающимъ брата, только нѣсколько хриповатымъ голосомъ проговорилъ Валерій съ застынчивою улыбкой.—Ты, Варя, поправилась, поздоровѣла, загорѣла... А вотъ это Левшинъ... Рекомендую... Хозяйка здѣшняя... Варвара Павловна,—обратился онъ къ своему спутнику.

Левшинъ, прямо смотря въ глаза Вари, пожалъ ея руку и пробурчалъ:

— Здравствуйте!... Мы встрѣчались съ вами...

— Да... Кажется, я гдѣ-то видѣла васъ,—опустивъ глаза, отвѣтила Варя и вдругъ покраснѣла.—Ну, пойдете же, пойдете, господа!... Вы, поди, проголодались, устали... Сережа васъ ждетъ, не дождется... Вотъ обрадуется, вотъ обрадуется!—вспомнивъ, что ей надо быть любезной, скоро и громко заговорила Варя, смотря въ сторону. Она боялась, что Валерій и Левшинъ замѣтили ея смущеніе. Ей было бы очень неприятно, если бы они могли подумать, что она не рада ихъ пріѣзду.

На порогѣ дома ихъ встрѣтилъ Долининъ. Варя взглянула на него и ей показалось, что онъ искалъ ее глазами, желая, какъ будто, узнать, что она чувствуетъ въ настоящую минуту. Варя постаралась улыбнуться ему насколько возможно веселѣе и ласково проговорила:

— Ну, вотъ, Сережа, и дождался!

Долининъ молча, крѣпко обнялъ брата. На глазахъ Валерія показались слезы; онъ торопливо смахнулъ ихъ рукой и отвернулся.

— Здравствуйте, Левшинъ,—привѣтливо сказала Долининъ, обнимая доктора.

Они поцѣловались.

Варя пошла въ избу, сказавъ, что она рѣшила приготовить для пришельцевъ яичницу.

— Что же это вы пѣшкомъ? А вещи ваши гдѣ? — спрашивалъ Долининъ, все еще стоя въ сѣняхъ.

— Пожитки наши ѣдутъ на возу,—отвѣтилъ Левшинъ.

— Да, братъ, съ нами было приключеніе. Мы, знаешь, наняли мужичка довести насъ до Дымкова. Хорошо, положили вещи, сѣли, поѣхали...

— Что же это мы сдѣсь стоимъ?... Пойдемте въ свѣтелку,—перебилъ Валерія Долининъ и растворилъ дверь.

— Да у тебя тутъ прекрасно!... Ишь ты какъ хорошо устроился!... Отлично!... Право, хорошо!—забывъ прерванный разговоръ о своихъ приключеніяхъ въ дорогѣ, восхищался Валерій, осматривая свѣтелку.—Вѣдь, правда, хорошо?—обратился онъ къ Левшину съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ.

— Да, хорошо,—отвѣтилъ Левшинъ, опускаясь на лавку и подтягивая голенища сапогъ.

— Садитесь, садитесь же, господа! Сейчасъ закусимъ, напьемся чайку, да и на боковую. А завтра за работу. Или, можетъ быть, вы хотите умыться сначала съ дороги? Ну, хорошо. Такъ идите въ избу, тамъ все это приспособлено,—хлопотливо говорилъ Долининъ, переходя съ мѣста на мѣсто и неизвѣстно зачѣмъ перетаскивая съ лавки на кровать свою поддевку.

Давно уже поужинали, отпили чай. Холодный самоваръ стоялъ на столѣ. Татьяна храпѣла въ избѣ на полатяхъ во всю носовую завертку. Пропѣли уже первые пѣтухи, а въ свѣтелкѣ все общество сидѣло около стола и бесѣдовало. Разговоръ шелъ оживленно, безъ перерывовъ, но крайне безпорядочно, перескакивая съ одного предмета на другой, теряясь въ неожиданныхъ постороннихъ вопросахъ то о томъ, то о другомъ. То сообщались политическія новости, то Варя спрашивала: «гдѣ Галька и какъ она поживаетъ?» то Валерій начиналъ высчитывать, сколько онъ потратилъ денегъ на покупку инструментовъ, и при этомъ вспоминалъ, что Анна Егоровна уѣхала въ Крымъ и онъ часть денегъ отдалъ ей на дорогу. Два раза даже между Валеріемъ, Долининымъ и Левшинымъ загорались споры, но какъ-то сами собою, недоконченные, потухали, поглощенные новыми рассказами Валерія.

Долининъ, наконецъ, напомнилъ, что пора спать. Всѣ словно

только и ждали этого. Съ удовольствіемъ разбрелись всё по своимъ угламъ, желая какъ можно скорѣе отдохнуть, растянувшись на постели.

«Вотъ странно... Этотъ самый блондинъ и есть Левшинъ», — подумала Варя, закрываясь одѣяломъ, и сейчасъ же уснула.

Х.

Поздно на другой день проснулись дымковскіе «рендатели». Было уже часовъ семь утра, когда Долининъ торопливо вскочилъ съ постели и началъ одѣваться.

«Проспалъ!... Экое свинство!... Солнце, поди, ужъ высоко взошло!» — подумалъ Долининъ и подошелъ къ постели Вари. Она сладко спала, разметавъ поверхъ одѣяла руки и повернувъ на бокъ голову. Глубоко-спокойное, безмятежное выраженіе застыло на ея загорѣломъ и нѣсколько загрубѣвшемъ лицѣ.

Долининъ вспомнилъ почему-то первое утро въ Дымковѣ. Ему ясно представилась Варя съ блѣднымъ, нѣжнымъ лицомъ, съ раскинутыми по подушкѣ черными кудрями, вспоминалось ему страдальческое выраженіе ея лица, нѣжная бѣлизна рукъ и поперечная морщинка на лбу.

— Дорогая, — чуть слышно проговорилъ онъ, смотря на ея руки, по кисти словно обтянутыя коричневыми перчатками. Ему страшно захотѣлось поцѣловать эти загрубѣвшія, черныя, «рабочія» руки Вари, но онъ побоялся разбудить ее. Какъ прикованный, онъ стоялъ около ея постели и, съ стѣсненнымъ въ груди дыханіемъ, смотрѣлъ въ лицо Вари. Почувствовавъ, вѣроятно, на себѣ его пристальный взглядъ, Варя отырла глаза и быстро поднялась на кровати.

— Я проспала, Сережа, да?... Гдѣ Таня?... Левшинъ уже ушелъ на работу?... Какая я соня! — скоро заговорила Варя, совершенно по-дѣтски протирая глаза руками.

— Мы всё спали, Варя... Я только что всталъ... А Валерій съ Левшинымъ, вѣроятно, еще спать.

— Спать?... Прекрасно!... Иди, буди ихъ, а я одѣнусь и приготавлию вамъ молоко къ завтраку.

— Дѣльно, Варя, — отвѣтилъ Долининъ и, поцѣловавъ руку жены, вышелъ изъ свѣтелки.

Левшинъ и Валерій уже встали. Когда въ избу вошелъ Долининъ, ихъ тамъ не было. Разрумяненная Татьяна стояла у пылающей печи, облокотясь на хватъ.

— Что, наши работники дрыхнуть, поди?—улыбаясь, спросил Долининъ Татьяну.

— Работники - то не въ хозяйевъ вышли. Позаботливѣе будутъ,—серьезно, недовольнымъ голосомъ отвѣтила она.

— Гдѣ же они?

— Одинъ вотъ огородъ поливаетъ, а кудластый съ Егоромъ подь сараемъ никакъ калякаетъ... Поршни никакъ у него торгуетъ.

— Вотъ такъ молодцы!

— Извѣстно... Не вамъ чета... Только и знаете нѣжитесь съ женошкой!... Нешто это порядокъ... до какихъ поръ дрыхнете? Чай, работа-то не ждетъ! Упустишь время - то, а тамъ не ухватиться будетъ,—ворчливо, раздраженно говорила Татьяна, энергично двигая чугуны и горшки.

— Больно ты строга сегодня,—неловко улыбаясь, отвѣтил Долининъ, чувствуя себя пристыженнымъ и удивляясь необычно грубому тону Татьяны.

Никогда еще она такъ съ нимъ не разговаривала, и Татьяна сама не понимала, откуда у ней явилась эта озлобленность и такая сибѣлость съ Долининымъ, котораго она все время чуждалась и даже побаивалась.

«Что это мнѣ подѣялось? — говорила она сама съ собой по уходѣ Долинина. — Мнѣ - то что за печаль? Онъ хозяинъ. Какъ бы, гляди, не осерчалъ взавраду... Больно сердце у меня неумчиво... Дѣло стоитъ, а они нѣжатся... Тьфу ты, провалъ ихъ возьми совсѣмъ!... Ну, и пуцай! — и Татьяна съ раздраженіемъ безъ надобности двигала съ одного мѣста на другое чугуны, поправляла дрова и все ворчала себѣ подь носъ какія-то невнятные фразы, среди которыхъ часто слышались слова: «Черти... а я-то дура... ну, и пуцай... Все не какъ у добрыхъ людей... Нехристи!... Да, право, нехристи!»

Варя одѣлась, оправила постель, сходила въ погребъ, принесла оттуда два горшка холоднаго молока и, поставивъ ихъ на столъ въ свѣтлицѣ, отправилась въ избу за хлѣбомъ и стаканами.

— Здравствуй, Таня,—привѣтливо сказала Варя, входя.— Боровъ-то подоила?

— Нѣтъ, васъ буду дожидаться.

Варя удивленно посмотрѣла на Татьяну и ничего не сказала. Захвативъ хлѣбъ и стаканы, она пошла въ свѣтелку. Долининъ и Валерій уже сидѣли за столомъ.

— Какъ у васъ тутъ превосходно!... Какъ хорошо!—встрѣ-

тилъ Варю съ неподдѣльнымъ восторгомъ Валерій. — Я просто не могу опомниться... Проснулся я, осмотрѣлся кругомъ и, право, мнѣ представилось, что я гдѣ-то въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ. Я, вѣдь, никогда не жилъ въ деревнѣ.

— Погоди, братъ, не то запоешь, какъ запряжемъ тебя въ работу, погоди, — шутливо отвѣтилъ Долининъ.

— Что же это Левшинъ не идетъ? — озабоченно спросила Варя, нарѣзывая большіе ломти хлѣба.

— Онъ сейчасъ. Я его звалъ, — сказалъ Долининъ.

— Я уже полилъ огородъ, Варя... Ты знаешь?... Утро сегодня было такое восхитительное. Когда я вышелъ изъ избы, мнѣ показалось, что вся трава сырая, — такъ сильно она была покрыта росой... И лѣсъ весь былъ окутанъ легкимъ туманомъ... Громадное, красное, огненное солнце, сквозь туманъ, казалось такъ близко, что до него можно было рукой достать... Чудо что такое! — восхищался Валерій.

— Ну, пошелъ, пошелъ!... Поэтъ! — добродушно улыбаясь, отвѣтилъ Долининъ.

Въ свѣтелку вошелъ Левшинъ. Варя посмотрѣла на него и съ перваго взгляда не узнала его.

Левшинъ надѣлъ синюю пестрядиную рубаху и такіе же порты. На ногахъ у него были новые поршни. Расчесанные съ пробормомъ по срединѣ волосы закрывали съ боковъ лобъ и придавали его лицу простоватое выраженіе.

— Батюшки, я васъ не узнала!... Какой вы... — съ вниманіемъ разсматривая Левшина, сказала Варя и невольно подумала: «Онъ гораздо симпатичнѣй теперь, чѣмъ тамъ, въ синей блузѣ».

Долининъ протянулъ руку Левшину и сухо сказалъ:

— Здравствуйте!

Ему, очевидно, не нравился крестьянскій костюмъ Левшина, и въ головѣ его вертѣлся вопросъ:

«И къ чему этотъ масварадъ?»

Валерій, напротивъ, непремѣнно хотѣлъ достать себѣ точно такой же нарядъ.

— Это, просто, восхитительно!... И какъ практично!... Варя, скажи, пожалуйста, здѣсь можно гдѣ-нибудь купить такую рубашку?

— Вѣроятно, можно. Это надо спросить у Тани. Она знаетъ.

— Спроси, пожалуйста.

— Позавтракаемъ, господа, да и за работу, — перебилъ восторги брата Долининъ. — Мы съ тобой, Валерій, сходимъ за лошадьми.

Они тутъ недалеко въ лѣсу пасутся, на опушкѣ. А вы, Левшинъ, вытащите изъ-подъ сарая двѣ бороны. На первый разъ я дамъ вамъ легкій трудъ... Полоску надо взборонить подъ яровое... Самъ я буду пахать плугомъ на буланыхъ, а ты, Валерій, если хочешь, бери соху. Тамъ около меня, недалеко, есть полянка. Надо второй разъ ее вспахать... Я тебѣ покажу какъ... И лошадь дамъ смирную и привычную... Старинный пахарь... Она сама тебя научить, какъ пахать надо. Ты только соху держи.

— Отлично!... Прекрасно!... Пойдемъ!... Я готовъ!—сказалъ Валерій, быстро прожевывая кусокъ хлѣба и запивая молокомъ.

— Экій ты рьяный!... Дай срокъ, не сбей съ ногъ!—отвѣтилъ Долининъ и вмѣстѣ съ братомъ вышелъ изъ свѣтелки.

Варя осталась съ глазъ на глазъ съ Левшинымъ. Ей почему-то сдѣлалось неловко. Она хотѣла что-нибудь сказать ему, спросить, но, какъ на зло, ничего не приходило ей въ голову. Варя торопливо допивала свой стаканъ молока, изрѣдка бѣгло поглядывая на Левшина.

Онъ задумчиво, понуривъ голову, сидѣлъ надъ столомъ, сосредоточенно смотря въ стаканъ и, не торопясь, доѣдалъ ломоть хлѣба. Русыя кудри спустились ему на глаза. Что-то ессредоточенное, грустное было въ его лицѣ и во всей его фигурѣ.

— Вы не хотите еще молока?—спросила Варя и, сама не понимая почему, сконфузилась.

— Нѣтъ, спасибо, не хочу,—отвѣтилъ Левшинъ и, несмотря на нее, тряхнулъ кудрями, надѣлъ картузь и вышелъ.

«Онъ какой-то странный,—подумала Варя, прибирая на столѣ посуду.—Что-то въ немъ есть такое... особенное».

Черезъ часъ Левшинъ понуро шагаль съ бороной по вспаханному полю. Лѣнивая Рыжуха еле-еле передвигала ноги. Сначала его занимала работа. Онъ со вниманіемъ слѣдилъ за бороной, боясь оставить огрѣхъ. Но когда онъ убѣдился, что Рыжуха лучше его знаетъ свое дѣло и идетъ, какъ по ниткѣ, Левшинъ сталъ глязѣть по сторонамъ и тихонько про себя насвистывать пѣсенку. Поразительная тишина охватила его со всѣхъ сторонъ. Ему стало какъ-то неловко одному среди поля, окруженнаго кольцомъ неподвижнаго, нѣмого лѣса. Какое-то неизвѣданное, небывалое, сладкое и какъ будто нѣсколько грустное настроеніе охватило Левшина.

— Ахъ, какъ хорошо!—сказалъ онъ съ чувствомъ облегченнаго вздоха, и на его глазахъ навернулись слезы.

Это его раздосадовало.

«Что еще за елейность такая?... — подумалъ онъ и, сильно

ударивъ неповинную ни въ чемъ Рыжуху, громко сказалъ:—къ чорту!»

XI.

Черезъ нѣсколько дней по прїѣздѣ въ Дымково Левшинъ побывалъ у Василя и у Егора. Познакомившись съ ихъ семьями, онъ довольно подробно узналъ отъ крестьянъ условія жизни арендаторовъ и мѣстныхъ мужиковъ въ этомъ краѣ. Съ большимъ интересомъ онъ разспрашивалъ про жизнь окрестныхъ деревень, про помещиковъ-сосѣдей, про ихъ порядки и отношенія къ крестьянамъ. Василий и Егоръ сами очень интересовались всѣмъ этимъ и потому не видѣли ничего удивительнаго въ томъ, что и Левшинъ этимъ интересуется. Изъ его разговоровъ они заключили, что онъ тоже хочетъ арендовать землю поблизости отъ нихъ, и указали ему свободный участокъ верстахъ въ пяти отъ Дымкова.

Умѣнье ли обращаться съ народомъ, простой ли «ихній» костюмъ помогли Левшину, кто знаетъ, но только крестьяне признали его за своего человѣка. Они не чуждались его, не заподозривали въ немъ съ перваго раза барина и откровенно, какъ съ своимъ братомъ, бесѣдовали съ нимъ.

Даже Егоръ, угрюмый и недовѣрчивый мужикъ, и тотъ охотно валякалъ съ Левшинымъ слегка въ поучительномъ, впрочемъ, тонѣ. Левшинъ былъ гораздо моложе его и потому, конечно, по мнѣнiю Егора, нуждался «въ наукѣ». И Егоръ не прочь былъ поучать Левшина, вида, что тотъ со вниманiемъ слушаетъ и принимаетъ его совѣты.

Добродушный Василий съ перваго же раза полюбилъ Левшина и, встрѣчая его, обыкновенно радостно улыбался, кивая ему головой.

— Здравствуй, Алеха! — кричалъ онъ ему издали. — Какъ дѣла?

— Ничего, живетъ, — отвѣчалъ, улыбаясь, Левшинъ.

— На праздникъ въ Лепехину идемъ, что-ль?

— И очень просто. Съ чего не идти? Идемъ!

— Ну, ужъ и пиво у нихъ... важнецкое!

— Ладно, ладно, пойдёмъ!

«Эка парень какой умный, да привѣтливый», — думалъ послѣ такой встрѣчи Василий.

И бабы дымковскiя, и ребятишки не чуждались Левшина, какъ они чуждались другихъ прїѣзжихъ «рендателей». Одна только Татьяна не долубливала за что-то Левшина, называла его кудластымъ и

ночти не разговаривала съ нимъ. Варя, внимательно присматривавшая къ Левшину, была нѣсколько удивлена. Ей казалось страннымъ, почему онъ, такой несообщительный съ своими товарищами, такъ быстро сошелся крестьянами и завоевалъ ихъ симпатіи.

Какъ-то вечеромъ, въ субботу, когда всѣ сидѣли въ свѣтелѣ за самоваромъ, Варя завела разговоръ объ ихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ. Ей давно хотѣлось поговорить объ этомъ вопросѣ съ мужемъ, но все какъ-то не удавалось: то ему было некогда, то она была «не въ разговорномъ настроеніи».

— Скажите, пожалуйста, Левшинъ, чѣмъ это вы приворожили къ себѣ весь поселокъ?—обратилась къ нему Варя.

— Будто приворожилъ? Не думаю,—усмѣхнулся Левшинъ.

— Нѣтъ, серьезно... Я совершенно не понимаю, почему дымковцы чуждаются насъ, сторонятся и даже какъ будто не долюбиваютъ. За что—не понимаю.

— Что они чуждаются до нѣкоторой степени насъ, это правда, но чтобъ они нехорошо относились къ намъ, я этого не думаю,—недовольнымъ тономъ возразилъ Долининъ.

— Да, конечно, это тебѣ, Варя, такъ кажется,—поддержалъ Долинина Валерій.

— А я положительно въ этомъ убѣждена... И вы меня ничѣмъ не разувѣрите. Вѣдь, я же не слѣпая, наконецъ, я вижу.

— Позволь, позволь, Варя!—прервалъ ее мужъ.—Почему же, наконецъ, ты это думаешь?

— Какъ сказать — почему? Это довольно странный вопросъ. Конечно, я не имѣю крупныхъ фактовъ. Но, вѣдь, это видно, Господи Боже мой, это сейчасъ чувствуется.

— Я этого не вижу, — очевидно, волнуясь, но сдерживаясь, отвѣтилъ Долининъ.

— Ты не видишь этого, Сережа; потому что ты не хочешь этого видѣть. Ты такъ увлекся своимъ хозяйствомъ, работой, что совсѣмъ не замѣчаешь окружающихъ тебя людей.

— Ты ошибаешься, Варя.

— Ну, хорошо, ты говоришь, я ошибаюсь. Прекрасно. Спросимъ вотъ его... Вотъ онъ безпристрастно намъ скажетъ.

Варя начинала горячиться. Очевидно, вопросъ задѣлъ ее за живое. У ней на лицѣ вспыхнулъ румянецъ и глаза заблестѣли яркимъ огонькомъ.

— Левшинъ, будьте добры, скажите откровенно, права ли я, или нѣтъ?

— Мнѣ кажется, да.

— Что же, они вамъ это высказывали?—съ видимымъ интересомъ спросилъ Долининъ.

— Вотъ видишь, не одна я говорю это... Онъ посторонній человѣкъ,—побѣдоносно произнесла Варя.

— Почему же ты думаешь, что онъ въ этомъ вопросѣ...—началъ Валерій.

— погоди, Валерій, это не идетъ къ дѣлу, — перебилъ его братъ.—Объ этомъ вопросѣ надо потолковать серьезно. Это очень важное открытіе... Я не думаю, впрочемъ, что это такъ.

— И очень заблуждаешься! — подхватила Варя.—Ты только посмотри, какъ они къ тебѣ относятся и какъ къ Левшину.

— Ну, какъ же? Объясни.

— Вѣдь, это трудно сказать... Ну, какъ? Къ тебѣ относятся они какъ къ чужому человѣку, а къ нему—какъ къ своему брату-мужику. Что-то душевное есть въ ихъ отношеніяхъ къ нему.

— Миѣ думается, что въ данномъ случаѣ вы нѣсколько преувеличиваете, Варвара Павловна. Отношенія ихъ къ вамъ и ко миѣ, дѣйствительно, нѣсколько разныя. Ко миѣ они относятся какъ къ работнику, а къ вамъ—какъ къ хозяйкамъ, да еще городскимъ людямъ.

— Я ужь не знаю тамъ, какъ все это объяснить. Можетъ быть, вы и правы, Левшинъ. Но, насколько я наблюдаю... насколько я думала объ этомъ... Надо вамъ сказать, что меня очень огорчало ихъ отношеніе ко миѣ... и вообще къ намъ. Но я не могла понять, отчего это? Но теперь...

— Теперь ты, наконецъ, поняла?

— Да, миѣ кажется, что теперь я могу объяснить себѣ это... Хотя и не вполне, можетъ быть... Дѣло въ томъ, что мы относимся къ нимъ до нѣкоторой степени свысока.

— Ну, ужь меня, Варя, въ этомъ ты никакъ не можешь упрекнуть,—нѣсколько обиженно возразилъ Долининъ.

— Я не говорю, Сережа, что ты это сознательно дѣлаешь. Нѣтъ, конечно. Но это само собой какъ-то выходитъ. Ты мало входишь въ ихъ мелочныя ежедневныя интересы, мало интересуешься ими и ихъ жизнью. Я знаю, тебя интересуешь народъ, его возрѣнія, его вѣрованія, его жизнь, но это все какъ-то отвлеченно, умственно. Поэтому ты и не входишь въ интересы Василя, Егора... Сами по себѣ, отдѣльно, миѣ кажется, они тебя мало интересуютъ... Ты вообще—теоретикъ.

— Варя, Варя! Что ты говоришь?... Какіе абсурды, какія не-

лѣпости!—не выдержалъ Долининъ и даже вскочилъ съ лавки и близко подошелъ къ женѣ.

— Ты ошибаешься, Варя!—горячо подтвердилъ Валерій.

Левшинъ съ интересомъ слѣдилъ за горячею рѣчью Вари, задумчиво, любуясь, смотря на ея лицо и пощипывая бородегу.

— Скажи, пожалуйста, съ чѣмъ же это вяжется, Варя?—горячо возражалъ Долининъ.—Если бы я былъ теоретикъ, съ какой стати я поѣхалъ бы сюда пахать землю? Съ какой бы стати я жилъ въ этой грязной хатѣ? Напротивъ, я не могу по натурѣ быть теоретикомъ. Я сейчасъ же стараюсь свои убѣжденія провести въ жизнь... Я не только умственно, отвлеченно желаю добра людямъ... я, какъ умѣю, какъ могу, работаю для осуществленія своихъ идей, провожу ихъ въ жизнь.

— Да, конечно, все это такъ... Я, можетъ быть, не такъ выразилась. Я нисколько не отрицаю въ тебѣ желанія помочь людямъ. Но... какъ бы это тебѣ сказать?... Право, я не могу этого хорошо объяснить... Да, ты проводишь въ жизнь свои идеи, ты работаешь для ихъ осуществленія, но съ людьми-то, съ живыми людьми ты не умѣешь сходитья просто.

— Ты глубоко ошибаешься, Варя. Я, дѣйствительно, не хочу входить съ ними съ перваго же раза въ панибратство. Да это и не нужно. Я хочу, чтобъ они меня узнали на дѣлѣ... видѣли во мнѣ не болтуна, а дѣйствительно серьезнаго человѣка. Мнѣ нужно, чтобъ они безусловно вѣрили мнѣ. И я убѣжденъ, что добьюсь этого. Не сразу, конечно, не сегодня. Но я, вѣдь, жить съ ними думаю. И время покажетъ: правъ ли я, или нѣтъ? А спорить объ этомъ теперь я не стану. Это, по моему мнѣнью, бесполезный споръ, — съ раздраженіемъ окончилъ Долининъ и, насупившись, замолчалъ.

Всѣмъ вдругъ стало неловко. Валерій какъ-то нервно улыбался, покачиваясь на табуретѣ; Варя стучала чайною ложечкой по столу, ни на кого не глядя и хмурия брови. Левшинъ, громко прихлебывая, пилъ чай, со злобой думая, зачѣмъ это понадобилось Варварѣ Павловнѣ затѣвать этотъ разговоръ и впутывать въ споръ его?

«Однако, какіе самолюбцы всѣ эти пророки!»—подумалъ Левшинъ, взглянувъ мелькомъ на лицо Долинина.

Е. Карповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Я Д Ъ).

Романъ Александра Килланда.

ХІ.

Прошло нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ Мордтманъ не бывалъ у Левдалей. Однажды въ полдень, идя съ фабрики, онъ прошелъ мимо ихъ дома; замѣтивъ его, Венга отошла отъ окна и скрылась. Отношенія ея къ Мордтману отступили на второй планъ; она думала только о томъ, что ей теперь предстояло: что она еще разъ будетъ матерью.

Когда родился Абрамъ, она долго желала, чтобъ у него была сестра, но современемъ ея взгляды на дѣтей и ихъ воспитаніе такъ измѣнились, что она считала особеннымъ счастьемъ то, что она должна заботиться только объ одномъ ребенкѣ. Мужъ ея также не особенно обрадуется этому; она это предвидѣла. Но хуже всего, просто невыносимо было ей, когда она думала о своихъ отношеніяхъ къ Мордтману. Она краснѣла отъ стыда каждый разъ, когда вспоминала о послѣднемъ свиданіи съ нимъ. Онъ цѣловалъ ее и говорилъ, что она принадлежитъ *ему одному*... а она... что она сдѣлала? Но что же ей было дѣлать? Она одна не могла разобраться во всей этой путаницѣ; что... или кого ей выбрать? Чему быть, того не миновать... но что же потомъ?

Разъ вечеромъ въ сумеркахъ она сѣла на диванъ, приказавъ горничной никого не принимать, даже Мордтмана. Она была близка къ отчаянію, ею вдругъ овладѣлъ страхъ, что она сходитъ съ ума. Она хотѣла разобраться теперь, дать самой себѣ отчетъ о своемъ положеніи. Отчетъ этотъ былъ очень печаленъ, ее охватилъ ужасъ. Она глубоко погрузилась въ ложь и мракъ, — она, шедшая такъ смѣло и прямо своею дорогой въ жизни, никогда сама не прибѣгав-

*) *Русская Мысль*, кн. III.

шая ко лжи и, насколько это от нея зависѣло, не позволявшая лгать никому изъ окружавшихъ ее,—она, вѣрившая и всегда говорившая, что всякій, кто хочетъ быть правдивымъ, искреннимъ и честнымъ, можетъ жить спокойно, хотя бы весь свѣтъ былъ переполненъ ложью и трусостью.

И вотъ она сама очутилась теперь въ морѣ лжи и трусости. Въ какой изъ привязанностей, которая была ей особенно дорога, она была теперь вполне искренна и правдива? Она стала разбираться по порядку и начала съ Абрама. До чего дошелъ ее сынъ? Онъ былъ ей такъ близокъ, что она видѣла самыя малѣйшія движенія его души, самыя робкія проявленія мысли или сомнѣнія въ его молодой головѣ. Что же съ нимъ теперь? Что она теперь знаетъ о немъ? Она подумала: «Его отняли у меня!»—но это не могло утѣшить ее, такъ какъ этого-то именно она не должна была допустить; она должна была охранять его, держать его въ чистой атмосферѣ, не поддаваться, не выпускать его изъ рукъ и не ослабѣвать въ повседневной борьбѣ. Это она говорила тысячу разъ, когда носила его еще ребенкомъ на рукахъ; а теперь, когда онъ выросъ, когда для него такъ необходимо, чтобы она помнила то, что она тогда говорила, можетъ ли она теперь подойти къ нему и сказать: «вотъ я; вотъ я, твоя вѣрная мать!» Можетъ ли онъ питать къ ней такое же довѣріе, какъ прежде?

— Нѣтъ, — сказала Венка громко, и это слово прозвучало какъ-то особенно печально въ пустой комнатѣ, — нѣтъ, не можетъ!

Какъ тогда, во время этой исторіи въ школѣ, такъ и позже, въ вопросѣ о конфирмаціи, она стала въ сторонѣ, отказалась отъ своихъ святѣйшихъ принциповъ и потеряла довѣріе сына. Никогда не видалъ онъ ее колеблющейся и нерѣшительной, кромѣ этихъ двухъ случаевъ, которые были самыми важными въ его жизни. И ради чего она отступила? Какимъ жалкимъ показалось ей все теперь въ сравненіи съ ея великою задачей, ея обязанностью удержать сына на надлежащемъ пути. Нѣтъ, ее что-то ослабило, обезсилило, это—Мордтманъ; ради него и занятая имъ она оставила своего сына... Оставила? Нѣтъ, она измѣнила ему!

Она перешла къ своимъ отношеніямъ къ Мордтману; какими грязными казались они ей теперь, какъ мало цѣны имѣли они въ настоящую минуту въ ея глазахъ! Она остановилась на своей любви и стала испытывать ея силу, предложила самой себѣ вопросъ, можетъ ли она жертвовать ради нея своимъ очагомъ, своимъ положеніемъ, мужемъ, сыномъ, своимъ добрымъ именемъ, и когда она все это положила на одну чашку вѣсовъ, то со стра-

хомъ обратилась къ своей любви... Она должна была сознаться, что она уже слишкомъ стара. Да, слишкомъ стара, — думала она, — для той беззавѣтной любви, которая заманчива, какъ блаженство, и тяжела, какъ обязанность. Она слишкомъ хорошо знала жизнь, чтобы обманывать себя надеждой, и была слишкомъ честна и вѣрна своимъ обязанностямъ, чтобы оставлять безъ вниманія права другихъ. Она любила Мордмана, это она чувствовала. Бывали минуты, когда ее ласкала мысль, что она можетъ быть съ нимъ, можетъ жить съ человѣкомъ, съ которымъ она такъ сходилась во взглядахъ, — съ человѣкомъ, чуждымъ всякихъ предразсудковъ, такимъ смѣлымъ и благороднымъ во всѣхъ отношеніяхъ. А когда она затѣмъ думала о той жизни, которую ей приходилось вести съ мужемъ, ее приводила въ ужасъ вся ложь, связанная съ такою жизнью; она чувствовала такое отвращеніе, что видѣла единственный выходъ, единственное спасеніе для себя въ разрывѣ съ мужемъ и затѣмъ — въ новой жизни съ Мордманомъ. Но она не могла пойти къ Мордману въ теперешнемъ своемъ положеніи. Ее охватило чувство глубокаго состраданія къ этому ребенку, который даже у матери не встрѣтилъ любви и нѣжности, который никого не обрадуетъ своимъ рожденіемъ, и Венка на мгновеніе забыла свое собственное горе. Она не была ни хорошею матерью, которая бы радовалась рожденію ребенка, ни хорошею женой, ни надежною подругой, — ничѣмъ и ни для кого... А если такъ, то развѣ не лучше покончить съ собой?

Смерть ей не была страшна; она часто останавливалась надъ мыслью о самоубійствѣ; она была увѣрена, что разъ она рѣшится на это, то въ мужествѣ у нея не будетъ недостатка. Она смѣялась надъ тѣмъ самодовольствомъ, съ которымъ обыкновенно обвиняютъ въ трусости людей, рѣшающихся покончить съ жизнью; мысль эта была ей очень близка и она знала, что необходимо мужество... именно мужество, чтобы рѣшиться на это.

Измученная хаосомъ мыслей, возникшихъ въ ея головѣ, она погрузилась въ тихія, мрачныя грезы; не лучше ли будетъ для нея и для другихъ, если она признаетъ себя разбитою, побѣжденною и добровольно уйдетъ изъ этого міра, вмѣсто того, чтобы жить во лжи, среди развалинъ былаго, понизивъ свои требованія къ тому, за что она боролась и чему она теперь измѣнила, — требованія правды, полной правды въ жизни?

Но, вѣдь, она не одна. Ей вдругъ представилась маленькая, нѣжная головка; имѣетъ ли она право погубить вмѣстѣ съ собой и другое существо, потушить пламя еще раньше, чѣмъ оно вспых-

нуло? Новыя сомнѣнія, новыя мученія, новые вопросы овладѣли ею; отчего же нигдѣ и ни у кого нельзя найти помощи?

Наконецъ, часамъ къ восьми пришелъ домой мужъ; она его не ждала, но она знала, что онъ къ этому времени долженъ придти. Онъ прошелъ черезъ переднюю и оставилъ тамъ свою палку; поговорить ли ей съ нимъ? Во всякомъ случаѣ, онъ ей мужъ; ему также на половину принадлежитъ та маленькая жизнь, которую она готова потушить; онъ открылъ дверь и вошелъ.

— Есть здѣсь кто-нибудь?—спросилъ онъ.

— Я здѣсь,—отвѣтила она съ софы.

— Ты одна?

Въ его тонѣ было что-то такое, что заставило ее вздрогнуть. Она ничего не отвѣтила и стала торопливо зажигать лампу; руки ея дрожали; стекло отъ лампы ударилося о колапакъ и зазвенѣло.

— Что съ тобою, Венка?

— Скорѣе нужно спросить, что съ тобою,—отвѣтила она рѣзко, тогда какъ мужъ ея ходилъ по комнатамъ съ злою улыбкой.

— Ахъ, да, со мною тоже что-то не ладно; объ этомъ именно я и хотѣлъ поговорить съ тобой. Но, Боже мой, Венка, на что ты похожа!

Ей вдругъ пришло въ голову притвориться, будто она не поняла, что онъ имѣлъ въ виду ея опечаленное, заплаканное лицо; она воспользовалась случаемъ сказать то, о чемъ она только что думала.

— На что же мнѣ быть похожей? Я думала, ты знаешь, въ чемъ дѣло.

— Знаю... знаю, въ чемъ дѣло?... Что такое?

— Такъ ты не понялъ?

Онъ моментально выпрямился, провелъ рукой по волосамъ, посмотрѣлъ на нее испытующимъ взглядомъ доктора, отвернулся и опять подошелъ, бормоча что-то про себя.

— Что ты говоришь, Карстенъ?

— Я? Ничего особеннаго,—отвѣтилъ онъ и поблѣднѣлъ.

— Я боюсь, что никто изъ насъ не будетъ любить это бѣдное маленькое существо.

— Какое маленькое существо?

— Нашего ребенка, Карстенъ! Нашего бѣднаго ребенка!

— Нашего?—отвѣтилъ онъ съ тою же оскорбительною усмѣшкой и обернулся на мгновеніе лицомъ къ ней.

Венка взглянула на его искаженное лицо, она ничего не понимала. Онъ направился къ дверямъ.

— Барстенъ!—вскрикнула она.—Барстенъ, что ты сказалъ?

Онъ обернулся въ дверяхъ; все лицо его измѣнилось: посѣдѣвшіе волосы стояли дыбомъ, глаза налились кровью, точно у хищнаго звѣря, вырвавшагося изъ клетки, и онъ охрипшимъ, задыхающимся голосомъ бросилъ ей въ лицо: «Я тебѣ не вѣрю!»

Она кинулась къ нему съ крикомъ и сжатыми кулаками, но онъ былъ уже въ передней и она не пошла за нимъ. Убить его она не могла, а ей хотѣлось теперь только этого.

Она простояла такъ съ минуту, дрожа всѣмъ тѣломъ; затѣмъ оправилась и пошла дать распоряженія служанкѣ: профессоръ, вѣроятно, не придетъ къ ужину, она же уходитъ и беретъ съ собой ключъ отъ дверей: пусть ее не ждутъ. Абрамъ былъ въ гостиной у Броха; ей хотѣлось его видѣть, но такъ лучше... это могло бы ей помѣшать. Она одѣлась въ шубу, подняла капюшонъ и вышла на улицу.

Венка направилась прямо къ Мордтману; это было не далеко. Дорогой она думала только о томъ, что теперь у нея все кончено съ мужемъ,—все и навсегда; она пойдетъ къ Мордтману и все ему расскажетъ; этимъ, наконецъ, все разъяснится, ея положеніе станетъ опредѣленнымъ и честнымъ, какъ прежде, на счастье же она не возлагала особенныхъ надеждъ.

Она никогда не была въ городской квартирѣ Мордтмана, но знала его окна, выходящія на улицу; въ комнатѣ у него было свѣтло. Домъ былъ устроенъ, какъ большая часть городскихъ домовъ; наружная дверь была отперта, а передней не было, такъ что Венка подошла прямо къ его двери, постучалась и вошла.

Мордтманъ стоялъ посреди комнаты, въ пальто и шляпѣ, съ сигарой въ зубахъ; онъ хотѣлъ уже потушить лампу и идти въ клубъ. Въ комнатѣ носился легкій запахъ горячаго ужина, смѣшанный съ тонкимъ ароматомъ только что закуреной хорошей сигары.

— Добрый вечеръ,—сказала Венка съ печальною улыбкой.— Вотъ я и пришла къ вамъ. Подождите немного, пока я соберусь съ силами.

Онъ хотѣлъ что-то сказать, но не могъ выговорить ни одного слова, положилъ сигару и снялъ пальто. За послѣдніе дни пылъ его успѣлъ остыть; разстроенное лицо профессора навело его на мысль, что дѣло приняло слишкомъ серьезный оборотъ. Да и Венка сама слишкомъ серьезна и неподатлива на такія отношенія, о какихъ онъ думалъ. И вотъ она явилась къ нему въ комнату, сѣла на софу и говорить: «Вотъ я и пришла!» Что дѣлать? Какъ говорить съ ней? Какъ ему держаться теперь?

Сидя здѣсь на софѣ, блѣдная и смущенная, она была хороша, даже очаровательна; но развѣ это могло сколько-нибудь помочь ему при ея странномъ торжественномъ обращеніи?

Онъ налилъ ей стаканъ вина.

— Милая госпожа Левдаль, что съ вами? Не случилось ли чего дурнаго?

— Нѣтъ, — отвѣтила она и опять улыбнулась ему, — вы, можете быть, даже найдете это хорошимъ, такъ какъ теперь сразу исполняются всѣ ваши желанія.

— Въ чемъ дѣло, расскажите! — вскрикнулъ онъ горячо, стараясь придать своему голосу выраженіе радости и восторга.

Она этого не замѣтила; она была слишкомъ занята тѣмъ, что ей нужно было сказать, воспоминаніемъ о томъ моментѣ, когда она порвала свои отношенія съ однимъ человѣкомъ, чтобы завязать новыя съ другимъ. Она начала спокойнымъ тономъ, какъ бы прося его имѣть терпѣніе выслушать ея длинный серьезный докладъ:

— Я разошлась съ мужемъ и пришла къ вамъ; но раньше намъ нужно поговорить о...

— Вы разошлись, говорите вы?... Я не понимаю...

Ему вдругъ представился этотъ маленькій городокъ, въ которомъ всѣ отъ мала до велика стануть говорить о томъ, что профессорша убѣжала отъ мужа, чтобы провести ночь въ его холостой квартирѣ.

Легкая дрожь прошла по тѣлу профессорши; она бросила быстрый взглядъ на него и сказала вскользь:

— Да, у меня была тяжелая сцена съ мужемъ и я пришла попросить у васъ совѣта.

— Такъ вотъ что! Я готовъ все сдѣлать для васъ. Вы меня сначала очень испугали. Но, все-таки, съ вашей стороны было довольно неосторожно идти сюда въ такое время.

Онъ подсѣлъ къ ней на софу.

Лицо Венки сразу стало неподвижнымъ; по угламъ ея рта появились вдругъ морщины. Она, говорившая всегда только правду, была очень чутка ко всякой фальши, ко всему искусственному и дѣланному. Теперь она видѣла его насквозь. Ея собственная любовь къ нему, сдѣлавшая ее вполнѣ довѣрчивою и слѣпою, помѣшала ей разглядѣть его раньше; къ тому же, онъ, дѣйствительно, выказалъ такъ много истинной страсти при ихъ послѣднемъ свиданіи. Но теперь онъ сразу выдалъ себя. Въ его голосѣ чувствовалось такое облегченіе, когда онъ услышалъ, что дѣло обстоитъ еще не такъ плохо, — только бурная сцена съ мужемъ, — что ей сразу

стало ясно, въ какое ужасное море лжи она готова была броситься, спасаясь отъ трусости и лицемерія.

Она встала и посмотрѣла ему въ глаза. Онъ также поднялся, пробормоталъ какія-то непонятныя слова и сталъ укрываться, насколько это было ему возможно, отъ этихъ глазъ, которые пронизывали его насквозь, не давая ему возможности избѣжать ихъ. Нѣсколько секундъ онъ выдерживалъ, но затѣмъ долженъ былъ отвернуться. Когда онъ опять взглянулъ на нее, лицо его было блѣдно, руки поднялись вверхъ, точно онъ боялся, что вотъ-вотъ что-то упадетъ и раздавитъ его.

Но у Венки было съ нимъ все кончено. Она протянула было руку къ стакану съ виномъ, который стоялъ на столѣ, но вдругъ ею овладѣлъ страхъ, что она можетъ въ эту мучительную минуту упасть въ обморокъ, здѣсь, у него. Она не притронулась къ стакану, употребила всѣ усилія, чтобы совладѣть съ собой, встала и вышла изъ комнаты.

Идя безцѣльно по безлюднымъ улицамъ, она забралась въ такую отдаленную часть города, гдѣ уже не было фонарей; это она замѣтила только тогда, когда споткнулась о что-то и не могла найти дороги.

Вдоль края дороги торчали громадные камни, а глубоко внизу слышался плескъ волнъ, которыя съ шумомъ приливали къ прибрежнымъ скаламъ и отскакивали назадъ. Огни, горѣвшіе въ городѣ, отражались въ бухтѣ маленькими свѣтлыми полосками. Венка отвернулась, сѣла на камень и стала безцѣльно смотрѣть въ темную даль. «Бѣдный Абрамъ, бѣдный Абрамъ!» — повторяла она шепотомъ. Съ нимъ она прощалась послѣ всѣхъ; одинъ только онъ еще привязывалъ ее къ жизни, такъ какъ съ Мордтманомъ она покончила уже всѣ счеты, — да, совершенно покончила. Ей было стыдно, она чувствовала себя униженною и оскорбленною тѣмъ, что позволила этому человѣку такъ обмануть себя. Теперь не только исчезла любовь къ нему, но онъ вселилъ въ нее отвращеніе ко всѣмъ ея идеямъ, къ самымъ дорогимъ и задушевымъ ея убѣжденіямъ; она не можетъ теперь положиться ни на что, ни на кого, ни даже на самоё себя.

Она не могла упрекать себя за то, что ушла отъ мужа. Последнее оскорбленіе уничтожило все, что поддерживало его въ ея глазахъ во все время ихъ совмѣстной жизни; у него прорвалась грубость, именно та звѣрская черта въ характерѣ мужчины, которую она презирала и которую онъ счумѣлъ до сихъ поръ такъ искусно скрывать отъ нея. Нѣтъ, она не вернется уже къ нему!

И маленькое существо, которое она уносила съ собой, уже насколько не огорчало ее; теперь ей было ясно, что она сдѣлаетъ ему благодѣяніе, послѣднее въ ея жизни, благодѣяніе тѣмъ, что потушить огонь прежде, чѣмъ онъ вспыхнетъ, — тѣмъ, что избавить его отъ сомнительнаго блага жизни.

Въ этомъ страшномъ одиночествѣ на самомъ краю жизни, съ которою она должна была покончить, она почувствовала слабый проблескъ материнскій радости, какъ будто она держала въ своихъ объятіяхъ это маленькое заплаканное дитя и погрузилась вмѣстѣ съ нимъ въ блаженный сонъ.

Но неужели Абрамъ, ея милый сынъ, безвозвратно потерявъ для нея и ей никогда не удастся возвратитъ его себѣ? — безпрестанно ставила она себѣ этотъ вопросъ и всякій разъ, когда ей казалось, что она уже можетъ рѣшить его, снова всплывало какое-нибудь затрудненіе. Нѣтъ! она не можетъ уже быть ему полезной своею жизнью настолько, насколько это ему нужно, — это невысказано! Напротивъ, ей казалось, что воспоминаніе о ней скорѣе, можетъ быть, поможетъ ему вступить на путь истинный, если онъ когда-нибудь, — а на это она надѣялась, — пойметъ, что она, мать его, стремилась къ тому, чтобы сдѣлать его здоровымъ и честнымъ, тогда какъ другіе отравили его юность и сдѣлали его трусливымъ и безчестнымъ.

Силы Венки почти совершенно истощились; ей было ясно только одно, это — ея рѣшеніе. Мучительные расчеты съ жизнью истерзали и притупили ея умъ; она сама это замѣтила и подошла къ ближайшему фонарю, чтобы посмотрѣть, который часъ.

Было половина двѣнадцатаго.

Венка все думала, какъ она выполнитъ свое рѣшеніе, она думала также и о тѣхъ, кого она оставляла здѣсь.

Она завернулась плотнѣе въ шубу и стала смотрѣть черезъ бухту на городъ, она старалась припомнить свою молодость, свои радости, счастье, — все, что было свѣтлаго въ ея жизни; все это прошло передъ нею въ видѣ смутныхъ воспоминаній и она снова остановилась на мрачномъ концѣ своей жизни; она ослабѣла, но рѣшеніе ея было непоколебимо.

Затѣмъ она быстро пошла черезъ городъ домой.

XII.

Профессоръ засидѣлся въ клубѣ позже десяти часовъ, пить пуншъ; это вызвало всеобщее удивленіе. Въ другое время у него все шло съ правильностью маятника, только въ пятницу вечеромъ

онъ позволялъ себѣ сыграть въ клубѣ три роббера въ вистъ; въ остальные же дни онъ въ девять часовъ былъ уже дома. А сегодня, во вторникъ, онъ ужиналъ въ клубѣ и затѣмъ игралъ съ молодежью на биллиардѣ: это — что-то необыкновенное! Онъ самъ смѣялся надъ этимъ и былъ очень веселъ. Но когда онъ въ одиннадцать часовъ вернулся домой, жены его все еще не было. Это его крайне неприятно поразило.

Онъ рассчитывалъ, что когда онъ вернется такъ поздно, она будетъ спать или притворится, что спитъ; онъ вовсе не хотѣлъ объясняться съ ней теперь же, ночью, когда все случившееся между ними было еще такъ свѣжо въ памяти. Онъ сталъ раздумывать, гдѣ она можетъ быть. Близкихъ знакомыхъ у нея было не много: въ городѣ было три-четыре семейства, съ которыми они были въ такихъ отношеніяхъ, что профессорша могла пойти къ нимъ вечеромъ безъ приглашенія и не извѣщая ихъ заранѣе объ этомъ. Но, въ такомъ случаѣ, она должна была вернуться раньше одиннадцати часовъ.

Ему сперва и въ голову не приходило, что тутъ можетъ быть что-нибудь особенное. Онъ посмотрѣлъ, взяла ли она съ собой второй ключъ отъ наружной двери; ключа не было, онъ вынулъ изъ дверей свой, чтобы она могла войти. Гдѣ бы она ни была, тамъ, во всякомъ случаѣ, позаботятся проводить ее домой, да, и кромѣ того, женщина столь извѣстная, какъ госпожа Левдаль, могла смѣло ходить одна по улицамъ даже глубокою ночью. Онъ наскоро раздѣлся и легъ въ постель, чтобы, въ случаѣ, если она скоро вернется, имѣть возможность притвориться спящимъ. Онъ, прежде всего, хотѣлъ оттянуть предстоявшее объясненіе до утра. Ночью объясняться невозможно: это только усилило бы раздраженіе и раздоръ.

Утромъ все представляется въ меньшихъ размѣрахъ и подъ вліяніемъ прохладнаго утренняго воздуха о самыхъ жгучихъ вопросахъ можно говорить какъ о мелочахъ.

Профессоръ Левдаль самъ сознавалъ, что онъ зашелъ слишкомъ далеко и глубоко оскорбилъ жену. Ему, какъ человѣку порядочному, было стыдно, что онъ выказалъ такую черту своего характера, которую онъ всегда тщательно скрывалъ: для него это былъ вопросъ чести. Передъ женой ему было собственно менѣе совѣстно, такъ какъ онъ самъ зналъ, что онъ не могъ серьезно думать того, что выражали тѣ злыя слова, и былъ вполне увѣренъ, что и она, когда успокоится, пойметъ, что они сорвались у него въ пылу раздраженія.

Новость, сообщенная ему женой, въ высшей степени неприятно

поразила его. Онъ въ теченіе многихъ лѣтъ привыкъ къ той мысли, что у него только одинъ сынъ. Изъ своей собственной практики среди бѣдныхъ и изъ статистики онъ хорошо зналъ, какія печальныя послѣдствія влечетъ за собою многочисленность семейства, и самъ онъ говорилъ и писалъ часто и рѣзко противъ этого. Не смѣшно ли, не скандально ли это, если у него, на старости лѣтъ, послѣ шестнадцатилѣтней семейной жизни, окажется такое противорѣчіе съ его же собственными взглядами? И сколько остротъ, насмѣшекъ и даже язвительныхъ намековъ придется ему выслушивать! А сколько беспорядка въ домѣ, неудобствъ и непріятностей, которыя легко переносятся въ молодости, когда все это еще ново, но которыя становятся въ высшей степени тягостны и переворачиваютъ весь домъ вверхъ ногами, когда человѣкъ уже думаетъ только о спокойствіи! Всѣ эти мысли внезапно овладѣли имъ и довели до крайнихъ предѣловъ его и безъ того дурное настроеніе, въ которомъ онъ былъ въ послѣднее время, такъ что этотъ сдержанный человѣкъ, такъ хорошо умѣвшій владѣть собой, совершенно вышелъ изъ себя и у него вырвались тѣ слова, которыя выдали его тайну въ нѣкоторомъ смыслѣ, хотя въ глубинѣ души онъ былъ далекъ отъ того, чтобы серьезно думать то, что онъ сказалъ,—по крайней мѣрѣ такъ, какъ Венка могла понять его. Завтра все это, вѣроятно, приметъ совсѣмъ иной оборотъ. Самаго факта, конечно, измѣнить уже нельзя, но профессоръ Левадаль принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которые умѣютъ съ полнымъ достоинствомъ примиряться съ неизбѣжными обстоятельствами. Онъ охотно извинится передъ супругой и готовъ дать ей какое угодно удовлетвореніе за нанесенное имъ оскорбленіе; все это нужно уладить спокойно и разумно. И такъ, завтра.

Онъ потушилъ свѣчу и старался уснуть, но это ему не удавалось; уснуть онъ не могъ,—онъ былъ въ крайне возбужденномъ состояніи,—и внимательно прислушивался ко всякому звуку, и каждый шагъ, раздававшійся на улицѣ среди ночной тишины соннаго города, казался ему страннымъ шумомъ. Страхъ его быстро возросталъ и все болѣе и болѣе овладѣвалъ имъ: ему представлялись самыя ужасныя фантастическія картины. Время шло поразительно медленно: каждыя пять минутъ тянулись какъ четверти часа; онъ зажигалъ спичку за спичкой и смотрѣлъ на часы.

Да гдѣ же она, наконецъ? Скоро двѣнадцать часовъ! Съ ней непремѣнно случилось что-нибудь особенное! Ея послѣднія слова, ея крикъ, когда она бѣжала отъ обвиненія,—все это представлялось ему съ поразительною живостью; онъ зналъ, какъ за-

пальчива и неосмотрительна она. Какъ хорошо зналъ онъ эти сумасбродные характеры, и чего только нельзя ожидать отъ нихъ? Гдѣ же она теперь? У него помутилось въ глазахъ, — бродить ли она ночью по городу, или, можетъ быть, трупъ ея уже плаваесть въ волнахъ между крутыми утесами?

Онъ сѣлъ на кровать и зажегъ свѣчу. Онъ старался усноковать себя какъ больнаго, но напрасно.

Наконецъ, онъ услышалъ, что отпираютъ дверь. Быстро потушивъ свѣчу, онъ легъ и сталъ дышать глубоко и ровно, притворяясь, будто бы онъ уже давно спитъ. Онъ чувствовалъ громадное облегченіе и смѣялся надъ своимъ страхомъ.

Венка вошла въ комнату и зажгла свѣчу; она сняла платье и внимательно посмотрѣла на мужа: онъ спалъ крѣпко и спокойно. Она взяла связку его ключей тихо и осторожно, такъ что ни одинъ ключъ не звякнулъ и со свѣчей вышла изъ комнаты.

Левдаль замѣтилъ, что она вышла изъ комнаты, но это, конечно, не могло его удивить. Главное, она вернулась: страхъ его прошелъ, а завтра онъ все выведетъ на чистую воду. Успокоенный и измученный этими душевными волненіями, онъ все притворялся спящимъ и дѣйствительно скоро уснулъ крѣпко и проспалъ нѣсколько часовъ.

Но когда онъ ночью проснулся и нашелъ постель жены пустой и холодной, имъ снова овладѣлъ страхъ; онъ быстро вскопчилъ, зажегъ свѣчу и осмотрѣлъ все кругомъ. Былъ уже четвертый часъ; жены его нигдѣ не было, — лежало только платье, снятое и оставленное ею здѣсь.

Сердце у профессора сильно забилося: несомнѣнно, тутъ что-то неладно. Онъ овладѣлъ собой, вооружился тѣмъ спокойствіемъ, которое было такъ свойственно его натурѣ и всегда подкрѣпляло и поддерживало его въ жизни и въ дѣятельности. Одѣвшись кое-какъ, онъ взялъ свѣчу и пошелъ искать жену. Черезъ всѣ комнаты виднѣлась полоса свѣта, выходившая изъ его пріемной, дверь въ которую была притворена. Онъ невольно остановился на мгновеніе, затѣмъ подошелъ къ дверямъ; онъ уже зналъ, какое зрѣлище его ожидаетъ.

Онъ едва могъ держаться на ногахъ и свѣча чуть не выпала у него изъ рукъ. Въ его большомъ креслѣ, вытянувшись, какъ мертвая, лежала Венка. Передъ ней на столѣ догорала свѣча, а изъ руки, протянутой Венкой, очевидно, въ послѣдній моментъ, выпала одна изъ тѣхъ маленькихъ стеляногъ, которыя были ему слишкомъ хорошо знакомы.

Онъ поставилъ свѣчу и бросился къ ней. Но вдругъ ему пришла въ голову мысль, которая дала ему силу и бодрость: нужно сообразить, что теперь дѣлать, можно ли еще что-нибудь скрыть, вотъ въ такихъ-то именно случаяхъ и нужно быть мужчиной.

Онъ опять пустилъ въ дѣло все свое самообладаніе, развитое многолѣтними упражненіями; поднесъ зеркало къ губамъ, хотя зналъ, что, разъ стьянка пуста, смерть должна была наступить моментально. Онъ взялъ пузырекъ, поставилъ его въ шкафъ, отыскалъ на полу пробку, заперъ затѣмъ шкафъ и положилъ ключи въ карманъ.

Онъ нагнулся надъ Венкой, немного отвернувшись, поднялъ ее, перенесъ черезъ всѣ комнаты въ спальню и положилъ на кровать. Затѣмъ зажегъ въ спальнѣ свѣчи, еще разъ осмотрѣлъ все и пошелъ будить прислугу. Прежде всего, онъ послалъ служанку къ Бентцену: профессорша больна, серьезно больна—при смерти. Абрама будить не надо.

Уславъ служанку, профессоръ быстро прошелъ въ свою приемную и взялъ изъ шкафа какую-то склянку.

Когда пришелъ Бентценъ, профессоръ встрѣтилъ его въ передней.

— Все кончено... любезный другъ... теперь ужъ ничѣмъ не поможешь... разрывъ сердца... и такъ внезапно...

— Бѣдный другъ!—отвѣтилъ Бентценъ и пожалъ ему руку.— Неужели я опоздалъ?

— Ахъ, нѣтъ! Я самъ опоздалъ. Подумай только: я уже спалъ; она легла позже; все это случилось такъ тихо и внезапно, когда она раздвѣвалась, такъ что, когда я проснулся, она уже была въ безсознательномъ состояніи, въ предсмертной агоніи.

Профессоръ рассказывалъ обстоятельно и подробно, какъ убійца, желающій показать, что онъ нисколько не смущенъ.

— Ты ей давалъ мускусъ?—съ удивленіемъ спросилъ докторъ Бентценъ, нагнувшись надъ трупомъ.

— Да что же мнѣ было дѣлать?—отвѣтилъ профессоръ и развелъ руками.— До твоего прихода я былъ въ самомъ отчаянномъ и безпомощномъ положеніи; я схватилъ первое, что мнѣ попалось подъ руку; она была уже мертва, когда я влилъ ей это въ ротъ. Я всегда боялся за сердце Венки... но этого ужъ...

Бентценъ положилъ ему руку на плечо: «Будь мужчиной, Левдаль! Мы съ тобой столько насмотрѣлись на эти вещи, что намъ нужно быть мужественными, когда насъ самихъ постигаетъ такое

несчастье. Я вижу, что ты спокоенъ, да, къ тому же, ты, слава Богу, знаешь, кто можетъ дать тебѣ самое лучшее утѣшеніе».

Докторъ Бентценъ въ такихъ случаяхъ постоянно принималъ религіозный тонъ, хотя въ другое время изъ его устъ выходили по большей части только ругательства и сквернословія. Когда Бентценъ ушелъ и дверь за нимъ заперлась, самое худшее было скрыто и честь спасена; лишь тогда силы измѣнили профессору и онъ всецѣло отдался своему горю; онъ заперся съ мертвой, упалъ передъ постелью и залился слезами.

Вотъ чѣмъ окончилась его семейная жизнь! Она была для него длинною борьбой, въ которой онъ постоянно терпѣлъ пораженія, и вотъ теперь—послѣднее пораженіе! Онъ хотѣлъ приобрести расположеніе своей жены не любовью, а другими средствами. Она должна была относиться къ нему съ полнымъ уваженіемъ, должна была признать правильными всѣ его взгляды на жизнь и преклониться передъ ними. Тщеславіе было главною чертой въ характерѣ Карстена Левдаля. Все способствовало тому, чтобы укрѣпить въ немъ эту черту; только жена его не хотѣла преклониться передъ нимъ. И чѣмъ больше они узнавали другъ друга во время своей совмѣстной жизни, тѣмъ больше убѣждался онъ въ томъ, что его виды на ея благоговѣйное подчиненіе ему съ каждымъ днемъ теряютъ почву подъ собой; но это только усиливало его самоувереніе.

Должна же она понять когда-нибудь, что ничего ей не добиться безъ его помощи, пойметъ же она, наконецъ, что всѣ ея возвышенныя идеи—однѣ лишь пустыя и громкія фразы.

Но, все-таки, она невольно внушала ему уваженіе. Эта ни передъ чѣмъ не оставляющая откровенность, этотъ твердый, увѣренный взглядъ, который онъ чувствовалъ на себѣ всегда, даже въ обществѣ, когда она сидѣла далеко отъ него, лишь только онъ ловко и увлекательно удалялся отъ истины; они постоянно смущали и раздражали его потому, что ему никогда не удавалось устранить ихъ. Только въ одномъ случаѣ онъ побѣдилъ ее, — именно въ борьбѣ за Абрама. Но одновременно съ этимъ случилось нѣчто новое, гораздо худшее, чѣмъ все остальное, что повело за собой послѣдній ударъ.

У него была тайна, которую онъ старался всѣми силами скрыть—именно, онъ былъ ревнивъ,—безмолвно, злобно ревнивъ. Какъ своего тщесавія онъ никогда не обнаруживалъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ бы это могло имѣть хоть малѣйшее сходство съ рисовкой, съ хвастовствомъ, такъ и ревности своей никогда не проявлялъ онъ порывисто и горячо. Онъ постоянно помнилъ выраженіе, вычитан-

ное имъ гдѣ-то въ молодости: «Ревнивый мужъ всегда смѣшонъ, особенно съ кинжаломъ въ рукѣ». Быть смѣшнымъ—это казалось профессору Левдалю крайнею степенью униженія, и онъ разъ навсегда далъ себѣ слово никогда не прибѣгать къ кинжалу. Да это было не въ его характерѣ; и какъ бы глубоко онъ ни чувствовалъ себя оскорбленнымъ и какъ чутко онъ ни былъ къ малѣйшей обидѣ и оскорбленію, никто никогда не могъ этого замѣтить въ немъ.

Поэтому онъ съ перваго же дня своего супружества держался такого правила: онъ притворялся, будто ничего не видитъ и не замѣчаетъ, и обращался съ молодыми людьми, ухаживавшими за его женой, любезно и предупредительно и всегда расхваливалъ ихъ, такъ что надоѣдалъ этимъ самой Венкѣ. Въ то же время, онъ держался немного въ сторонѣ, стараясь выставлять на видъ все свое рыцарство; смотря по обстоятельствамъ, онъ то ступевывался, то выдвигалъ на первый планъ свою вѣрность и преданность, такъ что молодая женщина, полною любовью которой онъ никогда не пользовался, возвращалась къ нему безъ малѣйшаго колебанія всякій разъ, когда какія-нибудь отношенія начинали беспокоить ее. Въ сущности, она, все-таки, чувствовала къ нему большое довѣріе. Но всякій разъ, когда кризисъ проходилъ, профессоръ сознавалъ, что скоро настанетъ новый, съ которымъ справиться будетъ труднѣе. Это было, между прочимъ, одной изъ причинъ его отъѣзда изъ столицы. Здѣсь, въ маленькомъ городкѣ, было безопасно...

Правда, здѣсь за ней ухаживалъ втихомолку старшій учитель Абэль, профессора это злило, но само по себѣ это было совершенно безопасно. Ему уже казалось, что онъ, наконецъ, навсегда избавился отъ точащаго его червя, но тутъ явился Мордтманъ...

Съ того злосчастнаго обѣда, который профессоръ устроилъ, потому что считалъ это своею обязанностью и потому что Венка выказывала раньше полное равнодушіе къ Мордтману, съ того момента, когда она благодарила молодого гостя за его помощь въ спорѣ о школь, — съ тѣхъ поръ профессоръ зналъ уже, что будетъ дальше, хотя онъ никогда не могъ ожидать, что дѣло кончится такъ печально. Онъ предвидѣлъ новое испытаніе и прибѣгъ къ своей старой методѣ: онъ подписался на акціи фабрики «Фортуна», вступилъ въ число директоровъ и приглашалъ Мордтмана къ себѣ съ самою любезною улыбкой. Но скоро онъ замѣтилъ, что теперь ему будетъ управиться не такъ легко, какъ прежде. Съ каждымъ днемъ ему было все труднѣе и труднѣе владѣть собой; ничто не ускользало отъ его взгляда, онъ все зналъ, все понималъ; онъ видѣлъ,

какъ отношенія ихъ завязывались и росли, — онъ увидѣлъ это раньше и яснѣе, чѣмъ сама Венка.

Кровь его кипѣла; онъ не могъ уже разыгрывать комедію, когда угрожала опасность, что вотъ-вотъ все въ его домѣ пойдетъ верхъ ногами: старая метода оказалась на этотъ разъ недѣйствительной. Онъ долженъ принять рѣшительныя мѣры — или противъ него, или противъ нея. Въ тотъ вечеръ, когда онъ встрѣтилъ Мордтмана у выхода, лицо Мордтмана носило яркое отраженіе послѣдней страстной сцены, профессоръ долженъ былъ понять все въ одну секунду, — онъ ударилъ палкой о мостовую, но тутъ же почувствовалъ, что впредь этимъ ограничиться онъ не сможетъ. Въ такомъ настроеніи пробылъ онъ нѣсколько дней; въ роковой день онъ пришелъ домой съ намѣреніемъ чистосердечно рассказать своей супругѣ все, — все, что было съ нимъ съ перваго дня до послѣдней минуты. Онъ уже не думалъ объ ея униженіи, онъ хотѣлъ жаловаться: онъ имѣетъ право на это; онъ хотѣлъ вернуть ее къ ея обязанностямъ, отъ которыхъ она, какъ честная женщина, не можетъ отказаться. Тутъ она, къ несчастію, выступила съ этою неприятною и неожиданною новостью, такъ что благоразуміе, котораго онъ такъ строго придерживался, оставило его; онъ вышелъ изъ себя и бросилъ ей въ лицо послѣднее оскорбленіе. Онъ хотѣлъ только сказать, что онъ ей больше не довѣряетъ, что онъ началъ сомнѣваться въ ней; онъ хотѣлъ предостеречь ее, просить, хотѣлъ говорить съ ней сурово, — смотря по тому, какой оборотъ приметъ разговоръ. Но онъ былъ далекъ отъ того, чтобы оскорблять ее, какъ это вышло. Что сердце ея можетъ отвернуться отъ него, это онъ зналъ и это — то именно причиняло ему особенныя мученія; но онъ также хорошо зналъ, что если дойдетъ до этого и она будетъ дѣлать выборъ въ полномъ сознаніи, она тотчасъ же придетъ къ нему и все ему скажетъ. Чтобы она могла измѣнить ему какимъ-нибудь инымъ образомъ, этого онъ отъ нея никогда не могъ ожидать. И меньше всего вѣрилъ онъ этому теперь, когда смотрѣлъ на нее съ такими тяжелыми думами.

Вотъ она лежитъ — такая невинная, спокойная, съ такою увѣренностью въ разумности исполненнаго ею рѣшенія. И онъ долженъ былъ сознаться, что она еще разъ одержала надъ нимъ полную и рѣшительную побѣду. Онъ могъ поддерживать себя въ ея глазахъ только тѣмъ, что, несмотря на всю лживость и трусость, которыя она находила въ его характерѣ, онъ сохранилъ, все-таки, въ себѣ что-то рыцарское, что ей очень нравилось и что она должна была уважать въ немъ. Но теперь, при ихъ послѣднемъ свиданіи, онъ

какъ разъ выказалъ свою худшую сторону, выставилъ себя въ самомъ ужасномъ видѣ, и такое впечатлѣніе о немъ она унесла съ собою въ могилу.

Онъ поднялся въ страшномъ озлобленіи. Его любовь къ ней была, прежде всего, жгучимъ желаніемъ принудить ее почтительно удивляться ему. Теперь онъ былъ уничтоженъ самымъ безжалостнымъ образомъ, она выказала ему полнѣйшее презрѣніе, отвернулась отъ него и оставила его навсегда.

Все его горе и разочарованіе, весь остатокъ его любви, не поглощенной еще тщеславіемъ, превратились теперь въ ненависть къ Мордтману; теперь хотѣлъ онъ жить только для того, чтобы уничтожить Мордтмана и отомстить ему за свое собственное пораженіе. Онъ теперь не могъ думать ни о чемъ иномъ.

Но онъ совсѣмъ упустилъ изъ вида Абрама, —вѣдь, Абрамъ— ея сынъ; при этой мысли озлобленіе его нѣсколько уменьшилось. Его онъ хотѣлъ заставить преклоняться передъ собой, онъ долженъ принять любовь, предлагаемую ему отцомъ, съ благодарностью и любовью, —съ такою любовью, какая нужна была Барстену Левдадю. Онъ поможетъ Абраму перенести это горе, такъ какъ нельзя же запретить ему горевать о матери; а затѣмъ онъ воспитаетъ и розовьетъ его по-своему, доставитъ ему такое высокое положеніе, до какого только могла мысленно достигнуть его любовь, тогда, конечно, сынъ дастъ ему все, въ чемъ ему постоянно отказывала мать.

Профессоръ взялъ лампу и пошелъ разбудить Абрама, чтобы какъ можно мягче сообщить ему о потерѣ матери. Служанки уже не ложились спать и съ нетерпѣніемъ ждали утра, чтобы возможно скорѣе пойти въ люди и рассказать эту новость, а пока — топили печи и распивали кофе.

Абрамъ замѣтилъ сквозь сонъ, что у него топать; онъ подумалъ, что скоро пора идти въ школу. Но когда отецъ разбудилъ его, онъ быстро вскочилъ съ постели, думая, что онъ проспалъ.

— Развѣ уже восемь часовъ?

— Нѣтъ, милый мальчикъ, теперь не больше шести. Бѣнпись, Абрамъ, и моли Бога, чтобы онъ послалъ тебѣ силы: сегодня ночью мы понесли великую потерю. Твоя мать внезапно заболѣла...

— Мама умерла?—съ отчаяніемъ вскрикнулъ Абрамъ и ухватился за отца.

— Успокойся, сынъ мой; посмотри, я спокоенъ; какъ ты ни молодъ, ты долженъ отнестись къ этому, какъ мужчина. Да, Богъ

послалъ намъ обоимъ тяжелое испытаніе; твоя мать ночью вдругъ заболѣла... разрывъ сердца и никакая человѣческая сила не могла предотвратить его. Теперь... теперь ей хорошо, а мы остались одни.

Абрамъ все еще не могъ придти въ себя; онъ бросился къ своему платью съ отчетливымъ желаніемъ одѣться и пойти къ матери.

— Нѣтъ, милый Абрамъ, лежи спокойно, теперь еще такъ рано, у тебя впереди еще такъ много времени оплакивать ее, бѣдный мальчикъ.

— Но, отецъ, отецъ, неужели это правда?— вскричалъ Абрамъ, и съ горькими рыданіями упалъ на подушку.

Долго сидѣлъ отецъ у его постели и ласкалъ его. Но когда плачь понемногу утихъ, онъ поднялся:

— Лежи, Абрамъ, до утра, или сколько хочешь; эти дни ты не будешь ходить въ школу, я сейчасъ приду опять къ тебѣ.

Абрамъ никакъ не могъ представить себѣ, какъ это мать умерла, безвозвратно умерла. «Умерла», — повторялъ онъ про себя въ полголоса. Онъ сидѣлъ на постели и смотрѣлъ на красное пламя въ печкѣ, пока, наконецъ, слезы опять вернулись къ нему и онъ легъ и заплакалъ. Хорошо еще, что не надо идти въ школу; онъ плакалъ, пока снова не уснулъ и спалъ долго. Всякій разъ, когда онъ готовъ былъ проснуться, онъ чувствовалъ, что его ожидаетъ что-то очень тяжелое; но мысль, что ему не нужно идти въ школу, смягчала и сглаживала это чувство. Только въ одиннадцать часовъ онъ всталъ. Когда онъ спалъ, ему поставили завтракъ; но онъ не могъ ни къ чему притронуться, онъ былъ точно ошеломленъ.

Наконецъ, онъ вышелъ изъ своей комнаты и хотѣлъ пройти черезъ узенькій корридоръ въ комнату родителей; но тутъ дверь была заперта и онъ долженъ былъ пойти другимъ ходомъ черезъ кухню. Онъ былъ очень удивленъ, увидѣвъ, что здѣсь стряпаеть кухарка, которая приходила къ нимъ только тогда, когда они приглашали гостей, а на очагѣ стоитъ большой котелъ съ кипящимъ супомъ. Абрамъ направился въ спальню черезъ столовую; здѣсь онъ увидѣлъ госпожу Бентценъ и много другихъ, знакомыхъ ему дамъ, всѣ онѣ были отѣты въ черное, а на столахъ и стульяхъ были разбросаны куски бѣлой матеріи. Все было пропитано запахомъ мускуса. Онъ никакъ не могъ опомниться, пока не подошелъ къ постели матери. Здѣсь лежала она... теперь онъ увидѣлъ ее.

— Мама!— произнесъ онъ тихо; затѣмъ повторилъ громче:— Мама!

Ему казалось, что онъ задыхается; онъ сразу понялъ всю нѣ-

умолимость смерти и не могъ плакать. Отецъ тихо подошелъ и заговорилъ съ нимъ:

— Теперь, Абрамъ, мы должны поддерживать другъ друга; она уже совсѣмъ покончила,—смотри, какъ она мирно лежитъ.

Затѣмъ онъ осторожно вывелъ сына изъ спальни.

Въ домѣ господствовало какое-то нѣжное настроеніе и тихая, притаенная дѣятельность; нужно было возможно скорѣе повѣсить бѣлыя занавѣски, а въ этомъ большомъ домѣ было много оконъ; они выходили на двѣ улицы. Только въ приемную профессора никто не смѣлъ входить. Абрамъ скрылся туда.

Отецъ разсылалъ телеграммы, по временамъ онъ останавливался и вздыхалъ. Абрамъ смотрѣлъ во дворъ; на дворѣ шелъ сильный осенній дождь.

Бъ профессору пришелъ блѣдный, скромный человѣкъ, специальностью котораго было разносить приглашенія на похороны. Абрамъ зналъ его и раньше; пока профессоръ говорилъ съ нимъ, Абрамъ снова пробрался въ спальню. Здѣсь онъ сѣлъ и сталъ пристально смотрѣть на мать; онъ почти вовсе не плакалъ, а только смотрѣлъ на эти милыя, неподвижныя черты. А что, если всѣ они ошибаются? Что, если она сейчасъ повернется къ нему и скажетъ: «Абрамъ, я не умерла»?

Вошелъ отецъ и засталъ его здѣсь; онъ что-то сказалъ ему и вывелъ его опять изъ комнаты. Профессоръ, проходя мимо красивой жены полицеймейстера, что-то шепнулъ ей. Она, какъ будто случайно, — но Абрамъ замѣтилъ, что это было сдѣлано вовсе не случайно, — попросила его: «Иди, пожалуйста, сюда и поддержи лѣстницу, Абрамъ, а затѣмъ будешь подавать мнѣ булавки». Она стояла на лѣстницѣ и прикрѣпляла гардины. Абрамъ помогалъ ей и всѣ дамы наперерывъ старались занять его и истощались въ похвалахъ его смѣтливости и ловкости. Такъ прошелъ день до обѣда.

Теперь Абрамъ понималъ, зачѣмъ пригласили кухарку: въ залѣ былъ накрытъ длинный столъ и всѣ эти дамы будутъ здѣсь обѣдать. За обѣдомъ Абрамъ занялъ свое обычное мѣсто; когда онъ оглянулся и увидѣлъ, что госпожа Бентценъ сидитъ возлѣ него передъ суповою миской и разливаетъ супъ, онъ разразился громкими рыданіями и вышелъ изъ-за стола. Тутъ только имъ всецѣло овладѣла печаль и разлилась, какъ море, по всему его существу, — великая, глубокая печаль, для которой нѣтъ никакого утѣшенія въ юномъ сердцѣ, та сильная дѣтская печаль, о которой взрослые обыкновенно думаютъ, будто она очень скоро проходитъ, потому что быстро покрывается слоемъ новыхъ впечатлѣній.

Но эта печаль откладывается глубоко на днѣ души съ такою горечью, какъ никакая иная, и никакія дальнѣйшія наслоенія въ душѣ никогда не могутъ заглушить этой святой печали: жизнь и время мало-по-малу гнутъ и измѣняютъ человѣка, но одна общая особенность, одна общая боль остается въ душѣ навсегда увсѣхъ, кого постигло это несчастье въ такомъ возрастѣ, что онъ могъ уже понять его, могъ выстрадать эту величайшую утрату, — единственную утрату, которая никогда ничѣмъ не вознаграждается.

ХІІІ.

Абрамъ вначалѣ сильно тосковалъ по матери и болѣзненно чувствовалъ ея отсутствіе. Вся зима прошла для него однообразно, и нерѣдко по вечерамъ забирался онъ въ уголокъ за печкой, одинъ въ пустой комнатѣ, и горько плакалъ. Отецъ всѣми силами старался развлекать его; онъ разговаривалъ, гулялъ съ нимъ, предлагалъ ему приглашать Броха и другихъ товарищей. Всѣ отнѣсились къ нему съ сердечнымъ участіемъ; весь городъ чувствовалъ состраданіе къ бѣдному осиротѣвшему мальчику, хотя большинство горожанъ было въ глубинѣ души того мнѣнія, что, можетъ быть, лучше совсѣмъ не имѣть матери, нежели имѣть такую, какъ Вевка. Ея внезапная смерть стала потрясающимъ примѣромъ для всѣхъ вѣрующихъ и многіе, давно не бывавшіе въ церкви, поспѣшили туда, чтобы слушать проповѣди пасторовъ о нераскаившихся грѣшникахъ, похищенныхъ смертью среди ихъ закоснѣлой, грѣховной жизни.

Профессоръ Левдалъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ въ церкви и слушалъ проповѣдь съ печальнымъ выраженіемъ на красивомъ лицѣ и со сложенными руками на груди. Абрамъ сидѣлъ возлѣ него съ опущенною головой; глаза всѣхъ присутствующихъ были устремлены на него. Онъ не зналъ, что ему думать о своей матери. Но ему часто приходила въ голову мысль, что теперь она уже не войдетъ къ нему утромъ передъ конфирмаціей и не станетъ допрашивать его. Онъ еще ясно могъ представить себѣ, какъ она вошла бы въ его комнату съ тѣмъ взглядомъ, отъ котораго ничего нельзя скрыть, и что бы онъ сталъ отвѣчать ей? Теперь онъ свободенъ отъ этой заботы; онъ самъ стыдился, что эта мысль облегчала его, но это было такъ.

Профессора, который и до сихъ поръ пользовался въ городѣ общею любовью, теперь буквально обожали. Изъ устъ въ уста передавался подробнѣйшій рассказъ о той страшной ночи, когда онъ проснулся и увидѣлъ жену при смерти, и всѣ были въ восхищеніи

отъ того, что онъ такъ мужественно переносить несчастіе и такъ трогательно ищетъ утѣшенія въ религіи. Что дѣлала Венка въ послѣдній вечеръ и гдѣ она была,—все это было извѣстно до мелочей. Жена полицеймейстера сейчасъ же сообщила, что Венка была у Мортмана, однако, очень не долго; правда, десять минутъ, если ихъ нѣсколько растянуть, легко превращаются въ двадцать... да, къ тому же, и въ самое короткое время можно многое сдѣлать. Мортманъ въ тотъ же вечеръ уѣхалъ въ Бергенъ.

Главный вопросъ состоялъ теперь въ томъ, гдѣ была Венка отъ девяти до одиннадцати часовъ. Это былъ самый трудный вопросъ; нарочно въ Бергенъ ушелъ только въ полночь. Но какъ госпожа Витъ, такъ и госпожа Бентценъ доподлинно знали,—онѣ собирали справки объ этомъ,—что профессорша провела вечеръ у такъ называемой *madame* Готвальдъ, у которой она иногда бывала,—вѣдь, профессорша обыкновенно водилась съ людьми, не пользовавшимися особенно хорошею славой. Эти свѣдѣнія сходились съ комбинаціями жены полицеймейстера и положили, такимъ образомъ, предѣлъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Госпожа Готвальдъ прибавляла еще, что профессорша чувствовала себя весь вечеръ очень плохо. На самомъ же дѣлѣ госпожа Готвальдъ была до позднего вечера на кладбищѣ, на могилѣ своего Марія, и, возвращаясь домой, видѣла профессоршу у послѣдняго фонаря: выраженія ея лица она никогда не забудетъ! Когда же на слѣдующее утро до нея дошли свѣдѣнія о случившемся, она стала понимать или догадываться, въ чемъ дѣло, и выпустила изъ своей лавки небольшую ложь о посѣщеніи ея профессоршей. Вѣдь, Венка была единственная женщина, участіе которой было искренне, къ тому же, она была матерью Абрама.

Что не было никакихъ предположеній, соответствующихъ дѣйствительности, это нужно приписать только тому, что никому ничего подобнаго и въ голову не могло придти; это было бы слишкомъ уже неслыханно. И такъ какъ профессоръ и докторъ Бентценъ, прислуга и госпожа Готвальдъ—все сообщили свои свѣдѣнія съ полною увѣренностью, то, конечно, не было и повода къ какому бы то ни было сомнѣнію. А какое бы это было торжество для всѣхъ вѣрующихъ съ ихъ длинными и безпардонными языками, которые умѣли взваливать самыя страшныя обвиненія на голову свободомыслящей женщины, невѣрующей и никогда не ходившей въ церковь! Но, слава Богу, о ней и такъ было что сказать; скоро составился для профессорши длинный некрологъ, въ которомъ было упомянуто все, безъ всякихъ пропусковъ.

Казалось, даже воздух наполнился всякими слухами и сплетнями; Абрамъ замѣчалъ это на каждомъ шагѣ. Вскорѣ ему стало стыдно даже произносить имя матери. Это уменьшало его печаль, тѣмъ болѣе, что теперь онъ ходилъ два раза въ недѣлю къ пастору и по воскресеньямъ занимался по закону Божію. Въ немъ произошла полная перемена и самъ ректоръ долженъ былъ признать, что такимъ ученикомъ, какъ Абрамъ Левдаль, школа можетъ гордиться во всѣхъ отношеніяхъ. У него совершенно изгладилось прежнее его недовольство Абрамомъ; учителя же давнымъ-давно забыли его выходку изъ-за Маріа. Прилежный и послушный, онъ приравнивался ко всѣмъ требованіямъ школы, идя рука объ руку съ Гансомъ Эггеде-Брохомъ, и многіе находили, что онъ не хуже Бреха. Только съ самыми близкими товарищами Абрамъ оставался прежнимъ, — сталъ даже еще озлобленнѣе, чѣмъ прежде; и не прошло и нѣсколькихъ недѣль послѣ смерти матери, какъ онъ снова сдѣлался центромъ ихъ кружка. Всѣ были имъ довольны, особенно пробстъ Спарре. Если онъ прежде былъ только отчасти расположенъ къ молодому человѣку, то теперь онъ проникся къ нему особенною нѣжностью. Да, это мальчикъ совершенно въ его вкусъ: тихъ, скромнъ, благовоспитанъ, знаетъ христіанское ученіе, какъ мало кто, и, къ тому же, обладаетъ рѣдкою памятью. «Ему непремѣнно нужно изучать теологію, у него необыкновенно свѣтлая голова», — часто говорилъ пробстъ профессору.

— Предоставимъ это волѣ Божіей, — отвѣчалъ обыкновенно профессоръ. На самомъ же дѣлѣ онъ былъ увѣренъ, что теологія совсѣмъ не годится для его сына.

Пробстъ былъ такъ внимателенъ къ Абраму, что давалъ ему книги и приглашалъ къ себѣ. Съ довольно странными чувствами вступилъ Абрамъ въ домъ пробста; не прошло еще и двухъ лѣтъ, какъ въ этомъ домѣ жилъ предметъ его самыхъ пламенныхъ желаній и къ окнамъ котораго онъ послалъ столько влюбленныхъ взглядовъ. Здѣсь былъ еще цѣлый выводокъ незамужнихъ дочерей; его прежняя страсть, вторая дочь пробста, была уже съ годъ замужемъ за телеграфистомъ, и Абрамъ нашелъ, что она очень измѣнилась за это время лицомъ и всею фигурой. Его волшебный замокъ разрушился. Рыцарскія времена, когда онъ гулялъ рука объ руку съ Маріемъ, казались ему теперь смѣшными и онъ стыдился даже вспоминать о нихъ. А на слѣдующій вечеръ Брехъ опять умиралъ отъ смѣха, когда Абрамъ рассказывалъ въ каррикатурномъ видѣ свое посѣщеніе пробста и представлялъ товарищамъ свою прежнюю возлюбленную.

Между тѣмъ, приближалась Пасха и день конфирмаціи; это ужасало Абрама, какъ что-то очень непріятное, но неизбежное и, все-таки, полезное. Профессоръ же относился къ конфирмаціи своего сына очень серьезно. Въ пустомъ домѣ, среди мучившихъ его размышлений и воспоминаній, профессоръ чувствовалъ потребность какъ можно скорѣе получить возможность смотрѣть на своего сына, какъ на взрослого. Наверху въ первомъ этажѣ для Абрама заново отдѣляли комнату и отецъ непременно желалъ, чтобы онъ пошелъ на конфирмацію во фракѣ.

Въ послѣднее время это вышло изъ обычая; конфирмующіеся были теперь такъ молоды и малы, что ихъ одѣвали въ пиджаки или коротенькіе сюртучки. Абраму очень не хотѣлось явиться какимъ-то исключеніемъ въ этомъ отношеніи: онъ стѣснялся. Но профессоръ доказалъ ему, что онъ старше обыкновенныхъ конфирмантовъ и смотреть теперь совершенно развившимся и взрослымъ молодымъ человѣкомъ. Абраму долженъ былъ уступить, да онъ собственно ничего не имѣлъ противъ фрака, тѣмъ болѣе, что ему нужно было прицѣпить также и золотые часы съ цѣпочкой. А профессоръ уже подумывалъ даже о томъ, что скоро пора позволить ему и курить дома.

Утромъ, въ день конфирмаціи, не за долго до того, какъ Абраму всталъ, ему снилось, что раскрылась дверь и вошла его мать — совершенно такъ, какъ онъ себѣ часто представлялъ эту сцену.

Онъ всталъ унылый и взволнованный. Раздался первый звонъ церковнаго колокола; теперь онъ долженъ идти туда, стать въ первомъ ряду, такъ что всѣ присутствующіе будутъ видѣть его, долженъ дать обѣтъ. А глаза матери, эти глаза, пронизывавшіе его насквозь, находили его всюду, гдѣ бы онъ ни былъ, онъ чувствовалъ ихъ на себѣ, — она пришла, чтобы выслушать его чистосердечную исповѣдь.

Можетъ ли онъ теперь дать обѣтъ? Вотъ лежитъ новый, изящный фракъ на шелковой подкладкѣ. Абраму прежде такъ мечталъ о немъ, а теперь онъ сталъ ему противенъ и Абраму отложилъ его въ сторону. Ему пришло на умъ, какое дѣйствительно громадное значеніе имѣетъ для него этотъ день. Какъ онъ отнесся къ нему? Хорошо ли онъ подготовленъ? Не написано ли на его лицѣ, что онъ недостоеенъ? «Лицемѣръ, лжець!» — сказала бы его мать.

Пробѣсть вчера утромъ, когда конфирманты принесли ему деньги, убѣдительно просилъ ихъ всѣхъ испытать серьезно самихъ себя и приготовиться, чтобы быть достойными предстать передъ лицомъ Бога. Абраму взялъ Евангеліе и сталъ читать; онъ такъ

упалъ духомъ, что зубы у него стучали. Вдругъ онъ услышалъ, какъ отецъ вышелъ изъ своей комнаты. Абрамъ вскочилъ и надѣлъ фракъ.

Профессоръ вошелъ къ нему уже совершенно одѣтый; онъ былъ въ широкомъ бѣломъ галстукѣ съ тремя орденами на груди, — у него было ихъ больше, чѣмъ у кого другого въ городѣ. «Добраго утра, сынъ мой! Да благословить тебя Господь въ этотъ день!»

Затѣмъ онъ передалъ ему большой футляръ, котораго Абрамъ не осмѣливался открыть. «Открой, это тебѣ часы къ конфирмаціи; надѣнь ихъ».

Абрамъ открылъ футляръ; тамъ были золотые часы съ цѣпочкой и медальонъ; онъ открылъ также и его и вздрогнулъ. На него смотрѣли тѣ же самыя пронизательныя глаза, которые преслѣдовали его сегодня утромъ, которые онъ видѣлъ во снѣ. «Это тебѣ отъ твоей покойной матери», — сказалъ тронутый профессоръ и прижалъ его къ своей груди.

Абрамъ пробормоталъ какую-то благодарность и сталъ надѣвать часы; теперь и фракъ казался красивѣе. Абрамъ былъ высокъ и строенъ, но лицо его было еще не вполне развито: носъ слишкомъ великъ, кожа шероховата. Профессоръ осматрѣлъ его съ гордостью, а когда онъ замѣтилъ Евангеліе, лежащее на столѣ, онъ положилъ ему на плечо руку и сказалъ: «Хорошо, Абрамъ, я вижу, ты серьезно относишься къ этому».

Когда профессоръ Левдалъ пришелъ съ своимъ сыномъ, въ толпѣ передъ церковью и въ самой церкви поднялся шепотъ. Абрамъ смотрѣлъ совсѣмъ иначе, чѣмъ всѣ маленькіе робкіе мальчики въ жакеткахъ. Онъ былъ почти такого же роста, какъ и его отецъ, который свою красивую, нѣсколько посѣдѣвшую голову и тремя большими орденами буквально затмилъ всю общину.

Священнодѣйствіе началось. Абрамъ стоялъ впереди другихъ; время отъ времени онъ взглядывалъ по сторонамъ, но здѣсь онъ встрѣчалъ столько глазъ, устремленныхъ на него, что тотчасъ же опускалъ голову, какъ и другіе. Дѣвушки, стоявшія первыми на очереди, были мертвенно блѣдны и едва держались на ногахъ отъ страха, что онѣ не съумѣютъ отвѣтить пробсту. Въ обоихъ рядахъ чувствовалось сильное напряженіе; но по временамъ кто-нибудь изъ богобоязненныхъ юношей думалъ: «Ахъ, что тамъ, вѣдь, мы столько учили!» Абрамъ, хотя онъ не особенно боялся самого экзамена, все-таки, былъ очень взволнованъ.

Эти глаза, снившіеся ему утромъ, и здѣсь преслѣдовали его; онъ дрожалъ отъ страха и разсматриваніе длиннаго ряда присут-

ствующихъ не могло развлечь его. Что, если вдругъ среди всей этой тишины раздастся голосъ, напимѣръ, голосъ его матери и назоветь его по имени? Онъ думалъ то объ одномъ, то о другомъ изъ стоявшихъ здѣсь мальчиковъ, и о многихъ другихъ; невозможно, чтобы онъ былъ хуже всѣхъ; тѣмъ не менѣе, онъ такъ сильно волновался, что совершенно не понималъ даже тѣхъ пѣсень, которыя онъ пѣлъ вмѣстѣ съ другими.

Но вотъ пробсть Спарре медленно сталъ сходить съ ступеней алтаря, чтобы приступить къ катехизаціи. Онъ серьезно и глубоко-мысленно посматривалъ на ходу въ свой служебникъ.

Когда онъ остановился передъ Абрамомъ, лицо его прояснилось; Абрамъ, тѣмъ не менѣе, дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Но когда пробсть предложилъ ему вопросъ, онъ вполнѣ ободрился. Привычка ежедневно отвѣчать на вопросы въ школѣ сразу лишила для него этотъ обрядъ всей его торжественности, которая прежде такъ волновала Абрама. Онъ отвѣчалъ ясно и опредѣленно и смотрѣлъ смѣло въ глаза пробсту.

— Но, вѣдь, немногіе подвергаются проклятію? — спросилъ пробсть, между прочимъ, при катехизаціи.

— Да, конечно, — отвѣчалъ Абрамъ слабымъ голосомъ и глаза его опустились внизъ, на длинное священническое платье пробста.

— Что же служитъ причиною этого проклятія?

— Нераскаянность и невѣріе.

— Да, сынъ мой, нераскаянность и невѣріе, — съ удовольствіемъ повторялъ пробсть; онъ хотѣлъ теперь оставить казенные вопросы учебниковъ катехизиса и предпринять одну изъ своихъ теологическихъ экскурсій, чтобы порисоваться передъ публикой и блеснуть такимъ рѣдкимъ конфирмантомъ. — Всегда ли невѣріе чловѣка высказывается въ дурныхъ и безбожныхъ поступкахъ? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не всегда, — отвѣчалъ Абрамъ, не поднимая глазъ.

— Не всегда, да! — сказалъ пробсть и обвелъ глазами присутствующихъ, чтобы полюбоваться удивленіемъ, которое, навѣрное, возбудитъ въ нихъ его любимецъ.

Пробсть былъ пораженъ; въ церкви было необычайно тихо; всѣ поднялись, чтобы посмотреть на Абрама, но это было не удивленіе, а скорѣе злобное, язвительное любопытство. Пробсть сразу понялъ, что вся община думаетъ, будто онъ выспрашиваетъ у Абрама о его матери.

Онъ со страхомъ взглянулъ на профессора, затѣмъ на Абрама; ему было ясно, что и они такъ думаютъ. Профессоръ Левдаль при-

стально смотрѣлъ на пробста, а Абрамъ едва держался на ногахъ; онъ закрылъ лицо носовымъ платкомъ и, казалось, готовъ былъ провалиться сквозъ землю. Пробстъ такъ смутился и такъ устыдился сдѣланной имъ ошибки, что совершенно растерялся. Ничего подобнаго ему и въ голову не приходило, онъ былъ дальше всего отъ мысли смущать или оскорблять своего любимца, къ тому же, еще сына профессора Левдаля. Въ замѣшательствѣ онъ не нашелъ другого выхода, какъ, положивъ руку на плечо Абрама, обратиться къ нему съ хвалебною рѣчью:

— Для меня было истиннымъ удовольствіемъ, истинною радостью, — сказалъ онъ съ душевною теплотой, — приготовить тебя, милый Абрамъ Левдаль, къ великому священнодѣйствію этого дня. Рѣдко случалось мнѣ видѣть юношу, одареннаго такими способностями души, такими качествами сердца. Вступая теперь въ церковь въ качествѣ ея взрослого члена, ты, какъ я надѣюсь, какъ я вполне увѣренъ, послужишь старшимъ на радость и назиданіе, а для младшихъ будешь добрымъ примѣромъ, достойнымъ подражанія.

Это было что-то неслыханное; вся община была поражена, и взоры, направленные на Абрама, смягчились. Всѣмъ было пріятно услышать изъ устъ пробста, что есть еще надежда спасти этого сына погибшей матери. Абрамъ самъ не зналъ, что ему думать о себѣ. Какъ это его могутъ хвалить другіе? Это совершенно невозможно!

Пробстъ Спарре вытеръ лобъ и продолжалъ дальше. Безпокойное и мучительное настроеніе Абрама мало-по-малу уступило мѣсто усталости. Онъ становился все увѣреннѣе и увѣреннѣе; онъ уже не видѣлъ этихъ проницательныхъ глазъ, кругомъ него были все вполне ласковыя лица.

— И такъ, дай Богу свое сердце и руку, — закончилъ пробстъ съ нѣжною серьезностью, и Абрамъ подаль ему руку; жирная, мягкая рука пробста отвѣтила ему дружескимъ пожатіемъ.

Наконецъ, священнодѣйствіе кончилось; оно продолжалось отъ девяти до трехъ часовъ.

Бухарка профессора Левдаля была въ отчаяніи; она клялась всѣми святыми, что теперь уже она въ послѣдній разъ готовитъ конфирмаціонный обѣдъ. Три раза начинала она страпню, оказывалось, что все еще слишкомъ рано, что ее вводили въ заблужденіе поспѣшныя сообщенія поставленнаго ею караульнаго.

Кончался уже четвертый часъ, когда, наконецъ, въ залѣ усьлись за столъ. Абрамъ сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ, отецъ —

справа, а пробсть—слѣва отъ него; кромѣ нихъ, за обѣдомъ были только старшіе мужчины, за исключеніемъ Ганса Эгед-Броха, какъ лучшаго друга Абрама. Между приглашенными былъ ректоръ и большая часть учителей Абрама, амтманъ, бургомистръ, другіе чиновники, врачи—около двадцати избранныхъ друзей и товарищей профессора.

Абрама сначала смущало его центральное положеніе среди такого избраннаго общества; но мало-по-малу вино оказывало на него свое дѣйствіе и онъ сталъ чувствовать себя свободнѣе. Это былъ первый большой обѣдъ, данный профессоромъ послѣ смерти его жены, и всѣ были рады тому, что могли снова собраться въ гостепріимномъ домѣ профессора. Самъ профессоръ Левдаль былъ человѣкъ очень общительный и вскорѣ совсѣмъ развеселился. Хорошему настроенію много способствовало то, что всѣ присутствующіе вполне сходились между собой; не было ни малѣйшаго предлога для какой бы то ни было дисгармоніи, можно было даже говорить о политикѣ и послѣ того, какъ пробсть и ректоръ произнесли рѣчи по поводу празднуемаго событія, начались при всеобщемъ лигованіи тосты за здоровье короля, королевы, кронпринцессы, королевской семьи, всего царствующаго дома, за шведско-норвежскую унію, за братскую страну—Швецію.

Общество становилось все веселѣе, всѣ чокались съ Абрамомъ, а этотъ послѣдній по временамъ насмѣшливо переглядывался съ Брохомъ по поводу веселья стариковъ. Мѣдянка и Дикобразъ улыбались другъ другу за графиномъ мадеры, который они поставили между собой, а послѣ обѣда старшій учитель Абэль усѣлся съ своимъ молодымъ другомъ Абрамомъ за рюмкой юрасо въ уголокъ и сталъ говорить съ нимъ о его чудной матери, пока Абрамъ совершенно не расплакался.

Гости разошлись довольно рано, такъ какъ событіе, которое они сегодня праздновали, было слишкомъ серьезнымъ, чтобъ играть въ такой день въ карты.

Когда профессоръ остался наединѣ съ сыномъ, онъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Ну, спокойной ночи, мой милый Абрамъ, ты, вѣроятно, усталъ. И такъ, ты теперь вступишь въ жизнь, уже въ качествѣ взрослого человѣка, и я могу сказать тебѣ откровенно, что я доволенъ тобою. Какъ сложится дальше твоя жизнь, это, понятно, какъ говорить пробсть, въ руцѣ Божіей; но, все-таки, въ значительной степени это зависитъ и отъ тебя самого. Природа надѣлила тебя всѣмъ; по рожденію ты занимаешь хорошее положеніе въ обществѣ; современемъ ты получишь

состояніе, котораго въ нашемъ быту вполне достаточно, а я, твой отецъ, пользуюсь не малымъ вліяніемъ, и какой бы путь ты ни избралъ, мое вліяніе окажется тебѣ полезнымъ. И такъ, ты одинъ изъ тѣхъ, которые могутъ и должны въ жизни пойти далеко, очень далеко. Но есть одинъ пунктъ... котораго я теперь — и, надѣюсь, въ послѣдній разъ — хочу коснуться, — пунктъ, внушающій мнѣ нѣкоторыя опасенія. Это прискорбная наклонность, проявившаяся у тебя нѣсколько лѣтъ тому назадъ, — ты самъ знаешь, при какихъ обстоятельствахъ. Тогда дѣло, слава Богу, кончилось лучше, чѣмъ можно было ожидать. Ты понялъ тогда свою ошибку и, какъ я замѣтилъ, постарался исправить ее по мѣрѣ возможности. Но я хочу предостеречь тебя въ этотъ для тебя очень важный день отъ того, что, можетъ быть, еще сохранилось въ твоей крови. Во всякомъ человѣческомъ обществѣ, даже въ самомъ образцовомъ, есть недовольный элементъ: это подонки общества, небольшая кучка людей, состоящая на половину изъ фантазеровъ, на половину изъ людей преступныхъ, не знающихъ ни Бога, ни совѣсти, ни любви къ отечеству. Гдѣ бы ты ни былъ въ свѣтѣ, ты вездѣ встрѣтишь такихъ людей. Они обыкновенно выдаютъ себя, — поэтому-то я и предостерегаю тебя отъ нихъ, — за защитниковъ угнетенныхъ и сыплютъ красными словами въ защиту слабыхъ, нападаютъ на сильныхъ міра сего и т. п. Берегись, Абрамъ, этихъ людей. Это самый вредный элементъ общества, который губитъ народъ и стремится лишь къ тому, чтобы низвергнуть господствующій порядокъ вещей. И я, твой отецъ, даю тебѣ честное слово, что за всѣмъ, что эти люди дѣлаютъ и говорятъ, скрывается сознательная ложь и злонамѣренность, высокомеріе и тщеславіе, и если ты послѣдуешь за ними, ты пойдешь на вѣрную гибель. Ну, теперь выбирай между твоимъ отцомъ и твоей... и этими людьми».

Профессоръ такъ увлекся, что незамѣтно обмолвился; но сынъ его подалъ ему объ руки и сказалъ: «Я выбираю тебя, отецъ!»

Онъ сказалъ это серьезно и съ полнымъ убѣжденіемъ. Безпокойство, овладѣвшее имъ сегодня утромъ, теперь уже совершенно прошло. Публичная похвала въ церкви, обѣдъ, во время котораго пожилые и всѣми уважаемые люди относились къ нему, какъ къ равному, сдѣлали свое дѣло: теперь онъ уже и самъ считалъ себя однимъ изъ самыхъ лучшихъ людей, и дальнѣйшая жизнь представлялась ему полной блеска и почета.

Когда онъ ушелъ къ себѣ, Карстенъ Левдаль потиралъ руки отъ удовольствія. Въ глазахъ Абрама онъ прочелъ выраженіе той любви, того благоговѣйнаго преклоненія, которыхъ онъ такъ дав-

но желалъ, — онъ торжествовалъ. Наконецъ-то онъ добился своего: сынъ дастъ ему все, въ чемъ отказала ему жена, и это нѣсколько ослабило горечь, которую онъ чувствовалъ при каждомъ воспоминаніи о ней.

Абрамъ торопливо шелъ по лѣстницѣ въ верхній этажъ; цѣпочка отъ часовъ такъ весело звенѣла каждый разъ, когда онъ какъ-нибудь задѣвалъ ее. Онъ съ удовольствіемъ думалъ о томъ, какъ красива его комната при вечернемъ освѣщеніи, какіе у него чудные часы...

Когда онъ зажегъ свѣчу, онъ увидѣлъ у себя на столѣ букетъ роскошныхъ рѣдкихъ цвѣтовъ. Между цвѣтами лежала карточка. Онъ схватилъ ее, посмотрѣлъ и моментально выронилъ изъ рукъ, точно она обожгла его. Онъ сильно покраснѣлъ и, казалось, готовъ былъ сгорѣть отъ стыда.

На карточкѣ госпожа Готвальдъ написала мелкимъ, дрожащимъ женскимъ почеркомъ: «отъ Маріа».

З. Р.

Изъ кн. А. Р. Деретели.

(Съ грузинскаго).

I.

Народная пѣсня.

На пути нашель я самоцвѣтный камень,
На груди я спряталъ камень-самоцвѣтъ, —
Не огнистый камень, то любви былъ пламень,
Что носилъ я въ сердцѣ много, много лѣтъ!...

Превращенъ въ булыжникъ камень самоцвѣтный,
Стало не подь силу вдаль нести его —
То любви прекрасной огонекъ завѣтный
Сталъ несносной мукой сердца моего...

Камень положилъ я на дорогу снова:
Пусть другой счастливецъ тамъ его найдетъ!
Пусть любовь-красотка въ сердцѣ у другаго
Огонькомъ заблещетъ, розой разцвѣтетъ!...

Бапли дождевыя упадутъ на камень,
Бапли слезъ горячихъ кануть на любовь;
Но въ остывшемъ сердцѣ вновь не вспыхнетъ пламень,
Вамню блескъ огнистый не вернется вновь...

II.

Улыбка.

Когда я окруженъ, какъ безпросвѣтной тучей,
Враждою, завистью, неправдою людскою,
И, духомъ падая, въ тоскѣ сомнѣнья жгучей,

Готовъ смѣнить борьбу на мертвенный покой,—
 Припомнить стѣитъ мнѣ лишь полную привѣтомъ
 Одну улыбку... взгляды и— снова, какъ Самсонъ,
 Я сталъ самимъ собой. На битву съ цѣлымъ свѣтомъ
 Я радостно стремлюсь, безстрашенъ и силенъ!...

*
*

Не ласка матери, источникъ утѣшенья,
 Не взоръ возлюбленной, что будить жаръ въ крови,—
 Улыбка та—привѣтъ младаго поколѣнья,
 Свободной лирѣ данъ довѣрья и любви.
 Не промѣнялъ бы я на всѣ богатства міра
 Улыбку, свѣтлую владычицу мою.
 Вдохновлена, сильна улыбкой этой лира:
 О ней потомству я восторженно пою!

III.

С о л о в е й.

(Басня.)

Отдыхая средь росистыхъ,
 Вѣтромъ зыблемыхъ вѣтвей,
 Сталъ насмѣшливою трелью
 Заливаться соловей:
 «Что за странный людъ поэты?!—
 Онъ защелкалъ въ тишинѣ.—
 Бредни, вздоръ, сентиментальность
 Всѣ приписываютъ мнѣ!
 Говорятъ они, что въ розу
 Безнадежно я влюбленъ;
 Красотой и ароматомъ
 Опьяненъ и вдохновенъ,
 Изнываю въ мукахъ страсти...
 Вздоръ! Я просто съ лепестковъ
 Пью росы душистой капли
 И собираю червячковъ!...»
 И сказалъ садовникъ, слыша
 Эту рѣчь въ тѣни вѣтвей:
 «Э! Однако, эта птица—
 Современный соловей!...»

Василій Величко.

УЧЕНИЦА ГАРРИКА *).

Историческій романъ Огюстена Филона.

XIV.

Разсказанныя событія произошли въ ночь со 2 на 3 іюня. На слѣдующій день, въ субботу, городъ почти успокоился.

Жители начинали приходить въ себя, думая, что буйства кончились. Въ воскресенье, утромъ, нѣсколько священниковъ отважились служить обѣдню при запертыхъ дверяхъ въ присутствіи многихъ молящихся.

При малѣйшемъ шорохѣ на улицѣ, перепуганные католики вздрагивали и оборачивались къ дверямъ, вспоминая о катакомбахъ, но не чувствуя въ себѣ мужества первыхъ христіанъ.

Но уже въ воскресенье, въ полдень, безпорядки возобновились и усилились съ наступленіемъ сумерокъ. Въ понедѣльникъ стало еще хуже. Слѣпая ярость мятежниковъ возрастала съ увеличеніемъ ихъ числа. Теперь она обратилась на богатыхъ католиковъ и вліятельныхъ лицъ, которыхъ подозрѣвали въ симпатіи къ католицизму. Въ Лейстеръ - Фильдъ чернь напала на Сэвилъ - гоузь и владѣлецъ дома, сэръ Джоржъ Сэвилъ, одинъ изъ самыхъ умныхъ, милыхъ и просвѣщенныхъ людей того времени, едва не поплатился разсудкомъ и жизнью. Затѣмъ она разграбила жилище лорда Мансфильда, повыкидала мебель на улицу, собрала все въ громадный костеръ и подожгла. Гостиница Бернара, винокуренный заводъ Лэнгдала въ Гольборнѣ были объаты пламенемъ. Цѣлые кварталы гибли по произволу разъяренной черни. Надъ городомъ отъ Лейстеръ-Фильда до Лондонскаго моста стояло черное облако дыма, пылавшее ночью точно огненный сводъ.

Правительство, однако, не вмѣшивалось. Любопытные собира-

*) *Русская Мысль*, кн. III.

лись толпами. Между партіей «кадрилы» *) и сеансомъ у магнетивера красавицы и бездѣльничающіе франтики заѣзжали въ коляскахъ посмотрѣть на мѣсто возмущенія и пожара.

Толпа нерѣдко нападала на нихъ, отнимала у мужчинъ кошельги и табакерки, у дамъ часы и драгоценности, перерѣзывала упряжь, испуганныя лошади убѣгали, а экипажи летѣли въ костеръ. Среди всего этого безобразія спокойно, медленно, точно ничего не видя, какъ будто вокругъ все было тихо, прохаживался полицменъ съ своимъ едва-мерцающимъ фонаремъ среди ослѣпительнаго свѣта пожара.

Слабость ли, политика ли, только власти бездѣйствовали. Полковникъ Вудфордъ отдалъ солдатамъ приказъ стрѣлять, но народное негодованіе было такъ велико, что ему пришлось нѣсколько дней скрываться.

Толпа начала бросать камни въ гвардейцевъ, которые вели арестантовъ въ Ньюгетъ. Одинъ солдатъ, раненый камнемъ въ лобъ и освирѣпѣвшій при видѣ крови, хотѣлъ выстрѣлить. «Ради Бога, не стрѣляйте!» — крикнулъ ему капитанъ.

Если кто-нибудь считаетъ министровъ короля Георга потерявшими голову трусами, то жестоко ошибается. Они съ чисто-британскою флегмой выслушивали обрекающіе ихъ на смерть крики, подобно тому, какъ Фильдингъ, играя въ безигъ за кулисами Дрюри-Лэнскаго театра, слушалъ, какъ освистывали его пьесы. Рассказъ очевидца передаетъ много любопытнаго о засѣданіяхъ парламента. Министры пили много кларета и принимали мало рѣшеній. «Меня, — говорилъ лордъ Нортъ, съ притворнымъ ужасомъ указывая на одного изъ коллегъ, который ходилъ вооруженный съ головы до ногъ, — меня пугаетъ только пистолетъ Сентъ-Джона!» Они поднимались на крышу дома, смотрѣли на пожаръ, отмѣчали сдѣланныя имъ опустошенія и обмѣнивались замѣчаніями относительно направленія вѣтра. «Господа, — говорилъ въ заключеніе министръ, — пойдемте допивать вино!»

Правительство, обезславившее себя виѣшними мѣрами, не хотѣло набрасывать на себя тѣни энергичнымъ подавленіемъ возстанія. Какъ это ни странно, но оно старалось свалить отвѣтственность на оппозицію. Лордъ Нортъ имѣлъ, говорятъ, свиданіе съ Фоксомъ въ фойѣ Дрюри-Лэнскаго театра.

Состоялось полное собраніе тайнаго совѣта подъ предсѣдательствомъ короля, что случалось въ критическихъ случаяхъ, во вре-

*) Здѣсь разумѣется не танецъ кадрили, а азартная игра.

мя грозящей монархической опасности. Въ немъ участвовали и судьи, призванные посовѣтовать, какія принять мѣры. Въ этомъ собраніи Боркъ, великій ораторъ либеральной партіи, предложилъ установить военное положеніе.

Дѣйствительно, съ часу на часъ приходили все болѣе тревожныя вѣсти. Флотъ и Ньюгетъ были взяты приступомъ; заключенные выпущены на свободу. Среди разнузданной черни шла непрерывная оргія. Уже не было вопроса о папствѣ и терпимости. Разнесся слухъ, что несмѣтная толпа собирается осадить англійскій банкъ, т. - е. святая-святыхъ коммерческой націи, жизненный центръ, сердце страны, которое разливаешь и принимаешь богатства подобно тому, какъ сердце получаетъ и разливаешь кровь по человѣческому организму. На этотъ разъ министры проснулись. Какимъ-то волшебствомъ въ Лондонъ со всѣхъ сторонъ вошли полки и съ пушками расположились въ Гайдъ-Паркъ. Рѣшено было окончательно подавить возстаніе. Лордъ Амгерстъ сѣлъ на коня. Когда при красноватомъ заревѣ пожара показалась медленно приближающаяся фигура стараго царедворца съ согнутыми плечами, орлинымъ профилемъ, холоднымъ, безстрастнымъ лицомъ, тогда стало ясно, что недавно презрительно-снисходительное общество приняло твердое рѣшеніе отчаянно защищать свое золото и жизнь... Скоро всюду загремѣли выстрѣлы, въ Блэкфрайаръ, Сентъ-Джоржъ-Фильдъ, около дворца лорда-мера; жертвы валялись рядами, много труповъ и не мало живыхъ поглотила Темза.

Въ эту страшную ночь, когда оудствія пожара и междоусобной распри соединились вмѣстѣ, когда люди, побуждаемые жаждой мщенія или надеждой на грабежъ, нападали одинъ на другаго, небольшая группа добрыхъ, сердечныхъ людей ходила по улицамъ, стараясь облегчить страданія несчастныхъ жертвъ. Леветъ, докторъ бѣдныхъ, стоялъ во главѣ и руководилъ опаснымъ дѣломъ милосердія.

Когда Леветъ проходилъ по Чипсейду съ своимъ отрядомъ, запасшись лѣстницами и носилками, онъ узналъ Фрэнка, направлявшагося въ противоположную сторону, и громко окликнулъ его:

— Эй! Фрэнкъ!

Молодой человѣкъ поднялъ голову и узналъ своего спасителя; онъ часто навѣщалъ доктора и сохранялъ къ нему чувства благодарной дружбы.

Пора, можетъ быть, объяснить поведеніе Фрэнка въ маскарадѣ Пантеона.

Молодой художникъ, какъ читатели, безъ сомнѣнія, догадались,

любилъ Эстеръ Вудвиль. Его исключительная, глубокая любовь зародилась въ тотъ самый день, когда молодая дѣвушка появилась на дрюри-ленскихъ подмосткахъ. Въ этотъ вечеръ Фрэнкъ, стоя въ глубинѣ партера, пережилъ тѣ мучительныя чувства, которыя волнуютъ столько сердецъ въ двадцать лѣтъ.

Страсть, которую внушаютъ артистки робкимъ и бѣднымъ юношамъ, романтичнѣе и восхитительнѣе всѣхъ другихъ потому, что она соединяетъ возможное съ самыми смѣлыми химерами. Рампа жажется имъ непреодолимою преградой; обладаніе представляется неосуществимою, безумною мечтой, при мысли о которой голова кружится. Неизвѣстный влюбленный не ревнуетъ къ товарищамъ, которые играютъ и фамильярно обращаются съ его божествомъ; онъ даже не думаетъ о любовникѣ или мужѣ, ожидающемъ ее за кулисами. Для нихъ она такая же женщина, какъ и всѣ остальные. Его же возлюбленная—Джюльетта, Имогена, Офелія, Дездемона. Она даетъ роли свою молодость и красоту, вноситъ въ нее поэзію и страсть: изъ этого соединенія происходитъ очаровательное созданіе, только нѣсколько часовъ существующее для публики и не перестающее жить для влюбленного и послѣ того, какъ занавѣсъ опустится, артистка смеетъ бѣлила и садится ужинать.

Такъ любилъ Фрэнкъ миссъ Вудвиль до того дня, когда увидѣлъ ее у Рейнольдса. Съ этой минуты молодая дѣвушка замѣнила въ его мысляхъ артистку, его любовь приняла другой характеръ. Долгая бесѣда наединѣ въ отсутствіе Рейнольдса пробудила на мгновеніе въ его сердцѣ нѣкоторыя надежды. Почему бы ей не полюбить его? Развѣ не можетъ она смотрѣть на жизнь такими же глазами, какъ и онъ? Ничего особеннаго не произошло, но понемногу Фрэнкъ понялъ, какъ мало привлекательны его скромная доля, его борьба съ бѣдностью для дѣвушки, выросшей среди лести и ухаживаній, въ средѣ наиболѣе способной развить тщеславіе и любовь къ роскоши. Эстеръ часто пріѣзжала къ Рейнольдсу; она застѣнчиво обмѣнивалась съ Фрэнкомъ нѣсколькими словами, смущенная, какъ ему казалось, воспоминаніемъ о минутной интимности и увлеченіи, которое она желала бы изгладить. При этой мысли сердце юноши мучительно сжималось, и какъ ни привыкъ онъ къ ударамъ судьбы, ему трудно было покориться.

По мѣрѣ того, какъ работа великаго художника подвигалась впередъ, Фрэнкъ потихоньку копировалъ портретъ Эстеръ. Разъ утромъ, когда онъ углубился въ это занятіе, сдѣлавшееся для него источникомъ радости и, въ то же время, муки, онъ вдругъ услышалъ сзади сдержанное хихиканье.

— Проклятая цыганка! — крикнулъ онъ, блѣднѣя отъ злости. — Кто вамъ позволилъ?... Какъ вы смѣете подсматривать за мной?

Дѣйствительно, передъ нимъ стояла Рахава, которая въ числѣ прочихъ занятій служила натурщицей и часто позировала для сэра Джошуа. Часто художникъ, раздосадованный неаккуратностью или лѣнью своихъ прекрасныхъ заказницъ, придѣлывалъ голову аристократки или артистки въ красивому стану Рахавы, живому манекену, который онъ ставилъ и драпировалъ, какъ хотѣлъ. Рахава соглашалась позировать и для Фрэнка, и хотя она ненавидѣла христіанъ, однако, ея злые и насмѣшливые глаза порою смягчались, останавливаясь на красивомъ юношѣ.

Рахава не обратила вниманія на его негодованіе и, пожавъ плечами, сказала:

— Бѣдный мальчикъ! Она никогда не будетъ твоею!

— Почему? Скажи ты мнѣ это, — ты, которая воображаешь, что все знаешь.

— Потому что она любитъ лорда Моубрея.

И, повернувшись спиной, она исчезла, напѣвая цыганскую пѣсню.

Это имя вызвало цѣлую бурю въ душѣ Фрэнка. Лордъ Моубрей! Бездушный развратникъ, самый испорченный, какъ говорить, изъ числа новыхъ друзей принца Уэльскаго! И его-то любитъ Эстеръ! Симпатіей, которую онъ на минуту вызвалъ въ ней, онъ можетъ быть обязанъ сходству съ этимъ человѣкомъ!... Мученія Фрэнка были безграничны: онъ не испытывалъ болѣшихъ съ того дня, когда ребенкомъ потерялъ свою золотую монету.

Въ такомъ настроеніи Фрэнкъ отправился въ Пантеонъ. Зачѣмъ пошелъ онъ въ маскарадъ? Какое чувство влекло его? Смутное желаніе потопить горе въ какой-нибудь пошлой интригѣ? Надежда встрѣтить Эстеръ? Нѣтъ, вѣрнѣе инстинктъ, который влечетъ страдающаго человѣка разсѣять грусть среди многочисленной толпы. Въ то время, какъ онъ разсѣяннымъ взглядомъ слѣдилъ за безумно вертящимися парами, на его плечо опустилась чья-то рука.

Опять египтянка! Что надо этой соотечественницѣ сфинкса съ ея глубокими черными глазами и загадочною улыбкой?

— Та, которую вы любите, здѣсь.

— Какъ? Эстеръ?

— Боричневое домино, голубыя ленты... Ищите и обряцете. Такъ, кажется, говорите вы, Руми?

— Да, но объясни мнѣ...

— Время дорого. Еще нѣсколько минутъ и Эстеръ погибнетъ, погибнетъ навсегда. Торопитесь, если хотите спасти ее. Говоря это, я обманываю того, кому должна служить, но я женщина, и мнѣ жалъ васъ.

Фрэнкъ хотѣлъ подробнѣе разспросить цыганку, но та уже скрылась въ толпѣ масокъ. Вздонованный юноша объжалъ всѣ залы, разыскивая описанное домино. Вдругъ онъ вскрикнулъ: онъ увидѣлъ ту, которую искалъ. Въ одно мгновение Фрэнкъ очутился около нея. Маска сидѣла одна и, повидимому, искала кого-то глазами.

— Эстеръ, — воскликнулъ Фрэнкъ, — вамъ грозитъ опасность! Бакая, я не знаю, мнѣ не сказали. Но позвольте мнѣ остаться съ вами, защитить васъ, спасти...

Онъ схватилъ руки молодой женщины и сжималъ ихъ въ своихъ, не подозрѣвая, что въ эту самую минуту настоящая Эстеръ проходила мимо. Маска ничего не отвѣчала, но не отняла рукъ, какъ будто ей доставляло удовольствіе чувствовать изъявленія его страстной любви.

Бъ нимъ подошелъ мужчина и на минуту приподнялъ маску. Фрэнкъ узналъ Лебо, повѣреннаго лорда Моубрея. Онъ рѣшилъ помѣшать своей дамѣ слѣдовать за нимъ и приподнялся съ угрожающимъ видомъ.

— Ваша милость готова? — спросилъ Лебо.

— Иду. До свиданья, мосье Фрэнкъ!

Голосъ леди Верекеръ! Отъ изумленія Фрэнкъ остоленѣлъ на мѣстѣ. Цыганка насмѣялась надъ нимъ. Онъ погинулъ балъ и возвратился въ свою мансарду, тщетно стараясь разгадать смыслъ происшедшаго.

На слѣдующій день Фишеръ не явился, какъ обыкновенно, къ туалету сэра Джошуа. Между тѣмъ, безпорядки прекратились; Лондонъ, на видъ, по крайней мѣрѣ, успокоился. Вскорѣ стало извѣстно, что Фишеръ провелъ ночь въ поискахъ миссъ Вудвиль, которую, какъ говорятъ, похитилъ лордъ Моубрей. Такія происшествія были въ то время слишкомъ обыкновенны, чтобы возбуждать много толковъ, въ особенности въ такую важную минуту. Осада парламента была дѣломъ поважнѣе похищенія актрисы. Поэтому Ральфъ, сообщившій эту новость молодому художнику, былъ пораженъ, когда увидѣлъ, что тотъ схватилъ шляпу и выбѣжалъ на улицу.

Фрэнкъ бросился прямо къ Фишеру. Тотъ принялъ его сначала очень холодно, но, тронутый волненіемъ молодого челевѣга, заки-

давшаго его вопросами, парикмахеръ кончилъ тѣмъ, что разска- залъ ему всѣ подробности ночнаго событія и предложилъ повидать- ся съ мистрисъ Мэршамъ. Старуха горько плакала и предавалась отчаянію. Племянница похищена, сынъ пропалъ, кромѣ того, его преслѣдуетъ полиція за вчерашнія событія, значеніе которыхъ она начинала понимать; домъ занятъ солдатами, даже Модъ исчезла; ее увелъ неизвѣстный господинъ! Подобное стеченіе несчастій могло потрясти самую спокойную душу и поколебать самый закоренѣлый оптимизмъ. Въ такомъ состояніи засталъ ее Фрэнкъ; она не знала, на что рѣшиться, боялась, что если для отысканія племянницы прибѣгнетъ къ содѣйствію властей, то тѣмъ самымъ выдастъ сына преслѣдователямъ.

Отъ обезумѣвшей старухи нельзя было ожидать помощи. Фишера ждали его кліенты. О'Флэнниганъ, вообразившій, что ему, какъ католику, грозитъ опасность, заперся въ своей квартирѣ. Не видя нигдѣ поддержки, Фрэнкъ поклялся, что отыщетъ Эстеръ, и въ эти страшные дни разгрома, онъ, равнодушный къ тому, что волновало весь свѣтъ, и къ личной опасности, переходилъ изъ возмущенныхъ кварталовъ въ тихіе, безъ устали ища потерянный слѣдъ.

Въ первый же день Фрэнкъ убѣдился, что домъ Фоли-Моубрея пустъ. Подкупленный лакей безъ труда впустилъ его въ домъ, показавъ всѣ тайники, подземные ходы, гостиную, гдѣ провелъ ночь Рейбенъ. «Утромъ,—сказалъ лакей,— неизвѣстный господинъ и молодая дама, освобожденные капитаномъ Гекманомъ, сѣли въ экипажъ и неизвѣстно куда уѣхали». Дама,—Фрэнкъ былъ убѣжденъ въ томъ,—была никто иная, какъ леди Верекеръ. Она обманула лорда Моубрея, какъ на минуту ввела въ заблужденіе его самого. Леди Верекеръ могла объяснить ему загадку. Фрэнкъ отправился въ ея домъ, но его не приняли. Миледи уѣхала путешествовать.

Фрэнкъ вспомнилъ слова несомнѣнно подкупленной молодой лордомъ цыганки. Разыскивая ее, онъ обошелъ всѣ мѣста, гдѣ располагался обыкновенно цыганскій таборъ, но напрасно. Вѣроятно, и мужчины, и женщины отправились на пожаръ, охватившій центръ города.

Фрэнкъ понималъ, что цыганка была простымъ орудіемъ. Что же касается леди Верекеръ, то онъ не могъ рѣшить, хотѣла она спасти Эстеръ или вернуть измѣнившаго любовника? Дѣйствовала она самостоятельно или повиновалась чужой волѣ, руководившей всею интригой? Тутъ Фрэнкъ вспомнилъ Лебо. Эта таинственная личность, обязанная доставлять развлечения молодому лорду Моуб-

рею, внушала ему инстинктивное отвращеніе. Онъ раза два или три встрѣчался съ нимъ, и пристальный взглядъ, который устремлялъ на него этотъ человѣкъ, всегда приводилъ его въ смущеніе. Лебо подошелъ къ леди Верекеръ на балѣ въ Пантеонѣ и спросилъ ее:

— Ваша милость готова?—Фрэнкъ начиналъ понимать темную махинацію, нити которой держалъ Лебо.

Въ то время, какъ Моубрей всюду показывался въ сопровожденіи вѣрнаго Гэмана и со вниманіемъ диллетанта смѣдилъ за успѣхомъ возстанія, Лебо нигдѣ не было видно. Гдѣ онъ скрывался и почему скрывался? Неужели Эстеръ имъ похищена и стала жертвой этого негодяя? Вся кровь прилила къ лицу Фрэнка при этой мысли.

Ему сказали, что въ то время, какъ карета лорда Моубрея увозила замаскированную женщину, другая молодая дама, одѣтая въ такое-же домино и сопровождаемая джентльменомъ, лица котораго не успѣли разглядѣть, сѣла въ носилки, ожидавшія у боковаго входа. Носилки быстро удалились въ сторону Сити. Фрэнкъ переспросилъ всѣхъ носильщиковъ, но ни одинъ не могъ или не хотѣлъ дать ему ни малѣйшаго указанія. Послѣ трехдневныхъ тщетныхъ поисковъ Фрэнкъ призналъ, наконецъ, свое безсиліе, когда его неожиданно окликнулъ докторъ Леветь.

— Идемъ съ нами, — сказалъ ему старый добрякъ, — помогать христіанамъ, идемъ спасать жизнь, такъ какъ дьяволы разбушевались сегодня и неизвѣстно, кто хуже, мятежники или солдаты. Въ то время, какъ другіе причиняютъ столько зла, попытаемся сдѣлать хоть немного добра.

Ни слова не говоря, Фрэнкъ послѣдовалъ за нимъ. Онъ чувствовалъ потребность что-нибудь дѣлать, стряхнуть тоску, забыть мучительную тревогу.

XV.

Въ эту самую ночь Эстеръ сидѣла въ небогато убранной комнатѣ, низко опустивъ голову и сложивъ на колѣняхъ руки. Рядомъ съ ней старуха причитала жалобы, проклятія, бормотала непонятныя воспоминанія молодости, перебивая ихъ псалмами и отрывками изъ библейскихъ текстовъ. Она говорила сама съ собой, не обращая вниманія на молодую дѣвушку, которая, впрочемъ, и не замѣчала ее. Эстеръ прислушивалась къ уличному шуму. До нея ежеминутно долеталъ трескъ огня, грохотъ обваливающихся отъ пожара зданій или дикіе вопли, отъ которыхъ она невольно вздрагивала.

Комната находилась въ первомъ этажѣ небольшого дома, стоящаго въ уединенномъ переулкѣ; обитатели, вѣроятно, покинули его, такъ какъ никто не шевелился въ немъ, ни одна живая душа не показывалась. За то изъ большой улицы Гольборнъ, всего въ шестидесяти шагахъ, наводненной ревущей и обезумѣвшею толпой, къ нимъ доносился адскій гвалтъ. Въ комнатѣ не было огня, но пламя горѣвшаго рядомъ дома Лэнгдала освѣщало предметы такъ ясно, какъ днемъ. Часы тянулись въ тяжеломъ оцѣпенѣннѣмъ. Вдругъ Эстеръ вскочила.

— Модъ!—воскликнула она.—Мы горимъ!

Это была правда: на противоположной сторонѣ узкаго двора, куда выходили окна комнаты, вдругъ треснули стекла рѣшетчатаго окна, вырвалось пламя и огненные языки начали лизать черныя стѣны.

— Модъ, Модъ, намъ грозитъ близкая опасность!

— Слава Богу!—отвѣтила старуха, обративъ къ ней помутившіеся взоры.—Онъ даруетъ побѣду святымъ, коня и всадника Онъ ввергнулъ въ море!

— Она безумиѣе прежняго... Эта ночь окончательно свела ее съ ума... А мосье Лебо не возвращается... Что дѣлать? На что рѣшиться?

Въ памяти Эстеръ воскресли обстоятельства, которыя довели ее до такого опаснаго положенія. Когда она подала руку незнакомцу, произнесшему условную фразу: «луна взошла», она почти сейчасъ же раскаялась въ томъ, что сдѣлала. Но раскаяніе не было достаточно сильно, чтобы во-время остановить исполненіе принятаго рѣшенія. Она позволила довести себя до боковаго подъѣзда, гдѣ стояли носилки съ двумя носильщиками.

— Нѣтъ,—воскликнула она тутъ,—я не хочу!... Не хочу!...

— Некогда разсуждать,—отвѣтилъ повелительный голосъ, принадлежавшій не лорду Моубрею.—Садитесь скорѣе въ носилки.

Эстеръ терзала мысль о Фрэнкѣ, въ любви къ которому она убѣдилась съ той минуты, какъ ревность освѣтила ее душу. Она залилась слезами.

— Я погибла!—воскликнула Эстеръ,—погибла!...

— Вы спасены.

Съ этими словами носилки двинулись. Люди почти бѣжали. Господинъ въ маскѣ сказалъ имъ: «Я заплачу вдвое!»

Черезъ четверть часа носилки остановились въ переулкѣ близъ Гольборна; джентльменъ ввелъ дѣвушку въ одинъ изъ домовъ и отпустилъ носильщиковъ. Когда они остались одни и ея спутнику

удалось, наконецъ, зажечь свѣчи на каминѣ, Эстеръ сразу узнала его.

— Мосье Лебо!

— Да, — сказалъ онъ, — вы находитесь вѣд опасности, можете какъ угодно располагать своею судьбой, такъ какъ я хочу только почтительно предложить вамъ нѣсколько совѣтовъ.

— Но какъ могли вы узнать?... Какимъ образомъ вы заняли мѣсто другаго?

— Это тайна... на нѣкоторое время еще... Достаточно того, что мнѣ это удалось. Вырвавшіяся у васъ слова заставляютъ меня думать, что вы не сердитесь за мое вѣдшательство. Я со страхомъ жду отъ васъ отвѣта. Хорошо ли я поступилъ?

— Да, — отвѣтила Эстеръ послѣ минутнаго колебанія, — и я благодарю васъ. Я не люблю лорда Моубрея. Мое безразсудство непростительно и я была бы въ отчаяніи.

Радость блеснула на увядшемъ лицѣ Лебо.

— Слава Богу!... Но что могло сбить васъ съ толку?

— Тщеславіе. Лордъ Моубрей говорилъ, что хочетъ жениться на мнѣ.

— Жениться! Онъ ни секунды объ этомъ не думалъ. Кромѣ того, этотъ бракъ невысказанъ... Но не будемъ больше говорить объ этомъ.

— Не отведете ли вы меня теперь къ теткѣ?... Бѣдная, въ какомъ она глупомъ положеніи!... Она, навѣрное, беспокоится...

— Положеніе, о которомъ вы говорите, вѣроятно, скоро прекратится, но какъ бы сильно ни было безпокойство вашей тетушки, я обязанъ его продлить. Лордъ Моубрей поклялся, что добровольно или противъ вашей воли онъ похититъ васъ сегодня ночью, и я не знаю, будете ли вы въ безопасности въ домѣ Тотиль-Фильда, гдѣ нѣтъ даже Рейбена, чтобы защитить васъ. Это моя квартира, хотя никто изъ моихъ знакомыхъ не знаетъ о ея существованіи. Отдохните здѣсь нѣсколько часовъ. Завтра утромъ мы все обсудимъ. Мистрисъ Мэршамъ, будьте увѣрены, ни слова не скажетъ вамъ, не сдѣлаетъ ни одного упрека. Вашъ поступокъ даже останется неизвѣстнымъ, такъ какъ я скажу ей, что это я увезъ васъ, чтобы избавить отъ опасности, грозившей вашей чести.

— Такъ она знаетъ васъ?

— Конечно.

— Давно?

— Очень давно.

Послѣ небольшой паузы онъ продолжалъ:

— Я принесъ васъ къ ней крошечнымъ ребенкомъ, прежде чѣмъ васъ помѣстили къ бристольскимъ квакершамъ.

— Неужели?

Эстеръ схватила руку Лебо.

— Значить, вы знаете моихъ родителей? О! умоляю васъ, расскажите о моей матери. Кто она? Похожа ли я на нее? Умерла она? И отчего?

Эстеръ забросала Лебо вопросами, настойчиво требуя отвѣта. Французъ грустно улыбнулся.

— Терпѣніе! Потому я все расскажу вамъ. Знайте только, что ваша мать была красавица, а вы ея живой портретъ. Ее тоже увлекла потребность сильныхъ ощущений, жажда приключеній. Около нея никого не было, кто бы могъ предостеречь ее, и она дорого заплатилась за свою неосторожность.

Эстеръ опустила голову и слезы медленно покатались по щекамъ дѣвушки.

— Тогда-то увидалъ ее вашъ отецъ и сжалился надъ ней. Результатомъ этого было появленіе на свѣтъ ребенка. Этотъ ребенокъ—вы.

— Увы!... А мой отецъ живъ?

— Да.

— Отчего же онъ не прійдетъ сюда? Отчего онъ не показываетъся? Я была бы такъ счастлива, если бы могла обнять его.

Что-то странное творилось съ Лебо. Его истрепанная жизнью черта, потухшіе глаза, все его вульгарное лицо преобразилось, облагородилось торжественнымъ умиленіемъ; его руки какъ бы невольно поднимались, чтобы заключить въ объятія молодую дѣвушку. Но онъ сейчасъ же опустил ихъ и Лебо принялъ свое всегдашнее равнодушное и утомленное выраженіе.

— Вашъ отецъ, — продолжалъ онъ, — тоже былъ бы счастливъ и съ гордостью называлъ бы васъ дочерью. Но обстоятельства не позволяли ему этого до сихъ поръ. Я не оправдываю его: напротивъ! Онъ совершилъ много ошибокъ... большихъ ошибокъ и даже... больше.

Эстеръ рѣзко отодвинулась отъ него.

— Вы называете себя другомъ отца и клеветаете на него!

Лебо отвѣтилъ только пожатіемъ плечъ и вздохнулъ. Онъ отошелъ къ окну. По конвульсивному движенію спины Эстеръ догадалась, что онъ плачетъ. Въ одну секунду она очутилась около Лебо.

— Простите! — воскликнула она, — простите!... Вы, можетъ быть, единственный человѣкъ, который безъ расчета интересуется

мною. Вы избавили меня отъ смерти, спасли отъ позора, а я въ награду оскорбляю и огорчаю васъ! О, простите, другъ мой!

Эти слова, повидимому, тронули Лебо.

— Благодарю, дитя мое, — произнесъ онъ. — Благодарю и прощайте. Уже день занимается; все тихо. Спите спокойно: я приду черезъ нѣсколько часовъ.

Лебо почти выбѣжалъ изъ комнаты. Эстеръ осталась одна и нерѣшалась раздѣться, такъ какъ этотъ домъ внушалъ ей страхъ. Она, одѣтая, бросилась на постель, сжимая въ рукѣ кинжалъ, подаренный ей Гаррикомъ. Преданіе приписывало это оружіе сэру Уильяму Дэвенанту, который будто бы получилъ его отъ Бэна Джонсона. Онъ же, будучи солдатомъ во Фландріи, купилъ его у пріѣхавшаго изъ Италіи еврея. Кинжалъ былъ чудной флорентійской работы конца XV вѣка. Какова была его исторія? Въ какихъ драмахъ онъ участвовалъ? Чьей ревности, чьимъ желаніямъ служилъ? Обагрался ли когда-нибудь человѣческой кровью? Думая обо всемъ этомъ, въ особенности же о собственной судьбѣ, нервно возбужденная Эстеръ, наконецъ, заснула.

Когда она проснулась, часы били двѣнадцать и она увидѣла Лебо, который смотрѣлъ на нее.

— Ну, что? — спросила она.

— Я прямо изъ Тотиль-Фильда. Домъ былъ полонъ солдатъ, пришедшихъ арестовать вашего кузена Рейбена; они засѣли въ домъ, чтобы подкараулить его. Но Ребейнъ не явился. Ваша тетка тоже еще не вернулась, и я не могъ отыскать, гдѣ она скрывается. Старая Модъ была одна; съ ней возмутительно обращались солдаты, которыхъ, впрочемъ, она сама бранила и раздражала. Я привелъ ее сюда. Она будетъ служить вамъ и останется здѣсь, пока вы будете скрываться, что, я полагаю, надо продолжить еще на нѣкоторое время. Городъ взволнованъ и безпорядки могутъ только способствовать цѣлямъ вашего похитителя, который не потерялъ надежды добиться своего.

Лебо скоро удалился; онъ обѣщалъ придти на слѣдующій день и сообщить новости. Но въ воскресенье онъ не явился. Въ понедѣльникъ мальчикъ принесъ отъ него записку безъ подписи: «Я не могу придти. Меня подозрѣваютъ. За каждымъ моимъ шагомъ слѣдятъ. Будьте терпѣливы. До завтра».

Безпорядки возобновились, и съ каждою минутой громче и явственнѣе доносился шумъ до Эстеръ. Молодая дѣвушка плохо спала эту ночь. На слѣдующій день стало еще страшнѣе. Загорѣлся винокуренный заводъ Лэнгдала совсѣмъ рядомъ съ ними, хотя рас-

положеніе оконъ не позволяло Эстеръ слѣдить за распространеніемъ пожара. Бъ вечеру, когда усилился шумъ и раздались выстрѣлы, волненіе ея возросло еще болѣе. Видъ пламени, охватившаго сосѣдній домъ и грозящаго ея убѣжищу, доводилъ Эстеръ до отчаянія.

— Неужели я останусь здѣсь съ этою безумною старухой, которая только умѣетъ пѣть псалмы? Сгорю живая въ этой труппѣ? Лебо забылъ обо мнѣ или не можетъ придти. Кто знаетъ, живъ ли онъ?

Эстеръ подошла къ окну и взглянула на колокольню Сентъ-Джизия, часы которой показывали часъ ночи: Зарево было такъ сильно, что она ясно различала стрѣлки на циферблатѣ и мельчайшія подробности скульптурныхъ украшеній.

Эстеръ рѣшилась бѣжать. Куда, она не знала, но, прежде всего, надо было вырваться изъ огненнаго кольца, которое суживалось вокругъ нея. Она надѣла навидку, повязала на голову шелковый платокъ и позвала Модъ.

Но тутъ представилось неожиданное затрудненіе. Старуха заснула, и на всѣ слова, просьбы, крики дѣвушки отвѣчала непонятнымъ мычаніемъ сквозь сонъ. Эстеръ отчаянно толкала ее, тянула за платье, но ея дѣтскія силы, хотя и удесятеренныя сознаниемъ опасности, не въ состояніи были сдвинуть неподвижную массу.

Не найдетъ ли она помощи на улицѣ? Эстеръ открыла дверь и на порогъ крикнула: «Помогите!»

Тщетная попытка: ея голосъ замеръ, теряясь въ ужасающемъ шумѣ. Она сама едва слышала его. Никто не показывался. Сосѣдніе дома медленно обрушивались и никто не думалъ оспаривать ихъ у пламени. Невыносимый жаръ палилъ рѣсницы молодой дѣвушки.

Тогда она бросилась къ Гольборну, какъ стрѣла пролетѣла подъ сводчатою аркой, единственнымъ выходомъ съ этой стороны, и добѣжала до улицы.

Здѣсь она остановилась, пораженная страшнымъ зрѣлищемъ.

XVI.

Домъ Лэнгдала превратился въ горнило, откуда вылетали огненные клубы. Крыша обрушилась; пламя то поднималось столбомъ, то, разсѣянное вѣтромъ, извивалось языками, угрожая низвергнуться внизъ и уничтожить весь городъ. Дикая толпа, въ отвратительныхъ лохмотьяхъ, скакала передъ этимъ громаднымъ

костромъ. Нѣсколько часовъ назадъ она выкатила изъ завода большія бочки, откупорила ихъ и съ жадностью набросилась на вино.

Затѣмъ драгоценная влага разлилась, образовала дымящіяся лужи и мутные ручьи, въ которыхъ старый портвейнъ смѣшивался съ мальвазіей, джинъ—съ амантильадо. Вдоль лужъ и ручьевъ лежали люди, мужчины, дѣти, женщины и, вытянувъ губы, глотали вино съ грязью; скоро они не въ состояніи были подняться и уже не чувствовали, какъ ихъ топтали ногами новыя толпы, которыя съ ревомъ падали, увеличивая кучи лежащихъ. Падавшія съ раскаленнаго неба искры зажигали море алкоголя, катившее теперь синевато-огненные волны; оно заливало несчастныхъ, топило и жгло, въ то же время. Ихъ тѣла, точно куски изрубленныхъ змѣй, извивались въ конвульсіяхъ съ отчаянными и напрасными усиліями, съ дикими воплями, въ которыхъ не было ничего человѣческаго. Ужаснѣйшая смерть надвигалась на пьяныхъ и не отрезвляла ихъ. Другіе еще держались на ногахъ и продолжали среди этого ужаса свою дьявольскую пляску.

Одинъ изъ этихъ людей замѣтилъ Эстеръ. Бачаясь, протягивая руки, съ открытымъ ртомъ, онъ сдѣлалъ два или три шага къ ней. Эстеръ бросилась назадъ и черезъ нѣсколько секундъ добѣжала до дома. На порогѣ стоялъ Лебо.

— Наконецъ-то!—воскликнула она, задыхаясь.—Я думала, что съ ума сойду!

— Успокойтесь! Я нашелъ мистрисъ Мѣршамъ и отведу васъ къ ней. Я знаю, гдѣ можно пройти; но нельзя терять ни минуты. Черезъ часъ этотъ домъ тоже загорится.

— Но, Модъ, Модъ! Она съ ума сошла и не хочетъ идти со мной.

Лебо, не отвѣчая, вошелъ въ комнату, гдѣ спала старуха. Среди водворившейся на минуту тишины Эстеръ услышала шумъ въ нижнемъ этажѣ.

— Отворяютъ дверь!—крикнула она.—Входятъ въ домъ!

Она съ ужасомъ думала о пьяномъ, который минуту назадъ бросился за ней; она не видала, что онъ споткнулся о тумбу и упалъ на землю, чтобы никогда больше не подняться.

Лебо прибѣжалъ на ея крики, чтобы отвлечь опасность. Слишкомъ поздно. Бѣто-то поднимался по лѣстницѣ, быстрыми шагами приближался, и когда свѣтъ отъ пожара ворвался въ отворившуюся дверь, Эстеръ и Лебо узнали лорда Моубрея.

Въ головѣ Эстеръ, прежде всего, мелькнула мысль, что Лебо обманулъ ее.

— О!—воскликнула она, бросивъ на француза полный отчаянія и ненависти взглядъ,—вы предали меня!

Новое потрясеніе было слишкомъ сильно. Эстеръ упала безъ чувствъ, ударившись головой о край кровати, и недвижная осталась на полу. Лебо бросился къ дѣвушкѣ, поднялъ ее на руки, осторожно положилъ на кровать и наклонился къ ея блѣдному лицу.

— Обморокъ,—прошепталъ онъ какъ бы про себя.

Скрестивъ руки, лордъ Моубрей смотрѣлъ на Лебо и съ ироническою улыбкой слѣдилъ за всѣми его движеніями.

— Учитель Лебо!

— Милордъ?—возразилъ Лебо и обернулся къ нему блѣдный, но съ рѣшительнымъ видомъ.

— Станешь ли ты и теперь отрицать, что обманывалъ меня?

— Я болѣе, чѣмъ когда-либо утверждаю, что дѣйствовалъ въ интересахъ вашей милости.

— Разстроивъ всѣ мои планы, похитивъ эту молодую дѣвушку?

— Да, похитивъ эту молодую дѣвушку. Это былъ мой долгъ.

— Твой долгъ? Вотъ слово, котораго ты никогда не произносишь при мнѣ.

— Я дѣлалъ ошибку. Какъ-никакъ, милордъ, а, все-таки, можетъ быть, Богъ, дѣйствительно, существуетъ.

— Объ этомъ слѣдовало сказать мнѣ раньше. Если ты увѣривалъ, то отправляйся къ тебѣ подобнымъ ханжамъ и оставь меня здѣсь. Это глухое мѣсто, эта ночь пожара и кровопролитія, эта безчувственная дѣвушка,—все это не можетъ мнѣ не понравиться. Я люблю выходящія изъ ряда вонъ приключенія.

Лебо, стоя между кроватью, на которой лежала Эстеръ въ обморокъ, и лордомъ Моубреемъ, не двинулся съ мѣста.

— Извините, милордъ. Вы уйдете, а не я. Вы не прикоснетесь къ этой дѣвушкѣ.

— Почему?

— Потому что я не дозволю этого.

— А почему ты не дозволишь?

— Потому что она моя дочь, а ваша сестра.

Моубрей на минуту опѣшилъ, потомъ расхохотался.

— А мой отецъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ правъ,—проговорилъ онъ.—Ты самый забавный на свѣтѣ негодяй. Да здравствуетъ Лебо! Ты одинъ обладаешь такою богатою фантазіей! Въ тотъ день, когда мой отецъ проснулся внутри гигантскаго пирога на столѣ у

одного изъ своихъ друзей, сюрпризъ былъ хорошъ, но сегодняшній лучше... Послѣ этой выходки никто не скажетъ, что ты опустился, такъ какъ никогда еще твое воображеніе не достигало такого блеска. Проси у меня двѣсти пистолей, пятьсотъ: я не откажу тебѣ... Но убирайся и прекрати комедію; она мнѣ надоѣла.

— Я не уйду и это не комедія. Я повторяю, что Эстеръ ваша сестра.

Молодой человѣкъ презрительно улыбнулся.

— Вы хотите увѣрить меня, что леди Моубрей...

— Леди Моубрей,—живо перебилъ Лебо,—была святая... Да услышитъ она меня и да проститъ!

— Аминь.

— Смѣйтесь, смѣйтесь пока, такъ какъ сейчасъ вы перестанете смѣяться. Леди Моубрей тутъ не причемъ; леди Моубрей непричастна въ вашемъ рожденіи.

На этотъ разъ молодой лордъ сдѣлалъ гнѣвный жестъ.

— Слушайте!—внушительно произнесъ Лебо.

Эстеръ начинала понемногу приходиться въ себя. Лежа на кровати съ закрытыми глазами, она слышала голоса, но еще не могла разобрать, кто говорилъ, и не понимала смысла словъ.

— Двадцать три года тому назадъ въ одно время были беременны двѣ женщины: жена и любовница лорда Моубрея. Одна въ своей резиденціи въ Сентъ-Джемсѣ, другая въ Фоли-Моубрей. Она была дочь лондонскаго торговца. Вашъ отецъ похитилъ ее и держалъ взаперти какъ плѣнницу. Случай захотѣлъ, чтобы лордъ Моубрей сдѣлался дважды отцомъ въ одну ночь. Когда вы появились на свѣтъ, онъ показалъ мнѣ васъ, говоря: «Посмотри, Лебо, какъ онъ крѣпокъ! Это дитя любви, зачатое въ радости, тогда какъ другое...» Тутъ ему пришла въ голову мысль подмѣнить законнаго сына незаконнымъ. Онъ ненавидѣлъ жену, какъ ненавидѣлъ все хорошее. Его восхищала мысль подсунуть ей плодъ преступной любви, ребенка соперницы. Лордъ Моубрей нашелъ меня достойнымъ выполнить эту мысль. Я подкупомъ выманилъ у кормилицы маленькаго лорда и положилъ васъ въ колыбель... Какъ только ваша мать поправилась, лордъ Моубрей прогналъ ее съ ребенкомъ, котораго она считала своимъ. Лорду Моубрею недостаточно было того, что ребенокъ лишился состоянія и титула, онъ хотѣлъ, чтобы онъ испыталъ нужду, нищету. Онъ зналъ, что семья его любовницы, непреклонная въ своихъ принципахъ, затворитъ двери передъ падшею дочерью и ея ребенкомъ. Увѣренный въ этомъ, онъ запретилъ мнѣ помогать имъ. Я не послушался.

— Это начало твоей добродѣтели!

— Нѣтъ, мосье. Она была красива и я сдѣлалъ ее своею любовницей. И я въ свою очередь сталъ отцомъ и поступилъ съ ней по-барски, т. е. такъ же подло, какъ и мордь Моубрей... Я предоставилъ ее всѣмъ случайностямъ скитальческой жизни и нищеты. Она сдѣлалась актрисой и странствовала по провинціямъ съ трупной бѣдныхъ актеровъ, таская за собой сына леди Моубрей, мѣсто и имя котораго вы приняли... Она умерла... почти съ голода.

Послѣднія слова Лебо произнесъ глухимъ голосомъ, въ которомъ слышалась горечь медленно накопившихся угрызений совѣсти.

— Я избавилъ мою дочь отъ этого тяжелаго существованія, позаботился о ея воспитаніи, обезпечилъ ея судьбу въ рукахъ честныхъ людей.

— А тотъ... бродяга... мой фантастическій братъ?

Подъ ироніей Моубрея Лебо угадывалъ страхъ.

— Жизнь его была тяжела до десяти лѣтъ, такъ тяжела, что рассказъ о его страданіяхъ тронулъ бы всякаго, кромѣ васъ. Переходя изъ одного бѣдственнаго положенія въ другое, онъ попалъ, наконецъ, въ руки пиратовъ Темзы, которые сдѣлали изъ него ворешку, воспитали для позора и преступленія.

— Приблизительно такъ, какъ вы воспитали меня.

— Пожалуй. Я заслуживаю этотъ упрекъ и принимаю его. Но въ то время, какъ ваши дурные инстинкты росли, въ вашемъ братѣ развивалось сѣмя добра. Онъ бѣжалъ отъ тѣхъ, кто училъ его злу, и хорошіе люди приняли его... А! вы хотѣли бы знать, живъ ли онъ? Но я не такъ глупъ, чтобы выдать его вашей ненависти и преслѣдованіямъ. Нѣтъ, вы знаете достаточно, чтобы понять, что не должны ни минуты больше оставаться здѣсь.

— Я выслушалъ васъ до конца съ терпѣніемъ, которому самъ удивляюсь... Изъ вашего разсказа слѣдуетъ, что я всѣмъ обязанъ вамъ, что я ваша креатура. Какъ король царствуетъ милостію Божіей, такъ я имѣю счастье быть лордомъ по милости мосье Лебо, и если я перестану заслуживать его благосклонное расположеніе, то лишусь всего. Какъ бы то ни было,—продолжалъ онъ, рѣзко мѣняя тонъ,—я не желаю знать, что правда, что ложь въ вашемъ романѣ. Но такое положеніе не можетъ продолжаться. Такой человѣкъ, какъ я, не долженъ быть во власти какого-нибудь Лебо, зависѣть отъ его скромности. Лучшее средство заставить васъ молчать, это—убить васъ... и я убиваю!

Говоря это, Моубрей обнажилъ шпагу и бросился на бывшаго гувернера.

Эстерь слабо вскрикнула, но ея крикъ затерялся въ страшномъ грохотѣ. Рядомъ обвалилась стѣна и увлекла за собой широкій навѣсъ, соприкасавшійся съ крышей дома. Балка, падая, зацѣпила за окно и разбила стекло. Густой клубъ дыма съ горящими и скрами ворвался въ комнату.

Между тѣмъ, Лебо, не перестававшій слѣдить за движеніями Моубрея, сдѣлалъ скачокъ назадъ, поставивъ, такимъ образомъ, между собою и противникомъ столъ. Лебо тоже обнажилъ шпагу. Теперь партіи были равны. Онъ первый вложилъ рапиру въ руку молодаго лорда и терпѣливо научилъ его всѣмъ тайнамъ французскаго и итальянскаго фехтованія. Въ продолженіе десяти лѣтъ они почти каждый день фехтовали вмѣстѣ и уже не могли тронуть другъ друга, такъ какъ одинъ зналъ приемы и угадывалъ намѣренія другаго. Изъ этихъ двухъ людей, которые такъ долго жили, какъ учитель и ученикъ, почти какъ отецъ и сынъ, одинъ долженъ былъ пасть отъ руки другаго и на лицѣ cadaго выражалось звѣрское желаніе убить.

Это была не дуэль, а отчаянный бой на смерть. Мѣняя ноги, они вдругъ отскакивали, затѣмъ неожиданно нападали, пользовались всякимъ препятствіемъ, изгибались чуть не до земли или подпрыгивали на воздухъ; иногда они останавливались, смотрѣли другъ на друга, задыхаясь, обливаясь потомъ. Вокругъ валялась опрокинутая мебель; дымъ становился гуще, удушливѣе. Ни слова не было произнесено; слышались только глухія проклятія, нервный топотъ двухъ людей, хриплое, отрывистое дыханіе, лязгъ скрецающихся шпагъ, звонъ желѣза. Въ сосѣдней комнатѣ Модъ пѣла: «Саулъ убилъ тысячи, а Давидъ тьмы. Слава Господу силъ! Господь Саваоѣ! Аلیلуй!» На улицѣ шумъ стихалъ. Эстерь приподнялась на локтѣ; расширенными отъ ужаса глазами она смотрѣла на этихъ двухъ людей, которые, точно дикіе звѣри, преслѣдовали и бросались другъ на друга среди наполнявшаго комнату красноватаго дыма. Ей казалось, что она видитъ страшный сонъ.

Ни тотъ, ни другой не видѣли ея: оба не сводили глазъ съ острія шпагъ. Но Лебо слабѣлъ и чувствовалъ это. Его руки дрожали, глаза застилалъ туманъ, холодный потъ выступалъ на лбу; нарасно онъ вытиралъ его лѣвою рукой, онъ текъ ручьями на брови и рѣсницы, мѣшая смотрѣть. Его ноги начали цѣпляться за мебель, онъ уже покачнулся, вокругъ него завертѣлись предметы. Это была смерть!... Тогда онъ въ отчаяніи бросился впередъ...

Эстерь видѣла, какъ оба пронзили другъ друга, оба тяжело повалились вмѣстѣ на полъ и не поднялись больше. Она опять поте-

ряла сознание и тишину комнаты нарушало только пѣніе безумной старухи.

Лебо, однако, приподнялся, стараясь собрать мысли и силы. Онъ былъ раненъ въ животъ и истекалъ кровью. Спасти Эстеръ—эта мысль ярко выдѣлялась изъ хаоса, образовавшагося въ его мозгу. Спасти Эстеръ! Но какъ? Унести ее на рукахъ онъ не могъ. Хватить ли у него силъ доползти до лѣстницы, спуститься съ нея, выбраться на улицу и позвать на помощь? Да, это было необходимо. Но пожаръ можетъ поспѣть раньше его? Дымъ задушить несчастную дѣвушку? Эта страшная мысль придала бодрости Лебо, и онъ поползъ на окровавленныхъ и израненныхъ рукахъ. Временами онъ въ изнеможеніи останавливался, чувствуя, что приходитъ конецъ... «Эстеръ!»—одно это слово оживляло его. Его дочь! Его дитя! Нѣтъ, онъ не дастъ ей умереть! Онъ—пускай! Но она такая молодая, красивая; жизнь такъ много обѣщаетъ ей! И онъ подвигался на футъ или на два, сползъ съ лѣстницы среди страшныхъ мукъ.

Но внизу оказалось, что вѣтеръ захлопнулъ дверь за лордомъ Моубрей. Лебо протянулъ руку, попробовалъ приподняться на одно колѣно. Онъ не могъ. Жестокая насмѣшка! Такой простой вещи, какъ повернуть ручку и отворить дверь онъ не могъ сдѣлать,—онъ, совершившій столько необычайныхъ дѣлъ! А спасеніе было, можетъ быть, за этою дверью, такъ какъ ему казалось—не иллюзія ли это?—что онъ слышитъ голоса на дворѣ. Онъ хотѣлъ крикнуть. Ни звука не вылетѣло изъ его груди.

Онъ повалился, какъ снопъ, и загородилъ своимъ тѣломъ дверь, которую онъ хотѣлъ было отворить цѣною своего существованія.

Лебо не ошибся: на улицѣ разговаривали. Быть можетъ, онъ сдѣлалъ бы послѣднее усиліе, еслибъ узналъ голоса своего соотечественника Левета и Фрэнга Мондея.

Они дѣйствительно продолжали дѣло спасенія, начатое нѣсколько часовъ назадъ. Они подняли множество раненыхъ, вырвали изъ пламени нѣсколько несчастныхъ, готовыхъ погибнуть. Исполняя долгъ милосердія, они шли впередъ, забрызганные кровью и грязью, съ обожженными лицами, изорванною одеждой. Не разъ пули едва не задѣвали ихъ, не разъ они слышали брань и угрозы. Но ихъ рвеніе не остыло и Фрэнкъ, полный геройской отваги, ободрялъ товарищей.

Въ толпѣ говорили, что за горящими зданіями Лэнгдала находится нѣсколько домовъ, тоже охваченныхъ огнемъ, откуда не ус-

пѣли обитатели выбраться въ-время. Леветь и Фрэнкъ, ища способа добраться до несчастныхъ, попали въ переулочекъ, гдѣ находился домикъ Лебо. Вдругъ Фрэнкъ остановился.

— Вы слышали?

— Что?

— Я не знаю... голоса... пѣніе... въ этомъ домѣ.

Всѣ прислушались и псалмопѣніе старой Модъ явственно долетѣло до слуха доктора и его спутниковъ.

— Тамъ люди!—воскликнулъ Леветь.—А крыша уже горитъ! Они сумасшедшіе... Эй! эй!

Онъ обошелъ домъ, стараясь привлечь вниманіе тѣхъ, кто находился тамъ.

— Развѣ вы не видите, что горите? — кричалъ онъ.— Выходите скорѣе!

Никто не отвѣчалъ и когда Леветь и его отрядъ перестали кричать, они снова услышали монотонное пѣніе безумной старухи; нѣсколько словъ долетѣло до нихъ.

— Ихъ, все-таки, надо спасти! Идемъ, товарищи!

Попробовали отворить дверь. Она сопротивлялась: рѣшили, что она заперта на ключъ.

— Въ окно!—крикнулъ Фрэнкъ.

Ударомъ локтя онъ вышибъ стекло, просунулъ руку въ отверстіе и искусно открылъ раму. Этому его научили первые воспитатели, рѣчные пираты. Затѣмъ, ставъ на подоконникъ, онъ прыгнулъ въ комнату. Леветь послѣдовалъ за нимъ.

— Мертвый... Чортъ возьми, это Лебо!... Нѣтъ, онъ еще дышитъ. Посвѣтите, пожалуйста, господа.

Леветь уже стоялъ на колѣняхъ передъ умирающимъ. При имени Лебо въ головѣ Фрэнка мелькнула блестящая мысль. Если человекъ, котораго онъ такъ усердно ищетъ, лежитъ недвижимый въ этой грязной норѣ, то онъ приближается, вѣроятно, къ объясненію загадки. Онъ вбѣжалъ по крутымъ ступенямъ лѣстницы такъ быстро, что едва не поскользнулся на слѣдахъ, оставленныхъ окровавленными руками Лебо. Въ сѣняхъ перваго этажа его ждалъ неожиданный врагъ. Въ отворенную дверь ворвалось облако дыма съ пламенемъ, обожгло его лицо и чуть не задушило. Закрывъ глаза рукой, Фрэнкъ хотѣлъ пройти впередъ, но наткнулся на чьи то ноги, лежавшія на коврѣ.

«Еще трупъ!»—съ ужасомъ подумалъ онъ.

Опустившись на колѣни онъ съ трудомъ доползъ до лица. Лордъ Моубрей лежалъ навзничъ, съ опаленными волосами и почернѣв-

шимъ, искаженнымъ лицомъ. Фрэнкъ достаточно видѣлъ и повернулся назадъ, когда ему показалось, что онъ видитъ на постели въ углу комнаты человѣческую фигуру; собравъ всю энергію, Фрэнкъ бросился впередъ. Эстеръ! Это была она!

— Ко мнѣ!—крикнулъ онъ.—Ко мнѣ, Леветь!

Докторъ прибѣжалъ съ нѣсколькими товарищами, но они остановились передъ ураганомъ вѣтра съ пламенемъ, бушевавшимъ въ комнатѣ между окномъ и дверью.

«Она умерла и я умру вмѣстѣ съ ней!»

Эта мысль мелькнула въ обезумѣвшей головѣ Фрэнка. Въ изнеможеніи онъ опустился на постель и прошепталъ:

— Эстеръ, дорогая!

Онъ прижалъ губы къ ея еще влажной щекѣ и даже въ такую страшную минуту это прикосновеніе доставило ему безконечное наслажденіе. Онъ обвилъ руками любимую дѣвушку и уже готовъ бымы проститься съ жизнью.

Но вдругъ голосъ, похожій на легкое дуновеніе, прошепталъ надъ самымъ его ухомъ:

— Спасите меня!

Въ мигъ онъ очутился на ногахъ. Съ силой, на которую минуту назадъ Фрэнкъ не считалъ себя способнымъ, онъ поднялъ молодую дѣвушку на руки и выбѣжалъ изъ горящей комнаты.

XVII.

Солнце высоко стояло надъ городомъ, когда Лебо открылъ глаза. Яркій утренній свѣтъ, волнами льющійся въ комнату, гдѣ онъ лежалъ, ослѣпилъ Лебо и его тяжелыя вѣки снова опустились. Черезъ минуту онъ съ усиліемъ приподнялъ ихъ и замѣтилъ склоненное надъ нимъ доброе лицо доктора Левета.

— Узнаете меня?

Больной сдѣлалъ утвердительный знакъ и слабо прошепталъ имя доктора.

— Гдѣ я?—спросилъ Лебо невнятнымъ голосомъ.

— У доктора Джонсона. Не волнуйтесь и все будетъ хорошо.

Вдругъ память возвратилась къ Лебо.

— Эстеръ?—спросилъ онъ такимъ настоятельнымъ, такимъ тревожнымъ тономъ, какой только возможенъ былъ при его полномъ упадкѣ силъ.

— Миссъ Вудвилъ здѣсь. Она жива: съ ней былъ только обморокъ. У нея небольшая царапина за ухомъ, вѣроятно, ушибъ, отъ

котораго скоро не останется слѣда... А васъ, мой дорогой, мы тоже поставимъ на ноги.

Лебо отрицательно покачалъ головой съ грустною улыбкой и прошепталъ:

— Мои счеты кончены... Зачѣмъ вы обманываете меня?... Развѣ я трусь?

Черезъ минуту Лебо опять спросилъ:

— Кто спасъ Эстеръ?

— Фрэнкъ Мондей, пріемышъ и воспитанникъ Рейнольдса.

Леветь въ краткихъ словахъ разсказалъ, какъ это было, какъ старая Модъ, упрямство и безуміе которой едва не причинили смерть молодой дѣвушкѣ, въ концѣ-концовъ, спасла ее своимъ нитьемъ; описалъ, съ какимъ трудомъ они проникли въ домъ и вырвали изъ пламени три живыхъ существа и одинъ трупъ.

— Чего мы никакъ не подозрѣвали, это то, что молодые люди любятъ другъ друга. Фрэнкъ спасъ въ Гольборнѣ свою будущую жену, и эта недѣля, которая оставитъ столько разрушенія, сдѣлаетъ, по крайней мѣрѣ, двухъ человѣкъ счастливыми.

Глубокое довольство разлилось по блѣдному лицу умирающаго.

— Миссъ Вудвиль нѣсколько разъ спрашивала, можно ли васъ видѣть. Привести ее?

Черты Лебо просвѣтлѣли еще больше. Но онъ сейчасъ же задумался. Конечно, пріятно было бы признаться, быть отцомъ хоть одинъ часъ, умереть, услышавъ прощеніе, и испытать ласки дочери. Но не оттолкнетъ ли она его? Найдеть ли достойнымъ себя? Да, и въ самомъ дѣлѣ, не лучше ли быть ничьею дочерью, чѣмъ дочерью Лебо, авантюриста, прихлебателя? Нѣтъ, лучше выдержать характеръ, умереть, никого не смущая, оставить ее счастливою. Но надо поскорѣе открыть Фрэнку, кто онъ, дать ему средство доказать свое рожденіе.

— Фрэнкъ! — прошепталъ онъ. — Я хочу видѣть Фрэнка, поговорить съ нимъ.

— Довольно волненій на сегодня. Отдохните, вы поговорите съ нимъ завтра.

— Завтра... меня уже не будетъ... Подите, позовите его.

Леветь, зная дѣйствительное состояніе больнаго, не сопротивлялся и вышелъ. Черезъ минуту онъ вернулся, за нимъ шли Фрэнкъ и Эстеръ, держась за руки. Облако грусти омрачило ихъ сіяющія молодостью и счастьемъ лица. Опустивъ голову, они медленными шагами приблизились къ постели. Фрэнкъ сталъ съ одной стороны, Эстеръ опустилась на колѣни съ другой.

— Отец! — проговорила она.

— Вы, значитъ, слышали?

— Да, все.

Волненіе было слишкомъ сильно для умирающаго. Лебо почувствовалъ, что мысли его путаются, и думалъ, что уже насталъ часъ смерти.

— Одну минуту! — прешенталъ онъ, какъ бы прося отсрочки у разрушительной силы природы. — Фрэнкъ долженъ узнать...

— Фрэнкъ знаетъ, что онъ настоящій лордъ Моубрей.

— Но доказательства! — продолжалъ Лебо. — Нужны доказательства! Кормилица, Елизавета Хогсъ, жива... въ Бэнгоръ... въ Уэльсъ. Она скажетъ, что надо сдѣлать... Элиза Хогсъ, не забудьте!

Силы умирающаго истощились отъ напряженія. Его тусклые глаза перестали видѣть. Онъ ощупью нашелъ голову дочери и положилъ на нее руку. Мысль его перелетѣла болѣе чѣмъ за сорокъ лѣтъ назадъ. Онъ увидѣлъ бѣдную крестьянскую хижину въ горахъ Дофине, откуда онъ ушелъ свитаться по бѣлому свѣту. Онъ увидѣлъ лежащую на кровати женщину въ агоніи: то была его мать. Рука умирающей опустилась на его дѣтскую головку и слабо, нѣжно провела по ней... Вся остальная жизнь исчезла, осталось только начало и конецъ, ничего не было между этими двумя ласками, той, которую онъ получилъ и которую давалъ теперь. Это было преддверіе міра, гдѣ не существуетъ времени, гдѣ минуты равняются вѣкамъ, гдѣ мысли и дѣйствія сливаются въ вѣчность.

Тихо вернувшійся Леветь на цыпочкахъ ходилъ по комнатѣ. Лебо замѣчалъ все, что происходило вокругъ него, хотя утратилъ сознание.

— Докторъ, вы здѣсь?

— Да.

— Уведите ихъ.

Эстеръ поцѣловала умирающаго въ лобъ.

— До свиданія, отецъ.

— До свиданія... можетъ быть!

— Вы хотите отдохнуть? — спросилъ Леветь, когда молодые люди ушли.

— Нѣтъ... Я задерживалъ смерть... Не надо огорчать молодости.

Докторъ не пытался больше отрицать истину.

— Вы молодецъ, товарищъ. Разъ вы такъ смѣло смотрите въ глаза смерти, то не хотите ли исполнить установленный обрядъ? Здѣсь есть католическій священникъ. Хотя докторъ Джонсонъ не-

навидитъ папистовъ, онъ, все-таки, пріютилъ его въ своемъ домѣ. Если вы хотите его видѣть...

Лебо сдѣлалъ отрицательный жестъ. По странной реакціи въ умирающемъ тѣлѣ просыпался скептикъ, философъ.

— Прочтите мнѣ,—прошепталъ онъ,—оду Горація... къ Постумію.

— Оду Горація къ Постумію!—повторилъ Леветь, думая, что онъ плохо разслышалъ.

Ошибки не было. Лебо хотѣлъ, чтобы ему прочли оду Горація, вмѣсто отходной. Докторъ всталъ, прошелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ находилась библіотека доктора Джонсона. Онъ возвратился съ большою книгой, сѣлъ около постели и тихимъ, торжественнымъ тономъ началъ читать знаменитую оду; умирающій слабымъ голосомъ договаривалъ знакомые стихи.

— *Visendus ater flumine languido...*—читалъ Леветь.

— *Cocytus egrans,*—чуть слышно шепталъ Лебо.

Но когда Леветь произнесъ роковое слово, нашъ общій приговоръ, *Linquenda tellus*, онъ замѣтилъ, что ни одного звука не доносилось съ кровати. Леветь подошелъ къ несчастному скептику, положилъ руку на сердце и, увидѣвъ, что оно перестало биться, благоговѣнно закрылъ глаза покойнаго.

Черезъ нѣсколько дней Лондонъ принялъ обычный видъ. Почернѣвшія развалины, обвалившіяся стѣны, полусторѣвшія балки, груды пепла тамъ, гдѣ были людскія жилища и мирные семейные очаги, вокругъ которыхъ росло и наслаждалось столько погребеній, одни свидѣтельствовали о четырехдневномъ безуміи толпы. Сколько неузнанныхъ человѣческихъ труповъ осталось подъ этими развалинами? Сколько ихъ поглотила Темза? Это осталось неизвѣстнымъ, ихъ не рѣшились считать. Нѣсколько несчастныхъ, которые ни въ чемъ не признались, забыли все или съ испугу обвиняли другъ друга, были преданы суду и повѣшены. Главный виновникъ, тотъ, кто разнуздаль страсти, Гордонъ, былъ заключенъ въ Ньюгетъ. Что болѣе руководило имъ, сумасшествіе или ложныя убѣжденія? Къ счастью для него, этотъ вопросъ остался неразрѣшеннымъ. Безуміе, а, можетъ быть, и званіе—спасли его. Вотъ вещь достойная вниманія: человѣкъ, который взбунтовалъ Лондонъ, загубилъ нѣсколько сотъ людей, не былъ наказанъ; но черезъ немного лѣтъ за то, что написалъ нѣсколько дерзкихъ строкъ о королевѣ Маріи Антуанетъ, попалъ въ тюрьму и провелъ тамъ остатокъ дней своихъ.

Когда нѣкоторое время спустя появился Рейбенъ, июнскія событія 1770 года начинали забываться. Его оставили въ покоѣ. Но его точно преслѣдовало какое-то воспоминаніе, терзало угрызеніе совѣсти, отъ котораго онъ не могъ избавиться. Онъ, мрачный, убитый, избѣгалъ встрѣчаться съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ «братъ-евъ», которые обвиняли его въ томъ, что онъ покинулъ ихъ въ опасности, «чтобы слѣдовать за амаликійскою куртизанкой». Рейбенъ не противился браку кузины, но отказался присутствовать на немъ, и въ день свадьбы сѣлъ на корабль, увозившій эмигрантовъ въ Канаду. Оттуда онъ переѣхалъ въ Ботани-Бей и пересталъ извѣщать о себѣ. Предполагають, что онъ проповѣдывалъ христіанство въ Австраліи. Одни думаютъ, что его убили и съѣли дикари, другіе предполагають, что онъ въ глубокой старости умеръ въ Сидней, окруженный многочисленнымъ потомствомъ.

Леди Верекеръ, имя которой я измѣнилъ изъ уваженія къ ея семьѣ, продолжала свою безпутную жизнь и сдѣлалась азартною игрицей въ «фараонъ». Она подружилась съ леди Бокингамширъ, леди Арчеръ и мистрисъ Хобартъ и превратила въ квартетъ недостойное и знаменитое тріо, которое каррикатуристъ Джильри часто выставлялъ на позоръ и посмѣшище въ своихъ безпощадныхъ рисункахъ.

Мистрисъ Маршамъ успокоилась и въ часы послѣбобѣденнаго отдыха опять видѣла свои божественные сны и прогуливалась по раю. О'Флэнниганъ, какъ только прошелъ кризисъ, началъ поражать своихъ враговъ (на словахъ, конечно), и до конца жизни оставался суфлеромъ. Въ Модъ не вернулся разсудокъ; въ богадѣльнѣ, куда ее помѣстили, она рассказывала о концѣ міра, на которомъ, по ея мнѣнію, она присутствовала.

Благодаря свидѣтельству Елизаветы Хогсъ, Фрэнкъ безъ особенныхъ затрудненій получилъ титулъ лорда Моубрея и вступилъ во владѣніе наследственными имѣніями. Король, королева, вся аристократія заинтересовались романической исторіей Фрэнка и его молодой жены.

Онъ рѣшилъ уничтожить Фоли-Моубрей, вызывавшую столько неприятныхъ воспоминаній. Эстеръ хотѣла видѣть домъ, который имѣлъ такое странное вліяніе на ея жизнь и судьбу ея мужа. Опираясь на руку мужа, они вмѣстѣ посѣтили мѣста, еще не видѣвшія чистой, открытой и гордой любви. Это было черезъ годъ послѣ смерти Лебо, въ ясный лѣтній день. Яркое солнце заливало потускнѣвшіе обои, непристойныя картины, стѣны, казалось, сохранявшія еще отзвукъ поцѣлуевъ. Эстеръ думала о пропасти, на

краю которой она стояла. Фрэнкъ вызывалъ въ памяти образъ своей матери, ея написанное Рейнольдсомъ прекрасное, блѣдное лицо, къ которому его сердце сразу почувствовало влеченіе. Каждый камень этого отвратительнаго дома не былъ развѣ для нея такъ тяжелъ, точно висѣлъ на ея шеѣ? Каждый поцѣлуй, которымъ обмѣнивались въ этомъ притонѣ, не стоилъ ей развѣ слезъ, оскорбленія, мукъ? Оба шли съ стѣсненными сердцами. Они почувствовали облегченіе, когда за ними затворилась дверь проклятаго дома и они увидѣли свѣтъ Божій, игравшій на лугахъ и желтѣющихъ нивахъ, колеблемыхъ легкимъ вѣтеркомъ.

Въ Бонъ-гоузъ пріѣхало много лондонцевъ, чтобы провести на чистомъ воздухѣ чудный день. Носилки, кареты, лошади въ поводу у пажей въ блестящихъ костюмахъ составляли живописныя группы. Собаки весело бѣгали въ толпѣ. Носильщики и лакеи толпились вокругъ фокусника или курили трубки на крыльцѣ съ деревянными колоннами. Внутри дома одни любовались серебряною кружкой, которую подарила королева Шарлотта мистрисъ Хэндсъ, или двумя свинцовыми гренадерами въ нѣмецкихъ киверахъ въ видѣ сахарной головы и въ формѣ 1745 года. Другіе сидѣли подѣ бумажными деревьями, подстриженными въ кружокъ или въ видѣ арокъ, и небольшими глотками пили dish of tea, какъ говорили тогда, съ горячими buns, которые своимъ рыхлымъ и душистымъ тѣстомъ доставили извѣстность кондитерской.

Нѣсколько человекъ окружили Рахаву, ворожею. Она замѣтила Фрэнка и Эстеръ среди своихъ слушателей. Тогда она дерзко воскликнула:

— Спросите вотъ у нихъ, всегда ли я говорю правду. Я предсказала имъ ихъ счастье.

— Ты!—воскликнула Эстеръ, пораженная ея дерзостью.—Ты мнѣ предсказала!...

— Я вамъ сказала, что вы выйдете за мужъ за лорда Моубрея. Обманула я васъ?

Эстеръ, краснѣя, улыбнулась.

— Дай ей что-нибудь,—обратилась она къ мужу.

И въ то время, какъ молодой лордъ высыпалъ изъ кошелька деньги въ руку цыганки, ученица Гаррика прошептала стихи поэта:

Пока все хорошо идетъ,
И если насъ конецъ такой же славный ждетъ,
То всё прошедшія печали и страданья
Усмять лишь всю сладость окончанья.

В. Р.

Изъ Конопницкой.

Свѣтять звѣзды, свѣтять
Надъ землею сонной,
Только не для хлопа
Свѣтъ ихъ отдаленный:
Звѣздочка повыше,
Что блещитъ всѣхъ краше —
Для красавца пана
Изъ усадьбы нашей;
Звѣздочка пониже,
Надъ зеркальнымъ прудомъ,
Для ксендза сіяетъ
Яркимъ изумрудомъ;
Третья, что бросаетъ
Съ неба снопъ огнистый
Серебристой пряжей,
То для органиста.
Всѣ передъ глазами
Свѣтять словно зори,
Только лишь для хлопа
Нѣтъ звѣзды на горе.
Въ древности глубокой,
Говорятъ при этомъ,
Богъ затеплилъ звѣзды
Равно яркимъ свѣтомъ;
Ни пановъ, ни хлоповъ
Не было у Бога:
Всѣ имѣли звѣзды
Средь Его чертога;
А какъ стали люди
На землѣ тѣсниться, —
Стали также звѣзды
Въ небѣ расходиться:
Панскія — сіяютъ
Серебромъ на волѣ,
Хлопскія — слезами
Всѣ упали въ поле.

А. Федоровъ.

Л Ю Б О В Ъ *).

(Романъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

III.

— Ты собираешься куда-то? — спросилъ Анатолий Петровичъ, видя, что Наташа натягиваетъ перчатки.

— Да, хочу прокатиться на деревню, — отвѣтила Наташа, глядя въ круглое зеркало, стоявшее на невысокомъ столигѣ, обитомъ розовою матеріей.

— Ты велѣла подать пролетку?

— Ну, да!

— Почему же ты не зовешь меня съ собой?

— Ты только будешь мѣшать мнѣ.

— А, понимаю... ты хочешь заняться изученіемъ народнаго быта! — произнесъ Бряцаловъ ироническимъ тономъ и разсмѣялся.

Наталья Николаевна надѣла перчатки и взяла изъ рукъ горничной шляпу. Она вышла въ гостиную, гдѣ сидѣлъ Бряцаловъ, откинувшись на спинку дивана. У нея былъ свѣжій, вполне здоровый видъ. За мѣсяць, что она провела въ деревнѣ послѣ приѣзда изъ-за границы, она замѣтно пополнѣла, щеки округлились и порозовѣли. Лицо Анатолия Петровича, напротивъ, казалось чуть-чуть постарѣвшимъ, должно быть, отъ загара, такъ какъ онъ цѣлые дни проводилъ по хозяйству и, можетъ быть, оттого, что онъ давно уже не брился, что съ нимъ бывало всегда, когда онъ былъ очень занятъ. Видъ у него былъ дѣловой, какъ у человѣка, на минуту забѣжавшаго въ комнату перевести духъ, чтобы снова бѣжать на работу. На немъ была его любимая куртка съ зелеными отворотами

*) Русская Мысль, кн. III.

и мягкая цвѣтная сорочка съ широкимъ отложнымъ воротничкомъ, со шнуромъ, вмѣсто галстука.

— Развѣ это смѣшно?—спросила Наташа, остановившись передъ нимъ и держа шляпу обѣими руками.

— А развѣ это не смѣшно?—спросилъ онъ въ свою очередь.—А, впрочемъ, можетъ быть, и не смѣшно, во всякомъ случаѣ—очень старо. Можно бы найти занятіе поновѣе.

— Для меня и это будетъ ново.

— Да зачѣмъ, я не понимаю? Ты спроси у меня, я тебѣ расскажу... Я очень хорошо изучилъ это на своей шкурѣ.

— Во-первыхъ,—какъ любить говорить мой учитель Аполлонъ Алексѣевичъ,—твой опытъ не былъ безпристрастнымъ...

— Превосходно. А во-вторыхъ, какъ, вѣроятно, любить продолжать твой учитель господинъ Чинаровъ?

— А во-вторыхъ, мнѣ больше нечего дѣлать, у меня много свободнаго времени, почему же мнѣ самой не продолжать тотъ же опытъ?

— Продолжать тотъ же опытъ!...—Онъ быстро вскочилъ съ мѣста съ видомъ человѣка, задѣтаго за живое.—Храни тебя Богъ отъ этого! Храни тебя Богъ!... Повторить всё тѣ непростительныя глупости, которыя сдѣлалъ я! Зачѣмъ же это?

— Я постараюсь избѣжать глупостей, Анатолій, насколько это будетъ отъ меня зависѣть,—очень спокойно сказала Наташа.

Бряцаловъ ходилъ по комнатѣ. Но странная вспышка, вызванная въ немъ воспоминаніемъ о его собственныхъ «глупостяхъ», скоро погасла въ его груди. Теперь онъ принялъ уже прежній ироническій тонъ, которымъ началъ разговоръ.

— Ну, прекрасно,—говорилъ онъ, заложивъ руки за спину и немного наклонивъ голову впередъ,—прекрасно! Ты изучишь этотъ бытъ, т.-е. узнаешь, что думаетъ Прохоръ и чего желаетъ Назаръ. Ну, окажется, разумѣется, что Прохоръ думаетъ великую думу о томъ, что такое жизнь и какъ отыскать на землѣ идеалъ нравды и добра, а Назаръ день и ночь только и дѣлаетъ, что ищетъ путей къ нравственному самоусовершенствованію, то - есть кратчайшей дороги къ кабаку... Ха-ха!... Что-жь дальше?

— Видишь ли, Анатолій, я пока не задаюсь такими цѣлями. Пока я хочу только посмотрѣть, какъ живетъ Прохоръ и Назаръ, больше ничего. А потомъ...

— Да, вотъ, я хотѣлъ бы знать, что потомъ будетъ?

— Если окажется, что ему живется плохо, можетъ быть, мнѣ удастся сдѣлать что-нибудь, чтобъ ему жилось лучше...

— Такъ, такъ!... Потомъ пойдетъ рѣчь о больницѣ, о школѣ, о помощи деньгами и натурой... Ха-ха - ха! Неужели ты не видишь, какъ все это старо?

— Это вовсе не старо, Анатолій... Старо только то, что уже сдѣлано, а это еще не сдѣлано.

— Было сдѣлано... тысячу разъ до тебя, и напрасно.

— Значить, плохо было сдѣлано.

— Боже мой, неужели же каждый долженъ непременно лично повторить всѣ глупости, сдѣланныя уже тысячу разъ другими? И хоть бы вы придумали что - нибудь новенькое, по крайней мѣрѣ, было бы занимательно смотрѣть. А то—больница, школа, материальная помощь... Это точно какая-то старая, неизмѣнная формула: $a^2 + 2ab$ ... и такъ дальше.. И это ты, женщина съ оригинальнымъ умомъ, съ самостоятельнымъ характеромъ, такъ презирающая все шаблонное и пошлое!

Наташа вспыхнула. Руки ея, до сихъ поръ прилаживавшія шляпу на головѣ, скрестились на груди. На лбу между бровей появилась глубокая складка.

— Что же вы придумали новаго и оригинальнаго? Восемь мѣръ за пять—на четыре мѣсяца. Не это ли считать новымъ и оригинальнымъ способомъ вести рациональное хозяйство? О, Анатолій, не смѣйся такъ, это нехорошо, и такимъ смѣхомъ ты никогда не примиришь меня съ этимъ!

— А ты хочешь узнать новые способы вести хозяйство?—спросилъ онъ съ злымъ смѣхомъ,—такъ ты съѣзди на мельницу Булатова, это близко. Ты тамъ увидишь, какъ можно на либеральной подкладкѣ драть съ рабочаго шкуру... Ха-ха - ха!... И тогда тебѣ мои восемь мѣръ на пять покажутся ангельскимъ процентомъ...

— Булатовъ?—спросила Наташа. Булатовъ пользовался хорошо репутаціей у Егора и Аполлонъ Алексѣевичъ жаловалъ его. — Этого не можетъ быть!

— Можешь думать обо мнѣ, что хочешь, только замѣть, что я никогда не лгу, Наташа, — безъ смѣха, тономъ обиды сказалъ Бряцаловъ.—Булатовъ ловкій человекъ и умѣетъ замазывать глаза либеральными принципами. Это ему удавалось долго. Ну, а теперь рабочіе грозятъ отказаться отъ работы у него и онъ мечется, какъ угорѣлый. Ты ничего не знаешь, а это цѣлая исторія, и очень поучительная... Вотъ этого господина понаблюдай, тутъ есть много занимательнаго...

Онъ опять сѣлъ, а Наташа подошла къ нему и присѣла рядомъ на краю дивана.

— Мы съ тобой, Анатолий, говоримъ такъ, что со стороны, пожалуй, можно подуматъ, будто мы враги, а, вѣдь, мы съ тобой друзья, не правда ли?

Она промолвила это мягко, съ улыбкой и взяла его руку.

— Что до меня,—сказалъ Анатолий Петровичъ,—то я—твой другъ. Жаль только, что ты не слушаешь моихъ совѣтовъ...

Въ голосѣ его тоже появилась мягкость. Онъ поднесъ ея руку къ губамъ и поцѣловалъ.

— Ты же знаешь и ты это цѣнилъ во мнѣ, что я не люблю слушаться совѣтовъ... ничьихъ... помнишь?

— Да, помню... Но для меня ты могла бы сдѣлать исключеніе. Вѣдь, ты знаешь, какъ глубоко люблю я тебя!

Онъ крѣпко сжалъ ея руку и опять поцѣловалъ.

— Ни для кого, Анатолий, а для тебя въ особенности.

— Это почему же? Почему именно для меня?

— Ты тогда ближе всего увидишь мою слабость и перестанешь любить меня.

— О, я никогда не перестану любить тебя, Наташа!—промолвилъ онъ дрожащимъ голосомъ и, охвативъ ее одною рукой, привлекъ къ себѣ и поцѣловалъ въ щеку.

— Правда? Никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ?—спросила она, прямо и пытливо посмотрѣвъ ему въ глаза.

— Я такъ думаю,—отвѣтилъ онъ.

— Ну, такъ, значитъ, миръ?

— Миръ!

— И ты больше не смѣнешся надъ моею прогулкой въ деревню?

— Не могу смѣяться, когда на меня такъ нѣжно смотрятъ твои хорошенькіе глаза.

— Такъ благотворно они на тебя дѣйствуютъ? Ну, что же еще ты можешь для нихъ сдѣлать?

— Да все, что хочешь... я страшно люблю тебя, Наташа!

— И можешь отказаться отъ восьми мѣръ?—промолвила она, пригусивъ губу и не спуская съ него глазъ. На его лбу промелькнула легкая тѣнь, но сейчасъ же исчезла.

— Любовь—и восемь мѣръ!—сказалъ онъ, смѣясь,—развѣ это годится?

— И можешь отказаться отъ восьми мѣръ?—повторила она, не отводя отъ него глазъ.

— Но, вѣдь, это уже разорительная любовь, Наташа, — продолжалъ онъ все съ тѣмъ же легкимъ смѣхомъ.

— Ничего, ничего... можешь отказаться? Вотъ я хочу испытать силу твоей любви.

— Сколько же ты мнѣ оставишь, мой милый тиранъ?

— Сколько? Ну, пусть будетъ шесть, если это нужно.

— Нѣтъ, семь...—онъ не переставалъ смѣяться.—Ну, уступи мнѣ семь!

— Нѣтъ, шесть!... Я хочу испытать твою любовь до конца...
Согласенъ?

— Согласенъ, согласенъ, Наташа... Только это страшно...

— Что страшно?

— Что я такъ люблю тебя...

— Ха-ха-ха-ха-ха! — Она засмѣялась неудержимымъ нервнымъ смѣхомъ, обняла его и крѣпко прижалась къ нему.

— О, какъ это хорошо! Милый, какъ это хорошо!—воскликнула она и чувствовала, что сердце ея сильно бьется, охваченное какою-то неистовою радостью.

Когда она поднялась, онъ замѣтилъ, что глаза ея полны слезъ.

— Ты собираешься плавать?—спросилъ онъ.

— Отъ радости... отъ радости!—воскликнула она и отвернула отъ него свое лицо. Она въ самомъ дѣлѣ боялась, что вотъ-вотъ сейчасъ заплачетъ.

Анатолій Петровичъ нѣжно охватилъ ее за талию, проводилъ внизъ и усадилъ въ пролетку.

— Такъ шесть? — веселымъ, звучнымъ голосомъ спросила она, ловко подбирая возжи.

— Шесть! Я никогда не отказываюсь отъ своихъ словъ!

— Ну, поцѣлуй меня!

Она наклонила къ нему лицо, онъ поцѣловалъ ее въ губы. Пролетка плавно покатила изъ воротъ. Анатолий Петровичъ стоялъ нѣсколько минутъ, глядя ей вслѣдъ и любуясь ея статною, гибкою фигурой. Отсюда онъ не пошелъ прямо въ экономію, а завернулъ въ садъ и долго ходилъ по широкой, тѣнистой аллеѣ, не будучи въ состояніи отдѣлаться отъ охватившаго его волненія. «Это опасно... это опасно!—медленно певторялъ онъ.—Любовь на экономической подкладкѣ... это опасно! Я уступилъ—это слабость. Но я же не могу любить меньше, чѣмъ люблю».

Пролетка катилась степною дорогою. Сначала шелъ небольшой пустырь, заросшій бурьяномъ, среди котораго изрѣдка попадался низенькій колючій кустарникъ. Затѣмъ началась нива съ зелеными, густыми всходами. Слѣва тянулось озеро, которое съ каждымъ шагомъ понемногу отходило отъ дороги, направо разстилался зеле-

ный коверъ, которому не было видно конца. Дорога шла наклонно и впереди видна была подымавшаяся кверху равнина послѣ неглубокой балки. Села не было видно, несмотря на то, что оно отстояло отъ усадьбы въ какихъ-нибудь четырехъ-пяти верстахъ, и Наташа много разъ видѣла его съ высоты балкона.

Она ѣхала по этой дорогѣ въ первый разъ. День былъ теплый, но не ~~душный~~. По небу бродили серебристыя облака, отъ времени до времени закрывавшія собою солнце, и это умѣряло жару. Благодаря этому и нива то и дѣло мѣняла цвѣта, внезапно переходя отъ яснаго золотистаго оттѣнка въ темно-зеленый, тѣневой, и это придавало ей такой видъ, будто она движется. Съ озера неся легкій вѣтерокъ, обвѣвавшій прохладой.

Наташа Николаевна крѣпко держала возжи, сильно натянувъ ихъ. Маленькая лошадка съ подстриженными хвостомъ и гривой мчалась легкою, веселою рысью. Наташа радостно подставляла свое лицо быстро бѣгущей на встрѣчу струѣ прохладнаго воздуха. Глаза ея и теперь еще были полны слезъ, какъ въ тотъ моментъ, когда она со смѣхомъ прижималась къ Анатолю. Эти слезы явились внезапно вмѣстѣ съ восторгомъ по поводу первой побѣды, которая досталась ей, повидимому, такъ легко.

«Вѣдь, эта любовь отстояла мужикамъ по двѣ мѣры ржи!—весело думала она.—Это немного, конечно, это очень мало, но зато это такая счастливая проба силы моихъ глазъ. А вотъ что дѣлаетъ любовь, она даетъ имъ эту силу! Я ждала сопротивленія, бури, ссоры. Какимъ холоднымъ, жестокимъ, почти злобнымъ тономъ говорилъ онъ со мной раньше! Я не могла ждать отъ него сегодня ничего хорошаго, и вдругъ... И какое это наслажденіе чувствовать, что такой богатырь склоняется передъ твоимъ взглядомъ!... Какое славное начало!... Какъ много хорошаго оно общаетъ!... Конечно, это пустяки. Это совсѣмъ не то, что мнѣ надо. Онъ ни на йоту не измѣнилъ своего взгляда, онъ только уступилъ мнѣ, рѣшился принести маленькую жертву, потерпѣвъ небольшой убытокъ, *разориться*, какъ онъ сказалъ, ради моихъ глазъ... Но для меня это такой хорошій починъ. Говорять, что на войнѣ важна первая удача, что ею иногда опредѣляется исходъ всей войны. Это правда. У меня послѣ моей первой удачи такая увѣренность въ своихъ силахъ явилась, какъ будто я стала въ тысячу разъ сильнѣе... О, мои глазки, какъ я вамъ обязана!»

Что такое Анатолій говорилъ про Булатова? Неужели это правда? Какъ же это Аполлоуъ и Егоръ, такіе строгіе блюстители чистоты принциповъ, проглядѣли это? Вѣдь, онъ у нихъ почти свой

человѣкъ. Егоръ нерѣдко ѣздитъ къ нему, гостить по три дня и потомъ не можетъ выхвалиться его фабричными порядками. Но если Анатолій говоритъ, то, значить, что-нибудь есть. Анатолій не станетъ лгать, а тѣмъ болѣе клеветать на человѣка.

Она придумала: прямо изъ деревни она проѣдетъ на фабрику, но къ Булатову не заѣдетъ, а побываетъ у Подростковыхъ. Подростковы объяснить ей, въ чемъ дѣло. Кстати, она еще никогда не была у нихъ, тоже и паровой мельницы никогда не видала. Вѣра какъ-то ѣздила съ Егоромъ къ Булатову, а ей не приходилось.

Она вспомнила о Вѣрѣ и о ея опасеніи, что письмо Наташи будетъ начинаться словами: «Вѣра, Вѣра, какъ я жестоко ошиблась!...» «Ну, нѣтъ, Вѣра, нѣтъ, мой дорогой Вѣрокъ, я никогда не начну такъ своего письма!» — подумала она.

Пролетка осторожно спустилась въ балку, быстро проскочила ее и затѣмъ лошадь во всю прыть понесла ее на гору. Потянулся длинный отлогій подъемъ, лошадь пошла шагомъ. Бругомъ не видно было ни озеръ, ни окрестныхъ хуторовъ. Только позади видѣлись верхушки тополей бряцаловской усадьбы. Но вотъ подъемъ кончился, открылась ровная степь и видъ разомъ оживился. Слѣва заблестали озера, окруженные зеленымъ камышомъ, до такой степени спокойныя, что, казалось, онѣ были покрыты чистымъ, гладкимъ, зеркальнымъ льдомъ. Справа потянулись черныя полосы безъ всходовъ, на первый взглядъ производившія грустное впечатлѣніе пустырей, но по тому, что онѣ были тщательно вспаханы и отдѣлены одна отъ другой узкими, поросшими травой, проходами, можно было заключить, что это — баштаны, на-дняхъ только засеянные. Впереди раскинулось село. Его маленькая церковь, стоявшая на возвышенномъ мѣстѣ, показалась ей громадной въ сравненіи съ маленькими хатами, крытыми камышомъ. Но самое село, растянувшееся въ незамѣтно загибающуюся по берегу озера линію, казалось гораздо длиннѣе, чѣмъ она думала, когда смотрѣла съ балкона.

Выбравшись на ровную мѣстность, лошадь понеслась мелкою рысцей и пролетка скоро очутилась на деревенской улицѣ, между двухъ рядовъ хатъ, до такой степени похожихъ одна на другую, что казалось страннымъ, какъ владѣльцы умѣли различать ихъ. При каждой хатѣ была заваленка, на которой изрѣдка попадались сидѣвшія фигуры — бабы или мужика. По берегу озера бѣгали ребятишки и барахтались въ водѣ. Встрѣчные мужики, не останавливаясь, снимали передъ Наташей шапку, а бабы низко кланялись.

Она проѣхала уже половину села и ни разу не нашла новода

остановиться. Ей хотѣлось поговорить съ кѣмъ-нибудь изъ обывателей села, хотѣлось посмотреть, какъ они отнесутся къ ней, къ женѣ Бряцалова, который ихъ такъ не жалуешь. Но для этого нужно было имѣть какой-нибудь поводъ. Была у нея и другая цѣль, явившаяся въ тотъ моментъ, какъ она уже садилась въ пролетку. Ей такъ хотѣлось сообщить мужикамъ, что съ нихъ не будутъ требовать по восьми мѣръ ржи за взятые пять, а только по шести. Ей именно хотѣлось, чтобъ они узнали это отъ нея. «Это съ моей стороны своекорыстное желаніе, — думала она, — я хочу произвести этимъ на нихъ благопріятное впечатлѣніе. Но это ничего. Это мнѣ нужно, потому что я хочу, чтобъ они мнѣ довѣряли». Но повода и для этого не отыскивалось. Нельзя же было изобразить изъ себя какого-то глашатая, — подзвать перваго встрѣчнаго мужика и сказать ему: такъ, молъ, и такъ, съ васъ будутъ взыскивать не столько, а вотъ столько.

Она уже минула церковь и колодець, изъ котораго село получало воду въ жаркіе дни, когда въ озерѣ вода на половину испарялась и становилась мутной. Надъ колодцемъ высился тонкій длинный журавль съ привѣшаннымъ къ нему ведромъ, но самый колодець былъ закрытъ досками. Далѣе встрѣтилось каменное нештукатуренное зданіе съ синею вывѣской, свидѣтельствовавшей, что здѣсь кабакъ. Дверь была настѣжь открыта и оттуда доносился шумный говоръ, какія-то выкрикиванья и обрывки дикой пѣсни.

«А гдѣ же школа?» — подумала Наташа и ей припомнились ироническія слова Анатоля: «а тамъ пойдутъ школа, больница». Если это произнести ѣдко-шутливымъ тономъ и сопроводить еще презрительнымъ смѣхомъ, то въ первую минуту въ самомъ дѣлѣ покажется, что это смѣшно, шаблонно, избито. Школа, больница, помощь натурой и деньгами... Да, объ этомъ много было говорено во время оно, столько книгъ написано по этому поводу. Но что же? Это старыя слова, и только, а дѣло далеко еще не старое, потому что есть невѣжество, беспомощность во время болѣзни, недостатокъ въ хлѣбѣ. Все это есть, а значить и работа въ томъ смыслѣ, чтобы помочь этому горю, не шаблонна, не избита, а нова и жизненна. Не надо бояться старыхъ словъ. Можетъ быть, это — мелкая, узкая задача, можетъ быть. Но я не вижу здѣсь пока другой, болѣе крупной и широкой... Надо давать людямъ не то, что намъ нравится, какъ бы оно ни было возвышенно и благородно, а то, въ чемъ они прежде всего и болѣе всего нуждаются...»

Вспомнилась тутъ ей и обычная проповѣдь Аполлона Алексѣевича по отношенію къ ближнему: «если ты сильнѣе его, помоги

ему поднять тяжесть; если ты богаче его знаніями, просвѣти его...»
 Какъ это все просто и вовсе не надо ходить далеко за рѣшеніемъ
 такой простой задачи.

Почти у самаго конца села стоялъ особнякомъ небольшой до-
 микъ, — каменный или глиняный — трудно было разобрать, — съ же-
 лѣзною крышей, заново выкрашеною въ зеленый цвѣтъ. У домика
 было крылечко и небольшой дворикъ. Натальѣ Николаевнѣ черезъ
 оконныя стекла показалось, что внутри этого дома движутся какія-
 то фигуры. «Не школа ли это? — подумала она. — Почему у насъ не
 бываетъ учитель? Должно быть, Анатолій не принялъ его. Съ нимъ
 надо будетъ познакомиться. Пусть Анатолій злится, а я, все-таки,
 познакомлюсь». Домикъ остался уже позади и Наташа собиралась
 вернуться тою же дорогой. Она уже рѣшила, что ей на этотъ разъ
 не удастся поговорить съ кѣмъ-нибудь изъ сельчанъ. Но въ это
 время изъ крайней хаты вышли двѣ бабы и одна изъ нихъ издали
 привѣтливо поклонилась ей. Наташа узнала ее. Это была Ѳедора,
 мать ея горничной. Она по воскресеньямъ появлялась въ усадьбѣ,
 просиживала у нихъ на кухнѣ полдня, а иногда появлялась и въ
 комнатахъ. Обыкновенно Наташа не замѣчала ея, но на этотъ разъ
 обрадовалась ей, какъ старому другу. Она остановила лошадь и
 сдѣлала знакъ Ѳедорѣ, чтобъ та подошла.

— Здравствуйте, Ѳедора! — сказала она почти радостно.

— Здравствуйте, панночка! Вотъ вы таки заѣхали въ наше
 село. А то, Господи Боже, живемъ тутъ подъ богомъ, а вы ни разу
 и не заглянули къ намъ! — промолвила Ѳедора, влняясь. Другая
 баба тоже вмѣстѣ съ нею подошла къ пролеткѣ.

«Начинается съ упрека! — подумала Наташа. — Ну, что-жь,
 это справедливо!»

— Это у васъ, должно быть, школа? — спросила Наташа, ука-
 зывая на домикъ.

— Это школа; тутъ и учительница живетъ...

— Учительница? Такъ у васъ учительница?

— А какъ же? Марья Ивановна! Она у насъ уже два года. Мо-
 лоденькая такая.

Почему-то Наташа никакъ не предполагала, что тутъ учитель-
 ница, а не учитель. Анатолій ничего не знаетъ или онъ не хо-
 тѣлъ сказать ей этого. Не познакомиться съ учительницей съ ея
 стороны — безчеловѣчно. Бѣдная молоденькая дѣвушка, должно
 быть, умираетъ отъ одиночества и скуки.

Пока шелъ этотъ разговоръ, неизвѣстно откуда набралось нѣ-
 сколько бабъ и всѣ стояли около пролетки. А вотъ къ нимъ при-

соединились и два мужика. Наташа внимательно разсматривала ихъ. Фёдора тихонько объяснила имъ, что это молодая барыня, Анатолия Петровича жена. На нее смотрѣли съ любопытствомъ. Вокругъ пролетки публика съ каждою минутой прибывала. О бабахъ и говорить нечего, — онѣ точно изъ земли выросли и каждая безцеремонно засматривала Наташѣ въ лицо, разглядывала ее шляпу, перчатки. За ихъ платья цѣплялись ребятишки. Иные изъ нихъ пробовали становиться на спицы колесъ, но ихъ тотчасъ убрали. Мужичкиихъ шапокъ — сивыхъ и черныхъ — мелькало уже съ полдюжины.

Наташа смотрѣла на эту пеструю толпу, разглядывавшую ее прямо, откровенно, съ любопытствомъ, ничѣмъ не замаскированнымъ, какъ любую диковинку, случайно попавшую на деревенскую улицу, и думала: «Да, вѣдь, они — дѣти, настоящія дѣти! Не понимаю, какъ съ ними можно враждовать! Не понимаю Анатолия! И почему онъ такъ заблуждается? Удивительно!»

— Скажите, Фёдора, у васъ всё уже кончили посѣвъ? — спросила Наташа, желая во что бы то ни стало объявить о шести мѣрахъ.

— Уже давно, панночка. Уже, можно сказать, забыли, когда кончили. Да вы же видѣли, когда ѣхали: все изъ-подъ земли выползло, зелень бакая!

Наташа покраснѣла. Желая завести непременно объ этомъ разговоръ, она начала съ неудачнаго вопроса.

— Нѣтъ, я хотѣла спросить, всё ли хватило на посѣвъ? поправила она.

— Покорно благодаримъ, всё ли хватило, — отвѣтилъ за Фёдору невѣроятнo смуглый мужикъ и снялъ шапку.

«За что же это онъ меня благодарить?» — съ удивленіемъ подумала Наташа. Она спросила, обращаясь уже прямо къ мужику, снявшему шапку:

— У васъ своего не хватило, вы брали у насъ изъ экономіи? Вамъ было отпущено...

— Покорнѣйше благодаримъ. Отпущено было, — еще почтительнѣе подтвердилъ мужикъ. — Если бы не это, не знали бы, какъ и быть. Въ городѣ надо за деньги, а денегъ-то и нѣтъ...

— Но, кажется, вамъ дали на очень тяжелыхъ условіяхъ?

— Тяжеловато... Это именно, что тяжело... Кто взялъ пять мѣръ, тотъ лѣтомъ отдай восемь, а иному и на восемь съ половиной дано... Это не то что тяжело, а прямо обидно... Только все же

для насъ оно спасеніе, потому негдѣ взять... Бруто отпущено, это надо правду говорить...

И, говоря это, мужикъ почему-то все кланялся, словно благодарилъ и за то, что ему тяжело, и за то, что «круто отпущено», и за то, что обидно.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, это вышла ошибка!— поспѣшно заявила Наташа.— Мужъ узналъ объ этомъ и очень сердился. Это приказикъ перепуталъ. Анатолій Петровичъ поручилъ мнѣ сказать вамъ, что онъ возьметъ съ васъ только по шести мѣръ... Это вы скажите всѣмъ вашимъ землякамъ, кто бралъ у насъ зерно...

Наташа слѣдила за тѣмъ, какое впечатлѣніе произвела эта вѣсть на ея слушателей. Къ ея удивленію, они стояли молча и лица ихъ не выражали никакого удовольствія. Поняли ли они то, что она сказала имъ? Не повторить ли? Она повторила: «Такъ и скажите всѣмъ, что отдавать придется не восемь, а шесть—за пять мѣръ. Это была ошибка прикащика».

— Такъ выходитъ, что и въ запрошломъ годѣ была ошибка?— какъ-то нерѣшительно и, въ то же время, недовѣрчиво произнесъ другой мужикъ и тоже снялъ шапку.— Тогда тоже такъ было...

Наташа почувствовала, что щеки ея загорѣлись. Она не предвидѣла этого замѣчанія.

— Да, по всей вѣроятности,— сказала она.

— Гм... Дорогая ошибка!... Такъ теперь разрѣшено платить по шести?— спросилъ первый мужикъ.

— По шести... Мужъ просилъ сказать вамъ.

Всѣ мужики, какъ бы вдругъ сообразивъ, въ чемъ дѣло, разомъ сняли шапки и въ одинъ голосъ весело сказали:

— Ну, покорнѣйше васъ благодаримъ, панночка... Кланяйтесь и пану. Это намъ будетъ большое облегченіе... Это, можно сказать, по-божески... Покорнѣйше васъ благодаримъ.

Бабы съ своей стороны усиленно кланялись. Наташа обратилась къ Ѳедорѣ: |

— Вы не можете сѣсть со мной и показать мнѣ дорогу къ Булатову?

— На крупчатку? Сдѣлайте милость, панночка... Отчего не могу? Могу.

Она стала на приступку.

— Вотъ я такъ и доѣду. Трогайте.

— Почему же такъ? Это совсѣмъ неудобно. Садитесь сюда, рядомъ со мной.

— Нѣтъ, нѣтъ, я такъ, панночка... Что мнѣ сдѣлается?

Наташа настаивала, Федора нерѣшительно посмотрѣла на земляковъ, какъ бы прося у нихъ совѣта, какъ поступить въ столь затруднительномъ положеніи.

— Да садись, Федора!... Садись, полѣзай! Что-жь, коли барыня дозволяетъ?—посовѣтовали ей.

Федора влѣзла въ пролетку и важно водрузилась рядомъ съ Наташей, но почему-то конфузилась и краснѣла. Пролетка тронулась. Мужики и бабы повлонились.

— Покорнѣйше благодаримъ. И барину кланяйтесь!—слышалось позади.

«Какъ это странно!—думала Наташа.—Они и тогда благодарили, и теперь благодарятъ. Ну, теперь есть за что, а тогда за что же? И въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ. Значить, тогда они были неискренни. Это надо принять къ свѣдѣнію».

— Вы знакомы съ учительницей?—спросила она у Федоры.

— Я-то? Съ Марьей Ивановной? Да я почти что живу у ней... Вѣдь, она одиначенька себѣ, а я вдова, у меня почти что пустая хата... Ну, я ей услуживаю... Да у насъ, панночка, всѣ между собой знакомы. А чтобы кто учительницу не зналъ, это какъ же можно?

— Какъ бы мнѣ съ нею познакомиться?

— Съ Марьей-то Ивановной? Да очень даже просто. А наилучше можно встрѣтиться вотъ у этого... какъ его... онъ у Булатова на мельницѣ орудуетъ... высокій такой, рудой...

— Подростковъ? Такъ она у нихъ бываетъ?

— А какъ же? Чуть не каждый день. Тамъ у нихъ множество народу бываетъ. Есть тутъ по близости панъ одинъ, такъ, изъ небогатыхъ, лекаръ земскій и много еще всякаго народа. Изъ города тоже наѣзжаютъ... У нихъ цѣлый день толкуются, а особенно въ праздникъ.

«Гм... Такъ она, значить, не одинока и не скучаетъ... Но странное дѣло! Въ пяти верстахъ такое шумное общество, можетъ быть, интересное, а я о немъ ничего не знаю. Какъ это такъ Анатолій устроился?»

Мельничныя постройки стояли совсѣмъ одиноко. На первомъ планѣ возвышалось громадное шестиэтажное зданіе самой мельницы изъ краснаго кирпича, съ высокою, кверху суживающею трубой, пристроенной къ главному зданію сбоку. Изъ трубы черезъ ровные промежутки и одинаковыми частями вылеталъ сѣдой дымъ. Поодаль отъ мельницы стояло небольшое двухэтажное зданіе, тоже кирпичное, и еще врьдъ четыре флигеля. Въ самомъ даль-

немъ углу помѣщалась длинная, невысокая постройка, съ малымъ количествомъ оконъ, съ черепичною крышею, похожая на казарму.

Они подѣхали къ одному изъ флигелей и нашли тутъ на дверяхъ карточку, на которой значилось: «Антонъ Михайловичъ Подростковъ, инженеръ-технологъ». Федора взялась побыть съ лошадью, а Наташа вошла въ домъ. Уже въ передней до ея слуха долетѣлъ довольно громкій разговоръ, въ которомъ, судя по отгѣнкамъ голосовъ, повидимому, принимали участіе нѣсколько человѣкъ. Знакомымъ ей показался женскій голосъ, принадлежавшій госпожѣ Подростковой.

— Скажите, что Бряцалова, Наталья Николаевна, пріѣхала, — обратилась Наташа къ кухаркѣ, вышедшей къ ней.

Та скрылась за дверь и очень скоро послѣ этого оживленные голоса разомъ смолкли. Черезъ минуту къ ней вышла Анна Степановна Подросткова. Она съ любезною улыбкой протянула Наташѣ руку и сказала просто, что очень рада видѣть ее.

— Вы удивлены моимъ пріѣздомъ? — спросила Наташа.

— Нѣтъ, мы гораздо больше удивлялись тому, что вы такъ долго не ѣхали, — отвѣтила Подросткова. — Кажется, можно бы...

— Но я была за границей...

— А раньше? Ну, и послѣ возвращенія?... Впрочемъ, вѣроятно, вашъ мужъ не особенно жалуется насъ.

На это Наташа не успѣла отвѣтить. Онѣ вошли въ небольшую гостиную, гдѣ сидѣли два господина: высокій, худой, чахоточнаго вида, съ блѣднымъ, безволосымъ лицомъ, одѣтый въ длинный черный сюртукъ, и смуглолицый, бородатый, плечистый здоровякъ въ широкомъ парусинномъ пиджакѣ. При ея появленіи они встали и сдержанно-сухо поклонились ей.

— Заботинъ — нашъ сосѣдъ, Елеонскій — учитель изъ Денисовки, — коротко представила ихъ хозяйка.

— Можетъ быть, я и виновата передъ вами, — сказала Наташа, когда онѣ обѣ сѣли на диванъ. — Но, вѣдь, и вы могли заѣхать ко мнѣ, а ни разу не заѣхали... А, впрочемъ, — прибавила она, смѣясь, — не будемъ считать ся. Вотъ я у васъ, и, надѣюсь, вы будете у меня.

— Не знаю, буду ли.

— Почему?

По лицу Натальи Николаевны промелькнула тѣнь. Ей почему-то подумалось, что Подростковой непріятно знакомство съ ней. Припомнилась сказанная въ передней фраза о томъ, что Бряцаловъ ихъ не особенно жалуется. «Неужели Анатолій такъ всѣхъ вооружилъ

противъ себя?» Но она сейчасъ увидѣла, что здѣсь не имѣлось въ виду ничего подобнаго.

— Потому что мы, можетъ быть, отсюда уѣдемъ,—отвѣтила Подросткова.

— Вы? Куда же?

— Мы этого еще не знаемъ.

Она остановилась и посмотрѣла на обоихъ мужчинъ, какъ бы спрашивая взглядомъ, объяснить ли госпожѣ Бряцаловой, въ чемъ дѣло. Тѣ взглянули на нее равнодушно, ихъ взгляды ничего не сказали ей. Елеонскій даже отвернулся, какъ бы не желая принимать участія въ предстоящемъ объясненіи.

— Что же это значитъ?—спросила Наташа.

— Мужъ сейчасъ придетъ, онъ объяснитъ вамъ,—увлочно отвѣтила Подросткова.

— Не пойти ли намъ на мельницу?—обратился Елеонскій къ Заботину.—Тутъ мы никогда не дождемся Антона Михайловича.

Онъ всталъ, за нимъ поднялся и Заботинъ. Сдѣлавъ два шага по направленію къ Наташѣ, онъ легонько наклонилъ голову и сказалъ почтительно:

— Я имѣю удовольствіе знать вашего мужа.

— Да?—произнесла Наташа, слегка покраснѣвъ.

— Какъ же. Мы съ нимъ вмѣстѣ были въ университетѣ... Я однимъ курсомъ только старше его. Почти что товарищи...

Елеонскій, стоявшій позади его, сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, очевидно, недовольный тѣмъ, что Заботинъ затѣялъ разговоръ.

— Вотъ какъ!—сказала Наташа.—А, между тѣмъ, странно: вы никогда другъ у друга не бываете.

Елеонскій пожалъ плечами, дескать, ничего тутъ страннаго нѣтъ и это такъ понятно.

— Мы съ вашимъ мужемъ расходимся въ убѣжденіяхъ,—твердо, съ отбѣнкомъ сожалѣнія отвѣтилъ Заботинъ.

Наташа еще сильнѣе прежняго смѣшалась и ничего на это не сказала.

— Ну, вы идете?—спросилъ Елеонскій и направился къ двери, прибавивъ по адресу хозяйки:—я не прощаюсь.

— Какъ же, иду! Мое почтенье!—сказалъ Заботинъ, поклонился обѣимъ дамамъ и вышелъ вслѣдъ за учителемъ.

— Прекрасный человекъ этотъ Заботинъ,—промолвила Подросткова.—У него здѣсь маленькое имѣніе: десятинъ пятьсотъ, но если бы вы видѣли, что онъ дѣлаетъ для крестьянъ! Всего себя от-

дасть имъ... Жаль только его, онъ не долго проживетъ,—у него чахотка.

— А этоть, другой?—спросила Наташа.

— Ахъ, этоть?—промолвила Подросткова, улыбнувшись, — этоть-то и помѣшалъ мнѣ сказать вамъ, въ чемъ дѣло. Я его просто боюсь. Онъ такой строгій и рѣзкій, хотя—странно—добрый человекъ. Вы меня простите, но я вамъ должна сказать: онъ ненавидитъ вашего мужа, ну, и... на васъ переноситъ...

— Кажется, вообще, здѣсь у Анатоля Петровича нѣтъ друзей,—сказала Наташа, не глядя на нее.

— Да, къ сожалѣнію, онъ такъ поставилъ себя... Его направленіе такъ рѣзко отличается отъ нашего, общаго... Это такъ удивительно въ молодомъ и образованномъ человекѣ. А, впрочемъ, вы, навѣрное, на него хорошо повліяете...

— Но что же у васъ случилось?—спросила Наташа. Ей давно уже хотѣлось переимѣнить разговоръ, который былъ ей непріятенъ.

— Ахъ, да... Тутъ цѣлая исторія. Булатовъ... онъ, знаете... Онъ только съ виду кажется такимъ симпатичнымъ, а въ самомъ дѣлѣ—просто кулакъ...

— Да? Мнѣ это и мужъ говорилъ.

— Вашъ мужъ?—съ замѣтнымъ удивленіемъ спросила Подросткова, но сейчасъ же спохватилась. Она продолжала повѣствовательнымъ тономъ:—Такъ-вотъ тутъ теперь неблагопріятное время... Крестьяне съѣли весь хлѣбъ... Бряцаловскіе сюда не относятся, они у васъ брали хлѣбъ... Тоже, я слышала, на очень тяжелыхъ условіяхъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, это была ошибка,—быстро остановила ее Наташа и взяла за рукавъ, какъ бы боясь, чтобы та не вздумала продолжать.—Это была ошибка прикащика... Теперь все исправлено и имъ объявлено уже...

— А, вотъ что?! Ну, вотъ видите... Но тутъ есть хутора и большая деревня. Они обратились къ нему. А онъ что сдѣлалъ? Онъ у васъ купилъ рожь по... я не помню цифры, ну, однимъ словомъ, у васъ купилъ, а имъ продалъ, но какъ-то такъ, что получилъ какую-то чудовищную выгоду... Я не могу рассказать подробно... Я все путаю. Вамъ это мужъ объяснить. Это какъ-то такъ, что денегъ они ему не дали, а продали ему весь хлѣбъ будущаго урожая, но цѣну онъ не назначилъ, а приобрѣлъ право назначить ее передъ сѣлкой хлѣба... Однимъ словомъ, какой-то дикій произволь. Но мужъ, разумѣется, не имѣетъ права этого касаться, это—просто

возмутительно и только. Но тутъ есть другое. Пользуясь тѣмъ, что дѣла у крестьянъ плохи, онъ артели поставилъ условіе: половинное жалованье и на своихъ харчахъ. И еще говорить: это я дѣлаю единственно для вашей пользы, потому что... Вотъ я не могу вамъ сказать, почему... это мужъ все объяснить вамъ. А мужъ знаетъ дѣла и говорить, что это все не такъ, а просто онъ хочетъ воспользоваться случаемъ. Артель, разумѣется, соглашается, потому что у нихъ нѣтъ другихъ средствъ. Но мужъ сказалъ ему прямо, что это неблаговидно, и поставилъ вопросъ ребромъ, т.-е. что онъ уйдетъ... Такъ вотъ, можетъ быть, намъ придется уѣхать отсюда.

Изъ всего разсказа Подростковой Наташа поняла одно, что Булатовъ, въ самомъ дѣлѣ, изрядный кулакъ, а Подростковъ хочетъ поступить благородно.

— Послушайте, Анна Степановна, вы, во всякомъ случаѣ, заѣзжайте ко мнѣ,—сказала она,—и съ мужемъ... Знаете что? Если бы вамъ пришлось оставить мельницу, я была бы рада, когда бы вы у меня погостили... пока ваши дѣла устроятся... У насъ есть небольшой флигель, совсѣмъ отдѣльный...

— О, что вы, что вы! Я, конечно, очень вамъ благодарна, и еслибъ вы были одна, мы, навѣрное, воспользовались бы... Но вашъ мужъ...

— Ахъ, какъ, однако, Анатолій Петровичъ дурно устроился, право!—воскликнула Наталья Николаевна.—О немъ думаютъ гораздо хуже, чѣмъ онъ заслуживаетъ. И я увѣрена, что съ нимъ скоро примирятся... Ну, я у васъ засидѣлась, прощайте. Надѣюсь, все-таки, что вы у насъ побываете. И вотъ что: мнѣ очень хочется познакомиться съ учительницей, Марьей Ивановной... Вотъ еслибъ вы ее запросто привезли ко мнѣ!...

— О, она ни за что не поѣдетъ!... Она къ вашему мужу не поѣдетъ!...

— Опять мужъ! Опять мужъ! Но, наконецъ, я же что-нибудь значу! Почему къ мужу, а не ко мнѣ?

Подросткова улыбнулась, какъ бы сожалѣя о чемъ-то и, вмѣстѣ съ тѣмъ, извиняясь, и развела руками. Наташа простилась съ нею и вышла во дворъ. Федора съ прежнею важностью сидѣла на своемъ мѣстѣ. Онѣ выѣхали со двора и направились къ Бряцаловкѣ. Тамъ Наташа оставила свою спутницу, попросивъ ее передать Марьѣ Ивановнѣ, что она очень хотѣла бы познакомиться съ нею.

Отъ Бряцаловки до усадьбы она ѣхала шагомъ. Всю дорогу она думала о томъ, какъ Анатолій дурно устроился и какого всѣ о немъ плохаго мнѣнія. Но это ее почему-то не огорчало и не приводило

въ мрачное настроеніе. Она еще до сихъ поръ находилась подъ впечатлѣніемъ побѣды, которую одержала надъ нимъ сегодня утромъ. Ей казалось, что такъ же легко она будетъ завоевывать пунктъ за пунктомъ, позицію за позиціей. Вѣдь, ей только надо было убѣдиться въ томъ, что образъ дѣйствій ея мужа не имѣетъ ничего общаго съ корыстными побужденіями. Но если онъ такъ легко, почти безъ всякой борьбы отказался отъ такой значительной выгоды, то, конечно, это такъ, и она спокойна, она съ вѣрой глядитъ впередъ, ей все удастся, она его наведетъ на истинный путь и примиритъ съ нимъ всѣхъ. Такъ она думала, и свѣтлая улыбка озаряла ея лицо. Но каковъ Булатовъ?! Какъ же это онъ состоитъ членомъ Егорова кружка? Какъ же это Егоръ, такъ щепетильно относящійся въ выбору друзей, проглядѣлъ въ немъ такого отъявленнаго кулака? Ахъ, да! Слова, слова! Вѣдь, Булатовъ всегда высказывалъ крайне либеральные и гуманные взгляды, а Егорушка падохъ до хорошихъ словъ.

Было уже около пяти часовъ, когда она пріѣхала домой. Бряцаловъ поджидалъ ее на балконѣ, а въ столовой все было готово къ обѣду.

— Ну, что, сдѣлали тебѣ овацію въ Бряцаловкѣ?—ироническимъ тономъ спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не сдѣлали, но очень благодарили и просили тебя благодарить. Я это и исполняю,—отвѣтила Наташа, снимая шляпку передъ зеркаломъ.

— За что это?

— Я имъ немножко солгала... Я сказала, что это была ошибка, что прикащикъ отпущалъ безъ твоего вѣдома.

— И совершенно напрасно ты это сказала!—какимъ-то рѣзкимъ голосомъ промолвилъ Бряцаловъ и сдѣлалъ строгое лицо.

— Но что же тутъ такого?

— А то, что этого вовсе не требовалось... Я сдѣлалъ это для тебя, какъ исключеніе, но я вовсе не намѣренъ вводить такого обычая и на будущее время... Это просто невыгодно.

Наташа въ свою очередь нахмурила брови.

— Развѣ ты дѣлаешь это изъ-за выгоды?

— Конечно, нѣтъ, но... я не могу отказываться отъ выгоды, которая изъ этого вытекаетъ. Это было бы просто глупо. А, впрочемъ, это неинтересно... Что же еще ты видѣла?

— Нѣтъ, напротивъ, это очень интересно! Не изъ-за выгоды и, въ то же время, изъ-за выгоды... Я этого не понимаю!

— А я не понимаю, чего ты собственно добиваешься отъ ме-

ня! — тономъ явнаго раздраженія промолвилъ Бряцаловъ. — Ну, ладно, изъ-за выгоды. Что же изъ этого? Я такъ поступаю, потому что это мнѣ нравится — такъ поступать. Неужели же ты разсчитываешь передѣлать меня? Это совершенно напрасно, мой другъ! Совѣтую тебѣ даже не дѣлать попытокъ. Это ни къ чему не приведетъ, а только внесетъ излишнее безпокойство въ нашу жизнь...

— Нѣтъ, не въ томъ дѣло, — спокойно и отчетливо возразила Наташа, — а помнится мнѣ, что ты... иначе объяснялъ свой образъ дѣйствій.

— Можетъ быть. Ну, однимъ словомъ, я таковъ, каковъ есть, и инымъ не могу быть и не буду... То, что я дѣлаю, я дѣлаю открыто. Я не Булатовъ, чтобы говорить одно, а дѣлать другое... Повторяю тебѣ: я стою очень твердо на своемъ мѣстѣ и никому не удастся сдвинуть меня въ сторону.

Этотъ тонъ произвелъ въ душѣ Наташи какую-то сумятицу. Радужное настроеніе, съ которымъ она пріѣхала, уступило мѣсто тревогѣ. Когда онъ такъ говорилъ съ нею, то казался ей совсѣмъ другимъ челоуѣкомъ, какъ будто чужимъ. Но она поборола въ себѣ это чувство. Она сказала себѣ: «Не все такъ легко дается, какъ ты думаешь, но это ничего. Безъ борьбы нельзя добыть ни одной капли счастья».

За обѣдомъ она говорила съ нимъ спокойно о совершенно постороннихъ вещахъ, какъ будто бы непріятнаго разговора между ними и не было. Впрочемъ, уже одно строго-величественное присутствіе Антонины Федоровны не допускало другаго тона. Этотъ тонъ заразилъ и его, и къ концу обѣда у него прошло раздраженіе. Онъ сообщилъ, что получилъ письмо отъ Штенга. Онъ собирается черезъ недѣлю пріѣхать къ нимъ дня на два.

Наташа промолчала на это сообщеніе.

IV.

На недѣлѣ бряцаловская усадьба, такъ рѣдко видѣвшая въ своихъ предѣлахъ постороннихъ лицъ, буквально осаждалась гостями. Пріѣзжіе точно сговорились посѣщать ее по-очереди. Первыми пріѣхали Егоръ Егорычъ съ Александрой Сергѣевной.

Наташа, разумѣется, встрѣтила ихъ съ радостью, но когда она на минуту осталась вдвоемъ съ матерью на балконѣ, то не могла удержаться, чтобы не высказать своего удивленія.

— Что ты пріѣхала, я нисколько не удивляюсь. Просто соскучилась и захотѣла повидать свою дочку. Но Егоръ? Чтобы онъ

безъ принужденія рѣшился посѣтить вредоносныя владѣнія Бряцалова, этого съ нимъ еще никогда не бывало... И, навѣрное, есть какая-нибудь посторонняя причина!

— Конечно, есть, — отвѣтила Александра Сергѣевна, — онъ получилъ отъ Подросткова письмо насчетъ Булатова...

— Ну, вотъ, я такъ и знала! — воскликнула Наташа со смѣхомъ. — Уличить и развѣнчать!

— Онъ посидитъ у васъ съ полчаса и поѣдетъ къ Подростковымъ...

— И я съ нимъ поѣду. Вѣдь, ты останешься? Ты погуляешь въ саду... у насъ славно!... Анатолій покажетъ тебѣ цвѣтникъ, огородъ, пчель... А я съ Егоромъ. Надѣюсь, онъ не отвергнетъ меня.

Когда Анатолій Петровичъ узналъ о желаніи Наташи ѣхать съ Егоромъ Егорычемъ, на лицѣ его выразилось недовольство.

— Ты же была у нихъ недавно! — возразилъ онъ.

— Это ничего. Я хочу прокатиться съ Егоромъ.

Но это его нисколько не утѣшило. Общество Егора Егорыча онъ не считалъ особенно благопріятнымъ для своей жены. Однако, онъ ничего не возразилъ на это, и такъ какъ Наташа тутъ же предложила ему заняться Александрой Сергѣевной, то онъ поклонился и выразилъ готовность показать ей свое образцовое садоводство.

Наташа и Егоръ Егорычъ поѣхали въ пролеткѣ, безъ кучера. Править взялась Наташа.

— Давно мы съ тобой не ѣздили вотъ такъ-то, Егоръ! — сказала Наташа.

— Давненько, дружокъ, давненько! — отвѣтилъ Егоръ Егорычъ въ ея же шутиливомъ тонѣ. — Ну, и какъ ты думаешь, хорошо это или дурно?

— То-есть, что собственно?

— Да то, что ты не съ нами, а тутъ... Ну, однимъ словомъ, что ты вышла за мужъ!

— Ахъ, ты все такой же хитрецъ... Хочешь выпытать отъ меня что-нибудь... Хорошо или дурно? Какъ тебѣ сказать? Я еще и сама не знаю. Но кажется, что, все-таки, хорошо...

— Однако, это уже не совсѣмъ то, что было прежде. Тонъ какъ будто пониженъ...

— Да, Егоръ, тонъ немного пониженъ, но это ничего не значить. Каждый день жизни понижаетъ тонъ... Это правда!

— Это мнѣ не нравится. Ты хочешь сказать, что по мѣрѣ того, какъ мы узнаемъ жизнь, мы меньше заблуждаемся?

— Пожалуй, что и такъ.

— Это мнѣ совсѣмъ не нравится... Положимъ, я никогда не могъ понять, въ чемъ тутъ дѣло, но... я и теперь не понимаю, а вижу только, что ты въ чемъ-то разочаровалась... Вотъ это-то мнѣ и не нравится.

— Нѣтъ, Егоръ, я ни въ чемъ не разочаровалась. Я увидѣла только, что не все такъ легко дается, какъ думаешь. А это-то и надо знать, когда воевать собираешься.

— Такъ ты воюешь?

— Разумѣется, воюю... И буду воевать, пока есть силы. Такъ и знайте, Егоръ Егорыч!

— Скажи мнѣ, пожалуйста, дитя мое,—промолвилъ онъ нѣжнымъ голосомъ,—настанетъ моментъ, когда я пойму въ этомъ что-нибудь? Вѣдь, ты знаешь, какъ глубоко меня интересуешь все, что тебя касается...

— Ей-Богу-же, милый Егоръ, я въ этомъ нисколько не виновата,—отвѣтила она нѣжнымъ, сердечнымъ голосомъ.—Вотъ въ всѣ, пожалуй, думаете, что я скрытничала и теперь скрытничаю, а ничего подобнаго нѣтъ. Прежде я сама хорошо не могла объяснить, а только чувствовала, что вотъ такъ-то нужно поступать, отъ того и не докладывала вамъ... А теперь...

— Ну, вотъ теперь?

— А теперь я думаю, и такъ все ясно!

— Ничего не ясно. Можно думать и хорошо, и дурно.

— Какъ обо всемъ на свѣтѣ. Но я не подала вамъ повода думать обо мнѣ дурно, значить, нужно думать хорошо. Я ничего не забыла изъ того, чему научилась отъ тебя и отъ Аполлона. Я борюсь со зломъ, Егоръ. Я хочу дурное сдѣлать хорошимъ, вотъ какъ это просто...

— Достижимо ли это, моя дорогая,—вотъ вопросъ,—съ отѣнкомъ скорби промолвилъ Егоръ Егорычъ.

— Я вѣрю, что достижимо, иначе не пошла бы на это и ты не видѣлъ бы меня теперь такою бодрой и самоувѣренной.

— Но какою же силой ты этого добьешься?

— Силой любви, Егоръ, силой любви... Больше этой силы нѣтъ на свѣтѣ,—промолвила она, глядя впередъ съ выраженіемъ какого-то вдохновенія.

Егоръ Егорычъ помолчалъ, очевидно, раздумывая по поводу ея словъ. Они были для него новы и неожиданны. Вся исторія Наташи, ея странный выборъ, ея замужество наперекоръ всѣмъ,—однимъ словомъ, все, что такъ отрѣзало ее отъ всѣхъ прежнихъ

друзей, вдругъ представилось ему въ новомъ освѣщеніи. Такъ вотъ какая идея подвинула ее на этотъ шагъ! Это смѣло, дерзко, почти отчаянно. Но, бѣдная дѣвочка, какъ она заблуждается! Она еще такъ неопытна и не знаетъ, что люди слишкомъ часто изъ хорошихъ превращаются въ дурныхъ и почти никогда—наоборотъ. Бѣдная дѣвочка! Она жертва неопытности и самонадѣянности. И не онъ ли виноватъ въ этомъ? Не онъ ли вмѣстѣ съ Александрой Сергѣевной? Они, воспитывая ихъ, давали имъ слишкомъ много свободы, они развили въ нихъ самостоятельные характеры, ну, и что же? Наташа выбрала себѣ дорогу, которой никто изъ нихъ не зналъ, и, конечно, на этой дорогѣ собьется съ пути и попадетъ въ какую-нибудь пропасть...

Онъ ничего этого не сказалъ ей. Зачѣмъ преждевременно разочаровывать? Это придетъ само собой, когда наступитъ срокъ, это неизбѣжно. Она такъ восторженно заблуждается, пусть! Хотя это, можетъ быть, будетъ для нея утѣшительнымъ воспоминаніемъ. Чѣмъ дольше продлится заблужденіе, тѣмъ лучше для нея. Главное, что ее воодушевляетъ честная цѣль, это все, въ чемъ ему надо было убѣдиться. Онъ тихонько вздохнулъ и заговорилъ о всходахъ, зеленѣвшихъ по обѣ стороны дороги. Они порядочно поднялись, были густы и обѣщали хорошій урожай. Пролетка минула село, уже надъ рѣчкой показалось высокое зданіе паровой мельницы. Егоръ Егорычъ заговорилъ о Булатовѣ.

— Я, все-таки, думаю, что Подростковъ ошибается въ немъ... Факты, конечно, налицо: Антонъ Михайловичъ не станеть сочинять. Но тутъ должно быть какое-нибудь объясненіе... Не можетъ же человѣкъ такъ круто перемѣниться. Вѣдь, я его знаю пять лѣтъ... Онъ всегда такъ горячо придерживался извѣстныхъ взглядовъ...

— Не на словахъ ли только, Егоръ?

— Гм... на словахъ! А ты думаешь, это сейчасъ не видно, когда за словами не скрывается убѣжденіе? Это сейчасъ чувствуется... Вотъ Штенко, на примѣръ, кажется, какіе благородные взгляды всегда проповѣдуетъ, а никто ему не вѣритъ... Погоди... погоди... Вѣдь это, кажется, Булатовъ выѣхалъ изъ фабричнаго двора... Надо его остановить...

Онъ снялъ шляпу и началъ усиленно махать ею въ томъ направленіи, гдѣ быстро двигалась шумливая бричка, запряженная парой. Дѣйствительно, это ѣхалъ Булатовъ. Онъ сейчасъ же замѣтилъ движенія Егора, но взглянулъ въ ихъ сторону съ неудовольствіемъ и не измѣнилъ направленія. Тогда Егоръ Егорычъ крикнулъ звучнымъ басомъ:

— Модестъ Семенычъ! Модестъ Семенычъ!

Булатовъ толкнулъ кучера въ затылокъ; тотъ остановилъ лошадей. Пролетка подкатила поближе и тутъ-то Булатовъ узналъ прѣвзжихъ; его до сихъ поръ хмурое лицо вдругъ разцвѣло, глаза сдѣлались маленькими и заблестѣли.

— Боже правый! Егоръ Егорычъ! Наталья Николаевна!— радостно воскликнулъ онъ, тяжело выльзая изъ брички.— Вотъ какіе гости! А я, какъ на зло, мчусь по дѣлу въ городъ... Экая досада! Экая досада!

Онъ подошелъ къ самой пролеткѣ и крѣпко пожалъ руки Егору и Наташѣ.

— Ну, что вамъ стояло прѣхать двумя часами раньше?! Посидѣли бы у меня, поглядѣлъ бы я на васъ! Вѣдь сколько времени не видались! Мѣсяца два! А васъ, Наталья Николаевна, такъ ужь даже и не помню, когда лицезрѣлъ... Вы совсѣмъ загордились... А я замолодя тутъ съ своею мельницей по горло... Да знаете что? Вы, все-таки, заѣзжайте. Сестра дома и будетъ отъ васъ въ восторгѣ. Эхъ, какимъ она квасомъ угоститъ васъ! Лимонный! Настоящее шампанское! Право, заѣзжайте! А то ей-ей обидно будетъ!...

— Что у васъ тутъ на мельницѣ произошло?—спросилъ Егоръ Егорычъ, принимавшій его ласковость нѣсколько холодно.

Булатовъ выразилъ удивленіе.

— У меня на мельницѣ? Кажись, ничего такого. Все, слава Богу, благополучно. Подите, поглядите: тамъ такая работа идетъ, словно въ пеклѣ...

— Какъ? Развѣ у васъ ничего не было съ рабочими?

— Ну, вотъ! Я такъ и зналъ! Это Антонъ Михайловичъ оповѣстилъ васъ! Вѣдь вотъ человѣкъ: самъ все выдумалъ, раздулъ и еще передъ добрыми людьми порочить! Хорошо ли это, я васъ спрошу?

— Да въ чемъ же дѣло?

— Да дѣло, родной мой, самое простѣйшее. И во всякомъ большомъ предпріятіи это случается. Времена у насъ были не важныя. Хлѣбъ сталъ дорогъ, свой уродилъ плохо... Ну, словомъ сказать, за зиму мы понесли изрядный убытокъ. Вѣдь, я это вамъ, кажись, еще въ февралѣ мѣсяцѣ говорилъ, что на убытокъ идемъ. Такъ, вѣдь?

Егоръ Егорычъ кивнулъ головой.

— Помнится, говорили,—сказалъ онъ.

— Ну, вотъ, а теперь контора моя свела окончательный счетъ за прошлый годъ и вижу я, что дѣло дрянъ, то-есть совсѣмъ-таки

дрянь... однимъ словомъ, что ежели дѣло вести попрежнему, такъ мельница не выдержитъ, то-есть даже до урожая не выдержитъ... къ июню придется закрыть лавочку. Вотъ я и подумалъ себѣ: ежели я дѣло остановлю, примѣрно, до осени, такъ мнѣ оно ничего, я-то проживу себѣ какъ - никакъ, а рабочихъ своихъ придется отпустить. Спрашивается, что же они жрать будутъ? Земли они не съютъ, у меня, вѣдь, все безземельные, хлѣбъ дорогъ, другихъ мельницъ по близости нѣтъ, пахота вездѣ кончилась, а косовица еще далеко, — куда же они дѣнутся? И, понимаете, ради нихъ, единственно ради нихъ рѣшилъ я дѣло продолжать, но, разумѣется, не могу же я вести его въ убытокъ... Вѣдь, имъ, по крайности, хоть бы прокормиться, и за то спасибо. Я и объявилъ. Ну, тамъ сбавилъ цѣну, а коли, говорю, не хотите, дѣло ваше, а мнѣ придется мельницу остановить, потому — въ убытокъ... Ну, и позвольте васъ спросить: въ чемъ я не правъ? Неужели долженъ былъ идти сознательно на убытокъ и потомъ къ концу-концовъ окончательно подорвать свое дѣло? Бажись, мои взгляды всѣмъ извѣстны... А Подростковъ, не разобравши дѣла, ультиматумъ: быть или не быть? Понимаете, артель мигомъ поняла, что это ея интересъ, и даже не пикнула, сейчасъ согласилась. А онъ цѣлую исторію поднялъ...

— Но чѣмъ же это кончилось?

— Ну, понятно, дѣло уладилось... Вѣдь, онъ рабочихъ ввелъ въ заблужденіе. Они кое-что прослышали и сейчасъ же артачиться стали. Пришлось прибавить. Но я имъ сказалъ: я прибавляю, но знайте, что этимъ вы сами себя обкрадываете. Потому, ежели я не выдержу и дѣло приостановлю, то вы съ голоду подохнете... А, впрочемъ, ну ее, эту исторію! Она, славу Богу, кончилась... Такъ что же, голубчикъ, Егоръ Егорычъ, заѣзжайте ко мнѣ. Говорю вамъ, сестра будетъ несказанно рада...

— Нѣтъ, ужъ вы простите, Модестъ Семенычъ. Мы, вѣдь, хотѣли только на минуту заявиться. Я тороплюсь сегодня же обратно въ городъ. Вотъ только лошадку попить изъ вашего колодца позвольте...

— Экая досада, экая досада! Сами бы лучше у меня кваскомъ попились, либо чаемъ. Ну, что съ вами подѣлаешь? Прощайте, надо ѣхать, тороплюсь очень... Дѣло!

Онъ простился, влѣзъ въ свою бричку и укатилъ. Пролетка повернула къ мельницѣ и въѣхала во дворъ. Лошадь поить, разумѣется, не было никакой надобности. Это была особаго рода хитрость. Егору не хотѣлось, чтобы Булатовъ зналъ объ ихъ визитѣ

къ Подростковымъ. Дѣло еще для него не было ясно, хотя объясненіе Булатова показалось ему правдоподобнымъ.

— А знаешь, — сказалъ онъ Наташѣ, — мнѣ кажется, что онъ правъ. Что жъ, въ самомъ дѣлѣ, ему оставалось, если мельница приносить убытокъ? А въ такое безхлѣбное время рабочимъ выгоднѣе работать за половину, чѣмъ совсѣмъ безъ работы остаться. Подростковъ честный человѣкъ, но не далеко и легко можетъ впасть въ ошибку.

— А я не вѣрю ни одному слову его, — сказала Наташа.

— Бого?

— Булатова, конечно... То, что онъ говоритъ, пожалуй, правдоподобно, да только вотъ чувствуется какая-то фальшь... Я не знаю, въ чемъ: въ глазахъ ли его, въ голосѣ ли... но фальшь и фальшь... Я это чувствовала все время, что онъ говорилъ.

— Ну, голубушка моя, на этомъ нельзя основывать приговоръ о людяхъ. Это неосновательно и несправедливо.

— А я всегда основывалась на этомъ. Это для меня важнѣе словъ и даже... дѣлъ.

Егоръ только покачалъ головой. Они сошли съ пролетки и привязали лошадь къ столбу, на которомъ былъ водруженъ фонарь, единственный на весь дворъ, и вошли въ маленькій флигель, гдѣ жили Подростковы. Они застали дома Анну Степановну, а Антонъ Михайловичъ, по обыкновенію, былъ на мельницѣ. Была здѣсь также незнакомая имъ дѣвушка, про которую Наташа, сама не зная почему, сейчасъ же подумала: «это, должно быть, Марья Ивановна, учительница». За Подростковымъ тотчасъ же послали, а съ дѣвушкой познакомили ихъ: оказалось, какъ думала Наташа. Это была Марья Ивановна Петрунькова.

Марья Ивановна была миниатюрна, блѣдна и молчалива. У нея было хорошенькое личико съ некрупными правильными чертами и большими глазами, которые свѣтились задумчивою грустью. Она сидѣла поодаль у окна и за все время, пока ждали Подросткова, не вставила ни одного слова въ разговоръ. Только слабая улыбка, появлявшаяся на ея тонкихъ блѣдныхъ губахъ, когда Егору удавалось сказать какую-нибудь шутку, показывала, что она слушаетъ.

На столѣ появился квасъ, такой же точно, какой сулилъ Булатовъ. На мельницѣ всѣ служащіе дѣлали этотъ квасъ и пили его въ несмѣтныхъ количествахъ. Егоръ хвалилъ напитокъ и старался пить и скрывать кислую мину. Онъ предпочиталъ хорошее вино.

Пришелъ Подростковъ въ коротенькой сѣрой жакеткѣ, порядочно испачканной въ мукѣ. Егоръ сейчасъ же поставилъ ему на видъ

объясненіе Булатова. Антонъ Михайловичъ покачалъ своею кудлатою головою.

— Нѣтъ, ужъ теперь онъ меня словами не обморочить. Онъ для меня вполне выяснился,—сказалъ онъ, съ жадностью выпивъ стаканъ квасу и тутъ же наливая другой. — Слова, вѣдь, годятся только до перваго случая. Чуть дошло до дѣла, человѣкъ противъ воли становится самимъ собою.

— Но, однако же, голубчикъ, если въ самомъ дѣлѣ у него былъ такой выборъ: или приостановить дѣло, или уменьшить плату? — возразилъ Егоръ, которому очень тяжело было примириться съ мыслью, что такой давній членъ кружка вдругъ оказывается не тѣмъ, чѣмъ его считали. Помимо благороднаго негодованія, тутъ еще было замѣшано личное самолюбіе. Какъ это такъ въ теченіе пяти лѣтъ онъ не могъ разглядѣть человѣка? А еще Аполлонъ считаетъ его большимъ психологомъ.

— Ничего подобнаго! Пустыя слова! — отвѣтилъ Подростковъ. — Дѣла на мельницѣ шли какъ нельзя лучше... Положимъ, я не мѣшаюсь въ конторскую часть, но у меня же есть глаза и я вижу... Да вотъ вамъ самое лучшее: я знаю навѣрняка, что онъ съ начала весны купилъ въ городѣ мѣсто и хочетъ строить домъ. Кажется, уже и фундаментъ тамъ владуть.

— Ну? Ничего не слышалъ!

— Это фактъ. На Лютеранской улицѣ, можете убѣдиться. Когда дѣла плохи, человѣкъ не станетъ строить домъ. Нѣтъ, онъ просто хотѣлъ воспользоваться случаемъ и все... Теперь возьмите это: я поставилъ ультиматумъ. Безъ меня ему пришлось бы остановить мельницу. Вы знаете, у меня контрактъ и я рисковалъ тысячею рублями неустойки. Но, въ сущности, я ничѣмъ не рисковалъ. Я зналъ, что онъ долженъ уступить. Уйди я такъ внезапно, убытки его пахли бы не тысячей. И онъ согласился. Маленькую скидку, все-таки, выторговалъ... Это ему надо на домъ... Но если бы ему выгоднѣе было приостановить дѣло, неужели онъ не предпочелъ бы получить еще на придачу мою тысячу?... Ну-те, а перепродажа бряцаловскаго хлѣба съ надбавкой какихъ-то адскихъ процентовъ? А условія какія? Уплата натурой, считая по цѣнѣ рыночной... Понимаете? Но что у него значить рыночной? А вотъ что. Примѣчаніе: изъ цѣнъ, какія будутъ на рынкѣ въ теченіе пяти мѣсяцевъ, Булатову предоставляется опредѣлить любую, по своему усмотрѣнію... то-есть минимальную, конечно... Вотъ какая у насъ политическая экономія! — воскликнулъ Подростковъ и налилъ себѣ третій стаканъ квасу. Вообще, видно было, что въ немъ глубоко засѣло него-

дованіе. Въ спокойномъ состояніи онъ ни за что не сказалъ бы сразу такую длинную рѣчь. Онъ любилъ молчать, а если говорилъ, то отрывистыми, короткими фразами и довольно нескладно. — Нѣтъ, — прибавилъ онъ, — Булатовъ — скрытый кулакъ! Онъ для своихъ дѣйствій подыскиваетъ правдоподобныя объясненія, правда, сшитыя бѣлыми нитками. Это хуже всего и я предпочитаю, когда дѣло ведется въ-открытую...

Онъ мелькомъ взглянулъ на Наташу и умолкъ. Наташа покраснѣла. Очевидно, только ея присутствіе помѣшало Подросткову заговорить о Бряцаловѣ и, конечно, это былъ никто иной, какъ онъ, «ведущій дѣло въ-открытую». Но отъ Подросткова не ускользнуло ея смущеніе. Онъ почувствовалъ себя виноватымъ передъ нею и ему захотѣлось тутъ же искупить свою вину. Онъ прибавилъ:

— Вѣдь, вотъ нашла же возможность бряцаловская экономія отпустить хлѣбъ мужикамъ на довольно мягкихъ условіяхъ...

— Какъ?! — воскликнулъ Егоръ Егорычъ. — А помнится, вы мнѣ писали...

— Представьте, что это не такъ, — отвѣтилъ Подростковъ. — Вотъ Наталья Николаевна сообщила намъ, что это было по ошибкѣ прикащика и я справлялся... я спрашивалъ кое-кого изъ мужиковъ. Такъ и оказалось: это по ошибкѣ. И имъ объявлено, что съ нихъ возьмутъ по шести мѣръ за пять.

— Вы справлялись? Правда? — съ живостью спросила Наташа.

— Да, да, на другой же день послѣ того, какъ вы были у жены.

Егоръ Егорычъ съ выраженіемъ сомнѣнія посмотрѣлъ на Наташу, но ничего не спросилъ у нея. Въ душѣ она ликовала, что Егоръ узналъ это, а, главное, не отъ нея, а отъ Подросткова. Она встала, перешла къ окну и подсѣла къ Марьѣ Ивановнѣ.

— Я давно хотѣла познакомиться съ вами, — сказала она.

Марья Ивановна посмотрѣла на нее вопросительнымъ, даже какъ будто испуганнымъ взглядомъ.

— Благодарю васъ, — отвѣтила она и отвела отъ нея глаза.

— Вы, кажется, что-то имѣете противъ этого, — продолжала Наташа.

— Что же я могу имѣть?... Я васъ совсѣмъ не знаю.

Голосъ у нея былъ слабый и мягкій. Она явно избѣгала смотрѣть на свою собесѣдницу. Лицо выражало строгое спокойствіе.

— Если ничего не имѣете, то позвольте мнѣ побывать какъ-нибудь у васъ.

— Пожалуйста... Я буду... рада.

— Только съ условіемъ, что вы тоже будете у меня и мы поближе познакомимся.

— Я очень занята, — сказала Марья Ивановна.

— Или, вѣрнѣе, вамъ этого очень не хочется! — промолвила Наташа съ замѣтнымъ волненіемъ. — Я этого, право, не понимаю. Мой мужъ не заслужилъ здѣсь ничего расположенія, ну, и по дѣломъ ему... Но я еще, кажется, никому не сдѣлала вреда... Вы сами говорите, что не знаете меня, такъ узнайте... Вѣдь, я сама иду къ вамъ на встрѣчу... можетъ быть, окажется, что я вовсе не заслуживаю пренебреженія.

Марья Ивановна чуть-чуть покраснѣла и перевела на нее свои большіе глаза, въ которыхъ выразалось сильное смущеніе.

— Извините, пожалуйста, я, право, этого не имѣла въ виду... Это, пожалуй, правда, что вы сказали... я буду у васъ!

Все это она сказала торопливо, какъ будто хотѣла поскорѣе загладить неловкость.

— Вотъ спасибо!

Наташа встала и протянула ей руку, которую та пожала съ горячностью. Егоръ Егорычъ въ это время прощался.

— Я, конечно, долго здѣсь не пробуду, — говорилъ Подростковъ. — Моему контракту срокъ истекаетъ въ ноябрѣ. Я не могу больше служить Булатову. Да и онъ, я думаю, не особенно на это рассчитываетъ. Я ему неудобенъ.

По дорогѣ обратно Егоръ Егорычъ держалъ рѣчь въ меланхолическомъ тонѣ на тему о томъ, какъ нужно осторожно сходиться съ людьми. Въ Булатова онъ вѣрилъ, какъ въ самого себя, и считалъ его безусловно «своимъ» человѣкомъ, и вдругъ такое разочарованіе. Однако, надо быть очень хитрымъ человѣкомъ для того, чтобы такъ ловко прикидываться столько лѣтъ.

— Ну, голубка моя, а это ужъ, конечно, твое дѣло, а? — вдругъ прервалъ онъ свою рѣчь обращеніемъ къ Наташѣ.

— Что такое? — спросила Наталья Николаевна.

— Да, вотъ эта «ошибка прикащика», а? — произнесъ онъ съ подчеркиваньемъ. — Что-жъ, я могу только искренно порадоваться твоему успѣху... Только прочно ли это?

— Если не прочно, такъ надо упрочить... Надо не жалѣть силъ, милый Егоръ!

— Да видишь ли, моя дорогая, не вѣрится мнѣ, что человѣкъ въ зрѣломъ возрастѣ можетъ такъ радикально мѣняться.

— Такъ ты думаешь, что дурнымъ людямъ надо предоставить

оставаться дурными?... Какимъ же образомъ мы тогда будемъ идти впередъ?

Егоръ задумался и потомъ сказалъ:

— Это задача... Рискованное дѣло рѣшать ее своею жизнью, другъ мой Наташа.

— Я еще слишкомъ молода, чтобы бояться рискованныхъ дѣлъ!—съ задоромъ возразила Наталья Николаевна.

Егоръ Егорычъ посмотрѣлъ на нее съ сочувственною улыбкой.

— Нѣтъ, Наташа, ты мнѣ сегодня нравишься! Ты—молодчина! Ей-Богу, молодчина! И знаешь, я начинаю кое-что понимать... Это ново для меня, это ново!

Антонина Федоровна въ этотъ день была нездорова, благодаря этому явилась возможность обѣдать наверху. Только Анатолию Петровичу пришлось зайти къ ней въ обѣденный часъ и выразить отъ лица пріѣзжихъ сожалѣніе по поводу того, что они не могли засвидѣтельствовать ей лично свое почтеніе. Александра Сергѣевна съ удовольствіемъ наблюдала, что Егоръ за обѣдомъ и послѣ былъ необыкновенно нѣженъ съ Наташей. «Должно быть, они поговорили по душѣ»,—думала она, вспоминая, какъ мрачно въ послѣднее время Егоръ настраивался, когда вспоминалъ про Наташу. Они уѣхали, когда солнце было уже довольно низко.

На другой день явился Штенко. Онъ обошелся съ Наташей почтительно, но нѣсколько холодно, затѣмъ они съ Бряцаловымъ гуляли въ саду, и вообще она замѣтила, что онъ какъ будто избѣгаетъ ея. Эта перемяна въ обращеніи показалась ей странной. Нельзя было объяснить ее замужествомъ Наташи. Вѣдь, тогда, когда они уѣхали за границу, онъ явился же на вокзалъ и говорилъ очень трогательно. Или, можетъ быть, онъ не забылъ еще тѣхъ откровенныхъ словъ, которыми она отвѣтила ему тогда? Впрочемъ, она, въ сущности, была рада тому, что онъ оставилъ ее въ покоѣ. Ее только занималъ вопросъ, о чемъ они могутъ такъ оживленно бесѣдовать съ Анатолиемъ, не споря, а больше шутливымъ тономъ, повидимому, надъ кѣмъ-то смѣясь. Казалось, что между этими людьми ничего не могло быть общаго. По взглядамъ они не сходились, но если даже не принимать во вниманіе взгляды Штенка, такъ какъ она не вѣрила въ ихъ искренность, то это были люди противоположныхъ характеровъ. Прямой и рѣзкій Анатолій нисколько не походилъ на Штенка, всегда искавшаго окольныхъ путей ко всему.

Когда черезъ два дня Штенко уѣхалъ, Наташа спросила у мужа:

— Скажи мнѣ, Анатолій, я никогда не могла понять этого...

Почему ты такъ благоволишь къ Штенко? У васъ такая разница во взглядахъ...

Анатолий Петровичъ разсмѣялся.

— Взгляды у Штенка? О, какъ вы всё тамъ наивны во главѣ съ Егоромъ Егорычемъ! У Штенка нѣтъ никакихъ взглядовъ. Это то я и цѣню въ немъ.

— Что же въ этомъ цѣннаго?

— Да то, что у него, по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакихъ предразсудковъ, которые мѣшаютъ вамъ смотрѣть жизни прямо въ глаза.

Наташа пожала плечами и прекратила этотъ разговоръ. Въ этотъ день она получила письмо изъ города, которое очень удивило ее. Оно оказалось отъ Феи. «Дорогая Наташа, — писалъ онъ, — у меня въ воскресенье цѣлый день свободный и я хотѣлъ бы побывать у васъ. Я долженъ сказать вамъ два слова, важныхъ для меня. Позвольте пріѣхать къ вамъ». Наташа тотчасъ же отвѣтила, что будетъ рада его пріѣзду. Дѣйствительно, въ воскресенье пріѣхалъ Фея и очень мрачно протянулъ руку Бряцалову, который случайно оказался въ это время во дворѣ. Бряцаловъ не узналъ его и посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Вы, должно быть, къ моей женѣ? — спросилъ онъ.

— Да, я хотѣлъ бы видѣть Наташу... Наталью Николаевну, — поправился Фея, страшно смущенный, такъ какъ не ожидалъ отъ Бряцалова такого пріема. Но, услышавъ его голосъ, Анатолий Петровичъ тотчасъ же перемѣнилъ тонъ.

— Простите, пожалуйста, я васъ совсѣмъ не узналъ... Вѣдь, это вы тогда хлопотали о нашемъ вѣнчаньѣ... Но вы такъ перемѣнились... Я только по голосу узналъ васъ.

Онъ провелъ у нихъ весь день и все время былъ молчаливъ. Бряцаловъ показывалъ ему садъ и экономическія постройки. Только минутъ за десять до отъѣзда, когда уже была подана къ крыльцу плохая извощичья бричка, онъ сказалъ Наташѣ:

— Мнѣ скоро надо готовиться къ экзамену, а не хочется... Совсѣмъ не къ чему... Отдайте мнѣ назадъ мое слово, Наташа.

Наташа разсмѣялась.

— Вы за этимъ пріѣхали? — спросила она.

— Да, за этимъ. Это для меня очень, очень важно!... Только потеря времени и безцѣльная трата силъ на зубреніе... Вѣдь, это имѣетъ смыслъ тому, кто хочетъ дѣлать карьеру, а для меня не имѣетъ смысла.

— А университетъ? А наука?

— Наука? Мнѣ некогда заниматься наукой... Есть дѣла болѣе спѣшныя.

— Вотъ какъ! Какія, скажите?

— Послѣ увидите... А теперь исполните мою просьбу... я безъ вашего позволенія не могу оставить гимназію.

— Хотя и слѣдовало бы наградить васъ за то, что вы по-рыцарски держите слово, но я этого не сдѣлаю, Федя... Нѣтъ, голубчикъ, кончайте курсъ въ гимназіи... Вѣдь, вамъ пустяки остались... Ну, если бы Вѣра услышала, какъ вы непочтительно относитесь къ госпожѣ наукѣ, она вамъ задала бы...

— Я теперь уже не боюсь Вѣры Николаевны, — съ едва замѣтною усмѣшкой сказалъ Федя.

Онъ уѣхалъ съ угрюмымъ видомъ. Наташа окончательно запретила ему бросать гимназію.

V.

Въ концѣ мая жара давала себя чувствовать, какъ въ іюлѣ. Воздухъ былъ сухъ, — цѣлый мѣсяцъ ни разу не выпалъ дождь. Въ саду молодые листья, еще недавно весело красовавшіеся своею свѣжею зеленью, до времени поблѣднѣли, иные свертывались, иные опадали. Цвѣтенье шло вяло, какъ-то болѣзненно. Пышные всходы на нивахъ, еще недавно обѣщавшіе такъ много, прекратили ростъ и, не увядая еще окончательно, какъ бы замерли въ нѣмомъ ожиданіи. Все просило грозы съ ливнемъ, который разомъ напоилъ бы жаждущую землю, но небо было чисто и ясно, воздухъ тихъ, а солнце палило, какъ лѣтомъ.

Въ бряцаловской усадьбѣ обѣдали теперь не въ столовой, а на широкой стеклянной террасѣ, густо уставленной зеленью. Терраса выходила на юго-востокъ, въ пять часовъ она была уже вся въ тѣни. Но все же здѣсь было душно, потому что окна и двери со всѣхъ сторонъ были плотно закрыты. Антонина Федоровна боялась сквознаго вѣтра.

Отъ маленькихъ, жирныхъ карасей, только что поданныхъ на столъ, пахло очень вкусно. Арсентій былъ мастеръ жарить эту рыбу, да, кромѣ того, блюдо это приходилось по зубамъ Антонинѣ Федоровнѣ и потому заказывалось часто.

Послышался гулъ и стекла террасы легонько задрожали. Было ясно, что кто-то пріѣхалъ.

— Вотъ манера пріѣзжать, когда люди обѣдаютъ! — брюзжащимъ тономъ воскликнула Антонина Федоровна. — Не люблю я этого!

При этомъ она вопросительно посмотрѣла на Анатолія, какъ бы желая услышать отъ него объясненіе такого нарушенія ея вкуса.

— Я никого не ждалъ и не могу себѣ представить, кто бы это могъ быть,—сказалъ Бряцаловъ.

Въ это время явилась Пелагея и объявила слегка ироническимъ тономъ:

— Машинистъ съ булатовской крупчатки пріѣхалъ, а съ нимъ учительша и еще какой-то баринъ.

— Это ко мнѣ,—отвѣтила Наталья Николаевна на удивленный взглядъ свекрови и поднялась. Антонина Федоровна положила на столъ вилку и отодвинула тарелку.

— Не знаю я, кто такой этотъ машинистъ и другіе тамъ...—сказала она, такъ искусно скрывая свое негодованіе, что оно сквозило въ каждомъ словѣ,—но когда люди пріѣзжаютъ не въ-время, то ихъ просятъ подождать.

Наташа посмотрѣла ей прямо въ глаза спокойно и твердо.

— Это ко мнѣ,—повторила она.—Это мои добрые знакомые. И я, вѣдь, сыта уже... Извините, я къ нимъ выйду,—прибавила она немного мягче и вышла.

Какъ только за нею затворилась дверь, Антонина Федоровна сочла возможнымъ не скрывать болѣе своего чувства. Она уже давно слышала отъ Пелагеи и дѣвки-Аксиньи, что наверху появились какіе-то новые люди, какой-то машинистъ, какая-то учительница. Они пріѣзжали или приходили пѣшкомъ раза два въ недѣлю и было замѣчено, что баринъ въ это время уходилъ въ экономію или въ садъ. И она искала случая поговорить объ этомъ съ Анатоліемъ. Но ни разу еще не случалось, чтобъ «эти люди» пріѣзжали во время обѣда, что Антонина Федоровна считала верхомъ невоспитанности.

— Что за машинисты такіе завелись тамъ у васъ?—спросила она съ явнымъ раздраженіемъ въ голосѣ.

— Это техникъ съ булатовской мельницы, Подростковъ, съ нимъ учительница нашей, бряцаловской школы, а еще не знаю кто,—отвѣтилъ Анатолій Петровичъ совершенно просто, продолжая ѣсть рыбу, какъ будто ничего важнаго и не случилось.

— И ты знаешь этихъ техниковъ?

— Разумѣется, знаю, разъ они бываютъ у меня въ домѣ... Я не понимаю, что васъ такъ обезпокоило.

— Почему же жена твоя сказала: «это ко мнѣ»?—допрашивала Антонина Федоровна.—И почему ты съ ними не бываешь, когда они пріѣзжаютъ?

Бряцаловъ удивленно раскрылъ глаза. «Она слѣдитъ за нашею жизнью и получаетъ довольно правильныя свѣдѣнія, — подумалъ онъ. — Впрочемъ, — прибавилъ онъ мысленно, — вѣдь, ей больше нечего дѣлать».

— Потому что мнѣ они не интересны, — отвѣтилъ онъ. — Подростковъ — старый знакомый Наташи, его жена тоже...

— Удивительно это!... Какъ это у жены могутъ быть знакомые, которые мужу не интересны... Ну, и у тебя заведутся свои, что будутъ не интересны женѣ... Такъ, что ли?

— Я не придаю этому значенія, — сказалъ Бряцаловъ.

— Не придаешь? Смотри, Анатолій, когда-нибудь станешь поневолѣ придавать, да будетъ поздно. Повѣрь моему житейскому опыту. Не даромъ столько лѣтъ на свѣтѣ прожила.

На этомъ разговоръ кончился. «Житейскому опыту» Антонина Ѳедоровны Бряцаловъ не вѣрилъ и не придавалъ никакого значенія. Тѣмъ не менѣе, спокойствіе и простота, съ которыми онъ отвѣчалъ на ея вопросы, были не искренни. Когда Пелагея доложила о пріѣздѣ «машиниста», онъ почувствовалъ желаніе швырнуть въ полъ тарелку, которую держалъ въ тотъ моментъ въ рукахъ. Антонина Ѳедоровна по старческой близорукости, конечно, не замѣтила, какой огонекъ блеснулъ въ его глазахъ и какъ мгновенно брови его подернулись дрожью. Но Наташа замѣтила это.

Вотъ уже три недѣли, какъ появились эти новые гости Наташи. Его познакомили съ ними, но онъ ихъ не зналъ и не хотѣлъ знать. Ему было извѣстно, что Подростковъ «человѣкъ тенденціозный», про учителя Елеонскаго онъ слышалъ отъ Штенка, что это «грубая и претенціозная тупица», а про учительницу Петрунькову думалъ, что какая-нибудь безцѣтная личность, которая пошла въ учительницы потому, «что нечего было жрать». Зачѣмъ эти люди ѣздятъ къ Наташѣ? Что она находитъ въ нихъ интереснаго? Почему она такъ ласково встрѣчаетъ ихъ и такъ оживляется, когда кто-нибудь изъ нихъ заходитъ къ ней? Общность убѣжденій, что ли, связываетъ ее съ ними? Но неужели она можетъ находить удовольствіе въ томъ, чтобы слушать, какъ глухие попугаи твердятъ одни и тѣ же, давно знакомыя ей слова? Для этого надо самой быть глухой, а Наташа, вѣдь, не глупа.

Онъ вовсе не хочетъ стѣснять ее въ выборѣ знакомыхъ. Она вообще держится того мнѣнія, что въ супружеской жизни, при взаимномъ уваженіи и довѣрїи, чѣмъ больше свободы, тѣмъ лучше. Но предполагается, что въ домъ не будутъ входить элементы, прямо враждебные одной изъ сторонъ. Притомъ же, онъ, всѣ

жій разъ, когда бываютъ у нихъ эти люди, чувствуетъ, что они какъ бы разъединяють ихъ, отнимають у него жену, стоятъ между ею и имъ. И онъ уже давно ищетъ повода объясниться съ Наташей по этому поводу.

Послѣ обѣда онъ не пошелъ наверхъ, а отправился на берегъ озера и тамъ растянулся на травѣ подъ тѣнью длинныхъ вѣтвей старой вербы. Онъ думалъ, что ему удастся заснуть, но черезъ открытыя окна сверху доносился мирный, но шумный говоръ и веселый смѣхъ. Это его бѣсило и разгоняло сонъ.

А наверху, въ самомъ дѣлѣ, было весело. Въ столовой появился самоваръ и маленькое общество усѣлось вокругъ стола.

— Вы напрасно не докончили обѣдъ. Мы не требуемъ отъ васъ жертвы,—говорилъ Елеонскій, казавшійся теперь, въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ его видѣла Наташа въ первый разъ, совершенно прирученнымъ.

— О, нѣтъ, господа! Я себя никогда не обижаю! Я сыта!—отвѣчала Наташа, наливая чай.

Чай истреблялся въ большомъ количествѣ. Всѣ они обѣдали у Подростковыхъ, гдѣ была какая-то соленая рыба, вызывавшая теперь жажду. Весело болтали и смѣялись, главнымъ образомъ, Наташа и Елеонскій. Подростковъ только смѣялся и очень громко, его-то смѣхъ и беспокоилъ Бряцалова. Что же касается Марьи Ивановны, то она подперла голову ладонями, опершись локтями на столъ, надъ чашкой чаю, и задумчиво переводила взглядъ своихъ большихъ глазъ на того, кто говорилъ. Когда другіе смѣялись, она только улыбалась и все время молчала.

Когда кончили чай, перешли въ гостиную.

— Что же,—сказала Наташа,—вы что-нибудь привезли?

Она обращалась къ Подросткову. Тотъ залѣзъ рукой въ боковой карманъ пиджака и вытащилъ оттуда листъ бумаги, сложенный вчетверо.

— Кое-что есть, но, разумѣется, ничего точнаго,—отвѣтилъ онъ.—Заботинскихъ я совсѣмъ не принималъ во вниманіе. Заботинъ самъ о нихъ думаетъ. Притомъ же, у нихъ какъ-то все лучше растетъ. Должно быть, оттого, что мѣстность тамъ низменная... Я взялъ только бряцаловскихъ и денисовскихъ...

— То-есть денисовскихъ далъ вамъ я,—замѣтилъ Елеонскій, впрочемъ, совершенно мирнымъ тономъ.

— Вы хотите установить авторскія права?—съ улыбкой спросилъ его Наташа.

— Нѣтъ, на кой мнѣ чортъ они, съ позволенія сказать? Я

только хочу, чтобы и моего меду капля значилась... А то похоже будет, что я бездѣльничая... Что-жь, денегъ у меня нѣтъ, дать я ничего не могу; надо хоть этимъ содѣйствовать...

— Ну-те, я васъ слушаю, Антонъ Михайловичъ, — сказала Наташа, обратившись къ Подросткову.

— Такъ вотъ. Разсчетъ сдѣланъ самый мрачный. Взять наихудшій случай. Надо представить себѣ, что ни у кого ничего не уродило и всѣ голодать должны...

— Какое у него безчеловѣчное воображеніе! — воскликнулъ Елеонскій.

— Всѣхъ, — продолжалъ Подростковъ, — въ Бряцаловкѣ 1,485 душъ, тутъ ужъ и бабы, и старики, и дѣти, а въ Даниловкѣ 1,350, всего 2,835...

— Что вѣрно, то вѣрно, — опять замѣтилъ Елеонскій.

— Мы должны, — говорилъ Подростковъ, не обращая на него вниманія, — приготовиться такимъ образомъ, чтобы, въ случаѣ неурожая, то-есть когда это вдругъ выяснится и хлѣба ни у кого не будетъ, мы были обезпечены хоть на мѣсяць, чтобы насъ это не застало врасплохъ. Тамъ уже мы примемъ другія мѣры, но, главное, чтобы не врасплохъ. Считаю, что на человѣка круглымъ числомъ надо муки тридцать фунтовъ въ мѣсяць, это при среднихъ цѣнахъ обойдется около рубля, значить, надо, чтобы былъ фондъ въ 2,835 рублей...

— Но что же вы будете дѣлать съ рублями, другъ мой? — спросилъ Елеонскій.

— Бупимъ хлѣба.

— А ежели хлѣба не будетъ на рынкѣ въ то время? Или, на примѣръ, онъ въ цѣнѣ подымется вдвое, втрое?

— Это предусмотрѣно. Мы будемъ держать свой фондъ въ деньгахъ только до поры до времени, а тамъ — за недѣлю, даже за двѣ до жатвы — можно будетъ опредѣлить, чего слѣдуетъ ожидать. Вотъ тутъ-то, если дѣло будетъ плохо, мы и закупимъ хлѣбъ.

— Такъ, чтобы никто не зналъ? Потихоньку? Ха-ха-ха! Экіе вы мудрецы, какъ погляжу на васъ! — промолвилъ Елеонскій. — Вы думаете, что торговцы глупѣе васъ? Если вы за двѣ недѣли можете знать, такъ онъ будетъ знать за мѣсяць и подыметъ цѣну раньше, чѣмъ вы станете только раздумывать: не купить ли, молъ? Вѣдь, онъ чутокъ. Онъ носомъ издалека чуетъ чужое бѣдствіе, какъ охотничья собака — дичь... И вы съ вашими рублями, которыхъ разсчитали на мѣсяць, купите хлѣба всего на три дня...

— А пожалуй, что Елеонскій правду говорить,—сказала Наташа.

— Ну, еще бы!—воскликнулъ Елеонскій.—Когда же я говорилъ что-нибудь другое, кромѣ правды?

Споръ затянулся. Подростковъ предлагалъ мѣры, а Елеонскій разбивалъ ихъ, но съ своей стороны ничего не предлагалъ.

— Да что же это вы все бракуете, Елеонскій? А вы сами что-нибудь выдумайте,—сказала ему Наташа.

— Этого я не умѣю дѣлать,—отвѣтилъ Елеонскій.—Таково свойство моего ума: разбить могу въ пухъ и прахъ, что угодно, даже то, въ чемъ ничего не понимаю, а самъ ничего положительнаго придумать не могу.

— Это недостатокъ.

— Не хвалюсь. Самъ знаю, что недостатокъ, и очень сожалѣю.

— Вотъ что, господа,—сказала Наташа,—мы это пока оставимъ. Я посоветуюсь съ практическими людьми.

На это ни Подростковъ, ни Елеонскій ничего не сказали. Они понимали, что «практическій человѣкъ»—это никто иной, какъ Бряцаловъ. Прежде они были очень опредѣленнаго мнѣнія о немъ, теперъ же ихъ понятія о Бряцаловѣ спутались.

Когда Подростковъ съ женой сдѣлали первый визитъ Наташѣ, Бряцаловъ былъ съ ними нѣсколько сухъ, но принялъ ихъ вѣжливо и, повидимому, охотно разспрашивалъ Антона Михайловича о порядкахъ на мельницѣ. Анатолий Петровичъ думалъ, что это простой долгъ вѣжливости съ ихъ стороны, потому что Наташа была у нихъ два раза. Но дня черезъ три Подростковъ опять заѣхалъ, безъ жены, но съ маленькою блѣдною дѣвушкой. «Это ужъ лишнее!»—подумалъ Бряцаловъ и принялъ ихъ совсѣмъ сухо и холодно. Когда же появилась еще новая личность, которая, притомъ, одною уже своею грубоватою и, какъ онъ опредѣлилъ, «разбойничьею» внѣшностью не внушала ему довѣрія, онъ ограничился тѣмъ, что подалъ руку и тотчасъ же ушелъ изъ дому.

Но Наташа приняла свои мѣры. Она заранѣе объявила гостямъ, что мужъ ея весь погруженъ въ хозяйство, и просила ихъ извинить ему это. Сама она почти сразу съумѣла завоевать общее довѣріе. Очень можетъ быть, что тутъ помогла ея принадлежность къ семьѣ Лобачевыхъ и старое знакомство съ Подростковыми. Если бы она явилась передъ ними просто женой господина Бряцалова, то, конечно, никакого знакомства не вышло бы. Но Егоръ Егорычъ и Чировъ—это была фирма доброкачественная и все, что отъ нихъ исходило, пользовалось довѣріемъ. Тѣмъ не менѣе, первые присту-

ны знакомства были тяжелы. Елеонскій, узнавъ, что Марья Ивановна собирается къ Наташѣ, пришелъ въ негодование.

— У васъ нѣтъ никакой щепетильности, — рѣзко сказалъ онъ. — Нужно же дѣлать какую-нибудь разницу между людьми. Этотъ господинъ, навѣрное, скажетъ, что вы пришли просить у него взаймы.

— Но она совсѣмъ не то, что онъ, — возражали ему.

— Если бы она была не то, что онъ, то не была бы съ нимъ. Знаемъ мы этихъ «не то»! Разница лишь та, что онъ говоритъ и дѣйствуетъ прямо, а она пока еще играетъ въ либеральную игру.

Подростковы возмущались, особенно Анна Степановна. Она рѣшительно напала на Елеонскаго.

— Вы не имѣете права этого говорить. Наташа Лобачева не такая, я ее отлично знаю.

— Наташа Лобачева, можетъ быть, и не такая, а Наталья Николаевна Бряцалова должна быть такой, иначе она не была бы Бряцаловой.

Подростковы предлагали ему допустить, что она скорѣе заблуждается въ немъ, но онъ не хотѣлъ допустить ничего подобнаго. Когда онъ узналъ, что Марья Ивановна безповоротно рѣшила побывать у Наташи, то, не говоря ни слова, махнулъ рукой, взялъ шапку и ушелъ пѣшкомъ въ Денисовку, которая отстояла отъ мельницы въ восьми верстахъ.

Но взглядъ его сразу перемѣнился, когда онъ опять повидался съ Марьей Ивановной. Это было на другой день послѣ того, какъ Петрунькова посѣтила Наташу. Онъ зналъ Марью Ивановну давно и ему было извѣстно ея отвращеніе къ сомнительнымъ людямъ. Она обладала какимъ-то чутьемъ, которое помогало ей сразу опредѣлять, «настоящій ли» человекъ, или «поддѣльный». Если оказывалось послѣднее, то она отворачивалась отъ него и ужь никакіе доводы не могли заставить ее перемѣнить мнѣніе. И когда Елеонскій встрѣтился съ нею, то спросилъ, нисколько не сомнѣваясь въ отвѣтъ:

— Ну, что, обожглись, Марья Ивановна?

— Напротивъ, напротивъ! — горячо возразила она. — Въ ней нѣтъ ни капли поддѣлки! Это сама искренность!

Елеонскій даже отступилъ на шагъ, до того поразилъ его этотъ отвѣтъ.

— Вотъ какъ! Но что же могло связать ее съ этимъ господиномъ?

— Этого я не знаю... Но только въ ней самой не могу сомнѣваться.

Это поколебало его. Не можетъ быть, чтобы Марья Ивановна ошибалась. У нея, вѣдь, «вѣщее сердце». Онъ рѣшилъ самолично провѣрить ея впечатлѣніе и, проведя у Наташи не больше часу, совершенно примирился съ нею. Онъ думалъ: «Марья Ивановна права: человѣкъ весь выражается въ глазахъ. А у нея въ глазахъ столько прямоты и честности. Нѣтъ, она не можетъ быть двоедушной. Но почему она съ этимъ человѣкомъ?»

Завязались правильныя сношенія. Наташа часто бывала у Подростковыхъ, заѣзжала къ Марьѣ Ивановнѣ, а та охотно ѣхала къ ней. Никогда никто изъ нихъ не заводилъ рѣчи о Бряцаловѣ, какъ будто онъ не былъ хозяиномъ этого дома и мужемъ хозяйки. Если онъ появлялся среди нихъ, всѣ здоровались съ нимъ вѣжливо и говорили нѣсколько обычныхъ фразъ объ урожаѣ, о бездождіи или о какой-нибудь газетной новости. Это они дѣлали «ради нея». Но онъ скоро уходилъ, потому что ему было скучно съ ними и въ душѣ хотѣлось всѣмъ имъ наговорить дерзостей и выгнать изъ дому.

Теперь ихъ связывало маленькое дѣло, по поводу котораго они постоянно совѣщались. Весь май была засуха и дѣло стояло такъ, что судьба урожая зависѣла отъ одного дождя. Выпади одинъ хорошій дождь, замершія нивы разомъ оживутъ и все пойдетъ на поправку. Подростковъ помнилъ, что лѣтъ пять тому назадъ было точь-въ-точь такое положеніе. Тогда желанный дождь не выпалъ и вся окрестность подверглась бѣдствію. Былъ голодъ, болѣзни, полная безпомощность. Явилась мысль принять заранѣе предохранительныя мѣры и обезпечить продовольствіе хоть на первое время. Мысль эта была высказана вскользь, но Наташа ухватила за нее. Ей хотѣлось что-нибудь дѣлать, наконецъ. Правда, дѣло это было не изъ крупныхъ, но ничего болѣе крупнаго ей не представлялось. Она, вѣдь, еще совсѣмъ не знала деревни и ея нуждъ.

Когда гости собрались уѣзжать, Марья Ивановна выразила желаніе посидѣть еще часокъ.

— Я пѣшкомъ дойду. Тутъ, вѣдь, недалеко, — сказала она.

«Это не спроста, — подумалъ Елеонскій. — Она хочетъ о чемъ-то бесѣдовать съ Натальей Николаевной».

Они уѣхали съ Подростковымъ.

— Я рада, что вы остались, Марья Ивановна, — привѣтливо сказала Наташа, присаживаясь къ ней. — Мы еще съ вами ни разу не поговорили, какъ слѣдуетъ. Давайте потолкуемъ.

— Да... Я и осталась, чтобъ потолковать, — отвѣтила Марья Ивановна съ замѣтнымъ смущеніемъ. — Вы меня простите, Наталья Николаевна...

— Въ чемъ дѣло? За что васъ простить?

— За одинъ вопросъ... Видите ли, я не люблю залѣзать въ чужую душу... Никто на это не имѣетъ права...

— Нѣтъ, милая, въ мою можете залѣзать, я вамъ позволяю. Я, сама не знаю почему, такъ довѣряю вамъ, какъ будто мы старые друзья.

Марья Ивановна слегка покраснѣла.

— Да... я это позволяю себѣ съ тѣми, кто очень ужъ мнѣ симпатиченъ. Меня мучаетъ одинъ вопросъ. Вашъ мужъ... Простите, что я объ этомъ говорю...

— Я вамъ позволила, — сказала Наташа, но уже совсѣмъ другимъ голосомъ. Щеки ея стали блѣднѣе.

— Вашъ мужъ такъ несправедливо поступалъ съ крестьянами... Онъ просто немилосердно обижалъ ихъ... а вы такъ человѣчно къ нимъ относитесь. У него суровые взгляды. Онъ презираетъ насъ, бѣдняковъ, скромныхъ тружениковъ... а вы съ нами дружны... Какъ же это все совмѣщается? Вотъ чего я не понимаю. Я въ васъ не сомнѣваюсь, Наталья Николаевна... но меня мучаетъ то, что я не понимаю этого.

Наташа ближе придвинулась къ ней и нѣжно обняла ее за талию.

— Какъ вы думаете, Марья Ивановна, — сказала она, — можно полюбить человѣка за то, чѣмъ онъ можетъ быть, и несмотря на то, что онъ есть?

— Я не знаю, — отвѣтила раздумчиво Марья Ивановна.

— Когда видишь, что у человѣка много здоровыхъ нравственныхъ силъ, которыя тратятся неправильно и дурно, развѣ это не законное желаніе — направить эти силы хорошо?

Дѣвушка взглянула на нее съ недоумѣніемъ. Наташа прибавила:

— Сдѣлать дурнаго человѣка хорошимъ, направить его силы такъ, чтобъ онѣ пошли на добро... И если эти силы велики, то и много добра отъ нихъ будетъ... Полюбить хорошаго — это только для себя, а полюбить заблуждающагося, это значить — завербовать въ свои ряды новую силу, которая пропадала даромъ или еще хуже — приносила вредъ... Сколько мы, женщины, могли бы сдѣлать пользы своею любовью, сколькихъ враговъ превратить въ союзниковъ!

Марья Ивановна встала и задумчиво заходила по комнатѣ.

— Это своего рода подвигъ, — говорила она, какъ бы разсуждая вслухъ, — полюбить человѣка, который держится ненавистныхъ

тебѣ взглядовъ и дѣлаешь дѣла, возмущающія твою душу... Да какъ полюбишь его? Какъ полюбишь зло, когда сердце жаждетъ прекраснаго, идеальнаго?

— Ахъ, Марья Ивановна, слушайте же! Во всякомъ человѣкѣ есть что-нибудь хорошее. Нѣтъ совѣсти настолько заглохшей, чтобъ она никогда не просыпалась. Нѣтъ на свѣтѣ такого сердца, которое никогда ни при какихъ обстоятельствахъ не испытывало бы благороднаго порыва. Во всякомъ сердцѣ есть искра, но она, быть можетъ, тѣлеть гдѣ-нибудь глубоко, придавленная хламомъ и грязью: у того—отъ безобразнаго воспитанія, развившаго въ немъ эгоистическіе инстинкты, у другаго—отъ заблужденій мысли. Съумѣйте разглядѣть эту искру, раскопать ее и подложить сухихъ горючихъ дровъ, чтобъ она разгорѣлась въ пылкое благородное пламя любви къ человѣку... Вотъ задача! Вѣдь, любите же вы вашихъ деревенскихъ сосѣдей, несмотря на то, что они и грязны, и грубы, и невѣжественны, и способны васъ же обмануть и обокрасть? Не проходите же вы мимо ихъ потому только, что они не казисты... Нѣтъ, вы жизнь свою отдаете на то, чтобы сдѣлать ихъ лучшими...

— Они несчастны. Это—другое дѣло.

— О, Боже мой! А эти счастливы? Дурные люди, это—самые несчастные люди! Да, да! Это ничего, что они на счетъ ближняго пользуются земными благами... Вѣдь, это счастье оставляетъ въ душѣ пустоту, когда потомъ оглянутся назадъ и сведутъ счеты. Но за то они лишены самаго великаго блаженства: чувствовать себя честными людьми. Доведите ихъ до великодушнаго поступка, дайте имъ разъ почувствовать это блаженство, и они уже сами не въ силахъ будутъ отказаться отъ него. Нѣтъ, Марья Ивановна, надо всѣми силами увеличивать ряды хорошихъ людей. Намъ нужны силы. Выбирайте изъ среды враговъ самыхъ сильныхъ, самыхъ упорныхъ, они—самые опасные враги, но за то, когда вы сдѣлаете ихъ друзьями, они будутъ самыми вѣрными друзьями.

Марья Ивановна ускорила шаги и ходила взадъ и впередъ быстро и нервно. По лицу ея видно было, что слова Наташи вызвали въ головѣ ея рой безпокойныхъ мыслей. Она, наконецъ, остановилась передъ Наташей:

— Вы меня не убѣдили... нѣтъ... но я хотѣла бы, чтобъ вы убѣдили меня, — промолвила она, — мы еще поговоримъ объ этомъ... Но вы меня успокоили... Ахъ, какъ я рада, что встрѣтилась съ вами! Теперь я буду думать, думать, думать... У меня мыслей хватитъ надолго. Подростковы—хорошіе люди. То же и Елеонскій, и

Заботинъ, но всё они какъ-то ужъ засѣли на одной точкѣ и никакого движенія... А мнѣ именно хотѣлось какой-нибудь свѣжей мысли, чего-нибудь такого, что заставило бы меня горячо думать... Я такъ рада, что познакомилась съ вами, Наталья Николаевна!

— Вотъ видите, а вы еще не хотѣли ѣхать ко мнѣ!—сказала Наташа съ шутливымъ укоромъ.

— Ну, глупости, забудьте это! Вы сразу мнѣ понравились.. Это Елеонскій виноватъ. Онъ такъ меня настроилъ, а потомъ и самъ на попятный пошелъ. Прощайте. Я пойду ужъ.

— Прощайте.

Наташа подошла къ ней, подала ей руку и онѣ неожиданно для самихъ себя, по какому-то внезапному побужденію, поцѣловались.. Марья Ивановна ушла.

Уже вечерѣло. Наталья Николаевна заглянула въ дѣтскую и, убѣдившись, что Петя здоровъ и веселъ, надѣла шляпку, взяла зонтикъ и вышла въ садъ. Ей надо было отыскать Анатолія Петровича. Она прошла по широкой аллеѣ, остановилась у овощныхъ грядъ и окинула ихъ взглядомъ,—нѣсколько бабъ, нагнувшись къ самой землѣ, вырывали сорную траву; она заглянула въ цвѣтникъ,—тамъ возился только садовникъ. Наконецъ, ей пришло въ голову, что онъ, вѣроятно, на берегу озера. Онъ иногда любитъ тамъ растянуться и лежать въ травѣ.

Она дошла до берега и увидала подъ вербой Анатолія Петровича. Онъ лежалъ на спинѣ, заломивши обѣ руки къ затылку и подложивъ ладони подъ голову, вмѣсто подушки.

«Онъ, кажется, спитъ. Я его испугаю». Она замедлила шаги и съ тихимъ, затаеннымъ смѣхомъ подошла къ нему и остановилась надъ его головой. Но онъ не спалъ. Ея смѣхъ не вызвалъ въ немъ никакого сочувствія. Онъ посмотрѣлъ на нее холодно и жестко.

Наташа опустила на траву и сѣла рядомъ съ нимъ, протянувъ ноги.

— Я немного утомлена. Пожалѣй меня, Анатолій!—сказала она кокетливо-жалобнымъ тономъ.

— Я тебя давно жалѣю, мой другъ,—отвѣтилъ онъ далеко недружескимъ тономъ, продолжая лежать въ прежней позѣ.

— Меня? Почему это, Анатолій?

— Потому что ты проводишь время въ обществѣ узкихъ, ограниченныхъ и грубыхъ людей... И потому, что это тебѣ нравится, значить, у тебя дурной вкусъ.

— Я не признаю, Анатолій, ни этого тона, ни этихъ словъ,—спокойно и просто замѣтила Наталья Николаевна.—Какой бы ни

былъ мой вкусъ, но ты не станешь и не можешь стѣснять меня въ выборѣ знакомыхъ.

Онъ быстро поднялся и остался сидѣть съ протянутыми ногами.

— Но, вѣдь, это меня стѣсняетъ... Пойми! Я лишень возможенъ быть у себя дома.

— Ну, тогда пересели меня съ Петькой во флигель, и ты будешь полнымъ властелиномъ своего дома... Но тебѣ будетъ скучно!—прибавила она со смѣхомъ.— И ты будешь постоянно надождать намъ... Ахъ, милый, мы оба говоримъ съ тобой глупости... Мнѣ тоже было бы безъ тебя скучно во флигель.

Она положила руку ему на плечо. Онъ не протестовалъ, но лицо его замѣтно нахмурилось. Наташа тотчасъ же взяла руку обратно. Бряцаловъ сказалъ:

— Ты все хочешь обратить въ шутку... Но, наконецъ, это становится серьезнымъ.

— Напротивъ, я пришла къ тебѣ съ серьезнымъ разговоромъ. Ты — человекъ практическій, помоги мнѣ совѣтомъ. Вотъ мы хотимъ быть готовыми на случай неурожая. Мы хотимъ обезпечить себя на мѣсяць, по крайней мѣрѣ.

— Себя? По крайней мѣрѣ, мы съ тобой хорошо обезпечены. Я думаю, и твои знакомые тоже.

— Ну, да, конечно... Это-то и обязываетъ насъ позаботиться о другихъ. Мы беремъ Бряцаловку и Денисовку. Нужно двѣ тысячи восемьсотъ рублей слишкомъ. Эта сумма составитъ. Подростковы дадутъ рублей пятьсотъ, — у нихъ есть маленькія сбереженія. Я дамъ... ну, рублей восемьсотъ, Егоръ съ мамочкой рублей пятьсотъ, да ты прибавишь... Вотъ и все, что нужно... Но урожай еще не выяснился и мы не хотимъ напрасно покупать хлѣбъ... Ну, какъ это сдѣлать, чтобъ мы и купили въ-время, и не переплатили, когда, въ случаѣ неурожая, цѣны поднимутся?

На губахъ у Бряцалова появилась саркастическая усмѣшка.

— Значить, началась уже, — промолвилъ онъ, — благотворительно-народническая канитель... Ничего поинтереснѣе этого не могли высидѣть на вашихъ засѣданіяхъ... А спорили и шумѣли такъ, будто рѣшали міровые вопросы!... Ну, начнемъ съ того, что я ни одной копѣйки не дамъ на это дѣло.

— Ай-ай-ай! Ты такой скаредъ, Анатолій? — произнесла Наталья Николаевна, повидимому, не обращая вниманія на его тонъ.

— Не скаредъ, а по принципу не дамъ. Если тебѣ хочется, чтобъ у меня въ карманѣ стало пятью стами рублями меньше, изволь, я брошу ихъ въ печку, пусть сгорятъ. А на это не дамъ!

— Какой же тутъ принципъ? Когда человѣкъ на твоихъ глазахъ умираетъ отъ голода, неужели ты его не накормишь?

— Этимъ негодиямъ я ничѣмъ не помогу! — воскликнулъ онъ съ какимъ-то злобнымъ воодушевленіемъ. — Я не останавливаю тебя. Дѣлай сколько хочешь глупостей... Испытай сама, какъ они, вмѣсто благодарности, надуютъ, обворуютъ и подведутъ тебя... Тогда ты возмутишься и заешь другую пѣсню.

— Но, Анатолій, я не жду никакой благодарности, потому что исполняю мой долгъ.

— Я заплатилъ свой долгъ и очень жалѣю объ этомъ.

— Вотъ, видишь, какъ ты путаешься, мой милый! — ласково произнесла Наташа. — Ты сознаешь, что платилъ долгъ, и, въ то же время, злобствуешь, что не получилъ за это благодарности. Когда платишь долгъ, то чувствуешь облегченіе, это замѣняетъ благодарность... Вотъ что, Анатолій... На твою долю тамъ выпадаетъ пятьсотъ рублей. Если ты не хочешь дать ихъ, я дамъ за тебя, и ты будешь мнѣ долженъ... Правда, вѣдь, тебѣ будетъ пріятно быть моимъ должникомъ?! Но ты злишься... Право, это не хорошо!... Ты злишься оттого, что я разбила твой главный доводъ и у тебя больше нѣтъ ничего, чтобы возразить мнѣ. Ты оттого злишься, что неправъ... Слушай, Анатолій: ты какъ-то говорилъ, что для моихъ глазъ, которые ты называешь чудными, ты готовъ сдѣлать все. Ну, сдѣлай для нихъ это: стань немножко добрѣе, присоединись къ намъ и помоги намъ совѣтомъ... Помнишь, когда мы съ тобой катались за городомъ, ты говорилъ, что тебѣ хочется пасть передо мной на колѣни и молиться, а я пожелала, чтобы наши сердца жили одною жизнью и любили одно и то же... Я и теперь этого хочу, только этого, Анатолій... Но этого-то и нѣтъ... Милый, какъ это сдѣлать? Тогда бы жизнь наша была полна...

Она опять положила руку ему на плечо и старалась заглянуть ему въ глаза. Онъ вдругъ встрепенулся, рѣзко отодвинулся отъ нея и всталъ на ноги. Лицо его дышало какою-то надменною злобой, движенія были рѣзки, грубы и некрасивы.

— Я не позволю тебѣ даже думать, что твои ласки могутъ сдѣлать меня твоимъ рабомъ! — проговорилъ онъ, сверкая глазами. — Даже думать тебѣ не позволю! Ты злоупотребляешь моею любовью, ты хочешь насиловать мою личность... Но я повторяю тебѣ: я таковъ, каковъ есть, и такимъ останусь!... Ты затѣяла дурную игру... опасную игру!

Наташа поблѣднѣла и почувствовала себя совершенно такъ, какъ въ тотъ разъ, когда онъ не взялъ ея протянутыя къ нему ру-

ки. Онъ отвергаетъ ея ласки, это оскорбленіе. Взглядъ его, устремленный на нее, полонъ вражды и ненависти... Что это? Почва исчезаетъ подъ нею. Неужели онъ таковъ? Неужели любовь его превращается въ ненависть тотчасъ, какъ легонько затронули его личность? Эта его личность у него на первомъ планѣ, она ему дороже всего на свѣтѣ, изъ-за нея онъ не видитъ правды, ясной и радужной, какъ этотъ весенній вечеръ, освѣщенный склонившимся къ западу солнцемъ. Онъ себялюбецъ, онъ дѣлитъ міръ на двѣ части: одна, міръ, который онъ презираетъ, и онъ самъ, *его личность*, которую онъ обожаетъ. Она смотрѣла, какъ онъ уходилъ по направленію къ дому твердыми, рѣшительными шагами. Не оглянется ли онъ, не вернется ли, не подойдетъ ли къ ней и не скажетъ ли: «Я тебя обидѣлъ, прости! Я северный эгоистъ, но я люблю тебя!» Нѣтъ, онъ ушелъ и скрылся за стѣной дома.

Наташа встала, посмотрѣла на озеро, обвела взоромъ садъ, взглянула на чистое безоблачное небо, какъ будто спрашивала ихъ о чемъ-нибудь или искала у нихъ поддержки. Вѣдь, она здѣсь одинока, въ этой уединенной отъ всего міра усадьбѣ, за этою высокою стѣной, среди этого молчаливаго сада... До сихъ поръ она смѣло смотрѣла въ лицо грядущему, потому что вѣрила въ силу своей любви, своей ласки, которая смягчала его и покоряла. Но теперь у него явилась сила—оттолкнуть эту ласку и отвѣтить на нее злобой...

Она пошла садомъ, не зная, куда и зачѣмъ. Ей надо было уйти подальше отъ усадьбы, подальше отъ этого дома, стѣны котораго теперь обвѣвали ее холодомъ. На нее нашла слабость и она казалась себѣ безпомощною и разбитою. Подъ ногами ея шелестѣла высокая трава и хрустѣли высохшія и обломившіяся вѣтки деревьевъ. Она не искала дороги и шла прямо, не обращая вниманія на то, что топчетъ цвѣточные и овощныя гряды. Вотъ и садъ кончился. Передъ нею раскинулась безконечная степь. Дорога извиристою лентой вьется подъ гору, по мѣрѣ удаленія становясь все уже и, наконецъ, превращаясь въ едва замѣтную полоску. Тамъ поднялось облако пыли; оно все ближе и ближе. Кто-то ѣдетъ. Вотъ обозначилось, что это городская извозицья коляска, запряженная парой. «Господи! Еслибъ это былъ кто-нибудь изъ моихъ милыхъ, я ожила бы и это отчаяніе прошло бы»,—думала Наташа съ надеждой. А коляска все ближе и ближе, вотъ ужъ можно различить бороду кучера. Кто сидитъ тамъ, за его спиной?

— Стой, стой!—всрѣчь Наташа и энергично машетъ зонтикомъ.

Боляска съ разбѣгу круто останавливается.

— Вѣрокъ, Вѣрокъ, Вѣрунька моя! Дорогая!

Онѣ хохочуть, сжимають другъ другу въ объятіяхъ и звонко цѣлуются.

— О, ты моя славная! Какъ ты хорошо пріѣхала!—восторженно восклицаетъ Наташа, крѣпко пожимая руки сестры и пристально вглядываясь въ ея лицо.—Но какая ты худенькая да блѣдная! Ты совсѣмъ заучилась. Я тебя поправлю...

— Экзамены, Наташа... Я, вѣдь, перешла на третій курсъ,—веселымъ голосомъ отвѣтила Вѣра.

— А я... я срѣзалась...—какъ-то произвольно вырвалось у Наташи.

— Что ты?

Но Наташа шутила; Вѣра это ясно видѣла, потому что глазки ея были свѣтлы и она неудержимо смѣялась отъ радости.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РОЗА И НИНЕТА.

Современный романъ Альфонса Додэ.

I.

Черезъ двѣ недѣли послѣ развода и все еще въ упоеніи отъ того, что кончены его терзанія, Режи де-Фаганъ широко раскрылъ окна своей новой холостой квартиры и нетерпѣливо ждалъ появленія своихъ дочурокъ. Судебнымъ рѣшеніемъ ему предоставлено было право проводить съ ними два воскресенья въ мѣсяцъ. Въ этотъ день предстояло первое свиданіе, и въ безконечныхъ ворохахъ женскихъ писемъ, за двадцать лѣтъ перебивавшихъ на письменномъ столѣ избалованнаго водевилиста, очень немногія волновали его сердце такъ сильно, какъ простая записочка, доставленная наканунѣ:

«Милый мой папа!

Мы приѣдемъ въ Пасси завтра утромъ съ десяти-часовымъ поѣздомъ. Mademoiselle проводитъ насъ до дома № 37 на бульварѣ Босежуръ и тамъ же возьметъ обратно вечеромъ, ровно въ девять часовъ.

Любящая тебя почтительная дочь Роза де-Фаганъ».

Ниже стояло имя «Нинета», написанное еще нетвердымъ, полудѣтскимъ почеркомъ.

И вотъ, въ тревожномъ ожиданіи, онъ не увѣренъ былъ теперь, придутъ ли онѣ на самомъ дѣлѣ, не съумѣетъ ли въ послѣднюю минуту хитрая и ловкая на увертки мамаша или эта непроницаемая mademoiselle выдумать какой-нибудь предлогъ для того, чтобы задержать дѣвочекъ. Въ любви къ себѣ дѣтей онъ не сомнѣвался. Но обѣ онѣ такъ молоды, — Розѣ едва минуло шестнадцать лѣтъ, Нинетѣ нѣтъ и двѣнадцати, — такъ еще слабы, что не подъ силу имъ сопротивленіе враждебнымъ вліяніямъ, тѣмъ болѣе не подъ си-

лу, что, взятая изъ монастыря послѣ развода, онѣ всецѣло были во власти матери и гувернантки. Адвокатъ не даромъ предупредилъ его и говорилъ: «Не равна игра у васъ будетъ, мой добрый Режи: у васъ въ распоряженіи всего два дня въ мѣсяцъ на то, чтобы заставить любить себя». Ну, да какъ бы тамъ ни было, отецъ былъ убѣжденъ, что и въ эти два дня, при разумномъ веденіи дѣла, онѣ смогутъ сохранить горячую привязанность дорогихъ его сердцу дѣтей. Но эти два дня необходимы ему сполна и въ точности, безъ увертокъ, безъ плутней... А его волненіе все росло и росло по мѣрѣ того, какъ шло время, — охватывало его съ такою силой, какой онѣ не испытывалъ никогда въ ожиданіи другихъ свиданій, страстныхъ или серьезно-дѣловыхъ. Фаганъ метался по комнатамъ, высовывался изъ оконъ, оглядывая въ обихъ направленіяхъ зеленѣющій, мирный бульваръ предмѣстья, примыкающій одною стороною къ линіи желѣзной дороги, прикрытой трельяжемъ и изгородью, другою къ ряду красивыхъ домовъ съ балконами, вазами въ цвѣтахъ, щеголеватыми палисадниками.

— Здравствуй, папа... Мы къ тебѣ!

— Вы, да какъ же это?... Гдѣ пришли?

Въ лихорадочной тревогѣ, слѣдя то за часовой стрѣлкой, то за поѣздами, то за проходящими людьми на бульварѣ, онѣ не видалъ, какъ вошли его дѣвочки. И вотъ онѣ вдругъ появились изъ маленькой прихожей, онѣ тутъ, передъ нимъ, какъ будто выросли, сформировались больше за два-три мѣсяца, что онѣ ихъ не видалъ. Руки отца дрожали въ то время, какъ онѣ помогали дочерямъ снять ихъ хорошенькія жакетки и круглыя шляпки, опушенныя перьями. Дѣвочки тоже чувствовали себя не совсѣмъ ловко въ этомъ новомъ для нихъ положеніи. Конечно, ихъ отецъ былъ и теперь все тотъ же милый, веселый, добрый папа, такъ чудесно игравшій съ ними, нянчившій ихъ на своихъ колѣняхъ, когда онѣ были совсѣмъ маленькими; но онѣ уже не были мужемъ ихъ матери, а отъ того выходило что-то не такъ, разница какая-то, которую онѣ чувствовали, но опредѣлить не могли, что и отражалось наивнымъ недоумѣніемъ въ ихъ взорахъ.

Эта неловкость разсѣялась мало-по-малу въ то время, какъ дѣвочки осматривали незнакомую еще имъ квартиру, залитую яркимъ свѣтомъ майскаго утра. Одни окна выходили на бульваръ; другія—въ садикъ при домѣ, казавшійся довольно большимъ отъ густой зелени сосѣднихъ усадебъ. Почти во всѣхъ комнатахъ была новая мебель. Только въ рабочемъ кабинетѣ дѣти нашли знакомые библіотечные шкафы и огромный письменный столъ, углы ко-

того заботливый отецъ приказалъ закруглить изъ опасенія за головки малютокъ при игрѣ въ прятки. Сколько воспоминаній вызывала эта массивная мебель съ причудливыми изгибами ящичковъ, обтянутыхъ по краямъ мѣдью!

— Помнишь, Нинета, какъ одинъ разъ шапал...

Но Нинета, меньшая, похитрѣе и плутоватѣе старшей, обрываетъ анекдотъ однимъ взглядомъ. Дѣло въ томъ, что, отпуская дѣвочекъ къ отцу, бывшая мадамъ де-Фаганъ, теперь носящая свою прежнюю фамилію мадамъ Раво, строго наказывала дочерямъ ничего не говорить о ней и, даже въ случаѣ неделикатныхъ разпросовъ, ни словомъ не проболтаться ни о ея теперешней жизни, ни о предположеніяхъ на будущее время. А зная, насколько Роза неосторожна и легкомыслена, она съ своими наставленіями обращалась, главнымъ образомъ, къ Нинетѣ, очень забавной съ своею смышленною мордочкой, сдержанной и скрытной, съ острыми мышиными глазками, все высматривающими и все замѣчающими. Неужели могла мадамъ Раво забыть въ такое короткое время гордый и полный достоинства характеръ человѣка, бывшего почти двадцать лѣтъ ея мужемъ, и заподозрить его въ томъ, что онъ черезъ дѣтей станетъ шпионить за матерью? Трудно, конечно, перестать интересоваться существованіемъ лица, жизнь котораго была долго связана съ вашею жизнью, давала ежедневно себя чувствовать то неприятностями, то радостями, всѣми мелочами постоянного, интимнаго общенія. Но Режи де-Фаганъ всѣми силами старается все забыть и даже избѣгаетъ произносить имя своей бывшей жены; дѣвочки, съ своей стороны, держатся тоже насторожѣ, и это вноситъ холодъ, обрываетъ разговоры, дѣлаетъ въ нихъ «прорѣхи», какъ говорятъ въ театрѣ, портитъ оживленную прогулку по комнатамъ.

Такъ, въ спальнѣ, на примѣръ, Роза и Нинета не могли сдержать возгласа удивленія передъ маленькою желѣзною кроватью, настоящею студенческою койкой, безъ занавѣсокъ и драпировокъ. Обѣ дѣвочки смотрѣли другъ на друга съ одною и тою же мыслью, съ однимъ воспоминаніемъ о томъ, какъ утромъ на Рождество и въ новый годъ онѣ приходили въ своихъ длинныхъ ночныхъ платьяхъ, съ всклокоченными еще отъ сна головками, забирались на большущую кровать папы съ мамой и обмѣнивались съ ними поцѣлуями и подарками. И многое другое говорятъ еще другъ другу глаза Розы и Нинеты, когда встрѣчаютъ у изголовья отцовской кровати портреты, исчезнувшіе изъ семейной спальни въ домъ улицы Лафитъ и увезенные отцомъ при его уходѣ оттуда. Тутъ боль-

шая пастель Бенера, гдѣ обѣ онѣ, шести лѣтъ и десяти, держать другъ друга за руки, въ высокихъ англійскихъ рукавахъ окутывающихъ ихъ кисейныхъ капотовъ, и рядомъ—бабушка, воппешатап де-Фаганъ, подѣ стекломъ въ овальной рамѣ,—та воппешатап, которой онѣ не знали и про которую ихъ мать всегда говорила, что это была строгая, очень строгая женщина.

Сколько думъ пробѣгаетъ въ ихъ маленькихъ головкахъ, какая путаница всѣхъ понятій, невозможность разобраться ни въ событіяхъ, ни въ лицахъ, еще недавно тѣсно и воедино связанныхъ, а теперь разрозненныхъ, разбитыхъ врознь, точно послѣ пожара или кораблекрушенія! И какъ все это сложно, какъ поразительно для нихъ, при незрѣлости и непривычкѣ мысли, столь обычныхъ въ слишкомъ юномъ возрастѣ! Хорошо, что надо было перейти въ столовую, куда черезъ открытыя окна врывались яркіе лучи солнца и весенній ароматъ сада. Столъ накрытъ изящно и кокетливо, передъ обоими приборами дѣвочекъ по букету цвѣтовъ,—этими онѣ обязаны любезности мадамъ Гюленъ.

— Мадамъ Гюленъ?—спросила Нинета, и ея шустрые глазенки засвѣтились любопытствомъ.

— Хозяйка дома... Она занимаетъ нижній этажъ и отдаетъ эту квартиру въ наймы, чтобы не оставаться въ домѣ совсѣмъ одной. Она вдова и живетъ съ маленькимъ сыномъ и съ старою гувернанткой.

— А для папы флиртъ...—сболтнула Роза, поправляя свои жудряшки на лбу передъ ручнымъ зеркальцемъ.

Де-Фаганъ посмотрѣлъ на нее грустнымъ взглядомъ. Въ его ушахъ прозвучало одно изъ бессмысленныхъ словечекъ его бывшей супруги. А изъ двухъ дочерей Роза, по внѣшности, наименѣе похожа на г-жу Раво; высокимъ ростомъ и фигурой, слегка согнутой, цвѣтомъ кожи смуглой креолки, серьезнымъ и мечтательнымъ выраженіемъ лица она близко подходитъ къ типу отца. Онъ обратился къ ней тономъ мягкаго укора:

— Не до флирта мнѣ теперь, милое мое дитя, да полагаю такъ же, что и мадамъ Гюленъ не больше меня думаетъ объ этомъ. Она очень нѣжная мамаша, узнала, что сегодня будутъ у меня мои дочки, и нарвала для нихъ цвѣтовъ.

Появленіе слуги съ первымъ блюдомъ—яичницей съ сморчками, любимымъ кушаньемъ Нинеты—было встрѣчено радостными криками:

— Ахъ, Анфимъ!... Здравствуйте, Анфимъ!

Онъ уже нѣсколько лѣтъ служилъ у де-Фагана и теперь краснѣлъ, тоже терялся отъ необычнаго положенія и бормоталъ:

— Добраго здоровья, mesdemoiselle, добраго здоровья!

Это былъ южанинъ изъ Бокера, совсѣмъ неотесанный, съ очень низкимъ лбомъ, заросшимъ гладкими волосами; казалось, будто у него срѣзанъ весь верхъ головы со всѣмъ, что въ ней должно находиться. Его феноменальная глупость приводила въ отчаянiе супругу де-Фагана. При разводѣ Режи взялъ его къ себѣ отчасти, быть можетъ, потому, что Анфимъ сохранялъ связи съ кухней въ улицѣ Лафитъ, и черезъ него можно было каждый день имѣть вѣсточку оттуда. Эта знакомая фигура, появившаяся передъ дѣвочками во всей своей первобытной простотѣ, придала завтраку больше оживленія и свободы. И что за прелесть этотъ завтракъ, каждое блюдо котораго было обдуманно и обсуждено Фаганомъ и его слугою, причемъ вспоминалось, любить ли мадемуазель Роза, чтобы былъ положенъ сахаръ въ зеленый горошекъ, какой кремъ предпочитаетъ Нинета, шоколадный или ванильный.

До опьяненія восхищенныя лакомымъ завтракомъ и своими новыми весенними туалетами, дѣвочки увлекались, въ живой болтовнѣ забывали наставленія мамы, — въ особенности старшая Роза, которой Нинета безпрывно дѣлала таинственные знаки. Такъ; Фаганъ, совсѣмъ того не желая, узналъ, что въ пятницу «кузень» возилъ ихъ въ комическую оперу. Между тѣмъ, названiе «кузень» принадлежало къ числу запретныхъ словъ; но Роза нигагъ уже не могла сдержаться. Тогда, чтобы предотвратить такія невольныя нескромности, за которыя имъ можетъ достаться вечеромъ по возвращенiи къ матери, отецъ переводилъ разговоръ на постороннiе, незначительные предметы, вспоминалъ объ ихъ монастырѣ, который почти видѣнъ отсюда, о его прекрасныхъ садахъ, гдѣ столько лѣтъ имъ жилось хорошо.

Неужели онѣ не скучаютъ о немъ, хоть немножко? Не манить ли ихъ вернуться туда?

— О, это-то ужъ нисколько! — отвѣчали онѣ въ одинъ голосъ.

— А почему, мои милочки?... Было, однако, время, когда вы съ радостью туда возвратились...

Онѣ затруднялись отвѣтить, не рѣшались сказать то, о чемъ онъ уже догадался, какъ нельзя лучше. Потому это такъ, что со времени развода родителей все измѣнилось для нихъ дома. При жизни вмѣстѣ вѣчно происходили тяжелыя сцены, причемъ никакой мѣры уже не соблюдалось, и даже ихъ, дѣтей, иногда дѣ-

лали участницами супружескихъ ссоръ: «Слышите, дѣти, какъ позволяетъ себѣ говорить со мною вашъ отецъ?»

— Сударыня, вы забываетесь при вашихъ дочеряхъ!

Ихъ принуждены были отдать въ монастырскій пансіонъ, чтобы удалить отъ такихъ непріятностей. Но какъ только отецъ покинулъ домъ и состоялся разводъ, мать успѣшила взять ихъ къ себѣ, воспылала къ нимъ нѣжностью, далеко не свойственною ей черствой и своевольной натурѣ. Повидимому, она хотѣла завладѣть любовью дочерей. Гувернантка старалась тоже смягчить рѣзкость и строгость своей роли наставницы и воспитательницы.

Эта перемѣна была уже замѣтна и пріятно бросалась въ глаза даже въ туалетахъ дѣтей. До сихъ поръ мать занималась только своими нарядами, тратя на это все свое время и слишкомъ много денегъ. Теперь же, при первомъ взглядѣ на этихъ восхитительныхъ модныхъ куколокъ, вмѣсто прежнихъ монастырскихъ послушницъ, гладко причесанныхъ, одѣтыхъ въ форменныя платья, какими дѣвочки являлись изъ монастыря домой по субботамъ, — Фаганъ понялъ, что его ех-супруга, никогда не бывшая сколько-нибудь сносною матерью, примется за это съ полнымъ азартомъ, начнетъ поглажать дочерямъ, баловать ихъ непозволительно, не въ ослѣпленіи материнской любви, а изъ низкой ревности, изъ желанія досаждать, мучить своего бывшего мужа. Онъ уже предвидѣлъ цѣлый рядъ непріятностей, настоящую войну булавочными уколами... Но изъ-за чего же мучиться теперь? Вѣдь, съ нимъ его дѣвочки, тутъ онѣ и останутся до вечера. Послѣ завтрака, онъ рѣшилъ повезти ихъ на утренній спектакль французскаго театра, гдѣ давали одну изъ его пьесъ, которой онѣ еще не видали. Представьте себѣ только наслажденіе, гордость смотрѣть изъ ложи аванъ-сцены, какъ первые артисты Парижа передъ полною залой играютъ пьесу, написанную вашимъ отцомъ!

Что ни дѣлай мадамъ Раво, хотя бы даже въ сотрудничествѣ съ гувернанткой, а такого удовольствія не доставить ей дочерямъ. По окончаніи спектакля, прогулка въ экипажѣ по Булонскому лѣсу и обѣдъ въ модномъ ресторанѣ. И этого развлеченія не можетъ имѣть мамаша иначе, какъ въ сопровожденіи «кузена». О, какъ будетъ восхитительно самимъ заказывать слугѣ необыкновенныя блюда и слышать за сосѣдними столами шепотъ любопытства, вызываемый въ Парижѣ человѣкомъ, пользующимся извѣстностью: «Режи де-Фаганъ съ двумя дочерьми!» Потомъ, съ наступленіемъ ночи, онѣ пойдутъ, близко прижавшись другъ къ другу, по душнатымъ, пустымъ аллеямъ лѣса, тихо вернуться въ Пасси, къ буль-

вару Босежуръ, гдѣ ихъ должна ждать въ каретѣ гувернантка. Вотъ, можно будетъ сказать, чудесно проведенный день!

Изложеніе этой программы оживило завтракъ и вызвало горячій румянецъ на юныя лица блѣднѣнькихъ парижаночекъ. Въ открытыя окна неслись ароматы ландышей и розъ. Дроздъ весело распѣвалъ на вершинѣ огромнаго стараго вяза. Нинета подошла къ окну и старалась рассмотреть въ густыхъ вѣтвяхъ этого милаго пѣвца весны. Съ лужайки внизу послышался чистый дѣтскій голосокъ:

— Сходите играть со мной... Хотите?

Это звалъ маленькій Морисъ Гюлень, прелестный мальчикъ лѣтъ девяти-десяти, съ прозрачнымъ цвѣтомъ лица, съ длинными золотистыми локонами, падающими на спину; поврежденная голѣнка заставляла его подпрыгивать, опираясь на короткій костыликъ. Мадамъ Гюлень, сидѣвшая вблизи сына съ книгой въ рукахъ, подняла голову и проговорила: «pardon», а потомъ «merci», съ очень доброю улыбкой на молодыхъ еще губахъ.

— Не забудь, что мы ѣдемъ въ театръ, Нинета! — кригнула старшая сестра, какъ бы недовольная тѣмъ, что Нина такъ легко идетъ на новое знакомство. А та уже убѣжала, не разслушавъ предупрежденія.

— Не пойти ли и намъ?—спросилъ отецъ.—Мадамъ Гюлень очень милая женщина...

Роза рѣшительно отказалась. Она не знакома съ этими людьми... И въ интонаціи молодой дѣвушки, облокотившейся на подоконникъ рядомъ съ отцомъ, прозвучало зарождающееся недоброжелательство къ хозяйкѣ дома; промелькнуло то же чувство и въ очень опытномъ взглядѣ, которымъ она окинула туалетъ и всю фигуру сидящей въ саду женщины.

Туалетъ былъ очень простой, нѣчто вродѣ полу-траура, чуть-чуть разцвѣченнаго бѣлою кружевною накидкой на головѣ, съ лиловатыми лентами цвѣта полевыхъ присовъ.

II.

Извѣстная короткость, вслѣдствіе сходства ихъ положеній, симпатія, еще ускользающая отъ анализа, сложились между драматургомъ и его сосѣдкой. Вечеръ они провели вдвоемъ съ глазу на глазъ въ маленькомъ салонѣ нижняго этажа послѣ того, какъ ребенокъ ушелъ спать. Издали долеталъ неясный гулъ громаднаго Парижа, тишина опустѣвшаго бульвара нарушалась только лаемъ стороже-

выхъ собакъ, да отъ времени до времени грохотомъ проносившагося мимо поѣзда, потрясавшаго домъ до основанія. Вдругъ часы, старинная фамильная вещь одного стиля съ тумбой и креслами Ешриге, пробили десять. Мадамъ Гюленъ тихо разсмѣялась, перекусывая зубами нитку своего вышиванія.

— Что разсмѣшило васъ?—спросилъ Режи съ обычною мужщинѣ тревогой передъ загадочностью женщины, выдавшей себя невольнымъ смѣхомъ, отголоскомъ дѣтскаго своенравія, никогда не исчезающаго совершенно даже у наиболѣе сдержанныхъ.

Она подняла на него свои большіе голубые глаза, поразительно ясные и чистые на прекрасномъ, спокойно-выразительномъ лицѣ женщины лѣтъ подъ тридцать.

— Я смѣюсь потому, что уже десять часовъ,—сказала она,— а вы и въ этотъ вечеръ не выходили изъ дому, что представляется довольно страннымъ въ жизни Режи де-Фагана.

Фаганъ улыбнулся въ свою очередь.

— Какого же вы мнѣнія о жизни художниковъ и писателей? Вы всѣхъ ихъ считаете отчаянными шатунами, кутилами и полуночниками?

Полина Гюленъ слегка затруднилась отвѣтомъ, потомъ сказала:

— Мнѣ приходится на умъ вашъ закулисный міръ, полный соблазновъ и искушеній... Если бы я была замужемъ за такимъ человѣкомъ, я не могла бы отдѣлаться отъ вѣчнаго страха.

— Страхъ?... страха чего? нашихъ актрисъ? А, вотъ фантазія.

И драматургъ, человѣкъ такой опытный, какимъ былъ де-Фаганъ, началъ разбирать всю фальшь и дѣланность этихъ странныхъ существъ, живущихъ всегда готовыми фразами, условными чувствами, захваченныхъ шумихой игранныхъ ими пьесъ, тонъ которыхъ они и въ жизнь вносятъ, какъ куклы свой говорильный механизмъ.

— Наши актрисы! Да если и вправду случится имъ отдаться страстному порыву и сказать «люблю» иначе, чѣмъ обучали въ консерваторіи, онѣ тотчасъ же соображаютъ: «Какъ это хорошо у меня вышло!»—и непременно пускаютъ въ ходъ передъ публикой въ первой же подходящей пьесѣ... Нечего сказать, милый народъ, душа на-распашку и ни въ чемъ отказа добрымъ пріятелямъ. Надо ихъ посмотрѣть въ театрѣ за кулисами, надо знать жизнь уборныхъ, когда артистки однѣ, въ своей компаніи, безъ автора и директора, послушать, какъ онѣ перекриваются изъ одной уборной въ другую... вѣдь, это сущій фургоны армарочныхъ комедій.

діантовъ, настоящей странствующій балаганъ. Бромѣ самыхъ незрѣлыхъ юнцовъ, не заманишь туда ни одного порядочнаго человѣка.

Мадамъ Гюленъ слушала очень внимательно, хотя, повидимому, была занята вышиваніемъ, раскинутымъ на ея колѣняхъ; она заговорила тѣмъ же спокойнымъ тономъ:

— Ну, Богъ съ ними, съ актрисами, хотя, разумѣется, вы нѣсколько преувеличиваете. А сколько есть другихъ соблазновъ для человѣка, пользующагося извѣстностью, для писателя, избалованнаго успѣхами? Салонныя поклонницы, засыпающія васъ посланіями обожательницы, разныя незнакомки, такъ и льнуція къ вамъ, влюбленныя въ васъ и пишущія вамъ объ этомъ...

— О, не особенно привлекательны и такія, и этотъ сортъ не слишкомъ опасенъ, — сказалъ Режи. — Начать съ того, что пишутъ всегда однѣ и тѣ же, полдюжина жалкихъ истеричекъ, да иностранки, собирающія автографы... Двадцать разъ я доказывалъ это моимъ пріятелямъ и товарищамъ по литературѣ, — ихъ незнакомки оказывались и моими незнакомками.

Полина подняла голову:

— Однако, можетъ же случиться, что женщина, взволнованная прекрасною пьесой или увлекательнымъ чтеніемъ, поддастся желанію поблагодарить автора.

— И возможно, что она напишетъ ему; но если она женщина порядочная, то письма она не пошлетъ... Попробуйте доказать мнѣ противное, — прибавилъ онъ, пристально глядя ей въ лицо.

— О, что меня касается, то я не изъ экспансивныхъ...

Слабый стонъ ребенка прервалъ ее, заставивъ пойти въ софднюю комнату. Вернувшись черезъ минуту къ своему рабочему столу, она сказала, понижая голосъ:

— Сегодня весь вечеръ онъ не спокоенъ.

Ей въ тонъ, какъ обычно велись ихъ интимныя бесѣды, Режи проговорилъ:

— Такъ вы представляли себѣ Фагана искателемъ нѣжныхъ приключеній и кутилой... Вы ошиблись. Та жизнь, которую я веду теперь, была моею мечтой, когда я женился. И вотъ какъ разъ моя лѣнь на выѣзды, мое домосѣдство и вызывали, главнымъ образомъ, недовольство моей жены. Это было первымъ поводомъ и основною причиною разрыва между нами... Кто виноватъ? Женился я двадцати восьми лѣтъ, мои пьесы игрались уже на всѣхъ сценахъ, я былъ пресыщенъ всѣми удовольствіями, какія можетъ дать театръ, и вдругъ попадаю въ мужа женщины, которая съ ума сходитъ отъ первыхъ представленій, отъ авторскихъ билетовъ... Мнѣ говорили,

будто дѣдъ ея, Раво, составилъ себѣ состояніе фабрикаціей и отдалею напрокатъ театральныхъ костюмовъ. Очень можетъ быть, что въ силу атавизма страсть къ мишурѣ, къ бляхамъ, къ парикамъ, къ пестрымъ жилетамъ съ разводами пагубно подѣйствовали на ея жалкій, крохотный умишко. Вы видите, въ чемъ тутъ недоразумѣніе: человѣкъ женится, чтобы уйти отъ искусственной, поддѣльной жизни, свить себѣ гнѣздо, не имѣющее ничего общаго ни съ драматическимъ театромъ, ни съ комическою оперой, а его супруга, наоборотъ, искала только виднаго положенія, возможности бывать на всѣхъ генеральныхъ репетиціяхъ и красоваться на первыхъ страницахъ газетъ.

— Жестокое недоразумѣніе, правда, — согласилась мадамъ Гюленъ, но какъ то не убѣжденно. Въ ея всегда правдивомъ голосѣ и въ не умѣющемъ лгать лицѣ чувствовалось сомнѣніе.

Фаганъ понялъ это и попытался ее увѣрить:

— Я уступалъ, разумѣется, какъ уступаетъ болѣе влюбленный, а влюбленъ я былъ безумно, и не въ отзывы печати, не въ пустозвонную славу, какъ она! Каждый вечеръ, изо дня въ день много лѣтъ меня таскали на всевозможныя зрѣлища. Мы составляли часть того отвратительнаго «всего Парижа», который является всюду, безъ перерыва и устали, болѣе шутовскимъ, чѣмъ всѣ балаганные шуты. На всѣхъ первыхъ представленіяхъ какого бы ни было театра мы неизмѣнно занимали одни и тѣ же мѣста. Я видѣлъ, какъ въ партерѣ помаленьку лысѣютъ головы критиковъ, какъ появляются одна за другою морщины на лицахъ моихъ сосѣдей, все тѣхъ же, неизмѣнно, какъ и мы, и такъ же неизмѣнно раздавался у моего уха голосъ жены: «Каково, мадамъ X... перебила ленты у своей розовой шляпки, воображаетъ, что ее примутъ за новую»... или: «Смотри, смотри, супруги Z..., какъ они постарѣли!» Потомъ въ антрактахъ, не отрывая отъ глазъ бинокля, она перебирала всѣ извѣстныя имена, повторяя всякую пустяковину, мелкія сплетни, ничтожныя скандалы, которыми Парижъ услаждается всю зиму, сдабриваетъ свои развлеченія и которые придаютъ имъ особенную пикантность и прелесть. Въ концѣ-концовъ, такая жизнь наскутила мнѣ смертельно, опостылѣла до того, что въ этомъ-то, именно, и заключается истинная причина нашего развода.

Мадамъ Гюленъ недовѣрчиво покачала головой:

— Говорили, однако, о какой-то исторіи...

— А, да... это про «законный поводъ къ разводу» въ отелѣ Испанія, о чемъ рассказывалось во всѣхъ газетахъ... Такъ вотъ съ чего, — сознайтесь въ томъ, — сложилось у васъ такое нехорошее

жизніе обо мнѣ. А что, если я вамъ скажу, что этотъ «законный поводъ» былъ устроенъ по уговору съ моею женой?

Видя недоумѣніе Полины, онъ продолжалъ:

— До нынѣшняго дня три человѣка знали объ этой комедіи: бывшая мадамъ де-Фаганъ, я и совѣтникъ де-Мальвиль... Вы знаете его?—сказалъ Режи, замѣтивши движеніе своей собесѣдницы.

Она, молча, сдѣлала утвердительный знакъ головой, и Фаганъ залпомъ, не перерываясь, разсказалъ ей свои супружескія приключенія.

— Болѣе опостылѣть другъ другу, чѣмъ мы съ женой, конечно, уже никто не можетъ; но этого недостаточно для развода. «Намъ нуженъ рѣшающій фактъ,—говорилъ моей женѣ ея другъ де-Мальвиль, отчаянный музыкантъигъ, разбирая съ нею на фортепiano послѣдній ауспугъ Вагнера, — дайте мнѣ какой-нибудь скандалъ, то, что называется законнымъ поводомъ, и я берусь устроить ваше дѣло». Можетъ быть, не пускаясь въ дальніе розыски, я нашелъ бы въ отношеніяхъ г-жи де-Фаганъ къ ея кузену Ла-Постероль тотъ поводъ, который былъ нуженъ совѣтнику. Сдѣлать это помѣшали мнѣ два обстоятельства. Первое—то, что самъ же я допустилъ слишкомъ интимную короткость этого кузена, молодаго ракетмейстера при совѣтѣ министровъ, самъ я предоставилъ ему сопровождать мою жену и дочерей въ театры и въ общество, изъ отвращенія къ выѣздамъ, изъ лѣниваго нежеланія бывать въ свѣтѣ. Затѣмъ—вторая причина, истинная—это наши двѣ дочери, ихъ замужство, ихъ будущность, весь смыслъ жизни для меня самого. Когда вина оказывается на сторонѣ мужчины, свѣтъ прощаетъ; если же виновна женщина, то извѣстная доля позора падаетъ на всю семью и навсегда ложится на дѣтей неизгладимымъ пятномъ. Вотъ почему я согласился взять на себя роль виноватаго и дать изловить себя въ тѣхъ условіяхъ, которыя вамъ извѣстны.

— И г. де-Мальвиль принималъ участіе въ этой комедіи?—воскликнула въ негодованіи мадамъ Гюленъ.

— Вы, я вижу, не достаточно хорошо знаете этого симфониста, забравшагося на судейское кресло. Ни до чего, что только не Бетховенъ и не Вагнеръ, ему нѣтъ никакого дѣла. А, впрочемъ, человѣкъ онъ обязательный и по нашему дѣлу волновался не меньше, чѣмъ мы: то—какъ бы не опоздалъ предупреденный полицейскій комиссаръ, то—явится ли на свиданіе моя сообщница... вѣдь, безъ сообщницы-то обойтись нельзя. Что же тогда? Пришлось бы все начинать съ начала. Нельзя представить себѣ ничего похѣшнѣе этихъ законныхъ супруговъ, снова сходящихся въ какомъ-

нибудь далеко въ углу Парижа, чтобы снова уговариваться относительно дня и часа, когда столь многоцѣнный «законный поводъ» будетъ, наконецъ, легальнымъ порядкомъ констатированъ. Для нашихъ переговоровъ мы выбрали проѣздъ Обсерваторіи, совсѣмъ вверху, гдѣ свѣжѣе и гуще ложится тѣнь каштановъ. Въ такой дали не представлялось опасности наткнуться на кого-нибудь изъ знакомыхъ, а это необходимо было: подумайте только, какого смѣха надѣлали бы супруги, жаждущіе развода и прогуливающіеся парочкой, уговаривающіеся и придумывающіе, какъ бы имъ отдѣлаться другъ отъ друга. Мнѣ вотъ приходится выискивать новыя положенія, — думаю, что такое достаточно ново. «Въ понедѣльникъ, непременно, отель «Испанія», да смотрите, чтобы ваша принцесса-то не обманула», — говорила моя жена, крѣпко пожимая мнѣ руку на прощанье. А я, не менѣе дружественно и положительно, отвѣчалъ: «Въ понедѣльникъ, моя милая, это рѣшено!» Такъ и устроилось: въ слѣдующій понедѣльникъ въ отель «Испанія» полицейскій комиссаръ засталъ меня утромъ...

— Съ Эми Фера изъ театра Водевилья, — сказала мадамъ Гюленъ, силясь улыбнуться, — подробности можете пропустить, онѣ мнѣ извѣстны.

— Только не сполна, — газеты не все передали. Бѣдняжка Эми Фера, разумѣется, не подозрѣвала, какое ее ждетъ пробужденіе, и хотя она далеко не весталка, мнѣ, все-таки, неловко было нѣскольکو впутывать ее въ непріятное дѣло, съ которымъ будетъ носиться весь Парижъ. И вдругъ, раннимъ утромъ, сильный стукъ въ нашу дверь и рѣзкое: «Отворите, именемъ закона». Моя сообщница вскакиваетъ въ ужасѣ: «Мой мужъ!... Мы погибли!...» — «Какъ вашъ мужъ?» — «Да, я замужемъ... простите, что не сказала вамъ... Спасайтесь, спрячьтесь куда-нибудь». Признаюсь, тутъ я провелъ нѣсколько непріятныхъ минутъ, не зная, идетъ ли дѣло о моемъ прегрѣшеніи, или о ея. Къ счастью, неизвѣстность была непродолжительна. Вслѣдствіе такого-то приключенія, я былъ приговоренъ къ ежемѣсячной уплатѣ полутора тысячъ франковъ г-жѣ де-Фаганъ и мои дочери были оставлены при ней съ тѣмъ, что черезъ каждыя двѣ недѣли онѣ будутъ проводить воскресенье у меня. Мало это, но я убѣжденъ, что въ недалекомъ будущемъ мамаша смягчитъ эту статью и будетъ присылать ко мнѣ дѣвочекъ чаще, по мѣрѣ того, какъ онѣ будутъ подростать, и всякій разъ, когда ей нужно будетъ отъ нихъ освободиться.

— Не говорите мнѣ больше о разводѣ... это дрянной фарсъ! —

и мадамъ Гюленъ положила свою работу; ея руки дрожали, иголка не слушалась.

— А, между тѣмъ, я счастьемъ обязанъ разводу, по его милости я осводился отъ самаго мерзкаго существа...

— О, monsieur де-Фаганъ... можно ли говорить такъ о женщинѣ, виноватой лишь въ томъ, что она васъ недостаточно понимала? Вѣдь, это же только недоразумѣнія, несходство характеровъ.

— Нѣтъ, болѣе того, много болѣе... Я не разъ говорилъ, какъ восхищаетъ меня ваша прямота, правдивость вашихъ словъ и вашихъ глазъ. А въ этой женщинѣ меня до отчаянiя доводила ея ложь, — ложь прирожденная, ради лжи, изъ-за шика и похвальбы, неотдѣлимая отъ всей ея особы, отъ интонаціи ея голоса, настолько сливающаяся со всѣми ея поступками, что я не могъ уже отличать фальши отъ правды. Разъ, за ужиномъ въ кабинетѣ ресторана послѣ оперы, я спросилъ ее: «Чему ты смѣешься такъ громко?» — «Чтобы тамъ, рядомъ, подумали, что намъ очень весело». Вотъ вамъ, вся она тутъ. Я не запомню, чтобы когда-нибудь она говорила для того лица, которое тутъ, передъ нею, а всегда для кого-то другаго, тамъ, кто только что вошелъ, для слуги, который намъ подаетъ, для проходящаго мимо, чье вниманіе ей хочется привлечь... Однажды, въ обществѣ десятка людей, съ восторгомъ въ глазахъ, съ умиленіемъ въ голосѣ, она вдругъ обращается ко мнѣ: «О, милый мой, Барромейскіе острова!... первыя недѣли нашего супружества!...» Понятія мы не имѣли объ этихъ островахъ, никогда въ жизни тамъ не бывали... Представьте же себѣ мое удивленіе!

Мадамъ Гюленъ попыталась еще разъ смягчить:

— Слабость довольно безвредная, въ сущности...

— Да, — возразилъ Фаганъ, — только она надоѣдаетъ до крайности и ставитъ человѣка въ невозможное положеніе. Спрашиваешь у подруги жизни: «Гдѣ ты была?... Что дѣлала?» — и знаешь заранее, что въ ея отвѣтахъ нѣтъ ни слова правды и тысячи случайностей могутъ раскрыть, какъ она солгала безъ всякой надобности, за то съ такимъ упрямствомъ, съ такою наглостью, что противъ нихъ ничего нельзя подѣлать ни просьбами, ни убѣжденіями. Сейчасъ же тоненькій, щебечущій голосокъ: «Да увѣрю же тебя... да навѣрное... ты ошибаешься, или ты меня обманываешь». Всего прискорбиѣе, что съ годами, съ самоувѣренностью, которую приобрѣтаетъ женщина, ложь становилась ядовитою, опасною для меня и для другихъ. На своихъ свѣтскихъ враговъ она цѣликомъ выдумывала самыя невозможныя, самыя возмутительныя вещи, кото-

рыми, въ концѣ-концовъ, сама начинала вѣрять. И все это съ положительнымъ, совершенно разумнымъ видомъ, изъ-за котораго ничѣмъ себя не выдавала невропатка, что она и есть на самомъ дѣлѣ, если не считать маленькаго движенія, однообразнаго, автоматическаго, движенія пальцевъ, которыми она перебираетъ, мнетъ и теревитъ ленту или складку платья иногда по цѣлымъ часамъ... Общество легко и безъ провѣрки принимаетъ всякія преподносимыя ему мерзости, и зло, причиняемое безнаказанно такимъ сквернымъ существомъ, оказывается громаднымъ. Сколько разъ, за большими обѣдами, я старался всматриваться, подстергать мою жену изъ-за корзины съ цвѣтами и орхидеями... «Что говорить она? Что еще сочиняетъ? Какой ядъ льетъ своему сосѣду это нарядное, модно причесанное чудовище?» Не замедлила она и меня сдѣлать своей жертвой. Въ обществѣ оказалась въ ходу исторія одной шведки, негоднѣйшей особы лѣтъ шестнадцати-семнадцати, которая увлекла меня до безумія, до преступленія, вселила въ меня отвращеніе, ненависть къ своимъ дѣтямъ и къ женѣ. «Если я умру скоро, — говорила своимъ друзьямъ восхитительная дама, носившая мое имя, — если я умру, вы поймете, кто меня убилъ».

— О, это ужасъ какой-то! — вскрикнула пораженная Полина Гюлень.

— Да, это ужасъ... Можете себѣ представить, какъ принимали меня добрые знакомые, ихъ непрошенные совѣты, соблазнительныя или негодующія взгляды, обращенные на насъ, на меня... Опровергать? Этого я даже и не пытался. Возможно ли было кого-нибудь увѣрить, что не знаю я никакой шведки, ни негодной, ни хорошей, и что вся эта семейная драма есть лишь плодъ больнаго воображенія? Я рѣшился молчать и продолжалъ на вечерахъ и на первыхъ представленіяхъ изображать Синюю Бороду въ то время, какъ рядомъ со мною изнывала отъ вздоховъ моя кроткая жертва, закатывавая умирающіе глазки. Ея пріятельницы почитали ее настолько несчастною, что, несмотря на отвращеніе хорошаго парижскаго общества отъ разводовъ, стали ей совѣтовать всѣмъ сонмомъ развестись со мною. «Нѣтъ, нѣтъ... Я до конца останусь, до смерти, ради моихъ дочерей!...» На самомъ же дѣлѣ у нея, какъ и у меня, не было достаточнаго повода, и безъ совѣтовъ де-Мальвиля...

Брикъ ребенка, болѣе сильный, чѣмъ прежній, еще разъ оборвалъ разговоръ. Мать быстро вышла изъ комнаты, потомъ скоро вернулась, но очень блѣдная и съ остаткомъ какого-то ужаса въ выраженіи прекрасныхъ глазъ.

— Что съ нимъ? — спросилъ Фаганъ.

— Ничего, почти ничего... обыкновенный кошмаръ, отъ котораго онъ просыпается съ этимъ болѣзненнымъ стономъ, съ крикомъ страха.

Бѣдный ея маленький Моризъ, онъ такъ нервень, такъ слабъ! Она заговорила о сынѣ, о его здоровьѣ, о его поврежденной колѣнкѣ...

— Это не отъ рожденія?—спросилъ Фаганъ съ большимъ участіемъ къ тревогѣ матери, самой глубокой, самой захватывающей изъ всѣхъ.

— Нѣтъ, несчастный случай... когда онъ былъ еще совсѣмъ маленькимъ.

И она смогла, погруженная въ горькія воспоминанія.

III.

— Нѣтъ, мои милыя... нѣтъ, хорошія дочки мои, вы просите невозможнаго. Не настаивайте, мнѣ было бы это слишкомъ не-пріятно.

Настаивать! Да онъ и не подумаютъ. Въ виду отказа отца, Нинета взяла какую-то книгу, Роза—модный журналъ; вроткія личики милыхъ дѣвочекъ вдругъ застыли, какъ-то огрубѣли, сосредоточились въ молчаливомъ вниманіи, изъ-за котораго по временамъ проскальзывали плутовскіе взгляды, посматривающіе искоса и поджарауливающіе изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ. Передъ Фаганомъ были уже не дѣти-подростки, а двѣ женщины, съ тѣмъ ангельски-невозмутимымъ упрямствомъ, которое способно довести мужчину до отчаянія. И несчастный отецъ волновался, выбивался изъ силъ, чтобы дать уразумѣть этимъ неподатливымъ маленькимъ головкамъ серьезные мотивы своего отказа, отказа въ прибавкѣ къ ежемѣсячно выдаваемой имъ суммѣ.

Посудите сами, за тѣ семь мѣсяцевъ, что ихъ мать и онъ живутъ врознь, хоть одинъ разъ задержалъ ли онъ выдачу двухъ тысячъ франковъ, вмѣсто полутора тысячъ, назначенныхъ судомъ? И этого мало, хватаетъ духа требовать больше, когда все его состояніе заключается въ проспективной платѣ театра. Въ нынѣшнемъ году онъ не можетъ пожаловаться, его пьесы идутъ хорошо; но его доходъ можетъ уменьшиться по капризамъ публики. Бъ тому же, надо подумать и о приданомъ Розы.

— И, наконецъ, милыя вы мои, я нахожу, что для воскресенія, для одного изъ моихъ рѣдкихъ воскресеній, когда вы приходите повидаться съ отцомъ, вы взяли на себя довольно странное пору-

ченіе. Не могли развѣ съ этимъ командировать ко мнѣ вашу гувернантку или, еще лучше, прислать письмо, на которое я сьумѣлъ бы отвѣтить?

Только это прямое нападеніе, захватывающее и ихъ мать, сломило упорное молчаніе дѣвочекъ.

— Что ты, папа, — сказала Нинета, не поднимая глазъ отъ книги, — никто намъ не давалъ порученія... Эту маленькую прибавку мы просили для себя однѣхъ.

— На наши туалеты, — прибавила Роза неувѣренно, изъ-за большихъ модныхъ картинокъ, окружавшихъ ее точно ширмы.

Какъ!... На ихъ туалеты!... Да, вѣдь, излишекъ каждаго мѣсяца и назначается именно на ихъ туалеты, а ужъ, конечно, не на наряды г-жи Раво, и молоденькія дѣвочки ихъ возраста и ихъ общества могли бы удовольствоваться этимъ. Фаганъ пустился въ подробное высчитываніе расходовъ на платье, на бѣлье, на обувь, не соображая даже, что выходитъ повтореніе одной изъ несносныхъ сценъ прежней его семейной жизни, только на этотъ разъ, вмѣсто одной женщины, ему приходилось отбиваться отъ двухъ. Возраженія сыпались за возраженіями, тонкія и мѣткія со стороны меньшей, но еще болѣе волнующія со стороны старшей, благодаря ея мягкости и неосторожности. Такъ, у нея вдругъ сорвалась съ языка фраза о свадьбѣ, которая, разумѣется, потребуетъ...

— Какая свадьба?—спросилъ Фаганъ, живо выпрямляясь.

Какъ ни былъ быстръ взглядъ, брошенный Нинетой ея слишкомъ увлекающейся сестрѣ, отецъ перехватилъ его на лету, поблѣднѣлъ; какъ мертвецъ, и проговорилъ рѣзкимъ и жесткимъ голосомъ:

— Ясно!... Такъ, такъ, превосходно!... Я понялъ... мадамъ Раво выходитъ замужъ... это она вправѣ... а за кого? Узнать можно... за кузена, конечно?

Пылающія щеки дѣвочекъ, ихъ растерянные движенія отвѣчали ему лучше словъ и удваивали его бѣшенство. Онъ ревновалъ, не жену, разумѣется, а дочерей своихъ. И въ прежнее время онъ страдалъ не мало отъ близости къ нимъ этого Ла-Постероля, отъ его баловства, отъ подарковъ, которыми онъ умѣлъ подманывать ихъ, привлекать къ себѣ, какъ маленькихъ попугаевъ, кокетливыхъ и лакомыхъ. А теперь что же это будетъ, когда онъ поселится въ одномъ домѣ съ ними, на правахъ ближайшаго человѣка, вотчина?... Въ самомъ своромъ времени, въ силу обстоятельствъ, общности жизни, постоянного и фактическаго присутствія, онъ станетъ ихъ отцомъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ родной отецъ. Эта

мысль доводила Фагана до бѣшенства, къ тому же, могло случить-ся, что дѣтей увезутъ далеко отъ Парижа, совсѣмъ отнять...

— О, этого еще... еще этого не доставало! — онъ задыхался отъ злости, махалъ своими длинными руками, сжималъ кулаки движеніемъ, полнымъ безмысленной угрозы.

Но гнѣвъ Фагана, кресла съ острова Бурбонъ, пронеслся, какъ ураганъ, быстро и шумно. Полетѣло на полъ нѣсколько стульевъ, два или три раза онъ хлопнулъ дверьми, не выходя изъ комнаты, потомъ утихъ, растянулся на своемъ большомъ американскомъ креслѣ и, какъ всегда бывало по воскресеньямъ, попросилъ Розу сыграть что-нибудь на фортепианѣ, купленномъ нарочно для нея.

У Розы, къ сожалѣнію, мигрень, — о, такой сильный мигрень...

— Ну, Розета, хоть немного... нѣсколько тактовъ Шопена или Мендельсона...

— Мнѣ очень жаль, папа... не могу я...

Въ виду мрачнаго, упорнаго тона, отецъ не хотѣлъ настаивать, съ мигренью не спорить. Онъ обратился къ Нинетѣ:

— Ты бы пошла поиграть съ Морисомъ.

— Нѣтъ, въ другой разъ... я устала.

По тому, какъ она обѣими руками вцѣпилась въ книгу, по своему нравному и капризному выраженію лица видно было, что ни мягкіе разговоры отца, ни умоляющіе взгляды, которыми смотрѣлъ изъ сада бѣдный, слушающій мальчикъ, и ничто въ мірѣ не заставитъ Нинету перемѣнить ея рѣшеніе.

Во весь день Фагану безпрерывно приходилось наталкиваться на дурное настроеніе дочерей, бывшее, очевидно, послѣдствіемъ вліянія той, отсутствующей, невидимой и тѣмъ болѣе неодолимой. Стоило же хлопотать и разводиться, если опять предстоитъ выдерживать тѣ же семейныя сцены, переносить слѣдующее за ними, давно извѣстное ему, убійственно-упорное молчаніе недовольства и каприза!

Въ тоскливое, несносно тянувшееся послѣобѣденное время онъ писалъ г-жѣ Раво нѣсколько писемъ и тотчасъ рвалъ ихъ, находя, что они выходятъ то слишкомъ мягкими, то чрезмерно рѣзкими. Наконецъ, когда дѣвочки простились съ нимъ очень холодными поцѣлуями и отправлялись къ своей *mademoiselle*, дожидавшейся ихъ у подъѣзда, онъ далъ Розѣ записку къ ея матери, въ которой просилъ мадамъ Раво повидаться съ нимъ завтра утромъ.

На томъ же самомъ проѣздѣ Обсерваторіи, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ они уговаривались о разводѣ, Фаганъ поджидалъ свою ex-супругу не безъ нѣкотораго любопытства. Очень часто,

одиноко проводя вечера, онъ пытался воспроизвести ее передъ собою. Но портрета у него не было, а въ его воспоминаніи черты лица какъ-то путались, однѣ представлялись увеличенными на счетъ другихъ. Въ его сознаніи образа жены уже не существовало.

Когда онъ увидалъ ее издали въ темномъ платьѣ, подолъ котораго шелестѣлъ по сухимъ листьямъ, собраннымъ въ кучи, она показалась ему выше ростомъ, чѣмъ онъ предполагалъ. Съ неменьшимъ любопытствомъ и она замѣтила, что онъ пополнилъ, лицо стало солиднѣе и свѣжѣе, мягче какъ-то отъ серебристой сѣдины, начавшей проступать въ усахъ и на вискахъ. Его же въ особенности поразило измѣненіе цвѣта ея волосъ изъ неопредѣленного, бѣлокуро-пепельнаго, въ рыжій самаго венеціанскаго оттѣнка, что отразилось на всемъ ея лицѣ: на немъ какъ бы легли горячіе тоны хорошей итальянской картины, цвѣтъ глазъ сталъ ярче, кожа блестящѣе, — совершенно новая красота, ретушированная и подправленная, дополненная, быть можетъ, незамѣтнымъ для глаза употребленіемъ косметиковъ.

Туалетъ, превосходный, какъ и прежде, еще болѣе выигрывалъ отъ кокетливаго желанія нравиться, специально присущаго женщинѣ, которая любитъ и хочетъ быть любимой. Въ ея манерахъ видна была извѣстная увѣренность и независимость, которыя мадамъ Раво приобрѣла вмѣстѣ съ полною авторитетностью въ тѣ нѣсколько мѣсяцевъ, что она оставалась одна отвѣтственною за свои поступки.

«Разводъ пошелъ ей впрокъ чертовски», — подумалъ де-Фаганъ и тотчасъ же рѣшительно приступилъ къ объясненію:

— Почему вы не предупредили меня объ этомъ замужствѣ?... Такъ мы съ вами условливались, однако.

Она состроила хорошенькую улыбочку, фальшивую, попрежнему, поглядывая угломъ глаза изъ-подъ полуприподнятыхъ рѣсницъ... Да, вѣдь, ничего же не рѣшено еще... Она сама еще не знаетъ... Какъ, по его мнѣнію, благоразумно ли это будетъ?

— Вы меня знаете, добрый мой Фаганъ, вы знаете Ла-Постероля... Что вы мнѣ посоветуете?

Она говорила тономъ искренней дружбы и даже, идя рядомъ съ нимъ по тротуару проѣзда, сдѣлала инстинктивное движеніе, чтобы взять Фагана подъ руку. Почти такъ же бессознательно онъ отстранился и, чтобы избѣжать вопросовъ, которые онъ находилъ неумѣстными и совершенно лишними, онъ напомнилъ ей объ условіяхъ развода: «никогда не покидать Парижа, не увозить дѣтей да-

леко отъ Парижа»... Его губы, подъ сѣдьющими усами, вздрагивали отъ негодованія.

Она очень быстро его успокоила... Чтобы ея дочери уѣхали изъ Парижа! Только ужь никакъ не съ матерью и не по случаю этого брака!... Ла-Постероль занимаетъ хорошее мѣсто, не нынче-завтра будетъ совѣтникомъ, все интересы привязываютъ его къ Парижу... Да и сама она слишкомъ парижанка... Это послѣднее соображеніе успокоило Фагана болѣе всехъ другихъ доводовъ. На самомъ дѣлѣ, онъ не могъ ее себѣ представить живущею въ провинціи, гдѣ нѣтъ ни первыхъ представленій, ни скачекъ, ни всякихъ выставокъ, на которыя ходятъ людей посмотреть и себя показать. Когда она опять заговорила о своемъ Ла-Постеролѣ, о выгодахъ предполагаемаго замужства, онъ уже слушалъ ее безъ неудовольствія, чуть не дѣлился съ ней своими мнѣніями.

Между тѣмъ, дождь, собиравшійся съ утра, началъ награвывать, — осенній дождь, мелкій, пронизывающій. Тяжелыя тучи нависли надъ Люксембургомъ. Де-Фаганъ и мадамъ Раво раскрыли зонты; потомъ черезъ минуту она свой сложила, такъ какъ неудобно было разговаривать издали, пошла совсѣмъ рядомъ съ своимъ бывшимъ мужемъ и повела рѣчь о дочеряхъ. Ея новое положеніе, если она рѣшится на замужство, доставитъ имъ связи въ официальныхъ сферахъ, поможетъ сдѣлать хорошія партіи. Старшей уже исполнилось шестнадцать лѣтъ... Что могла сдѣлать для пріисканія ей жениха женщина одинокая, разведенная съ мужемъ, стѣсненная въ своихъ выѣздахъ и въ пріемахъ у себя? Современемъ Роза и Нинета пострадали бы отъ такого удаленія отъ общества.

— Васъ самихъ, Режи, не тяготитъ развѣ ваше одиночество?

Она говорила это очень тихо, прижимаясь къ нему, чтобы укрыться отъ все усиливающегося дожда. Потоки воды сърою завѣсой застилали улицу съ ея деревьями и прекрасную бронзовую группу Карно, состоящую изъ четырехъ женщинъ, поддерживающихъ земной шаръ въ его вращательномъ движеніи. Изрѣдка поднималась съ скамейки парочка, прогоняемая дождемъ, проходила мимо нихъ, пытаясь обмѣняться мимолетною улыбкой понимающихъ другъ друга людей. Никому не могло въ голову придти, зачѣмъ они сюда явились и каковы ихъ взаимныя отношенія.

Мало-по-малу подъ ласкающимъ тепломъ осенняго утра, подъ вліяніемъ необычности такой бесѣды, которую онъ смутно мечталъ уже внести въ одну изъ своихъ будущихъ пьесъ, Фаганъ сталъ внимательно прислушиваться къ ея голосу, хотя и зналъ, сколько

въ немъ жи и ехидства. Она только что говорила: «дайте мнѣ совѣтъ», а теперь сама преподавала совѣты, и еще какіе разумные! Она убѣждала его тоже жениться, не дожидать вѣка покинутымъ одиночкой, высказывала увѣренность, что онъ будетъ превосходнымъ мужемъ для другой женщины, болѣе способной подчиниться его вкусамъ, его идеямъ. Такой оборотъ разговора забавлялъ его, и онъ сталъ возражать мягко, почти весело, когда она его перебила:

— Какъ жаль, что мадамъ Гюленъ...

— Мадамъ Гюленъ?

— Да, ваша хозяйка дома...

И опять въ углахъ ея тонкихъ губъ обозначилась мошенническая черточка. Фаганъ вздрогнулъ.

— А развѣ вы ее знаете?

— Достаточно для того, чтобы видѣть въ ней полное олицетвореніе подходящаго для васъ типа.

— Въ такомъ случаѣ, что же значить: «какъ жаль»?

— А! да, какъ жаль, что мадамъ Гюленъ не вдова!—и, видя его озадаченное лицо, она продолжала:—Вы сказали дѣтямъ, что она вдова; она только разлучена съ мужемъ *).

— Вы-то почему знаете?

— У меня своя полиція.

Она размѣялась такимъ нехорошимъ смѣхомъ, что Фаганъ рѣзко повелъ плечами, точно хотѣлъ отшвырнуть далеко отъ себя, какъ нѣчто для него совершенно незначительное, мадамъ Гюленъ и ея вдовство. Они прошли еще немного, не обмѣниваясь ни словомъ. А дождь все усиливался. Шумное появленіе толпы студентовъ изъ фехтовальной залы вдругъ наполнило пустынную улицу смѣхомъ и гамомъ и окончательно уничтожило привлекательность оригинальнаго свиданія. Они разстались у ближайшей станціи фіакровъ.

Почему онъ возвращался съ стѣсненнымъ сердцемъ съ этого свиданія? Онъ былъ убѣжденъ, что его дочери не уѣдутъ изъ Парижа, что предполагаемый бракъ ни въ чемъ не измѣнитъ его покойной и довольной жизни. Неужели въ немъ шевельнулись воспоминанія, неопредѣленные сожалѣнія при видѣ этой помолодѣвшей блондинки, сдѣлавшейся рыжею, и отъ ея тонкаго аромата вербены, который онъ долго любилъ? Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! Едва миновало первое изумленіе, какъ одной ея скверной улыбки достаточ-

*) Séparation de corps—прекращеніе сожителства, разлука супруговъ, закономъ установленный во Франціи видъ неполнаго расторгненія брака, причемъ разлученные не могутъ вступать въ новыя супружества, какъ при разводѣ—divorce. *Прим. перев.*

но было, чтобы напомнить ему о годах мученій и страданій. Что же это? Какая тревога душитъ его? Послѣ множества увертокъ и попытокъ обмануть себя, онъ вынужденъ былъ сознаться, что горькое чувство вызвано извѣстіемъ о томъ, что его другъ, мадамъ Гюленъ, замужемъ. И въ глубинѣ его, далеко гдѣ-то, точно въ концѣ какой-то аллеи, появлялась Полина Гюленъ; ея некрупная фигура, ея прекрасные, открытые глаза, привлекающіе, какъ магнитъ, въ лицѣ выраженіе прямоты, успокоивающей ласки, которою дышетъ все ея существо, въ абсолютную противоположность съ женщиной, только что разставшейся съ нимъ. Ясно было, что въ теченіе нѣсколькихъ недѣль въ его сердцѣ намѣчались, незамѣтно для него самого, какія-то неясныя мечты, разбитыя, точно громомъ, неожиданнымъ сообщеніемъ: мадамъ Гюленъ замужемъ!

Правда ли это, однако? Не романическая ли сплетня, въ обычномъ вкусѣ г-жи Раво? Поразмысливъ хорошенько, онъ припомнилъ, какъ часто приводила его въ недоумѣніе странная сдержанность сосѣдки, когда рѣчь касалась ея мужа, умершаго или нѣтъ, тогда какъ во всемъ остальномъ между ними установилась самая задушевная откровенность, а равно и нѣкоторыя фразы, вырывавшіяся иногда у маленькаго Мориса. На что же нужна такая ложь, отнимающая у этой безгранично-правдивой и честной женщины большую долю ея очаровательности? А онъ-то раскрывалъ передъ нею всю свою душу!

Выходить, что всѣ женщины лгуны, ни одной нельзя вѣрить, ихъ словамъ нельзя даже придавать значенія свидѣтельскихъ показаній дѣтей на судѣ...

Охваченный цѣлою бурей тяжелыхъ и противурѣчивыхъ думъ, онъ вернулся домой съ твердою рѣшимостью приступить тотчасъ же къ объясненію. Тутъ ему сказали, что въ данную минуту мадамъ Гюленъ занята съ пользующимся огромною славой хирургомъ, приглашеннымъ для Мориса, у котораго сдѣлалось воспаленіе въ больной колѣнѣ.

Позавтракавши, Фаганъ сошелъ внизъ узнать, въ чемъ дѣло. Его не приняли. У двери горничная Анета, вынянчившая Мориса, рассказала ему со слезами на глазахъ, что на-завтра рѣшено сдѣлать очень серьезную операцію, въ домѣ идутъ къ этому приготовленія и хозяйка никого не принимаетъ. Тогда онъ спросилъ, не можетъ ли быть чѣмъ-нибудь полезенъ завтра, — держать ребенка во время операціи или присмотрѣть за нимъ. Мадамъ Гюленъ приказала сказать, что благодарить сосѣда, но ни въ чемъ не нуждается.

Какъ далека была отъ него въ эту минуту очаровательная женщина! Опасно заболѣлъ ея ребенокъ, и какъ ничтожно для сердца матери значеніе близкаго ей, повидимому, человѣка!

IV.

Если бы у него оставалось какое-либо сомнѣніе относительно его любви къ Полинь Гюленъ, то въ силѣ ея убѣдили бы его окончательно напряженное состояніе и лихорадочное волненіе, не дававшія ему покоя во все утро того дня, когда дѣлали операцію маленькому Морису. Безъ матери и безъ ея тревогъ, которыя Фаганъ живо представлялъ себѣ, его сердце не замирало бы передъ опасностью операціи лишь отъ того, что такъ миль и ласковъ болѣзненный ребенокъ, что его прелестная болтовня, свойственная инымъ дѣтямъ, кажется отголоскомъ съ какой-то дивной планеты, гдѣ наивный языкъ служить для выраженія совсѣмъ не ребяческихъ понятій. Черезъ Анфима де-Фаганъ зналъ, насколько серьезна операція, — приходилось шить раздробленную колѣнную чашку, и въ рѣшительную минуту онъ осторожно ходилъ по комнатамъ, не будучи въ состояніи взяться за что-либо, напряженно прислушиваясь ко всякому шуму внизу, стараясь уловить крикъ или стонъ, точно дѣло касалось одной изъ его дочерей.

По временамъ онъ безпокойно останавливался у огня и машинально барабанилъ по стеклу судорожно вздрагивавшими пальцами. И вдругъ, среди порывовъ осенней бури, рвавшей клочья облаковъ и со свистомъ и трескомъ гнувшей старые вязы, онъ увидалъ ходящаго по аллеѣ человѣка лѣтъ тридцати пяти, сорока, коренастаго, краснолицаго, съ усами щеткой, затуагованаго въ военный сюртукъ. Незнакомецъ былъ, повидимому, встревоженъ, бродилъ безъ дѣла, какъ и онъ самъ, и тоскливо вглядывался въ окна высокой комнаты нижняго этажа, гдѣ происходила операція.

Замѣтилъ ли Режи одинъ изъ его отчаянныхъ взглядовъ, или его поразила видъ этого человѣка съ непокрытою головою, несмотря на бурю, точно онъ у себя дома, только де-Фаганъ вдругъ сообразилъ: «это отецъ... ея мужъ...» Въ этомъ не могло уже быть никакого сомнѣнія, когда мадамъ Гюленъ, въ длинномъ пеньюарѣ и съ небранною головою, однимъ прыжкомъ сбѣжала съ четырехъ ступеней крыльца и быстро подошла къ нему вся сіяющая. Она торопливо говорила ему что-то, — несомнѣнно, объ окончаніи операціи, объ ея удачномъ исходѣ, — и, въ то же время, поднимала руки, чтобы придержать волосы, разбиваемые вѣтромъ въ мелкіе локоны. Тогда, пользуясь этимъ чисто-женскимъ движеніемъ, незнакомецъ

хотѣлъ порывисто обнять ея стройный и гибкій станъ. Она отшатнулась, гнѣвно повторила два или три раза: «Нѣтъ... нѣтъ...» и, не оглядываясь, убѣжала въ домъ.

О, да, это мужъ, навѣрное... и, судя уже по одному жесту, которыми онъ пытался взять и обхватить эту женщину, мужъ еще молодой, пылкій, какъ въ день свадьбы. Эта мысль не выходила изъ головы у Фагана. Въ то время, какъ Анфимъ подавалъ завтракъ, онъ попробовалъ кое-что выспросить у слуги. А тотъ, по обыкновенію, не умѣлъ ни на что дать путнаго отвѣта... Рыжіе волосы? усы щеткой?... Нѣтъ, о такомъ онъ ничего не слышалъ. За то Анфимъ былъ неистощимъ въ разсказахъ объ операциіи со всѣми мельчайшими подробностями, сколько труакаровъ было, сколько губокъ, какъ испугались было, что неостанетъ хлороформа, какъ всѣ теряли головы и только мать оставалась спокойно, ободряла всѣхъ кругомъ... Впрочемъ, если надо узнать, такъ можно спросить у Анеты или у кухарки.

— Не смѣй ты этого дѣлать! — сказалъ Фаганъ, въ ужасѣ отъ бездны безобразій, которыя можетъ ему натворить этотъ идіотъ. Потомъ, затаивъ въ себѣ всѣ свои думы и печали, онъ отправился въ театръ Водевиля, гдѣ репетировалась его пьеса. Къ величайшей своей радости, на извозничьей станціи Пасси, гдѣ онъ взялъ экипажъ, Фаганъ увидалъ, какъ тотъ, кого онъ уже называлъ «шужемъ», съ легкостью юноши взбирался на имперіаль трамвая. Стало быть, онъ не остался до вечера у мадамъ Гюленъ. И въ этотъ день актеры говорили на репетиціи: «Сегодня нашъ авторъ въ превосходномъ настроеніи». А Режи, сидя въ своей авторской «квѣткѣ» авансены, въ большомъ былъ удовольствіи отъ собственнаго произведенія, точно оно было ему совсѣмъ незнакомо, и находилъ, что его актеры играютъ «какъ настоящіе ангелочки».

За то каково же было разочарованіе по возвращеніи домой, когда Анфимъ, съ блаженнымъ и гордымъ видомъ отъ того, что все разузналъ, началъ ему докладывать:

— А тотъ-то господинъ, о которомъ вы спрашивались, что съ открытою головой ходилъ по саду...

— Ну, да, и что же?

— Должно быть, какой-нибудь близкій родственникъ хозяйки... только что вернулся и обѣдаетъ у нея... нѣтъ ничего мудренаго, что и ночевать останетъся, такъ какъ Анета...

— Да мнѣ-то что за дѣло: обѣдай онъ, ночуй тамъ...

Бѣдняга Фаганъ! Ему «дѣла» было такъ мало, что онъ до обѣда своего не дотронулся, во весь вечеръ не могъ ни за что принять-

ся, ни даже за книгу, только и было у него въ головѣ: «Останется ли этотъ человѣкъ?...» А если останется, то какъ допустить, что мужъ,— Фаганъ уже не сомнѣвался въ томъ, что это мужъ,— что мужъ такой обворожительной женщины станетъ спокойно сидѣть съ нею рядкомъ, и что сама она, въ радости отъ того, что удалась операція, что ребенокъ спасенъ, не проститъ отцу всѣхъ его винъ?

И онъ блѣднѣлъ отъ злости,—онъ, отнесшійся такъ спокойно къ замужству своей жены съ Ла-Постеролемъ. Да, вѣдь, ту-то, жену, онъ не любилъ, а Полину Гюленъ онъ обожаетъ. Въ этомъ нѣтъ уже сомнѣннйя.

Что же дѣлать? Оставаться въ этомъ домѣ? Сохранить прежннй дружескнй отношеннй?... Онъ изстрадался бы жестоко, доказательствомъ тому служили болѣзненно-учащенные удары его сердца. Придется, стало быть, уѣхать, разстаться съ тихимъ прнюткомъ, гдѣ такъ легко работается, и съ спокойными, длинными вечерами, и съ милымъ сосѣдствомъ матери и ея сынишки...

Его думы были прерваны какимъ-то необычнымъ шумомъ внизу: слышались торопливые шаги, неясный гулъ рѣзкаго спора, учащенные звонки, стукъ опрокидываемой въ борьбѣ мебели, гнѣвные крики мужскаго голоса... Съ первыми тревожными звуками Фаганъ вскочился съ кресла и выбѣжалъ на темную лѣстницу. Почти тотчасъ же отворилась дверь нижняго этажа; вышла человѣкъ, взбѣшенный до изступленнйя; ему свѣтила Анета, держа лампу трясущимися руками. На порогѣ подъѣзда незнакомецъ обернулся, грозя поднятыми кулаками, разразился неистовою руганью и выбѣжалъ на бульваръ, хлопнувши дверью со всего размаха. Служанка поспѣшила на-крѣпко запереть ее, задвинуть засовомъ.

Фаганъ растерянно стоялъ на лѣстницѣ нѣмымъ свидѣтелемъ этой сцены, не зная, на что ему рѣшиться. Вдругъ, поддавшись неудержимому влеченнйю, онъ сбѣжалъ внизъ и очутился въ гостиной, гдѣ мадамъ Гюленъ, съ разбившеюся косой и съ блуждающимъ взглядомъ, опустившись на край дивана, все еще не могла придти въ себя отъ разыгравшейся драмы. Комната была освѣщена только вспыхивающимъ пламенемъ дровъ въ каминѣ.

— Войдите, войдите,—проговорила она, протягивая ему ледяныя, нервно вздрагивающнйя руки.

— Вы звали... Я пришелъ,—прошепталъ онъ.

Она продолжала еще тише:

— О, да, я такъ испугалась.

Чтобы не смущать ее нескромными вопросами, онъ ограничился двумя словами:

— Что Морисъ?

— Онъ спитъ... спитъ мой милый мальчикъ... Какъ хорошо, что не проснулся, хлороформа дали много.

— Стало быть, операція была удачна?

— Удачнѣе, чѣмъ можно было ожидать.

Вошла Анета и залила гостиную веселымъ свѣтомъ лампы.

— Не бойтесь, не вернется, цѣпь заложила и задвинула за-совомъ...—и, увидавши сосѣда, она прибавила:—Э, да и мосье де-Фаганъ здѣсь... О, теперь мы спокойны!

Когда служанка вышла, Полина Гюленъ придвинула свое кресло къ столу, сдѣлала Фагану знакъ сѣсть по другую сторону и, вполне овладѣвши собой, быстро оправила волосы и складки своего скромнаго шерстянаго пеньюара съ пушистымъ кружевомъ.

— Вамъ бы въ голову никогда не могло придти, кто этотъ человекъ... вотъ, что вышелъ отсюда...

— Вашъ мужъ, полагаю.

— Вы это знали?

— Предпочиталъ бы отъ васъ узнать.

— Слушайте,—сказала она.

И на томъ же самомъ мѣстѣ, при такомъ же лаѣ сторожевыхъ собакъ, при такомъ же потрясающемъ грохотѣ поѣздовъ желѣзной дороги, опоясывающей городъ, въ томъ же уютномъ маленькомъ салонѣ, гдѣ Фаганъ рассказывалъ ей о своей печальной семейной жизни, онъ выслушалъ повѣсть о ея страданіяхъ.

Выданная замужъ въ Гавръ, десять лѣтъ назадъ, за офицера морскаго комиссаріата, черезъ четыре года она уже была вынуждена разойтись съ нимъ. И какое же терпѣніе надо было имѣть, чтобы прожить четыре года съ подобнымъ человекомъ! Не золь онъ,—нѣтъ, не кутила, не игрокъ, а такихъ куда какъ много въ безобразно-шумныхъ морскихъ портахъ. Но онъ до того ревнивъ, такъ грубъ и дикъ во время припадковъ ревности, повторявшихся ежедневно, что ни предупредить, ни ослабить такихъ вспышекъ ничто не могло, никакія предосторожности самой скромной и совсѣмъ не кокетливой жены. Если она танцевала на балѣ, дома ждетъ ее сцена, и какая сцена!... за ея туалетъ, всегда, впрочемъ, обривизованный имъ при отъѣздѣ,—причемъ требовалось, чтобы шея была прикрыта подъ-душу, рукава удлинены до локтей,—за то, какъ она себя держитъ, какъ вальсируетъ, какъ кланяется... Если она не танцуетъ, опять ссора: жена выставляетъ на посмѣшище его ревность, а сама разыгрываетъ роль жертвы, сидя въ сторонѣ...

О, съ какимъ страхомъ ждала эта бѣдная жена официальныхъ правдствъ, на которыя онъ тащилъ ее непремѣнно! Его подозрительность не ограничивалась лишь тѣмъ, что происходитъ въ обществѣ, на вечерахъ. Днемъ она должна дать отчетъ въ томъ, гдѣ была, да въ точномъ порядкѣ, со всѣми подробностями, кого гдѣ встрѣтила. Супружескій контроль преслѣдовалъ ее до сокровенныхъ тайничковъ ея души, добирался до ея думъ и чувствъ. «Ты о чемъ думаешь? Отвѣчай, живо!» Онъ даже сновъ не оставлялъ въ покоѣ. Если и ничего не видала во снѣ, все равно, надо было рассказывать, подъ вѣчнымъ страхомъ бѣшеныхъ взрывовъ, если онъ не фигурировалъ въ сновидѣннн, такъ какъ лгать она не хотѣла.

За всѣ четыре года, прожитые съ этимъ человѣкомъ, она не помнитъ ни одной ночи, что обошлась бы безъ слезъ, безъ криковъ, оскорбленнй и неистовствъ, до которыхъ доводила этого несчастнаго его болѣзненная фантазія. Потому онъ валялся въ ногахъ, рыдалъ, умолялъ о прощеннн.

— Четыре года я прощала и, быть можетъ, изъ гордости, изъ жалости или изъ-за стыда, а также и ради нашего ребенка, я терпѣла бы и дольше. Но разъ вечеромъ, — тутъ ея голосъ упалъ, сдѣлался грубѣе, сталъ неузнаваемымъ, — разъ вечеромъ, въ порывѣ бѣшенства, онъ дошелъ до такой низости, что заподозрилъ, будто Морисъ не его сынъ, вырвалъ у меня ребенка и такъ швырнулъ его на полъ, что... О, бѣдное мое дитя!... Съ этого дня, какъ онъ ни просилъ, сколько ни плакалъ, какъ ни угрожалъ убить себя и меня тоже убить, я перестала быть его женой, потребовала формальнаго прекращенн сожительства, и мое требованн удовлетворено судомъ. Я тотчасъ же покинула Гавръ, взяла ребенка и переѣхала въ Парижъ къ моей матери, вдовѣ, которая уже нѣсколько лѣтъ жила въ этомъ домѣ. По ея желанн, по ея совѣту, въ этой мѣстности и въ нашемъ кругу я выдала себя также за вдову. Старое парижское общество сохраняетъ нѣкоторое предубѣжденн противъ разведенной женщины, смотреть на нее подозрительно, тѣмъ болѣе, что, безъ особенныхъ справокъ, никому неизвѣстно, которая сторона признана судомъ виновною. По мнѣнн моей доброй мамы, такая предосторожность въ особеннсти пригодится мнѣ, когда ея не будетъ въ живыхъ и я останусь одна. И я должна сказать, что на самомъ дѣлѣ мое мнимое вдовство помогало мнѣ во многихъ случаяхъ...

Фаганъ сдѣлалъ отрицательное движенн головой, какъ бы намѣреваясь возражать, но тотчасъ же заговорилъ о томъ, что его волновало:

— Вы не воспользовались, стало быть, предоставленными вамъ закономъ правами, если вашъ мужъ возвращается въ вамъ?

— Сегодня онъ явился ко мнѣ въ первый разъ, — отвѣтила мадамъ Гюленъ, не опуская глазъ.

— Каждый годъ перваго января Анета сообщаетъ ему о нашемъ житьѣ, но до нынѣшняго дня мы съ нимъ никогда не видались. И я вызвала его сюда не столько по случаю этой операции, которая могла быть опасною, сколько изъ-за одного пункта освободившаго меня судебного рѣшенія. Да, совѣтникъ де-Мальвиль...

— Мальвиль?... вагнеріянецъ моей супруги?

— Тотъ самый... Онъ былъ тогда предсѣдателемъ суда въ Гаврѣ и, въ качествѣ такого же яростнаго музыканта, какъ мой мужъ, состоялъ въ одномъ съ нимъ квартетѣ. Такъ вотъ, постановляя въ мою пользу приговоръ о разлученіи, — рѣшить иначе не было никакой возможности, — онъ предоставилъ отцу право руководить воспитаніемъ сына, начиная съ десятилѣтняго возраста до окончанія его образованія. Морису скоро минетъ десять лѣтъ, и при мысли, что у меня отнимутъ его, отдадутъ куда-нибудь далеко въ учебное заведеніе, мое сердце разрывалось на части... А онъ, мой бѣдный мальчикъ, такъ боится этого, что каждую ночь кричитъ отъ страха. Я просила вызвать мужа въ надеждѣ, что онъ сжалятся надъ несчастнымъ страдальцемъ и оставятъ его на моемъ попеченіи дольше установленнаго срока. Утромъ я подумала, что мнѣ удастся это, когда увидала волненіе отца, едва осмѣлившись поцѣловать спящаго ребенка, полу-мертваго, безъ кровинки въ лицѣ отъ хлороформа. Вечеромъ онъ пришелъ опять, сказавъ, что хочетъ провести ночь здѣсь въ гостиной, присматривать за Морисомъ, если я слишкомъ утомлюсь. Онъ говорилъ такъ мягко, клялся оставить мнѣ сына насколько я хочу времени... Такъ хорошо звучалъ голосъ нѣжнаго отца, и только... Ему приготовили тутъ постель, видите; я пошла къ сыну, оставивши дверь полуотворенною... И вдругъ этотъ негодяй... и безъ моего отказа, безъ отчаяннаго сопротивленія...

— Мерзавецъ! — проговорилъ Фаганъ поблѣднѣвшими губами. Но ея раздраженіе подѣйствовало на него успокоительно.

— О, я почувствовала, что ко мнѣ вернулась вся ненависть къ нему, и сама я не знаю, откуда взялась сила оттолкнуть его, выгнать, угрожая, что я весь домъ созову на помощь. И теперь уже клянусь, что человекъ этотъ никогда больше не подойдетъ близко ни ко мнѣ, ни къ моему ребенку!

— Относительно себя вы на это имѣете законное право, что касается ребенка...

— Пока ему минетъ десять лѣтъ, у меня въ распоряженіи еще три мѣсяца. Если въ эти три мѣсяца его колѣнга не излечится, я рассчитываю получить отъ суда отсрочку. Если же онъ выздоровѣетъ, или же если отецъ прибѣгнетъ къ пріятельской помощи своего Мальвиля, тогда я заберу моего мальчика, убѣгу съ нимъ, спрячусь на краю свѣта.

Тревожное молчаніе, очень долгое, послѣдовало за этою угрозою бѣгствомъ и разлукой, которая, казалось, уже мысленно удаляетъ ихъ другъ отъ друга. Вдругъ Режи де-Фаганъ сказалъ, какъ бы думая вслухъ:

— Въ сущности, почему бы не развестись? Послѣ того перваго рѣшенія суда въ вашу пользу ничего не можетъ быть легче...

— А какая отъ этого выгода?

Онъ сильно поблѣднѣлъ.

— Выгода та, что вы получите право выйти замужъ и въ чловѣкъ, который васъ полюбитъ, найдете защитника для Мориса и для себя.

— Еще разъ замужъ!... О, я довольно уже, смѣю думать, научена опытомъ, что такое замужство... Бъ тому же, вся моя семья—ревностные католики... моя покойная мать считала разводъ тяжелымъ грѣхомъ, и сама я, воспитанная въ тѣхъ же понятіяхъ... А кстати,—оборвала она вдругъ,—что ваша жена? видѣли вы ее? Я забыла васъ спросить.

— Видѣлъ.

— Не волновались?

— Нисколько, точно встрѣтилъ на перекресткѣ бывшую когда-то любовницу.

— И вотъ что случилось съ бракомъ по милости развода!—прошптала Полина Гюленъ, и легкій румянецъ залилъ ее лицо при извѣстіи, что Режи такъ равнодушно относится къ своей женѣ.—А она? Увѣрены ли вы въ томъ, что и вы ее не взволновали? Предположенія о новомъ замужествѣ остаются въ той же силѣ?

— Болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Только заручившись увѣренностью въ томъ, что мои дочери не уѣдутъ изъ Парижа, я въ восторгѣ отъ этого брака, такъ какъ онъ еще болѣе удаляетъ отъ меня эту женщину и дѣлаетъ невозможнымъ какое бы то ни было сближеніе... И посудите, насколько мое положеніе лучше вашего. Представьте себѣ, что развелись и вы; Гюленъ могъ бы вторично жениться, обзавестись новою семьей, и тогда, по всей вѣроятности, онъ оставилъ бы васъ обоихъ въ покоѣ.

— Да, вы правы,—сказала она задумчиво,—вы совершенно правы... только я никогда не разведусь... Это невозможно, невозможно!

V.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней афиши театра Водевиля сообщали, что «въ непродолжительномъ времени» будетъ дана новая пьеса де-Фагана. О ней говорили въ театрахъ, въ клубахъ, на приѣмахъ свѣтскихъ женщинъ, въ министерскихъ канцеляріяхъ, въ кафе бульваровъ, и на столъ моднаго драматурга уже сыпались просьбы о билетахъ на первое представленіе въ такомъ множествѣ, что желающими ихъ получить можно было наполнить театръ нѣсколько разъ.

Въ воскресенье, когда только что вошли его дочери, онъ, смѣясь, показалъ имъ принесенную почту, невообразимое число требованій этого рода.

— Знаешь, папа, — живо сказала Нина, — мама желала бы имѣть ложу на генеральную репетицію.

— Охотно дамъ, — отвѣтилъ Фаганъ, слегка хмурясь, какъ и всякій разъ, когда онъ заговаривали о своей матери, — съ однимъ условіемъ, впрочемъ: я хочу, чтобы въ этотъ вечеръ вы были со мною, а не съ ней.

Роза, въ простотѣ сердечной, готова уже была сказать: «Нѣтъ ничего проще», но остановилась, встрѣтивши взглядъ сестры. А Нинета вздернула носикъ и возразила:

— Милый папа, ты не подумалъ о томъ, что каждую минуту во всю твою репетицію тебя будутъ требовать на сцену, за кулисы, и тогда мы будемъ оставаться совсѣмъ однѣ.

— Объ этомъ я подумалъ, — сказалъ Фаганъ, — мы попросимъ съ собою мадамъ Гюлень.

— Мадамъ Гюлень?... Никогда въ жизни!

И Роза, — кроткая, хорошенькая Роза, — вскочила и проговорила это обрывающимся голосомъ, съ искаженнымъ лицомъ. Нѣтъ, не бывать этому, и думать нечего... Ни за что въ мірѣ она не покажется въ обществѣ съ этою особой.

Отецъ не разсердился, а лишь старался сдержать улыбку, такъ какъ узналъ свою кровь, свою породу, весь свой островъ въ этой вспышкѣ колониальной бури.

— Эта особа, какъ ты говоришь, милое мое дитя, — женщина, достойная полнаго уваженія, и я не знаю, кѣмъ и съ какою цѣлью ты такъ настроена противъ нея. Къ тому же, какъ могла ты подумать, — ты, моя большая, нѣжно любимая Роза, — что вашъ отецъ допустить, въ обществѣ ли, дома ли, близость съ вами такой женщины, которая не была бы олицетвореніемъ безупречности?

Роза не уступала:

— Это ужь какъ тебѣ угодно, только я и моя сестра предпочтемъ отказаться отъ твоей репетиціи, чѣмъ быть на ней съ этою...

Онъ не далъ ей договорить:

— Пусть такъ и будетъ, мои дѣти. Моя репетиція безъ вас обойдется. А за симъ, не имѣя никакого основанія приглашать будущую мадамъ Ла-Постероль, я прошу васъ предупредить ее, чтобы на ложу она не рассчитывала.

Онъ и злился-то больше на мать, такъ какъ отлично угадывалъ, что именно она даетъ постоянную пищу ревности Розы. И на самомъ дѣлѣ, мадамъ Раво за всѣмъ слѣдила черезъ Нинету, тщательно подмѣчавшую своими вѣчно подстерегающими глазками ищущую возрастающую интимность между Фаганомъ и его сестрой, и по-своему пользовалась всякими мельчайшими подробностями. Такъ, она знала, что маленькому Морису все еще запрещено какое бы то ни было движеніе; на прогулку его возили, уложивши въ колясочку, и Фаганъ часто каталъ его въ этой колясочкѣ отъ усыпанной пескомъ площадки передъ домомъ до тѣснаго круга подъ старыми вязами или переносилъ его на рукахъ. Дѣлать это могъ только Фаганъ, осторожно поднимавшій бѣднаго маленькаго калѣку, выросшаго за время болѣзни, склонявшаго блѣдую бѣдную головку на плечо своего задушевнаго друга. Когда Нинета передавала такія нѣжныя сцены, мать, хорошо знавшая слабости обѣихъ дочерей, обращалась къ гувернанткѣ, своей всегдашней повѣренной, и говорила настолько громко, чтобы слышали дѣти:

— Вотъ увидите, онъ усыновитъ этого ребенка и оставитъ моимъ бѣднымъ дѣвочкамъ лишь то, чего не можетъ у нихъ отнять.

Съ тѣхъ поръ мадемуазель Нинета, дѣвица очень юная, но весьма расчетливая, возненавидѣла маленькаго Мориса и настолько этого не скрывала, что ребенокъ уже не смѣлъ просить ее поиграть съ нимъ и даже не поднималъ глазъ къ окну, у котораго онъ прежде поджидалъ ее. Относительно Розы, которую нисколько не занимали денежные вопросы, велась другая тактика. Очень пыкая и, въ особенности, страшно ревнивая, она изъ себя выходила при мысли, что посторонняя женщина занимаетъ въ сердцѣ отца такое же мѣсто, какъ она. Одно, впрочемъ, нравилось ей въ г-нѣ Гюленъ, это ея религіозность, препятствовавшая ей развестись, несмотря на то, что въ супружествѣ она очень несчастлива. Молодая дѣвушка, сохранившая отъ пребыванія въ монастырѣ запасъ религіозности, находила это очень хорошимъ и высказывала это въ присутствіи своей матери.

— Ну, еще бы... — насмѣхалась мадамъ Раво, а съ нею вѣсть

мадемуазель, протестантка-англичанка.—Знаемъ мы этихъ святошъ... ихъ религія не дозволяетъ разводиться, но только это она намъ и не дозволяетъ.

А мадемуазель Роза, настоящая современная парижанка, очень смышленная въ своемъ невѣдѣніи, отлично понимала значеніе этихъ словъ и была убѣждена въ томъ, что Полина Гюленъ любовница ея отца. Вотъ почему ее такъ возмущало предложеніе быть съ нею въ одной ложѣ.

Испорчено еще одно воскресенье, одно изъ тѣхъ хорошихъ воскресеній, когда отецъ привозилъ лакомства со всѣхъ концовъ Парижа, припоминалъ меню изысканныхъ ужиновъ, чтобы устроить праздникъ дочерямъ, убиралъ столъ рѣдкими цвѣтами, изящнымъ остроуміемъ и живостью бесѣды старался занимать милыхъ дѣвочекъ, на сближеніе съ которыми ему давали такъ мало времени.

На этотъ разъ ему стало на нихъ досадно, и такое необычное его недовольство, повидимому, оправдывало клеветы г-жи Раво. Какъ же бы иначе могла сосѣдка забрать такую власть надъ отцомъ, склоннымъ быстро поддаваться и привыкшимъ къ подчиненію! Онъ смотрѣлъ на восхитительные туалеты, служившіе рамками обозленнымъ маленькимъ мордочкамъ, и припоминалъ многочисленныя жертвы, принесенныя ради нихъ, — въ особенности послѣднюю, совершенно неразсчетливую прибавку содержанія. Въ то же время, изъ сада доносился скрипъ по песку маленькой колясочки и слышался голосъ милой и безподобной Полины Гюленъ. Онъ зналъ, насколько тяжело ей и горько, и его возмущало жестокосердіе его дочерей въ отношеніи этой несчастной женщины.

Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ установились ихъ двухнедѣльные воскресныя свиданія, Режи и его дочери не знали, какъ дотянуть имъ этотъ день до конца, и Анфимъ отвезъ Розу и Нинету домой ранѣе обычнаго часа.

— Позвольте мнѣ пообѣдать у васъ, — попросилъ бѣдняга отецъ свою сосѣдку, и когда онъ передалъ ей причину своей размолвки съ дочерьми, то, вмѣсто благодарности, получилъ только упреки:

— Какъ можете вы ставить имъ въ вину ихъ ревность къ Морису и ко мнѣ? Вѣдь, это же такъ естественно, мой добрый другъ... Начать съ того, что на вашу репетицію я не поѣду. Я не могу оставить моего больнаго, и какъ ни преданна намъ Анета, я не довѣрю ей моего мальчика на цѣлый вечеръ. Къ тому же, и на душѣ слишкомъ тяжело, и много еще горя впереди. Подумайте только, я до того дошла, что готова почти желать, чтобы мой ребенокъ остался калѣжкой... Ужасъ какой! А выздоровѣетъ онъ, и отецъ отниметъ его у меня... А вы хотите, чтобы я въ театрѣ ѣхала, пыта-

лась бы развлечься! Нѣтъ... берите съ собою дочерей, пусть онѣ будутъ съ вами, въ вашей ложѣ... А когда вернетесь, приходите и расскажите мнѣ, довольны ли вы, хорошо ли идетъ ваша пьеса. Я буду ждать васъ, общаю вамъ это.

А такъ какъ все, что она говорила, было искренно, выливалось изъ глубины ея души, съ спокойною и неострашимою силою волны морскаго прилива, то ея другъ повѣрилъ ей и исполнилъ все, какъ она сказала.

Въ вечеръ генеральной репетиціи мадамъ Рава, въ сопровожденіи своего жениха, Ла-Постероля, и одного хорошаго знакомаго, вошла въ ложу авансены съ видомъ женщины, привыкшей къ торжествамъ первыхъ представленій. Въ то же время, авторъ пьесы усаживалъ въ бенуаръ своихъ двухъ дочерей, съ ихъ англичанкой деревянной подѣлки. Зала имѣла фантастическій видъ, при половинномъ освѣщеніи, едва дававшимъ возможность разсмотрѣть тамъ и сямъ, въ разныхъ этажахъ, группы тихо разговаривающихъ тѣней, — критиковъ, пріятелей автора, записныхъ театраловъ, модистокъ, портнихъ, одѣвальщицъ изъ уборныхъ... Отъ времени до времени, въ залитыхъ огнями корридорахъ мелькали розовыя ленты служительницъ, отворявшихъ двери.

— Ну, какъ? Дѣло идетъ, кажется, — шепталъ де-Фаганъ, наклоня къ сіявшимъ отъ восторга дочерямъ лицо приговореннаго къ смерти, съ помутившимся взглядомъ, съ посинѣвшими губами, точно онъ ставилъ пьесу въ первый разъ въ жизни.

— Идетъ ли!... Да ты послушай только... — отвѣчала Нинета, не переставая аплодировать по окончаніи втораго акта, вызвавшаго со стороны всѣхъ разсѣянныхъ въ залѣ группъ настоящую, единодушную овацію. На глазахъ Розы блестяли слезы. Мадамъ Рава, освѣщенная рампой, высовывалась изъ ложи, приходила въ восторгъ, ни мало не стѣсняясь своимъ фальшивымъ положеніемъ, хлопала вѣеромъ и кричала тономъ знатока: «А, очень хорошо... вотъ это прелесть!...» И актерамъ на сценѣ она посылала пріятельскія одобрительныя улыбки, такъ что можно было подумать, будто она все еще остается женою автора.

Жена автора въ тотъ вечеръ, когда его пьеса имѣетъ успѣхъ, — какъ вздувается отъ этого женское тщеславіе! Можно быть увѣреннымъ, что ея Ла-Постероль никогда не доставитъ ей подобнаго самоуслажденія, ни ея дочерямъ тоже... Такъ думалъ Режи де-Фаганъ, и для полноты его триумфа недоставало лишь одного — присутствія Полины Гюленъ въ полумракѣ его бенуара, ея бодрящей улыбки, ея тихаго сочувствія.

Послѣ третьяго акта, — всѣхъ было четыре, — пьеса поднимаетъ

лась все выше. Фаганъ, упоенный восторгомъ, которымъ люди никогда не пресыщаются, хотѣлъ и дочерей сдѣлать участницами торжества, чтобы дать ихъ тщеславію неизгладимое изъ памяти наслажденіе. Онъ отворилъ дверь ложи и при нихъ принималъ своихъ друзей, а также директоровъ провинціальныхъ театровъ, странствующихъ антрепренеровъ, иностранныхъ корреспондентовъ, спѣшившихъ перевести и поставить на заграничныхъ сценахъ новое произведеніе чествуемаго автора. Въ то же время, появлялись для его дочерей коробки конфетъ и цвѣты, со всѣхъ сторонъ рукопожатія, привѣтственные возгласы изъ корридора. Роза и Нинета, рѣшительно ошеломленные успѣхомъ отца, получили свою долю участія въ его торжествѣ,—такія обѣ хорошенькія, каждая по-своему миловидная: меньшая съ живыми, плутовскими глазами на свѣженькомъ личикѣ, старшая—томная и мечтательная, при яркомъ освѣщеніи матово-блѣдная, какъ креола.

— Мои дочери,—говорилъ Режи гордо.

И на этихъ двухъ парижаночекъ въ прелестныхъ платьяхъ и шляпкахъ на-диво заглядывались всѣ бывшіе тутъ бульвардѣ, журналисты и биржевики съ темпераментомъ игроковъ и говорили другъ другу:

— Съ такими-то фетишами... не мудрено, что ему везетъ!

Вдругъ толпа восторженно привѣтствовавшихъ сіяющаго автора разступилась передъ дамой въ туалетѣ, бьющемъ на эффектъ. Это мадамъ Раво стремительно рванулась впередъ, пожала руку Режи, по-мужски, по-товарищески, проговорила: «Вотъ это хорошо, милый мой Фаганъ, это очень хорошо!...» обмѣнялась улыбкой счастья съ дочерьми и прошла дальше, вызвавши изрядное недоумѣніе такою слишкомъ демонстративною и непредвидѣнною выходкой, подавшею поводъ къ различнымъ заключеніямъ. Одни видѣли въ этомъ простой порывъ, необдуманное выраженіе восторга женщиной, увлекающейся искусствомъ до забвенія стѣснительныхъ, условныхъ приличій. Другіе, и въ ихъ числѣ Фаганъ, безошибочно распознали приемъ извѣстнаго сорта модныхъ дамъ, гонящихся за рекламой, сующихся всюду «на-показъ» во что бы то ни стало и выкраивающихъ себѣ роль въ какой бы то ни было пьесѣ, гдѣ имъ нѣтъ и мѣста.

«Вотъ это хорошо, милый мой Фаганъ!»—и онъ одинъ хохоталъ надъ этою фразой, усадивши дѣтей съ гувернанткой въ карету и направляясь домой пѣшкомъ, чтобы успокоить лихорадочно-растрепанные нервы на зимнемъ холодѣ чудесной яркой ночи. И передъ нимъ проносились совсѣмъ иного рода воспоминанія о томъ,

какъ, бывало, онъ возвращался съ женою изъ театра послѣ неудачной пьесы. Какъ эта женщина злилась на него тогда, какими злораднымъ смѣхомъ издѣвалась она надъ пьесой и надъ авторомъ! Съ какими презрительнымъ пожиманіемъ плечъ относилась она къ не покидавшимъ еще его надеждамъ! А затѣмъ, поутру, когда приносили газеты, изъ кучи неодобренныхъ, придирчивыхъ и язвительныхъ отзывовъ она выбирала самый худшій, чтобы показать ему наиболѣе рѣзкую строчку, наиболѣе оскорбительную фразу. А, негодный для сожителства товарищъ! Восторгайся теперь сколько угодно, аплодируй своему милому Фагану, а онъ очень доволенъ, что возвращается домой одинъ, твой Фаганъ, что свободенъ онъ подъ этимъ небомъ, усѣяннымъ звѣздами, и что злишься ты, навѣрное, до бѣшенства доходишь отъ предстоящаго успѣха, несомнѣннаго, обезпечивающаго такой доходъ, какого въ твое время никогда не бывало.

Нѣсколько недѣль спустя послѣ перваго представленія пьесы, когда имя автора красовалось еще на афишахъ, а его портреты—въ витринахъ, въ газетахъ появилось извѣстіе о бракосочетаніи съ блестящею обстановкой въ меріи улицы Друо г. Ла-Постероля, режетмейстера совѣта министровъ, съ г-жею Раво. У новобрачныхъ свидѣтелями были два министра, у его супруги—два академика, изъ которыхъ одинъ исполнялъ ту же обязанность при ея первомъ замужствѣ, лѣтъ восемнадцать назадъ. Слѣдовало перечисленіе молодыхъ женщинъ, присутствовавшихъ на свадьбѣ, описаніе ихъ туалетовъ. По окончаніи церемоніи былъ приемъ у новобрачныхъ въ ихъ квартирѣ улицы Лафитъ.

— Скажите по правдѣ,—спрашивала мадамъ Гюленъ своего жильца, пришедшаго къ ней въ этотъ вечеръ,—не случилось ли немножко ваше сердце отъ того, что произошло сегодня?

Онъ поглялъ, что нѣтъ, потомъ, нѣжно глядя на нее, сказалъ: — О, какъ бы желалъ я видѣть васъ тоже свободно... Конечно, пока я все еще лишенъ моихъ дочерей, но вы увидите, что мадамъ Ла-Постероль будетъ менѣе точно держаться судебного рѣшенія, чѣмъ мадамъ Раво, и мои дѣвочки станутъ бывать у меня чаще... Разводъ и только разводъ, другой развязки нѣтъ.

Она отрицательно качала головой съ грустною улыбкой ничѣмъ непоколебимаго убѣжденія.

Факты, однако, казалось, подтверждали справедливость мнѣнія Режи. Роза и Нинета пріѣзжали чаще на бульваръ Босежуръ и не ограничивались уже однимъ воскресеньемъ въ двѣ недѣли. То старшая сестра, то меньшая, при выѣздахъ куда-нибудь съ гувернант-

кою, забѣгали невзначай и проводили у отца часъ или два. Если Роза продолжала еще сторониться отъ сосѣдей, за то Нинета сама первая высказывала желаніе сойти въ садъ и побѣгать съ маленькимъ Морисомъ, начинавшимъ уже обходиться безъ костылей.

— Какъ ни смѣшно это, — говорилъ дурковатый Анфимъ старшей кухаркѣ нижнихъ жильцовъ, — а изъ головы у меня не вынешь увѣренности, что прежняя мадамъ моего мосье подсылаетъ дочерей шпионить за нимъ на счетъ вашей хозяйки.

Немного требовалось проницательности, чтобы понять это. Но Режи де-Фагенъ, мастеръ все ловко подмѣчать и изображать людей, подобно многимъ своимъ собратьямъ, всю силу своей острой наблюдательности и тонкаго анализа отдавалъ своему литературному дѣлу и въ обрѣзъ удерживалъ для житейскаго обихода лишь безусловно необходимую долю простой разсудительности. А потому онъ и не замѣчалъ постоянного наблюденія за нимъ и за Полиной Гюленъ, за ихъ взаимными отношеніями, и не могъ подозрѣвать, что дѣлается это съ извѣстною, опредѣленною цѣлью, которая скоро должна была выясниться.

Разъ утромъ, когда онъ довольно рано усаживался за работу, къ нему вошла Нинета. Вуалетка плотно затянута, прикрываетъ лукавые глазки, вздернутый носикъ покраснѣлъ отъ холода, одна рука въ карманѣ кофточки, другая помахиваетъ зонтикомъ. Всей фигуркѣ — что-то задорное и плутовское, что ее старить и подчеркиваетъ сходство съ матерью. Дѣвочка окинула взглядомъ кабинетъ и, удостовѣрившись, что они одни, заговорила:

— Съ нами случилась пренепріятная вещь, милый напа. Представь себѣ, кузенъ, — онъ обѣ продолжали такъ называть Ла-Постероля, — назначенъ префектомъ въ Борсику.

— И онъ принялъ назначеніе? — закричалъ Фаганъ, откидывая кресло однимъ толчкомъ своихъ длинныхъ ногъ на два метра отъ стола.

Маленькая шляпочка, отдѣланная сверкающими перьями гималайскаго фазана, навлонилась, одѣлала утвердительный знакъ, что — да, кузенъ принимаетъ.

— И ваша мать соглашается? Не помнитъ развѣ она нашихъ условій?

О, съ какимъ достоинствомъ, съ какою важною Нинета отвѣтила:

— Наша мать вынуждена принести эту жертву будущности своего мужа... Аячю, какъ префектура, считается лишь второклассною, но для кузена въ его лѣта положеніе, все-таки, великолѣпное.

Нинета была восхитительна. Сидя на краю низкаго кресла, она водила зонтикомъ по узору ковра и изподтишка поглядывала на отца, стараясь уловить впечатлѣніе, произведенное ея словами. Онъ сообразилъ, что ее прислали, вмѣсто старшей сестры, слишкомъ наивной и простодушной, потому что хотѣли отъ него добиться кое-чего, очень важнаго. Краска гнѣва бросилась ему въ лицо передъ этою предательски-хитрою дѣвчонкой, взорвавшею его такъ, какъ будто тутъ была сама его прежняя супруга.

— Ну, и пусть мадамъ Ла-Постероль отправляется за своимъ мужемъ хоть на край свѣта! Мнѣ до этого нѣтъ дѣла... Но мнѣ общались, мнѣ влялись, что мои дочери не уѣдутъ изъ Парижа... И этого никогда вамъ отъ меня не добиться!

Свои слова онъ подерѣпилъ сильнымъ ударомъ кулака по столу, энергичнымъ движеніемъ, всего чаще обличающимъ слабость человѣка, его неспособность къ упорному сопротивленію. Мадемуазель Нинета очень спокойно объяснила ему, что ея мать не только не желаетъ увозить ихъ, но предупредила ихъ даже, что помѣстить обѣихъ въ тотъ же монастырь, гдѣ онѣ были, съ дозволеніемъ имъ отпуска по воскресеньямъ два раза въ мѣсяцъ.

— Только, видишь ли, милый папа, — изъ-подъ вздрагивающихъ рѣсницъ, крадучись, косились зоркіе глазки, — намъ было бы очень тяжело обѣимъ покинуть маму, и мы обращаемся къ тебѣ съ просьбой, одну изъ насъ, Розу или меня, какъ тебѣ угодно будетъ, оставить съ мамой, что тѣмъ болѣе возможно, что пребываніе кузена въ Аяччіо будетъ очень непродолжительно, министръ уже общалъ ему...

Тоненькій голосокъ щебеталъ и заливался, какъ пѣсенка жаворонка, все выше и быстрѣй. Закрой глаза Режи, и ему могло бы показаться, что все это происходитъ лѣтъ десять назадъ, что распѣваетъ мадамъ де-Фаганъ и что онъ вынужденъ, покорно склонить голову передъ неудержимымъ многословіемъ и несокрушимымъ упорствомъ своей жены.

— Тамъ видно будетъ, я подумаю, — сказалъ онъ, вставая.

— Дѣло, однако, въ томъ, что время не ждетъ, — дня черезъ три назначеніе кузена будетъ объявлено въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*.

— Хорошо, дитя мое, хорошо... завтра утромъ вы получите мой отвѣтъ.

М. Ремезовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Протекціонизмъ и сельское хозяйство.

I.

Не можетъ быть сомнѣнія, что экономическій кризисъ, переживаемый въ нынѣшнемъ году значительною частью нашего населенія, долженъ послужить для насъ во многихъ отношеніяхъ весьма поучительнымъ урокомъ. Съ этой послѣдней точки зрѣнія кризисъ усердно обсуждается теперь представителями всѣхъ существующихъ у насъ политическихъ и экономическихъ направлений. Но выводы отъ сопоставленія причинъ и слѣдствій при подобномъ обсужденіи очень часто поражаютъ своею неожиданностью. Въ числу такого рода неожиданныхъ выводовъ нужно отнести и заявленія нашихъ протекціонистовъ, полагающихъ, что настоящій кризисъ служитъ новымъ подкрѣпленіемъ справедливости ихъ взглядовъ на необходимость скорѣйшаго перехода для нашего населенія отъ первобытнаго земледѣлія къ обрабатывающей промышленности. А отсюда уже какъ бы само собою вытекаетъ то положеніе, что покровительство обрабатывающей промышленности должно быть усилено, въ результатѣ чего она дастъ богатую жатву, «менѣе, чѣмъ полевая жатва, зависящую отъ засухъ, червей и разной пакости» *).

Мы называемъ подобный выводъ неожиданнымъ въ виду того, что сельско-хозяйственный кризисъ, съ которымъ намъ приходится имѣть дѣло уже въ теченіе многихъ лѣтъ, въ значительной мѣрѣ обязанъ своимъ происхожденіемъ одностороннему покровительству, которое у насъ сосредоточивалось исключительно на обрабатывающей промышленности съ полнымъ забвеніемъ нуждъ земледѣлія. Всякій, сколько-нибудь знакомый съ условіями нашего сельско-хозяйственного производства, хорошо знаетъ, что бѣдствіе настоящаго года вовсе не является простымъ послѣдствіемъ неблагоприятно сложившихся метеорологическихъ случайностей. Мы уже имѣли случай указывать на постепенное пониженіе урожайности, какъ продуктъ существующихъ въ большинствѣ нашихъ земледѣльческихъ губерній ненормальныхъ поземельныхъ отношеній **). Вообще же можно сказать, что пониженіе урожайности слѣдуетъ за постепеннымъ обѣднѣніемъ крестьянъ и постепенно ухудшающимися способами обработки земли. Такъ, относитель-

*) Д. Менделѣевъ: „Толковный тарифъ“. Спб., 1891 г.

***) Землегладильцы и земледѣльцы. Русская Мысль 1891 г., кн. VI.

но «однолошадниковъ» Самарской губ. въ мѣстномъ статистическомъ исследованіи говорится, что только «традиціонная надежда» крестьянина и «авось» заставляютъ ихъ дѣлать посѣвы. Самые посѣвы производятся и «такой землей, такими орудіями и въ такое время», что «въ годы среднихъ и даже хорошихъ урожаевъ такіе посѣвы не возвращаютъ сѣмянъ, привычный глазъ издали различаетъ посѣвы состоятельныхъ хозяевъ и посѣвы однолошадниковъ» *). Совершенно естественно затѣмъ, что плохобработанная почва дѣлается необыкновенно чувствительною ко всякаго рода метеорологическимъ случайностямъ. Мы уже не говоримъ о полномъ отсутствіи у насъ организованной борьбы съ этими случайностями. Въ сожалѣнію, въ настоящее время можно указать лишь на отдѣльные случаи подобной борьбы, свидѣтельствующіе, однако, о весьма плодотворныхъ ея результатахъ.

Въ нынѣшнемъ году, какъ извѣстно, неурожаѣ явился послѣдствіемъ засухъ. Но вотъ въ Новоузенскомъ уѣздѣ, Самарской губ., при общемъ неурожаѣ оказались такіе благодатные уголки, въ которыхъ бездождіе и сильнѣйшіе жары не оказали губительнаго дѣйствія на посѣвы. Эти уголки представляютъ собою два участка казенной земли, на которыхъ произведены оросительныя работы и которые дали прекрасные урожаи. Размѣры одного изъ участковъ доведены теперь до 1,200 дес., другаго—до 600 дес. Источниками для орошенія служатъ сѣтвовыя и дождевыя воды, скопляемые въ запрудахъ и направляемые затѣмъ черезъ каналы на засѣянную землю. Произведенныя работы очень просты и стоимость ихъ окупается повышеніемъ урожайности на орошенныхъ участкахъ **). Такіе же результаты дали и опыты съ орошеніемъ, предпринятыя частными лицами. Такъ, инженеръ Самсоновъ, заарендовавши площадь земли у Астраханскаго козачьяго войска, на границѣ Самарской и Астраханской губ., устроилъ на ней оросительныя сооруженія. Послѣ этого довольно неблагоприятная почва заарендованнаго участка начала давать урожай до 100 пуд. пшеницы съ десятины. Коммерческіе результаты опыта для г. Самсонова получились слѣдующіе. Ранѣе эта земля сдавалась крестьянамъ въ аренду по 3 р. за десятину, въ настоящее время арендная плата повысилась отъ 15 до 25 руб. съ десят. Между тѣмъ, затрата на оросительныя работы не превысила 60 р. на десятину. Другой подобный опытъ сдѣланъ г. Жеребцовымъ на границѣ Камышенскаго уѣзда и Области Войска Донскаго. Въ нынѣшнемъ году участки Самсонова и Жеребцова составляютъ счастливое исключеніе во всемъ обширномъ районѣ ***). Далѣе, инженеръ М. А. Даниловъ, приводя списокъ имѣній, въ которыхъ произведены оросительныя работы, говоритъ, что «результаты во всѣхъ поименованныхъ имѣніяхъ получились самыя утѣшительныя: доходность возрастаетъ на 15%—20%, луговъ на 100% и болѣе». Съ устройствомъ орошенія «вредное вліяніе

*) Сборникъ стат. годичній Самарской губ. Томъ VI и VII.

***) Саратовскій Дневникъ 1891 г., № 161.

***) Саратовскій Листокъ 1891 г., № 184.

засухи уничтожается, а сопровождающіе ее сильныя жары утилизируются, усиливая урожай». Но этимъ далеко еще не исчерпывается вся приносимая ирригаціей польза: «Есть нѣкоторое основаніе предполагать,—продолжаетъ г. Даниловъ,—что саранча, черви и т. п. бичи растительнаго царства совершенно исчезаютъ въ орошенныхъ мѣстностяхъ» *).

Вопросъ объ ирригаціи южно-русскихъ степей имѣетъ уже свою очень длинную исторію. Въ разное время дѣлались изысканія, выработывались проекты, составлялись смѣты. Но, тѣмъ не менѣе, какъ говорится въ известной баснѣ, «возъ и нынѣ тамъ». Въ такомъ же положеніи находится и цѣлая масса другихъ вопросовъ, касающихся удовлетворенія самыхъ насущныхъ и назрѣвшихъ нуждъ нашего земледѣлія. Въ общемъ слѣдуетъ признать, что переживаемый нашею земледѣльческою промышленностью кризисъ лежитъ не столько въ самыхъ природныхъ условіяхъ этого рода производства, сколько въ отсутствіи мѣръ, направленныхъ къ его поддержанію и успѣшной борьбѣ съ неблагоприятными метеорологическими случайностями.

Мы не думаемъ, чтобы наши даже самыя крайніе протекціонисты считали покровительство земледѣлію дѣломъ излишнимъ, въ виду признаваемого ими положенія о сравнительной безвыгодности этого рода промысла. Хотя они и доказываютъ, что дающая низкій доходъ земледѣльческая промышленность должна постепенно уступить мѣсто обрабатывающей, но самый успѣхъ этой эволюціи находится, согласно ихъ программѣ, въ тѣсной зависимости отъ благоденствія земледѣльческихъ классовъ. Такъ какъ главнымъ орудіемъ для покровительства обрабатывающей промышленности должно явиться усиленіе внутренняго потребленія ея продуктовъ, созданнаго на почвѣ протекціонизма, то отсюда очевидно, что заботы наши должны быть распространены и на тѣ классы, которые способны служить рынкомъ для этихъ продуктовъ. Между тѣмъ какъ упадокъ ихъ благосостоянія и покупательной способности необходимо поведетъ и къ упадку самой обрабатывающей промышленности, сколько бы мы ей ни покровительствовали въ отдѣльности. Такимъ образомъ, протекціонисты должны были хорошо сознавать, что покровительство обрабатывающей промышленности за счетъ земледѣлія и съ нарушеніемъ его интересовъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ привести къ тѣмъ результатамъ, которые ими ожидаются. Но на практикѣ подобное сознаніе, повидимому, вовсе не руководитъ нашими друзьями обрабатывающей промышленности.

II.

Проповѣдники усиленнаго покровительства обрабатывающей промышленности сулятъ нашему отечеству самое радужное экономическое будущее. Они исходятъ изъ того положенія, что земледѣліе является менѣе выгоднымъ помѣщеніемъ труда, сравнительно съ заводскимъ и фабричнымъ про-

*) *Новое Время* 1891 г., № 5666.

изводствами. Такъ, г. Менделѣвъ въ своемъ *Толковомъ тарифѣ* доказываетъ, что «хуже земледѣльца нынѣ никто не оплачивается», что слѣдуетъ «оставить этотъ заработокъ неграмя Африки», самимъ же перейти къ производству болѣе цѣнныхъ продуктовъ, въ видѣ произведеній обрабатывающей промышленности. Г. Менделѣвъ приводитъ далѣе и расчетъ, изъ котораго якобы явствуетъ, что земледѣліе оплачиваетъ рабочій день не свыше 70 к., между тѣмъ какъ въ каменно-угольной промышленности тотъ же рабочій день даетъ въ среднемъ около 1 р. 46 к. Другими словами, въ послѣдней области труда доходность единицы рабочей силы болѣе чѣмъ вдвое выше. Можно усомниться, однако, въ вѣрности данныхъ, послужившихъ г. Менделѣву для подобнаго вывода *). Занявшееся аналогичнымъ же изслѣдованіемъ Императорское вольно-экономическое общество пришло къ выводамъ какъ разъ обратнымъ. Признавая за идеалъ технику Англію, въ которой средній размѣръ произведеннаго однимъ рабочимъ продукта оцѣнивается въ 5,000 р., экономическое общество нашло, что «у насъ наиболѣе приближившимся къ идеалу оказывается именно селско-хозяйственное производство, всего менѣе пользовавшееся и пользующееся таможеннымъ покровительствомъ, тогда какъ наиболѣе отставшіе представляются именно фабричныя производства, многіе десятки лѣтъ уже протезируемыя высокими тарифомъ» **).

Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ этого сложнаго вопроса и обратимся къ изложенію дальнѣйшихъ радужныхъ перспективъ, рисуемыхъ нашими протекціонистами. Оказывается, что, при усилившемся покровительствѣ обрабатывающей промышленности, продукты ея послужатъ предметомъ заграничнаго вывоза и замѣнятъ собою сбываемый теперь нами хлѣбъ. Такъ, г. Менделѣвъ полагаетъ, что «лѣтъ въ 20 настойчивыхъ усилій Россія можетъ достигъ того, что не отправить ни зерна своего хлѣба», а «главную отправку будетъ получать отъ своихъ заводовъ и фабрикъ». Отъ такого измѣненія въ направленіи нашего труда населеніе только выиграетъ, такъ какъ «засуха, губящая хлѣба, полезна для подземной работы, ее удешевляетъ, черви не кушаютъ угля и желѣзныхъ рудъ, жучокъ и овражки не пользуются содой»... Вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Менделѣвъ не забываетъ и земледѣлія, которое также ожидаетъ всякія блага отъ развитія и укрѣпленія обрабатывающей промышленности. «Спросъ на его продукты усилится не за горами и морями, не отъ недорода, гдѣ то случившагося, а прямо отъ увеличеннаго спроса—тутъ же дома, отъ всякаго завода или фабрики». Далѣе г. Менделѣвъ создаетъ цѣлую теорію объ уравненіи цѣнъ на продукты земледѣлія и обрабатывающей промышлен-

*) Г. Менделѣвъ не принялъ во вниманіе работы машинъ въ каменно-угольной промышленности и того обстоятельства, что цѣны на ея продукты являются искусственно повышенными при помощи таможенныхъ пошлинъ, между тѣмъ какъ цѣна на хлѣбъ устанавливается нормальнымъ путемъ.

***) *Ходатайство Импер. вольно-экономич. общества объ измененіяхъ въ русскомъ таможенномъ тарифѣ*. Спб., 1890 г.

ности, которое произойдетъ на почвѣ протекціонныхъ мѣръ. Случится же это слѣдующимъ образомъ: «Если въ земледѣльской странѣ начнетъ расти заводско-фабричная дѣятельность, *особо покровительствуемая таможенными пошлинами*, то здѣсь скоро станетъ ясно, съ одной стороны, что выгоднѣе бросить производство дешевыхъ зерновыхъ хлѣбовъ, замѣнивъ его фабрично-заводскимъ трудомъ или тѣми видами интензивнаго сельскаго хозяйства, которое около фабрики и заводовъ всегда развивается, а съ другой стороны, и здѣсь станетъ ясно, что за производство хлѣба слѣдуетъ брать дороже, чѣмъ нынѣ. Въ результатъ получится тогда уменьшеніе производства зерновыхъ хлѣбовъ и поднятіе мировыхъ цѣнъ на этотъ товаръ и относительное паденіе цѣнъ на заводско-фабричные продукты, что и должно рано или поздно случиться, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше будетъ усиливаться протекціонизмъ такихъ странъ, какъ Россія и Соединенные Американскіе Штаты».

Таковы идеалы и главныя положенія нашихъ протекціонистовъ-теоретиковъ. Наиболѣе же важнымъ орудіемъ для осуществленія этой программы является, какъ мы уже видѣли, «особое покровительство» обрабатывающей промышленности путемъ установленія высокихъ таможенныхъ пошлинъ на продукты заграничной индустри. Другими словами, земледѣльскіе классы принуждаются покупать дорогіе отечественные фабрикаты, вмѣсто дешевыхъ заграничныхъ. Уже одно это обстоятельство значительно подрываетъ ихъ благосостояніе, такъ какъ повышеніе цѣнъ на необходимые для земледѣльцевъ продукты фабричнаго и заводскаго производства совершенно равносильно пониженію ихъ дохода. Затѣмъ, помимо таможеннаго тарифа, г. Менделѣевъ говоритъ и о «дождѣ другихъ ему соответствующихъ мѣропріятій», подъ влияніемъ коихъ разцвѣтетъ наша обрабатывающая промышленность. Естественно, что такой благодатный дождь мѣропріятій, выпадающій на долю обрабатывающей промышленности, отвлекаетъ вниманіе и силы государственнаго покровительства отъ земледѣлія, такъ какъ эти силы не представляются же по своимъ размѣрамъ безпредѣльными. Въ результатъ нужды земледѣлія находятся въ пренебреженіи, урожайность земли падаетъ, благосостояніе земледѣльческаго населенія понижается, что ведетъ и къ уменьшенію спроса на фабричныя и заводскія произведенія. Между тѣмъ, въ какой бы мѣрѣ мы ни покровительствовали обрабатывающей промышленности какъ путемъ таможенныхъ тарифовъ, такъ и путемъ дождя мѣропріятій, безъ соответствующаго спроса развитіе и пресуспѣяніе ея представляется немислимымъ. Г. Менделѣевъ, наприм., полагаетъ, что «при отсутствіи заработковъ на хлѣбной жатвѣ—въ годы неурожаевъ—перепроизводство и дешевизна горныхъ, заводскихъ и фабричныхъ продуктовъ земледѣлія усилятся». Совсѣмъ не то происходитъ въ нынѣшнемъ неурожайномъ году. Ни о какомъ усиливающемся перепроизводствѣ на фабрикахъ и заводахъ, подъ влияніемъ предложенія дешевыхъ рукъ, нѣтъ и рѣчи. Напротивъ, изъ всѣхъ промышленныхъ районовъ получаютъ извѣстія о сокращеніи производства, вслѣдствіе пониженія спроса; отсут-

ствіе заработковъ «на хлѣбной жатвѣ» не только не восполняется увеличеніемъ ихъ на фабрикахъ и заводахъ, но и постоянный контингентъ рабочихъ хозяевами уменьшается. Точно также и въ прошломъ сельско-хозяйственный кризисъ всегда порождалъ и кризисъ промышленный. Такимъ образомъ, наши протекціонисты, настаивающіе на покровительствѣ обрабатывающей промышленности за счетъ земедѣлія, уподобляются чловѣку, предлагающему рубить тотъ сукъ, на которомъ самъ сидитъ, чтобы затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ свалиться.

III.

Очевидно, что, требуя, съ одной стороны, покровительства обрабатывающей промышленности въ ущербъ земледѣлію, съ нарушеніемъ его интересовъ, а съ другой—желая поставить ее на ноги на счетъ возможно-большаго потребленія продуктовъ отечественной индустріи представителями того же земледѣлія, наши протекціонисты впадаютъ въ непримиримое противорѣчіе. Между тѣмъ, ихъ программа практическихъ мѣръ носитъ именно такой двойственный характеръ. Пока они стоятъ на теоретической почвѣ, до тѣхъ поръ ихъ требованія являются еще довольно умѣренными. Такъ, г. Менделѣевъ очень много говоритъ о «раціональномъ протекціонизмѣ», вѣроятно, противопоставляя его какому-то нераціональному. «Для даннаго государства и въ данную эпоху разумнѣе всего,—замѣчаетъ онъ,—избирать для покровительства охранительнаго или возбуждающаго лишь *немногіе, опредѣленные товары*, сообразуясь какъ съ естественными условіями, опредѣляющими промышленное ихъ полученіе, такъ и съ финансовыми, торговыми и всякими иными отношеніями страны, ея жителей и эпохи дѣйствія». Далѣе оказывается, что установленіе размѣровъ покровительственныхъ тарифовъ «должно подвергаться обсужденію со всѣхъ возможныхъ сторонъ, дабы намѣченная цѣль развитія желаемыхъ видовъ промышленности достигалась съ *возможною быстротой и съ возможно-наименьшимъ нарушеніемъ другихъ интересовъ страны*». Наконецъ, г. Менделѣевъ съ полнымъ основаніемъ находитъ, что «такъ какъ размѣръ свободныхъ капиталовъ и интеллигентныхъ силъ, способныхъ вести промышленныя дѣла Россіи, въ ней не великъ, то *устынное веденіе многихъ и разнообразныхъ дѣлъ весьма мало вѣроятно*».

Но на практикѣ дѣло принимаетъ совершенно иной оборотъ. Такъ какъ земля наша велика и обильна всякими дарами природы, то на обширномъ ея пространствѣ непременно отыщется уголокъ, въ которомъ каждая изъ отраслей промышленности находитъ всѣ нужныя ей благоприятныя естественныя условія, для благодѣтельнаго проявленія которыхъ не хватаетъ лишь таможеннаго покровительства. Въ результатъ покровительство «немногимъ, опредѣленнымъ товарамъ» превращается въ покровительство почти всѣмъ отраслямъ производства, цѣны на продукты которыхъ искусственно и повышаются путемъ наложенія таможенныхъ пошлинъ на заграничные товары. Г. Менделѣевъ совершенно не правъ, говоря, что эти

пошлины падаютъ исключительно на предметы, «безъ которыхъ люди обходиться могли и могутъ, что большинство ихъ составляется изъ предметовъ роскоши или потребностей, не насущныхъ и всенародныхъ». Въ числу предметовъ роскоши никакъ уже не могутъ быть отнесены такіе товары, какъ желѣзо и другіе металлы, каменный уголь (служащій средствомъ отопленія на всемъ безлѣсномъ югѣ), бумажныя ткани, джутовые мѣшки и даже сахаръ. Между тѣмъ, всѣ эти продукты первой необходимости обложены наиболѣе высокими пошлинами, иногда превышающими самую ихъ цѣнность. Такъ, сахаръ рафинадъ обложенъ пошлиной въ 4 р. съ пуда, каменный уголь 3 к. съ пуда, коксъ— $4\frac{1}{2}$ к., желѣзо отъ 60 до 85 к. съ пуда, мѣдь отъ 2 р. 50 к. до 3 р., желѣзные издѣлія—1 р. 70 к. съ пуда, косы, серпы и разныя другіе сельско-хозяйственные инструменты—1 р. 40 к. Надо затѣмъ принять во вниманіе, что пошлина взимается золотомъ и при переводѣ въ кредитную валюту размѣры ея возрастаютъ болѣе чѣмъ въ $1\frac{1}{2}$ раза: для сахара это составитъ 6 р. кред., желѣза—90 к., косъ и серповъ свыше 2 р. и т. д.

Такимъ образомъ, по отношенію къ мировой конкуренціи нашъ земледѣлецъ становится въ чрезвычайно невыгодное положеніе. Когда онъ является на всемірный рынокъ съ предложеніемъ своего товара—хлѣба, то встрѣчаетъ соперничество со стороны Америки, Египта, Индіи, Австраліи. Это соперничество понижаетъ цѣну на продаваемый имъ продуктъ до возможнаго минимума. Когда же затѣмъ нашъ земледѣлецъ является покупателемъ и желаетъ воспользоваться всемірною конкуренціей для покупки необходимыхъ товаровъ по возможно дешевой цѣнѣ, у того, кто ихъ дешевле производитъ и продаетъ, то ему говорятъ, что это не патриотично, что для поддержанія и преуспѣянія отечественной промышленности онъ долженъ покупать все по высшимъ цѣнамъ, что въ отдаленномъ будущемъ такія его жертвы окупятся сторицей. Въ итогѣ эти переплаты составятъ огромную контрибуцію, уплачиваемую ежегодно земледѣліемъ за будущія блага, которыя, притомъ, вилами на водѣ писаны.

Г. Менделѣевъ обѣщаетъ, что «лѣтъ въ 20 настойчивыхъ усилій Россія можетъ достигъ того, что не отправитъ ни верна своего хлѣба». Между тѣмъ, и въ настоящее время наше земледѣльческое населеніе не имѣло бы надобности вывозить такое огромное количество необходимаго ему самому хлѣба, если бы оно не принуждалось покупать произведенія фабрикъ и заводовъ по искусственнымъ вовышеннымъ цѣнамъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ нѣкто г. Ушинскій вычислилъ, что въ промежутокъ времени съ 1822 по 1854 г. Канкриновскіе тарифы равносильны были ежегодному обложенію всего русскаго населенія, въ пользу заводчиковъ и фабрикантовъ, въ размѣрѣ 1 р. 65 к. съ каждой души. Нынѣ дѣйствующій тарифъ, какъ вычислило Императорское вольно-экономическое общество, равняется ежегодному обложенію каждой русской души податью почти въ 6 р. Для сто-милліоннаго населенія это составитъ весьма почтенную сумму въ 600 милл. рублей или около $\frac{2}{3}$ всего нашего государственнаго бюджета. Подобнымъ

разсчетъ не слѣдуетъ считать преувеличеннымъ даже по отношенію къ весьма скромному въ своихъ потребностяхъ крестьянскому населенію. Нашъ мужикъ переплачиваетъ теперь за желѣзо, изъ котораго приготовляются его несложныя сельско-хозяйственныя орудія, за бумажныя ткани, въ которыя онъ съ семьей одѣвается, за сахаръ, если онъ желаетъ побаловаться чайкомъ, за книжку изъ дорогой отечественной бумаги, если онъ грамотный, за чугунную посуду и т. д. Мы уже не говоримъ о культурныхъ классахъ съ ихъ болѣе широкими потребностями.

Но указанными переплатами не исчерпывается потеря населенія отъ высокихъ цѣнъ на продукты обрабатывающей промышленности. Къ нимъ еще нужно прибавить зависящіе отсюда излишніе расходы по удовлетворенію потребностей государственныхъ, общественныхъ и торговыхъ. Достаточно указать на вѣдомства военное и морское, переплачивающія огромныя суммы при заказахъ отечественнымъ фабрикантамъ и заводчикамъ тѣхъ необходимыхъ имъ предметовъ вооруженія, которые за границей стоятъ гораздо дешевле. Точно также значительно повышаются и расходы желѣзныхъ дорогъ, вслѣдствіе необходимости пріобрѣтать отечественнаго приготовленія рельсы, вагоны, локомотивы и всякіе матеріалы. Такъ, заграничныя желѣзные рельсы оплачиваются теперь пошлиной въ 60 к. съ пуда, платформы по 160 р. съ оси, товарныя вагоны—съ оси 240 руб., пассажирскіе отъ 300 р. до 465 руб. Все это премія, поощряющія отечественную промышленность и оплачиваемыя тѣми грузами или пассажирами, которые пользуются желѣзными дорогами. Столь же высокія пошлины нужно уплатить за джутовые и холстинныя мѣшки, въ которыхъ хлѣбъ перевозится, за матеріалъ для устройства элеваторовъ, портовъ и разныхъ другихъ приспособленій для сбыта продуктовъ земледѣлія. Если русскій человекъ даже заболѣетъ, то онъ долженъ оплатить лѣкарства, приготовляемыя теперь болѣею частью заводскимъ способомъ, по 20 р. съ пуда для поощренія отечественной фармацевтической индустріи. Надо сказать, что такого рода таможенное поощреніе часто объясняется самыми странными мотивами. На такой, напримѣръ, продуктъ общаго теперь потребленія, какъ чай, существуютъ двѣ пошлины: одна въ 21 р. для привозимыхъ по европейской границѣ и другая въ 13 р.—для привозимыхъ черезъ сибирскія таможи. Такая разница въ размѣрѣ пошлины сдѣлана единственно для того, чтобы не произвести слишкомъ рѣзкаго переворота въ кяхтинской торговлѣ, издавна пользовавшейся особымъ покровительствомъ. Оказывается, что теперь несравненно выгоднѣе привозить чай морскимъ путемъ черезъ Одессу, чѣмъ черезъ Кяхту и Сибирь. Разница въ стоимости провоза составляетъ около 7 р. въ пользу морскаго пути. Она и уравновѣшена соответствующимъ повышеніемъ таможенной пошлины. Такимъ образомъ, населеніе должно переплачивать за чай, ради удержанія отжившихъ способовъ перевозки этого продукта. Между тѣмъ, у насъ очень много говорится о желательности замѣнить для простаго народа чаемъ традиціонную водку. Очевидно, что, въ интересахъ успѣха такой за-

цѣны, слѣдовало бы стремиться къ возможному пониженію цѣны на такіе продукты, какъ чай и сахаръ, а не искусственно повышать ихъ, ради интересовъ торговцевъ и заводчиковъ.

Таковы тѣ огромныя потери, которыя несутъ потребители-земледѣльцы для насажденія и преуспѣянія обрабатывающей промышленности. Не слѣдуетъ думать, что пониженіе таможенныхъ пошлинъ повело бы къ полному исчезновенію фабрикъ и заводовъ съ лица русской земли. Въ дѣйствительности, неумѣренно-высокое покровительство отчасти создаетъ неумѣренно высокіе барыши для хозяевъ предпріятій, а отчасти поощряетъ техническую отсталость, устраняя всякую конкуренцію. О положеніи нашей промышленности можно судить по слѣдующимъ даннымъ, опубликованнымъ въ *Вѣстникъ Финансовъ и Промышленности* *) и касающимся промышленнаго района Петербургской губерніи. Изъ нихъ видно, что средняя чистая прибыль въ хлопчато-бумажной промышленности составляла въ 1888 г. 32%. Но для отдѣльныхъ фабрикъ она много выше. Такъ, Невская бумаго-прядельная мануфактура получила 63% прибыли. Затѣмъ предпріятія по обработкѣ шерсти даютъ въ среднемъ 28% чистой прибыли. Изъ нихъ извѣстная фирма «Торнтонъ» заработала въ 1888 г. 40% прибыли и въ 1886 г. 67%. Бумаго-ткацкая промышленность работала съ среднею прибылью въ 19%, причѣмъ прибыль товарищества тюлевой фабрики достигла 78%. Прибыль химическихъ заводовъ составляла въ среднемъ 16%, общество же для приготовленія минеральныхъ водъ получило 82% прибыли. Предпріятія по обработкѣ льна и пеньки дали въ среднемъ 15% прибыли. Такую же высокую прибыль получаютъ и разныя отдѣльныя предпріятія. Такъ, товарищество Россійско-Американской мануфактуры работаетъ съ прибылью въ 60%, компанія Спб. металлическаго завода получаетъ 52% прибыли и т. д. Сравнительно съ доходомъ земледѣльческаго населенія, такого размѣра барыши нельзя не признать неумѣренными. Г. Менделѣевъ, можетъ, пожалуй, на основаніи этихъ данныхъ, доказывать необходимость перейти отъ малоодоходнаго земледѣлія къ высокодоходной обрабатывающей промышленности, какъ то онъ уже сдѣлалъ при исчисленіи средняго вознагражденія рабочаго дня. На самомъ дѣлѣ, какъ высокая доходность промышленныхъ предпріятій, такъ и лучшая оплата рабочаго дня въ промышленныхъ производствахъ создаются искусственно за счетъ обложенія всего потребляющаго населенія.

Давно извѣстно, что, снабжая Западную Европу хлѣбомъ, наше земледѣльческое населеніе вывозитъ не излишки, а необходимое для собственнаго продовольствія, питаясь само впроголодь. Не можетъ быть затѣмъ сомнѣнія, что подобное явленіе въ значительной степени обусловливается стоящими у насъ высокими цѣнами на всѣ фабрикаты. Чтобы купить себѣ какой-нибудь продуктъ обрабатывающей промышленности, земледѣлецъ долженъ продать теперь гораздо большее количество хлѣба, чѣмъ это по-

*) 1890 г., № 45.

требовалось бы при отсутствіи чрезмѣрно высокаго таможеннаго покровительства, требуемаго нашими протекціонистами. При ослабленіи этого покровительства барыши русскихъ предпринимателей въ области промышленности нѣсколько, конечно, понизились бы, но за то для земледѣльца получилась бы возможность потреблять самому часть того хлѣба, который имъ теперь продается и вывозится на заграничные рынки.

IV.

Если протекціонизмъ требуетъ отъ земледѣльческаго населенія весьма крупныхъ матеріальныхъ жертвъ, какъ отъ потребителя, то въ такой же мѣрѣ онъ наноситъ вредъ и самой земледѣльческой промышленности, являясь отчасти причиной ея технической отсталости. Надо имѣть въ виду, что фабричныя и заводскія произведенія представляютъ собою не только продуктъ потребления, но и орудія производства или матеріалъ для нихъ въ земледѣльческой промышленности. Очевидно, что высокія цѣны на всѣ подобные матеріалы, съ одной стороны, тормазятъ успѣхи техники, а съ другой—ведутъ къ повышенію стоимости производства и самыхъ продуктовъ производства. Если къ этому прибавить переплаты на матеріалы при организации сбыта хлѣба, при сооруженіи и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, устройствѣ портовъ, элеваторовъ и т. д., то окажется, что наше земледѣліе, по отношенію къ конкуренціи съ другими производителями хлѣба, находится въ самомъ невыгодномъ положеніи. Чѣмъ производство продукта обходится дороже, чѣмъ расходы по сбыту его выше, тѣмъ, при условіи міровой конкуренціи, меньшая доля продажной цѣнности достанется на долю самого земледѣльца.

Не можетъ быть сомнѣнія въ важномъ значеніи для всей производительной дѣятельности страны удешевленія такихъ матеріаловъ, какъ желѣзо, сталь, чугунъ и нѣкоторые другіе матеріалы. Они необходимы и для приготовленія самыхъ простыхъ орудій производства — вродѣ топора, сохи, косы, серпа, телѣги, и самыхъ сложныхъ сооружений—элеваторовъ, желѣзно-дорожныхъ и паровыхъ сообщений, портовъ, сельско-хозяйственныхъ машинъ. Между тѣмъ, наши усилія направляются не къ возможному удешевленію этихъ матеріаловъ, а къ искусственному повышенію на нихъ цѣнъ въ интересахъ развитія отечественной промышленности. Наши протекціонисты ставятъ послѣдней въ заслугу то обстоятельство, что въ послѣдніе годы размѣръ заграничнаго привоза металловъ сокращается, а потребление отечественныхъ—усилилось. Дѣйствительно, въ 1873 г. привозное желѣзо составляло 45% общаго потребленія, а въ 1887 г. лишь 12%. Но въ этомъ явленіи есть и обратная сторона. Въ 1873 г. мы потребляли 28 милл. пудовъ желѣза, а въ 1887 г.—только 25 милл. пудовъ *). Другими словами, потребление желѣза не только у насъ не повышается, но нѣсколько понижается. Между тѣмъ, размѣръ его потребленія справед-

*) Сборникъ статистическій по Россіи. 1890 г.

ливо считается наилучшимъ показателемъ техническихъ успѣховъ, дѣлаемыхъ каждою страной. А вотъ каковъ этотъ показатель для нашего отечества: въ Англіи на человѣка приходится до 10 пудовъ (считая и чугуны) ежегодно потребляемаго желѣза, во Франціи — 6 пудовъ, въ Германіи — 5 пудовъ, въ Россіи — 22 фунта *). Такое слабое потребленіе у насъ желѣза въ значительной степени объясняется высокими цѣнами на этотъ продуктъ, которыя въ свою очередь обусловливаются высокимъ таможеннымъ покровительствомъ, оказываемымъ обрабатывающей промышленности. Въ Германіи пудъ чугуна стоитъ 40 коп., желѣза 70—90 к., стали 1 р. — 1 р. 80 к.; въ Россіи (тоже на мѣстѣ производства) чугуны 60 к., желѣзо 1 р. 40—1 р. 60 к., а сталь 2 р. — 2 р. 80 к. за пудъ. Помимо высокихъ цѣнъ, русское желѣзо отличается и сравнительною недоброкачествомъ, при которой передѣлочнымъ заводамъ приходится браковать очень значительную его часть, а иногда выписывать матеріалы даже изъ за границы. Въ то время, какъ заграничныя заводчики стараются всѣми силами приспособиться къ требованіямъ рынка, наши вполнѣ ихъ игнорируютъ, будучи увѣрены, что и безъ того покупатель найдется.

Такимъ образомъ, наши сельскіе хозяева, при желаніи обзавестись хорошимъ инвентаремъ, должны нести на это непомерные расходы. Потребность въ усовершенствованныхъ орудіяхъ и сельско-хозяйственныхъ машинахъ съ каждымъ годомъ растетъ, но удовлетвореніе ея встрѣчаетъ весьма крупныя затрудненія въ желаніи нашемъ поскорѣе и во что бы то ни стало насадить у себя крупную обрабатывающую промышленность.

До 1885 года сельско-хозяйственныя машины ввозились къ намъ беспошлинно. Несмотря на это, число мастерскихъ, занятыхъ машиностроениемъ, возросло съ каждымъ годомъ. Въ 1862 году ихъ было всего 64, а къ 1885 году цифра эта возросла до 435. Но въ началѣ 80-хъ годовъ заводчики начали усиленно ходатайствовать объ установленіи таможенныхъ пошлинъ на заграничныя сельско-хозяйственныя машины и другія орудія. Снисходя къ нимъ, министерство финансовъ вошло съ представленіемъ объ установленіи такой пошлины въ размѣрѣ 50 коп. метал. съ пуда. Затѣмъ въ 1887 году она была увеличена до 70 коп. метал. съ пуда. Слѣдуетъ, кромѣ того, имѣть въ виду, что указанная пошлина относится лишь къ тѣмъ машинамъ, которыя въ самой тарификаціи признаны сельско-хозяйственными. Что касается другихъ однородныхъ машинъ, какъ, на примѣръ, сѣнныхъ прессовъ, корнерѣзокъ, ручныхъ мельницъ, маслобоенъ, то онѣ причислены къ разряду обыкновенныхъ машинъ и обложены почти запретительною пошлиною въ размѣрѣ 1 р. 40 коп. метал. съ пуда. Затѣмъ, таможенный досмотръ создаетъ массу побочныхъ затрудненій, съ которыми соединяется привозъ заграничныхъ машинъ. Такъ, если онѣ отправляются въ разобранномъ видѣ, то таможенныя взыскиваютъ пошлины съ нихъ по самымъ разнообразнымъ статьямъ: за безконечныя

*) *Ходат. Импер. вол.-экон. общ.*

золота, какъ за ткани, если приборъ имѣетъ позолоту, то какъ за бронзироваанныя издѣлія и т. д.

При установленіи пошлины на сельско-хозяйственныя машины, по обыкновенію, предполагалось, что «подъ ея охраною возникнуть повсюду большіе и для хозяевъ сподручныя заводы, у которыхъ хозяева будутъ покупать необходимыя имъ машины по цѣнамъ, не зависящимъ отъ произвола иностранныхъ комиссіонеровъ». Но такая заботливость объ интересахъ хозяевъ кончилась для нихъ довольно печально. Цѣны на заграничныя машины значительно поднялись, а отечественныя заводы либо совершенно не могутъ удовлетворить всему спросу, либо также, съ устраненіемъ конкуренціи, подняли на нихъ цѣны и значительно ухудшили качество. Въ то время, какъ за границей цѣны на сельско-хозяйственныя орудія и машины въ послѣдніе годы значительно понизились, у насъ замѣчается постепенное ихъ повышеніе. Въ Англіи стоимость ловомобиля въ 10 силъ понизилась съ 320 фунт. стерл. до 220. Извѣстный строитель плуговъ Саккъ понизилъ цѣну на нихъ съ 114 до 64 марокъ. Между тѣмъ, для нашихъ сельскихъ хозяевъ общее пониженіе цѣнъ не дало никакихъ бла- гихъ результатовъ.

Земства и сельско-хозяйственныя общества непрерывно и безуспѣшно жалуются на стѣсненное положеніе земледѣльческихъ классовъ, вызываемое неумѣреннымъ покровительствомъ отечественнымъ заводчикамъ. «Повышеніе цѣнъ на привозныя машины,—говоритъ въ своемъ ходатайствѣ сельско-хозяйственное общество Южной Россіи,—нисколько не способствовало у насъ развитію дѣла машиностроенія: русскіе заводчики увеличили только цѣны на свои машины». Въ ходатайствѣ саратовскаго губернскаго земства указывается, что «система покровительственныхъ тарифовъ, въ явный ущербъ земледѣлію, приноситъ пользу только крупнымъ заводчикамъ, давая имъ возможность возвышать цѣны и убивая всякое стремленіе къ усовершенствованію, которое несомнѣнно развивалось бы подъ вліяніемъ конкуренціи заграничныхъ фирмъ». Затѣмъ, «жнейки, сѣялки, косилки, сложныя молотилки до сего времени приобрѣтаются хозяевами изъ-за границы, несмотря на пошлину, возвышающую ихъ цѣны. Очевидно,—заключаетъ ходатайство,—переплаты за прекрасныя заграничныя машины являются налогомъ на земледѣльцевъ въ пользу немногихъ нашихъ крупныхъ заводчиковъ». О качествѣ русскихъ машинъ довольно любопытныя вещи рассказываетъ извѣстный земскій хозяинъ И. Шатиловъ: «Шесть лѣтъ тому назадъ,—сообщаетъ онъ,—я купилъ одновременно 16 оригинальныхъ сѣялокъ Экерта и 3 русскія копія той же сѣялки, причемъ за оригинальныя платилъ по 10 рубл. дороже, чѣмъ за копія. Всѣ 16 оригинальныхъ сѣялокъ были по работѣ совершенно одинаковы, 3 же русскія копія, хотя и купленныя на одномъ и томъ же заводѣ, были такъ плохо вывѣрены, что для достиженія равномернаго посѣва надо было ручку ставить на разные номера». Въ заключеніе оказалось, что «16 выписанныхъ сѣялокъ работаютъ до сихъ поръ вполне исправно и безъ серьезнаго ре-

монта, тогда какъ 3 русскія копи послѣ перваго же яроваго посѣва потребовали пережѣныя дерева ящиковъ, благодаря тому, что тесъ былъ поставленъ сырой и отъ атмосферныхъ вліяній весь покоробился. Черезъ три года работы, т.-е. послѣ 6 посѣвовъ, копи, при совершенно одинаковомъ уходѣ за ними, какъ и за прочими 16 сѣялками, изломались до того, что ихъ пришлось бросить». Точно также г. Шатиловъ указываетъ и на тотъ фактъ, что очень много машинъ, крайне нужныхъ въ хозяйствѣ, на русскихъ заводахъ не дѣлаютъ совершенно. Всѣ кричатъ, напримѣръ, о плохой сортировкѣ русскаго хлѣба, а у насъ, между тѣмъ, «сортировка дѣлается очень немного, да и тѣ далеко уступаютъ по своей работѣ иностраннымъ, которыя буквально какъ руками отбираютъ зерно. Въ каждомъ же не только сѣменномъ, но мало-мальски крупномъ хозяйствѣ подобныя сортировки необходимы. Гдѣ же брать ихъ русскимъ хозяевамъ,—спрашиваетъ г. Шатиловъ,—и за что должны они переплачивать довольно много (сортировка Моро, напримѣръ, стоитъ 480 франковъ, а на мѣстѣ въ Россіи, благодаря пошлинѣ, она при прямой выпискѣ обходится 217 руб., и еще гораздо дороже при покупкѣ изъ складовъ)? Развѣ только за то, что господа русскіе заводчики или не дѣлаютъ ихъ совсѣмъ, или же дѣлаютъ недостаточно хорошіе типы. При этомъ сортировки далеко не единственныя сельско-хозяйственныя машины, которыя у насъ не дѣлаются и которыя потому приходится выписывать изъ-за границы, слѣдовательно, оплачивать пошлину и нести совершенно непродуктивный лишній налогъ—нашимъ и безъ того не особенно богатымъ сельскимъ хозяевамъ» *).

Какъ видите, положеніе сельскихъ хозяевъ, желающихъ улучшить техническія условія производства продуктовъ, нельзя признать благопріятнымъ. «Уже 20 лѣтъ тому назадъ было дознано, — говоритъ Имп. вол.-эконом. общество въ своемъ ходатайствѣ,—что одна глубокая вспашка желѣзными плугами дала нѣмцамъ-мennonитамъ возможность довести средней урожай пшеницы до 7—8 четв. съ десятины въ томъ самомъ Крыму, гдѣ другіе хозяева получали всего 3—4 четв.» Въ такъ называемой Валуевской комиссіи пензенскій землевладѣлецъ, князь А. И. Шаховской, удостоившись, что, заведя плуговую пахоту, желѣзныя бороны и разныя сельско-хозяйственныя машины, онъ успѣлъ въ десять лѣтъ увеличить свою запашку съ 700 до 12,000 т. десят. «Многіе изъ моихъ сосѣдей,—повѣдалъ онъ,—хотѣли бросить хозяйство, но когда увидѣли пользу улучшенныхъ машинъ и орудій, то и сами принялись хозяйничать съ тѣмъ же успѣхомъ; даже крестьяне, упорные противники всякихъ неиспытанныхъ нововведеній, стали перенимать лучшіе способы обработки земли, завели плуги и желѣзныя бороны». Насколько важно употребленіе въ хозяйствѣ машинъ, свидѣтельствуютъ слѣдующія исчисленія, сдѣланныя Имп. вол.-эконом. обществомъ. Машины удешевляютъ производство зерна: при посѣвѣ—на 48%, при жатвѣ—50%, молотбѣ—46% и вѣяніи—53%. «Мил-

*) Нов. Вр. 1890 г., 28 ноября.

люды русских хозяев,—говорить въ заключеніе общество,—не могутъ понять, въ силу какихъ государственныхъ соображеній надо парализовать столь крупныя выгоды русскаго хозяйства для того только, чтобы за его счетъ могли распорядиться цѣнами 400—450 машиностроителей».

Нельзя отрицать, что высокія цѣны на машины и другія усовершенствованныя сельско-хозяйственныя орудія дѣйствительно тормазятъ ихъ распространеніе. Въ настоящее время ихъ важное значеніе сознано не только помѣщиками, но даже и крестьянами, которые при благопріятныхъ условіяхъ охотно переходятъ къ интензивной земледѣльческой культурѣ. Такъ, относительно юго-западнаго края *Кіевлянинъ* говоритъ, что здѣсь «сажковскіе плуги заслужили себѣ прочную репутацію и до того вошли въ мѣстный хозяйственный обиходъ, что, при низкой цѣнѣ на нихъ, для деревяннаго крестьянскаго плуга, навѣрное, наступилъ бы скорый конецъ, отчего хозяйство, понятно, получило бы неизмѣримыя выгоды» *). Но интересы сельскаго хозяйства и возможнаго прогресса въ немъ техники приносятся въ жертву интересамъ отечественнаго машиностроенія. Въ результатѣ и въ этой области производители оказались въ положеніи монополистовъ, чѣмъ и не преминули воспользоваться для повышенія своихъ барышей за счетъ сельскихъ хозяевъ. «Мыслимо ли,—спрашиваетъ Имп. вол.-экон. общество,—русскому земледѣльцу догнать кого бы то ни было, когда искусственная дороговизна самыхъ орудій догонки вынуждаетъ его, все еще въ печальномъ большинствѣ, пахать землю допотопною сохой, боронить суквататымъ деревомъ (смыковкой), собирать зерно руками, очищать вѣтрами, перемалывать если не въ домашней ступѣ или кадушкѣ, но на вѣтрякѣ, въ которомъ нѣтъ ни одного желѣзнаго гвоздя, и, наконецъ, даже тщательно объѣзжать шоссированную дорогу, по которой на некованной лошади и въ розвальняхъ безъ подрѣзовъ нельзя ему ѣздить зимою, не рискуя и собой, и лошадею?»

У.

Въ заключеніе остановимся на нѣкоторыхъ побочныхъ благахъ для земледѣльческаго населенія, которыя якобы являются послѣдствіемъ протекціонизма. Это, во-первыхъ, обильные заработки и, во-вторыхъ, усиленіе спроса на сырые продукты земледѣлія.

Что касается перваго изъ этихъ благъ, то по отношенію къ нему вполнѣ примѣнима пословица: моимъ же добромъ, да мнѣ же челомъ. Очевидно, что если промышленность существуетъ за счетъ переплатъ, дѣлаемыхъ всѣмъ населеніемъ, то заработокъ на фабрикахъ и заводахъ является возвращеніемъ лишь ничтожной ихъ доли. Такая операція равносильна обложенію населенія извѣстнымъ сборомъ, чтобы незначительную часть его возвратить въ видѣ заработка, а львиную оставить въ карманахъ пред-

*) *Кіевлянинъ* 1890 г., 20 ноября.

принимателей. Мы уже не говоримъ о всѣхъ извѣстныхъ тяжелыхъ условіяхъ жизни рабочихъ на заводахъ и фабрикахъ, о той деморализаціи и даже физическомъ вырожденіи, которыя являются послѣдствіемъ знакомства населенія съ фабричными заработками. Искусственно отвлекать людей отъ земледѣлія, чтобы превратить ихъ въ «фабричныхъ», едва ли желательно. Поэтому тѣ огромныя средства, которыя затрачиваются теперь на поддержаніе и на содержаніе обрабатывающей промышленности, гораздо съ большею пользою можно было бы употребить на удовлетвореніе насущнѣйшихъ нуждъ земледѣльческихъ классовъ.

Весьма ничтожны и услуги, оказываемыя промышленностью путемъ усиленія спроса на сырые земледѣльческіе продукты. Прежде всего, нужно имѣть въ виду, что, вслѣдствіе искусственного направленія, создаваемого таможеннымъ покровительствомъ, наша промышленность рѣшительно уклоняется отъ обработки существующихъ на мѣстѣ сырыхъ матеріаловъ. Такъ, мы вывозимъ въ необработанномъ видѣ зерно, ленъ, пеньку, шерсть, сало, кожи и массу другихъ продуктовъ. Въмѣсто же того привозимъ изъ-за моря хлопковъ и на обработкѣ его сосредоточиваемъ всѣ свои силы и капиталы. Бумажныхъ тканей мы производимъ ежегодно почти на 300 милл. руб., что составитъ около $\frac{1}{3}$ всей цѣнности продуктовъ нашей обрабатывающей промышленности. Такимъ образомъ, мы свои сырые продукты вывозимъ для обработки за границу, а дома обрабатываемъ привозные заграничныя матеріалы. Положеніе вещей, которое не можетъ быть признано нормальнымъ. Очевидно, что, при отсутствіи таможеннаго покровительства, наша промышленность скорѣе бы сосредоточилась на обработкѣ отечественнаго сырья, что дѣйствительно оказало бы поддержку земледѣлію. Извѣстно, что на югѣ главнымъ тормазомъ для разведенія мукомольнаго производства являются высокія цѣны на машины и каменно-угольное топливо, вслѣдствіе обложенія ихъ высокими тарифами. Поэтому заграничный перемолъ обходится дешевле и мы принуждены вывозить нашъ хлѣбъ въ зернѣ.

Что касается, наконецъ, щедрыхъ обѣщаній протекционистовъ относительно блестящаго будущаго, которое ожидаетъ нашу промышленность, то оспаривать ихъ теоретическія положенія не входитъ въ нашу задачу. Мы желали лишь указать на вредное значеніе протекционизма съ точки зрѣнія интересовъ сельскаго хозяйства въ настоящее время. Не можемъ, однако, не указать, что до сихъ поръ протекционизмъ не поставилъ на ноги ни одной изъ нашихъ отраслей обрабатывающей промышленности. Г. Менделѣевъ все время ссылается лишь на успѣхи, дѣлаемые добычей нефти. Но по сущности своей она не представляетъ даже собой обрабатывающей промышленности. Весь успѣхъ дѣла здѣсь лежитъ въ рѣдкой щедрости природы, которою пользоваться очень нетрудно. Лучшимъ же доказательствомъ бессилія протекционизма является наша свеклосахарная промышленность. Она усиленно покровительствуется чуть ли не въ продолженіе цѣлаго столѣтія. При Канкринѣ ввозъ рафинада былъ вовсе воспрещенъ, а привозный сахаръ-сырецъ обложенъ пошлиной въ 3 р. 80 к. Въ 1868 г.

пошлины эти составляли 3 р. для сырца и 4 р. 50 к. для рафинада. Тѣмъ не менѣе, и въ настоящее время нашъ сахаръ не можетъ выдержать конкуренціи съ иностраннымъ, вслѣдствіе чего пошлина вновь возвышена на до 4 р. зол. Едва ли поэтому можно вѣрить г. Менделѣву, ожидающему, что черезъ 20 лѣтъ напряженныхъ усилій мы не только сами будемъ потреблять дешевые отечественные фабрикатъ, но забросаемъ ими и рынки Западной Европы. Гораздо болѣе правъ и предусмотрителенъ почтенный профессоръ, когда онъ говоритъ, что «успѣшное веденіе многихъ и разнообразныхъ новыхъ дѣлъ весьма мало вѣроятно». А мы именно беремъ за весьма многія разнообразныя дѣла, вслѣдствіе чего не можемъ хорошо выполнить ни одного изъ нихъ. Оградившись отъ иностранной конкуренціи высокими таможенными пошлинами и усвоивши лишь принципъ «не пущать», мы уже не беспокоимся объ устраненіи тѣхъ неблагопріятныхъ условій, въ которыхъ находится наша промышленность по сравненію съ иностранной.

Но главнымъ недостаткомъ проповѣдуемаго у насъ протекціонизма является то противорѣчіе, которое онъ носитъ въ себѣ самомъ. Желая поставить на ноги обрабатывающую промышленность при помощи спроса на ея продукты со стороны земледѣльческаго населенія, онъ, въ то же время, самымъ безцеремоннымъ образомъ попираетъ его интересы и подрывается подъ его благосостояніе. Еще Екатерина II въ одномъ изъ своихъ наказовъ, касающихся экономической политики, справедливо замѣтила, что «не можетъ быть тамъ ни искусное рукодѣліе, ни твердо основанная торговля, гдѣ земледѣліе въ уничтоженіи или незначительно производится, ибо оно одно, питая людей, можетъ привести ихъ въ такое состояніе, чтобы у нихъ и все прочее было». Переживаемый нами земледѣльческій кризисъ, повлекшій за собою и кризисъ промышленный, служитъ наиболѣе яркою иллюстраціей справедливости того положенія, что безъ преуспѣвающаго земледѣлія не можетъ быть и «всего прочаго» *). Только протекціонисты не желаютъ считаться съ этимъ положеніемъ. Не будетъ ничего удивительнаго, если наша промышленность, въ концѣ-концовъ, уподобится тѣмъ тощимъ фараоновскимъ коровамъ, которыя, похравъ коровъ тучныхъ, остались сами такими же тощими. Мы не можемъ, конечно, ставить на счетъ протекціонизму всѣ тѣ неблагопріятныя условія, въ которыхъ находится наше сельское хозяйство, съ такими ихъ результатами, какъ періодическіе неурожаи,

*) Весьма поучительныя данныя о тѣсной зависимости, существующей между земледѣльческою и обрабатывающею промышленностью, мы находимъ въ опубликованномъ недавно приложеніи къ всеподданнѣйшему докладу казанскаго губернатора. Въ отчетѣ характеризуется экономическое положеніе населенія за десятилѣтіе съ 1880 по 1890 г. Оказывается, что вмѣстѣ съ постепенно понижавшимися урожаями сокращались и размѣры заводско-фабричнаго производства. Въ 1880 г. было 306 фабрикъ и заводовъ, а въ 1890 г. число ихъ упало до 170. Всѣхъ торговыхъ документовъ взято въ 1880 г.— 22 т., а въ 1890 г.— 20 т. Несомнѣнно, что то же произошло и во всей остальной Россіи, несмотря на послѣдовавшее усиленіе таможеннаго покровительства.

переживаемые русскимъ населеніемъ. Но очевидно, что значительная доля вины лежитъ въ томъ неумѣренномъ покровительствѣ обрабатывающей промышленности, которое ей оказывается въ прямой ущербъ интересамъ земледѣлія. Точно также очевидно, что поставленный въ началѣ статьи вопросъ: должно ли теперь усилить это покровительство въ еще большей мѣрѣ, разрѣшается отрицательно. Такой отвѣтъ продиктуетъ не только фритредерство, но и осторожный протекционизмъ, сознающій, что безъ спроса на произведенія фабрикъ и заводовъ со стороны земледѣльческаго населенія немислимо ихъ процвѣтаніе.

Вл. Бирюковичъ.

Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ *).

У.

С о с ѣ д и.

Бѣловъ, Синицынъ, Леруа и Чеботасъ.—Заглазное хозяйство у купцовъ и дворянъ.—
Сосѣднія деревни—Успенка и Сады.

Для полноты очерка считаю необходимымъ коснуться окружавшихъ меня землевладѣльцевъ. Одинъ изъ ближайшихъ моихъ сосѣдей былъ Бѣловъ. Въ моментъ моего знакомства съ нимъ ему было 53 года. Около пятнадцати лѣтъ тому назадъ онъ пріѣхалъ въ свое имѣніе и началъ энергично хозяйничать: осушилъ большое болото, превратилъ его въ пахотное поле, засѣялъ льномъ, потомъ коноплей, завелъ систему и порядокъ въ вырубкѣ лѣса, выдѣлывалъ изъ него столярный матеріалъ—доски, фанерки и пр., устроилъ очень остроумную мельницу.

Но всѣ эти улучшения, въ концѣ-концовъ, разстроили его дѣла. Въ одномъ недостатокъ опыта и знанія, въ другомъ отсутствіе сбыта, въ третьемъ отсутствіе поддержки, кредита, привели его почти къ безвыходному положенію. Для того, чтобы существовать, необходимо было отрѣшиться отъ всѣхъ занятій и нововведеній. Каждая копейка была на счету и требовалась крайняя осмотрительность въ расходованіи ея, подѣ страхомъ очутиться на улицѣ безъ всякихъ средствъ. Выбора не было—и Бѣловъ рѣшилъ побороть себя. Въ свое время, говорятъ, это былъ живой, энергичный человекъ. Все это давно прошло. Теперь онъ производитъ подавляющее впечатлѣніе—заживо погребеннаго. Онъ почти не выходитъ изъ своего кабинета. Временами онъ точно просыпается, на мгновение увлекается, но сейчасъ же спохватывается и испуганно спѣшитъ замкнуться въ себя. Отношеніе его къ окружающему міру мрачное и безотрадное. На мужика онъ смотритъ какъ на страшнаго, непонятнаго звѣря, отъ котораго можно всего ждать. Будущее рнеуется ему такъ безотраднo, что онъ объ одномъ только проситъ Бога, чтобъ ему не пришлось дожидать до того, что будетъ. Онъ холостякъ и, говорятъ, пьетъ.

Другой нашъ сосѣдъ, Синицынъ, былъ тоже старый холостякъ. Этотъ,

*) *Русская Мысль*, кн. III.

несмотря на свои 75 лѣтъ, не потерялъ вѣры ни въ себя, ни въ жизнь. Онъ до сихъ поръ продолжалъ красить усы и волосы, продолжалъ изысканно любезничать съ дамами, хотя очень часто уже не замѣчалъ безпорядка въ своемъ костюмѣ. Онъ гордился своимъ происхожденіемъ, воспитаніемъ и университетскимъ образованіемъ. Въ молодости онъ служилъ въ Петербургѣ, но въ сороковыхъ годахъ, послѣ смерти отца, пріѣхалъ въ свое имѣніе и съ тѣхъ поръ почти безвыѣздно жилъ въ деревнѣ. Человѣкъ онъ вздорный, несимпатичный, немножко тронутый, но вызываетъ невольное сочувствіе своимъ полнымъ одиночествомъ и беззащитностью. Въ свое время, говорятъ, это была страшная сила и злой крѣпостникъ. Съ освобожденіемъ вся его деревня разбѣжалась и живетъ онъ теперь совершенно одинъ на подобіе щедринскаго дикаго помѣщика. Бывать у него—пытка. Онъ весь пропитанъ всевозможными примѣтами и предрассудками. Какъ вошли, какъ сѣли, залаяли собаки при вашемъ появленіи,—все это имѣетъ то или другое значеніе какъ для опредѣленія вашей личности, такъ и того, насколько вы полезный или вредный человѣкъ.

За лакея у него собственный побочный сынъ, о чемъ онъ, не стѣсняясь, говоритъ. Подаютъ грязно, неопратно, дотронуться противно. Обливать ложку съ вареньемъ и сунуть ее назадъ въ банку—это цвѣточки въ сравненіи съ остальнымъ.

Трудно вѣрится, что въ свое время это былъ изысканный франтъ. Съ первыхъ же словъ онъ начинаетъ безконечный разговоръ о своихъ врагахъ, о тайныхъ подпольныхъ розняхъ, которыя ему строятъ всѣ и вся. Оказывается, что всѣ его знакомые, всѣ, хоть разъ его видѣвшіе, всѣ, имѣвшіе какое-нибудь когда-либо къ нему отношеніе, — всѣ составляютъ одну сплоченную банду, имѣющую цѣлью отнять у него не только его имѣніе, но и самую жизнь.

— Сына моего, вотъ этого, что подавалъ обѣдъ, и то совратили. Три мѣсяца тому назадъ прогналъ мать его, —отравить меня хотѣла. Она кухаркой служила. Подлая женщина чего-то такого подсыпала въ супъ, что я три дня былъ при смерти. Зову сына, говорю: «Твоя мать отравила меня». Негодяй отвѣчаетъ: «Вы съ ума сошли». — «А! неблагодарный щенокъ! Вонъ съ твоею подлою матерью, чтобы духу вашего мерзкаго не было!» Ушли. Оставили меня одного—больнаго, умирающаго. Посылаю за докторомъ, становымъ, заявляю объ отравленіи, показываю супъ, требую протокола. Пошли въ другую комнату, просидѣли часа два, выходятъ назадъ; осмотрѣлъ меня докторъ и объявляетъ, что въ супѣ нѣтъ отравы и болѣзнь будто бы произошла отъ объденія. Какая наглость! Я не вытерпѣлъ, я прямо сказалъ имъ: «А, голубчики, и вы то же? Хорошо, господа подпольные герои, я найду на васъ расправу, а теперь вонъ!»

Синицынъ сдѣлалъ театральнѣе жестъ рукой, указывая на дверь.

Внимательно уставившись въ меня и, видимо, удовлетворившись произведеннымъ впечатлѣніемъ, онъ хлебнулъ чаю и упавшимъ голосомъ продолжалъ:

— Пишу губернатору. Недѣли двѣ—никакого отвѣта. Что дѣлать? Рѣшаюсь писать министру и уже все, все изложилъ, никого не пожалѣлъ, но и безъ пристрастія, сущую правду, какъ передъ Господомъ моимъ Богомъ. Закончилъ прошеніе такъ: «хотѣлъ бы я надѣяться, ваше высокопревосходительство, что хоть теперь будетъ услышанъ мой справедливый вопль, но боюсь русской пословицы: «жалуетъ царь, да не милуетъ псарь». Сильно сказано?—обратился онъ ко мнѣ.

— Очень сильно,—отвѣтилъ я.

Синицынъ помолчалъ и продолжалъ гробовымъ голосомъ:

— Двѣ недѣли тому назадъ получаю свое прошеніе черезъ пристава распечатанное, съ предложеніемъ дать подписку, что впредь не буду писать такихъ прошеній. Вся кровь прилила мнѣ въ голову отъ этого новаго оскорбленія. «Вонь!»—закричалъ я не своимъ голосомъ. Этотъ нахаль отвѣчаетъ: «Я уйду, но извольте подписаться, такъ какъ иначе вамъ предстоитъ удаленіе изъ губерніи». Что оставалось дѣлать? Я взялъ перо и написалъ: «Покоряюсь силѣ и даю подписку».

Онъ замолчалъ. У меня тоже не было охоты говорить съ этимъ сумасшедшимъ, но жалкимъ старикомъ.

— Хотите посмотрѣть мой садъ?

Я нехотя согласился. Я слышалъ уже объ этомъ садѣ; слышалъ, какіхъ нечеловѣческихъ усилій стоило бывшимъ его крѣпостнымъ натаскать на почти неприступный скалистый косогоръ годной земли и устроить этотъ Семирамидинъ садъ. Слышалъ о гротахъ, гдѣ купались нѣкогда нимфы—его бывшія крѣпостныя дѣвушки, — онъ тутъ же сидѣлъ и любовался. Отъ времени садъ опустѣлъ и мало-по-малу косогоръ сталъ принимать свой прежній неприступный видъ. Облѣзшія Венеры уныло торчали здѣсь и тамъ вдоль дорожекъ, круто спускающихся къ рѣкѣ; полуразрушенные гроты нагоняли тоску и отвращеніе.

Мы возвращались назадъ. Синицынъ съ страшнымъ трудомъ взбирался на гору, задыхаясь, хватаясь за грудь и останавливаясь на каждомъ шагу.

— Я никогда не хожу въ этотъ проклятый садъ и только для васъ...

Я смотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ и думалъ:

«Что, если бы въ тотъ моментъ, когда онъ устраивалъ свой садъ, отодвинулась бы завѣса будущаго и онъ увидѣлъ бы себя, теперешняго, проваливающаго то, что устраивалъ для своего наслажденія?»

Да, если справедливы тѣ рассказы, которые сохранились о Синицынѣ, то надо сознаться, что жизнь умѣетъ мстить нѣкоторымъ, обративъ противъ нихъ ихъ же оружіе.

Такого ада, такого ежеминутнаго униженія, какое испытывалъ онъ отъ всѣхъ тѣхъ, которые когда-то трепетали передъ нимъ, трудно себѣ и представить.

Бѣгавшій мальчишкой въ его дворнѣ Гришка,—теперь писарь волостнаго правленія, — считаетъ своимъ долгомъ всѣ получаемыя Синицынымъ газеты разворачивать, потомъ снова складывать, только потому, что Си-

нищннъ этого терпѣть не можетъ и, получивъ такую газету, будетъ рвать и метать.

Старшина, зная, что Сеницыну это ножъ въ сердце, умышленно игнорируетъ его титулы.

Староста, на вызовъ составить протоколъ о помятїи травы, является на третїй день, когда слѣдовъ помятїа никакихъ не остается, да и не самъ еще, а присылаетъ кандидата.

Встрѣчный обозъ на грозный крикъ Сеницына своротитъ въ сторону хохочетъ только, безъ церемонїи беретъ его лошадь подъ уздцы и затискаваетъ какъ можно глубже въ снѣгъ. Если Сеницынъ протестуетъ и ругается,—а онъ всегда протестуетъ и ругается,—они отхлещутъ его влутомъ, оставивъ несчастнаго, безсильнаго старика одного выбиваться, какъ знаетъ, изъ глубокаго снѣга.

И, несмотря на все это, Сеницынъ не падаетъ духомъ и ни на югу не отступаетъ отъ своихъ требованїй. Время идетъ и потихоньку дѣлаетъ свое дѣло: его враги умираютъ, выходятъ въ отставку, переводятся. Старикъ приписываетъ все это себѣ. По поводу каждаго такого перемѣщенїа онъ многозначительно говоритъ:

— Да, въ концѣ-концовъ, правда всегда восторжествуетъ. Сильна Русская земля своею правдой, своимъ царемъ и своимъ Богомъ.

Если настоящее его невыносимо, за то будущее рисуется ему безоблачнымъ. Онъ знаетъ, что Господь его бережетъ для чего-то чуднаго и высокаго. Пережить все то, что пережилъ онъ въ свою долгую безотрадную жизнь, давно уже полную невыносимыхъ нравственныхъ и физическихъ лишенїй, обыкновенный человекъ не можетъ, и только ему, избраннику своему, даетъ Господь силу для этого.

У него давно никто не беретъ ни земли, ни лѣсу, потому что съ нимъ нельзя имѣть дѣла, и какъ онъ пребивается при заложennomъ имѣнїи, одному Богу извѣстно.

Когда мы возвратились въ комнаты, онъ сталъ жаловаться на свои матеріальныя затрудненїя, на предстоящїй платежъ въ банкъ.

Я попрекнулъ его тѣмъ, что онъ не извлекаетъ доходовъ съ имѣнїа и, шутя, назвалъ его божьимъ сторожемъ.

Онъ пытливо заглянулъ мнѣ въ глаза и спросилъ:

— Вы хотите сказать, что я какъ собака на снѣгъ?

И, помолчавъ мгновение, онъ грустно закончилъ:

— Зло, но справедливо.

На прощанье я предложилъ ему деньги для взноса въ банкъ.

— Благодарю,—отвѣчалъ онъ.—Я не могу взять у васъ деньги, потому что мнѣ нечѣмъ вамъ отдать.

Предпрїимчивый и изворотливый Леруа жилъ отъ насъ въ 12-ти верстахъ. Имѣнїе было дѣтское, а винокуренный заводъ его. Леруа или де-Леруа «дитъ Бурбонъ», какъ называлъ онъ себя въ торжественныхъ случаяхъ, былъ человекъ лѣтъ пятидесяти пяти. Въ молодости, когда

онъ былъ блестящимъ гусаромъ, адъютантомъ своего отца, который занималъ въ арміи видный постъ, онъ женился на богатой помѣщицѣ здѣшнихъ мѣстъ. Прокрутивъ свое состояніе, часть состоянія жены, похоронивъ первую жену, оставившую ему четверыхъ дѣтей, онъ сошелся съ одною актрисой, съ которою прижилъ еще четверыхъ дѣтей, жилъ нѣкоторое время въ городѣ и, наконецъ, лѣтъ пять тому назадъ окончательно съ двумя своими семьями переѣхалъ въ деревню.

Дѣла его, изъ года въ годъ, шли все хуже. Онъ давно былъ въ рукахъ извѣстнаго ростовщика Семенова, а, по сложившемуся мнѣнію, попасть въ руки Семенова было равносильно гибели.

Самъ Леруа и семья его вели невозможный образъ жизни. Когда вы къ нимъ ни прѣзжайте, вы непременно застанете однихъ членовъ семьи спящими, другихъ только проснувшимися, пьющими свой утренній чай, третьихъ обѣдающими и всѣхъ бодрствующихъ обязательно за книгами, преимущественно за самыми забористами романами. Разговариваютъ съ вами—книга въ рукахъ, садятся обѣдать—развернутая книга, опершаяся о графинъ, стоитъ передъ глазами, руки работаютъ, подносятъ ко рту ложку и хлѣбъ, ротъ жуетъ, а глаза жадно пробѣгаютъ страницы. Оторвать отъ чтенія—это, значить, сдѣлать большую непріятность читающему. Если отрываетъ кто-нибудь свой, читающій безъ церемоніи крикнетъ:

— Дуракъ (или дура), не мѣшай!

Если чужой помѣшаетъ, на губахъ появится на мгновеніе улыбка, вѣжливый, но лаконическій отвѣтъ и снова чтеніе.

Семья отъ первой жены состояла изъ трехъ сыновей и барышни-дочери. Старшему было лѣтъ двадцать пять, среднему—двадцать и младшему—лѣтъ шестнадцать. Всѣ они, въ свое время, были въ гимназіяхъ, всѣ по разнымъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ должны были, не кончивъ, выйти изъ заведенія и возвратиться къ отцу, у котораго и проживали, ничего не дѣлая. Каждую осень съ весны и весной съ осени они собирались ѣхать въ гвардію, гдѣ, вслѣдствіе протекціи, какую они имѣли, ихъ ожидала блестящая будущность. Такъ говорилъ, по крайней мѣрѣ, самъ Леруа. Относительно себя, Леруа, запинаясь, рассказалъ мнѣ въ первый же визитъ, что дѣла его пошатнулись было, но что въ этомъ году онъ будетъ имѣть...

Леруа, собираясь произнести цифру, слегка запнулся, поднялъ глаза вверхъ, подумалъ нѣсколько мгновеній и, наконецъ, торжественно объявилъ: сорокъ тысячъ рублей чистаго дохода.

— Вы не вѣрите?—любезно предупредилъ онъ меня.—Я сейчасъ вамъ это докажу, какъ дважды два...

— Стеариновая свѣчка, — объявилъ неожиданно углубленный въ чтеніе одинъ изъ сыновей.

— Дуракъ!—парировалъ его старый Леруа.

— Ха, ха, ха!...—залился въ отвѣтъ веселый юноша и исчезъ изъ комнаты.

Леруа нѣкоторое время стоялъ озадаченный, но потомъ, съ улыбкой, объяснилъ мнѣ, что свобода и независимость входить въ программу его воспитанія.

Возвращаясь къ прерванному разговору, Леруа обязательно просилъ меня взять карандашъ, отыскавъ чистый, не исписанный еще цифрами, кусокъ бумаги, подложилъ его мнѣ подъ руку и попросилъ меня записывать слѣдующія цифры:

— 200 десятинъ картофеля по 2,000 пудовъ...

Я зналъ хорошо, что картофеля посажено не 200, а 20 дес., что десятина дастъ, дай Богъ, 1,000 пуд., но спорить было бесполезно. Въ концѣ-концовъ, когда подсчитали итоги, до 40 тыс. было очень далеко.

Леруа лукаво посмотрѣлъ на меня.

— Вы думаете, что до 40 тыс. еще далеко? Вы думаете, откуда онъ получить остальные 18 тыс. рублей?

Леруа далъ себѣ время насладиться моимъ смущеніемъ и послѣ, торжественно тыкая себя пальцемъ въ лобъ, сказалъ:

— Вотъ откуда, милостивый государь, де-Леруа «дитъ Бурбонъ» получить остальные 18 тыс. рублей.

Еще нѣсколько томительныхъ мгновеній молчанія и, наконецъ, объясненіе загадки.

Ларчикъ просто открывался...

Дѣйствительно, просто. Де-Леруа «дитъ Бурбонъ» просто-на-просто придумалъ ловкій способъ надувать акцизныхъ и гнать неоплаченный спиртъ.

Онъ кончилъ и ждетъ одобренія. Я смущенъ и не знаю, что сказать.

Леруа спѣшилъ ко мнѣ на выручку.

— Ловко? Геніально придумано?

Говорить ему, что это мошенничество, было, по меньшей мѣрѣ, бесполезно.

— Ну, а если васъ поймаютъ?

— Никогда!

Прощаясь, Леруа просилъ меня сдѣлать ему маленькое одолженіе, поставить бланкъ на двухъ векселяхъ по 300 руб. каждый.

Я смутился, поставилъ, за что впоследствии и заплатилъ 600 руб., которые никогда, конечно, не получилъ обратно.

Провожая меня къ экипажу, онъ объявилъ мнѣ свою милость.

— Всю вашу рожь прямо ко мнѣ на заводъ везите—гривенникъ дороже противъ базарной цѣны и argent comptant.

Понистинѣ царская милость!

Я, конечно, поблагодарилъ, но ни одного фунта ржи не доставилъ.

Пріѣхавъ ко мнѣ, онъ все раскритиковалъ.

— Развѣ это ваше дѣло хлѣбъ сѣять? Такимъ дѣломъ можетъ всякій дуракъ заниматься. Съ вашими знаніями, съ вашею энергіей заводъ нужно открывать: сахарный, винокуренный, бумажный, картофельный, наконецъ.

Мое отношеніе къ крестьянамъ онъ подвергъ строгому осужденію.

— Не наше, батюшка, дворянское это дѣло якшаться съ хамами.

Я, конечно, не стала оправдываться.

— Надежда Валеріевна, уговорите хоть вы вашего мужа бросить это якшанье.

— Я сама всею душой сочувствую ему въ этомъ, — улынулась жена.

Леруа только руками развелъ.

— Я вамъ скажу только одно: я знала и вашего, и мужа вашего отцовъ; если бы они увидѣли, что дѣлаютъ ихъ дѣтки, они въ гробу бы перевернулись.

Мы разсмѣялись и выпроводили кое-какъ этого бестолкового, погубившаго себя и семью свою, человѣка.

Вотъ и всѣ наши сосѣди, жившіе въ имѣніяхъ. Остальные или не показывались вовсе въ свои помѣстья, или появлялись на день, на два съ тѣмъ, чтобы снова исчезнуть на годъ. Въ такихъ имѣніяхъ сидѣлъ управляющій и занимался раздачей земель.

То же было на купеческихъ земляхъ. Разница между купеческими и дворянскими хозяйствами состояла въ томъ, что въ дворянскихъ деревняхъ постройки, сады, лѣсъ сохранялись, а у купцовъ вырубались нагло. Въ дворянскихъ имѣніяхъ велась раздача земли по извѣстной установленной системѣ, а у купцовъ земля раздавалась какъ попало и гдѣ пошло.

Бупецъ, приобрѣтавшій дворянское имѣніе, былъ желаннымъ гостемъ для крестьянъ на первыхъ порахъ, но когда, вслѣдствіе хищнической системы, лѣсъ исчезалъ, а земля истощалась, крестьянамъ, если поблизости не было свободной земли, приходилось очень жутко: истощенная земля не окупала расходовъ, а цѣна на землю, разъ установленная, держалась твердо.

Плохо имъ было и съ другой стороны въ купеческихъ земляхъ. Пала лошадь, корова; сгорѣли, свадьбу затѣяли—негдѣ денегъ достать, кромѣ какъ у своего же брата мужика, а этотъ даромъ денегъ не дастъ. Какъ посчитать все, что придется отдать за занятыя деньги, такъ и выйдутъ всѣ 100%.

Изъ дальнихъ сосѣдей я попрошу позволенія у читателя остановиться, какъ на представляющемъ изъ себя нѣчто выдающееся, на помѣщикѣ Чеботаевѣ. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, женатый, имѣвшій уже шесть душъ дѣтей. Имѣніе у него было большое, хорошо устроенное, старинное и хозяйство велось по издавна заведенному порядку. Нововведеній почти никакихъ не допускалось. Подъ нашу поступала отдохавшая не менѣе пятнадцати лѣтъ земля. Часть земли засѣвалась Чеботаевымъ, часть отдавалась окрестнымъ крестьянамъ. Земля его, какъ новая и сильная, высоко цѣнилась и бралась на-расхватъ мужиками. Все остальное имѣніе находилось подъ сѣнокосомъ. Въ виду обилія сѣнокосовъ, луга

продавались крестьянамъ сосѣднихъ деревень сравнительно по весьма умѣренной цѣнѣ. Для нихъ это было очень удобно и давало возможность держать много скота.

Обладая семью тысячами десятинъ земли, Чеботаевъ получалъ не болѣе 10 тыс. руб. дохода. Это сравнительно весьма ничтожный доходъ, но Чеботаевъ большаго не желалъ, говоря, что съ него и этого довольно. Терпѣніе, осторожность, выдержка, нелюбовь къ риску были отличительными качествами Чеботаева.

— Къ имѣнію нужно относиться, какъ банку. Въ частномъ вы можете получить на свой капиталъ 10%, но съ рискомъ потерять этотъ капиталъ, въ государственномъ же вамъ дадутъ 3—4%, но безъ риска.

— Но тогда какой же интересъ жить въ имѣніи?

— Больше негдѣ жить. Въ городѣ для меня дѣла нѣтъ. Служить?—я къ этому не былъ подготовленъ; жить же въ городѣ безъ дѣла слишкомъ скучно, поневолѣ и живешь въ деревнѣ.

Онъ былъ противъ моихъ, какъ онъ называлъ, «заигрываній» съ мушкетерами.

— Между мной и мужикомъ общаго ничего нѣтъ. Интересы наши диаметрально противоположны; какое же здѣсь возможно сближеніе? И нечего и ихъ, и себя обманывать, нечего лѣзть къ нимъ съ неосуществимыми иллюзіями, потому что изъ этого не можетъ выйти ничего путнаго. Отношенія должны быть чисто-дѣловыя: вамъ нужна работа, ему земля; дали вы ему землю и не обманули, — вотъ и всѣмъ отношеніямъ конецъ. Хотите помогать имъ—помогайте, но такъ, чтобы правая рука не знала, что творитъ лѣвая, въ томъ смыслѣ, чтобы ваша помощь не была бы поводомъ для него въ будущемъ установить уже обязательную, съ вашей стороны, помощь. Разсчитывать на ихъ признательность, на искренность отношеній—крупная ошибка. Въ силу вещей, между нами ничего нѣтъ общаго; съ молокомъ матери всасываютъ они убѣжденіе, что вы—врагъ его, что земля его, что вы дармоедъ и паразитъ. Вашими заигрываніями вы еще болѣе его въ томъ убѣдите. Вліянія на него никакого вы имѣть не можете. Проживете съ нимъ сто лѣтъ—и весь вашъ столѣтній авторитетъ подорветъ любой пришлый солдатъ самою нелѣпою сказкой. Такъ-то, батюшка мой! Вотъ школу, больницу, хорошаго священника имъ дайте, — это имъ нужно,—но не стройте зданія на песцѣ, да не обрушится оно и не погубитъ стрелителей.

По поводу моего хозяйства мнѣніе Чеботаева было такое:

— «Могій вмѣстити да вмѣститъ». Но, грѣшный человекъ, я сильно сомнѣваюсь въ успѣхѣ. Я радъ вамъ, какъ милому сосѣду, съ которымъ можно отвести душу, но еслибъ вы спросили моего искренняго совѣта, я сказалъ бы вамъ: «бросьте все и поѣзжайте служить». Мыслимо ли, при теперешнихъ условіяхъ, что-нибудь сдѣлать? Вѣдь, подъ вами нѣтъ никакой почвы, вы одинъ, безъ поддержки, а начинать новое дѣло безъ опыта предшественниковъ, безъ собственнаго даже опыта, безъ

надлежащаго знанія окружающихъ условій природы, при отсутствіи всякой научной агрономической дѣятельности въ краѣ, — однимъ словомъ, при чортъ-знаетъ какихъ условіяхъ, — по-моему, значить идти на вѣрную гибель... Все, конечно, можетъ быть; я не знаю васъ, вашихъ силъ, повторяю: «могій вмѣстити да вмѣститъ», но для меня была бы непосильна такая задача. Если я убѣдилъ васъ, бросайте все и поѣзжайте служить. Не убѣдилъ — забудьте мои слова и дай Богъ вамъ всего лучшаго.

Изъ сосѣдей-крестьянъ я останавлиюсь на двухъ деревняхъ — Садики и Успенка.

Крестьяне деревни Садики вышли на полный надѣлъ. Матеріальное благосостояніе ихъ, въ сравненіи съ князевцами, процвѣтало, несмотря на то, что поля ихъ сравнительно были хуже князевскихъ. Общій тонъ деревни поражалъ своею порядочностью, сплоченностью и единствомъ дѣйствій. Они сами сознавали свое преимущество передъ другими деревнями.

— Наше село дружное, работающее. Мы не любимъ скандалничать.

Свою порядочность они объясняли тѣмъ, что господа у нихъ изстари были хорошіе и жалѣли мужиковъ. Они принадлежали роду графовъ Зубовыхъ. Въ деревнѣ было двѣ партіи: богатые и бѣдные. Душевыми надѣломъ распоряжались бѣдняки и все устранивалось въ интересахъ бѣдныхъ. За то богатые, образовавъ товарищество изъ сорока человекъ, держали въ арендѣ, на шесть лѣтъ, сосѣднюю землю и вели тамъ независимое отъ остальной деревни хозяйство. Дѣла ихъ шли прекрасно. Земля, безъ всякихъ особенныхъ улучшеній, выхаживалась отлично и, если не было урожаевъ вродѣ нѣмецкихъ, то не было и урожаевъ вродѣ князевскихъ. Во всякомъ случаѣ, на арендованныхъ богатыми земляхъ урожаи были несравненно выше, чѣмъ на душевыхъ надѣлахъ.

— Какъ же сравнить! — говорили садковскіе зажиточные крестьяне. — Развѣ міръ можетъ сравниться съ нами? У насъ человекъ къ человеку подобранъ, у насъ сила беретъ, у насъ сбруя, снасти, лошади — ты гляди что? — а у нихъ немощь одна. У насъ, одинъ на другаго глядя, завидуютъ другъ другу: одинъ выѣхалъ пахать — гляди, и всѣ тутъ, никому не охота отстать, быть хуже другаго, а у нихъ? Пока дѣлжка будетъ идти, время-то съва уйдетъ, а у насъ земля разъ на всѣ шесть лѣтъ дѣленая. На душевой землѣ у насъ вдвое хуже противъ покупной родится.

— А зачѣмъ вы не называете вашу товарищескую землю?

— Не рука. Своя была бы, стали бы называть, а такъ начнемъ называть землю, выхаживать, а придетъ новый срокъ, хозяинъ за землю-то прибавитъ.

— Вотъ, говорятъ, крестьянскій банкъ устроить.

— Вотъ тогда ино дѣло будетъ.

— Только тамъ обществомъ надо будетъ покупать.

— Обществомъ не придется: міръ великъ человекъ — не сообразишь. Я, ужъ примѣру, богатъ, онъ — бѣдный; меня беретъ сила, его нѣтъ, онъ бу-

детъ гоношить по-своему, я по-своему. Я въ силахъ платить, онъ не можетъ,—грѣхъ и выйдетъ одинъ... Нѣтъ, обществомъ не сообразишься.

— А, можетъ быть, и безъ банка землю отберутъ отъ господъ?

— Вотъ уже тридцать лѣтъ отбираютъ, а она все господская. Пожалуй надѣйся, коли не надоѣло.

Въ селѣ существуетъ какая-то секта. Члены ея посѣщаютъ церковь и вообще ничѣмъ не отличаются отъ православныхъ, кромѣ того развѣ, что носятъ бѣлыя рубахи. По субботамъ они собираются на моленіе, по очереди, другъ у друга. Что тамъ происходитъ, никто не знаетъ, но говорить, что въ концѣ моленія тушатся свѣчи и начинается оргія. Сектанты энергично протестуютъ противъ этого. Бѣ сектѣ принадлежать исключительно богатые. Возникла эта секта всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Члены секты въ высшей степени трудолюбивы, дѣятельны, полны интереса къ жизни. Въ этомъ отношеніи они составляютъ полную противоположность съ остальными крестьянами, несомнѣнно принадлежащими къ православной церкви.

Село Успенка, громадное по размѣрамъ, было заселено въ началѣ нынѣшняго столѣтія гвардейцами. Природныя условія очень выгодныя. Крестьяне съ своихъ оброчныхъ статей получаютъ столько, что имъ хватаетъ на всѣ повинности. Сверхъ этого, они имѣютъ надѣлъ пятнадцать десятинъ на душу. Несмотря на все это, крестьяне живутъ такъ же плохо, какъ и князевцы. Въ міру у нихъ продажность идетъ страшная. «Баштаны» процвѣтаютъ. Поле дѣятельности для нихъ, при сдачѣ разныхъ угодій, обширное. Все это люди съ громадными голосами, нахалы, безъ правды и совѣсти. Безъ подкупа ихъ ни одно дѣло на сходѣ не подѣлается. Съ помощью ихъ, напротивъ, всю деревню можно водить за носъ. Рыбная ловля, мельница, луга,—все это идетъ, при ихъ посредствѣ, за безцѣнокъ.

VI.

Выполненіе программ.—Заботы объ удобреніи.—Мокрый годъ.—Опять.

Задавшись цѣлью поставить крестьянъ настолько на ноги, чтобъ они могли начать правильное хозяйство, я вынужденъ былъ, на первыхъ порахъ, открыть имъ значительный кредитъ. У однихъ совсѣмъ не было лошадей, у другихъ, по количеству работниковъ, было ихъ мало. Я истратилъ до 1,500 руб. Эти деньги были мною разсрочены на нѣсколько лѣтъ подъ разныя зимнія работы. Крестьяне энергично взялись за дѣло. Мысль, что они снова станутъ взырдашними крестьянами, что у нихъ снова заведутся амбары (большинство, за ненадобностью ихъ, продало), въ сущахъ которыхъ не мыши будутъ бѣгать, а хлѣбъ будетъ лежать, что на гумнахъ снова будутъ красоваться аккуратно сложенные владѣ хлѣба, веселила крестьянъ и придавала имъ энергію.

Прошелъ годъ. Деревня значительно преобразилась и мужики весело поглядываютъ на свои аккуратныя или совсѣмъ новыя, или подновленныя избы.

Веселило крестьянъ и другое. Наступила осень. Жнитво почти заканчивалось. Урожай былъ прекрасный вообще, но у крестьянъ и у меня выдавался изъ всей округи. Правда, крестьяне болѣе склонны были видѣть въ этомъ милость къ нимъ Бога, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могли не признать, что исполненіе моихъ совѣтовъ принесло имъ пользу. Самые завзятые противники моихъ нововведеній, и тѣ соглашались, что «вреда нѣтъ».

Для начала и то хорошо было. Конечно, не безъ мелкихъ недоразумѣній все шло. Приходилось нѣкоторыхъ неисправныхъ плательщиковъ понуждать. Съ навозомъ на первыхъ порахъ было много «облыжности»: вывезетъ за село, оглянется—не видитъ никто—и свалитъ въ рѣчку, вмѣсто того, чтобы везти на поле. Это, конечно, не часто случалось, потому что и я, и мои полѣсовщики зорко слѣдили, чтобы навозъ вывозился въ поле. Этотъ надзоръ многихъ очень обижалъ.

— Что ужъ это такое? — говорили крестьяне.—Сказано, станемъ возить, ну, и повеземъ.

Подъ конецъ зимы, впрочемъ, тагъ втянулись, что почти не было случаевъ вываливанія навоза куда-нибудь въ оврагъ.

По субботамъ, когда происходилъ расчетъ за всякія работы, какой-нибудь мужикъ непременно добродушно заявлялъ:

— Я нынѣшнею недѣлей твоей милости тридцать возовъ вывезъ. Вотъ какъ!

— Почему же моей милости?—спрашивалъ я.—Для себя, чать, возишь.

— Твоя земля.

— До времени моя, а соберетесь съ силой, свой надѣлъ откупите у меня, вотъ и будетъ ваша.

— Гдѣ ужъ намъ!

Несмотря на такой отвѣтъ, крестьяне понемногу заинтересовывались возможностью покупки и потихоньку разспрашивали объ условіяхъ продажи.

— По своей цѣнѣ продамъ: я заплатилъ по 30 рублей—и вамъ такъ отдамъ.

— Что-жь, это хорошо.

— Цѣна не обидная.

— А деньги сразу?

— Гдѣ-жь вамъ сразу отдать,—отвѣчалъ я,— конечно, въ рассрочку.

— А на много годовъ?

— Лѣтъ на десять.

— Это хорошо. А процентъ большой положишь?

— Пять копѣекъ съ рубля.

— Что-жь, это не обидно.

Наступало молчаніе.

— Да, не дастъ ли Господь, — говорилъ кто-нибудь раздумчиво, — и намъ счастьяца. Есть же оно у людей.

— То-то бы молились за тебя Богу.

— И сейчасъ молимся, — отвѣтитъ кто-нибудь, — спасибо ему есть за что сказать.

— Всякій и всякій спасибо скажетъ.

— Со стороны люди глядятъ — не нарадуются. Приѣдешь на базаръ — страннѣе, и тѣ говорятъ: «счастье вамъ Господь послалъ, а не барина, — молиться за него надо».

Когда прошла весна и наступило время заправки навоза, дѣло тоже не обошлось безъ препирательства.

Первоначально я настаивалъ, чтобы навозъ свозился въ кучи, такъ какъ въ такомъ видѣ онъ лучше перегораеть, сѣмена сорныхъ травъ перегниваютъ, а затѣмъ уже изъ кучъ разваживался по десятинѣ. Такъ я и дѣлалъ. Крестьяне поголовно возстали.

— Этакъ ты насъ вовсе замаешь. Тогда только съ однимъ навозомъ и возись, а остальное дѣло? Нѣтъ, такъ не гоже.

Пришлось уступить. Главное было сдѣлано: навозъ возили, а остальное постепенно само собой сдѣлается.

Когда началась заправка навоза, крестьяне на первыхъ порахъ отнеслись къ этому дѣлу очень небрежно.

Я во время заправки только и ѣздилъ, что къ нимъ, да на свое поле. Подъѣдешь къ какому-нибудь вродѣ Федора Елесина и начнешь:

— Ну, какъ же тебѣ не стыдно! Не пожалѣлъ навозить навозъ, самую трудную работу сдѣлалъ, немножко ужъ осталось, а не хочешь. Посмотри у меня: поле все на клѣтки разбито, на каждую клѣтку возъ, разбросанъ по всей клѣткѣ ровно, аккуратно. А у тебя что? Какъ куча лежитъ, такъ и лежитъ; доѣхалъ до нея сохой, тогда только остановишь лошадь, разбросаетъ какъ-нибудь охапками навозъ на два, на три шага кругомъ, чтобы только лошадь прошла, и поѣхалъ дальше. Развѣ такъ можно? И выйдетъ изъ этого то, что будетъ у тебя хлѣбъ кучками, — гдѣ больно хорошъ, гдѣ плохъ; гдѣ больно поспѣлъ, гдѣ зеленый еще; зеленого дожидаться, поспѣвшій осыпается, — половину хлѣба только и соберешь. Невѣстка твоя сидитъ же дома, — что бы тебѣ взять ее съ собой? Пока ты пашешь, она бы вилами и раскинула навозъ.

— А за дѣтьми смотрѣть, а ѣсть кто будетъ варить?

— Ну, племянницу возьми.

— Племянница у тебя же на работѣ.

— Зачѣмъ же ты пускаешь ее ко мнѣ, когда своя работа есть?

— А ѣсть что будемъ?

— Ну, самъ, наконецъ...

— Да, такъ и буду время вести, а за полку, за сѣноносъ когда при-мусь?

— Кто тутъ виноватъ, что раньше не началъ.

— Коли же раньше? Кончилъ яровое, лѣсъ сталъ рубить, лубки надралъ, намочилъ. Потомъ навозилъ маненько лѣсу, да вотъ и сталъ парить.

— Да много ли времени надо, чтобы раскидать твой навозъ?

— Тутъ немного, тамъ немного, а поглядишь—оно и все. А пища-то—водица да хлѣбецъ. Не больно-то тутъ наворотиться.

— Просто у тебя упрямство одно. Времени всего-то два-три часа уйдетъ у тебя, а забываешь то, что за эти два часа двадцать рублей лишнихъ получишь, какъ уродить.

— Дастъ Господь, такъ уродить, а не дастъ, хоть насквозь ее пропашь, —ничего не будетъ. Мы-то своимъ умомъ и такъ, и сякъ, а Господь все своею милостью ведетъ.

— Ну, это все очень хорошо, а все-жъ таки прошу тебя, раскидай навозъ какъ слѣдуетъ. Ну, для меня сдѣлай.

У Федора суровое лицо разглаживается, онъ улыбается, отпрукиваетъ лошадь и лѣнливо идетъ къ шабру за вилами.

Бъ другому, вродѣ извѣстнаго лѣнтя Трофима Васюпина, подѣдешь, уже на другой ладъ говоришь:

— У меня съ тобой короткйй, Трофимъ, разговоръ будетъ: или дѣлай какъ люди, или только ты меня и видѣль.

— Да, вѣдь, я, кажись, не хуже людей.

— Не хуже, а это что?

И начну ему отпѣвать. Кончу и опять:

— Такъ и запиши: не будешь дѣлать, какъ надо, только и видѣль меня.

Трофимъ понималъ мой намекъ,—онъ хочетъ звать меня въ крестные, когда хозяйка, Богъ дастъ, родить. Широкая улыбка разливается по его гладкому глуповатому лицу, доходить до самыхъ ушей и онъ добродушно-снижительно говоритъ:

— Ну, ужъ ладно.

Вду дальше.

— Поглубже, Петръ, поглубже.

Петръ радъ отдохнуть. Онъ не спѣша останавливаетъ лошадь, снимаетъ шапку, говорить сначала: «здравствуй, батюшка»—и тогда ужъ отвѣчаетъ:

— Сила не беретъ. И радъ бы глубже взять, да лошадевка не терпитъ. Одна, сердечная. Зиму всю на соломиѣ, весну всю въ пашнѣ, потомъ лѣсъ, безъ передышки опять за работу—всѣ животы подвело. Видимъ мы всѣ, сударь, что ты шибко объ насъ заботишься, да сила насъ не беретъ. Видно, не мимо баютъ старые люди: «самъ плохъ—не поможетъ и Богъ».

— Ты что-жъ это панихиду по живомъ-то началъ? Бога гнѣвить не за что,—идеть все, слава Богу, хорошо, а сразу тоже нельзя.

— Конечно, нельзя.

— Потихонечку и пойдешь.

— Дай Богъ, дай Богъ.

Кончилась пашня, наступилъ сѣножосъ; за сѣножосомъ пошло жнитво. И оно почти ужъ закончилось.

На-дняхъ и я, и мужики собирались начать молотьбу ржи для озимаго посѣва.

Было воскресенье.

Окончивъ обѣдъ, жена, Синицынъ и я вышли на террасу подышать свѣжимъ воздухомъ. Стоялъ прекрасный полу-лѣтній, полу-осенній день. Небо уже приняло свой однообразный ярко-синій осенній цвѣтъ. Только около солнца, собиравшагося уже садиться, небо переживалось какимъ-то особымъ нѣжнымъ, пепельно-голубымъ, изумрудно-зеленымъ, ярко-оранжевымъ цвѣтомъ. Въ прозрачномъ воздухѣ рельефно рисовались на горизонтѣ: лѣсъ, поля, съ обильно наставленными на нихъ копнами хлѣба; прудъ, спокойный, сверкающій, манящій своею прохладой; село съ протянувшюся длинною улицей, на которой теперь, въ живописныхъ группахъ, въ сарафанахъ, красныхъ и синихъ рубахахъ толпилась молодежь деревни; ближе—садъ нашъ, оканчивающійся рѣчкой, вдоль которой старья сѣдыя ветлы лѣниво шевелили своими вершинами. Въ саду начиналась вечерняя полвка цвѣтовъ и въ свѣжѣющемъ воздухѣ далеко разносился нѣжный ароматъ ихъ.

Ближе къ террасѣ на гигантскихъ шагахъ бѣгали деревенскія дѣти—ученики жены, молодые парни, дѣвушки. Одни бѣгали, другіе ждали очереди и грызли подсолнухъ. Скрипнула калитка сада и одинъ за другимъ князевцы потянулись къ террасѣ.

— Здравствуйте, господа, — встрѣтилъ я ихъ, спускаясь къ нимъ. — Надѣвайте шапки.

— Не холодно, и такъ стоимъ.

— Что скажете?

— Да мы все съ докукой къ тебѣ, — началъ Исаевъ. — Идемъ, да и калякаемъ: баннъ, къ своему брату мужику идешь за пуждой—и то не знаешь, какъ, съ чего начать, а къ тебѣ—такъ безъ страху и лѣземъ за всякимъ дѣломъ.

— Чего-жь вамъ?

— Да вотъ насчетъ жнивовъ хотимъ просить вашу милость. Не допустишь ли скотинку понасти?

— Такъ что-жь? Ладно.

— А мы бы тебѣ сноповъ повозили, когда скричишь.

— Ладно.

— Ну, покорно благодаримъ.

Наступило молчаніе. Мужикамъ, видимо, не охота была уходить.

Я сидѣлъ на ступенькахъ и благодушно смотрѣлъ на качающихся. Синицынъ съ веру террасы съ любопытствомъ слѣдилъ за мной и мужиками.

— Вотъ я баю, — началъ опять Исаевъ, — никогда у насъ не было, чтобы въ полусапожкахъ да сарафанахъ гуляли дѣвки. А сейчасъ?—праздникъ-придетъ, — какъ въ большомъ селѣ, пѣсни, пляски, сѣмьячи грызутъ, кафтанья, сарафаны. Все ты насъ жалѣешь.

— Ты гляди, — заговорилъ горячо Петръ Бѣляковъ, — ребятишки въ-

саду, какъ къ себѣ пришли—ни страха, ни робости, словно къ отцу съ матерью. Бывало, помню, мы маленькими были. И-и! Не то что въ садъ—черезъ мостъ чтобы нога не переступала. А храни Богъ въ садъ залѣзешь, такъ изъ ружья, какъ въ собаку, просемъ всыпать. Лавай потомъ на карачкахъ цѣлый мѣсяцъ.

— Трудно было, батюшка мой, — заговорилъ Елесинъ, — чуть что не такъ, маршь на конюшню!

— Ругатель былъ; иначе, бывало, какъ: «такой, сякой ты сынъ» — и не скажетъ человѣку.

Я вспомнилъ, что Синицынъ слушаетъ, и поспѣшилъ перебить разговоръ.

— Ну, что-жь, и за молотъбу скоро приниматься пора?

— Пора, батюшка, пора.

— Слава Богу, будетъ чего, — замѣтилъ я. — Можно благодарить Бога.

— Какъ Господь совершитъ, — вставилъ Елесинъ.

— Да ужъ совершилъ, — отвѣтилъ я.

— Въ руки какъ допустить, — укоризненно пояснилъ Елесинъ.

— Ну, ужъ ты, — размѣялся я. — Такъ, вѣдь, никогда и порадоваться нельзя. Въ амбаръ ссыпешь и тамъ будетъ неспокойно.

— Пропадетъ и тамъ, — проговорилъ Елесинъ.

— Когда же, по-твоему, благодарить Господа?

— А вотъ какъ, Богъ дастъ, живы будемъ, съѣдимъ хлѣбушекъ — то, тогда и благодарить станемъ.

— Ну, тогда благодарить поздно, по-моему.

— А по-нашему, теперь рано.

— А по-моему, благодарить Бога да радоваться всегда надо, а придетъ бѣда, тогда ужъ и радоваться нечему. Такъ и радоваться никогда не придется.

— Знамо, гнѣвить Бога нечего, — согласился Керовъ, — посылаетъ милость, видимое дѣло.

— Еще бы не милость оказалъ, — отвѣчалъ я, — шутка сказать: по 150 пудовъ на десятину уродилось.

— Ну, гдѣ ужъ полтора ста не будетъ, — возразилъ Исаевъ. — Развѣ въ такомъ рѣдкомъ хлѣбѣ можетъ быть 150? Погуще маленько посѣяли бы, можетъ, и было бы.

— А я говорю 150, а на моей землѣ 250.

— Не будетъ, — убѣжденно мотнулъ головой Исаевъ.

— Въ жизнь не будетъ, — сказалъ Ганюшевъ. — Я вотъ на что, хоть объ закладъ пойду, т.-е. вотъ разорви меня, коли будетъ! Отродясь на нашей землѣ того не бывало, чтобъ 250 родило.

— Ну, что-жь, — отвѣчалъ я, — давай биться объ закладъ.

Ганюшевъ опѣшенно уставился на меня.

— Я ставлю тебѣ полведра воды, если твоя правда, а если моя, ты долженъ мнѣ привести двѣ десятины сноповъ.

— Да какъ же мы спорить станемъ?

— А такъ и станемъ. Вотъ сейчасъ пойдемъ на загонъ, отобьемъ осьминникъ и обмолотимъ на молотилкѣ.

Ганюшевъ нерѣшительно смотрѣлъ на меня.

— Ну, что-жь, иди,—сказалъ я ему,—тебѣ ужъ не впервой меня нажигать.

— Не знаю, какъ...

— Ты же самъ предлагалъ закладъ, что не будетъ 250 пудовъ?

— Въ жизнь не будетъ!

— Ну, такъ иди.

— Идти, что-ль?—обратился онъ къ мужикамъ.

— Знамо, иди!

— Чего не идти?

— Не знаю, какъ...

— Айда пополамъ,—вызвался Исаевъ.

— Иди, иди! чего ты?

— А откуда снопы возить?—спросилъ Ганюшевъ.

— Ну, хоть съ рѣчки.

— То-то,—сказалъ Ганюшевъ.— А ты вотъ чего: десятину сноповъ поставь.

— Нѣтъ, двѣ.

— Ну, айда!—рѣшился, наконецъ, Ганюшевъ,—что будетъ!—проговорилъ онъ.

Черезъ часъ мы уже взвѣшивали смолоченную рожь; по расчету на десятинѣ получилось 275 пудовъ.

— Что, Ганюшевъ, видно, не каждый разъ тебѣ меня накрывать?—спросилъ я.

Ганюшевъ утѣшалъ себя тѣмъ, что и у него, пожалуй, будетъ 150 пуд.

— Ага, сталъ вѣрить,—разсмѣялся я.

Мужики пристали, чтобы я простилъ Ганюшеву проигранное пари, а имъ бы выдалъ на ведро водки.

— Охъ ужъ мнѣ эта водка!—отвѣчалъ я.—Впередъ вамъ говорю, господа: съ новаго года кабакъ закрою,—либо я, либо кабакъ.

— Да и намъ въ немъ радости нѣтъ,—согласился Елесинъ,—хоть сейчасъ.

— Безъ кабака хуже,—замѣтилъ Петръ Бѣляновъ.—Было у насъ—закрывли, такъ что-жь ты думаешь?—въ каждой избѣ кабакъ открылся, водку пополамъ съ водой мѣшали; грѣхъ такой пошелъ, что черезъ мѣсяцъ опять цѣловальника пустили. Мѣщанишки мы, сударь: староста нашъ ничего не можетъ подѣлать, такъ и живемъ, какъ на безсудной землѣ (у мѣщанъ староста не имѣетъ полицейской власти).

— Я вамъ буду за старосту и самъ досмотрю, чтобы не торговали водкой. Разъ, два накрою, посидитъ въ тюрьмѣ—пропадетъ охота.

— Грѣха много будетъ,—замѣтилъ Петръ.

— Не будетъ,—отвѣчалъ я.

— Кто тамъ живъ еще будетъ,—замялъ Андрей Михеевъ,—а теперь бы хорошо пропустить съ устатка. Вонъ, твоей милости безъ малаго сотнягу намолотили, по пятаку, и то на ведро наработали.

— Да, вѣдь, обидно то, что къ моему ведру вы своихъ три прибавите.

— Ни Боже мой!—горячо отозвался Михеевъ, а за нимъ и другіе.— Вотъ тамъ выпьемъ и тѣмъ же духомъ айда спать!

— Такъ ли?

— Вѣрно.

— Развѣ Сидора Ѳомича послать съ вами, чтобы досмотрѣлъ.

— Что-жь, хоть и Сидора Ѳомича посылай. Коли сказали, такъ и сдѣлаемъ.

— Ну, хорошо: я вамъ дамъ на ведро, только и вы меня уважьте.

— Мы тебя всегда уважаемъ.

— Мы рады за тебя не то что... хоть въ огонь.

— Выѣзжайте завтра пахать яровое.

Наступило молчаніе.

— Больно неколи,—заговорилъ Исаевъ.

— Надо-жь когда-нибудь пахать,—возразилъ я.

— А весной чего станемъ дѣлать?

— А весной пораньше посѣете, да и за паръ.

— Эхъ, какъ ты насъ трудишь работой!—сказалъ Исаевъ.—Всѣмъ ты хорошъ: и жалѣешь, и заботишься, и на водку даешь, только вотъ работой маешь.

— Для кого же я васъ маю? Для васъ же.

— Знаю, для насъ, только не подь силу больно. Бьешься, бьешься, а выйдеть ли въ дѣло...

— Выйдетъ, выйдеть, Богъ дастъ,—весело перебилъ я его.

— Все думается, все намъ сумнительно...

Угрюмое облачко набѣжало на лица мужиковъ.

— Вы вотъ сомнѣвались и насчетъ моей ржи, а моя правда вышла,—отвѣчалъ я.—Что-жь, я врагъ себѣ, что ли? Даромъ меня двадцать пять лѣтъ учили, чтобъ я не могъ разобратъ, что худо, что хорошо? Да вы же сами ѣздили за моими сѣменами къ нѣмцамъ. Худо развѣ у нихъ?

— Коли худо,—заговорилъ, оживляясь, Петръ,—у нихъ жнива выше нашего хлѣба. Издавай я и взаправду подумалъ, что это хлѣбъ. Гляжу, лошадь прямо въ хлѣбъ идетъ. Я себѣ думаю: нѣмцы, а лошадь въ хлѣбъ пускаютъ,—глядь, это жнива такая.

— Ну, а съ чего у нихъ такіе хлѣба рождаются?—спросилъ я.—Чать, съ работы? Земля одна.

Воспоминаніе о нѣмцахъ оживило толпу.

— Знаю, вспаши ее раза два, три — все отличится противъ одно-разки.

— Когда не отличишь. Нонѣ я на злѣбѣ сѣялъ помбу. Такъ что ты, братецъ мой? Отличилась. Рядомъ хлѣбъ, а на ней другой.

— Знаю, другой.

— Работа много тянеть.

— А може, и не дастъ ли Господь и намъ свое счастье сыскать,— раздумчиво проговорилъ Исаевъ.—Може, и пожалѣетъ онъ насъ за нашу бѣдность, за маяту нашу.

— Бѣдность наша большая,—вздыхнулъ Григорій Беровъ.—Темный мы народъ, и радъ бы какъ лучше, а не знаешь.

— А научить не кому,—сказалъ я ему въ тонъ.

— То-то не кому,—согласился Беровъ.

— Баринъ, такъ баринъ и есть,—продолжалъ я тѣмъ же тономъ.

Беровъ спохватился и сконфуженно уставился на меня.

— Э-э, какъ ты насъ подводишь,—ветушился Егоръ Исаевъ.—А ты насъ пожалѣй, а не то чтобъ на смѣхъ насъ подымать.

Въ голосъ Исаева послышалась фамиллярная нотка.

Я слегка покосился на него и продолжалъ смотрѣть на Берова.

— Да я чего?—отвѣчалъ Исаевъ.—Я, вѣдь, не то, чтобъ... я, вѣдь, того... Ну, прости, коли что неловко сказалъ,—обратился онъ ужъ прямо ко мнѣ.

— Вѣрить надо больше тѣмъ, кто вамъ добра желаетъ,—обратился я къ Исаеву.—Не изъ корысти я къ вамъ пріѣхалъ. Гнался бы за деньгами, продолжалъ бы служить и съ имѣнія получалъ бы, да и на службѣ больше, чѣмъ съ имѣнія, заработалъ бы. Три года я съ вами, можно, кажется, убѣдиться, что я за человекъ—обманщикъ, врагъ ли вашъ или желаю вамъ добра.

— Знаю, добра желаешь,—согласился Исаевъ.

— А вѣрите, что желаю добра, такъ и дѣлайте, какъ учу. Трудно, да ничего не подѣлаешь,—Богъ труды любить. За 25 лѣтъ, конечно, мы отъ правильного труда отвыкли, за то же и впали въ нищету. Главное, что отъ труда нигуда не дѣнешься; отъ того, что не во-время его выполнишь, трудъ все будетъ такой же, только толкъ другой выйдетъ.

Мужики молчали.

— Ну, такъ что-жь, господа, начнете завтра пахать? А ужъ на воджу, такъ и быть, дамъ.

Толпа нерѣшительно молчала. Хотѣлось и водки, и пахать не хотѣлось.

— Уважить развѣ?—обратился Исаевъ къ толпѣ.

— Да чего станешь дѣлать?—сказалъ Беровъ.—Видно, выручить надо барина.

— Оно и то сказать,—согласился Петръ,—тани не тани, а пахать ее все не миновать.

— Знаю, не миновать,—согласился Елесинъ.

Мало-по-малу и другіе стали склоняться къ мысли о необходимости начать пахать.

— Видно, ладно ужь,—обратился ко мнѣ Исаевъ.

— Ну, спасибо,—сказалъ я,—только ужь, старики, не взыщите, я настаивать стану.

— Неужели обманемъ?—обидѣлся Петръ.—Воли дали согласіе, такъ ужь, знамо, станемъ пахать.

Я далъ имъ на ведро водки и пошелъ съ Синицынымъ домой.

— Вотъ вы какъ съ ними,—раздумчиво говорилъ Синицынъ.—Что-жь, дай Богъ! Вы больше приспособлены къ духу времени, вамъ и книги въ руки. Вотъ какъ-то мнѣ Господь поможетъ съ своими дѣлами. Хочу ѣхать въ городъ, денегъ подь вторую закладную искать.

— Охота вамъ, Дмитрій Ивановичъ, мучить себя,—сказалъ я.—Вы сами сознаете, что не приспособлены къ духу времени, надо соотвѣтственно и дѣйствовать. На вашемъ мѣстѣ я бы посадилъ надежнаго прикащика въ имѣніе, а самъ бы совсѣмъ уѣхалъ. Ну, хоть къ намъ переѣжайте; устроимъ мы васъ во флигелъ, отлично заживете, будете заниматься своимъ любимымъ предметомъ—исторіей, отдохнете себѣ. Денегъ я для уплаты процентовъ вамъ дамъ,—не зачѣмъ и въ городъ ѣздить, и закладывать.

— Я васъ иначе не называю, какъ своимъ духовнымъ братомъ, и вѣрю, что всегда найду въ васъ поддержку, но...

Кончилось тѣмъ, что Синицынъ наотрѣвъ отказался отъ моего предложенія и чѣмъ свѣтъ уѣхалъ въ городъ.

Дворовъ 15 изъ 44, вопреки уговору, не выѣхало на другой день пахать. Оставшіеся были отчаянная публика: бѣдные, безпечные, облѣнившіеся, для которыхъ всѣ мои нововведенія были всегда тяжелою, безцѣльною обузой. Нельзя было не согласиться съ ними въ томъ отношеніи, что трудъ ихъ, въ сравненіи съ другими, почти не достигалъ цѣли: отъ плохой лошаденки, плохой снасти, самого плохаго, лѣнливаго и безпечнаго получалась и работа плохая, а вслѣдствіе этого и урожай значительно хуже другихъ.

Жалобы ихъ выражались такъ: «Маешься, маешься, работы по горло, а толковъ никакихъ. Это бы время, что работаешь безъ толку на себя, тебѣ бы хоть поденщиной работать, и то сталъ бы жить не хуже другихъ. А этакъ и себѣ толковъ нѣтъ, и тебѣ радости мало».

— Не сразу, не сразу,—ободрялъ я такихъ.—Прыщъ, и тотъ сначала почешется, а потомъ ужь высочить, а ты сразу захотѣлъ разбогатѣть. Можетъ, у меня на поденщины ты и заработалъ бы больше, да я-то сегодня здѣсь, а завтра нѣтъ меня. А твое дѣло всегда будетъ при тебѣ. Конечно, съ непривычки трудно, за то хорошо потомъ будетъ.

— Дай-то Богъ...

Съ невыѣхавшими я поступилъ круто: черезъ часъ ихъ скотина была выдѣлена изъ табуна и пригнана въ деревню.

Мѣра подѣйствовала: угрюмые, недовольные, но выѣхали всѣ.

Между тѣмъ, погода испортилась и дожди безъ перерыва шли день и ночь. Двухъ дней подрядъ не выдавалось солнечныхъ. Весь хлѣбъ былъ

обреченъ на гибель. При такомъ громадномъ урожаѣ ожидался годъ хуже голоднаго. Пришло время сѣять рожь, а сѣмянъ ни у кого не было,—обмолотить промокшіе снопы не представлялось никакой возможности. Всѣ ахали и охали. Мужики служили молебны, а помѣщики только руками разводили, приговаривая:

— Извольте тутъ хозяйничать!

У меня были крытые сарай, сушилки, но противъ молотбы сырыхъ сноповъ возставали всѣ,—ничего подобнаго нигдѣ никогда не было, да и самая молотба была невозможна: изъ сыраго колоса какъ выбить зерно? Я совершенно признавалъ основательность ихъ доводовъ, но видѣ залитыхъ водой полей, сознание, что первый рядъ сноповъ въ скирдахъ уже проросъ, заставили меня рѣшиться на опытъ.

Подъ проливнымъ дождемъ, сырые, хоть жми изъ нихъ воду, снопы были ввезены въ сарай.

Елесинъ, сваливая снопы, ворчалъ про себя, но такъ, что я слышалъ, что я желаю больше Бога быть.

— Все гордыня наша. А Богу не покориться, кому-жь и кориться?

Лилъ дождь и завывалъ вѣтеръ, а въ сараѣ было сухо и просторно. Прикащикъ, ключникъ и кучка рабочихъ нехотя, съ полнымъ недоверіемъ къ успѣху дѣла, стыдась за меня и мою затѣю, складывали снопы возлѣ барабана. Кучка возчиковъ, кончивъ выгрузку, стояли въ сторонѣ съ Елесинымъ во главѣ. Они смотрѣли на меня, какъ на человѣка, затѣвающаго самое святотатственное дѣло.

Старый мельникъ Лифанъ Ивановичъ, онъ же главный механикъ-самоучка, суетился, закрѣпляя послѣдніе винты.

— Ну, что, Лифанъ Ивановичъ, какъ ты думаешь, пойдетъ?—спрашиваю я въ десятый разъ.

— Божья воля, сударь. Примѣра такого не бывало еще у насъ. Можетъ, и пойдетъ,—сила-то въ машинѣ большая.

— Попробуемъ.

— Попытка не шутка, спрось не бѣда,—бодро отвѣтилъ Лифанъ Ивановичъ.

Лифанъ Ивановичъ ушелъ въ мельницу. Иванъ Васильевичъ взялъ въ горсть колосьевъ, пожалъ и вода закапала на землю. Онъ покачалъ головой. Рабочіе сочувственно смотрѣли на его опытъ.

— Какъ угодно, а по-моему, ничего изъ этого не выйдетъ,—проговорилъ онъ, улыбаясь.

— Выйдетъ не выйдетъ,—заслуга не ваша будетъ. Скажу вамъ одно, что если бы всѣ такъ рассуждали, какъ вы, то люди до сихъ поръ бы руками хлѣбъ молотили.

Наконецъ, въ онѣ мельницы показалась голова Лифана Ивановича.

— Готово. Пуцать, что ли?

— Съ Богомъ,—отвѣчалъ я.

— Ну, дай же Богъ,—сказалъ Лифанъ Ивановичъ и, снявъ шапку, перекрестился.

Перекрестились и всѣ. Лифанъ Ивановичъ скрылся. Я всталъ у барабана. Послышался шумъ падающей воды и плескъ ея по водяному колесу. Передаточное колесо тронулось. Ремень натянулся и барабанъ съ гуломъ завертѣлся. Съ каждымъ оборотомъ гулъ и быстрота усиливались. Наконецъ, барабанъ завертѣлся такъ, что отдѣльныя зубья слились въ однѣ сплошныя полосы и онъ сталъ издавать однообразный, сплошной, ровный гулъ.

Я пустилъ первый снопъ въ барабанъ и, подержавъ его нѣкоторое время, вынулъ назадъ. Оставшіяся колосья были пусты. Опытъ удался. На другой день молотѣба была въ полномъ разгарѣ. Отчетливо и гулко работала барабанъ. Въ нижнемъ отдѣленіи насыпались зерна для посѣва.

Десятки крестьянскихъ телѣгъ ждали очереди, надоѣдая и приставаая ко мнѣ отпустить каждаго прежде другихъ. Мои мужики, начавшіе было роптать, что я «ошибилъ» ихъ тѣмъ, что отвелъ время на пашню, повеселѣли, когда получили взаимнообразно сѣмена. Я воспользовался этимъ и выдалъ имъ строго по расчету сколько нужно на десятину. Къ просьбамъ о прибавкѣ я оставался глухъ и нѣмъ, какъ рыба. Вся округа всполошилась,—всѣмъ нужны были сѣмена, ни у кого ихъ не было и всѣ готовы были брать ихъ на какихъ бы то ни было условіяхъ, только не за наличныя деньги,—денегъ ни у кого не было. Я выдавалъ всѣмъ или цѣльнымъ обществамъ, или отдѣльнымъ товариществамъ за круговую поруку, съ условіемъ возратить взятое количество пудовъ въ сухомъ и чистомъ видѣ къ новому году.

Условія были выгодныя и для нихъ, и для меня; для нихъ—потому, что пудъ ржи дошелъ до одного рубля, вмѣсто 40 коп., а для меня было выгодно то, что, вмѣсто сыраго, я получу сухой хлѣбъ, что составляло разницу процентовъ на 15.

Молотилка работала день и ночь. Окончивъ молотѣбу на сѣмена, я началъ молотить хлѣбъ на продажу, высушивая на своихъ сушилкахъ.

Пріѣхалъ Чеботаевъ посмотреть. Онъ пришелъ въ восторгъ и горячо поздравилъ съ успѣхомъ.

— Поздравляю, поздравляю!—говорилъ онъ, послѣ лзанья за мной по всѣмъ мытарствамъ моего молотильнаго заведенія.—Магъ и волшебникъ! Отлично, отлично!

— Ну, что, служить ѣхать или хозяйничать?

— Хозяйничать, батюшка, хозяйничать. Вамъ можно. Я очень радъ, что ошибся.

— Могій вмѣстить да вмѣстить,—повторилъ я его любимую фразу.

Мы оба весело разсмѣялись.

— Развѣ можетъ сравниться съ этою дѣятельностью служба? Тамъ вмѣсто меня кандидатовъ милліонъ, а здѣсь я незамѣнимъ. Здѣсь каждый мой день проходитъ съ пользой и толкомъ; каждый день я оставляю

видимый слѣдъ моего существованія. Если Господь дастъ мнѣ долгую жизнь, вся она подъ конецъ будетъ у меня какъ на ладони. Все то, что я сдѣлалъ, и миллионъ того, что сидитъ у меня въ головѣ, скажутъ больше мнѣ и дѣтямъ моимъ, чѣмъ разныя архивныя преданія о моей службѣ.

— Съ Богомъ, съ Богомъ. Теперь вамъ только къ намъ въ земство.

— Я въ земство не пойду. Во-первыхъ, я еще не вполне ознакомился съ существующимъ положеніемъ дѣлъ, а, во-вторыхъ, я не промѣняю природу на людей. Природа мой врагъ, но врагъ честный, великодушный, добросовѣстный. Въ случаѣ моей побѣды, этотъ мой врагъ первый закричитъ обо мнѣ, давъ мнѣ тройной урожай. А тамъ—люди. А вы знаете, и въ церкви молятся: «избави насъ Боже отъ клеветы человѣческой». Люди за добро, за любовь къ нимъ истятъ и грязью мараютъ. Баждаго отдѣльно я люблю, всегда помогу ему, чѣмъ могу, но я не люблю массу, стада людскаго. Я боюсь его,—въ прошломъ оно воздастъ справедливо, но въ настоящемъ сдѣлаетъ всякую гадость и отравитъ жизнь.

Н. Гаринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Судебная защита жертвъ промышленной эксплуатаціи *).

VI.

Французское и нѣкоторыя изъ другихъ западно-европейскихъ законодательствъ представляютъ собою гарантію для страдающихъ отъ неосторожныхъ преступленій лицъ, не обѣщанную имъ по нашему проекту. Въ составъ наказанія самостоятельнымъ придаточнымъ элементомъ они вводятъ и денежную пеню, допущенную въ одной только 21 ст. нашего проекта, и то не какъ придаточный элементъ, а лишь какъ альтернативу наказанія. Между тѣмъ, эти законодательства, благодаря которымъ нашъ проектъ украсился двумя разбираемыми новеллами, умѣло и самостоятельно переработанными и сконцентрированными редакціонною комиссіей, представляютъ въ данномъ отношеніи слѣдующія нормы. Бельгійскій кодексъ за неосторожное лишеніе жизни назначаетъ тюремное заключеніе отъ 3 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ и штрафъ отъ 50 до 1,000 фр.; венгерскій кодексъ за то же преступленіе назначаетъ тюремное заключеніе до 3 лѣтъ и денежное взысканіе отъ 100 до 2,000 гульд. За неосторожныя тѣлесныя поврежденія французскій кодексъ назначаетъ тюрьму до 2 мѣсяцевъ и денежный штрафъ отъ 16 до 100 фр., бельгійскій—то же наказаніе и штрафъ отъ 20 до 200 фр., венгерскій—тюрьму до 3 мѣсяцевъ и штрафъ до 500 гульд.

Отсутствіе этого придаточнаго элемента въ составѣ проектированнаго редакціею наказанія представляется въ особенности страннымъ въ виду того, что и сущность преступности данного типа, и обусловливаемая ею мѣра наказанія, преимущественно предъ всѣми иными родами и видами своими, составляющими общее содержаніе уголовныхъ кодексовъ, органически требуютъ такого придаточнаго элемента: громадный процентъ правонарушеній упадаетъ, конечно, на фабрики, заводы и желѣзнодорожныя компании; главнѣйшимъ стимуломъ преступности рядомъ съ неосторожностью, а, пожалуй, и главнымъ образомъ, является алчность,

*) *Русская Мысль*, кн. III.

стремленіе сократить издержки производства до преступнаго уже *minimum'a*; здѣсь, слѣдуя терапевтической теоріи—*similia similibus*, денежная пеня къ надлежащему размѣрѣ оказывается совершенно умѣстной, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, способною вознаградить пострадавшаго за тотъ именно вредъ, который наносится правонарушеніемъ и выражается потерей заработка; затѣмъ принятіе такой системы оказалось бы въ полнѣйшей гармоніи съ другою, аналогичною и уже принятою въ нашемъ фабричномъ законодательствѣ, карающимъ предпринимателей за несоблюденіе предписываемыхъ имъ правилъ денежными штрафами и обращающемъ взысканія съ рабочихъ въ фондъ спеціальнаго капитала, предназначеннаго на удовлетвореніе нуждъ рабочаго класса; въ этотъ же фондъ могли бы идти и штрафы, налагаемые помимо личнаго наказанія судебнымъ приговоромъ за неосторожное лишеніе жизни или поврежденіе здоровья рабочихъ; изъ этого же фонда, усиленнаго новымъ источникомъ, могли бы выдаваться пенсіи или вознагражденія тѣмъ иждивамъ, къ удовлетворенію которыхъ присужденные отвѣтчики оказались несостоятельными.

Кромѣ изложеннаго прямаго значенія своего, введеніе денежной пени, какъ придаточнаго наказанія, явится очень дѣйствительнымъ средствомъ предупрежденія преступленій, — оно заставитъ нашихъ равнодушныхъ предпринимателей внимательно слѣдить за усовершенствованіями европейской техники, направленными къ огражденію опасности при эксплуатаціи фабричнаго труда, желѣзно-дорожныхъ сообщеній, архитектурныхъ сооружений и т. под. промышленныхъ предпріятій; установленное 10 и 21 ст. проекта опубликованіе приговора придастъ этимъ розысканіямъ еще большую энергію, осложняясь стремленіемъ поддержать репутацію фирмы. Теперешнее краткосрочное лишеніе свободы, упадающее обыкновенно на лицо, не особенно тѣмъ огорчаемое, совершенно безсильно въ этомъ отношеніи, а отвъ присуждаемыхъ гражданскихъ взысканій за понесенные убытки очень не трудно отдѣлаться мировою сдѣлкой, — коммерческою операціей, совершаемою, какъ это очень часто наблюдалось, съ замѣчательною ловкостью и по самой сходной цѣнѣ, — 3 руб., наприм., за оторванную ногу (фактъ) и т. п.

УІІ.

Само собою разумѣется, что введеніе денежной пени, какъ придаточнаго *наказанія*, отнюдь не упраздняетъ неотъемлемо-принадлежащаго каждому потерпѣвшему отъ преступленія лицу права на имущественное вознагражденіе за нанесенный ущербъ.

Въ этомъ отношеніи наблюдается удивительное явленіе въ сферѣ нашего правоваго самосознанія. Входя, наприм., въ чужую гостиную и *нечаянно* зацѣпивъ какой-нибудь не у мѣста поставленный хрупкій предметъ, мы моментально, инстинктивно, автоматически сознаемъ свою непрѣмънную обязанность вознаградить хозяина дома за разбитую вещь; если онъ деликатно отказывается отъ этого, мы чувствуемъ себя крайне неловко и изы-

скиваемъ всевозможные иные способы, чтобы такъ или иначе не остаться въ долгу, хотя бы случай послѣдовалъ по нашей прирожденной неловкости, конфузливости или даже неосторожности самого хозяина, не у мѣста поставившаго хрупкую вещь. Но когда, при совершенно тождественныхъ или даже болѣе криминальныхъ условіяхъ, разбивается не чужая вещь, а чужая жизнь человѣческая, мы прячемся за ширмы, валимъ вину на чужую разбитую голову, кричимъ задавившему прохожаго кучеру своему «пошелъ!», и, когда за все это насъ зовутъ къ суду, мы «украдкою киваемъ» на разныхъ подначальныхъ «Петровъ» въ образѣ сторожей, ткачей, стрѣлочниковъ и т. д., возбуждаемъ «юридическіе вопросы», ведемъ дебаты съ самымъ утонченнымъ краснорѣчіемъ. Дешевле заплатить за разбитую вазу, нежели за разбитую жизнь—это такъ; но, вѣдь, и въ первомъ, и во второмъ случаяхъ причина одна и та же.

Указываемый такимъ образомъ этотъ злополучный Петръ почти всегда способенъ лишь воспринять на свою голову полагающуюся кару и почти всегда несостоятеленъ къ уплатѣ присужденнаго вознагражденія. Отсюда само собою возникаетъ вопросъ о постановкѣ гражданскаго иска при такихъ условіяхъ, чтобы пострадавшій всегда имѣлъ *фактическую* возможность осуществить свое абстрактное право. Нашъ уголовный процессъ знаетъ «гражданскаго истца», но гражданскій отвѣтчикъ извѣстемъ ему не иначе, какъ воплощаемый личностью обвиняемаго. Разъединеніе здѣсь можетъ осуществляться лишь путемъ предъявленія особаго гражданскаго иска въ особомъ гражданскомъ судѣ, — путемъ очень сложнымъ, тяжелымъ и скользкимъ для темнаго искалѣченнаго человѣка, поставленнаго въ необходимость замѣнять себя на судѣ повѣреннымъ и въ этомъ случаѣ рассчитывать лишь на его христіанское милосердіе. Избѣгнуть этого пути онъ можетъ лишь тогда, когда за нимъ будетъ признано несуществующее пока право предъявить свой искъ *въ томъ же уголовномъ судѣ къ лицу, хотя и не привлеченному въ качествѣ обвиняемаго*, но по отношенію своему къ обнаруженнымъ уголовнымъ обстоятельствамъ дѣла оказывающемуся обязаннымъ возмѣстить нанесенный при эксплуатаціи своего предпріятія имущественный ущербъ. По теоріи такъ называемаго «профессіональнаго риска», хозяинъ предпріятія *во всякъ случаяхъ и безусловно* признается обязаннымъ къ имущественной отвѣтственности за всѣ несчастія съ людьми, работающими на него, постигшія ихъ по той или иной причинѣ при эксплуатаціи ихъ труда. Въ дѣйствующемъ у насъ матеріальномъ правѣ—и уголовномъ, и гражданскомъ—мы находимъ кое-какіе слѣды этой теоріи, хотя, по обыкновенію, разбросанные и неполные, но, тѣмъ не менѣе, на столько несомнѣнные, что въ данномъ случаѣ дѣло можетъ идти *лишь о дальнѣйшемъ изъ развитіи и о болѣе обстоятельной юридической постановкѣ вопроса*.

Такъ, по 360 ст. улож. о наказ., когда виновные въ растратѣ должностныя лица не въ состояніи заплатить падающее на нихъ взысканіе, то оно обращается *«на имѣвшіхъ за ними надзоръ и избыточныхъ въ*

упущеніи по оному, или же на избравшія ихъ общества»; по 651 ст. 1 ч. X т.: «тѣ, которые, имѣя власть или возможность предупредить совершеніе преступленія или проступка, съ намѣреніемъ или, по крайней мѣрѣ, завѣдомо, допустили содѣяніе онаго, должны изъ слѣдующаго за причиненные ими вредъ или убытки вознагражденія заплатить всю ту часть, коей сами виновные въ преступленіи заплатить не въ состояніи»; наконецъ, по 687 ст. того же тома: «господа и вѣрители отвѣтствуютъ за вредъ и убытки, причиненные ихъ слугами и повѣренными при исполненіи ихъ порученій, сообразно съ приказаніями или полномочіями, которыя даны имъ господами или вѣрителями».

При всей тождественности отношеній начальника къ подчиненному, завѣдомаго попустителя, имѣвшаго возможность предотвратить преступленіе, къ его непосредственному виновнику, господина къ слугѣ и вѣрителя къ повѣренному съ тѣми отношеніями, какія существуютъ между хозяиномъ предпріятія и его служащими, эти законоположенія въ разсматриваемой сферѣ правовыхъ столкновеній могутъ имѣть лишь весьма ограниченное и отдаленное значеніе, осуществляемое, притомъ, лишь при условіи болѣе или менѣе смѣлой аналогіи, такъ какъ 360 ст. улож. касается только должностныхъ лицъ и только растраты, 651 ст. X т. говоритъ о завѣдомомъ попустителѣ, не всегда формально встрѣчающемся въ средѣ неосторожныхъ проступковъ, а 687 ст. касается лишь «дѣяній, не признаваемыхъ преступленіями или проступками». Кроме того, два послѣднихъ случая требуютъ отдѣльнаго отъ уголовного производства гражданского иска, а глава промышленнаго предпріятія не всегда фигурируетъ въ процессѣ въ роли «господина» или «вѣрителя». Но при всемъ томъ, однако, до очевидности несомнѣнно, какъ легко, не колебля даже матеріальную почву дѣйствующаго у насъ права, развить эти указаные уже слѣды «теоріи профессиональнаго риска», приурочить ихъ къ разсматриваемому вопросу и, такимъ образомъ, обратить ихъ на служеніе задачъ, такъ удачно разрѣшаемой 10 и 21 ст. проекта новаго уголовного уложенія.

Въ этомъ направленіи фабрикантъ, напримѣръ, по отношенію къ своему рабочему, оказывается лицомъ несравненно болѣе обяваннымъ вознаграждать причиненный его подначальными агентами вредъ, нежели должностное лицо, привлекаемое къ имущественной отвѣтственности за своего виноватаго подчиненнаго по 360 ст. улож.: и фабриканту, и должностному лицу принадлежит въ равной степени «надзоръ» за ихъ подвластными чинами, и тотъ, и другой равно отвѣтственны «за упущенія по этому надзору», но въ государственной службѣ солидарность между начальствомъ и подчиненными далеко не такъ тѣсна, какъ это бываетъ въ учрежденіяхъ промышленной эксплуатаціи; очень часто начальство не свободно въ выборѣ своихъ подчиненныхъ, получая ихъ свыше; хозяева фабрикъ, железнодорожно-дорожныя управленія, строители и т. п. комплектуютъ свои штаты по собственному произволу, распредѣляютъ между ними тѣ или иныя функціи по собственному усмотрѣнію, а потому несомнѣнно безусловно отвѣт-

ственны за нихъ въ имущественномъ вознагражденіи съ наибольшимъ сравнительно съ должностными лицами основаніемъ.

Но эта отвѣтственность должна идти еще далѣе. Чуть не всѣ случаи смерти или травматическихъ поврежденій на фабрикахъ приписываются обыкновенно нашими изслѣдователями «собственной неосторожности» пострадавшаго. Не могутъ или не хотятъ замѣтить, что подъ этою *собственною* неосторожностью, въ сущности, всегда скрывается неосторожность самого хозяина, хотя бы съ перваго взгляда на дѣло неосторожность пострадавшаго являлась бы совершенно ясною и совершенно исключительною причиною несчастія *). Дѣло въ томъ, что нашъ рабочій большею частью очень смѣлъ и очень лѣнивъ; онъ любитъ, напримѣръ, не останавливая машины, прочистить ее на ходу, чтобы тѣмъ урвать нѣсколько лишнихъ минутъ для необходимаго отдыха, ему лѣнь соблюсти всѣ условія за работой у того или иного механизма, обеспечивающія его безопасность, и онъ не побоялся обойти ихъ даже при сознательномъ рискѣ, если ту же работу можно продѣлать скорѣе и проще; все это онъ можетъ совершать завѣдомо, невзирая на письменныя и, въ добросовѣстныхъ мануфактурахъ, на устные предостереженія; онъ можетъ, наконецъ, посадить за свою машину и малолѣтняго сынишку или племяшку, чтобы хоть на минутку расправить усталые, намученные члены. Все это—явленія бывалыя и всегда возможныя. Но «надзоръ» за рабочими не долженъ ограничиваться подобными шаблонными мѣрами; онъ долженъ непремѣнно имѣть въ виду эту столь естественную, столь извинительную слабость, прирожденную физиологически русскому рабочему, способному поражать иногда самую дерзкою отвагой при исполненіи самыхъ опасныхъ работъ. Этотъ безумно-храбрый лѣнтяй не позадумается перейти рѣчку по хрупкому льду, чтобы избѣжать длиннаго обхода черезъ мостъ; онъ не побоялся швырять съ высокой обледенѣлой крыши громадныя снѣжныя глыбы, не привязавъ себя предварительно веревкою, которую онъ позабылъ внизу и за которой надо «нарочно» слѣзаться; онъ не устоитъ противъ искушенія помыться въ фабричномъ котлѣ, рискуя опшариться, лишь бы не ходить «нарочно» въ баню и т. д., и т. д. Все это добросовѣстный и «осторожный» хозяинъ всегда можетъ предусмотрѣть и прямо, и косвенно; онъ легко можетъ устранить тѣ условія, какія обыкновенно вызываютъ подобную отвагу, не переутомляя, напримѣръ, работою до того, что каждая минута сравнительнаго отдыха представляется рабочему такимъ неизяснимымъ блаженствомъ, за которое онъ готовъ рискнуть хотя бы своею жизнью; такой хозяинъ легко можетъ устранить бѣду и прямымъ путемъ—организациею на фабрикѣ *постояннаго* и бдительнаго надзора за «неосторожными» смѣльчаками, удѣливъ для этого хотя малую толику изъ тѣхъ баснословныхъ окладовъ, которые получаютъ директора, техники, рисовальщи-

*) По французскому уложенію, неосторожность *вмнѣяема*, хотя бы въ ошибкѣ обвиняемаго присоединилась и *собственное неблагоразуміе жертвы*.

жи и т. п., нужные ему, а не рабочему люду. Если онъ не дѣлаетъ этого, онъ поступаетъ *неосторожно*, потому что очень хорошо знаетъ и опасность своихъ механизмовъ, и эту бытовую склонность своихъ рабочихъ, и то, что у его же собрата по профессіи, но болѣе добросовѣстнаго и болѣе тароватаго, благодаря огражденію машинъ и нефитивному надзору за рабочими, «несчастныхъ случаевъ» не бываетъ. Слѣдовательно, шаблонно фигурирующая въ нашихъ дознаніяхъ «собственная неосторожность» есть не болѣе, какъ рутинное, близорукое и недомысленное сваливаніе бѣды съ большой головы на здоровую.

Неосторожность въ данномъ своемъ проявленіи, мыслимая за лицомъ, стоящимъ во главѣ предпріятія, можетъ оказываться иногда сомнительною для воспріятія *уголовнаго* возмездія, но всегда и вездѣ она будетъ представлять собою незыблемое и безусловно правое основаніе для гражданскаго иска, а такъ какъ ея квалификація тѣсно связана съ обстоятельствами уголовного дѣла, выясняется и опредѣляется его разбирательствомъ, то имущественное вознагражденіе является *естественною* и безспорною функціей не гражданскаго, обособленнаго и въ данномъ случаѣ недоступнаго, а того же уголовного суда, лишь на разбирательствѣ котораго вырабатывается безошибочный базисъ для гражданскаго иска.

Такимъ образомъ: 1) полная отвѣтна частнаго порядка обвиненія въ дѣлахъ о неосторожномъ лишеніи жизни или здоровья, 2) введеніе въ составъ наказанія денежной пени, какъ придаточнаго, а не альтернативнаго только элемента, и 3) болѣе широкая постановка гражданскаго иска въ уголовномъ судѣ—являются единственно-желательными поправками къ вновь проектированному закону.

VIII.

Выше было нами указано на то, что сущность преступленія, жертвами котораго являются труженики промышленной эксплуатаціи, очень своеобразна; при незначительной, иногда едва улавливаемой долѣ субъективной порочности, она обнимаетъ собою разнообразнѣйшую сферу опасныхъ конкретныхъ проявленій самаго серьезнаго въ общественномъ значеніи свойства; такимъ образомъ, не замыкаясь личностью и случаемъ, она отмѣчена социальнымъ и хроническимъ характеромъ съ чрезвычайно обширными условіями мѣста и времени. Поэтому напрасно нѣкоторые изъ упомянутыхъ иностранныхъ кодексовъ въ своей редакціи даютъ судамъ подробную классификацію ея признаковъ: такъ, французское уложеніе говоритъ: 1) о неумѣлости, незнаніи и неопытности, 2) о неблагоразуміи, 3) о невнимательности, 4) о непредусмотрительности и 5) о несоблюденіи предписанныхъ закономъ правилъ; бельгійскій кодексъ, отказываясь отъ исчерпывающаго перечисленія причинъ, вызвавшихъ неосторожную смерть, въ мотивахъ требуетъ, однако: 1) чтобы виновный могъ предусмотрѣть смертельный исходъ, но не сдѣлалъ этого по недостатку знанія или внима-

тельности, и 2) чтобы, предвидѣвъ этотъ исходъ, онъ предполагалъ, что въ данномъ случаѣ его не послѣдуетъ. Нашъ проектъ въ этомъ отноше- нии далеко оставляетъ за собою всѣ эти законоопредѣленія, совершенно разумно отказавшись отъ всякой попытки въ цѣляхъ детальной обрисовки признаковъ, характеризующихъ тотъ или иной видъ, ту или иную степень и тотъ или иной мотивъ наказуемой неосторожности. Это не только со- вершенно разумно, но и практично, и вотъ почему именно.

Западно-европейскій предприниматель и западно-европейскій рабочій не- сравненно «осторожнѣе» дѣйствующихъ у насъ подобныхъ же типовъ; сверхъ того, наша «неосторожность» осложняется многими привходящими элементами, снабжающими ее особенно бытовою окраской и мотивирую- щими ее своеобразными, «самобытными» поводами. Отъ этого само по себѣ необычайно широкое поле дѣйствія неосторожности общечеловѣче- ской у насъ пестрѣетъ такимъ богатствомъ оттѣнковъ, передъ которыми разбѣгается самое зоркое око, хотя бы оно было и «недреманное», и ко- торые невозможны для апіорной квалифікаціи въ законѣ. Не говоря уже о дѣйствительности, въ нашей литературѣ, напримѣръ, у Гоголя, Остров- скаго, Гончарова, Успенскаго, Щедрина и др., можно найти цѣлую коллек- цію этихъ оттѣнковъ, воспроизведенныхъ въ самыхъ разнохарактерныхъ художественныхъ образахъ, отъ равнодушнаго ко всему на свѣтѣ, крогѣ собственного покоя, Обломова до двухъ ящичковъ, разсуждающихъ у по- возки, доѣдетъ ли колесо до Казани, или не доѣдетъ.

Столь же своеобразна сфера нашей неосторожности и въ данномъ сво- емъ воплощеніи—въ нашей промышленной эксплуатаціи. Въ основѣ пре- ступной неосторожности предпринимателя лежитъ та же бытовая, ха- рактерная черта, которая сказывается и въ «собственной неосторожности» рабочаго. «Авось не упаду»,—думаетъ рабочій, подымаясь въ крохотной жоробочкѣ съ кистью и красками по пятиэтажной стѣнѣ; «авось выдер- жать»,—думаетъ хозяинъ о проржавомъ паровикѣ, не желая тратиться на ремонтъ; «авось не загорится»,—думаетъ строитель, проводя, вмѣсто доро- той каменной, дешевую деревянную лѣстницу; тѣмъ не менѣе, однако, ра- бочій обрывается внизъ и гибнетъ, паровикъ лопається—и гибнуть люди, лѣстница загорается—и опять гибнуть люди. Проходитъ нѣсколько вре- мени, и опять—та же деревянная лѣстница, тотъ же ржавый паровикъ, то же «авось», тѣ же катастрофы. Но эта общая отправная точка сви- рѣпствующей у насъ неосторожности—въ рабочемъ чиста и непорочна, отважна и субъективна; въ предпринимателѣ же она замутняется без- участнымъ эгоизмомъ, алчностью, сквалыжничествомъ и т. п. мотивами уже объективно-опаснаго значенія.

Эти и т. п. бытовые оттѣнки въ природѣ разматриваемаго преступле- нія, распознаваемые не только умомъ, но и сердцемъ, сообщаютъ его сущности свойства и формы, легче и шире усвояемыя простымъ, непо- средствомымъ, общежитейскимъ пониманіемъ, нежели пониманіемъ юри- дически-профессіональнымъ, формируемымъ теоретически, закованными и

охлажденнымъ рутинною и послушнымъ скорѣе голосу закона, нежели голосу жизни. Поэтому никакія шаблонныя выкладки и вычисления, никакія кассационныя трафареты, никакія квалификаціонныя детали, будь это «постановленія, ограждающія общественную и личную безопасность», или «руководящія правила для опредѣленія силы и значенія представляющихся уликъ», или еще что-нибудь въ этомъ родѣ, не только не помогаютъ дѣлу, но мѣшаютъ ему, втискивая въ тѣсныя рамки содержаніе, требующее совѣсть иныхъ приемовъ для своего полного и безошибочнаго разумѣнія. Затѣмъ, всякій подобный логическій арсеналъ, пригодный и даже безусловно необходимый юристу-теоретику, комбинирующему правовыя нормы въ ихъ отвлеченіи, тормазитъ работу юриста-практика, претворяющаго эти отвлеченныя нормы въ своей живой задачѣ. Соединеніе и согласованіе двухъ этихъ элементовъ правосудія въ одномъ и томъ же мозгу — дѣло крайне трудно достижимое и явленіе крайне рѣдкостное, почему во всѣхъ своихъ важнѣйшихъ функціяхъ идеальное правосудіе разъединяетъ ихъ, относя вторую задачу къ компетенціи не юристовъ, а представителей общественной совѣсти.

Большую или меньшую важность преступленія нельзя измѣрять неизмѣнно и безусловно однимъ и тѣмъ же масштабомъ — серьезностью угрожаемой кары. Опредѣляя послѣднюю, законодатель могъ руководиться соображеніями мало гармонирующими съ требованіями идеальнаго равновѣсія между наказаніемъ и дѣяніемъ, взятымъ въ его полномъ, т.-е. не только въ личномъ и моментальномъ, но и въ соціологическомъ значеніи; по большей части здѣсь реагируютъ субъективныя и случайныя свойства преступившаго индивида, нерѣдко заслоняя или даже поглощая собою соціально-понятое зло отъ совершеннаго имъ дѣянія; наконецъ, это идеальное равновѣсіе недостижимо — для законодателя вполне, для судьи — отчасти, почему совершеннѣйшій кодексъ расширяетъ свободу послѣдняго до возможнаго предѣла. Такимъ образомъ, признавая мѣру наказанія единственнымъ масштабомъ проведенія границы между компетентностями присяжнаго и короннаго суда, мы, однако, часто получаемъ въ кодексѣ такія дѣянія, которыя въ моментъ одной и той же квалификаціи оказываются заразъ подсудными и тому, и другому по *minimum*'у и *maximum*'у положеннаго за нихъ наказанія; отъ этого въ практикѣ присяжные засѣдатели зачастую рѣшаютъ дѣла, предлагаемыя имъ по этому *maximum*'у наказанія, но по пониженному слѣдствіемъ размѣру его подсудныя коронному суду. Все это указываетъ на несомнѣнную шаткость дѣйствующаго критерія. Не наказанія, которымъ обложено то или другое преступленіе, а соціальное значеніе его, степень и пространство причиняемаго имъ общественнаго зла могутъ служить лучшимъ и вѣрнѣйшимъ критеріемъ въ опредѣленіи данной пограничной черты. Чтобы нагляднѣе выразить сущность этихъ общихъ соображеній, сопоставимъ для примѣра два преступныхъ дѣянія: умышленное убійство конокрада или ростовщика, разоряющихъ обширный нерѣдко районъ своей дѣятельности, и гибель рабочихъ, платящихъ по-

дати, содержащихъ семью, мирныхъ и полезныхъ гражданъ, — гибель не умышленную, а только неосторожную. Въ которомъ изъ двухъ случаевъ болѣе страдаетъ общество? А, между тѣмъ, первый, караемый каторгою, будетъ разсматриваться присяжными засѣдателями, а второй, караемый тюрьмою, — короннымъ судомъ, несмотря на то, что рабочій, убитый машиною, — тотъ же воинъ, павшій на полѣ брани, во благо своему отечеству, несмотря на то, что такой ущербъ, поражающій за одинъ разъ и личность, и общество, и государство, нельзя и сравнивать съ ущербомъ, причиненнымъ, наприм., имущественнымъ посягательствомъ, случайнымъ и единичнымъ, легко возстановимымъ, а зачастую и вовсе для потерпѣвшаго не ощутительнымъ, караемымъ, однако, судомъ при участіи присяжныхъ засѣдателей, съ этою высшею гарантіею правосудія.

Эта гарантія въ особенности необходима тамъ, гдѣ въ основѣ правонарушенія лежитъ крѣпко обжившаяся бытовая антисоціальная тенденція рядомъ съ закоснѣлымъ равнодушіемъ къ участи эксплуатируемаго ближняго своего. Борются съ *такими* двумя *противообщественными* элементами преступности въ силахъ одна «общественная совѣсть», одна «живая правда», вносимыя въ дѣло отправленія правосудія лучшими избранными страдающей отъ нихъ среды, постоянно обновляемыя, подвижныя и не предвзятыя. Лишенная такой своей жизненной силы, задача эта выпадаетъ на долю ума, наторѣвшаго въ поискахъ логической причинной связи «между» дѣяніями и ихъ «конкретными послѣдствіями», блуждающаго въ этомъ лабиринтѣ, очень часто сознательно оттапливающаго тотъ прямой и естественный изъ него выходъ, который подсказывается простымъ общечеловѣческимъ чувствомъ общечеловѣческой справедливости, т. е. тѣмъ могучимъ факторомъ правосудія, который, не «мудрствуя лукаво», живетъ въ совѣсти присяжнаго засѣдателя и духотворитъ собою задачу юриста. Въ данномъ вопросѣ это чувство общечеловѣческой справедливости говоритъ намъ, что каждый, свободно избирающій ту или иную профессию, эксплуатация которой при извѣстныхъ условіяхъ сопрягается съ опасностью для другихъ, *тѣмъ самымъ* обязывается нормировать эти условія такъ, чтобы рискъ опасности сокращался до своего возможнаго *минимума*; эта забота и будетъ тою «особою осмотрительностью», о которой упоминають 10 и 21 ст. проекта. Тѣмъ же самымъ чувствомъ, яснымъ и отчетливо сознаннымъ, понимаемъ мы, что за всѣ такъ называемыя «несчастія» и «катастрофы» отвѣтственность лежитъ на совѣсти этого свободного предпринимателя, разъ на судѣ не доказана умышленность и намеренность вызвать ихъ со стороны самого пострадавшаго при невозможности остановить такое его поущеніе.

Резюмируя предшествующее изложеніе, мы приходимъ къ печальнымъ итогамъ.

Существующая законодательная регламентация судебной защиты жертвъ промышленной эксплуатаціи обставлена такими во всѣхъ отношеніяхъ не-

благоприятными модификационными и бытовыми условиями, при роковомъ союзѣ которыхъ ея практическое воздѣйствіе въ лучшемъ случаѣ сводится къ нулю; говоримъ—въ лучшемъ случаѣ, потому что въ ряду прямыхъ результатовъ такого воздѣйствія можно насчитать не мало явленій чисто отрицательнаго свойства: обиженные истцы утрачиваютъ свое прежнее довѣріе къ новымъ судебнымъ порядкамъ, чаще и чаще вспоминая почти; слава Богу, уже позабытый традиціонный совѣтъ: «съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тянись»; торжествующіе отвѣтчики больше и больше убѣждаются въ своей безнаказанности, отчего «несчастія» и «катастрофы» растутъ, какъ грибы послѣ дождя, плодотворяющую функцію котораго, въ данномъ случаѣ, исполняетъ отживающее свой вѣкъ уголовное уложеніе, отнимая у суда драгоцѣннѣйшее право его,—право, дарованное ему судебными уставами,—свободу внутренняго убѣжденія. Молодые ростки и побѣги, взрощенные этими уставами на отечественной нивѣ и успѣвшіе дать роскошные плоды, въ изслѣдуемой здѣсь области блекнутъ и вянутъ въ холодныхъ объятіяхъ этого отживающаго старца, и тамъ, гдѣ между этими, въ теченіе цѣлой четверти вѣка несогласованными, двумя кодексами не посредствуетъ примиряющее начало суда присяжныхъ засѣдателей, процессъ такого разложенія еще ощутительнѣе, еще болѣзненнѣе. «Дѣйствующее уложеніе доживаетъ свои послѣдніе дни», но эта агонія тянется уже слишкомъ долго; она началась съ обнародованіемъ судебныхъ уставовъ и до сихъ поръ нельзя съ увѣренностью сказать, когда она закончится смертью. О томъ, *какимъ* окажется къ достиженію своего гражданскаго совершеннолѣтія народившійся преемникъ его, возможно строить пока лишь гадательныя и рискованныя предположенія. 10 и 12 ст. проекта новаго уложенія несомнѣнно общають коренной поворотъ къ лучшему будущему; но оно такъ далеко, такъ неопредѣленно, что теперь способно только углублять удручающее впечатлѣніе, возбуждаемое созерцаніемъ настоящаго; оно безспорно освѣщаетъ это настоящее, но освѣщаетъ его тѣмъ свѣтомъ, что «свѣтитъ, да не грѣетъ». Давно уже творится у насъ «правый, милостивый и равный для всѣхъ» судъ; вводится фабричное законодательство; министерство внутреннихъ дѣлъ работаетъ за двумя проектами: 1) страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ посредствомъ взноса предпринимателями опредѣленныхъ платежей въ государственное казначейство и 2) объ улучшеніи санитарнаго положенія рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ; въ министерствѣ финансовъ составляются предположенія о распространеніи фабричнаго законодательства и инспекціи какъ на ремесленные заведенія, такъ и на всѣ тѣ мѣстности, которыя пока не пользуются благами новаго закона; западно-европейскія правительства, какъ монархіи, такъ и республики, предпринимаютъ цѣлый рядъ широкихъ и гуманныхъ мѣръ въ этомъ же направленіи. Недавнія времена, когда все это, составляющее нынѣ содержаніе указовъ германскаго императора, выдавалось за какое-то политическое пугало, когда заинтересованные въ сохраненіи нашего патріархальнаго фабричнаго *statu quo*, прикидываясь «охраните-

лами», подымали отчаянные вопли, лишь только откуда-нибудь раздавались голоса въ защиту рабочаго класса, приравнивая ее чуть не къ коммунизму и оспаривая у государства право вмешательства въ «свободныя» договорныя отношенія,—эти недавнія времена отошли въ область исторіи. Настаетъ иная пора, когда лукавая тщета всѣхъ этихъ крамольныхъ застрашиваній теряетъ свой прежній престижъ, когда консерваторы и клерикалы Запада за одно съ социаль-демократами привѣтствуютъ правительственный починъ, а рабочія массы успѣли настолько дисциплинироваться, что одинъ изъ наиболѣе острыхъ протестовъ—стачка—потерялъ характеръ прежняго насилія и буйства, не угрожая болѣе общественному спокойствію. Возвращаясь къ тому положенію, въ какомъ обрѣтается наша фабричная реформа, мы тѣмъ же успокоеннымъ взоромъ наблюдаемъ мирное развитіе и упроченіе того самаго законодательства, которое вчера еще выдавалось нашими предпринимателями и послушно ихъ вождѣніямъ прессой за актъ, обладающій всѣми задатками «ниспроверженій» и «колебаній».

И вотъ на этомъ расчищенномъ и просвѣтленномъ горизонтѣ темнымъ, странно обособившимся силуэтомъ стоятъ передъ нами уцѣлѣвшія руины прежняго дореформеннаго порядка, въ которыхъ тщетно ищетъ себя убѣжища и защиты искалѣченная, обездоленная и выбрасываемая нищета. Современное правосудіе, восстанавливая столько нарушенныхъ правъ, облегчая столько причиненныхъ страданій тамъ, гдѣ дореформенныя пути не мѣшаютъ ему дѣлать свое дѣло, бессильно здѣсь помочь этой выбрасываемой ежедневно нищетѣ. Это вынужденное безсиліе поражаетъ собою еще глубже, переносится еще тяжелѣе съ тѣхъ поръ, какъ въ будущемъ возвѣщена уже замѣна стараго порядка новымъ, не только лучшимъ, но, въ данномъ случаѣ, и идеальнымъ. Quousque tandem?!

Въ печальномъ сумрагѣ этихъ полученныхъ итоговъ невольно загорается вопросъ: отчего бы теперь же, не выжидая общаго разсмотрѣнія проекта новаго уложенія, что, по послѣднимъ извѣстіямъ, потребуетъ очень много времени и отсрочитъ введеніе его на такой отдаленный срокъ, что его теперь нельзя опредѣлить даже и приблизительно,—отчего бы *теперь же* не замѣнить проектированными 10 и 12 статьями новаго уголовного уложенія всю дѣйствующую пока, но уже отпѣтую имъ вереницу статей, разрывающихъ по отдѣльнымъ клочкамъ одно и единое въ существѣ своемъ понятіе, стѣсняющихъ необходимую для суда свободу, низводящихъ до нуля его задачу, безнадежныхъ для потерпѣвшаго и благосклонныхъ къ обвиняемому, мѣшающихъ бороться съ общественнымъ зломъ и, наконецъ, безповоротно осужденныхъ и впрахъ разбитыхъ въ проектѣ редакціонной комиссіи? Вѣдь, это—дѣло, насущность котораго въ виду всего вышеизложеннаго стоитъ внѣ всякаго спора и сомнѣнія.—дѣло, которое не повлечетъ за собою ни реформы карательныхъ учреждений и сопряженныхъ съ этимъ расходовъ (одна изъ главнѣйшихъ причинъ отсрочки введенія проекта), ни какихъ-либо подготовительныхъ мѣръ или работъ,—дѣло,

которое не только не увеличит собою ту степень несоответствія между дѣйствующимъ уложеніемъ и дѣйствующими судебными уставами, съ которою мы уже давно привыкли считаться, но, напротивъ, сгладитъ это несоответствіе и сдѣлаетъ это именно тамъ, гдѣ оно является въ особенности вопіющимъ и нетерпимымъ.

Наше дѣйствующее уложеніе знаетъ много подобныхъ новеллъ и поправокъ, вводимыхъ по поводамъ менѣе настоятельнымъ, что же касается интересовъ послѣдовательности въ порядкѣ введенія новаго проекта, то, при коренномъ и всеобщемъ антагонизмѣ его съ дѣйствующимъ кодексомъ, подобное частичное введеніе представляется даже болѣе желательнымъ. Внезапное и полное водвореніе его на развалинахъ законоположенія, которое успѣло до того сродиться съ своими исполнителями, до того успѣло приучить ихъ чуть не маниакально относиться къ своимъ требованіямъ и не тревожить гимнастикою своихъ собственныхъ умственныхъ силъ, что рѣзкій и крутой переходъ отъ стараго къ новому, тотчасъ требующему и новыхъ силъ, можетъ осложнить дѣло затрудненіями самаго непредвидѣннаго свойства. Само собою разумѣется, что руководящимъ въ этой переходной стадіи началомъ должна служить назрѣвшая потребность упраздненія или замѣны тѣхъ постановленій дѣйствующаго уложенія, пользование которыми утратило уже и цѣль, и смыслъ, а хорошимъ пособіемъ при этой работѣ могутъ служить давно собранныя и кодифицированныя той же редакціонною комиссіей замѣчанія юристовъ-практиковъ, сдѣланныя ими по предложенію министерства относительно недостатковъ и неудобствъ прижняемаго ими стараго закона.

Слѣдовательно, постановка дѣла судебной защиты безчисленныхъ жертвъ нашего Ваала на новыхъ уже готовыхъ началахъ оказывается не только безотложно необходимою, но вполне возможною и легко исполнимою. Настойтельность такой постановки ни мало не теряетъ своего значенія въ виду иныхъ, въ той же цѣли общаемыхъ реформъ. И страхование рабочихъ, и улучшеніе санитарной обстановки ихъ труда—безспорно, мѣры столь же настоятельно необходимыя, но судебная защита и при введеніи этихъ мѣръ сохранить въ ряду ихъ свое главенствующее положеніе, какъ надежнѣйшій стимулъ охраны первѣйшихъ благъ и интересовъ человѣка. Страхование способно возстановлять уже нанесенный ущербъ, но бессильно сократитъ собою возможность его рецидива; оно приходитъ на помощь въ отдѣльныхъ «совершившихся фактахъ», но, какъ орудіе борьбы съ массовымъ и хроническимъ общественнымъ зломъ, оно не имѣетъ ровно никакого значенія; скажемъ болѣе: уплатившій страховой сборъ предприниматель сочтетъ себя повитавшимся съ грядущими «несчастіями», подобно тому, какъ застраховавшій, наприм., свое имущество отъ пожара обращается съ огнемъ уже съ меньшею осторожностью. Поддерживать эту осторожность можетъ лишь перспектива неминуемой расплаты за ея несоблюденіе, расплаты личной и имущественной, расплаты пока крайне пробле-

матической, но несомнѣнной и реальной въ тѣхъ условіяхъ, какими обставляется ее проектъ редакціонной комиссіи.

Въ статьѣ своей *Спорный вопросъ* (*Русская Мысль* 1888 г., кн. IV) мы указали на судебную беззащитность подростающаго рабочаго поколѣнія, методически избиваемаго и всячески эксплуатируемаго въ нашихъ ремесленныхъ заведеніяхъ. Тамъ эта беззащитность обуславливалась не столько законодательными, сколько процессуальными и физиологическими бытовыми причинами; здѣсь онъ вызывается и тѣми, и другими, но въ обѣихъ проявленіяхъ своихъ она разоблачаетъ полнѣйшую невозможность для жертвъ промышленной эксплуатаціи участвовать наравнѣ съ прочими гражданами въ общей охранѣ своихъ правъ путемъ судебного преслѣдованія ихъ нарушителей. «Спорный вопросъ» успѣлъ сдѣлаться бесспорнымъ, но какъ тамъ, такъ и здѣсь онъ еще ждетъ своего порѣшенія. А тѣмъ временемъ «безданны-безпошлинно», хотя бы и ненамѣренно, льется кровь, трещать кости, рвутся мускулы,—тѣ мускулы, которыми «труждающіеся и обремененные» добываютъ свой хлѣбъ насущный,—и, въ придачу къ этому огульному членовредительству, заранѣе обезсиливается поколѣніе, идущее на смѣну имъ.

Годить въ такомъ положеніи, какъ нѣкогда совѣтовалъ одинъ изъ героев нашего безсмертнаго сатирика, нѣтъ ни малѣйшаго основанія, какъ потому, прежде всего, что въ данномъ случаѣ такое гожденіе ужъ слишкомъ дорого обходится, такъ и потому, что *тѣхъ* причинъ, по которымъ Глумовъ принялъ свое рѣшеніе, ни въ какой изъ сферъ разсматриваемаго вопроса въ наличности теперь вовсе не обрѣтается: одною изъ главныхъ задачъ заканчиваемаго изложенія было возможно нагляднѣе доказать не только широкое и горькое значеніе этого вопроса, но и *вѣрную и скорую возможность* рѣшить его при гарантіяхъ, если и не обѣщающихъ коренное устраненіе общественнаго зла, то совершенно достаточныхъ для того, чтобы на добрую половину сократить теперешніе размѣры его. Моментъ, въ который заботы всѣхъ правительствъ дружно направлены къ возможному огражденію законныхъ интересовъ и нуждъ рабочаго класса, въ который одною изъ коренныхъ причинъ переживаемаго нами голода является *необезпеченность и скудость заработка*,—моментъ для такого рѣшенія самый благоприятный.

П. Обнинскій.

Новое изслѣдованіе о реформѣ Петра Великаго.

(П. Н. Миллюковъ: „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго“).

Знаменательная эпоха петровскихъ преобразованій продолжаетъ вызывать ученыхъ изслѣдованія. Почетное мѣсто среди этихъ изслѣдованій займетъ обширный трудъ г. Миллюкова, основанный на громадномъ архивномъ матеріалѣ.

Г. Миллюковъ принадлежитъ къ числу тѣхъ историковъ, которые глубоко проникаютъ въ историческій ходъ народной жизни, ищутъ основныхъ причинъ тѣхъ измѣненій или переворотовъ, которые мы замѣчаемъ при обзорѣ историческихъ событій. Авторъ *Государственнаго хозяйства въ Россіи* склоненъ при этомъ, подобно нѣкоторымъ другимъ современнымъ историкамъ, придавать въ объясненіи историческаго процесса первенствующее значеніе причинамъ экономическаго порядка. Въ предисловіи къ своему труду г. Миллюковъ говоритъ слѣдующее: «Не многіе будутъ теперь спорить противъ положенія, что финансовыя затрудненія должны были быть главною движущею пружиной реформаціонной дѣятельности Петра и что необходимо, слѣдовательно, привести ходъ реформы въ связь съ исторіей государственнаго хозяйства въ Россіи».

Но *привести въ связь* не значитъ установить причинную зависимость: ходъ реформы могъ вызываться экономическими условіями и финансовыми затрудненіями, могъ и въ свою очередь вызывать эти затрудненія и создавать неблагоприятныя экономическія условія. Содержаніе войска, почти непрерывныя войны истощали Россію; но велись эти войны не потому, конечно, что наше отечество находилось тогда на низкой ступени хозяйственнаго развитія. Задачи, которыя преслѣдовало русское государство въ XVII вѣкѣ и въ особенности при Петрѣ Великомъ, были не по силамъ народу, — въ экономическомъ смыслѣ слова, — и достиженіе ихъ вело къ еще болѣе глубокому экономическому разстройству *).

*) Невозможность этихъ задачъ превосходно цифровыми данными доказана П. Н. Миллюковомъ. Позволю себѣ напомнить здѣсь о предположеніи, которое было сдѣ-

П. Н. Милюковъ признаетъ нѣкоторое вліяніе и за формами государственнаго строя, и за вносимыми въ государственную жизнь идейными началами, а также за личными особенностями государственныхъ дѣятелей. Такъ, Петра Великаго онъ сравниваетъ съ ураганомъ, который ниспровергнулъ зданіе раньше, чѣмъ можно было подуматъ о построеніи новаго. Говоря о неудобствахъ губернской системы, П. Н. Милюковъ замѣчаетъ, что было бы ошибкою заключать, что эти неудобства вызывались *исключительно недостатками организациіи*. Въ учрежденіи сената, въ губернскомъ устройствѣ, въ расквартировкѣ арміи по губерніямъ авторъ находитъ несомнѣнное воздѣйствіе шведскихъ порядковъ.

Мы видимъ въ книгѣ г. Милюкова, какъ правительство, желая достать денегъ для военныхъ и для нѣкоторыхъ другихъ цѣлей, придумываетъ равнообразныя мѣры, передѣлываетъ на разный ладъ учрежденія. Но, повторяю, не бѣдностью страны обуславливались усиленныя вооруженія и не доходы опредѣляли государственные расходы, а наоборотъ. Авторъ отмѣчаетъ, что черезъ два-три года послѣ окончательнаго введенія губернской организациіи государственнаго хозяйства организациія эта оказалась весьма неудовлетворительною. И подобныя неудачи постигали то ту, то другую часть петровской *реформы*. Слѣдовательно, въ этой реформѣ *ошибка* играла немаловажную роль. Г. Милюковъ самъ указываетъ, что «старая торговая политика правительства слишкомъ шла въ разрѣзъ съ интересами русскихъ и иностранныхъ предпринимателей». Когда эти интересы начали сознательно защищаться, дѣло измѣнилось, но именно потому, что на сцену появилось *сознаніе*, въ смыслѣ общественнаго или, по крайней мѣрѣ, классоваго.

«Изученіе административной реформы 1718—1722 гг.,—говоритъ г. Милюковъ,—привело насъ къ выводу, что она не была согласована съ учрежденіями, введенными реформой 1708—1712 гг. Сопоставленіе ея съ податною реформой 1718—1722 гг. ведетъ къ заключенію, что онѣ не были согласованы и между собой: новая система взиманія подушной подати существенно подрывала новое камерное устройство». Такимъ образомъ, оказывается, что финансовыя затрудненія часто уславливались реформами Петра. «Распредѣленіе арміи по уѣздамъ,—признаетъ г. Милюковъ,—оказывалось величайшею ошибкою, подвергнувшею страну всѣмъ неприятностямъ»

лано мною по этому поводу на основаніи теоретическихъ соображеній. „Если мы замѣчаемъ,—писалъ я въ книгѣ *Государственное хозяйство во Франціи XVII вѣка*,—что политическое могущество государства возрастаетъ, что государственная область увеличивается, что военныя и другіе расходы сильно поднимаются, мы необходимо должны обратить вниманіе и на измѣненія въ формахъ податнаго обложенія. При правильномъ поступательномъ движеніи налоговъ наиболѣе грубые виды ихъ смѣняются такими, которые ближе подходятъ къ воздвигаемому наукой и исторіей идеалу. Московское государство XVII вѣка, расширивъ свои предѣлы почти во всѣ стороны, взымало на народъ непосильную тягость; начавши съ поземельнаго налога, при удовлетворительномъ для того времени кадастрѣ, оно черезъ подворную подать воротилось опять къ давно отжившей подушной податѣ“.

солдатскаго постоя и сдѣлавшемъ безъ того уже тяжелую подушную подать совершенно невыносимою».

Недостатки реформы выяснились еще при жизни Петра. «Мы не сомнѣваемся, — говоритъ П. Н. Миллюковъ, — что если бы Петръ остался живъ еще нѣсколько лѣтъ, онъ еще дальше пошелъ бы по пути націонализаціи своей государственной реформы, какъ онъ уже пошелъ по этому пути со времени перваго введенія въ 1718—1719 годахъ». Впрочемъ, почтенный авторъ не придаетъ личной дѣятельности императора того великаго, рѣшающаго значенія, какъ другіе наши историки. «Уже при жизни Петра, — читаемъ мы въ *Государственномъ хозяйствѣ Россіи*, — мы привыкли, слѣдя за переиѣнами въ избранной нами области явленій, наблюдать реформу безъ реформатора. Собственно то же впечатлѣніе относительно государственной реформы получили въ свое время и болѣе посвященные участники и наблюдатели реформы. Только люди, стоявшіе дальше отъ дѣла, наивно отождествили потомъ Петра съ его реформой и подготовили тотъ взглядъ, по которому Петръ былъ единственнымъ творцомъ новой Россіи». Болѣе того, г. Миллюковъ признаетъ въ дѣятельности императора *непрерывную цѣпь ошибокъ и недоразумѣній* и вспоминаетъ слова Екатерины II о Петрѣ Великомъ: «онъ самъ не зналъ, какіе законы учредить для государства надобно». Авторъ спѣшитъ прибавить, что онъ не желаетъ давать суммарной характеристики реформы, что его сужденіе опредѣляется тѣмъ кругомъ финансовыхъ и экономическихъ явленій, которыя онъ подвергнулъ изученію.

«Цѣной разоренія страны, — говоритъ г. Миллюковъ, — Россія возведена была въ рангъ европейской державы». Цифровыми данными авторъ доказываетъ ужасающую убыль населенія и его разореніе. Съ переписи 1680 года до переписи 1710 г. убыль населенія опредѣляется въ 19,5% (дѣло идетъ о податномъ населеніи; оно исчислялось въ 791,018 человекъ въ 1680 году, въ 637,005 человекъ въ 1710 году). Этотъ расчетъ г. Миллюковъ считаетъ гораздо ниже дѣйствительнаго и предполагаетъ, что рабочаго населенія было *минимумъ* 302,702 человекъ. Отсылаемъ читателя за подробностями къ переполненному новыми фактическими данными изслѣдованію П. Н. Миллюкова. Оно убѣдительно доказываетъ, что военное могущество и роль великой державы въ международныхъ отношеніяхъ горькою цѣной достались русскому народу. «Новыя задачи внѣшней политики свалились на русское населеніе въ такой моментъ, когда оно не обладало еще достаточными средствами для ихъ выполненія».

Дѣйствительно, многія изъ этихъ задачъ *свалились* на Россію въ XVIII вѣкѣ: онъ роковымъ образомъ вытекали изъ столкновеній и сближеній съ сосѣдними государствами. Но нѣкоторыя изъ нихъ, главнымъ образомъ, кровопролитнѣйшія войны, происходили вслѣдствіе придворныхъ интригъ и не содѣйствовали даже внѣшнему росту и международному могуществу Россіи. Изслѣдованіе г. Миллюкова даетъ твердую почву для сужденія о финансовой и экономической сторонахъ петровской реформы, рѣшаетъ не-

отразимыми данными многие важные и спорные до настоящего времени вопросы. Косвенно, оно необходимымъ образомъ вноситъ поправки въ наши взгляды и на другія стороны петровскихъ преобразованій. Достоинства труда велики и очевидны, и мнѣ хотѣлось только отмѣтить нѣкоторую односторонность почтеннаго автора, приближающагося къ теоріи экономическаго матеріализма. Эта важная и плодотворная теорія нуждается въ ограниченіяхъ и поправкахъ, такъ какъ она неправильно оцѣниваетъ и даже совсѣмъ игнорируетъ могущественную и всевозрастающую роль личнаго и общественнаго самосознанія,—характера, идей, учреждений *).

В. Г.

---

*) Очень полезныя свѣдѣнія и соображенія читатель найдетъ по этому поводу въ книгѣ П. О. Николаева: *Активный процессъ и экономическій матеріализмъ*. Авторъ соединилъ въ своей книгѣ статьи, печатавшіяся въ *Русской Мысли* (одна изъ нихъ была помѣщена въ *Эпохѣ*).

Реформа англійскихъ университетовъ въ XIX столѣтіи *).

γ.

Описанное устройство *University Extension* въ послѣднее время достигло еще высшей степени развитія, доказывая этимъ живучесть движенія, возникшаго въ послѣднее время въ Англии и имѣвшаго въ виду доставленіе высшаго, почти университетскаго образованія всѣмъ классамъ народонаселенія.

Развитіе это замѣчается въ тройномъ направленіи, сообразно цѣли, достиженіе которой имѣлось въ виду.

Прежде всего, имѣлось въ виду поддержать умственный интересъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ читались курсы, а также содѣйствовать лучшему изученію известной науки или расширенію познаній этихъ слушателей. Дальше стремились къ соединенію мѣстностей, въ которыхъ курсы чтенія были устроены въ известные союзы. Наконецъ, заботились о томъ, чтобы слушателей такихъ курсовъ сблизить съ университетомъ, укрѣпить связь, существующую между ними, и, такимъ образомъ, усилить вліяніе университета на слушателей.

Не подлежитъ сомнѣнію, что развитію въ первомъ направленіи нельзя не придавать серьезнаго значенія, въ виду того, что одна изъ цѣлей *University Extension* состоитъ именно въ томъ, чтобы поощрить систематическое обученіе людей, не бывшихъ въ состояніи по различнымъ причинамъ пожертвовать для этого нѣсколькими годами жизни, и въ томъ, чтобы пріучить къ умственному занятію лицъ, къ тому не привыкшихъ.

Для достиженія этой цѣли употреблялись различныя средства. Прежде уже мы обратили вниманіе на письменныя разсужденія и передвижныя библіотеки, несомнѣнно содѣйствующія этому. Практическій смыслъ англичанъ, умѣющій воспользоваться самымъ мелкимъ обстоятельствомъ, придумалъ еще и другія средства, дѣйствующія также съ успѣхомъ.

Въ такимъ средствамъ принадлежатъ общества, учреждаемыя слушателями такихъ курсовъ, желающими изучать дальше известный предметъ по книгамъ, указаннымъ лекторомъ, въ промежуткахъ между курсами. Оксфорд-

*.) *Русская Мысль*, кн. II.

скія инструкціи, *Instructions and Suggestions* 1890 г., заключаютъ въ себѣ подробныя указанія относительно началъ, на которыхъ такія общества должны основываться, а также способа выполненія ихъ въ практикѣ. Вообще слушатели поступаютъ такимъ образомъ, что собираются въ извѣстные сроки, обыкновенно двухнедѣльные, подъ предсѣдательствомъ опытнаго руководителя, для прочтенія приготовленныхъ членами небольшихъ разсужденій, относящихся къ избранному предмету, и обсужденія возникающихъ вслѣдствіе того вопросовъ. Къ такимъ средствамъ можно причислить дальшетагъ называемыя *reading parties*, общества для чтенія, состоящія также изъ слушателей такихъ курсовъ, подъ руководствомъ болѣе опытнаго и знающаго человѣка. Занятія такихъ *reading parties* состоятъ въ томъ, что члены ихъ читаютъ, прежде всего, сами, а потомъ совместно, на общемъ еженедѣльномъ собраніи, книги, относящіяся къ предмету, о которомъ будетъ читаться курсъ. Потомъ возникаютъ пренія, относящіяся къ тому, что было прочтено; часто такія *reading parties* образуются въ первомъ семестрѣ для того, чтобы приготовить слушателей къ слушанію курсовъ слѣдующаго семестра. Къ такимъ же средствамъ принадлежатъ и такъ называемыя *reading circles*, отличающіеся только въ нѣкоторыхъ подробностяхъ отъ вышеуказанныхъ обществъ.

Къ той же цѣли лучшаго, болѣе основательнаго изученія даннаго предмета принадлежитъ и составленіе разсужденій, *essay-miting*, на заданную тему. Это имѣетъ мѣсто такимъ образомъ, что лекторъ, послѣ окончанія курса, назначаетъ нѣсколько темъ, на которыя слушатели могутъ въ свободное время писать разсужденія. Поощряются они къ тому такимъ образомъ, что незначительные слушатели, составившіе отличающіяся разсужденія, получаютъ пособія отъ 5 — 10 фунтовъ стерлинговъ, позволяющія имъ отправиться на лѣтнее собраніе въ университетъ. Лордъ Рипонъ первый пожертвовалъ въ 1888 г. извѣстную сумму денегъ (50 фунт.), изъ которой должны были быть выдаваемы такія пособія, стипендіи, *scholarships*, а примѣру его слѣдовали и другіе. Темы назначаются по англійской исторіи и словесности, политической экономіи и естественнымъ наукамъ. Такія стипендіи были въ Оксфордскомъ университетѣ раздѣлены на три категоріи, именно на такія, на которыя могли состязаться всѣ безъ исключенія слушатели курсовъ, учреждаемыхъ университетомъ, и на такія, которыя были предназначены только для учителей или учительницъ начальныхъ училищъ. Всѣ кандидаты на эти пособія должны были, кромѣ представленія выдающагося разсужденія, выдержать съ отличіемъ экзаменъ по курсу, который выслушали. Третья категорія стипендій была назначена исключительно для рабочихъ, слушателей курсовъ, выдержавшихъ экзаменъ, хотя бы только удовлетворительно. Темы назначаются въ февралѣ мѣсяцѣ, а разсужденія должны быть представлены въ началѣ іюня. Послѣ того они разсматриваются лицами, назначенными университетомъ *).

*) На 1891 г. только въ Оксфордскомъ университетѣ было 115 фунтовъ стер. пожертвованій на эту цѣль. Въ 1890 г. изъ кандидатовъ первой категоріи 3 мужчииъ

Бъ слушателямъ, преимущественно рабочимъ, которые не могутъ принадлежать ни къ вышеуказаннымъ обществамъ, ни къ *reading parties*, университеты принимаютъ еще одно средство, имѣющее въ виду распространить между ними научныя понятія и приучить къ умственному труду. Средство это состоитъ въ томъ, что делегация Оксфордскаго университета позаботилась о напечатаніи, въ особыхъ выпускахъ, шести лекцій такого объема, что каждый изъ нихъ можно, громко читая, прочесть въ продолженіе одного часа. При этихъ лекціяхъ находятся указанія относительно книгъ, которые могутъ быть употребляемы для лучшаго изученія даннаго вопроса. Лекціи эти рабочіе читаютъ или у себя дома отдѣльно, или вмѣстѣ съ другими, въ обществахъ рабочихъ *trade-unions* или другихъ *).

Бъ такимъ средствамъ принадлежать также и мѣстныя собранія, о которыхъ мы упомянули уже выше.

Первыя такія собранія имѣли мѣсто въ Оксфордѣ въ 1888 г. Они продолжались 10 дней, приняло же въ нихъ участіе 900 слушателей. Они происходили такимъ образомъ, что по утрамъ читались непродолжительные курсы, отъ 3—6 лекцій, по вечерамъ же люди, отличившіеся въ наукѣ, говорили рѣчи, въ которыхъ обсуждали различные ученые и литературные вопросы. Это первое собраніе посѣщено было слушателями не только оксфордскихъ курсовъ, но и курсовъ Кембриджскаго университета, а также лондонскаго общества. Когда изъ этой первой удачной попытки оказалось, что слушатели университета вынесутъ изъ него надлежащую умственную пользу, если только будутъ имъ приглашены, было устроено такое же собраніе въ Оксфордѣ въ августѣ 1889 года. Тогда слушатели были раздѣлены на два отдѣленія. Въ первомъ причислены были такіе, которые только менѣе продолжительное время могли оставаться въ Оксфордѣ, во второму такіе, которые все время назначаются на собраніе, т.-е. три недѣли могли употребить на умственные занятія. Соответственно тому были устроены и курсы. Вообще прибыло 1,000 слушателей, изъ которыхъ 154 оставались въ продолженіе всего назначеннаго на это времени. Во всякомъ случаѣ, изъ этого было видно, что такія собранія пользовались успѣхомъ, вслѣдствіе чего въ 1890 г. были устроены не только въ Оксфордѣ, но и въ Кембриджѣ**). Такія же собранія устроило въ 1889 и 1890 г. *Natio-*

получили по 10 фунт. и 3 женщины по 5 фунт. Изъ второй категоріи 1 женщина 10 фунт., 2 по 5 и 1 мужчина тоже 5 фунт. Изъ третьей категоріи 2 мужчинъ получили 10 и 4 по 5 фунт. Сверхъ того, шесть лицъ, между которыми были 2 женщины, получили такія же пособія изъ средствъ мѣстныхъ комитетовъ. *University of Oxford. University Extension Lectures. November 1890, стр. 43.*

*) Лекціи эти имѣютъ значеніе преимущественно для работниковъ, такъ какъ онѣ занимаются вопросами, къ нимъ относящимся. О томъ убѣждаетъ само ихъ заглавіе: *Рабочій и ея благосостояніе. Instructions and Suggestions. I. с., стр. 29.*

***) Незавѣстно, сколько слушателей было въ этомъ году въ Оксфордѣ, такъ какъ отчеты этого университета не заключаютъ въ себѣ объ этомъ свѣдѣній. Видно только, что ихъ было менѣе, такъ какъ доходъ съ платы, вносимой ими, уменьшился на 151

nal Home Reading Union, а, сверхъ того, въ Шотландіи, въ Эдинбургѣ, заботились объ ихъ устройствѣ. Во всякомъ случаѣ, Оксфордскій университетъ до настоящаго времени обнаружилъ самыя большіе успѣхи въ этомъ отношеніи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что такія собранія оказались полезными въ научномъ отношеніи. Во-первыхъ, читаемыя лекціи были распределены такъ, что слушатели могли прослушать полный курсъ по одному или двумъ предметамъ. Во-вторыхъ, хотя слушатели только непродолжительное время могли пребывать въ университетѣ и пользоваться его учебными пособиями, тѣмъ не менѣе, они имѣли способность познакомиться съ ними. Между слушателями было много начальныхъ учителей, которые, такимъ образомъ, успѣли освѣжить свои научныя и педагогическія познанія, приобрести новыя мысли, познакомиться съ новыми методами, которые впоследствии приѣняли на практикѣ. Представители мѣстныхъ центровъ, изъ различныхъ окрестностей, получили возможность лично сообщить свои замѣчанія относительно общихъ своихъ потребностей. Вообще можно сказать, что дѣятія собранія содѣйствовали усиленію вліянія университетовъ на всю страну и пробужденію умственной жизни тамъ, гдѣ она еще не существовала. Непосредственнымъ же слѣдствіемъ того было увеличеніе количества мѣстныхъ, требующихъ устройства курсовъ зимою *).

Вторая цѣль—усиленіе дѣятельности мѣстныхъ комитетовъ—была достигнута посредствомъ образованія изъ нихъ извѣстныхъ союзовъ. Первый такой союзъ образовался на юго-востокѣ и въ настоящее время обнимаетъ графства Кентъ, Соссексъ, Суррей и Гемпширъ. Потомъ образовались *South-Vestern-Federation*, союзъ юго-западный, заключающій графства Корнуэль, Девонъ и Зоммерсетъ, *North-Midland-Association*, обнимающій графство Йоркъ, и *Northern-Federation*, распространяющій свою дѣятельность на четыре сѣверныя графства. Каждый такой союзъ имѣетъ извѣстный общій органъ, состоящій изъ представителей отдѣльныхъ комитетовъ, а также секретаря **).

И теперь уже эти союзы, хотя и недавно существующіе, приносятъ несомнѣнныя выгоды, которыя могутъ увеличиться еще болѣе впоследствии. Именно посредствомъ личнаго соглашенія между секретарями союзовъ можно устранить затрудненія въ устройствѣ курсовъ въ надлежащей очереди. Это обстоятельство, однакожъ, важно не только въ педагогиче-

---

фунтъ, т.-е. составляетъ только 831 ф. Но это уменьшеніе было естественнымъ послѣдствіемъ того, что такія собранія происходили тогда и въ Кембриджѣ.

*) Хотя *Instructions and Suggestions* причисляютъ къ средствамъ усиленія умственной дѣятельности слушателей *Extension* курсовъ и такъ называемые *Toynbie-hall* въ Лондонѣ, не думаемъ, однакожъ, чтобы это было правильно, такъ какъ учрежденіе это не зависитъ отъ университетовъ и не состоитъ даже въ связи съ *University Extension*.

**) Устройство этихъ органовъ указано Moulton'омъ въ вышеприведенномъ сочиненіи, стр. 37, 48 и 47, а также въ *Инструкціяхъ Оксфордскаго университета*, стр. 31.

скожь, но и въ финансовомъ отношеніи. И теперь уже университеты дѣлають значительныя уступки въ вознагражденіи лекторовъ комитетамъ, которые такъ согласились между собою относительно очереди курсовъ, чтобы одинъ лекторъ былъ въ состояніи читать тотъ же курсъ въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ, находящихся на близкомъ разстояніи. Другая выгода въ финансовомъ отношеніи состоитъ въ томъ, что мѣстные комитеты будутъ въ состояніи сдѣлать вслѣдствіе того значительныя сбереженія на путевыхъ издержкахъ лекторовъ. Эти два обстоятельства имѣють, однакожь, болѣе значенія, чѣмъ могло бы казаться на первый взглядъ. По мнѣнію Макиндера, настоящее развитіе университетской дѣятельности, *University Extension*, сдѣлалось возможнымъ только вслѣдствіе покрытія Англійи цѣлою сѣтью желѣзныхъ дорогъ; нельзя было даже и думать о немъ раньше, когда существовали прежнія, неудобныя и медленныя средства сообщенія *). Наконецъ, слѣдуетъ обратить вниманіе и на ту пользу, вытекающую изъ соединенія отдѣльныхъ комитетовъ въ извѣстные союзы, что правленія этихъ союзовъ собирають добровольныя пожертванія или даренія, которыя обращаютъ на обезпеченіе мѣстныхъ комитетовъ въ устройствѣ курсовъ въ мѣстностяхъ менѣе зажиточныхъ и, слѣдовательно, содѣйствуютъ къ увеличенію ихъ количества. Такъ, наприм., *North-Midland-Association* придерживается того начала, что издержки по устройству курса, до 27 фунтовъ ст., возлагаетъ на мѣстные комитеты, само же пополняетъ излишекъ, обыкновенно до 55 фунт. Если четыре сосѣдніе комитета согласились устроить курсъ, читаемый однимъ и тѣмъ же лекторомъ, тогда они обязаны нести издержки только до 25 фунтовъ, остальное же уплачиваетъ союзъ. Въ *Northern-Federation* положено, что цѣна билетамъ на полный курсъ не можетъ превышать 1 шиллинга, если же дохода изъ продажи ихъ не хватитъ на покрытіе всѣхъ издержекъ, тогда союзъ пополняетъ ихъ изъ своихъ собственныхъ средствъ.

Наконецъ, мы должны обратить вниманіе на то, какимъ образомъ университеты усиливають связь свою съ отдѣльными слушателями и увеличиваютъ свое на нихъ вліяніе. Достиженіе этой цѣли имѣлось въ виду посредствомъ обезпеченія извѣстныхъ выгодъ, привилегій, тѣмъ слушателямъ, которые подверглись болѣе строгому руководству университета въ научномъ отношеніи для достиженія болѣе систематическаго образованія.

Кембриджскій университетъ сталъ къ слушателямъ своихъ курсовъ примѣнять привилегію, состоящую въ томъ, что освобождалъ ихъ отъ одного года пребыванія въ университетѣ изъ числа обязательныхъ трехъ лѣтъ, необходимыхъ для полученія первой ученой степени бакалавра, *artium*. Этою привилегіей пользуются тѣ лица, которые слушали систематическіе курсы по исторіи, словесности, естественнымъ или математическимъ наукамъ. Разумѣется, что университетъ предписываетъ очередь курсовъ,

*) „The University Extension system, as we now understand it, depends on our railway system“. *Machinder and Sadler*, l. c., стр. 53.

отъ мѣстныхъ же комитетовъ зависитъ принять ее и примѣнить въ практикѣ. Вслѣдствіе того уже комитеты въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, на примѣръ, въ Гулль, Скарборо, Ньюжестлѣ, Сундерлендѣ, Дерби, Экзетерѣ и Плимутѣ, объявили готовность пользоваться этою привилегіей. Но такъ какъ средство это было примѣнено только въ недавнее время, то поэтому нѣтъ еще статистическихъ данныхъ относительно количества лицъ; воспользовавшихся имъ. Едва ли, однако, в послѣдствіи этою привилегіей могло пользоваться болѣе значительное количество слушателей. Это происходитъ отъ того, что слушателями *University Extension* курсовъ бываютъ преимущественно люди взрослые, имѣющіе уже известное занятіе или званіе, которыя препятствуютъ имъ постоянно пребывать въ университетѣ, почему сократить курсъ хотя на одинъ годъ для нихъ невозможно.

Оксфордскій университетъ не подражалъ этому примѣру. Онъ стремится къ достиженію большей систематичности и правильности въ образованіи только посредствомъ выдачи высшаго свидѣтельства, *Higher Certificate*, тѣмъ слушателямъ, которые прослушали известные курсы въ предписанномъ имъ порядкѣ. Такое свидѣтельство можетъ быть выдано такимъ слушателямъ, которые прослушали шесть курсовъ, по 12 лекцій каждый, изъ исторіи и словесности и два по естественно-математическимъ наукамъ, или, наоборотъ, шесть курсовъ по послѣднимъ наукамъ и два по первымъ. Свидѣтельство это, однакожъ, не предоставляетъ никакихъ правъ и привилегій и поэтому имѣетъ только нравственное значеніе. Тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что средства, примѣняемыя однимъ и другимъ университетомъ, поощряютъ значительное стремленіе къ систематическому образованію. Несомнѣнно тоже, что слушатель, удовлетворившій вышеуказаннымъ условіямъ, присвоилъ себѣ основательное знаніе изучаемаго предмета. О томъ можно убѣдиться изъ курсовъ, какіе онъ былъ обязанъ выслушать и по которымъ долженъ былъ выдержать обыкновенный экзаменъ. Такъ, на примѣръ, по политической экономіи очередь курсовъ была определена такимъ образомъ. Въ первомъ году, въ первомъ семестрѣ, экономическая Англіи со временъ *Domesday Book* до переворота, возникшаго вслѣдствіе упраздненія монастырей; во второмъ семестрѣ—экономическая исторія Англіи со вступленія на престолъ королевы Елизаветы до отгнѣны хлѣбныхъ пошлинъ. Во второмъ году, въ первомъ семестрѣ, новѣйшая исторія политической экономіи, цѣнность, деньги, цѣна, кредитъ, теорія ренты и т. п.; во второмъ семестрѣ — теорія политической экономіи въ примѣненіи, доходъ, заработная плата, барышъ, податная система и т. д. Въ третьемъ году, въ первомъ семестрѣ, исторія экономическихъ ученій, система меркантильная, физиократовъ, Адамъ Смитъ, Рикардо; во второмъ семестрѣ—продолженіе этой исторіи, болѣе ранніе французскіе социалисты, Оувенъ, Лассаль, Карлъ Марксъ *).

*) Moulton въ своемъ *The University Extension Movement*, стр. 55, указываетъ, въ видѣ примѣра, въ какой очереди должны быть читаемы курсы по словесности, исторіи и естественнымъ наукамъ.

Всѣ вышеуказанныя средства, — курсы обыкновенные — зимніе и лѣтніе, лѣтнія собранія, общества слушателей, *home reading circles*, союзы отдѣльных комитетовъ, — имѣли то послѣдствіе, что создали особый классъ людей, связанныхъ болѣе тѣснымъ образомъ съ движеніемъ, имѣющимъ въ виду распространеніе высшаго образованія, заинтересованныхъ въ его развитіи, или образовали, какъ выразился Мэгиндеръ, особаго рода *University Extension* публику, соединенную извѣстными общими интересами *). Эта публика нуждалась, для удовлетворенія своихъ умственныхъ потребностей, въ извѣстной, особаго рода, литературѣ, въ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ. Это было причиной возникновенія различныхъ періодическихъ изданій и книжной литературы, непосредственно связанной съ этимъ движеніемъ.

Прежде всего, Оксфордскій университетъ сталъ издавать циркуляръ, заключающій указанія относительно устройства мѣстныхъ курсовъ. Въ настоящее время этимъ университетомъ издается ежемѣсячно журналъ *Oxford University Extension Gazette*, въ которомъ помѣщаются отчеты о дѣятельности мѣстныхъ комитетовъ, а также статьи, относящіяся до *University Extension*. Для того, чтобы журналъ этотъ сдѣлать доступнымъ для менѣе зажиточныхъ классовъ народонаселенія, цѣна его установлена самая ничтожная: отдѣльный номеръ — 1 пенсъ, годовое изданіе — 1 шиллингъ и 6 пенсовъ. Примѣру Оксфордскаго университета послѣдовало *South-Western-Association*, которое стало издавать каждые три мѣсяца журналъ въ Экзетерѣ. Потомъ лондонское общество для распространенія университетскаго образованія стало съ февраля мѣсяца 1890 г. издавать ежемѣсячникъ: *University Extension Journal*.

Такимъ же образомъ уже раньше стали издаваться книги, которыя, съ одной стороны, по доступности изложенія, а съ другой — по умѣренной цѣнѣ, были предложены для этого рода публики. Въ настоящее время спросъ на такія книги еще болѣе увеличился. Поэтому издатель *Murray* въ Лондонѣ предпринялъ изданіе цѣлой серіи такихъ руководствъ, имѣющихъ въ виду удовлетвореніе этой потребности. Предпріятіемъ этимъ руководить въ ученое отношеніи профессоръ *Knigt* изъ университета *S. Andrews*, списокъ же лицъ, приглашенныхъ къ сотрудничеству, служить ручательствомъ, что популярное изложеніе будетъ соединено съ научною серьезностью и основательностью.

VI.

Посмотримъ теперь на финансовую сторону всего этого устройства.

Въ классической странѣ самоуправленія *University Extension* должно было содержаться исключительно на средства самого общества, т. е. частныхъ лицъ, безъ всякой поддержки со стороны государства. Разумѣется, однакожъ, что въ

*) *Machinder and Sadler*, I. c.

этомъ отношеніи дѣло не могло обойтись безъ затрудненій. Съ одной стороны, было видно, что движеніе это не могло бы развиваться, если бы плата за посѣщеніе курсовъ была слишкомъ высока. Вслѣдствіе этого, значительное количество лицъ изъ менѣе зажиточныхъ классовъ народонаселенія, для которыхъ именно такіе курсы учреждались, не было бы въ состояніи пользоваться ими и было бы даже отъ нихъ уstraнено. [Это движеніе должно было, по единогласному мнѣнію его поборниковъ, возбудить требованіе высшаго образованія въ тѣхъ именно [классахъ народа, которые до этого времени безъ него обходились. Слѣдовательно, надо было цѣну за билеты назначить самую умѣренную, если всѣ усилія не должны были остаться напрасными. Съ другой стороны, иногда представлялось затруднительнымъ собрать между зажиточнѣйшими классами, несмотря на ихъ готовность къ пожертвованіямъ, необходимыя средства на покрытіе расходовъ, въ случаѣ, если бы оказались недоимки. Всѣ эти затрудненія, однакожь, преодолѣла сильная воля и энергія отдѣльныхъ лицъ, поощряемая обществомъ. Разъ начатое движеніе не только не ослабѣвало, но, напротивъ, постоянно усиливалось и развивалось. Такъ какъ образованіе центровъ, комитетовъ, и собраніе денежныхъ средствъ было предоставлено дѣятельности частныхъ лицъ, то въ различныхъ мѣстностяхъ употреблялись различныя средства для достиженія этой цѣли. Выработалось даже нѣсколько системъ, къ которымъ примѣняются инициаторы, смотря по различнымъ мѣстнымъ условіямъ. *Instructions and Suggestions* Оксфордскаго университета [заключаютъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно цѣнныя указанія.

Первый способъ собрать нужныя денежные средства состоялъ, по этимъ инструкціямъ, въ томъ, что комитетъ, учреждающій курсы, собиралъ подписчиковъ, обязующихся покрыть недостатки въ случаѣ, если бы сумма, выручаемая отъ продажи билетовъ, оказалась недостаточною. Способъ этотъ, однакожь, оказался менѣе удобнымъ въ практикѣ, вѣроятно, по тому поводу, что нельзя было знать напередъ, будутъ ли дѣйствительно недостатки и въ какомъ размѣрѣ, а обстоятельство это уstraшало частныхъ лицъ отъ принятія на себя обязательства.

Второй способъ основывается на томъ, что подписчики обязывались непосредственно пожертвовать опредѣленную сумму денегъ и получали за это билетъ на лекціи и нѣкоторыя привилегіи. Привилегіи обыкновенно состояли въ томъ, что подписчики допускались съ правомъ голоса къ рѣшенію вопросовъ относительно того, какіе курсы должны быть устроены, по какимъ предметамъ, когда и т. п. Способъ этотъ оказался болѣе полезнымъ въ практикѣ, такъ какъ частныя лица охотно жертвовали деньгами на предпріятіе, въ которомъ имѣли рѣшительный голосъ, и поэтому онъ во многихъ мѣстностяхъ былъ примѣняемъ съ успѣхомъ. Обыкновенно привилегіи эти предоставлялись лицамъ, которые пожертвовали на эту цѣль, по крайней мѣрѣ, полгины.

Третій способъ, употребляемый для достиженія той же цѣли, состоялъ въ томъ, что ввѣрялись частнымъ лицамъ билеты для распродажи, въ слу-

чаѣ же, если они продали ихъ на опредѣленную сумму, обыкновенно на 2 фунта стерл., тогда сами получали для себя билетъ даромъ. Въ томъ и состо, яло побужденіе ихъ къ распродажѣ билетовъ.

Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ замѣтить, что способовъ собиранія необходимыхъ денежныхъ средствъ можетъ быть и болѣе, и каждый изъ нихъ можетъ оказаться въ данной мѣстности и при извѣстныхъ условіяхъ успѣшнымъ. Самъ Мультонъ исчисляетъ такихъ способовъ шесть, изъ которыхъ каждый отличается отъ прочихъ различными подробностями *).

Сверхъ этихъ доходовъ, на покрытіе издержекъ по устройству курсовъ въ распоряженіи комитетовъ былъ еще и доходъ отъ продажи билетовъ. Цѣна билетамъ назначалась различная, сообразно мѣстнымъ условіямъ. Обыкновенно цѣна на лекціи утреннія и послѣ полудня была выше, такъ какъ курсы эти посѣщались меньшимъ количествомъ слушателей, но за то принадлежащихъ къ болѣе отборной публикѣ, цѣна же билетамъ на вечерніе курсы была ниже первыхъ. Цѣна первыхъ нисходила до 1 фунта стерл. до 7 шиллинговъ 6 пенсовъ, а цѣна послѣднихъ отъ 10 шиллинговъ 6 пенсовъ до 1 шиллинга. Самою обычною цѣной первыхъ было 10 шилл. 6 пенсовъ и 5 шилл. или 3 шилл. и 6 пенсовъ послѣднихъ. Комитеты, однакожъ, дѣлали различныя уступки въ цѣнѣ билетовъ съ цѣлью или облегчить менѣе зажиточнымъ лицамъ посѣщеніе курсовъ, или привлечь большее количество слушателей, или поощрить умственную ихъ дѣятельность. Такъ, наприм., такъ называемые *Students Tickets*, билеты тѣхъ, которые послѣ лекціи оставались для занятій въ классѣ, обыкновенно стоили на половину менѣе. Такимъ же образомъ за половинную цѣну продаются такъ называемые *Party Tickets*, то-есть билеты для цѣлыхъ группъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ лицъ, обыкновенно изъ восьми. Въ другихъ мѣстностяхъ билеты продаются по пониженной цѣнѣ рабочимъ, ремесленникамъ, ученикамъ ремесленныхъ или различныхъ техническихъ учебныхъ заведеній, учителямъ и учительницамъ начальныхъ училищъ, такимъ лицамъ, которыя для посѣщенія курсовъ должны прїѣзжать по желѣзной дорогѣ, и т. п. Вообще въ дѣятельности комитетовъ замѣчается стремленіе къ назначенію, насколько возможно, самой низкой цѣны билетамъ. И въ этомъ отношеніи, можно сказать, они достигли послѣднихъ почти предѣловъ. Въ самомъ дѣлѣ, если весь курсъ стодитъ иногда 1 шилл., то одна лекція стодитъ 1 пенсъ или около 3 коп. Цѣна баснословно ничтожная. Съ другой стороны, опытъ показавъ, что еще болѣе значительное пониженіе цѣны билетовъ или устройство курсовъ совершенно даромъ во многихъ отношеніяхъ вредно или неудобно. Въ такихъ мѣстностяхъ курсы посѣщались вообще лицами, не занимающимися серьезно научными вопросами. Но разъ были открыты бесплатные курсы, тогда было очень трудно устроить впоследствии курсы за деньги.

Расходы мѣстныхъ комитетовъ могутъ быть раздѣлены на три разряда.

*) *Moulton*, 1. с., стр. 34.

Въ первому принадлежитъ плата университету. Въ платѣ этой заключается вознагражденіе лектора за лекціи, занятія въ классѣ со слушателями, рассмотрѣніе еженедѣльныхъ упражненій, наемъ передвижной библіотеки, за доставленіе 60 экземпляровъ силлабуса даромъ, производство экзаменовъ, выдачу свидѣтельствъ и наградъ. За все это Оксфордскій университетъ назначаетъ валовую сумму за курсъ, состоящій изъ 12 лекцій. Сумма эта, однакожь, опредѣляется различно, смотря по тому, къ которому разряду принадлежитъ лекторъ, имѣющій читать лекціи. И такъ, если курсъ долженъ читаться однимъ изъ младшихъ лекторовъ, *junior lecturer*, только что начинающимъ это занятіе, цѣна его опредѣлена въ 36 фунт. 12 шилл. Курсъ, читаемый обыкновеннымъ лекторомъ, стодѣтъ 42 фунта 12 шилл.; наконецъ, курсъ старшаго лектора стодѣтъ 54 фунт. 12 шилл. Впрочемъ, университетъ дѣлаетъ иногда уступку въ цѣнѣ. И такъ, если тотъ же лекторъ долженъ читать въ томъ же городѣ два раза тотъ же курсъ, одинъ разъ по утру и другой разъ вечеромъ, тогда оба курса стодѣтъ въ первомъ случаѣ 59 фунт. 4 шилл., во второмъ 71 фунт. 4 шилл., а въ третьемъ 83 ф. 4 шилл. Въ этой валовой суммѣ заключается также и вознагражденіе за производство испытаній. За это комитеты имѣютъ право представить 20 кандидатовъ; если бы они хотѣли представить къ экзамену больше кандидатовъ, тогда за каждаго лишняго должны уплатить по 2 шиллинга. Сверхъ того, университеты дѣлаютъ также извѣстныя уступки и тогда, когда нѣсколько сосѣднихъ городовъ условились между собою такимъ образомъ, что одинъ лекторъ будетъ въ состояніи читать въ нихъ тотъ же курсъ по очереди.

Въ слѣдующей категоріи издержекъ причисляется вознагражденіе лектора за проѣздъ по желѣзной дорогѣ (во второмъ классѣ), за устройство опытовъ, если снаряды къ нимъ или инструменты должны были быть привозимы, за большое количество силлабусовъ, хотя расходъ по послѣднему пункту часто возвращается, даже съ прибылью, отъ продажи ихъ. Вообще всѣ издержки этого рода не превышаютъ 5 фунт. стер. на полный курсъ. Изъ этого, однакожь, видно, что города, составившіе извѣстный союзъ, могутъ сдѣлать значительныя сбереженія, пользуясь уступками, дѣлаемыми университетомъ, и уплачивая менѣе за проѣздъ лекторовъ.

Въ третьему разряду расходовъ причисляютъ чисто-мѣстные издержки. Въ нимъ принадлежитъ наемъ помѣщенія, если комитетъ не могъ получить его бесплатно, освѣщеніе, отопленіе и т. под. Вообще издержки второй и третьей категоріи составляютъ по *Instructions and Suggestions* около 9 фунт. стерл. на курсъ, если помѣщеніе можно было получить даромъ.

Всѣ эти издержки, вообще говоря, столь незначительны, что если только 120 лицъ взяли билеты по средней цѣнѣ 10 шиллинговъ за курсъ, комитетъ не только можетъ покрыть ихъ сполна, не прибѣгая къ пожертвованіямъ частныхъ лицъ, но даже получить нѣкоторую прибыль. Излишекъ доходовъ надъ расходами мѣстные комитеты употребляютъ на раз-

личные цѣли. Нѣкоторые образуютъ изъ него запасный капиталъ, который могъ бы послужить для упроченія вообще ихъ дѣятельности впоследствии. Другіе употребляютъ его на стипендіи или награды для слушателей. Награды являлись иногда въ видѣ бесплатныхъ билетовъ на слѣдующій курсъ, иногда же въ видѣ пособія на пребываніе въ университетѣ во время лѣтнаго собранія. Были комитеты, которые обращали излишекъ своихъ доходовъ на устройство постоянной библіотеки для своихъ слушателей. Иные доставляли добавочное вознагражденіе старшимъ лекторамъ, отличившимся въ своемъ званіи, имѣя въ виду поощреніе ихъ къ тому, чтобы они дальше посвящали свои услуги *University Extension*. Иные, наконецъ, содержали постоянного помощника секретаря въ виду облегченія секретаря въ его канцелярскихъ занятіяхъ.

Тамъ представляется финансовая сторона устройства *University Extension* курсовъ отдѣльными мѣстными комитетами. Вслѣдствіе того, однакожъ, что каждый комитетъ ведетъ свои счета особо, нельзя точно опредѣлить издержки на все это устройство вообще. Макиндеръ, принимая во вниманіе сумму расходовъ университетовъ и полагая, что мѣстные издержки по устройству одного курса не превышаютъ вообще 10 ф. стер., приходитъ къ заключенію, что въ 1889—1890 г. израсходовано на эту цѣль въ городахъ, состоящихъ въ связи съ Оксфордскимъ университетомъ, 7,000 ф. стер., въ городахъ, зависящихъ отъ Бэмбриджскаго университета, 7,500 фунт., въ городахъ, подлежащихъ лондонскому обществу, 4,350 фунт. и, наконецъ, въ городахъ, зависящихъ отъ Викторіи-университетъ, 250 фунтовъ, или вообще 19,100 фунт. На этомъ основаніи онъ, принимая во вниманіе общее количество слушателей, пришелъ къ заключенію, что каждый слушатель стоилъ приблизительно около 10 шиллинговъ, каждая же лекція, полагая среднимъ числомъ по 10 лекцій въ курсъ, по 1 шиллингу. Вслѣдствіе того, по его мнѣнію, *University Extension* составляетъ одно изъ самыхъ дешевыхъ средствъ образованія, существующихъ въ Англіи *).

Для полноты очерка финансовой стороны всего этого предпріятія намъ слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ объ издержкахъ на устройство лѣтнихъ собраній, *Summer meeting*, открытыхъ, прежде всего, Оксфордскимъ университетомъ. По отчету делегации этого университета за 1880 г., израсходовано на это собраніе 1,103 фунт. ст. 7 шил. 6¹/₂ пенсовъ. Главными статьями расхода было вознагражденіе лекторовъ въ количествѣ 385 фунт., секретаря 126 фунт., печатаніе syllabusовъ 105 фунт. и т. д. Главный доходъ происходилъ отъ продажи билетовъ, именно 989 фунт. 2 шил. Другіе доходы были доставлены продажей syllabusовъ, пожертвованіями частныхъ лицъ и т. и. **). Лѣтнее собраніе 1890 г. имѣло нѣсколько

*) We venture on the assertion that University Extension is one of the cheapest educational institutions in this country. *Macinder und Sadler*, l. c., стр. 24.

***) Delegacy of local Examinations. Report of the Committee appointed to swoy into Operation Stat. Tit. VIII sat 1, § 5. for the Year ending. August 1889.

меньше доходовъ и расходовъ, именно только 1,058 фунт. 7 шил. 3 $\frac{1}{2}$ пенса *). Это произошло вслѣдствіе того, что въ этомъ году и Кембриджскій университетъ устроилъ такія же собранія, которыя отвлекли извѣстное количество слушателей отъ собраній Оксфордскаго университета.

До настоящаго времени *University Extension* основывалось исключительно на энергіи и готовности къ пожертвованіямъ частныхъ лицъ общества. Въ послѣднее время, однакожъ, стали отзывать голоса, требующіе, чтобы и государство сдѣлало что-либо въ пользу распространенія высшаго образованія, доставляя извѣстное на эту цѣль пособіе изъ своихъ средствъ. Такъ, наприм., конференція секретарей мѣстныхъ комитетовъ, собравшаяся въ Оксфордѣ въ 1889 г., единогласно выставила это требованіе. Въ подтвержденіе того она ссылалась на то, что если государство можетъ давать ежегодно три милліона фунт. стер. на начальное образованіе, 500,000 фунтовъ департаменту *of Science and Arts*, 100,000 фунт. на учительскія семинаріи, 15,000 фунт. Лондонскому университету и такую же сумму провинціальнымъ коллегіямъ, то оно не можетъ оставить безъ помощи и пособія столь важнаго учрежденія, какъ *University Extension*, имѣющаго въ виду распространеніе высшаго образованія въ самыхъ отдаленныхъ захолустьяхъ Англіи, въ городкахъ и селеніяхъ, которые по недостатку средствъ не въ состояніи даже содержать средняго учебнаго заведенія, коллегіи. Эта конференція полагала, что 5,000 фунт. въ годъ государственнаго пособія было бы вполне достаточно для доставленія всему этому устройству прочнаго основанія и обезпеченія въ пользу народа громаднаго благодѣянія. Она полагала также, что для раздѣленія этого пособія нужно было бы учредить особую комиссію. На одномъ изъ слѣдующихъ своихъ засѣданій конференція эта образовала комитетъ, состоящій изъ девяти секретарей комитетовъ, зависящихъ отъ Оксфордскаго университета, и изъ семи секретарей комитетовъ, подвѣдомственныхъ Кембриджскому университету, такъ называемому *National Committee for obtaining a Grant in aid of University Extension*, который долженъ позаботиться о томъ, чтобы произвести вліяніе на общественное мнѣніе, на членовъ парламента и другія вліятельныя личности въ виду исходатайствованія этого пособія.

Такимъ же образомъ и профессоръ Стюартъ въ предисловіи къ труду Мультона **) требовалъ пособія въ количествѣ, по крайней мѣрѣ, 2,500 фунтовъ стерл. въ годъ, полагая, что такая сумма была бы удовлетворительною для распространенія этого устройства на всю Англію.

Макиндеръ и Седлеръ указывали подробно поводы, по которымъ такое пособіе они считали необходимымъ. По ихъ мнѣнію, хотя среднимъ числомъ издержки по устройству такихъ курсовъ были незначительны, тѣмъ не менѣе, и онѣ иногда были недоступны для менѣе зажиточныхъ классовъ

*) Такой же *Report* за годъ, оканчивающійся 31 августа 1890 г.

**) *University Extension Movement*, стр. IV.

народонаселенія. Въ меньшихъ городахъ онѣ даже были болѣе значительны, такъ какъ меньшее количество слушателей не было въ состояніи покрыть всѣхъ расходовъ. Это обстоятельство устрашало лицъ, гарантирующихъ уплату суммы, причитающейся университетамъ. Комитеты, будучи въ неизвѣстности относительно финансоваго исхода предпріятія, предпочитали курсы болѣе привлекательные для публики курсамъ болѣе полезнымъ. Финансовыя затрудненія, главнымъ образомъ, мѣшали въ заведеніи правильности курсовъ, въ устройствѣ ихъ согласно плану, рассчитанному на три года, хотя достиженіе этого было важно, такъ какъ университеты предоставляли нѣкоторыя привилегіи только тѣмъ лицамъ, которые слушали лекціи въ продолженіе трехлѣтняго времени. Въ этомъ также коренилось главное затрудненіе въ полученіи хорошихъ лекторовъ, такъ какъ и тѣ, которые отличились и оказались вполне способными, обращались къ другимъ занятіямъ, если только представилась имъ къ этому возможность, такъ какъ они не знали, будутъ ли заняты на будущій годъ въ *University Extension*. Мэкиндеръ и Сэдлеръ, полагая, однакожъ, что даже самое незначительное пособіе со стороны государства могло бы произвести благотворное вліяніе на все устройство *University Extension*, думали, что пособіемъ этимъ должны распоряжаться образованные въ 1888 г. графскіе совѣты, *County-Councils*. Въ этомъ отношеніи ссылались на то, что законъ о народномъ образованіи въ Уэльсѣ, такъ называемый *Welsh Intermediats Education act 1889* и., дозволилъ графскимъ совѣтамъ въ этой провинціи употреблять опредѣленную сумму на образованіе, не бывшее ни начальнымъ, ни техническимъ.

На основаніи всего этого можно придти къ заключенію, что при столь сильномъ движеніи къ достиженію высшаго образованія, какое охватило въ послѣднее время англійское общество, вопросъ о государственномъ пособіи на образованіе этого рода составляетъ только вопросъ времени, который въ недалекомъ будущемъ будетъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ.

А. Окольскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Марія Конопницкая.

(Очеркъ изъ современной польской литературы).

Nigdy ja na tej nie stanę wyżynie,
Kędy przed wzrokiem, wpatrzonym w wszechświaty,
Ziemia z swą nędzą tak błednie i ginie,
Iak tęcz mdlejących szkarłaty... *).

W prawo i w lewo odrębne dwa świata,
Lecz droga moja ni w lewo, ni w prawo:
Ja idę prosto do tej biednej chaty,
Co nędzą swoją odbija jaskrawo
Od głośnych hasel, rozdwojeń i kłótni... **).

Съ того времени, какъ сошли со сцены корифеи польской поэзии нашего вѣка Мицкевичъ, Словацкій и Красинскій, въ ней на нѣкоторое время наступилъ какъ бы перерывъ развитія. Новыхъ поэтовъ не появлялось, старые или замолчали на вѣки, или повторяли старые мотивы, все яснѣе обнаруживая упадокъ творчества и отсутствіе серьезной, новой мысли. Такое положеніе дѣла продолжалось до начала 70-хъ годовъ, роль которыхъ въ умственной жизни современнаго польскаго общества можно сравнить съ ролью 60-хъ годовъ у насъ. Какъ послѣдніе пробудили у насъ неслыханное до того времени умственное движеніе, открыли мысли новые горизонты и выдвинули на литературное поприще цѣлую плеяду новыхъ талантовъ, такъ и 70-е годы послужили началомъ новой эры въ развитіи польскаго общества, что не замедлило отразиться и въ его литературѣ. Причины этого явленія довольно сложны и здѣсь не мѣсто было бы подробно разбирать ихъ. Но не лишнимъ будетъ сказать, что горькій опытъ возстанія 63 года и послѣдовавшая за нимъ въ Царствѣ Польскомъ крестьянская реформа занимали первенствующее мѣсто въ ряду условій, произ-

*) „Никогда не встать мнѣ на такой высотѣ, на которой земля со своею скорбью блѣднѣетъ и исчезаетъ передъ взглядомъ, устремленнымъ на вселенную, какъ изумрудъ пропадающей радуги!...“

**) „Направо и налево лежатъ два отдѣльные міра, но моя дорога ни влѣво, ни вправо: я иду прямо въ эту бѣдную избу, рѣзко отличающуюся своею нуждой оръ громахъ ловунговъ, раздвоенія и раздоровъ...“

ведшихъ переворотъ въ понятіяхъ общества. Неудача попытки вернуть себѣ самостоятельность съ оружіемъ въ рукахъ,—попытки уже не первой,—породила убѣжденіе въ несостоятельности этого пути вообще и принудила молодня поколѣнія искать для своихъ силъ другаго исхода, другихъ, болѣе правильныхъ путей общественнаго развитія. Подъ вліяніемъ этого событія идеалы общества стали измѣняться: исчезала вѣра въ возможность быстрого переворота, въ возможность силою возвратить утраченное, и на мѣсто ея явилась программа «органической работы». Трудъ и наука сдѣлались лозунгами времени. Провозвѣтники этой новой программы, вербовавшіеся вначалѣ почти исключительно изъ рядовъ молодежи, горько и ѣдко осмѣивали прежніе взгляды и вѣрованія общества, уча, что только наука даетъ настоящую силу и что только вѣчнымъ, неустаннымъ трудомъ можно достигнуть чего-нибудь прочнаго. Не стремиться къ невозможному, брать то, что дается при данныхъ условіяхъ, и безъ усталости работать для дальнѣйшаго развитія его на мирномъ пути, для поднятія собственного общества и народа, не стыдиться своего историческаго прошлаго, но и не закрывать глаза на его дурныя стороны, не окружать его мистическимъ ореоломъ, а видѣть въ безпристрастномъ свѣтѣ истины, какъ бы хорошо или плохо оно ни было, почерпая изъ ошибокъ прошедшаго уроки для настоящаго и будущаго, — вотъ въ немногихъ словахъ первоначальная программа тѣхъ, которые получили въ Галиціи прозваніе станчиковъ отъ издаваемаго ими журнала *Teka Stanczyka* и которые служили тогда наиболѣе яркими представителями совершавшагося въ обществѣ перелома. Въ ихъ программѣ, такимъ образомъ, мелкая будничная работа и трезвая научная истина заступили мѣста неясныхъ и мистическихъ идеаловъ предшествовавшаго періода. Вскорѣ въ этомъ движеніи сказала еще и другая сторона. Произведенная въ Царствѣ Польскомъ крестьянская реформа въ свою очередь дала толчокъ общественной мысли, обративъ ея вниманіе на положеніе крестьянъ. Ближайшимъ результатомъ этого вниманія, въ связи съ большимъ распространеніемъ за это время образованія, явилась значительная демократизація общества: изъ него начали мало-по-малу исчезать узко-сословные взгляды, уступая свое мѣсто, по крайней мѣрѣ, въ средѣ молодежи, другимъ, болѣе широкимъ принципамъ равенства сословій. Медленно, но вѣрно происходила эта новая реформа, реформа взглядовъ и понятій, закончившаяся въ настоящее время образованіемъ въ польскомъ обществѣ демократической или, употребляя наше русское и болѣе подходящее сюда слово, народнической партіи. Любопытно, что эта послѣдняя сторона движенія, бѣгло и въ общихъ чертахъ намѣченнаго здѣсь нами, съ наибольшою силою выразилась въ такъ называемомъ Царствѣ Польскомъ, тогда какъ въ Галиціи преимущественно развилась и утвердилась партія станчиковъ, принявшая съ теченіемъ времени чисто-аристократическій характеръ.

Литература все это время служила вѣрнымъ отраженіемъ совершавшихся въ обществѣ переизмѣнъ, представляя изъ себя арену борьбы между

партиями, какъ между старымъ и молодымъ поколѣніями, такъ и различныхъ оттѣнковъ молодого между собою. Первоначально борьба эта происходила на поприщѣ публицистики, но постепенно новыя идеи, внесенныя въ жизнь, способствуя развитію талантовъ, содѣйствовали и оживленію беллетристики. Въ короткое сравнительно время въ Польшѣ образовалась цѣлая школа беллетристовъ, принадлежащихъ къ новому направленію, которое всего ближе опредѣляется названіемъ народническаго, хотя при ближайшемъ разсмотрѣніи въ немъ можно увидѣть и нѣкоторыя отличія отъ того, что мы называемъ именовъ народничества у себя дома. Къ этой школѣ принадлежатъ такіе писатели, какъ Элиза Ожешкова, Александръ Гловацкій (пишущій подъ всевдонимомъ Болеслава Пруса), Сенкевичъ въ своихъ первыхъ произведеніяхъ, Адольфъ Дыгасинскій и еще многіе другіе. Но если новое направленіе быстро завладѣло романомъ и повѣстью, то область поэзіи, въ узкомъ смыслѣ этого слова, сравнительно долго оставалась чуждой ему. Рутинна и авторитетъ держалась въ этой области крѣпче; чѣмъ во всякой другой, и поэты долгое время продолжали лишь краснорѣчиво-пегодовать на прозаичность и меркантильность новаго времени, не давая себѣ труда понять и оцѣнить его задачи, проникнутыя его духомъ и стремленіями. Слишкомъ долго, однако, и это продолжаться не могло. Слова Гейне: «новые люди—новыя пѣсни» оправдались, наконецъ, и здѣсь: новые люди проникли, въ концѣ-концовъ, и въ послѣднюю область, остававшуюся еще для нихъ недоступной, и примѣръ ихъ оказался настолько заразительнымъ, что даже нѣкоторые наиболѣе талантливыя старыя поэты, какъ, напримѣръ, Адамъ Асныкъ, примкнули къ новому движенію, какъ бы оживленные имъ. Въ настоящее время народническое направленіе имѣетъ уже нѣсколькихъ крупныхъ представителей среди польскихъ поэтовъ. Одно изъ видныхъ мѣстъ между ними принадлежитъ той поэтессѣ, имя которой поставлено въ заглавіи настоящей статьи,—именно Маріи Конопницкой. Соединяя въ себѣ много типичныхъ чертъ этой литературной школы, она обладаетъ, въ то же время, большою оригинальностью и далеко не дюжиннымъ талантомъ, вслѣдствіе чего знакомство съ ея поэтической дѣятельностью пріобрѣтаетъ особый интересъ. По характеру своихъ произведеній она занимаетъ средину между первыми слабыми отзвуками народническаго элемента въ польской поэзіи и цѣльнымъ выраженіемъ народнической тенденции, какъ она является въ произведеніяхъ Яна Карловича.

I.

Литературная дѣятельность Маріи Конопницкой началась сравнительно еще недавно и продолжается и въ настоящее время. Только въ 1881 г. вышелъ въ свѣтъ первый томикъ ея стихотвореній, заключающій въ себѣ произведенія, печатавшіяся раньше въ различныхъ журналахъ и вызвавшія уже тогда со стороны одного изъ лучшихъ и серьезнѣйшихъ современныхъ

польскихъ критиковъ, П. Хмѣлевскаго, отзывъ, что «въ нихъ всегда заключается серьезная мысль» и «видѣвъ недюжинный талантъ». Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени этотъ томикъ выдержалъ уже третье изданіе. Въ 1883 г. за нимъ послѣдовалъ второй томъ, въ 1887 г.—третій. Эти три не особенно большія книжки заключаютъ, однако, въ себѣ вполне достаточное количество матеріала для опредѣленія нравственной фізіономіи писательницы: ея направленіе, ея взгляды, равно какъ способъ и приемы работы,—все это опредѣлилось уже съ достаточною точностью, и если для нея и возможно еще дальнѣйшее развитіе и усовершенствованіе, то, во всякомъ случаѣ, трудно предположить, чтобы оно направилось по какому-нибудь другому пути, кромѣ того, какимъ шло до сихъ поръ.‡

И, однако, Бонопницкая не сразу вступила на тотъ путь, на которомъ находится теперь. Ея первые шаги на литературномъ поприщѣ были далеки отъ той идеи, которая съ теченіемъ времени явилась главною ея вдохновительницею. Въ самомъ дѣлѣ, значительная часть ея произведеній, составляющихъ содержаніе перваго томика ея стихотвореній, посвящена частью темамъ историческаго и батальнаго характера, частью непосредственному описанію природы. Въ ряду произведеній перваго рода видное мѣсто занимаютъ такіа, сюжетомъ которыхъ служатъ сцены и событія изъ классическаго міра; таковы *Вступленіе* и двѣ небольшія поэмы: *Клавдія* и *Щитъ Сципіона*. Изображенію военныхъ сценъ посвящены два стихотворенія: *Разсказъ раненаго* и *Грюнгамденъ* и, наконецъ, цѣлый циклъ небольшихъ лирическихъ стихотвореній подъ общимъ заглавіемъ *Въ горахъ* рисуетъ картины прикарпатской природы.

Уже въ этихъ раннихъ произведеніяхъ поэтессы сказались тѣ стороны ея таланта, которыя впослѣдствіи распустились такимъ пышнымъ цвѣтомъ: яркій, образный языкъ, богатая фантазія, облакающая всякую мысль въ краски и образы, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое-то неуловимое, какъ легкій туманъ, очарованіе глубоко залегающей въ душѣ грусти, не всегда ясно сказывающейся, но вѣющей надъ всѣми ея лучшими созданіями. Тѣмъ не менѣе, въ названныхъ произведеніяхъ чувствуется еще слабость создавшей ихъ руки, особенно сильно сказывающаяся въ тѣхъ изъ нихъ, темы которыхъ взяты изъ классическаго міра. Лучшее изъ нихъ—*Вступленіе*, представляющее моментъ исполненія желанія Платона—изгнанія поэтовъ изъ Аѳинъ. Длинная процессія изгоняемыхъ, различно выражающихъ свои чувства, тянется изъ города. Платонъ уже торжествуетъ свою побѣду, но чудный вечеръ пахнулъ поэзіей въ душу какого-то юноши и нѣсна новаго поэта поднимается къ небу, наполняя отчаяніемъ философа. Удачно задуманное, это небольшое стихотвореніе удачно и выполнено. Менѣе удачны, мы сказали бы—даже совсѣмъ неудачны, обѣ названныя выше поэмы, героемъ которыхъ является Сципіонъ Африканскій. Въ основаніе обѣихъ положена глубокая мысль,‡но несоотвѣтствіе этой мысли съ тѣми образами, въ которые она облечена, вызываетъ полное отсутствіе историческаго колорита и блѣдность изображаемыхъ писательницею фигуръ. Въ первой

поэма это несоответствие и искусственность положения доходить до такой степени, что даже затемняют основную идею произведения. Надъ Римомъ разразился каменный градъ; чтобы отвратить предвѣщаемое эгиго бѣдство, авгуры совѣтуютъ послать въ Песеннонтъ за статуей богини Иды, но къ статуѣ этой можетъ прикоснуться только мужъ чистый и невинный, какъ дѣвушка. Исполнителемъ порученія выбранъ Сципионъ, еще молодой юноша. Отправленный съ нимъ флотъ уже возвращается въ Римъ со статуей богини, и радостная толпа уже готова встрѣтить послѣднюю на берегу, какъ вдругъ неожиданная задержка: Сципионъ видитъ въ морѣ лодку съ сидящею въ ней женщиной, — Клавдіей, по имени которой и названа поэма, — вспыхиваетъ къ этой женщинѣ земною страстью, и корабль, везущій богиню, мгновенно останавливается. Толпа на берегу, не зная причину остановки, начинаетъ метать камнями въ Клавдію, но та предлагаетъ богамъ доказать ея невинность: она броситъ въ море поясъ и, если она невинна, корабли двинутся за нею къ берегу. Брошенный ею поясъ Сципионъ привязываетъ къ мачтѣ корабля и тотъ дѣйствительно плыветъ къ берегу, а восхищенная толпа предлагаетъ Клавдіи первой принести жертву богинѣ. Измѣчивость настроенія толпы, готовой поклоняться тому, что недавно гнала, и служить главною мыслью поэмы, но проведена она слишкомъ ясно, такъ что повѣстесѣ приходится прямо высказывать ее устами авгура, специально для этого и введеннаго въ поэму. Во второй поэмѣ Сципионъ осаждаетъ Картагенъ; въ палатку его приводятъ извѣстную красавицу, но Сципионъ отпускаетъ ее, не нанеся никакого оскорбленія ея дѣвической чести. Борьба двухъ противоположныхъ стремленій въ душѣ героя и составляетъ главный предметъ поэмы, но изображена она слишкомъ отвлеченно. Вообще обѣ эти поэмы, не лишены отдѣльныхъ красотъ и написанныя блестящимъ языкомъ, въ цѣломъ страдаютъ риторичностью и холодностью содержанія.

Въ равной мѣрѣ этотъ упрекъ можетъ быть примененъ и къ тѣмъ изъ вышеупомянутыхъ произведеній, темы которыхъ заимствованы изъ міра войны, какъ *Разсказъ раненаго* и *Грюнвальденъ*. Въ первомъ изъ нихъ, есть, правда, удачныя мѣста, какъ, на примѣръ, картина поля битвы, покрытаго трупами, но въ общемъ въ немъ слишкомъ мало реальной правды, мѣсто которой заступаетъ нѣсколько театральнѣйшій эффектъ: тяжело раненный, умирающій турокъ ползаетъ по полю, прикалывая раненныхъ. Второе, написанное, правда, по случайному поводу, а именно представляющее впечатлѣніе, вынесенное изъ картины Матейки, поражаетъ своимъ сжатымъ, энергическимъ языкомъ, но, въ то же время, страдаетъ присутствіемъ риторики. Такимъ образомъ, все эти произведенія, несмотря на то, что въ нихъ проявились и блестящія внѣшнія свойства таланта Моношицкой, не производятъ цѣльнаго благоприятнаго впечатлѣнія.

Другое дѣло — рядъ небольшихъ стихотвореній, представляющихъ картины прикарпатской природы и объединенныхъ общимъ заглавіемъ *Въ юрсахъ*. Теплое чувство любви къ родному краю и его природѣ оживляетъ эти не-

Большіе вскрики, въ которыхъ писательница то рисуеъ передъ нами пейзажи карнатской природы, то вводитъ насъ въ свой внутренній міръ,—последнее, впрочемъ, только мимоходомъ и не вполнѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ просвѣтливаетъ уже въ символической формѣ и тѣ глубокія мысли, которымъ вскорѣ суждено было сдѣлаться главнымъ достояніемъ поэзии Бонопницяей. Изображая рѣзкую противоположность между горными долинами и вершинами горъ, она восклицаетъ: «Вершины, застывшія въ бриллиантовую корону горъ, грустныя сестры черной тучи, вы не сердце горы... Стремленіе, оживляющее молодыя силы земли, не заставляетъ дрожать вашу грудь, не зажигаетъ пламени въ вашей крови... Застывшія въ своей бѣлизнѣ, вы тяготеете гранитною массой надъ низкими склонами и своею холодною, мертвою головою замораживаете дыханіе облаковъ, несущихъ землѣ весенній дождь, окропляющихъ росой плоды труда...» Встрѣченныя въ горахъ развалины приводятъ ей на память другія развалины, худшія, «толпу, въ груди которой не горитъ ни одного воспоминанія, ни одной надежды, которая, какъ погасшій очагъ бѣдняка, неспособна придать желанію силу дѣйствія,—толпу, которая стоитъ выше черни, но, въ сущности, ниже ея». Среди картинъ природы, среди вызванныхъ ими размышленій писательницы мы встрѣчаемъ здѣсь и краткую, но полную правды и граціозной прелести исторію любви русинскаго парня, исповѣдующаго ее въ утренней тиши родимымъ горамъ. Обвороженный «вѣтрянницей Мараной», онъ готовъ забыть, «что земля эта святая, а надъ нею есть высокое небо», и похоронитъ свою безнадежную любовь вмѣстѣ съ жизнью на днѣ одной изъ горныхъ пропастей. Но главнымъ предметомъ этихъ стихотвореній остается природа со своими разнообразными явленіями, частое олицетвореніе которыхъ не мало способствуетъ оживленію самыхъ произведеній. Богатый, картинный языкъ писательницы находитъ себѣ здѣсь широкое поприще, а согрѣвающее ее чувство мѣшаетъ ему переходить въ реторику, какъ это бывало въ упомянутыхъ выше поэмахъ и стихотвореніяхъ. Хотя и здѣсь еще встрѣчаются мѣстами, черезъ-чуръ изысканныя, нѣсколько риторическіе обороты, но ихъ сравнительно уже немного: видно, что въ родной сферѣ писательница чувствуетъ себя свободнѣе, что здѣсь ей не приходится подыскивать образы, и эта непринужденность творчества производитъ благоприятное впечатлѣніе. Свѣжестью горныхъ пейзажей, простотой горцевъ вѣетъ, кажется, отъ этихъ небольшихъ стихотвореній, подернутыхъ легкою, туманною дымкою тоски по чему-то неизвѣстному, стремленія въ невѣдомую даль.

Между тѣмъ, мысли о неправильности общественнаго устройства, зерно которыхъ мы видѣли заброшеннымъ въ символической формѣ въ только что разобранныхъ произведеніяхъ, продолжали развиваться въ душѣ писательницы и вскорѣ дали первые плоды, указывавшіе на близившееся означеніе этого, такъ сказать, подготовительнаго періода въ развитіи ея таланта. За *Разсказомъ ранаго* и *Грюнвальденомъ* последовалъ извѣстный уже намъ *Щитъ Сципіона*, а затѣмъ стихотвореніе, въ которомъ впервые

ясно сказались завѣтныя убѣжденія Конопницкой и которое составляет какъ бы преддверіе къ ряду дальнѣйшихъ ея произведеній. Стихотвореніе это носитъ заглавіе *Ласточка*. Оно начинается описаніемъ прилета весной первой ласточки и переполоха, поднимающагося, благодаря ему, въ деревнѣ, — описаніемъ, неподражаемую прелесть котораго трудно было бы передать въ стихотворномъ переводѣ и совершенно невысказуемо въ прозаическомъ изложеніи. Далѣе слѣдуетъ картина нищеты деревни, у обитателей которой «на лицахъ усталость, недоброжелательство и заботы, а на устахъ пѣсня несчастія, тогда какъ дѣти растутъ, какъ заброшенные колосы, выросшіе на дикомъ пригорѣ среди деревни, безъ мысли, безъ дѣла, безъ воли». Напрасно, видя эту нужду, бьется ласточка въ окна панскаго дома, стараясь пробудить въ хозяинѣ и его женѣ состраданіе къ несчастнымъ обитателямъ деревни, напрасно убѣждаетъ она ихъ: «бросьте въ деревушкѣ зерна просвѣщенія, маленькія крошки своихъ достатковъ, и эти головы, какъ цвѣты, поднимутся къ солнцу и пробудится въ нихъ духъ мысли!» У пани пробуждаются вопросы: «для чего на словахъ провозглашается равенство правъ человѣка, а въкоемъ разстояніи отъ хаты до двора остается все такимъ же страшно далекимъ?» Но вопросы эти не находятъ никакого отвѣта, никакого отклика въ ея прозаическомъ мужѣ, приглашающемъ ее лучше «читать газеты». «Свѣти же яснѣе, о солнце, такъ какъ затвердѣвшая земля не можетъ пробудиться отъ сна!... Дай больше свѣта, больше тепла и живительной росы, о Боже!» — такими словами заканчивается это стихотвореніе. Глубокая мысль, облеченная въ простые, но высокохудожественные образы, горячая любовь къ изображаемой деревенской жизни, къ сѣрому, забитому люду, сильная вѣра въ лучшее будущее, не затемняющая, однако, печальнаго настоящаго, не придающая ему фальшиваго розоваго освѣщенія, — вотъ главные достоинства этого небольшого произведенія, предшествующаго цѣлому ряду подобныхъ. Какъ на недостатокъ его, можно указать лишь на нѣкоторую сентиментальность въ изображеніи, но и она ослабѣваетъ, а частью совсѣмъ исчезаетъ въ позднѣйшихъ твореніяхъ поэтессы, да и въ *Ласточкѣ* сказывается не слишкомъ сильно. Въ маленькой картинѣ писательница даетъ вамъ переувствовать здѣсь всю неприглядную, суровую нужду деревни и все жестокое, хотя и оправдываемое эгоистическими расчетами, равнодушіе къ ней интеллигентнаго класса. Это — тема, къ которой Конопницкая возвращается еще не разъ въ своихъ позднѣйшихъ созданіяхъ. Она нашла, наконецъ, свою область, свой путь, вполне соответствующій и ея силамъ, и ея таланту, и съ этихъ поръ стоитъ уже твердо на ногахъ. Но, прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему развитію и выраженію этихъ убѣжденій въ поэзіи нашей писательницы, отмѣтимъ еще одно отступленіе ея съ этого пути. Такимъ отступленіемъ была опять поэма, помѣщающаяся въ томъ же первомъ томикѣ стихотвореній Конопницкой и написанная въ подражаніе Словацкому, который, кстати сказать, и вообще оказалъ сильное вліяніе на эту поэтессу. Называется эта поэма *Весенній романъ* и предметомъ ея служить любовь

двухъ молодыхъ людей. Сюжетъ этотъ оказался, однако, не совсѣмъ по плечу поэтессѣ: въ ея поэзіи слишкомъ много мечтательности, даже сентиментальности и слишкомъ мало реальной истины, громкія метафоры и гиперболы, искусныя, но холодныя олицетворенія природы плохо прикрываютъ собою недостатокъ дѣйствительнаго страстнаго чувства. Это тѣмъ рѣзче бросается въ глаза, что разсказъ ведется отъ имени мужчины, — обманъ, рѣдко удающійся, а въ данномъ случаѣ совершенно не достигающій своей цѣли: по наивному, преувеличенному и, въ то же время, холодному описанію любовной горячки сразу видна женская рука. Поняла ли сама писательница свою неудачу или нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, *Весенній романъ* является послѣднимъ ея крупнымъ отступленіемъ въ область чистоличныхъ чувствъ человѣка.

До сихъ поръ, желалъ дать понятіе о тѣхъ колебаніяхъ, которыя первое время дѣятельности Бонопницкой происходили въ ея поэтическомъ строеніи, отражаясь на выборѣ ею темъ для своихъ произведеній и на характерѣ послѣднихъ, мы въ разборѣ ихъ придерживались болѣе или менѣе хронологическаго порядка. Теперь, когда мы переходимъ къ болѣе зрѣлому періоду литературной дѣятельности нашей писательницы, — періоду, въ которомъ ея взгляды на міръ и собственное творчество получили болѣе широкую опредѣленность и устойчивость, мы не имѣемъ болѣе въ этомъ нужды, тѣмъ болѣе, что мы въ настоящемъ очеркѣ совсѣмъ не ставили своею задачею представить полную исторію развитія таланта Бонопницкой, а хотѣли лишь указать наиболѣе выдающіяся стороны ея творчества.

Всѣ произведенія ея, за исключеніемъ тѣхъ, которыя уже были указаны выше, можно раздѣлить на три группы. Первая — это произведенія чистолирическія, въ которыхъ поэтесса высказываетъ свои личныя мысли и чувства, почти всегда, впрочемъ, тѣсно связанныя съ общечеловѣческими вопросами и стремленіями. Вторыя носятъ характеръ эпическій, хотя и не всегда строго выдержанный, рисуя картины изъ жизни низшихъ классовъ народа, преимущественно крестьянъ; какъ и первыя, они представляютъ изъ себя небольшія стихотворенія, рѣдко превышающія размѣръ двухъ — трехъ страницъ. Наконецъ, къ третьей группѣ относятся поэмы, драматическія пьесы и стихотворенія эпическія по формѣ, съ историческимъ или библейскимъ сюжетомъ; произведеній такого характера всего болѣе въ третьемъ томѣ сочиненій Бонопницкой.

Начнемъ свое обзорѣніе съ первой группы, тѣмъ болѣе, что стихотворенія этого рода въ особенномъ изобиліи слѣдовали непосредственно за приведенными уже выше. Въ нихъ талантъ Бонопницкой нашелъ случай выразиться съ особеннымъ блескомъ. Въ противоположность старымъ поэтамъ, горько жаловавшимся на безсиліе поэзіи надъ умами людей въ нынѣшній прозаическій вѣкъ, она глубоко убѣждена въ могущество поэтическаго гениа, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, однако, чтобы онъ проникся тѣми идеями и стремленіями, которыя вѣчно волновали и будутъ волновать человѣчество.

Вы вѣкъ ищите,—обращается она въ одно изъ своихъ раннихъ стихотвореній къ современнымъ ей поэтамъ,—вѣкъ, что идеали

Лишаетъ ихъ одежды близкѣйшой...

Вы говорите, свѣтлый геній пѣсень

Въ смертельномъ снѣ лежитъ съ разбитой лютней...

Вы говорите, некому пѣть пѣсни

И свѣтъ оглежъ, стремясь къ тѣлцу знатому,

И среди бурь, среди борьбы кровавой

Безъ вхо пѣснь поэта замираетъ...

Но гдѣ же пѣснь, что силой чаръ могучихъ

Бойцовъ, летящихъ въ битву, привлекаетъ?

Та пѣсня, передъ святостью которой

Измученный въ сомнѣньяхъ снова вѣрять?

.....

Но гдѣ же пѣснь, что смѣло достигаетъ

Вершинъ, къ которымъ духъ въ тоскѣ стремится,

Въ крови остывшей пламя зажигаетъ

И для миллионъ—знамя ихъ въ борьбѣ?

.....

Такую пѣсню, слабые поэты,

Запойте вы среди мірскаго шума,

Среди толпы остывшей, мертвой черни

И горсти, алтари ея хранящей...

Такая пѣснь орломъ взлетитъ пусть къ небу

И трупы дрогнуть. Правду молвою вамъ:

Найдите тонъ, что въ пульсѣ бьетъ столбѣтъ,

Я миллионъ сердець, зажженныхъ пѣсней, дамъ.

Эта юношеская, горячая вѣра въ могущество поэтического творчества, соединеннаго съ идейнымъ содержаніемъ, долго не покидаетъ Конопницкую. Только что приведенное стихотвореніе ея намѣчаетъ уже отчасти, какъ понимаетъ она основы этого творчества. Естественно, что при такихъ взглядахъ чистое искусство, «искусство для искусства», не могло привлекать ее къ себѣ. Если въ первыхъ произведеніяхъ ея и можно еще замѣтить кое-какіе проблески такого отношенія къ поэзій, то въ послѣдующихъ они исчезаютъ совершенно и на мѣсто ихъ выступаетъ все яснѣе взглядъ писательницы, по которому поэзія—не болѣе, какъ одно изъ средствъ служить человѣчеству. Въ силу такого взгляда, творчество ея необходимо приобретаетъ особый оттѣнокъ, не исключая, однако, разнообразія содержанія. Одно изъ наиболее видныхъ мѣстъ въ поэзій Конопницкой занимаютъ пьесы, посвященныя природѣ и ея красотамъ, но вы не найдете въ нихъ банальныхъ описаній и восторговъ. Писательница здѣсь сама живетъ съ природой или, зѣрище, передаетъ этой послѣдней свою собственную жизнь, со всѣми ея радостями и стремленіями, горемъ и тоской. Совершенно оригинальный оттѣнокъ лежить на всѣхъ этихъ пьесахъ. По большей части мы имѣемъ въ нихъ дѣло со впечатлѣніемъ, пробужденнымъ тою или другою картиной природы въ душѣ поэтессы, но выражается это впечатлѣніе всегда въ такихъ яркихъ краскахъ, въ такихъ полныхъ жизни, любви къ природѣ и глубокаго пониманія ея образовъ, что мысль произведенія какъ-

то сама собою, незамѣтно, вкрадывается въ вашу душу въ то время, когда вы наслаждаетесь художественною стороною его. Тенденція, или, правильнѣе, идея, неразрывно связана съ содержаніемъ всѣхъ почти безъ исключенія ея произведеній. Истомленная печальми и скорбями человѣческой жизни, писательница обращается къ природѣ съ цѣлью найти хотя въ ней временное успокоеніе, но контрастъ между величавымъ спокойствіемъ и вѣчною красотой природы и полною мрачныхъ картинъ жизнью человѣчества только сильнѣе напоминаетъ ей послѣднюю, и желанный покой не дается больному сердцу. Подъ чарующимъ вліяніемъ природы, въ немъ просыпается повременамъ жажда личнаго счастья, но она выражается такъ резко и неувѣренно, такъ быстро заглушаютъ ее другіе голоса, что этотъ мотивъ лишь крайне рѣдко звучитъ въ поэзіи Бюнопницкой. Приведенными чертами отличается цѣлныи рядъ ея стихотвореній, изъ которыхъ наиболѣе выдающіяся *Майскія эго* и *Послѣднія тѣсенки* въ первомъ томѣ и *Лѣтнія ночи* во второмъ. На всѣхъ ихъ лежитъ отпечатокъ глубокой грусти, проблески которой можно было замѣтить уже и въ самыхъ раннихъ созданіяхъ писательницы. Только здѣсь эта грусть пріобрѣтаетъ, такъ сказать, болѣе сознательный, болѣе ясный оттѣнокъ — это уже не личная тоска, не легкая, на минуту охватывшая человѣка грусть, но отраженіе великой «мировой скорби», залегшей въ душу писательницы и не дающей ей оставаться спокойной, затемняющей передъ ея глазами лучшіе пейзажи природы. Выраженіе этой скорби у нея вполне оригинально. Такъ, въ одномъ изъ стихотвореній, входящихъ въ сбствѣ *Майскихъ эго*, поэтесса обращается къ солнцу съ просьбой не сердиться на нее за то, что она стоитъ въ его лучахъ, «задумавшись, со слезами на глазахъ и съ понуренною головою». «Ты ходишь по небу, голубому небу,—обращается она къ нему,—ты ходишь по небу, я — по землѣ грустной», и затѣмъ слѣдуетъ картина контраста между спокойнымъ шествіемъ солнца по небу и тѣми ужасами, которые совершаются на землѣ, которыхъ солнце не можетъ видѣть, но видитъ поэтесса. Эти картины заняли всю ея душу, и напрасно обращается она въ другомъ стихотвореніи, принадлежащемъ къ этой же серіи, къ лѣсу съ просьбой успокоить ея «больное сердце, какъ расплакавшееся, юное и дрожащее отъ страха дитя». Съ любовью рисуя картины природы, она не можетъ, однако, забыть, «что минувшіе вѣка угрюмымъ трауромъ тяготѣютъ надъ нею» (*Послѣднія тѣсенки*, II), и отъ лѣса, отъ широкой степи, отъ чудныхъ лѣтнихъ ночей мысль ея летитъ все къ одному предмету, къ людямъ, страдающимъ на этой бѣдной землѣ. Тишина лѣтней ночи даетъ лишь на короткое время отдыхъ измученной душѣ поэтессы и не усмиряетъ совершенно бушующей въ ней бури. Природа не имѣетъ надъ нею такой власти, чтобы заставить ее забыть все выстраданное и пережитое, отвлечь, хотя бы на короткое время, вниманіе отъ вопросовъ, мучающихъ и беспокоящихъ человѣчество. «Напрасно,—обращается она къ ночи,—хочешь ты обмануть меня очарованіемъ своей тишины! Ухо мое слышитъ крикъ погибающихъ въ борьбѣ». Такимъ образомъ, въ этихъ произведеніяхъ ца-

рять полный субъективизм творчества, въ нихъ нѣтъ ни спокойнаго описанія красоты природы, ни полнаго наслажденія ими; постоянно врываются въ нихъ страстные звуки изъ другаго человѣческаго міра, представляя рѣзкій контрастъ съ гармоніей природы. Что касается внѣшней формы этихъ стихотвореній, то въ ней писательница достигаетъ уже значительнаго совершенства: звучный, гладкій и разнообразный стихъ составляетъ не послѣднее ихъ достоинство. Къ этому нужно еще прибавить смѣлый, энергичный языкъ, дѣлающійся временами нѣжнымъ, но никогда не переходящій въ слащавость, и замѣчательную образность стиля, благодаря которой всякая мысль пріобрѣтаетъ, такъ сказать, тѣло, воплощается въ живые и яркіе образы, тѣмъ сильнѣе дѣйствующіе на воображеніе, что въ цѣломъ почти всѣ эти созданія поэтической фантазіи проникнуты глубокою грустью, придающею имъ нѣсколько меланхолическій оттѣнокъ.

Но главную массу лирическихъ стихотвореній Конопницкой составляютъ такія, гдѣ писательница, не прикрываясь описаніемъ природы, вполне отдается охватившему ее лирическому настроенію, гдѣ на первомъ планѣ стоятъ сами мысли и чувства ея, а не вызвавшій ихъ предметъ. Тѣмъ не менѣе, эти произведенія очень близко подходятъ къ только что приведеннымъ. Дѣло въ томъ, что хотя, какъ мы уже сказали, природа не имѣла достаточно власти надъ писательницей, чтобы вполне овладѣть ея умомъ, но ея явленія и красоты сильно запечатлѣлись въ послѣднемъ. Поэтому и въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя мы причисляемъ къ чисто-лирическимъ, рѣзко сказывается это вліяніе природы, выражаясь въ самомъ ихъ строеніи, въ тѣхъ образахъ, которые создаетъ фантазія поэтессы. Эта особенность таланта Конопницкой придаетъ ея произведеніямъ очарованіе, какого напрасно мы стали бы искать у многихъ другихъ поэтовъ. Въ этихъ небольшихъ стихотвореніяхъ передъ нами раскрывается весь душевный міръ поэтессы, выступаютъ ея завѣтные убѣжденія и мечты. Присмотримся же поближе къ этому міру.

Выше было уже замѣчено, что основную черту даже той части лирической поэзіи Конопницкой, которая посвящена описаніямъ природы, составляетъ субъективизмъ творчества. Еще рѣзче и яснѣе выражается эта черта въ тѣхъ произведеніяхъ, къ которымъ мы теперь переходимъ. Поэтессѣ остается совершенно чуждой идея пантеизма.

Нѣтъ, я не стану на той высотѣ,
Гдѣ передъ взоромъ, на міръ устремленнымъ,
Гибнетъ, блѣднѣя, земля въ нищетѣ
Радуга яркой лучомъ отдаленнымъ.

Не отдохну я въ лазурной тиши,
Тамъ, гдѣ покой вѣковаго дыханья
Еле доносить до сонной души
Голосъ людскаго страданья...

Мнѣ не дойти чрезъ снѣга и чрезъ ледъ
До олимпійской вершини конечной,

Гдѣ нѣтъ восторговъ, но нѣтъ и невзгодъ,
Есть лишь тронъ ясности вѣчной.

Раненой птицей я буду летать
Низко надъ гибнущей въ мукахъ землею,
Чтобъ милліоны гонимыхъ судьбою
Къ сердцу могла я прижать.

Это отреченіе отъ пантеистическаго міросозерцанія стоитъ, такимъ образомъ, въ тѣсной связи съ такъ называемою «мировою скорбью», на которую мы выше уже указывали, какъ на одну изъ характерныхъ чертъ поэзии Бонопницкой. Чувство это у нашей писательницы не расплывается въ неопредѣленную тоску и мрачный пессимизмъ, мы находимъ у нея ясное указаніе причинъ ея скорби и горячую вѣру въ возможность иного порядка вещей, при которомъ этой скорби не будетъ мѣста. Вѣчное стремленіе къ истинѣ и знанію,—стремленіе познать даже то, что не можетъ быть познаваемо—съ одной стороны, и желаніе счастья всѣмъ людямъ, желаніе устранить вѣковую несправедливость и насиліе—съ другой,—вотъ главные источники грустнаго настроенія ея музы. Передъ умомъ поэтессы часто возникаетъ вопросъ: «кому и на что служатъ общія цѣли человѣчества? на что служатъ его борьба, его труды, восторги, страданія и радости? куда летятъ вѣка и куда идутъ народы?» (*Средь ночи*). Въ ея душѣ горькою болью отзывается людская слабость, не позволяющая человѣчеству идти все впередъ прямымъ путемъ, безъ уклоненій и колебаній, зароняющихъ искру сомнѣнія даже въ ея грудь. «Какъ птица надъ землею,—воскликаетъ она,—человѣчество бьется связанными крыльями... Передъ нимъ ясный день и заря новаго солнца; но долетитъ ли оно, о, Боже?...» (*Въ дни грусти*, I). Отъ этихъ вопросовъ она не можетъ отказаться и они звучатъ въ ея созданіяхъ горькою нотой, не находя себѣ отвѣта. Лишь въ одномъ стихотвореніи проглядываетъ какъ бы отвѣтъ на нихъ, облеченный, по обыкновенію, въ образную форму, въ данномъ случаѣ, близкую даже къ аллегоріи. Поэтесса спрашиваетъ, не есть ли человѣчество и всѣ его стремленія только матеріалъ для вѣчно зиждущей силы природы? На этихъ вопросахъ, близкихъ всякому человѣку, но неразрѣшимыхъ для одного поэтическаго творчества, не остановилась Бонопницкая. Судьба отдѣльныхъ людей на землѣ также близка ея сердцу. Неправедливость общественнаго устройства, неравномѣрность распредѣленія между людьми земныхъ благъ, вражда, раздѣляющая угнетенныхъ отъ угнетателей,—все это глубоко волнуетъ ея душу, представляясь ей въ видѣ «пропасти, раздѣляющей братьевъ на притѣсненныхъ и притѣснителей, безбрежной, какъ океанъ, и страшной, какъ открытая рана» (*Въ дни грусти*, II). «Эту пропасть человѣчество ежедневно заливаютъ своею кровью, въ ея глубину летятъ и добродѣтель, и преступленіе, и слезы, и проклятія, и любовь, и измѣна, но все это пропадаетъ гдѣ-то понапрасну». Стремленіе заполнить эту пропасть,—говоря иначе, стремленіе служить современнымъ общественнымъ идеаламъ, требующимъ уравниванія интересовъ отдѣльныхъ

классовъ народа,—и оживляетъ большинство лирическихъ произведеній Конопницкой. Въ этомъ отношеніи она имѣетъ много сходства съ современнымъ ей недавно умершимъ русскимъ поэтомъ, Надсономъ. Въ ея поэзіи сказывается та же горячая любовь къ людямъ, то же сильно развитое нравственное чувство, не позволяющее наслаждаться личнымъ счастьемъ, когда оно доступно лишь для немногихъ, на ней лежитъ тотъ же скорбный отпечатокъ, какъ и у Надсона, и даже самыя темы многихъ ея стихотвореній поразительно сходны съ Надсоновскими. Какъ нашъ поэтъ терзался, не находя въ окружающей его дѣйствительности никакого отвѣта на мучившіе его вопросы, изнемогая подъ бременемъ сомнѣній и тщетно призывая пророка, который увлекъ бы его вполне въ великое дѣло, такъ точно и польская поэтесса во многихъ своихъ произведеніяхъ заплатила дань тому же самому настроенію.

Гдѣ скрыта правда та,—спрашиваетъ она въ одномъ стихотвореніи,—что манитъ безъ предѣла?

Гдѣ пристань бурныхъ битвъ и всѣхъ трудовъ земныхъ?

Гдѣ цѣль, достойная стремленій, крови, дѣла,

Мгновеній жизненныхъ, великихъ думъ людскихъ?

Весь пылъ своихъ тревогъ, имъ сердце наполняя,

Влагаетъ человекъ въ сокровище свое;

Лишь мнѣ дано твердить, со страхомъ вопрошая:

„Гдѣ домъ родимый мой?... Ахъ, гдѣ же все мое?..“

Горькое сомнѣніе, стѣбитъ ли цѣль тѣхъ жертвъ, которыя приходится дѣлать ради нея, сомнѣніе въ полной достижимости самой цѣли не разъ охватываетъ ее и она спрашиваетъ себя, что толку во всѣхъ великихъ созданіяхъ, мысляхъ и дѣлахъ немногихъ, когда въ толпѣ

Ни одной пустой улыбки
Устъ пурпурныхъ никогда
Не смутить стыдомъ, не тронетъ
Міра страшная нужда.
Ни одинъ нарядъ не сможетъ
Уменьшить кровавый потъ,
Ни одинъ цвѣтокъ съ убора
У пласуны не спадеть...
Не минуетъ арлекина
Одобреній шумный плескъ
Въ часъ, когда заря вечерней
Отъ стыда погаснетъ блескъ.
Не поднять лица открыто
Угнетенному рабу,
И не бросятъ тотъ оружья,
Кто для денегъ велъ борьбу.

Пессимическое настроеніе съ такою силой овладѣваетъ по временамъ поэтессой, что она теряетъ всякую надежду на возможность лучшаго будущаго и съ горечью спрашиваетъ: «не лучше ли было бы положить на вѣкъ на сомкнутые глаза спящей земли смертельную печать ничтожества?» (*Лѣтняя ночь*, VI). Такіе порывы отчаянія влекутъ за собою у нашей

поэтессы минуты скептицизма, выражающагося то въ бурныхъ протестахъ, обращенныхъ къ Богу, то въ горькой ироніи. «Не плачьте, скорбящія!—воскликаетъ она въ одномъ изъ своихъ стихотвореній,—думаете ли вы, что тамъ, высоко, въ тихомъ небѣ, вашъ стонъ, отраженный порогами золотыхъ звѣздъ, нарушить спокойствіе Бога?... Охъ, свѣтъ слишкомъ великъ! вы на немъ слишкомъ малы! Хотя бы вы плакали кровавыми слезами, ничто не измѣнится въ вѣчно одинаковомъ пространствѣ. Крикъ притѣсненныхъ бѣдняговъ не достигаетъ туда, гдѣ безконечность слышитъ движеніе атомовъ... Никакой голосъ не раздастся вамъ изъ тишины: молчаніе—сила боговъ! Кто знаетъ, больше ли вѣсить и больше ли значить въ великой гармоніи созданія послѣдній крикъ погибающихъ въ отчаяніи, чѣмъ вздохи увидающихъ розъ? Кто знаетъ, не создаютъ ли гимна скорбные стоны и звуки цѣпей, пробѣгая по струнамъ той лютни, которую настраиваетъ Духъ духовъ?... Ахъ, не плачьте, скорбящія!» (*Отрывки*, VI). «Если Ты тѣнь,—обращается она въ другомъ стихотвореніи той же серіи къ Богу,—развѣйся предо мною, чтобъ мнѣ не протягивать къ Тебѣ напрасно рукъ съ вѣчною тоской!» Но подобныя минуты сомнѣнія въ самомъ существованіи Верховнаго Существа не часты у нашей поэтессы; гораздо чаще она обращается къ нему съ горькими жалобами на несчастія земли, не согласующіяся съ Его величіемъ. «Я не жалуясь,—говоритъ она въ своемъ стихотвореніи подъ тѣмъ же заглавіемъ,—я не плачу, Боже, хотя вѣтеръ съ глухими стонами разноситъ тучи, полныя слезъ, бродячіе вздохи, по всей этой печальной землѣ... Я не жалуясь, хотя нераспустившійся цвѣтокъ, растоптанный, умираетъ безъ плода... Я не жалуясь, хотя небеса истины открываетъ только буря своею молніей, хотя въ долинахъ царитъ темная мгла, хотя каждая вершина—бездушная скала, хотя для мыслителя дорога къ Богу идетъ по пропастямъ сомнѣнія... Я не жалуясь, хотя тоны Твоей вѣчной гармоніи затихаютъ среди диссонанса дикихъ страстей, хотя, создавши цѣлые миллионы тѣлъ, Ты такъ мало далъ намъ духовъ! Я не жалуясь, хотя Твои народы идутъ, не зная откуда, куда и зачѣмъ, и, ударяя другъ въ друга, какъ морскія волны, уничтожаютъ работу столѣтій... Не жалуясь я, хотя Твои алтари не горятъ факеломъ вѣчнаго свѣта, хотя сынамъ твоимъ имя «бѣдняги», а бѣдность такъ часто—преступленіе. Не жалуясь я, хотя сердце человека Ты выковалъ изъ тщетныхъ порывовъ, не изъ силы; хотя для скорбящихъ дорога такъ далека до успокоенія—могилы; хотя идеаль, разбитый на части, не создаетъ общаго центра для духовъ; хотя чрезъ упоеніе чистѣйшихъ восторговъ просвѣчиваетъ пламя земныхъ страстей. Я не жалуясь, хотя солнце не свѣтитъ въ хатѣ бѣдняка, въ темницѣ преступника, хотя поколѣнія угрюмыхъ столѣтій пропадаютъ въ гнусной тоскѣ, хотя столько грусти и слезъ на этой землѣ, столько несчастія, ахъ! и столько вины, хотя надъ блѣдными толпами народовъ бьютъ ужасные часы!... Я не жалуясь!... И чѣмъ поможетъ свѣту, хотя бы я потрясла его ураганомъ моихъ жалобъ?... Мнѣ грустно только, что Ты, Великій Боже, господинъ

надо всею этою нуждой!» Мы нарочно привели почти цѣликомъ это стихотвореніе, чтобы дать болѣе ясное понятіе о манерѣ Конопницкой. Это и другія подобныя ему по тону стихотворенія, заслужившія даже поэтессѣ въ извѣстной части польскаго общества и печати репутацію вольнодумной писательницы, выражаютъ, однако, лишь извѣстные моменты въ ея настроеніи, не низвергающіе тѣхъ основъ ея міросозерцанія, о которыхъ мы говорили выше. Вообще пессимистическое настроеніе не остается господствующимъ въ ея поэзіи и здѣсь заключается важное различіе между нею и Надсономъ. Тогда какъ личный элементъ, вносившійся этимъ послѣднимъ въ его созданія, былъ самаго безотраднaго характера и сообщалъ всей его поэзіи унылый и даже нѣсколько мрачный оттѣнокъ, въ произведеніяхъ Конопницкой пессимизмъ скорѣ смѣняется другимъ, болѣе бодрымъ настроеніемъ. Произведенія, подобныя вышеприведеннымъ, встрѣчаются, правда, во всѣхъ трехъ томахъ ея стихотвореній и своею фразой мы не хотѣли сказать, чтобы такое настроеніе отличало по преимуществу какой-либо одинъ періодъ ея дѣятельности. Эти произведенія вырываются у нея по временамъ, какъ крикъ наболѣвшаго сердца, вопль души, уставшей въ борьбѣ и отчаивающейся достигнуть своей цѣли, и въ этомъ смыслѣ, но не болѣе, они составляютъ характерную особенность ея таланта. Великія идеи въ особенности обладаютъ способностью подвергать своихъ адептовъ припадкамъ мучительнаго скептицизма. Говоря словами нашей поэтессы, «жизнь — какъ вода. Кто хочетъ пить изъ глубины, у того полны уста горькой пѣны».

И такъ, пессимистическое настроеніе не возобладало въ талантѣ Конопницкой. Чувство пересилило у нея разсудочный скептицизмъ и ея внутренняя борьба нашла себѣ исходъ въ проповѣди дѣятельной любви, которая должна, по ея мнѣнію, сгладить общественныя неравенства. Особенно ярко и образно выражена эта мысль въ одномъ небольшомъ стихотвореніи, въ которомъ поэтесса, въ смѣлыхъ образахъ обрисовавъ разладицу, царствующую въ жизни человѣчества, призываетъ народы «разбудить Христа отъ его мрачнаго покоя».

Вы разбудите Того, кто ищетъ голодныхъ,

Жажущихъ пить, —

Пусть Онъ смиритъ разъяренность пучинъ многоводныхъ,

Ихъ успокоитъ.

Вы разбудите Того, кто нагихъ одѣваетъ

Краемъ хитона:

Молнія блещетъ и буря міръ мглой покрываетъ,

Мчась разъяренно

Горячее сочувствіе къ бѣднымъ и униженнымъ, вѣчное стремленіе облегчить ихъ участь съ теченіемъ времени становится основною темой ея поэзіи. «Еслибъ была я Богомъ, я каждому дала бы спокойствіе, свѣтъ и здоровье», — говоритъ она, и разладъ между ея вѣрой въ Бога и существующею на землѣ нуждой не мало содѣйствуетъ увеличенію того грустнаго оттѣнка, который лежитъ на ея произведеніяхъ. Послѣдній не мѣ-

шаетъ, однако, тому, чтобы въ творчествѣ ея сказывалась бодрая сила, знающая свою цѣль и неуклонно стремящаяся къ ней. Поэтесса сама опредѣляетъ значеніе своей дѣятельности и опредѣленіе это по своему смыслу очень близко къ тому, какое давалъ своему творчеству Некрасовъ. Крестьянская хата, какъ главная жертва общественной несправедливости, становится предметомъ, къ которому преимущественно обращаются мысли писательницы; примиреніе интеллигенціи съ низшими классами народа представляетъ собою цѣль, къ которой она стремится, и лучшія ея лирическія стихотворенія посвящены этимъ темамъ. Таково, напримѣръ, небольшое стихотвореніе *На проги (На пороги)*, напоминающее по своей мысли Некрасовское *Сынъ народнаго бича*:

Какъ послѣ долгихъ лѣтъ разлуки къ брату брать
Улавъ въ объятія, отъ слезъ молчить при встрѣчѣ,
Такъ мы, когда стоимъ у вашихъ бѣдныхъ хатъ,
Отъ трепета сердець связать не можемъ рѣчи,—
Куда мы отошли и гдѣ остались вы?
О, почему у насъ не вмѣстѣ шла дорога?
Зачѣмъ мы велики, вы-жъ малы такъ, увя?...
Кто дастъ на то отвѣтъ передъ судомъ у Бога?...
О братья! если есть въ чемъ повиниться намъ,—
Сейчасъ, теперь простимъ... раздоровъ, слезъ довольно...
Вы обнимите насъ... идемъ мы сами къ вамъ,
Вѣдь, мы виновныи васъ и потому намъ больно!

Но, призывая современниковъ къ новой будущности, Бонопницкая не ограничивается общими фразами: она ясно и твердо указываетъ путь къ намѣченной цѣли, что составляетъ даже нѣкоторую противоположность съ царящею обыкновенно въ ея лирическихъ стихотвореніяхъ нѣскольکو туманною оболочкой. «Будущность — это трудъ,—говоритъ она въ одномъ изъ своихъ произведеній,—она не сойдетъ съ неба ни по какому чуду, но ее нужно добыть и посвятить на службу ей годы энтузіазма, уносящаго сердца въ область идеала. Кто ждетъ, тотъ стальной на плечи своего сына крестъ, подъ которымъ ломится самъ...» «Довольно уже оглядываться на сыновей! Имъ—вѣнки изъ розъ, намъ—тернии и лавры. Намъ—бой и гибель въ полномъ тревоги пилигримствѣ, имъ—ясный разсвѣтъ и тихія, свѣтлыя дороги». Сознывая, что эта желанная будущность можетъ придти на землю двумя путями, поэтесса всѣ свои симпатіи отдаетъ, такимъ образомъ, пути упорнаго труда, оживленнаго любовью къ людямъ. Въ этомъ смыслѣ особенно характерно другое небольшое стихотвореніе, принадлежащее къ той же серіи *Отрывковъ*, въ которомъ поэтесса оправдывается отъ обвиненія въ несбыточныхъ желаніяхъ, говоря, что не все, правда, въ человѣческой власти, но каждый долженъ и можетъ позаботиться объ образованіи «хлопскаго ребенка», «а затѣмъ толкнуть его въ объятія своего сына и связать: вы—братья». Эта-то проповѣдь братской любви, на почвѣ которой должно развиваться лучшее будущее, представляетъ собою кульминаціонный пунктъ въ развитіи лирической поэзіи

Конопницкой, составляет, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе симпатичную сторону ея таланта. Рѣзкій же разладъ между желаніями поэтессы и дѣйствительностью, обусловившій тѣ проникнутыя пессимизмомъ произведенія, о которомъ мы говорили выше, положилъ и на всю лирическую поэзію Конопницкой глубоко-скорбный отпечатокъ, проявляющійся даже и въ тѣхъ созданіяхъ ея, непосредственныя темы которыхъ, казалось бы, далеки отъ страданій народной жизни. Память о народѣ и его несчастіяхъ не покидаетъ писательницу и тогда, когда она на чужбинѣ восхищается красотой могучей природы, и польскій хлопъ со своею нуждой вѣчно стоитъ нѣмымъ укоромъ передъ ея глазами. Съ этимъ соединяется у нея и горячая любовь къ родинѣ, заставляющая ее въ чужой странѣ вспоминать о своемъ «далекомъ краѣ» и своей «милой деревушкѣ», не покидать которой упрасиваетъ она солнце.

Таковы главныя характерныя черты лирическихъ произведеній Конопницкой. Чтобы не допустить, однако, существеннаго пробѣла, намъ нужно упомянуть еще объ одномъ видѣ ея лирики, именно о стихотвореніяхъ съ темами, такъ сказать, отвлеченными, наприм., *Прошлое и будущее*, *Надежда*, *Тоска* и др. По яркости и смѣлости образовъ, силѣ выраженія и по граціозности формы, вообще составляющей одно изъ видныхъ качествъ Конопницкой, эти произведенія достойны занять не послѣднее мѣсто въ ряду другихъ ея созданій. Въ нихъ особенно находятъ себѣ примѣненіе приѣмъ, вообще нерѣдко употребляющійся этою писательницей,—накопленіе массы образовъ, тѣмъ сильнѣе дѣйствующихъ на воображеніе читателя. По внутреннему содержанію своему, однако, эти стихотворенія, которыхъ, впрочемъ, не особенно много у Конопницкой, не стоятъ уже такъ высоко: въ нихъ замѣтно сильное вліяніе поэзіи Виктора Гюго, имѣется много реторики и далеко нѣтъ уже такой силы чувства, какая отличаетъ лучшія лирическія произведенія нашей поэтессы. Вообще говоря, чувство, носящее не личный, а общечеловѣческій характеръ, въ соединеніи съ глубокою и серьезною мыслью, составляетъ главное достоинство лирики Конопницкой. Мы видѣли выше, какъ видоизмѣняется это чувство въ ея произведеніяхъ, переходя отъ бодрости къ унынію и обратно, но по преимуществу нося характеръ тихой грусти; мы видѣли и то, какія мысли занимаютъ главное мѣсто въ лирической поэзіи нашей писательницы. Теперь перейдемъ ко второму отдѣлу ея произведеній, рисующихъ народную жизнь болѣе или менѣе объективно.

II.

Если въ разобранныхъ уже произведеніяхъ Конопницкой мы имѣли дѣло со стремленіями и идеями самой писательницы, высказываемыми ею прямо отъ своего лица, съ ея общими взглядами на поэзію и жизнь, то въ томъ отдѣлѣ ея созданій, къ которому мы переходимъ теперь, мы познакомимся съ явленіями самой жизни въ томъ видѣ, какъ они отразились

въ сознаниі писательницы, — той жизни, къ которой ее влекли знакомыя уже намъ ея симпатіи. Эти произведенія помогутъ намъ окончательно уяснить себѣ внутренній міръ поэтессы и характерныя особенности ея творчества. Въ нихъ она рисуетъ намъ тотъ классъ людей, который наиболѣе страдаетъ подъ бременемъ неравновѣрнаго распредѣленія жизненныхъ благъ и служба которому составляетъ, по ея убѣжденію, обязанность всякаго человѣка, — классъ простаго народа. Въ нихъ она изображаетъ ту болѣзнь, лечить которую призываетъ въ своихъ лирическихъ произведеніяхъ. Прежде чѣмъ разбирать, однако, содержаніе ихъ, остановимся на минуту, чтобы сказать нѣсколько словъ о той формѣ, въ которую они облечены.

Выше мы назвали эти произведенія Бононицкой эпическими. Въ сущности, это не совсѣмъ такъ. Такое названіе можетъ быть примѣнено только къ большинству ихъ, но значительную часть составляютъ такія, въ которыхъ лирической элементъ рѣшительно преобладаетъ. Есть, однако, существенная разница между этими лирическими стихотвореніями и тѣми, о которыхъ шла рѣчь выше. Тогда какъ послѣднія представляютъ собою прямое выраженіе чувствъ и стремленій самой писательницы, первыя есть ничто иное, какъ замаскированный эпосъ. Въ нихъ поэтесса становится на мѣсто изображаемыхъ ею людей и говоритъ отъ лица послѣднихъ, ступивъ свою собственную личность. Такимъ образомъ, хотя эти произведенія, если строго слѣдовать опредѣленію различныхъ родовъ поэзіи, должны бы были получить названіе лирическихъ, но болѣе внимательное разсмотрѣніе показываетъ намъ, что лиризмъ этотъ не болѣе, какъ одна внѣшняя форма. Съ другой стороны, и тѣ стихотворенія этого отдѣла, которыя мы назвали эпическими, не вполне выдержаны въ этомъ отношеніи. Безстрастный тонъ эпическаго повѣствованія слишкомъ холоденъ для поэтессы и часто, утомившись имъ, она позволяетъ себѣ болѣе или менѣе длинныя лирическія отступленія. Несмотря, однако, на это не полное соотвѣтствіе качествъ произведеній установленнымъ рамкамъ, въ общемъ можно принять указанное нами различіе между двумя группами стихотвореній этого отдѣла, какъ эпическою и лирическою.

Езъ первой относится, прежде всего, рядъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ первомъ и во второмъ томѣ подъ общимъ заглавіемъ: *Картинки (Obrazki)*. Заглавіе это вполне соотвѣтствуетъ ихъ характеру. Они представляютъ собою рядъ картинъ изъ народной жизни, совершенно самостоятельныхъ по содержанію, но связанныхъ между собою единствомъ мысли, внушившей ихъ писательницѣ. Въ нихъ она раскрываетъ передъ читателемъ картину той неприглядной матеріальной и умственной нужды, въ которую погружены низшіе классы народа. Жизнь ихъ изображена въ рядѣ послѣдовательныхъ моментовъ, служащихъ какъ бы частями одной и той же картины. Нѣсколько стихотвореній посвящено Бононицкой изображенію той нужды, которая окружаетъ простолюдина съ самаго ранняго дѣтства и непосильное бремя которой подчасъ отправляетъ его въ безвременную могилу. Таково, напримѣръ, прекрасное и глубоко продуманное стихо-

твореніе: *Ясь не дождался (Jas nie doszekal)*. Поэтесса рисуетъ вамъ убогую, мрачную и холодную избу, въ первый разъ послѣ долгой зимы освѣщенную весеннимъ солнцемъ. Только въ углу избы сіяетъ золоченый образъ, «какъ будто бы Тотъ, Кто Богъ бѣдныхъ и милосердіе, и утѣшеніе скорбящихъ, могъ собирать сокровища у Своего алтаря и стоять въ блескѣ пурпура и драгоценныхъ каменьевъ, когда голодные, бѣдные и оставленные люди, колѣнопреклоненные предъ Нимъ, ударяютъ себя въ свою пагую грудь!» Среди этой бѣдной обстановки сидитъ хозяинъ избы, работникъ, и лучи весенняго солнца напоминаютъ ему о сынѣ, не дождавшемся весны и умершемъ зимой отъ холода и голода. «Рукавомъ своей грубой рубахи онъ отираетъ скатившуюся у него по щекамъ слезу, такую мутную, тяжелую и большую, какъ будто это была не капелька воды, а камень, выброшенный изъ души». Свое описаніе зимы, сгубившей Яся, и его смерти писательница заканчиваетъ слѣдующими словами: «Онъ лежитъ въ могилкѣ и никогда уже никакой свѣтъ не пробудитъ и не освѣтитъ его души... Никогда не подниметъ онъ своихъ дѣтскихъ глазъ на великія чудеса созданій природы и никогда энтузіазмъ къ знанію и свободѣ не вырветъ у него изъ груди восклицанія: «ты человекъ!» «Ахъ!—продолжаетъ поэтесса,—сколько такихъ могилъ на землѣ и какъ грустны такія могилы! Человѣчество должно жить всѣми силами, а нужда ежедневно отнимаетъ у него силы. Этотъ рядъ маленькихъ гробовъ на кладбищѣ, поражающій грустнаго мыслителя,—это бесплодный посѣвъ, брошенный даромъ, цвѣтъ безъ плода и потерянное зерно. Черезъ могилы, въ которыхъ спятъ эти дѣти въ глухомъ молчаніи смерти, человѣчество, обѣдѣвшее и силами, и духомъ, идетъ такъ медленно, какъ будто цѣль отходить отъ него. О братья! развѣ на насъ совсѣмъ нѣтъ вины въ томъ, что Ясь не дождался солнца?»

Чрезвычайно близко къ этому и по мысли, и по сюжету другое стихотвореніе—*Безъ крова*, въ которомъ также изображается смерть бѣднаго мальчика, на этотъ разъ въ городѣ. Не найдя себѣ пристанища въ морозную зимнюю ночь, онъ замерзаетъ на улицѣ, передъ запертымъ храмомъ, въ который напрасно пытался войти. И это стихотвореніе написано въ такомъ же страстномъ, лирическомъ тонѣ, какъ вышеприведенное. Вотъ для примѣра его окончаніе: «Окостенѣвшій ребенокъ устремилъ взоръ на небо, на которомъ блестялъ млечный путь; онъ хотѣлъ бы жаловаться, но матери нѣтъ у него, и онъ обращается къ Богу: «Отче нашъ»... Какъ, царскій сынъ! Отца твоего народы называютъ Богомъ, а ты, глядя на этотъ небесный дворецъ, умираешь безъ крова, за порогомъ? «Отче нашъ», говоришь ты... а чей же ты братъ? Не тѣхъ ли, которые пребываютъ въ роскоши, съ омертвѣвшею душой и громкимъ стукомъ полныхъ кубковъ заглушаютъ твои угасающіе стоны? «Отче нашъ»... Боже! слышишь ли Ты этого ребенка, раскрывающаго свои бѣлыя отъ нужды уста? Ахъ! онъ вѣритъ, что Ты—отецъ ему, и съ такою вѣрой умираетъ! Дитя молилось... отъ дыханія его устъ подымался легкий, серебристый туманъ, сперва теп-

мый и голубовато-бѣлый, затѣмъ удивительно прозрачный. Наконецъ, онъ исчезъ... полуоткрытыя губы перестали шептать молитвы и жалобы и передъ темными, молчаливыми зданіемъ ребенокъ умеръ—безъ крова». Но и смертью не всегда кончаются невзгоды бѣднаго ребенка. Напрасно мать одного изъ такихъ дѣтей просить сельскіе колокола звонить по ея сынѣ. У колоколовъ—«твердыя сердца, холодная грудь», и они требуютъ за свою услугу «бѣлый талеръ». Когда его не оказывается у крестьянки, сынъ ея остается безъ погребальнаго звона: по немъ звонятъ только тѣ колокольчики, которые растутъ въ лѣсу, чтобы звонить при проводахъ хлопковъ въ печальный путь» (*Изъ хаты*, III). Не веселыми красками рисуется поэтесса жизнь и тѣхъ крестьянскихъ дѣтей, которыя переживаютъ годы ранняго дѣтства: нужда часто гонитъ ихъ изъ родимаго дома въ чужіе люди, гдѣ и приходится имъ служить, выслуживая себѣ «рубаху да старыя сапоги», «пока работа согнетъ» ихъ, «пока Богъ ихъ увидитъ съ высокаго неба». Но особенно мрачной представляется будущность крестьянской дѣвушки, вынужденной, благодаря смерти отца и грозящаго семьѣ голода, искать себѣ работы въ городѣ. Въ небольшомъ стихотвореніи подъ заглавіемъ *Синетъ ли?* поэтесса представляетъ намъ ее на пути въ столицу, рисуется противоположность между повинutoю ею мирною семейною жизнью въ деревнѣ и тѣмъ шумомъ, блескомъ и грязью, которые ожидаютъ ее въ городѣ, и задается вопросомъ, уцѣлѣетъ ли она здѣсь или погибнетъ, какъ погибли уже тысячи? Такая погибель представляется еще болѣе легкой для дѣтей, выросшихъ въ самомъ городѣ, и поэтесса выводитъ передъ нами одно изъ нихъ: «Она была еще ребенкомъ по возрасту, но по ея задумчивымъ, мутнымъ глазамъ, по блѣднымъ губамъ, полуоткрытымъ, но не улыбавшимся... видно было, что для этого ребенка нѣтъ уже на свѣтѣ никакой тайны, что онъ знаетъ искушенія и нужды, и грѣха, и оцѣпенѣніе мрака и вины, угрюмые часы голода и холода, и слезы, и обиды, и мрачное пламя, загрязняющее чело и прогрызающее тѣло, и выжигающее черныя пятна на совѣсти»... «Но эту дѣвочку,—продолжаетъ поэтесса,—нужда породила и нужда воспитала, улица была ея суровою учительницей. Жизнь безстыдна передъ бѣдняками» (*Дѣнь весны*). Та же нужда и невѣжество, которыя однихъ приводятъ къ позору, въ другихъ случаяхъ порождаютъ преступленіе, и ребенокъ, «такой еще маленькій, что могъ бы плакать и звать мать, если бы была у него мать», становится предъ судомъ. Судья, сжалившемуся надъ мальчикомъ, приходитъ въ голову спросить, есть ли въ деревнѣ школа? Отвѣтъ получается отрицательный. «Судья смотрѣлъ на дрожащаго ребенка, на его нагія, худыя и синія руки, на впалую грудь и скудные лохмотья, на мутный, стеклянный блескъ этихъ глазъ, въ которыхъ могли бы, однако, отражаться небеса, на маленькую головку, въ которой спящая мысль не знала другаго свѣта, кромѣ солнца, и другихъ живительныхъ впечатлѣній, кромѣ росы». Передъ глазами судьи внезапно возстаетъ видѣніе: ему кажется, будто онъ видитъ будущее, «считающее плоды на пустомъ полѣ и вызы-

вающее на судь цѣлыя поколѣнія». «И видѣлъ онъ, какъ шли густыя, темныя толпы и задерживали движеніе земнаго шара въ пространствѣ. И, полный тревоги и задумчивости, онъ замѣтилъ, что эти толпы составляли громадную тучу, черезъ которую не могло пробиться солнце, и надъ землею тысячелѣтія царствовалъ мракъ... Онъ видѣлъ, что эта толпа—сила, потерянная для великихъ цѣлей и стремленій человѣчества, и читалъ въ грозномъ взглядѣ будущности, что она хочетъ расчета за миллионы... Онъ слышитъ откуда-то голосъ, произносящій судь надъ дѣломъ мальчика. «Пусть васъ рассудитъ Христосъ,—говорилъ голосъ,—кто болѣе виновенъ: этотъ ли бѣднякъ, не знающій дороги и блуждающій во мракѣ, или вы, списывающіе толстые томы уголовныхъ законовъ и не заботящіеся о томъ, чтобы учить дитя-сироту. Пусть васъ судитъ Христосъ! Но черныя кресты стояли неподвижно и тихо на столѣ, какъ алтарь, отвѣчающій молчаніемъ на слезы...» (*Предъ судомъ*).

Не трудно видѣть, что въ этой своего рода маленькой портретной галерей, представленной писательницей, послѣдняя обращаетъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, не одну сторону народной жизни, на тѣ невзгоды, которыя постигаютъ простолюдина въ дѣтствѣ, являясь результатами матеріальной и умственной скудости окружающей его обстановки. Эти невзгоды тяжело отражаются на всей жизни человѣка, внося въ нее глубокое горе, подчасъ приводя дѣтей къ смерти, а иногда еще къ худшему—къ позору и преступленію. Вторая яркая черта въ изображеніи быта крестьянскихъ дѣтей у Конопницкой—это указаніе на ихъ безпомощность, простирающуюся, съ одной стороны, вслѣдствіе ихъ соціального положенія, съ другой—благодаря недостатку сочувствія къ нимъ у тѣхъ, чья помощь могла бы скрасить ихъ жизнь. «Жестокія сердца, холодныя груди», окружающія крестьянскаго ребенка, рано заставляютъ его задумываться надъ вопросомъ: «отчего, хотя пришелъ Христосъ, такъ плохо на свѣтѣ? и отчего, хотя каждый годъ ребята идутъ объ Рождествѣ колядовать на панскій дворъ, онъ съ тѣхъ поръ, какъ живъ, не помнитъ, чтобы кто приходилъ изъ двора въ хату и говорилъ: «братъ, Христосъ родился!» Отчего?» (*Съ колядкой*). Характерны слова, которыми Конопницкая заканчиваетъ это стихотвореніе: «Дитя! мракъ ночи скрываетъ день, который отвѣтитъ на твои вопросы. Лишь бы не взорвалъ онъ судомъ конечныхъ бѣдствій надъ моремъ и сушей! Лишь бы громъ мести не повторилъ будущему вѣку твое: отчего?!» Оттѣняя въ своихъ произведеніяхъ отсутствіе гуманныхъ, братскихъ отношеній между высшими и низшими классами общества, указывая, что при этомъ на первые ложится отвѣтственность за бѣдствія вторыхъ, поэтесса сама проникнута горячею любовью къ тѣмъ дѣтямъ бѣдняковъ, которыхъ она выводитъ передъ читателемъ: самыя темныя стороны ихъ жизни освѣщаются и согреваются ея теплымъ чувствомъ и тѣмъ глубокимъ пониманіемъ причинъ этихъ темныхъ сторонъ, которое она вноситъ въ свои произведенія.

Тѣ же черты сказываются и въ изображеніи поэтессой жизни вырос-

ныхъ людей этого класса, какое мы находимъ въ стихотвореніяхъ того же цикла. И здѣсь она указываетъ, какъ губительно отражается на народной жизни нужда и какъ безчеловѣчны подчасъ бывають отношенія, устанавливаемые закономъ, не принимающимъ во вниманіе возможныхъ случайностей человѣческой жизни. Таково, напримѣръ, стихотвореніе *Большой наймитъ*. Поэтесса рисуетъ здѣсь крестьянина, обратившагося въ бездомнаго рабочаго, благодаря одной изъ тѣхъ случайностей, которыми такъ богата крестьянская дѣйствительность. «Тяжелъ былъ этотъ годъ: наводненіе уничтожило своимъ серебрянымъ бичомъ весенніе посѣвы и земля въ слезахъ едва породила солому да пустые колосья. Бѣднякъ, выгнанный изъ хаты, за которой накопились недоимки, не прощаясь ни съ кѣмъ... Онъ завязалъ только въ платокъ горсть земли и пошелъ по дорогѣ. Тихо голубое небо, эхо пѣсни откуда-то изъ-подъ лѣса привѣтствуетъ восходъ... Остановился вольный наймитъ и стеръ слезу полой своей свиты». Далѣе указывается та горькая иронія, которая заключается въ самомъ его названіи. «Онъ свободенъ, такъ какъ отъ узъ, какими приковывало его родное поле, на которомъ онъ ронялъ кровавый потъ, его уже развязала бездушная статья жестокаго закона... Онъ свободенъ, такъ какъ послѣдній его сирота, опухшій съ голоду весной, умеръ... Даже старый песъ остался у плетня и тихо воетъ. Онъ свободенъ!—онъ можетъ идти или отдыхать, или проклинать съ отчаяніемъ; можетъ безумствовать, плакать и пѣть,—Богъ простить ему. Можетъ онъ замерзнуть отъ холода, какъ ворона, биться головой о землю, какъ бѣшеный... Отъ восхода солнца и до захода ничто не измѣнится... Что же онъ стоитъ? Вѣдь, онъ воленъ, какъ птица. Хочетъ—нустъ житьъ, а хочетъ—пускай умираетъ; утомится ли онъ, схватится ли за работу, никто ему не мѣшаетъ. И хотя бы онъ рвалъ волосы на головѣ, никто не спроситъ, что онъ дѣлаетъ, какъ живетъ... Хотя бы палъ онъ трупомъ, никто не скажетъ ни слова...» Въ такихъ яркихъ краскахъ рисуетъ Бонопницкая несчастье жертвы нужды. Но бываютъ жертвы еще болѣе несчастныя, обращеніе которыхъ мы видѣли выше въ изображенной ею городской дѣвочкѣ, и вотъ поэтесса ведетъ читателя въ мрачный вертепъ разврата, «гдѣ царитъ всегда ночь, тяжелая, грустная ночь, въ которую никто не видитъ сновъ о свѣтѣ, о Богѣ». Но въ выборѣ момента и здѣсь сказывается глубокая человѣчность писательницы, умѣющей найти лучъ свѣта въ самой темной душѣ. Она представляетъ собранныхъ здѣсь жалкихъ дѣвушекъ въ ту минуту, когда онѣ, увлеченныя игрой старика-скрипача, всего нѣсколько часовъ назадъ потерявшаго дочь, забываются въ простой деревенской пѣснѣ, «снова приобрѣти на одинъ часъ невинность сердца, домъ и семью, душевное покоиство, и Бога, и солнце». Подъ звуки этой пѣсни у одной изъ нихъ пробуждаются воспоминанія: она видитъ старую мать, сѣдаго отца и своего Янка, и обольстившаго ее панича, и «изъ сомгнутыхъ глазъ катятся горячія слезы». Но забвеніе непродолжительно: входятъ танцоры, начинается балъ и же дѣвушка первая бросается въ объятія танцора. Въ произведеніяхъ

Кинопещицей находить себѣ мѣсто не только изображеніе народной нужды и тѣхъ грустныхъ и безобразныхъ явленій, которыя она вызываетъ, но и такого народного горя, которое хотя и вызывается тоже общими условіями современной общественной жизни, но условіями иного порядка. Такъ, напримѣръ, въ стихотвореніи *Хлопское сердце* она выводитъ крестьянку-мать, провожающую своего сына въ рекруты. Вотъ какъ описываетъ ее поэтесса: «Полдня уже стояла она неподвижно, бессильно свѣсивши обѣ руки и упорно смотря на зданіе, гдѣ въ залѣ стригли и одѣвали рекрутовъ. Въ рукѣ держала она убогій узелокъ, жалкое и бѣдное имущество сына; ея угасшее, пожелтѣвшее и окаменѣлое лицо было мрачно и тихо, какъ пустыня, и только стиснутыя, дрожащія губы выдавали какую-то страшную душевную боль...» А вотъ описаніе всрѣчи ея съ принятымъ уже въ солдаты сыномъ: «Съ трескомъ открыли двери залы; въ толпѣ только онъ одинъ былъ видѣнъ ея глазамъ... ея Ясень... она замѣчаетъ удивительныя перемены: какіе-то трагическіе, суровые отблески упали уже на эту обнаженную голову, которую еще сегодня осѣняли льняные волосы. Она всплеснула руками и смотреть ему въ глаза. Онъ подошелъ молча; былъ онъ блѣденъ и слезы, залегшія гдѣ-то подъ сердцемъ, большими солеными каплями текли у него по щекамъ. «О, матушка!» — «Не плачь! панъ Езусъ поможетъ... Ты голоденъ; возьми, подкрѣпись на дорогу»... Она подала ему хлѣбъ; онъ вынулъ ножъ изъ кармана, отрѣзалъ кусокъ и шепнулъ: «Не могу, не могу, матушка, одинъ!...» Какъ платокъ она поблѣднѣла, но разломила хлѣбъ и ѣла съ сыномъ». Въ послѣднюю минуту разставанія наболѣвшее сердце матери не выдерживаетъ и разрывается. Такой конецъ нѣсколько бьетъ на эффектъ, но въ цѣломъ стихотвореніи проникнуто глубокимъ и искреннимъ чувствомъ. На ряду съ этими разнообразными проявленіями горя въ народной средѣ польская поэтесса обращаетъ свое вниманіе и на другую важную сторону жизни въ ней, на существующую здѣсь, но остающуюся неудовлетворенною жажду знанія, жажду умственного труда и наслажденія. Такую жажду чувствуетъ представляемый ею работникъ, освобождающійся въ субботу отъ «свирежущей зубцами машины» и получающій плату за свой недѣльный трудъ. Ища отдыха послѣ тяжелой работы, онъ останавливается передъ «яркою надписью, гласящей, что здѣсь онъ получитъ громкую музыку, шумное удовольствіе и забвеніе всѣхъ своихъ ранъ». Но контрастъ между шумомъ трактира и тишиной лѣтняго вечера заставляетъ его колебаться. «Этотъ прозрачный, розовый вечерній полумракъ навѣвалъ ему въ голову какія-то думы о веснѣ, тишинѣ, природѣ и Богѣ; какіе-то вопросы о жизни, свѣтъ беспорядочно вставали въ душѣ». «Онъ чувствовалъ, что есть удовольствія выше и чище шума пьяной толпы и музыки, разнузданнаго своеволія, бряцанья стакановъ, проклятій и криковъ... Но гдѣ ихъ найти? Ахъ, если бы въ этой толпѣ онъ услышалъ какое-нибудь доброе, умное слово, которое освѣжило бы росой его жаждущую мысль, какъ серьезно и вдумчиво онъ бы слушалъ! Какъ охотно подѣлился бы онъ біеніемъ сердца, пожа-

тіежъ своей мозолистой руки! Съ какою радостью пожилъ бы хотя минуту жизнью знанія и свѣта!» Но, не слыша такого слова, «блѣдный рабочій постоялъ, подумалъ и пошелъ въ шинокъ».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что и въ изображеніи самой народной жизни Бонопницкая остается вѣрна проповѣдуемымъ ею взглядамъ, обращая главное вниманіе свое на болѣзненные явленія этой жизни, составляющія, однако, вполне естественное и необходимое послѣдствіе ненормальности современныхъ социальныхъ условий. Отсутствіе въ нынѣшней жизни идеала братства и отказъ отъ реального осуществленія этого идеала даже тамъ, гдѣ имѣется теоретическое сознаніе его, и представляютъ собою тотъ коренной грѣхъ, борьба съ которымъ составляетъ существенное содержаніе и этой части произведенія Бонопницкой. И въ самомъ дѣлѣ, она не относится хладнокровно къ изображаемымъ ею явленіямъ: они слишкомъ рѣзко нарушаютъ ея заветный идеалъ, въ нихъ свозить слишкомъ рѣзкое противорѣчіе съ великими идеями любви и справедливости и слишкомъ ясно выступаетъ въ нихъ тяжелое человѣческое страданіе и горе. Это обстоятельство въ значительной степени обусловливаетъ собою и тѣ лирическія отступленія, которыя такъ часты въ этихъ стихотвореніяхъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ приведенныхъ выше выдержекъ. Я приведу только еще два мѣста, чтобы яснѣе обрисовать общій характеръ этихъ отступленій. Въ стихотвореніи *Хлопское сердце* поэтесса, упоминая, что крестьянка одѣта въ сермягу, продолжаетъ: «Грустная вещь — эта сѣрая сермяга, пропитанная потомъ и слезами и оборванная на согнутой отъ работы и несчастья спинѣ бѣдняка... И грустная вещь она, и стоитъ того, чтобы надъ нею подумать, и сама по себѣ такъ возбуждаетъ жалость, какъ будто это не лохмотья, а живая рана на народномъ тѣлѣ. Когда-нибудь, когда минуютъ бури и вихри и разъяснится небо, объ этой сермягѣ будутъ говорить въ мірѣ и называть ея исторію эпопеей народовъ. И, можетъ быть, тогда даже мы, мы сами, будемъ хранить этотъ жалкій, грязный, изорванный лоскутъ среди народныхъ сокровищъ и памятниконъ и обливать слезами!» Вотъ еще другое мѣсто, нѣсколько иное по своему частному сюжету, но съ тѣмъ же основнымъ характеромъ. Въ стихотвореніи *Безъ крова* поэтесса обращается къ морозной зимней ночи: «Ахъ, если бы я была тобой, королева! Я въ эту снѣжную вьюгу дала бы величайшій брилліантъ, что свѣтитъ въ лазури, бѣднымъ на хлѣбъ и огонь для дѣтей... И знаю я, что небо не стало бы блѣднѣе, если бы за одну звѣзду на небѣ свѣтились слезами въ воздухѣ ясные глаза, въ которыхъ воскресла жизнь»... Эти два мѣста различны, правда, по непосредственно выраженнымъ въ нихъ мыслямъ, но оба они имѣютъ то общее свойство, что какъ бы подчеркиваютъ и усугубляютъ мысль всего стихотворенія. Чувства писательницы не выдерживаютъ того сдержаннаго тона, который необходимо господствуетъ въ повѣствовательныхъ произведеніяхъ, и выбиваются лирическимъ порывомъ. При такомъ горячемъ отношеніи писательницы къ вопросу о нуждахъ народа, вполне естественно ожидать съ ея стороны сочув-

ственного отношенія ко всякой дѣятельности, искренно стремящейся удовлетворить этимъ нуждамъ. Мы и дѣйствительно находимъ у нея опозитивированіе такого рода дѣятельности въ одномъ изъ лучшихъ ея стихотвореній подъ названіемъ: *Изъ сельской школы*, гдѣ описываются похороны сельской учительницы. Глубоко прочувствованными и поэтическими штрихами набрасываетъ Конопницкая образъ этой учительницы. «Молодая жница смѣло встала на полѣ общаго труда и все время терпѣливо вязала свой тяжелый снопокъ. Хотя никто не ободрилъ ее словомъ поощренія, не далъ ей помощи, она стояла на этомъ полѣ съ утра и до ночи. И только по временамъ, блѣдная, измученная, съ мокрыми глазами, она простирала въ далекое пространство свои усталыя руки, и только по временамъ шептала: «какъ темно! когда же разсвѣтетъ?», тщетно борясь съ смертельною немощью, теряя надежду. Ахъ, она была какъ бы радугой, что соединяетъ землю съ небомъ... Была она жаворонкомъ для дремлющей деревеньки, хлѣбомъ—для духа... Была росой, подкрѣпляющей на разсвѣтъ усталыя растенія... Была звѣздочкой, свѣтящей на небѣ до восхода солнца». Какъ по серьезности мысли, по нѣжному, трогательному тону описанія, прикрывающему глубокой трагизмъ, такъ, наконецъ, и по музыкальности стиха, и по прекраснымъ поэтическимъ образамъ стихотвореніе это смѣло можно поставить въ ряду перловъ поэзіи Конопницкой. Вообще нужно сказать, что форма тѣхъ произведеній, о которыхъ мы только что говорили, ни мало не уступаетъ формѣ разобранныхъ выше лирическихъ стихотвореній. И здѣсь мы находимъ тотъ же легкій, звучный стихъ, тотъ же богатый поэтическій языкъ, наконецъ, то же разнообразіе размѣровъ. Но съ особенною яркостью эти послѣднія качества таланта писательницы могли проявиться въ тѣхъ ея созданіяхъ, гдѣ она, пользуясь лирическою формой народной поэзіи, рисуетъ намъ крестьянскую жизнь устами самихъ крестьянъ. По содержанію своему эти произведенія часто очень близки къ вышеприведеннымъ. Въ нихъ звучатъ часто тѣ же мотивы тяжелой нужды, отравляющей человѣку жизнь, заставляющей его покинуть родину и идти въ далекіе края или даже доводящей его до самоубійства, лишь бы не слышать, какъ «въ избѣ стонетъ жена, такъ что дрожить вся хата», не знать, что «въ избѣ голодные дѣти, а на гумнѣ нѣтъ хлѣба» (*Съ луговъ и полей*, III). Здѣсь есть и пѣсня парня, идущаго въ солдаты и просящаго мать шить ему рубашку, чтобы, если получить онъ пулю въ грудь, «имѣть на сердцѣ рубашку изъ нашего льна, изъ нашей деревеньки» (*Na fujarce*, III), есть и унылыя, полныя безысходнаго горя и отчаянія пѣсни крестьянъ, жалующихся на свою тяжелую хлопскую долю, при которой они теряютъ отъ голода своихъ дѣтей и не въ состояніи помочь имъ. Но на ряду съ такими, знакомыми уже намъ мотивами въ этихъ созданіяхъ творческой фантазіи писательницы отражается и другая, болѣе свѣтлая сторона народной жизни. Въ нихъ проходятъ передъ читателемъ и крестьянская дѣвушка съ ея довольствомъ своею дѣвичьею долей, своимъ возлюбленнымъ Стасемъ и своею родною деревенькой, и парень, влюбленный въ

дѣвущку, любящій ее горячо, безъ посредства свахъ, родителей и кузовьевъ, и на этихъ картинахъ чистаго и тихаго счастья простыхъ людей успокоивается возмущенное чувство. Поэтесса изображаетъ и неясные, туманные порывы куда-то въ неизвѣстную даль, «за десятое море», просыпающіеся порою въ груди деревенской молодежи, выставляетъ и ту глубокую любовь къ родимой землѣ и природѣ, которая коренится въ душѣ крестьянина и которая заставляетъ его отказываться отъ выгоднаго предложенія нѣмцевъ купить у него землю. «Богатъ ты, нѣмецъ,—отвѣчаетъ крестьянинъ,—и набить твой кошелекъ, но для этой земли ты еще слишкомъ бѣденъ... Не продамъ я тебѣ пашни! Возьми свои талеры... Кто продаетъ землю, тотъ не нашей вѣры». Тѣмъ не менѣе, эти свѣтлые моменты въ жизни крестьянина занимаютъ въ поэзіи Конопницкой подчиненное мѣсто, тогда какъ на первый планъ выступаетъ изображеніе темныхъ сторонъ этой жизни и крестьянскаго горя въ его разнообразныхъ формахъ,—мотивъ, который, лишь въ нѣсколько иной постановкѣ, чѣмъ въ эпическихъ произведеніяхъ, разрабатывается поэтессой въ ея лирическихъ стихотвореніяхъ съ самыми различными оттѣнками. Большинство этихъ стихотвореній, яркими красками рисующихъ народную долю, въ то же время, вполне соотвѣтствуетъ и народнымъ понятіямъ, но нѣкоторымъ изъ нихъ можетъ быть справедливо сдѣланъ упрекъ въ излишней сентиментальности. Что касается формы этихъ произведеній, то въ ней, прежде всего, поражаетъ изумительное разнообразіе размѣровъ, находящихся въ распоряженіи писательницы, и музыкальность, и пѣвучесть стиха, доходящая до совершенства. Благодаря ей, нѣкоторыя стихотворенія прямо обращаются въ пѣсни. Конопницкая напоминаетъ въ этомъ отношеніи Кольцова; сходство, продолжая сравненія, можно указать и въ томъ, что она, подобно русскому поэту, часто пользуется формой народной пѣсни, лишь художественно обрабатывая ее. Но именно въ виду такой высоты внѣшней отдѣлки лишь стихотворный переводъ могъ бы передать болѣе или менѣе удовлетворительно прелесть этихъ стихотвореній.

Намъ осталось сказать еще нѣсколько словъ о томъ отдѣлѣ произведеній нашей поэтессы, въ который входятъ различныя мелкія и крупныя эпическія стихотворенія и драматическіе очерки, не имѣющіе такого прямого отношенія къ народной жизни, а написанные на историческіе или библейскіе сюжеты. Мы не намѣрены подробно останавливаться на нихъ, такъ какъ, на нашъ взглядъ, не въ нихъ лежитъ сила Конопницкой, и ограничимся поэтому лишь нѣсколькими общими замѣчаніями, чтобы не расширять черезъ-чуръ объема статьи. Чистый эпосъ вообще не дается Конопницкой, особенно въ большихъ размѣрахъ, и поэтому ей удаются лишь небольшія эпическія стихотворенія, но и то не всегда: слишкомъ большая отдаленность сюжета отъ современной жизни не даетъ поэтессѣ возможности воспроизвести его со всею полнотой, такъ какъ умѣнье соблюдать историческій колоритъ не принадлежитъ, какъ мы уже видѣли и раньше, къ числу свойствъ ея таланта. Въ виду этого, лишь тѣ изъ этихъ эпиче-

ских стихотворений, которые случайно совпадают по своему сюжету с настроением самой поэтессы, производить болѣе впечатлѣнія; таковы: *Slavus saltans*, *In exitu Israël* и *Молитва Эдры*; близко подходящія къ этимъ по своимъ темамъ стихотворенія *Янь Гуссъ* и *Письмъ жирондистовъ* также удались писательницѣ, но они написаны уже совершенно въ лирическомъ родѣ. Какъ можно видѣть уже по заглавіямъ, во всѣхъ почти этихъ стихотвореніяхъ есть одинъ общій мотивъ—любовь къ родинѣ, и проведеніе этого мотива вышло у поэтессы очень удачнымъ. За то совершенно не удались ей другія стихотворенія съ сюжетами изъ античнаго міра, какъ *Kaloskagatos*, *Въ годовщину Фермопилъ* и *Народъ Цезарю*. За ними остается, правда, достоинство серьезной мысли, но облеченной въ неподходящія, произвольно притянутые къ ней образы. То же самое можно сказать и о драматическомъ очеркѣ *Въ пирейскомъ портѣ*, помѣщенномъ въ третьемъ томѣ стихотвореній Конопницкой. Онъ представляетъ разговоръ нѣсколькихъ аѳинскихъ юношей съ софистомъ Атеногеномъ, разговоръ мѣстами остроумный, мѣстами претендующій на остроуміе, но, во всякомъ случаѣ, не аѳинскій и не греческій. И здѣсь есть нѣсколько удачныхъ, брошенныхъ вскользь мыслей, но въ общемъ очеркъ этотъ, несвязный, отрывочный, не представляетъ изъ себя ничего особенно замѣчательнаго. Наконецъ, довольно большая сравнительно поэма *Моисей*, напечатанная во второмъ томѣ, заключаетъ въ себѣ нѣсколько сильныхъ и красивыхъ мѣстъ, но въ цѣломъ также не можетъ быть названа хорошей: неудачна уже самая мысль сдѣлать изъ поэмы исключительно монологъ Моисея. Онъ молитъ Бога снять съ него наказаніе и позволить войти въ обѣтованную землю, но эта мольба, растянутая на десять страницъ, неизбежно ведетъ къ повтореніямъ, и вниманіе читателя утомляется ими, равно какъ однообразіемъ тона. Уже изъ этихъ краткихъ замѣчаній можно видѣть, что эти произведенія польской поэтессы значительно уступаютъ по своему внутреннему достоинству тѣмъ, которые мы разбирали выше. Къ этому можно прибавить, что и внѣшняя форма ихъ гораздо слабѣе: въ нихъ часто нѣтъ той простоты и силы языка, которая отличаетъ лучшія созданія Конопницкой, за то замѣчается гораздо больше стремленія къ эффектамъ.

Главная сила, главное значеніе Конопницкой остаются, все-таки, въ ея лирическихъ стихотвореніяхъ и въ тѣхъ произведеніяхъ, которые посвящены изображенію народной жизни. Въ нихъ болѣе ярко выступаютъ основныя свойства ея таланта—глубина и серьезность вдохновляющихъ ее идей, свѣжесть и искренность ея чувства, и въ нихъ же она достигаетъ наибольшаго совершенства формы. Основною идеей всего ея творчества служить, какъ мы видѣли, идея братства людей, заставляющая ее горячо протестовать противъ всѣхъ явленій жизни, не соответствующихъ этой идеѣ. Эта же идея заставляеть ее встать на сторону тѣхъ, кто болѣе страдаетъ при современномъ положеніи дѣлъ,—на сторону низшаго класса общества. Указывая на тяжесть положенія этого класса, поэтесса

ясно сознаетъ всю необходимость выхода изъ подобнаго состоянія общественныхъ отношеній и видитъ возможность такого выхода въ дѣятельной, активной любви, которою должны проникнуться люди другъ къ другу. Такая любовь только одна можетъ предотвратить другой исходъ—по пути гибели и разрушенія. Это сознаніе и обращаетъ лучшія, даже эпическія, произведенія ея въ горячую проповѣдь ея завѣтныхъ идеаловъ. Въ польской литературѣ, какъ мы уже упомянули выше, произведенія Бонопницкой представляютъ какъ бы переходную ступень къ произведеніямъ съ еще болѣе ясно выраженною демократическою тенденціей. Но для насъ эта польская поэтесса имѣетъ значеніе еще и съ иной точки зрѣнія, какъ одно изъ отраженій того великаго демократическаго движенія, которое на нашихъ глазахъ все съ болѣею силою охватываетъ европейскій цивилизованный міръ, требуя реального осуществленія въ жизни великихъ принциповъ равенства и братства.

В. Мякотинъ.

Памяти Яна Амоса Коменскаго.

(1592—1892).

XVII вѣкъ принесть съ собою много горя и разоренія для средней Европы. Религіозный фанатизмъ возбудилъ жестокия войны, города и деревни разрушались, гибли люди. Германія теряла всё духовныя приобрѣтенія, возрожденія и реформаціи и вновь впадала въ варварство. Отъ недавней бодрой мысли не оставалось слѣда, гуманныя стремленія смѣнились грубымъ разгуломъ разнузданныхъ страстей. На мѣсто живой заботы о человѣкѣ, объ его умственномъ и нравственномъ воспитаніи, началась беспощадная рѣзня между католиками и протестантами.

Но въ глубинѣ общества продолжало теплиться стремленіе къ знанію и къ справедливости въ жизни личной и общественной. Нѣмецкія войска опустошали Богемію. Въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ чешскій народъ мужественно отстаивалъ свою религіозную свободу, свою духовную самостоятельность. Но казалось, что грубая сила одержала, наконецъ, верхъ, что на вѣки утрачены всё высокія надежды лучшихъ людей этого даровитаго славянскаго народа. Исторія показала, однако, что истинныя идеи не умираютъ, и разоренная, истерзанная Богемія дала Германіи, а черезъ нее и всему міру, великаго педагога, сочиненія и личная дѣятельность котораго могущественно содѣйствовали новому и на этотъ разъ окончательному возрожденію науки и философской мысли.

Янъ Амосъ Коменскій родился въ 1592 году. Обстоятельства его жизни общеизвѣстны. Въ нашей литературѣ существуетъ много статей, посвященныхъ этому удивительному человѣку. Горе и несчастія преслѣдуютъ Коменскаго. Ужасы войны, беспощадная жестокость религіознаго преслѣдованія обрушиваются на него всею своею тяжестью. Гибнетъ семья Коменскаго, истребляются рукописи, въ которыхъ собраны были его глубокія наблюденія и разсужденія. Въ 1627 году издается императорскій эдиктъ, изгоняющій изъ Богеміи всѣхъ нежелающихъ возвратиться въ лоно католической церкви. И вотъ моравскіе братья и ихъ епископъ, Амосъ Коменскій, становятся изгнанниками.

Базалось бы, что всѣ эти удары судьбы должны были сломить Коменскаго; а въ его умѣ продолжали зрѣть важныя и плодотворныя педагогическія идеи, въ его душѣ постоянно жило и крѣпло высокое гуманное чувство.

Слава великаго изгнанника переходила изъ страны въ страну. Въ Ан-

глию, въ Венгрію, въ Швецію приглашаютъ Коменскаго, чтобъ воспользоваться его указаніями и дать правильную постановку народному образованію. Онъ по всей Европѣ разносилъ сѣмена здраваго воззрѣнія на задачи и средства величайшаго изъ искусствъ — искусства воспитывать человѣка. На чужбинѣ, въ глубокой старости умеръ Коменскій. Последніе годы его жизни протекали въ Амстердамѣ, который онъ горячо любилъ, гдѣ онъ самъ былъ окруженъ любовью и уваженіемъ. Въ школахъ Амстердама, по словамъ Коменскаго, царствовали свобода и радость, и юношеству этого города посвящены послѣднія сочиненія великаго педагога.

Чего же требовалъ, чему училъ Янъ Амосъ Коменскій? Требования его просты и естественны. Ученіе его опирается на глубокое знаніе природы человѣка и ставитъ для воспитателя высокія нравственныя задачи. Но вотъ прошло три вѣка со дня рожденія Коменскаго, а многія и многія изъ этихъ задачъ остаются недосыгаемыми и для современнаго общества. Не даромъ, конечно, работала въ теченіе этого долгаго времени научная мысль. Выросло и углубилось наше знаніе дѣтской души, точнѣе и лучше опредѣлились методы обученія и воспитанія, устранены, наконецъ, многія изъ ошибокъ и заблужденій, въ которыя не могъ не впадать мыслитель XVII столѣтія. Но и теперь знакомство съ его идеями въ высшей степени поучительно и представляетъ не только историческій, но и жизненный, практическій интересъ.

Амосъ Коменскій — врагъ схоластики. Онъ сторонникъ того воззрѣнія, по которому весь матеріалъ для нашего мышленія пріобрѣтается черезъ посредство чувствъ, путемъ опыта. Отсюда основное педагогическое требованіе: наглядность обученія, воспитаніе чувствъ. «Такъ какъ въ видимомъ мірѣ, — говоритъ Коменскій, — ничего нѣтъ такого, что нельзя было бы видѣть, слышать, обонять, вкушать и осязать, различать по существу и по качеству (*quid et quale sit*), то, слѣдовательно, ничего нѣтъ въ мірѣ и такого, чего не могъ бы познать человѣкъ, одаренный и чувствами, и разумомъ *). Роль воспитателя поэтому громадна: подобно тому, какъ на чистой доскѣ писецъ можетъ написать, а живописецъ нарисовать, что имъ угодно, если только они свѣдущи въ своемъ искусствѣ, — одинаково легко возможно начертать все въ человѣческомъ духѣ тому, кто свѣдущъ въ искусствѣ обученія».

Это преувеличенное представленіе о силѣ воспитанія и образованія обуславливалось, конечно, психологическою ошибкой того направленія философской мысли, къ которому принадлежали великіе современники Коменскаго — Беконъ (1561—1626) и Локкъ (1632—1704). Эту ошибку раздѣляли и многіе изъ мыслителей XVIII вѣка. Одна изъ главъ извѣстнаго трактата Гельвеція *О человекѣ* носитъ такое названіе: *Воспитаніе все можетъ **)*.

«Человѣкъ, — говоритъ Коменскій, — стоитъ посреди Божіихъ твореній,

*) *Великая дидактика*, русскій переводъ, стр. 25. Всѣ остальные цитаты изъ *Великой дидактики* приводятся также по этому переводу.

***) *De l'homme*, sect. X, ch. I: *L'éducation peut tout*.

обладая свѣтлымъ духомъ, который можно сравнить съ висящимъ въ комнатѣ зеркальнымъ шаромъ, воспринимающимъ въ себя изображенія всѣхъ вещей, кругомъ находящихся». Но въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій Коменскій придаетъ духу активное значеніе. Намъ врождены, — пишетъ онъ, — сѣмена знанія, добродѣтели и религіи. «Намъ врождена также жажда познанія и способность не только исполнять работу, но и стремленіе къ ней».

Коменскій скончался въ 1671 году. Двѣсти двадцать одинъ годъ протекъ со дня его смерти, и теперь легко указывать на пробѣлы, недостатки и заблужденія великаго педагога. Несравненно поучительнѣе напомнить тѣ здравые взгляды, тѣ благородныя стремленія, которыя вносилъ онъ въ свою дѣятельность и которыя такъ далеки отъ осуществленія въ современномъ педагогическомъ мѣрѣ и въ семьѣ.

Великая дидактика или всеобщее искусство всѣхъ учить всему достигаетъ, по Каменскому, этой цѣли: *навѣрное*, такъ чтобъ ученье не могло оставаться безъ успѣха; *скоро*, безъ отягощенія учащихся и учащихся, вызывая не скуку, а высшее наслажденіе; *основательно*, раскрывая существо предмета, приводя къ истинной наукѣ и къ добродѣтели. Всѣ области знанія и пытливей мысли должно охватить такое преподаваніе, чтобы дать впослѣдствіи возможность каждому, по добровольному выбору, расширять и углублять свои познанія въ той или въ другой наукѣ. Школу должны посѣщать всѣ дѣти, и мальчики, и дѣвочки, безъ всякаго различія въ сословіи и состояніи, потому что всѣ люди рождены для того, чтобы быть разумными существами, подобіемъ божества, властелинами природы. «Никто да не устраняется отъ школы, развѣ ужъ кому Богъ отказалъ въ смыслѣ и разумѣніи». «Также точно не можетъ быть приведено достаточныхъ основаній для того, чтобы вообще устранять женскій полъ отъ изученія мудрости (будетъ ли она преподаваться на латинскомъ, или на родномъ языкѣ), ибо женщины, какъ и мужчины, созданы по образу и подобію Божію, одинаково съ ними онѣ соучастницы благодати и будущей жизни, одинаково одарены живымъ и воспріимчивымъ для мудрости умомъ (часто даже болѣе, чѣмъ нашъ полъ); одинаково открытъ имъ доступъ къ высокимъ званіямъ, такъ какъ и самъ Богъ часто избиралъ женщинъ для управленія народовъ, для сообщенія весьма полезныхъ совѣтовъ царямъ и начальникамъ, для служенія врачебному искусству и для другихъ полезныхъ человѣческому роду дѣлъ; наконецъ, избирались онѣ и для пророческаго служенія, и для обличенія священниковъ и епископовъ. И такъ, зачѣмъ же мы допускаемъ ихъ къ азбукѣ, а затѣмъ отъ книгъ отстраняемъ? Боямся ли ихъ легкомыслія? Но чѣмъ болѣе мы предаемся размышленію, тѣмъ меньше мѣста для легкомыслія, которое обыкновенно является отъ пустоты духа».

Не правда ли, эти глубоко продуманныя и горячо прочувствованныя слова изъ *Великой дидактики* имѣютъ для насъ живой интересъ современности, потому что для многихъ и многихъ три столѣтія съ рожденія Коменскаго не принесли съ собою духовнаго перехода въ девятнадцатый вѣкъ?

Человѣкъ ведетъ тройную жизнь: растительную, животную и духовную. Воспитаніе должно позаботиться о томъ, чтобы тѣло наше было здорово, чтобы чувства наши, которыя доставляютъ матеріалъ для нашего мышленія, были въ достаточной степени развиты. Въ школахъ, а черезъ посредство школъ и во всей жизни, необходимо стремиться къ тому, чтобы 1) природныя дарованія развивались науками и искусствами, 2) даръ слова изощрялся, 3) нравы образовывались бы для всего честнаго, 4) Богъ почитался бы искренно.

Школы должны быть *мастерскими чужности*, и если кто-либо скажетъ: что же будетъ, если ремесленники, носильщики и жейщины станутъ учеными?—то Коменскій отвѣчаетъ: «будетъ то, что если правильно введено это всеобщее обученіе юношества, то никто не будетъ имѣть недостатка въ матеріалѣ для разумнаго мышленія, выбора, соревнованія и труда. Лишь бы всѣ знали предѣлы дѣйствій и желаній житейскихъ, границы ихъ и свое мѣсто между другими людьми. Кромѣ того, посреди трудовъ и тягостей всѣ будутъ улаживать себя созерцаніемъ словъ и дѣлъ Божіихъ и устранять праздность, опасную для плоти и крови, чтеніемъ Библии и другихъ хорошихъ книгъ».

Тагъ писалъ великій славянскій педагогъ въ первой половинѣ XVII в. А вотъ что говорить о народномъ образованіи въ своемъ *политическомъ заветчаніи* знаменитый современникъ Коменскаго, кардиналъ Ришельё: какъ чудовищно было бы тѣло, у котораго были бы глаза повсюду, тагъ чудовищно и государство, если въ немъ всѣ подданные будутъ образованными людьми: тогда окажется мало послушанія.

Коменскій требуетъ, чтобы всеобщее воспитаніе и обученіе приуровнялось къ ходу развитія природныхъ способностей дѣтей. День долженъ дѣлиться на три части: восемь часовъ для ученья, восемь для пищи, духовныхъ развлеченій и физическихъ упражненій, восемь—на сонъ. Изъ восьми учебныхъ часовъ половину ученики проводятъ въ школѣ, другую употребляютъ на занятія у себя дома. Въ школѣ должны царить радость и бодрая мысль. Наказанія, въ особенности тѣлесныя, изгоняются: если учитель не умѣетъ заинтересовать ученика, то вина падаетъ на самого воспитателя.

Амосъ Коменскій указываетъ на одно очень важное обстоятельство, которымъ совершенно пренебрегаетъ наша средняя школа, чѣмъ и обуславливается, въ значительной мѣрѣ, ея малоуспѣшность: въ каждой школѣ или въ каждомъ классѣ нуженъ только одинъ учитель. Психологическія основанія разумности такого требованія представляются мнѣ очевидными: ученикъ знакомится съ разными предметами, связанными общностью приѣмовъ и цѣли, короче, легче и гармоничнѣе въ преподаваніи одного учителя, который не только *учитъ* тому или другому предмету, но вообще *образовываетъ и воспитываетъ* ученика.

Прежде и болѣе всего слѣдуетъ заботиться объ образованіи разсудка для пониманія вещей, потому что уже воспитываются память, языкъ и рука. Память должно упражнять только существеннымъ, предоставляя остальное

свободному усвоению, и при этомъ необходимо наблюдать, чтобы запоминаемое было «вѣрно понято разсудкомъ». Чтобы объясненія легче запечатлѣвались, слѣдуетъ возможно болѣе упражнять внѣшнія чувства. «Такъ, напримѣръ, нужно постоянно соединять слухъ съ зрѣніемъ, слово съ осязаніемъ. То, что ученики должны усвоить, слѣдуетъ имъ не только разсказать, чтобы оно проникло въ ихъ уши, но полезно и нарисовать, чтобы преподаваемое запечатлѣлось въ воображеніи и съ помощью глазъ».

«Школы, — пишетъ Коменскій, — до сихъ поръ не заботились о томъ, чтобы умы учениковъ, подобно молодымъ деревьямъ, развивали свою жизнь изъ собственнаго корня, онѣ учили навѣшивать на себя собранныя съ разныхъ деревьевъ вѣтки и, такимъ образомъ, подобно езоповой воронѣ, украсить себя чужими перьями; школы не только не трудились раскрывать скрытый въ ученикахъ источникъ разумнѣя, но торопились наполнить его водою изъ чужихъ ручьевъ». Учителя передаютъ чужія мнѣнія, ученики ихъ заучиваютъ. Школы учатъ видѣть чужими глазами, постигать предметы чужимъ разсудкомъ, тогда какъ необходимо развивать въ человѣкѣ способность критическаго анализа и самостоятельнаго синтеза. Въ кругъ начальной школы должны войти и главнѣйшія ремесла, она должна постоянно направляться нравственными началами, такъ какъ мы учимся для жизни, для дѣятельнаго и разумнаго въ ней участія. «Что Соломонъ говорить о прекрасной, но пренебрегающей разумомъ женщинѣ, то относится также и къ ученому человѣку, дурно воспитанному: что золотое кольцо на носу у свиньи, то ученость для человѣка, отвлотившагося отъ добродѣтели».

Родной намъ чешскій народъ далъ міру Яна Гуса и Амоса Коменскаго. Массарикъ говоритъ, что необыкновенно живое, могущественное, непреодолимое рвеніе служить своему народу и человѣчеству есть чисто-славянское стремленіе. Амосъ Коменскій не сказалъ бы этого. Гуманность составляетъ лучшее достояніе лучшихъ людей каждаго народа. Горячо любилъ свою родину великій изгнанникъ, его высокая мысль охватывала въ своемъ полетѣ всѣ народы и каждаго человѣка. Умирая, въ глубокой старости, на чужбинѣ, Янъ Амосъ Коменскій благодарилъ Бога за свою долгую жизнь, переполненную тревогами, горемъ, неустаннымъ трудомъ, страстнымъ исканіемъ истины и правды. Радостно и бодро звучитъ на краю могилы голосъ этого педагога, въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова. Вся его жизнь была отдана просвѣщенію, всѣхъ призывалъ онъ въ горячихъ рѣчахъ къ этой плодотворной дѣятельности. И не даромъ *мысль и страдалъ* творецъ *Великой дидактики*. Его идеи принесли добрые плоды и въ Германіи, и въ другихъ странахъ Европы. Тотъ духъ независимаго вслѣдованія, который вѣетъ въ германскихъ университетахъ, въ значительной мѣрѣ обязанъ своимъ торжествомъ трудамъ славянскаго мыслителя, и нѣмецкій народъ достойно поминаетъ одного изъ лучшихъ своихъ духовныхъ вождей. Самостоятельнаго знанія, опытнаго знакомства съ природой, бодрой критической мысли требовалъ Амосъ Коменскій, и эти

требования направлялись высокимъ нравственно-общественнымъ идеаломъ. Счастливъ народъ, который даетъ міру подобныхъ людей, и чешскій народъ справедливо гордится сыномъ моравскаго мельника. Тяжела была участь этого народа. Какъ у Коменскаго, у чеховъ отымали свободу совѣсти, лишали ихъ родины; какъ Коменскій, свято сберегли они свободу чистой мысли и религіознаго убѣжденія. Но великій учитель умеръ въ изгнаніи, а его народъ воротилъ себѣ родину. Идеи послѣдняго епископа моравскихъ братьевъ глубоко западали въ душу чешскаго народа. Онъ понималъ, въ чемъ заключается вѣрнѣйшее средство вернуть подавленную національную самобытность: необходимо было впитать въ себя всѣ истинныя основы европейской мысли и знанія, усвоить европейскія начала общественной жизни. Эта трудная задача исполнена чехами, и они вновь являются въ исторіи мировымъ дѣятелемъ.

Великая объединяющая мысль, которая связывала въ мировоззрѣніи Амоса Коменскаго всѣ народы, соединяла въ гармоническое цѣлое и всѣ науки, всѣ предметы преподаванія. Ошибочно, — писалъ Коменскій, — съ самаго начала излагать науку въ подробностяхъ, не предпославъ напередъ элементарный общій очеркъ всего знанія, и никого не должно обучать такъ, чтобы онъ могъ считать достаточнымъ знаніе одной какой-нибудь отдѣльной науки, безъ отношенія ея къ другимъ. «Вся совокупность научныхъ занятій должна быть тщательно раздѣлена на классы, такъ чтобы предъидущее повсюду приготавливало и освѣщало путь послѣдующему». Не обученіе только должна поставить своею цѣлью школа, а и нравственное воспитаніе, *гармонію нравовъ*. Ничто не должно быть изучаемо исключительно для школы, но для жизни, дабы приобрѣтенное знаніе не разлетѣлось по вѣтру, какъ скоро ученики оставятъ школу.

Система образованія, по Амосу Коменскому, начинаясь съ воспитанія внѣшнихъ чувствъ въ материнской школѣ, заканчивается университетомъ, который «образуетъ преимущественно то, что дѣйствуетъ опредѣляющимъ образомъ на волю, и достигаетъ этого посредствомъ *факультетовъ*, представляющихъ все въ гармоніи». Въ горячихъ выраженіяхъ призываетъ Коменскій къ великому дѣлу воспитанія правителей, ученыхъ и родителей. Этотъ призывъ не утратилъ до нашихъ дней ничего въ своей глубокой важности и убѣдительности, и словами самого великаго педагога всего лучше закончить воспоминаніе объ его подвигѣ и его завѣтѣ: «Да одушевитъ насъ всѣхъ, — молю я, — одинъ общій духъ, чтобы все, что каждый могъ бы принести для общей и полезной цѣли, въ видѣ совѣта, предостереженія, увѣщанія, исправленія, понужденія, каждый не замедлилъ бы съ ревностью исполнить, по мѣрѣ силъ, для Бога и для потомства, и чтобы никто не думалъ, что это до него вовсе не касается».

В. Гольцевъ.

ЛОККЪ *).

(Thomas Fowler: «Locke»).

Мы прервали свой рассказъ о событіяхъ любопытнаго жизненнаго поприща нашего философа здраваго смысла изложеніемъ существенныхъ пунктовъ того великаго трактата, который составляетъ главное право Локка на безсмертіе; теперь снова возвратимся къ его біографіи. Въ 1681 году Шефтсбюри былъ арестованъ въ Лондонѣ по обвиненію въ государственной измѣнѣ и послѣ непродолжительнаго суда надъ нимъ королевскаго совѣта отправленъ въ лондонскую башню. Несмотря на всѣ старанія короля, большое жюри отвергло его обвиненіе, и 1 декабря онъ былъ освобожденъ. Его освобожденіе было принято во всей странѣ съ огромною радостью, Лондонъ былъ иллюминированъ; но приливъ общественнаго мнѣнія въ пользу виговъ скоро уступилъ мѣсто другому настроенію. Лѣтомъ 1682 года Шефтсбюри, Монмутъ, Руссель и другіе составляли планы возстанія, и при открытіи заговора Шефтсбюри пришлось скрываться въ Сити, такъ какъ онъ не могъ рассчитывать на новое оправданіе. Изъ своего убѣжища въ Сити онъ приготовлялъ новое возстаніе и хвалился, что у него готово десять тысячъ «ловкихъ парней», но дѣло было почему-то отложено и Шефтсбюри пришлось бѣжать въ Голландію. Онъ получилъ званіе амстердамскаго гражданина и могъ бы еще видѣть осуществленіе своихъ лучшихъ и самыхъ дорогихъ надеждъ на побѣду въ Англіи дѣла конституціонной свободы, если бы безжалостная рука смерти не прервала его жизнь, полную приключеній и рѣдкаго смѣшенія личныхъ пороковъ и недостатковъ и политическихъ добродѣтелей.

Трудно сказать утвердительно, принималъ ли Локкъ какое-либо участіе въ планахъ Шефтсбюри, раздѣлялъ ли онъ, напримѣръ, его мнѣніе о необходимости заставить Карла признать своимъ наслѣдникомъ Монмута, — мнѣніе, мотивированное самимъ Шефтсбюри положеніемъ, что «тѣмъ слабѣе права, тѣмъ лучше король». Кромѣ того указанія внука Шефтсбюри, которое мы приводили въ первой статьѣ, что Локкъ «раздѣлялъ съ моимъ

*) *Русская Мысль*, кн. III.

дѣдомъ опасности, какъ раньше раздѣлялъ почести», — другихъ указаній не имѣется. Во всякомъ случаѣ, было бы маловѣроятнымъ, чтобы столь близкій къ Шефтсбюри человекъ, какъ Локкъ, не имѣлъ свѣдѣній о его планахъ, не былъ посвященъ въ его тайны; тѣмъ болѣе, что вся жизнь нашего философа доказываетъ, что онъ далеко не былъ просто теоретикомъ и кабинетнымъ человекомъ, что та жизненная энергія, которая была унаслѣдована средними классами Англіи отъ ихъ отцовъ, бывшихъ противъ королевскаго деспотизма, и проявленная ими въ соединеніи съ замѣчательнымъ здравымъ смысломъ, всегда отличающимъ классъ, близкій къ своему политическому торжеству, наполняла все существо Локка. Какъ бы то ни было, участвовалъ ли онъ въ заговорахъ Шефтсбюри и въ заговорахъ его послѣдователей, или нѣтъ, его жизнь въ Англіи сдѣлалась невозможною. Деспотизмъ Стюартовъ, какъ и всякій другой деспотизмъ, не желалъ разбирать виновныхъ отъ невиновныхъ, всякій противникъ произвола для него уже являлся заговорщикомъ и виновнымъ въ государственной измѣнѣ; жизнь и свобода всякаго такого человека во всякое время могла быть отнята у него. «Я полагаю, — совершенно основательно замѣчаетъ профессоръ Фоулдеръ, — что если бы Локкъ въ эти времена злоупотребленій и угнетенія и дѣйствительно участвовалъ въ заговорѣ добиться посредствомъ насилія измѣненія въ престолонаслѣдіи или даже низложенія, то это не могло бы запятнать въ глазахъ потомства его имени». Каково было положеніе дѣлъ, къ какимъ гнуснымъ средствамъ развращенія общества, къ какому деморализующему шпіонству прибѣгалъ англійскій деспотизмъ, какія условія жизни создавалъ онъ для лучшихъ сыновъ Англіи, это всего лучше рисуется письмами нѣкоего Придо, впоследствии норвичскаго декана, къ Эллиоту, впоследствии помощнику государственнаго секретаря. Письма эти такъ любопытны, что ихъ стоить привести цѣликомъ.

«14 марта 1681 года. Локкъ живетъ здѣсь (въ Оксфордѣ) очень разумно и хитро; два дня онъ въ городѣ, а три его нѣтъ, и никто не знаетъ, куда и когда онъ уѣзжаетъ и когда возвращается. Навѣрное, тутъ какая-нибудь интрига; но онъ ни слова не говоритъ о политикѣ, о новостяхъ и чего-нибудь имѣющаго отношеніе къ настоящему положенію дѣлъ, точно это его совѣмъ не занимаетъ».

«19 марта. Никакъ не могу узнать, куда уѣзжаетъ Л., — такъ ловко онъ обставляетъ свои отлучки. Въ послѣдній разъ онъ отлучался на десять дней, а куда — я не могъ узнать. Вчера онъ вернулся; иногда самъ онъ уѣзжаетъ и оставляетъ своего лакея, который часто прохаживается по улицамъ, чтобы люди думали, что его хозяинъ дома; при этомъ онъ никого не впускаетъ въ его комнату, такъ что неизвѣстно, дома онъ или уѣзжаетъ. Думается, что тутъ есть какіе-то проекты».

«24 октября 1682 г. Локкъ живетъ у насъ очень покойно и не говоритъ ни одного слова, по которому бы можно было догадаться, что у него на сердцѣ. Теперь, когда его патронъ убѣжалъ, я думаю, онъ будетъ жить здѣсь».

Придо не былъ ни полицейскимъ, ни профессиональнымъ шпиономъ, онъ былъ просто добровольцемъ гнуснѣйшей изъ системъ, до мозга костей развращающей все общество. Онъ просто смакуетъ сплетню о заговорахъ; ему обидно, что онъ никакъ не можетъ узнать, куда уѣзжаетъ Локкъ изъ Оксфорда; ему очень бы хотѣлось забраться въ его комнату и пересмотрѣть его бумаги. И, однако, этотъ Придо не кто-нибудь, а ученый членъ университета, принадлежащій къ числу оксфордскихъ профессоровъ.

Другой доброволецъ былъ еще болѣе высокопоставленнымъ человѣкомъ, это—докторъ Фелль, деканъ коллегіи Христа и оксфордскій епископъ. Онъ писалъ Сундерланду, министру Карла и Якова, такое письмо:

«Въ теченіе многихъ лѣтъ я присматривалъ за нимъ (за Локкомъ), но онъ такъ остерегался, что, послѣ строгаго слѣдствія, я могу съ увѣренностью сказать, что въ коллегіи нѣтъ ни одного человѣка, какъ бы онъ близокъ съ нимъ ни былъ, который бы слышалъ, чтобы Л. сказалъ хоть одно слово противъ правительства или даже что-либо касательно такового; и хотя очень часто и въ обществѣ, и въ частномъ разговорѣ намѣренно начинали говорить неодобрительно о его патронѣ, графѣ Шефтсбюри, о его партіи и его планахъ, его никакъ не могли вынудить къ тому, чтобы онъ словомъ или взглядомъ выразилъ свой интересъ къ такому разговору. Я полагаю, что на всемъ свѣтѣ не найдешь такого мастера въ притворствѣ и въ игрѣ въ молчанку».

Вотъ при какихъ условіяхъ приходилось тогда жить подозрительнымъ людямъ Англій; неудивительно, что они приучались не только къ «эзопскому языку», но и къ притворству и молчаливости. Самъ Локкъ въ своихъ *Мысляхъ о воспитаніи* рекомендуетъ родителямъ и воспитателямъ съ раннихъ лѣтъ приучать дѣтей къ искусству скрывать свои мысли. Истинно гореть долженъ былъ быть опытъ, заставлявшій великаго философа давать людямъ такой нефилософскій совѣтъ.

Вѣроятно, что во время своего пребыванія въ Оксфордѣ при такихъ ужасныхъ условіяхъ существованія Локкъ написалъ первый изъ своихъ двухъ *Трактатовъ о правительствѣ*, изданныхъ въ 1690 году. Въ то же время, вѣроятно, медленно собирались матеріалы для его *Опыта* и постепенно зрѣли его взгляды о разныхъ вопросахъ: политическихъ, этическихъ, теологическихъ и философскихъ. Ему приписывали въ это время сочиненіе многихъ политическихъ памфлетовъ, но въ его письмѣ къ графу Пемброку, отъ 1684 года, заключается его торжественное увѣреніе, что онъ не писалъ «никакого памфлета или трактата», и нѣтъ никакого основанія не довѣрять ему.

Положеніе подозрѣваемаго было такъ неудобно для научныхъ трудовъ Локка,—не говоря, конечно, о томъ, что оно было совершенно невыносимымъ для человѣка, привыкшаго и желавшаго дѣйствовать,—что ему ничего больше не оставалось дѣлать, какъ эмигрировать. Эмиграція вообще составляетъ послѣднее прибѣжище для угнетенныхъ, но нигдѣ и никогда,

можетъ быть, столь охотно не прибѣгали къ этому прибѣжищу, какъ въ Англіи въ годы борьбы съ деспотизмомъ и беззаконіями Стюартовъ. Мысль объ эмиграціи была совсѣмъ не новостью для Локка, онъ часто полусерьезно говорилъ о ней въ письмахъ къ своему другу, французу Топинару. Очень вѣроятно, что Локкъ въ то время вообще отчаялся въ возможности лучшаго будущаго для своей родины и, можетъ быть, онъ понималъ, что именно опальнымъ, находившимся въ то время въ Голландіи, предстоитъ сыграть выдающуюся роль въ предстоящемъ переворотѣ, какъ другіе опальные сыграли выдающуюся роль послѣ преслѣдованій «кровавой» Маріи. Последнее предположеніе вѣроятнѣе, если принять во вниманіе весь строй натуры Локка, его способность вѣрить въ принципы и его политическую проникательность. Какъ бы то ни было, въ 1683 году мы встрѣчаемъ Локка уже въ Голландіи. За то Локкъ, по королевскому указу, былъ лишенъ званія члена коллегіи церкви Христа. Этотъ любопытный памятникъ глупой злобы враговъ просвѣщенія и теперь еще показывается въ библиотекѣ коллегіи. Вотъ его переводъ:

«Достопочтенному отцу въ Богѣ, Джону, лорду епископу оксфордскому, декану церкви Христа и нашему вѣрному и возлюбленному капитулу.

«Достопочтенному отцу въ Богѣ, вѣрному и возлюбленному, привѣтъ. Такъ какъ мы получили свѣдѣнія о мятежномъ и безчестномъ поведеніи Локка, одного изъ студентовъ этой нашей коллегіи, мы считаемъ за благо сообщить вамъ свою волю и желаніе, чтобы вы лишили его вышеупомянутаго званія и всѣхъ правъ и преимуществъ, съ онымъ связанныхъ. На сіе мы уполномочиваемъ васъ. Шлемъ вамъ сердечный привѣтъ.

«Дано при нашемъ дворѣ въ Уитгаллѣ 11 ноября 1684, а царствованія же нашего въ тридцать шестое».

«По приказанію его величества

Сундерландъ».

«Такимъ образомъ, — замѣчаетъ профессоръ Фоулеръ, — самый знаменитый изъ людей, какого только видѣли стѣны Оксфорда со временъ реформации, былъ изгнанъ по повелѣнію распутнаго и деспотическаго двора».

Время пребыванія Локка въ Голландіи было не только благотворнымъ въ политическомъ отношеніи, но очень счастливымъ періодомъ его жизни. Вскорѣ послѣ его отъѣзда изъ Англіи, 6 февраля 1685 года умеръ Карлъ II, и на тронъ Англіи вступилъ послѣдній, выродившійся представитель дома Стюартовъ, Іаковъ, тупой ханжа и безтолковый деспотъ. Значительная часть англійскаго общества и въ особенности всѣ искренно вѣрующіе протестанты сразу поняли, что при такомъ королѣ невозможно надѣяться на правильное развитіе конституціонной жизни страны, что политическія бури неизбежны; средніе классы съ всегда свойственною имъ политическою осторожностью и склонностью къ терпѣнію и компромиссамъ хотѣли бы еще ждать непосредственныхъ дѣйствій короля, но болѣе нетерпѣливые люди не могли ждать. Монмутъ въ Англіи и герцогъ Аржилъ въ Шотландіи попробовали поднять знамя возстанія, но обѣ эти попытки кончились неудач-

но. Локкъ, какъ и слѣдуетъ истому представителю благоразумія среднихъ классовъ, держался въ сторонѣ. «Но, — справедливо замѣчаетъ проф. Фоулеръ, — въ подобныя времена сильной политической ненависти и безстыднаго угнетенія благоразуміе бесполезно». Локкъ былъ слишкомъ извѣстенъ англійскому двору, какъ приверженецъ Шефтсбюри, чтобы его могли оставить въ покоѣ. Специальный посолъ Англій, полковникъ Свелтонъ, представилъ генеральнымъ штатамъ списокъ личностей, опасныхъ для англійскаго правительства, и требовалъ ихъ выдачи. Въ этомъ списокѣ было и имя Локка. Философу пришлось скрываться, хотя, собственно говоря, наврядъ ли онъ подвергался серьезной опасности. Муниципалитетъ Амстердама слишкомъ ненавидѣлъ католицизмъ и слишкомъ симпатизировалъ свободѣ, чтобы особенно заботиться объ исполненіи желанія короля Англій; да и принцъ Оранскій не желалъ гоняться за эмигрантами, цѣль которыхъ состояла въ томъ, чтобы обезпечить его право на престолъ Англій.

Возстанія Монмута и Аржиля принесли пользу конституціонной партіи, хотя она сама и не участвовала въ нихъ: они очищали дорогу къ трону ея кандидату, Вильгельму Оранскому.

Въ 1686 году уже начались тайные переговоры этой партіи съ принцемъ, и несомнѣнно, что въ этихъ переговорахъ Локкъ принималъ дѣятельное участіе. Онъ писалъ къ своему другу Лимборку изъ Роттердама: «Я мало думалъ въ Амстердамѣ о политикѣ, а здѣсь не могу особенно много заниматься литературой». Біографы Локка полагаютъ, что онъ именно около этого времени вступилъ чрезъ посредство лорда Мордаунта, впоследствии графа Петерборо, въ личныя сношенія съ Вильгельмомъ и Маріей. Эти отношенія скоро перешли въ дружескія.

Локку во время его пріѣзда въ Голландію было около 51 года, и онъ пользовался уже значительной извѣстностью въ политическихъ и литературныхъ кругахъ Англій и Голландіи и, тѣмъ не менѣе, онъ еще не писалъ ничего, хотя, какъ мы говорили уже, усердно занимался и собиралъ матеріалы для своей послѣдующей литературной дѣятельности. Обыкновенно это обстоятельство объясняютъ его чрезмѣрною добросовѣстностью, его скромностью или всеподавляющимъ его интересомъ къ текущимъ политическимъ дѣламъ. Всѣ эти причины, конечно, могли имѣть нѣкоторое значеніе. Локкъ былъ дѣйствительно замѣчательно добросовѣстнымъ философомъ и замѣчательно скромнымъ человѣкомъ; онъ дѣйствительно потратилъ въ своей юности много времени и умственныхъ силъ на довольно мелкую, хотя и чрезвычайно важную, партійную борьбу, но несомнѣнно, что самую главную роль въ позднемъ развитіи его таланта и въ позднемъ проявленіи этого таланта въ литературной дѣятельности играла какъ эпоха, въ которую жилъ Локкъ, такъ и его личный темпераментъ. Локкъ былъ человѣкъ уравновѣшенный и спокойный, и эта уравновѣшенность и спокойствіе проявляются почти въ каждой написанной имъ строчкѣ; у него нигдѣ не замѣчается того священнаго жара, той безпокойной нервоз-

ности, которыя отличаютъ всегда истинныхъ писателей, писателей по натурѣ, которыя не даютъ имъ покоя до тѣхъ поръ, пока они не возмущаются за перо, которыя заставляютъ ихъ писать не чернилами, а сокомъ своихъ нервовъ. Локкъ былъ по существу человѣкомъ практики и мыслителемъ практики—и время, въ которое онъ жилъ, и общественные классы, и политическая партія, представителемъ которыхъ въ философіи онъ былъ, были существенно практическими. На всякаго «журавля въ небѣ» онъ смотрѣлъ довольно презрительно и всегда предпочиталъ «синицу въ руки». Характерно то обстоятельство, что Локкъ нигдѣ въ своихъ трактатахъ о правительствѣ, о финансахъ, о религіи не обмолвился ни однимъ добрымъ словомъ о болѣе радикальныхъ и смѣлыхъ теченіяхъ мысли, которыя предшествовали эпохѣ реставраціи. А онъ былъ, все-таки, философъ, и, притомъ, философъ благодушный, склонный къ благоволенію, и, конечно, не могъ относиться къ крайнимъ (левеллерамъ) съ такою ненавистью и съ такимъ презрѣніемъ, съ какими относились къ нимъ представители «практической» политики, средніе классы, боровшіеся по-своему съ деспотизмомъ Стюартовъ и желавшіе добраго короля, который обезпечилъ бы для нихъ протестантскую религію и конституцію со всѣми ихъ несовершенствами. Въ этомъ отношеніи любопытно замѣчаніе Локка о крайней коммунистической сектѣ Йонна, поселившейся близъ Лейвардена. «Они принимаютъ въ секту,—разсказываетъ Локкъ,—всѣхъ безъ различія пола, возраста и общественнаго положенія. У нихъ все общее, и всякій вновь принятый членъ отдаетъ все, что у него есть, Господу Богу, то-есть церкви, управляемой избранными представителями. Эти люди, однако, не охотно говорятъ о себѣ съ чужими, и они, кажется, склонны давать поученія только тѣмъ, «кого Богъ,—какъ они говорятъ,—расположилъ къ ученію» и въ комъ они видятъ «знаки милости Божіей». Но эти знаки «милости Божіей», кажется мнѣ, состоятъ просто въ подчиненіи волѣ и правиламъ ихъ пастора Йонна, который, если не ошибаюсь, имѣетъ надъ ними полную власть. Потому-то, хотя, повидимому, всѣмъ и управляетъ церковь, но легко замѣтить, что всѣ дѣла рѣшаетъ онъ; онъ *dominus factotum*, и хотя они, какъ я полагаю, вообще люди хорошей и примѣрной жизни, но тонъ ихъ, манеры и настроеніе заставляютъ подозрѣвать ихъ въ нѣкоторомъ лицемеріи». Въ этомъ замѣчаніи весь Локкъ, со всѣми его характерными чертами: онъ добродушенъ, благосклоненъ, нѣсколько скептиченъ и насмѣшливъ, но развѣ въ его словахъ не слышится кроткаго и благодушнаго презрѣнія ко всякой крайности въ мышленіи—какомъ угодно, въ политическомъ ли, социальномъ или религіозномъ? Оцѣнить крайность, понять ея существенно-важное ядро, выдѣлать все случайное и временное и обратить вниманіе на вѣское, постоянное и значительное здравый смыслъ даже философа здраваго смысла не можетъ и объясняетъ все покорностью какому-либо чудачу вѣроучителю, тупостью и лицемеріемъ. Мы выше упомянули о письмѣ Локка къ его другу Лимборку; съ этимъ Лимборкомъ, также какъ и съ Леклеркомъ, Локкъ поддерживалъ свои сно-

шенія и тогда, когда вернулся въ Англiю. Вообще нашъ философъ перезнакомился тогда со всѣми учеными и литераторами Голландiи, и эти знакомства не остались безъ влiянiя на его литературную дѣятельность, въ особенности въ области философiи и политики. Лимборгъ былъ профессоромъ теологiи у арминiанъ. Арминiане (называемые «ремонстрантами»), потому что они подали въ 1610 году генеральнымъ штатамъ «ремонстрацію», т.-е. протестъ или увѣщанiе) были голландскими латитуданарианцами, и, хотя они были осуждены синодомъ въ Дортѣ въ 1619 году и подвергались въ теченiе нѣсколькихъ лѣтъ ожесточеннымъ преслѣдованiямъ кальвинистскаго духовенства, во время пребыванiя въ Голландiи Локкъ были уже многочисленны, имѣли семинарiю и пользовались значительнымъ влiянiемъ не только въ Голландiи, но и вездѣ въ Европѣ. Антидогматическiй, терпимый и, такъ сказать, чисто-этическiй характеръ теологiи арминiанъ долженъ былъ быть особенно привлекательнымъ для Локка. Другой изъ голландскихъ знаемыхъ Локка, Леклеркъ, былъ еще въ то время молодымъ человѣкомъ, но уже довольно извѣстнымъ въ Европѣ, какъ теологъ и философъ. Онъ сперва придерживался ученiй Декарта, но вскорѣ пришелъ къ тѣмъ же взглядамъ, какъ и Локкъ въ своемъ знаменитомъ *Essay*. Какъ богослова, его обвиняли въ социанизмъ. Такой человѣкъ, полный энергiи и новыхъ взглядовъ, былъ особенно прiятнымъ Локку, который занимался тѣми же вопросами и въ томъ же направленiи; они оба шли по одной и той же, тогда еще мало утоптанной тропинкѣ, удивившей ихъ отъ общепринятыхъ положенiй въ область свободнаго и безпристрастнаго изслѣдованiя. .

Зимой 85—86 года Локкъ писалъ свои знаменитыя *Письма о вѣротерпимости* (*Epistola de tolerantia*), адресованныя къ Лимборгу. Этотъ трактатъ былъ изданъ только въ 1689 году, когда Локкъ уже былъ въ Англии, и тотчасъ же переведенъ на англiйскiй, французскiй и голландскiй языки. Нѣсколько раньше, въ 88 году, въ *Bibliothèque Universelle*, издаваемой Леклеркомъ, появилось извлеченiе изъ *Опыта*, переведенное Леклеркомъ съ рукописи. Позже это извлеченiе было издано отдѣльно съ посвященiемъ графу Пемброку.

Письма о вѣротерпимости были изданы уже въ то время, когда Локкъ вернулся на родину и когда онъ снова, хотя и не съ тою энергiей, какъ раньше, погрузился въ занятiя практическими государственными дѣлами. Самымъ существеннымъ изъ политическихъ вопросовъ, который наиболѣе долженъ былъ привлечь вниманiе Локка, былъ вопросъ о расширенiи предѣловъ національной церкви на базисѣ соглашенiя («comprehension», какъ говорили тогда), а также вопросъ о смягченiи ограниченiя гражданскихъ правъ, которымъ подвергались наиболѣе крайнiе изъ сектантовъ, т.-е. вопросъ о вѣротерпимости. Локкъ также, какъ и его другъ Мордаунтъ, былъ на сторонѣ либеральныхъ мѣръ въ этихъ вопросахъ и жаловался въ письмахъ къ Лимборгу, что епископальное духовенство противится всякимъ реформамъ. Исходъ религiозной борьбы, происходившей въ началѣ царство-

ванія Вильгельма, былъ совсѣмъ неблагопріятенъ для приверженцевъ вѣротерпимости. Билль о соглашеніи совсѣмъ не прошелъ, а билль о вѣротерпимости представлялъ ужь слишкомъ большой компромиссъ даже для такихъ умѣренныхъ людей, какъ Локкъ. Количество статей и изъятій въ этомъ биллѣ громадно. Локку было самому не особенно ловко передъ его голландскими друзьями за этотъ новый законъ, и въ письмахъ къ Лимборку онъ почти извиняется за свое участіе въ его составленіи. «Вѣротерпимость дарована, — пишетъ онъ, — но, конечно, не такая, какой хотѣли бы вы и люди, подобные вамъ, истинные христіане. Но уже и то хорошо, что мы добились хоть этого. Я надѣюсь, что это будетъ началомъ заложенія основъ свободы и мира, на которыхъ создастся потомъ Христова церковь». Въ послѣдующемъ письмѣ онъ говоритъ: «Люди всегда будутъ отличаться въ своихъ мнѣніяхъ о религіи и постоянно будутъ раздоры и борьба до тѣхъ поръ, пока они не соединятся воедино связью единого милосердія». Лордъ Бингъ, родственникъ и близкій Локку человекъ, довольно прозрачно намекаетъ, что нашъ философъ самъ участвовалъ въ переговорахъ о составленіи акта о вѣротерпимости. И это довольно вѣроятно, хотя актъ и отличается недостатками, не замѣтить которыхъ Локкъ не могъ, — онъ былъ человекъ практической и государственной дѣятельности и компромисса гораздо болѣе, чѣмъ человекъ отвлеченнаго и неуклоннаго идеала.

Epistola de tolerantia появились, какъ мы сказали, въ 1689 году въ Голландіи, и появились они анонимно. Локкъ только въ завѣщаніи призналъ свое авторство, хотя и трудно предполагать, чтобы это авторство оставалось неизвѣстнымъ публикѣ. Любопытно отношеніе Локка къ этому событію. Отвѣтственнымъ передъ публикой лицомъ является Лимборкъ и онъ въ слѣдующемъ послѣ изданія году сообщилъ имя автора ихъ общимъ друзьямъ, которые, однако, умѣли молчать. И, тѣмъ не менѣе, Локкъ былъ страшно раздраженъ нескромностью Лимборка; онъ съ досадой писалъ ему: «если бы вы довѣрили мнѣ секретъ такого рода, я не открылъ бы его ни другу, ни родственнику, вообще никому и ни при какихъ условіяхъ. Вы не понимаете, какимъ тревогамъ вы меня подвергли». «Трудно понять, — говоритъ даже благосклонный къ Локку Фоулеръ, — что могло такъ беспокоить Локка при извѣстіи объ открытіи его авторства. Можетъ быть, онъ надѣялся добиться какихъ-нибудь улучшеній акта о вѣротерпимости, проведеннаго въ прошломъ году, и боялся, что его руки будутъ связаны, если будетъ извѣстно, что онъ придерживается крайнихъ взглядовъ; а, можетъ быть, онъ просто боялся, что ему придется вести продолжительную и скучную полемику съ ханжами разныхъ вѣроисповѣдываній». Эти догадки, во всякомъ случаѣ, подтверждаютъ наши утвержденія, что Локкъ не былъ человекомъ неуклоннаго идеала, человекомъ теоретической борьбы, а скорѣе человекомъ компромисса и практики, такъ какъ и его время было эпохой практической борьбы и практическаго компромисса. Совершенно аналогичскій случай произошелъ и съ другимъ великимъ современникомъ Локка, Ньютономъ, и такъ какъ онъ произошелъ при участіи самого Локка, то

будетъ не лишнимъ упомянуть о немъ. Ньютонъ написалъ въ 1690 году Локку письмо подъ заглавіемъ: *An Historical Account of two Notable Corruptions of Scripture in a Letter to a Friend* (т.-е. письмо къ другу о двухъ очевидныхъ извращеніяхъ текста св. Писанія). Это письмо Ньютонъ не рѣшился печатать въ Англіи,—хотя и трудно понять, какою опасностью это грозило ему лично,—и просилъ Локка отвезти въ Голландію, чтобы тамъ письмо было переведено и анонимно отпечатано. Локкъ не поѣхалъ въ Голландію и переслалъ письмо къ Леклерку. Но Ньютонъ вскорѣ испугался даже анонимнаго напечатанія и писалъ Локку, умоляя его остановить печатаніе. Леклеркъ, настоящій теоретикъ и борецъ за теоретическій идеалъ, не желавшій и не умѣвшій считаться съ предрасудками среды, прочелъ по этому поводу надлежащую нотацію какъ Локку, такъ и Ньютону: «Нужно кое-чемъ рисковать, — писалъ онъ, — чтобы послужить честнымъ людямъ, заблуждающимся только по ихъ незнанію и съ радостью готовыхъ отдѣлаться отъ своихъ ложныхъ понятій, если только имъ это возможно».

Письма о вѣротерпимости были немедленно переведены на англійскій языкъ нѣкимъ Вильямомъ Попплѣ (Popple), лондонскимъ купцомъ, принадлежавшимъ къ сектѣ унитаріанцевъ. «Намъ нужны,—говоритъ переводчикъ въ предисловіи къ письмамъ, намекая на новый актъ о вѣротерпимости,—болѣе радикальныя средства противъ нашего недуга. Ни декларация о вѣротерпимости, ни актъ о соглашеніи (comprehension) не могутъ достигъ этой цѣли. Намъ нужна абсолютная свобода, справедливая и постоянная свобода, равная для всѣхъ и безпристрастная». Переводъ вызвалъ, конечно, очень оживленную полемику. На возраженія нѣкоего Іоны Проста Локкъ отвѣчалъ «вторымъ письмомъ о вѣротерпимости», подписаннымъ «Филантропъ» и изданнымъ въ 1690 году. Простъ снова возражалъ, и Локкъ опять отвѣчалъ въ 1691 году въ «третьемъ письмѣ» за тою же подписью; въ 1704 году Простъ снова напалъ на него и Локкъ возражалъ ему въ «четвертомъ письмѣ», которое ему, однако, не удалось кончить. Эти письма, несомнѣнно, въ свое время имѣли очень большое влияние и, вѣроятно, въ значительной степени способствовали распространенію болѣе просвѣщенныхъ взглядовъ на этотъ вопросъ.

Говорить о теологическихъ убѣжденіяхъ Локка значило бы выйти не только изъ предѣловъ нашей статьи, а изъ предѣловъ нашей задачи—говорить о Локкѣ специально, какъ о философѣ здраваго смысла и какъ о представителѣ, въ качествѣ такового, получившихъ въ то время политическое господство среднихъ классовъ англійскаго общества. Подробное изложеніе какъ всѣхъ деталей жизни историческаго дѣятеля, такъ и всѣхъ его взглядовъ—дѣло полной его біографіи, а мы пишемъ только краткій и довольно спеціальнѣйшій (въ смыслѣ основной точки зрѣнія) историко-литературный этюдъ. Для нашей цѣли будетъ достаточно только упомянуть о его работахъ въ этой области. Въ 1696 году Локкъ издалъ *Essay on the Reasonableness of Christianity, as delivered in Scriptures*. Это сочиненіе отстаивало взглядъ о сверхъестественности христіанскаго откровенія и при-

знавало его важность для человечества, и, тѣмъ не менѣе, оно не удовлетворяло догматамъ строгаго правовѣрія. Наиболѣе таинственныя и наименѣе понятныя изъ ученій христіанства не отрицались, правда, авторомъ, но признавались имъ несущественными для спасающей душу вѣры. Неудивительно, что работа Локка вызвала сильныя споры. «Говоръ и шумъ, вызванный этимъ сочиненіемъ,—разсказываетъ намъ самъ Локкъ,—могутъ убѣдить людей, будто оно ниспровергаетъ всякую нравственность и имѣеть въ виду ниспровергнуть христіанскую религію. Я долженъ сознаться, что подобныя разсужденія, распространившіяся въ очень широкихъ кругахъ, сначала смущали меня, тѣмъ болѣе, что я самъ-то сознаю искренность своихъ убѣжденій, побудившихъ меня опубликовать это сочиненіе, причѣмъ я пыталъ нѣкоторую надежду оказать услугу уменьшающейся въ обществѣ набожности и непонятому и оклеветанному христіанству». Первую вылазку противъ Локка сдѣлалъ Джонъ Эдвардсъ, бывшій кембриджскій профессоръ, въ своемъ рѣзкомъ памфлетѣ: *Мысли о причинахъ атеизма*, въ которомъ онъ утверждалъ, что книга Локка совершенно «социніанская», а социніане, по его мнѣнію, если и не атеисты, то люди «благосклонные къ атеизму». Несомнѣнно, конечно, что между взглядами Локка, также какъ и его великаго современника Ньютона, и ученіями Социніа, хотя и не крайнихъ его послѣдователей, было довольно значительное сходство. Но весь комизмъ нападокъ Эдвардса состоялъ въ томъ, что обвиненіе въ атеизмѣ было сдѣлано противъ человѣка, признававшего существованіе Божіе «самою очевидною истиною, познаваемою разумомъ», и ни на минуту не сомнѣвавшегося въ реальности сверхъестественнаго вмѣшательства. Локкъ съ весьма извинительною рѣзкостью отвѣчалъ Эдвардсу въ своей *Vindication*. Эдвардсъ снова напалъ на него въ своемъ памфлетѣ *Socinianism unmasked* и въ *The Socinian Creed*, на которыя Локкъ отвѣчалъ въ своей *Second Vindication*. Всѣ просвѣщенные люди того времени, желавшіе примирить свои вѣрованія въ сверхъестественность съ новыми требованіями разума, были, конечно, на сторонѣ Локка.

Любопытно отмѣтить то обстоятельство, что въ области этики Локкъ, хотя и на теологическихъ основаніяхъ, придерживается принциповъ утилитаризма и можетъ считаться предшественникомъ этой школы и ея главнаго представителя, Бентама, въ отличіе отъ Локка и Палея строившаго свою систему морали не на теологической основѣ. Самъ Локкъ въ своемъ *Опытѣ* въ главѣ о *Бытіи Божіемъ* утверждаетъ, что всякая истинная нравственность зависитъ отъ признанія бытія Божія. Въ началѣ этого сочиненія, признавая, что «отдѣльныя моральныя правила могутъ быть признаны всѣмъ человечествомъ и безъ знанія или допущенія этой истинной основы нравственности», онъ утверждаетъ, однако, что такою истинною основой «можетъ быть только воля и законъ Божій». Но какъ узнать эту волю и законъ? «Богъ соединилъ неразрывною связью добродѣтель и общее счастье,—отвѣчаетъ онъ на этотъ вопросъ,—и, стало быть, для того, чтобы узнать божественную волю, нужно только при посредствѣ разума убѣдиться, что имен-

но ведетъ къ большей суммѣ общаго блага. Эта форма утилитаризма, построеннаго на теологическомъ базисѣ и поддерживаемаго теологическою санкціей, представляетъ, очевидно, ту же самую форму, которая впослѣдствіи сдѣлалась столь популярна, благодаря извѣстному сочиненію Палея.

На основаніи этой системы этики мы поступаемъ справедливо просто потому, что такъ повелѣваетъ Богъ, и потому, что Онъ накажетъ насъ, если мы не будемъ повиноваться Его заповѣдямъ. Но, несмотря на божественное происхожденіе и божественную санкцію морали, признаки ея чисто-человѣческія: это—просто большая сумма блага; и такъ какъ добро и зло приводятся къ наслажденію и страданію, то конечнымъ признакомъ добродѣтели и моральнаго поведенія служить то, что они ведутъ къ увеличенію наслажденій и къ предотвращенію страданій всего человѣчества. Такимъ образомъ, и въ области этики, какъ и въ теоріи познанія, Локкъ является несомнѣннымъ родоначальникомъ чисто-англійской философіи, отъ Юма и Бентама чрезъ Милля доходящей до новѣйшаго и одного изъ самыхъ яркихъ ея представителей, Л. Уорда.

Письма о терпимости произвели такое сильное вліяніе на современниковъ Локка и имѣли такое крупное историческое значеніе, что необходимо поговорить объ ихъ содержаніи. Мы видѣли, что Локкъ сначала боялся даже ихъ анонимной публикаціи, — боялся потому, что они могли связать руки для дальнѣйшей практической дѣятельности, такъ какъ тогда онъ могъ казаться человѣкомъ, придерживающимся крайнихъ мнѣній. Для современнаго читателя будетъ небезынтересно узнать, что тогда люди считали крайними мнѣніями. Существенное положеніе этого произведенія состоитъ въ томъ, что юрисдикція государства не должна касаться регулированія богослуженія, что государство не должно вмѣшиваться въ религіозныя убѣжденія гражданъ, если только эти убѣжденія не противорѣчатъ цѣлямъ свѣтской власти. Области государства и церкви строго разграничиваются Локкомъ. «Предѣлы ихъ,—говоритъ онъ,—постоянны и опредѣленны. Тотъ, кто смѣшиваетъ эти два учрежденія, совершенно отдѣльными и безпредѣльно отличающимися другъ отъ друга во всемъ—въ ихъ происхожденіи, въ ихъ цѣляхъ, въ ихъ дѣятельности,—соединяетъ самыя противоположныя и далекія одна отъ другой вещи, однимъ словомъ, соединяетъ небо и землю». Спрашивается, однако, нѣтъ ли такихъ спекулятивныхъ положеній, которыя должны подлежать со стороны свѣтской власти ограниченіямъ и стѣсненіямъ? Локкъ отвѣчаетъ утвердительно на этотъ вопросъ:

«Во-первыхъ, свѣтская власть не должна терпѣть мнѣній, противныхъ человѣческому обществу или тѣмъ моральнымъ правиламъ, которыя необходимы для его существованія».

Во-вторыхъ, говоря о людяхъ, придерживающихся положеній, вродѣ того, что «не слѣдуетъ держать слова, даннаго еретикамъ», или что «отлученные отъ церкви монархи утрачиваютъ свои права», или что «свѣтская власть основана на милости Божіей», Локкъ замѣчаетъ, что эти люди и имъ подобные, претендующіе на какія-либо особыя привилегіи или на

власть надъ другими смертными въ дѣлахъ гражданскихъ, подѣ покровомъ религіи присвоить власть надъ другими, не принадлежащими къ ихъ церкви. Они не имѣютъ права на вѣротерпимость со стороны государства, такъ какъ они не признаютъ обязанности относиться ко всемъ терпимо въ дѣлахъ религіи. Всѣ такія и подобныя имѣ ученія обозначаютъ, что придерживающіеся ихъ готовы при всякомъ удобномъ случаѣ захватить власть и завладѣть помѣстьями и достояніемъ своихъ согражданъ и что они требуютъ отъ государства вѣротерпимости только до тѣхъ поръ, пока сдѣлаются достаточно сильными для достиженія власти.

«Въ-третьихъ, церковь, построенная на томъ положеніи, что всѣ вступающіе въ ея нѣдра *ipso facto* отдаются правительству и службѣ другаго государя, не имѣютъ права на вѣротерпимость; ибо, такимъ образомъ, свѣтская власть допустила бы установленіе въ своей странѣ чужой юрисдикціи и позволила бы своимъ подданнымъ дѣлаться врагами ихъ собственнаго правительства.

«И, наконецъ, не имѣютъ права на вѣротерпимость всѣ, отрицающіе существованіе Бога. Обѣщанія, условія и присяга, составляющіе основу человѣческаго общества, не обязательны для атеистовъ».

Практическимъ слѣдствіемъ такихъ оговорокъ Локка было бы исключеніе изъ права на вѣротерпимость католиковъ, атеистовъ и нѣкоторыхъ изъ крайнихъ сектъ. Очевидно, что мнѣнія нашего философа съ современной точки зрѣнія не могутъ быть названы крайними. Но дѣло въ томъ, что ихъ нельзя безъ нарушенія исторической правды признать крайними даже для того времени. Еще Моръ въ первой половинѣ XVI вѣка защищалъ въ этомъ вопросѣ болѣе прогрессивныя положенія, да и вообще Локкъ былъ далеко не первымъ изъ англійскихъ писателей, защищавшимъ идеи широкой вѣротерпимости. Бэконъ въ своемъ любопытномъ произведеніи: *Essay on Unity in Religion* стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, какъ и Локкъ. Во время гражданскихъ войнъ индепенденты были приведены своими теоріями о церковномъ управленіи и о правахъ личности на свободу религіозныхъ убѣжденій къ защитѣ принциповъ еще болѣе широкой терпимости.

Даже среди церковниковъ, Гольсъ, Чилингвортъ и Іеремія Тайлоръ защищали тѣ же гуманные принципы. Практическіе выводы, къ которымъ приходитъ Тайлоръ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи о *Свободѣ проповѣди (Liberty of Prophezing)*, очень похожи на выводы Локка, а теоретическія основанія, на которыхъ онъ строилъ эти выводы, т.-е. трудность открытія религіозной истины и незначительное количество теологическихъ положеній, которыя можно признать до извѣстной степени достовѣрными, не только предвосхитили, но и опередили взгляды Локка. Вниманіе послѣдняго было обращено на эти вопросы религіозными раздорами въ эпоху гражданскихъ войнъ и въ теченіе лѣтъ, предшествующихъ появленію перваго письма о вѣротерпимости, его интересъ къ нимъ поддерживался не только событіями, происходившими въ Англіи, но и вліяніемъ его голландскихъ дру-

зей. Особенности положенія арминіанъ Голландіи и ихъ ученія побудили ихъ, какъ подобныя же условія раньше побудили индепендентовъ Англіи, отстаивать широкую вѣротерпимость. Собственно говоря, памфлеты Локка отличаются отъ сочиненій его предшественниковъ (кромя, однако, произведеній Мильтона) только открытымъ выраженіемъ его взглядовъ, политическимъ, а не теологическимъ характеромъ его аргументовъ и еще тѣмъ, что они были всецѣло посвящены этому вопросу. И при всемъ томъ не слѣдуетъ забывать, что Локкъ, какъ мыслитель по преимуществу практической, ограничивалъ ту почву, на которой онъ ставилъ вопросъ; Томасъ Моръ, напримѣръ, не признавая за атеистами права на участіе въ политической жизни, признавалъ, однако, за ними все гражданскія права и полную вѣротерпимость. Отдѣленіе Локкомъ областей вѣдѣнія религіозной и гражданской власти логически приводило къ идеѣ о непригодности положенія о государственной религіи. Независимость, требуемая имъ для всехъ религіозныхъ обществъ, была, конечно, несогласима съ контролемъ государства, совершенно необходимымъ, однако, надъ дѣлами церкви, получавшей отъ государства особыя привилегіи, и несомнѣнно, что Локкъ прекрасно понималъ, что его положенія ведутъ именно къ такимъ выводамъ. Еще въ 1669 году онъ возражалъ на одну изъ статей *Основной конституціи Каролины*, признававшей англиканскую церковь господствующею въ этой колоніи. Однимъ словомъ, несомнѣнно, что взгляды Локка въ этомъ вопросѣ отличались гуманностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, практичностью; но они всецѣмъ не опережали на нѣсколько вѣковъ взглядовъ какъ его предшественниковъ, такъ и лучшихъ изъ его современниковъ, какъ это можно сказать, наприм., о взглядахъ Мора,—они не имѣли тѣхъ свойствъ, какими всегда отличаются взгляды великихъ людей, которыхъ обыкновенно принято называть фантазерами и утопистами; въ этомъ вопросѣ, какъ и во всехъ другихъ, Локкъ оставался вѣренъ себѣ; онъ и въ нихъ является истиннымъ представителемъ здраваго смысла, истиннымъ, хотя не лучшимъ, среднимъ умственнымъ типомъ. Характерно то соображеніе, которымъ біографъ Локка, профессоръ Фоулеръ, оправдываетъ философа,—хотя, по нашему мнѣнію, онъ всецѣмъ не нуждается въ подобныхъ оправданіяхъ,—въ томъ, что Локкъ не пошелъ дальше по пути сомнѣній, на который онъ, было, вступилъ во время своего пребыванія въ Голландіи. По его мнѣнію, если бы Локкъ пошелъ дальше по этому пути, онъ утратилъ бы свой покой и міръ лишился бы, можетъ быть, лучшихъ изъ его произведеній. Последнее утвержденіе не всецѣмъ понятно и, во всякомъ случаѣ, черезъ-чуръ смѣло, а первое излишне,—люди здраваго смысла всегда слишкомъ дорожатъ своимъ спокойствіемъ и если иногда и опережаютъ свое время, то всегда на незначительное пространство, «на полсаженки».

Въ первой статьѣ мы сообщили, что *Опытъ* имѣлъ огромное вліяніе на всехъ европейскихъ философовъ до самаго послѣдняго времени; такое же значеніе относительно мышленія политическаго имѣло и другое сочине-

ніе Локка—его два *Трактата о правительствѣ*, изданные въ 1690 г. Бурное время отъ гражданскихъ войнъ до революціи 1688 года было эпохой споровъ и полемики о правахъ королей и подданныхъ, о происхожденіи правительства, о вопросѣ, въ какомъ случаѣ можетъ быть оправдано возмущеніе противъ власти, и т. п. Не только печатные станки выпускали громадное количество памфлетовъ о подобныхъ вопросахъ, но и въ теченіе трехъ четвертей вѣка они обсуждались въ парламентѣ, въ судахъ, съ кафедръ, въ обществѣ. Произведеніе Гоббса проложило дорогу для такихъ обсужденій; несмотря на его роялизмъ, книга была сожжена по рѣшенію парламента реставраціи и «гоббизмъ» сдѣлался для современниковъ синонимомъ всего революціоннаго и безнравственнаго. Роялисты съ ужасомъ отворачивались отъ теоріи общественнаго договора, впервые формулированной Гоббсомъ, несмотря на то, что философъ признавалъ, что разъ врученныя подданными ихъ государю права неотчуждаемы; но какъ ни открещивалось почти все англійское общество отъ гоббизма, онъ постепенно и незамѣтно захватывалъ все политическое мышленіе Англій и ученія пуританъ, стоявшихъ, конечно, на другой, чисто-теологической почвѣ, давали ему свою могучую поддержку. Роялистамъ приходилось искать поддержки для своихъ ученій тоже въ библейскихъ толкованіяхъ и эту поддержку они нашли въ произведеніи сэра Роберта Фильмера: *Patriarcha or the Natural Power of Kings*,—сочиненіи, появившемся послѣ смерти автора въ 1680 году, но и раньше весьма распространенное въ рукописи. Эта любопытная книга основываетъ права королей на патриархальной власти Адама и его наслѣдниковъ. По теоріи Фильмера, Адамъ получилъ отъ самого Бога власть надъ Евою и ея потомствомъ до отдаленнѣйшихъ поколѣній. Эта власть, основанная на двухъ независимыхъ другъ отъ друга положеніяхъ: на правѣ отца и на правѣ собственности, была передана Адамомъ его наслѣдникамъ,—такая передача и составляетъ основу правъ королей на повиновеніе ихъ подданныхъ и причину, почему эти права неоспоримы. Въ теоріи, несмотря на ея странную форму, заключалось, конечно, болѣе исторической правды—въ смыслѣ того, что всякая политическая власть въ исторіи дѣйствительно произошла отъ власти главы семьи или рода,—тѣмъ теоріи Гоббса и Локка о не существовавшемъ общественномъ договорѣ. Ошибка Гоббса и Локка, также какъ и Руссо и его послѣдователей,—ошибка, конечно, весьма извинительная,—состояла въ томъ, что они предполагали, будто первобытный человѣкъ руководился тѣми же мотивами и дѣйствовалъ столь же обдуманно, какъ и наши современники. Историческій и сравнительный методы, которымъ слѣдуютъ современные изслѣдователи, какъ въ этикѣ и въ психологіи, такъ и въ политикѣ, были совершенно неизвѣстны во времена Локка. Всякая ошибка, какъ бы благородна она ни была, обыкновенно влечетъ за собой значительную сумму зла; но ошибочное понятіе объ общественномъ договорѣ сдѣлало для исторической жизни столько добра въ смыслѣ развитія идей справедливости и свободы, что мы невольно забываемъ о вредныхъ ея слѣдствіяхъ для политическаго мышле-

нія человѣчества. Во всякомъ случаѣ, это понятіе было, если и не вѣрнѣе, то плодотворнѣе для политической жизни, чѣмъ та путаница негѣпостей и противорѣчій, какой отличалась теорія Фильмера и всѣ старыя теоріи о происхожденіи правительства. Повидимому, онѣ были столь негѣпны, что даже не заслуживали возраженія. Но слѣдуетъ помнить, что въ тѣ времена теологическіе аргументы вводились во всѣ области мышленія и что всѣ разсужденія, имѣющія какое-либо, хотя бы и самое отдаленное и даже мнимое, отношеніе къ св. Писанію, имѣли значительное вліяніе на умы современниковъ. Книга Фильмера была, дѣйствительно, настолько извѣстна и вліятельна, что заслуживала опроверженій Локка. Мы уже говорили, что первый изъ двухъ трактатовъ о правительствѣ былъ написанъ нашимъ философомъ во время его пребыванія въ Оксфордѣ. Говорить объ этомъ первомъ трактатѣ, гдѣ Локкъ обстоятельно и по пунктамъ разбираетъ Фильмера, не стоитъ; но второй трактатъ достаточно интересенъ, такъ какъ Локкъ излагаетъ въ немъ свою собственную теорію объ «истинномъ происхожденіи, задачахъ и цѣляхъ гражданскаго правительства». Біографъ Локка, Фоксъ Боурнъ, вѣроятно, правъ, полагая, что этотъ второй трактатъ написанъ Локкомъ во время его пребыванія въ Голландіи. Сочиненіе, особенно въ послѣднихъ его главахъ, отличается страстнымъ тономъ, довольно необычнымъ у Локка, какъ будто бы оно было написано во время оуръ великой политической борьбы; въ предисловіи къ изданію весьма ясно высказывается, что цѣль автора состояла въ томъ, чтобы «укрѣпить тропъ нашего великаго освободителя, теперешняго короля Вильгельма, и оправдать предъ всѣмъ міромъ народъ Англіи, любовь котораго къ его справедливымъ и естественнымъ правамъ спасла всю націю въ то время, когда она находилась на краю гибели и рабства».

Теорія Локка о происхожденіи и сущности гражданскаго общества весьма схожа съ теоріями Пуффендорфа и Гуккера (а также Гоббса и Гуго Гроція); Локкъ часто есылается на Гуккера. Это просто теорія такъ называемаго «общественнаго договора»: согласіе индивидуумовъ на договоръ можетъ быть выражено открыто ими только предполагается, и такое молчаливое согласіе «имѣетъ силу для всякаго въ предѣлахъ территоріи извѣстнаго правительства». Хотя никто и не обязанъ вступать въ общество противъ своей воли, но разъ человѣкъ вступилъ въ него, онъ долженъ подчиниться формѣ правительства, установленной большинствомъ. Есть, однако, одна форма правительства, которую даже всеильное большинство не имѣетъ права устанавливать; эта форма, по мнѣнію Локка, есть абсолютизмъ, такъ какъ онъ «не согласенъ съ гражданскимъ обществомъ и совсѣмъ не есть форма правительства». Локкъ осмѣиваетъ тотъ взглядъ, что люди могли когда-нибудь добровольно установить надъ собою такую власть; по его мнѣнію (слѣдуетъ имѣть въ виду литературу, по поводу которой писалъ Локкъ, и, прежде всего, произведеніе Гоббса), это все равно, что полагать, будто «люди, оставивъ естественное состояніе и вступивъ въ общество, согласились, чтобы всѣ, кромѣ одного человѣка, состояли подъ властью зако-

новъ, а этотъ одинъ удержалъ всю свободу естественнаго состоянія, да, притомъ, увеличившуюся въ силу его власти и сдѣлавшуюся своеволиемъ въ силу безнаказанности. Это все равно, что полагать, будто люди были такъ глупы, что они постарались избѣжать зла, дѣлаемаго имъ лисицами, и очень рады быть пожраемыми львами, даже считаютъ это обезпеченіемъ ихъ правъ».

Предполагая, что правительство, такимъ образомъ, установлено, Локкъ задаетъ вопросъ: существуютъ ли такіа ея дѣйствія, которыя вели бы къ утратѣ имъ права на преданность и подчиненіе подданныхъ? Для того, чтобы дать отвѣтъ на такой вопросъ, Локкъ обращается къ обсужденію цѣлей политическаго общества и правительства, и это обсужденіе составляетъ «въ сущности говоря, самую цѣнную часть его теоріи. Главнѣйшая цѣль, преслѣдуемая людьми при ихъ вступленіи въ общество, состоитъ «во взаимномъ охраненіи ихъ жизни, свободы и собственности». Потому правительство, не гарантирующее достиженія этихъ цѣлей и въ особенности то, которое само нарушаетъ права подданныхъ, виновно въ нарушеніи оказаннаго ему довѣрія и можетъ быть устранено. Стало быть, общество должно всегда считать себя обладающимъ верховною властью, врученною правительству только временно, т.-е. до тѣхъ поръ, пока оно надлежащимъ образомъ и вѣрно пользуется довѣренными ему полномочіями, и должно всегда быть готово вмѣшаться, когда его довѣренный измѣнитъ его довѣрію. Локкъ предвидѣлъ то возраженіе его теоріи, что при подобныхъ отношеніяхъ народа и правительства ничто не можетъ помѣшать постояннымъ беспорядкамъ и непрерывнымъ революціямъ. Локкъ полагается относительно сохраненія порядка на инерцію человечества; вообще въ разсужденіяхъ нашего философа о цѣляхъ правительства и правахъ подданныхъ сквозитъ густую сѣть заблужденій, невѣрныхъ посылокъ и партійной страстности проглядываетъ здравый смыслъ практическаго государственнаго человѣка. Какія бы теоріи,—говоритъ онъ,—ни предлагались, какія бы традиціи ни господствовали въ обществѣ относительно происхожденія, сущности и предѣловъ власти правительства, народъ, сознавая себя несчастнымъ отъ ошибокъ его правителей и понимая, что онъ можетъ добиться улучшенія своего положенія, совѣтъ не будетъ руководиться этими теоріями или традиціями и будетъ дѣлать попытки низвергнуть сдѣлавшееся невыносимымъ для него иго. «Когда народъ несчастенъ и подвергается злоупотребленіямъ произвольной власти, считайте его правителей, если вамъ угодно, сынами Юпитера, пусть они будутъ священны и божественны, пусть они низшли съ неба или получили отъ него свою власть, выдавайте ихъ за кого вамъ будетъ угодно,—все равно, произойдетъ то же самое. Вообще народъ, оскорбляемый противно всякому праву, будетъ готовъ при всякомъ удобномъ случаѣ сбросить съ своей шеи тяготящее на немъ ярмо».

Несомнѣнно, что теорія государства, защищаемая Локкомъ, имѣла громадное вліяніе на политическое мышленіе Европы; практическія слѣдствія этого ученія, воспроизведеннаго и развитаго позднѣйшими писателями (въ

особенности Руссо), могут быть прослѣжены въ исторіи французской и американской революцій. Вѣроятно, что идеи Локка имѣли не малую долю вліянія и на опредѣленіе хода политической исторіи и, главное, политическаго мышленія Англіи. Утвержденіе, что короли имѣютъ божественное право, и отрицаніе положенія, что народъ есть верховный судья своихъ собственныхъ дѣлъ и судьбы своихъ правителей, теперь въ Англіи кажутся парадоксами, скорѣе глупыми и смѣшными, чѣмъ вредными. Но не такими они казались во времена Стюартовъ, когда подобныя положенія защищались со всякой каеедры, приводились учеными юристами въ мотивахъ судебныхъ рѣшеній и были ходячею монетою общественнаго мнѣнія. Это измѣненіе политическаго мышленія, — говоритъ Фоулеръ, — и тотъ добрый плодъ, который оно принесло въ улучшившихся отношеніяхъ между законодательною властью и народомъ и между короной и парламентомъ, могутъ, безъ особеннаго преувеличенія, быть до извѣстной степени приписаны вліянію великодушнаго духа свободы, проникающаго все это произведеніе Локка, и традиціямъ партіи вигговъ, вполнѣдствіи сдѣлавшимися достояніемъ всего народа Англіи.

Въ заключеніе изложенія этого замѣчательнаго произведенія Локка, отмѣтимъ его мнѣніе о необходимости парламентской реформы. «Въ какихъ негѣпостяхъ можетъ повести слѣпая преданность къ потерявшимъ всякій смыслъ обычаямъ, — говоритъ онъ, — можно убѣдиться изъ того обстоятельства, что какое-нибудь мѣстечко, только называемое городомъ, въ которомъ нѣтъ ничего, кромѣ развалинъ, въ которомъ, вмѣсто домовъ, стоитъ только какой-нибудь влѣвшокъ, и вмѣсто обывателей, одинъ пастухъ, посылаетъ въ великое собраніе законодателей столько же представителей, какъ и цѣлое населенное и богатое графство».

Намъ осталось поговорить о нѣкоторыхъ сравнительно незначительныхъ произведеніяхъ Локка, хотя и эти произведенія по большей части таковы, что могли бы создать довольно почетную извѣстность другому писателю и кажутся незначительными только по сравненію съ такими произведеніями, какъ *Опытъ*, *Письма о снротерности* и два *Трактата о правительствѣ*. Говорить о нихъ будетъ всего удобнѣе въ связи съ общественною дѣятельностью Локка въ послѣдніе годы его жизни. Вѣроятно, никогда ни одинъ коммонёръ Англіи, не бывший ни членомъ парламента, ни придворнымъ фаворитомъ, не игралъ такой выдающейся роли въ общественной жизни своей страны, какъ нашъ философъ. Этимъ онъ обязанъ своему трудолюбію, своему ровному и прекрасному характеру, позволявшему ему имѣть множество друзей среди правящихъ классовъ Англіи, и въ особенности своей извѣстности, даже знаменитости, въ качествѣ интеллектуальнаго представителя этихъ классовъ, для которыхъ именно тогда, въ царствованіе Вильгельма III, наступила счастливая эра осуществленія ихъ надеждъ на правильное конституціонное управленіе. Локкъ во время своего пребыванія въ Голландіи очень близко сошелся съ будущимъ королемъ, бывшимъ для него идеаломъ конституціоннаго монарха, хотя далеко не всѣ современники, даже не всѣ политическіе друзья Локка раздѣляли его полное довѣріе

къ Вильгельму. Дружба Локка съ королемъ, кажется, не прекращалась до самой смерти послѣдняго. Съ начала своего царствованія Вильгельмъ хотѣлъ воспользоваться услугами Локка и назначить его на какой-нибудь дипломатическій постъ. Локкъ только что вернулся въ Англию, какъ чрезъ посредство лорда Мордаунта получилъ предложеніе отправиться въ Бранденбургъ въ качествѣ посланника при дворѣ Фридриха Перваго. Локкъ не принялъ этого предложенія; съ свойственнымъ ему тактомъ онъ отговорился плохимъ состояніемъ своего здоровья; въ письмѣ къ Мордаунту онъ указывалъ еще и на другую причину своего отказа—на необходимость пить при такомъ дворѣ, гдѣ пьянство было обычнымъ явленіемъ. «Я знаю,— писалъ онъ,— что на свѣтѣ нѣтъ болѣе удобнаго штопера для откупориванія человѣческихъ мыслей, какъ выпитая въ-время бутылка вина. Потому, если я могу подавать совѣты въ подобномъ дѣлѣ, я полагаю бы, что интересамъ короля будетъ полезнѣе послать человѣка, обладающаго одинаковыми со мной способностями и который, притомъ, умѣетъ выпить, а не меня, самаго трезваго челоуѣка во всемъ королевствѣ». Наверядъ ли, впрочемъ, эта отговорка была настоящею причиной отказа. Ему предлагали другой дипломатическій постъ посла въ Вѣнѣ и онъ тоже отказался. Впослѣдствіи король снова настаивалъ, но также тщетно, чтобы Локкъ вступилъ на дипломатическое поприще. Въ 1698 г., т.-е. не задолго до конца своего царствованія (Вильгельмъ умеръ въ 1702 г.) онъ предложилъ Локку другой, менѣе отвѣтственный, но не менѣе важный постъ. На основаніи письма послѣдняго къ Сомерсу, написаннаго немедленно послѣ таинственнаго свиданія Локка съ королемъ, можно догадываться, что Вильгельмъ просилъ его быть помощникомъ и руководителемъ Вильяма Бентинка, графа Портланда, назначеннаго посломъ при французскомъ дворѣ. Въ то время былъ только что заключенъ Рисвикскій миръ и миссія была не изъ легкихъ; она требовала большого такта и благоразумія. Локкъ и въ этомъ случаѣ отговорился плохимъ состояніемъ здоровья. Возможно, что онъ имѣлъ и другія причины; если принять во вниманіе цѣлостность его характера, его пронизательность, твердость его конституціонныхъ убѣжденій, можно думать, что во всѣхъ этихъ отказахъ отъ дипломатической службы онъ руководился соображеніями, которыхъ не смѣлъ высказать открыто, такъ какъ они могли показаться его современникамъ, даже самымъ прогрессивнымъ изъ виговъ, ужъ очень необычными. Дѣло въ томъ, что въ то время единственною областью государственной дѣятельности, надъ которой парламентъ не имѣлъ, да и не считалъ особенно нужнымъ имѣть, правительнаго и постояннаго контроля, была область иностранныхъ сношеній, дипломатіи. Въ этой области англичане того времени, какъ бы забывая о поворныхъ договорахъ Карла съ Людовикомъ, допускали единоличную волю короля и самъ Вильгельмъ считалъ такое право короля необходимою прерогативой короны,—необходимою не только въ теоріи, но и на практикѣ, для болѣе удобнаго проведенія своихъ широкихъ плановъ общеевропейской политики. Возможно, что Локкъ, бывшій сподвижникомъ Шефтсбуря въ

его борьбѣ съ королевскимъ произволомъ, пережившій время позора и униженія Англіи, которымъ она подвергалась именно въ силу такой не контролируемой и не оспариваемой (иначе, какъ въ рѣдкихъ случаяхъ) парламентомъ прерогативы короля, имѣлъ другіе взгляды на этотъ вопросъ, чѣмъ всѣ его современники и самъ Вильгельмъ, или даже такіе прогрессивные виги, какъ его другъ Сомерсъ. Онъ, правда, не имѣлъ никакого недобѣрія лично къ Вильгельму,—для него король былъ образцомъ конституціоннаго монарха,—и позже, въ 1702 году, незадолго до смерти Вильгельма, писалъ своему родственнику, Петру Кингу, что лондонское Сити и всѣ графства Англіи должны (послѣ тронной рѣчи короля при объявленіи войны Франціи) «соединиться сердцами и поднести его величеству благодарственный адресъ за то, что онъ такъ заботится о нихъ»; и, все-таки, Локкъ могъ полагать, что вступить на службу при условіи полной парламентской безконтрольности было бы не совсѣмъ согласно съ его основными политическими убѣжденіями. Локкъ былъ человекъ цѣльный и убѣжденный и, несмотря на всю свою склонность къ компромиссамъ, никогда не поступался своими основными убѣжденіями. Еще въ то время, когда онъ жилъ въ Голландіи и ему угрожала опасность со стороны англійскаго правительства, а, можетъ быть, и выдача, его друзья, лвакеръ Пеннъ и графъ Пемброкъ, хлопотали у Іакова II о помилованіи Локка; Пемброкъ писалъ ему, что король велѣлъ извѣстить его, Локка, что тотъ можетъ возвратиться въ Англію. «Я сказалъ ему,—писалъ Пемброкъ,—что я уговорю васъ поцѣловать его руку, и онъ вполне удовольствовался этимъ». Отвѣтъ Локка,—хотя, конечно, у него могли быть еще и другіе мотивы,—былъ полонъ благородства и твердости. Онъ отвѣтилъ, что «такъ какъ онъ невиновенъ въ какомъ-либо преступленіи, то и не нуждается въ прощеніи». Что наша догадка (странно, что ни одинъ изъ біографовъ Локка не остановился на такомъ предположеніи) о причинахъ отказа Локка вступить на дипломатическое поприще не совсѣмъ неосновательна, до нѣкоторой степени видно изъ заключенія его письма къ Мордаунту. «Если я могу чѣмъ-нибудь служить его величеству,—писалъ онъ,—такъ это своими незначительными знаніями конституціи своей родины, характера монхъ земляковъ и сущности ихъ партій, потому я полагаю, что я былъ бы болѣе полезенъ дома, хотя и понимаю, что такая должность за границей была бы для меня лично выгоднѣе, если бы только она не была вредна для моего здоровья».

Послѣ отказа принять предложеніе короля Локкъ получилъ назначеніе на должность «Commissioner of Appeals» (т.-е. члена комиссіи, рассматривающей подаваемые палатѣ общинъ частными лицами заявленія и петиціи),—должность съ незначительнымъ содержаніемъ, но не обременяющая работой.

Вскорѣ послѣ своего возвращенія въ Англію Локкъ поселился въ 20 миляхъ отъ Лондона, въ графствѣ Эссексъ въ Отсѣ, помѣстьи своего друга лэди Мэшемъ. Эта семья сдѣлалась для Локка совсѣмъ родною, онъ

прожилъ въ ней до конца жизни. Но въ своемъ сельскомъ уединеніи Локкъ не разрывалъ связей съ политическими и научными сферами; онъ вель дѣятельно переписку съ такими учеными, какъ Ньютонъ, Бойль, Молине и друг., съ такими политическими дѣятелями, какъ Сомерсъ, о которомъ Гораций Вальполь писалъ, какъ «объ одномъ изъ тѣхъ божественныхъ людей, которые подобно церкви во дворцѣ остаются чистыми, хотя вокругъ нихъ свирѣпствуютъ тиранія, подкупность и безуміе», какъ Карлъ Монтэгу, впоследствии лордъ Галифаксъ, замѣчательнѣйшій изъ современныхъ Локку финансистовъ Англій, и друг. Онъ часто пріѣзжалъ въ Лондонъ и жилъ тамъ по дѣламъ и служебнымъ обязанностямъ, которыя убѣдилъ его принять на себя король и виги, часто руководившіеся совѣтами Локка. Вообще онъ игралъ очень видную роль въ общественной жизни Англій до самой смерти Вильгельма, котораго пережилъ только на два года. Весной 1695 года онъ, кажется, игралъ самую видную роль въ проведеніи мѣры, въ то время сдѣлавшейся было яблокомъ раздора между двумя палатами, въ дѣлѣ отмѣны закона о печати (Licensing Act). Англійская пресса раньше не была совершенно свободна и актъ Карла II, бывшій еще въ то время въ силѣ, былъ особенно суровъ. Палата общинъ, когда ей въ сессію 1695 года предложили возобновить нѣкоторые временные статуты, рѣшила отмѣнить этотъ актъ. Палата лордовъ не согласилась и снова внесла его въ книгу статутовъ, палата общинъ не приняла подобной поправки и дѣло дошло до конференціи, въ которой представителемъ общинъ явился другъ Локка, Блеркъ. Документъ, представленный имъ конференціи, приписывается, и не безъ основанія, Локку. Аргументы этого важнаго доклада существенно-практическіе, входящіе въ детали и указывающіе на финансовыя и всякія другія неудобства акта. Подобные аргументы, какъ замѣчаетъ Маколей, были «особенно приспособленными къ пониманію парламентскаго большинства» и, благодаря имъ, удалось добиться того, чего не добился Мильтонъ своимъ замѣчательнымъ произведеніемъ: *Arcopagitica*,—рѣшенія палатъ, «исторія котораго,— по словамъ Маколей,—весьма несовершенно можетъ быть прослѣжена въ журналахъ парламента, хотя сдѣлала для свободы и цивилизаціи больше, чѣмъ Великая Хартія и билль о правахъ». Изъ этого доклада, лорда Кинга, напечатаннаго въ *Life* Локка, видно, что монополія «Companу of Stationers» была столь невыносимымъ игомъ, что книги, напечатанныя въ Лондонѣ, покупались дешевле въ Амстердамѣ, чѣмъ въ Чёрчъ-Ярдѣ св. Павла. Книжная торговля Англій была почти уничтожена.

Едва былъ порѣшенъ этотъ вопросъ, какъ Локку пришлось оказать полезное вліяніе на законодательную дѣятельность Англій по вопросу, возбуждавшему въ немъ особенный интересъ и о которомъ онъ писалъ еще раньше. Въ 1692 году онъ издалъ анонимное сочиненіе подъ заглавіемъ: *Письмо къ члену парламента о нѣкоторыхъ соображеніяхъ по поводу пониженія процента и поднятія цѣнности монеты*. Членъ парламента, къ которому писалъ Локкъ, былъ никто иной, какъ Сомерсъ. Письмо со-

ставяють извлеченіе изъ старыхъ рукописей Локка, написанныхъ еще околомъ 1672 года, когда государственное казначейство было закрыто и платежи кредиторамъ государства приостановлены на годъ. Эта несчастная мѣра, бывшая причиной множества банкротствъ и разорившая лондонское купечество, была принята въ то время, когда старый патронъ Локка, Шефтсбюри, былъ канцлеромъ казначейства, но вина ея принятія падала на Клиффорда, одного изъ ненавистнѣйшихъ министровъ Карла II. Локку теперь пришлось вернуться къ этому вопросу уже по другому поводу. Дѣло въ томъ, что въ Англии въ то время были два сорта серебряной монеты: одна безъ пунктированныхъ краевъ, а другая такъ называемая «milled», съ пунктированными краями. Форма первой изъ монетъ была не совсѣмъ круглая, а неправильная, такъ что она обрѣзывалась и портилась; естественно, что вторая монета, т.-е. «milled», переливалась и увозилась за границу и на рынкѣ оставалась только первая, легковѣсная и испорченная монета. Въ Оксфордѣ, наприм., 100 ф. ст. монетой, которая должна бы была вѣсить 400 унцій, вѣсили только 116 унцій. Понятно, какія затрудненія происходили благодаря такому положенію денежнаго рынка для торговли и вообще для всѣхъ сдѣлокъ. Въ апрѣлѣ 1694 г., вскорѣ послѣ учрежденія англійскаго банка (въ этомъ учрежденіи Локкъ тоже принималъ нѣкоторое участіе), Карлъ Монтегю получилъ постъ канцлера казначейства; по случаю отъѣзда короля на континентъ, два ближайшіе друга Локка, Сомерсъ и графъ Пемброкъ, были назначены въ число семи лордовъ-судей, которые должны были управлять королевствомъ. Эти государственные люди понимали, что въ такомъ дѣлѣ ничего нельзя добиться суровыми карательными мѣрами и что необходимо разумное финансовое законодательство. Они, естественно, обратились за совѣтомъ къ Локку и вызвали его изъ Отса въ Лондонъ. Несмотря на кажущуюся невидимость его оффиціального положенія, его роль въ рѣшеніи этого вопроса была одною изъ самыхъ важныхъ, если не главною. Дѣло шло, главнымъ образомъ, объ устраненіи предложенія Лаундеса, секретаря казначейства, которому было поручено собраніе статистическихъ свѣдѣній о положеніи денежнаго рынка и предложившаго пониженіе цѣнности монеты на $\frac{1}{4}$. Локкъ, а съ нимъ Монтегю и Сомерсъ понимали, что принять такое предложеніе значить просто ограбить владѣльцевъ монеты и сдѣлать то же самое, за что государство вѣшало поддѣльвателей монеты. Локкъ, вернувшись въ Отсъ, написалъ, по порученію Сомерса, возраженіе Лаундесу. Этотъ памфлетъ озаглавленъ: *Добавочныя соображенія о возвышеніи цѣнности монеты*, и въ болѣе простой и краткой формѣ повторялъ аргументы прежняго памфлета, написаннаго тоже для руководства лордовъ-судей подъ заглавіемъ: *Нѣкоторыя замѣчанія объ ассигнаціяхъ (Printed Paper)*. Не желая вдаваться въ утомительныя для читателя подробности, замѣчу, что въ своихъ экономическихъ сочиненіяхъ Локкъ значительно уступалъ по ясности взглядовъ произведеніямъ другихъ предшественниковъ Смита: Вильяма Петти и Дудлея Норта, хотя и взгляды Локка для своего времени были довольно

новы и повліяли благотворно на экономическое законодательство Англии. Въ то время, какъ Локкъ издавалъ свои памфлеты, Монтегю, съ одобренія комитета палаты, внесъ въ парламентъ свои резолюціи и несомнѣнно, что въ составленіи ихъ помогалъ Локкъ. Резолюціи были приняты только въ слѣдующей сессіи 1696 года и слѣдуетъ думать, что вліяніе памфлетовъ Локка много помогло ихъ принятію.

Въ томъ же году Локкъ при министерствѣ, руководителемъ котораго былъ его другъ Сомерсъ, получилъ назначеніе одного изъ членовъ учрежденнаго тогда «совѣта торговли и плантацій». Обязанности этого совѣта были очень разнообразны: онъ былъ и комитетомъ торговли, и комитетомъ призрѣнія бѣдныхъ (Poor Law Board), и министерствомъ колоній. Членамъ его поручалось изслѣдованіе общаго состоянія торговли въ странѣ; имъ поручалось «сообразить, какими средствами можно улучшить уже существующія въ королевствѣ полезныя и выгодныя промышленныя предпріятія и какъ ввести новыя». Они были обязаны также «сообразить, какимъ образомъ дать работу и занятіе бѣднымъ, сдѣлать ихъ полезными для общества, и этимъ путемъ облегчить тяготы нашихъ подданныхъ». Наконецъ, они должны узнавать о состояніи «плантацій», какъ назывались тогда колоніи, не только относительно ихъ торговли, но и относительно администраціи и устройства суда и изобрѣсти средства сдѣлать ихъ болѣе полезными для метрополи, особенно относительно доставки ими кораблестроительныхъ матеріаловъ. Работы было много и Локкъ работалъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, очень усердно; лѣтомъ и осенью онъ жилъ въ Лондонѣ и каждый день посѣщалъ засѣданія комитета, и даже тогда, когда онъ жилъ въ Отсто, онъ постоянно посылалъ въ комитетъ доклады. Только слабое состояніе здоровья заставило его отказаться въ 1700 году отъ этой должности. Нѣкоторые изъ докладовъ Локка сохранились; они довольно любопытны, особенно доклады о введеніи въ Ирландію льнянаго ткачества и о реформѣ законодательства о бѣдныхъ.

Для полноты нашего очерка слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ произведеніи Локка, изданномъ въ 1693 году, хотя, по недостатку мѣста, о немъ мы можемъ сказать только нѣсколько словъ. Еще во время своего пребыванія въ Голландіи Локкъ переписывался съ Кларкомъ о воспитаніи его дѣтей; по просьбѣ друзей и въ особенности Молинё, онъ обработалъ эти письма и издалъ ихъ подъ заглавіемъ: *Нѣкоторыя мысли о воспитаніи* (переведены на русскій языкъ). Въ связи съ этимъ сочиненіемъ упомянемъ и о небольшомъ трактатѣ — *Conduct of the Understanding*, долженствующемъ по его плану составлять добавочную главу его знаменитаго *Опыта*. Этотъ томикъ долженъ былъ до нѣкоторой степени замѣнять обычные учебники логики. Авторъ, какъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, не придаетъ особеннаго значенія правиламъ и полагаетъ, что люди дѣлаются добродѣтельными и разумными практикой и привычкой. Онъ вездѣ стоитъ за то, что можно назвать опытнымъ или нагляднымъ воспитаніемъ. Въ своемъ трактатѣ о воспитаніи Локкъ сильно нападаетъ на тогдашнее университетское образованіе, на нера-

зумный классицизм и, подобно Мильтону, признаетъ положенія Воменскаго и думаетъ, что при посредствѣ новыхъ методовъ образованія путь къ знанію можетъ быть сдѣланъ краткимъ и легкимъ, и что все необходимое можетъ быть изучено въ теченіе немногихъ лѣтъ, проведенныхъ въ школахъ и университетахъ. Локкъ составилъ громадную образовательную программу (изъ которой, кстати замѣтить, совершенно исключается греческій языкъ) и думаетъ, что изучить все въ ней перечисленное можно до 22-хъ лѣтняго возраста. Несомнѣнно, что идеи Локка, посредственно или непосредственно, отразились въ сочиненіи его знаменитаго послѣдователя въ этомъ вопросѣ, въ *Эмиль* Руссо. Одно обстоятельство, какъ справедливо указываетъ Морлей, отличаетъ, однако, *Эмиля* отъ всѣхъ предшествующихъ ему сочиненій по вопросу о воспитаніи. Руссо не ограничивается вопросомъ о воспитаніи дѣтей богатыхъ родителей, какъ ограничивается Локкъ, и ставитъ вопросъ о воспитаніи не ученаго и джентльмена, а просто чело-вѣка.

Послѣдніе четыре года своей жизни Локкъ провелъ въ тихомъ уединеніи въ Отсѣ, окруженный любящею его дружескою семьей и сохраняя до конца свои отношенія съ литературными и политическими сферами. Онъ тихо скончался 28 октября 1704 года; прахъ его покоится на кладбищѣ приходской церкви Гайлаверъ. Написанная имъ самимъ латинская эпитафія гласитъ, что онъ прожилъ свою жизнь, довольный своею неизвѣстностью. «Его смерть,—разсказываетъ намъ его другъ леди Мэшемъ,—была подобна всей его жизни, она была смертью набожнаго, естественнаго, простаго, лишеннаго всякой аффектаціи челоуѣка; я полагаю, что міръ никогда не видалъ такого замѣчательнаго по своей разсудительности и религіозности челоуѣка, какимъ былъ онъ и при жизни, и при смерти».

«Какъ ни великъ долгъ, которымъ философія обязана *Опыту* Локка,—говоритъ проф. Фоулеръ,—конституціонная теорія—его трактатамъ о правительствѣ, свобода религіознаго мышленія—его письмамъ о вѣротерпимости, можно поставить вопросъ, не было ли все челоуѣчество еще болѣе обязано ему за то участіе, которое онъ принималъ въ практическихъ реформахъ? Несомнѣнно, было бы слишкомъ смѣло утверждать, что безъ его инициативы или помощи денежное обращеніе въ Англій не было бы улучшено, монополія Stationers' Company уничтожена или оковы акта о прессѣ (Licensing Act) разбиты. Но можно сказать, что если бы не его проникательность, не его неутомимыя усилія, эти мѣры были бы отложены надолго или проведены съ такою массою исключеній и изъятій, что онѣ потеряли бы половину своего значенія. Въ недавно прошлое время было принято говорить презрительно о писателяхъ и государственныхъ людяхъ временъ Вильгельма, и даже теперь имъ рѣдко отдають полную справедливость. Поклонниковъ мистической философіи и романтической политики можно попросить указать, гдѣ ихъ герои, въ теоріи или на практикѣ, сдѣлали то, что сдѣлали ясный разумъ и простой, прямой, практической здравый смыслъ людей, вродѣ Галифакса, Сомерса и Локка?»

Локкѣ былъ, дѣйствительно, и въ теоріи, и въ практикѣ истиннымъ представителемъ здраваго смысла и, притомъ, онъ былъ неизломанною, цѣльною натурой, натурой высѣченною, какъ говорится, изъ одного куска. Несомнѣнно, это свойство его ума и характера придаетъ ему особенное величіе, и это величіе онъ заимствовалъ у времени, бывшаго эпохой практическаго осуществленія великихъ идей и у среднихъ классовъ, бывшихъ тогда носителями прогрессивныхъ идей, и истиннымъ представителемъ которыхъ онъ являлся и въ философіи, и въ общественной дѣятельности.

П. Н.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Питаніе голодающихъ *).

„Страна, которая становится жертвой голоднаго тифа, платитъ этимъ только послѣднюю дань за цѣлый рядъ упущеній въ народномъ хозяйствѣ“.

Virchow: „Ueber den Hundertpflus“. 1868.

Годъ слишкомъ тому назадъ, въ рѣчи, сказанной мною на общемъ собраніи съѣзда русскихъ врачей, я коснулся вопроса о причинахъ усиленной смертности и о средствахъ, которыми обладаетъ человѣкъ для борьбы со смертью. При этомъ я, конечно, имѣлъ въ виду хронически, болѣе или менѣе постоянно дѣйствующія причины смерти, а также и ту борьбу съ нею, которую человѣкъ ведетъ, такъ сказать, испоконъ вѣковъ, изо дня въ день. Въ то время мнѣ и въ голову не могло придти, что уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы будемъ свидѣтелями такой острой и ожесточенной борьбы со смертью, какая въ значительной части Россіи ведется въ настоящее время соединенными силами правительства и всего русскаго общества. Я сознательно называю борьбой со смертью тѣ громадныя усилія, которыя дѣлаются на нашихъ глазахъ для того, чтобы спасти населеніе пострадавшихъ отъ неурожая губерній, потому что борьба съ печальными, раздирающими душу послѣдствіями охватившаго значительное пространство неурожая есть, въ буквальномъ смыслѣ слова, борьба со смертью, и, притомъ, со смертью самою ужасной и самою обидной для человѣческаго достоинства.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этой острой и отчаянной борьбѣ *единственнымъ средствомъ, моющимъ разсчитывать на успѣхъ, является правильная организація питанія голодающаго населенія.* Это—весьма просто и понятно. Но исторія неурожаяевъ и голодовокъ во всѣхъ странахъ свѣта учитъ насъ, что это просто—только на первый взглядъ, и что на самомъ дѣлѣ требуется много любви и высокое культурное раз-

*) Лекція, читанная 28 февраля 1892 г. въ пользу мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая.

вѣтѣ человѣчества для того, чтобы принести пострадавшимъ отъ неурожая мѣстностямъ рациональную и своевременную помощь.

Всѣ мы знаемъ, что отъ недостатка пищи человѣкъ можетъ болѣть и умирать. И этого сознанія, въ сущности, должно быть достаточно для того, чтобы общество, среди котораго находятся голодающіе, напрягало всѣ свои силы для спасенія ихъ отъ болѣзни и голодной смерти, т.-е. для снабженія ихъ хлѣбомъ въ надлежащемъ количествѣ. Въ сущности, для этого не нужно никакой науки, никакого спеціальнаго знанія, ни относительно вліянія голода на человѣческій организмъ, ни относительно тѣхъ физиологическихъ законовъ, которымъ подчиняется питаніе человѣка; нуженъ только здравый смыслъ и любовь къ ближнему. Но безконечная любознательность человѣка, съ одной стороны, и тѣ техническія или экономическія затрудненія, которыя нерѣдко встрѣчаетъ правильное питаніе голодающихъ—съ другой, не позволяютъ представителямъ науки игнорировать эти вопросы, и, въ то же время, поддерживаютъ интересъ къ научной разработкѣ ихъ въ обществѣ. И такъ какъ дѣйствительно для правильной оцѣнки многихъ сторонъ того общественнаго явленія, которое называется борьбой съ голодомъ, необходимы нѣкоторыя понятія о вліяніи голода на человѣческій организмъ, то я и упомяну здѣсь, въ краткихъ словахъ, о тѣхъ научныхъ наблюденіяхъ, которыя до сихъ поръ сдѣланы въ этомъ отношеніи.

Человѣкъ живетъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, на счетъ того матеріала, который онъ вводитъ въ тѣло въ видѣ пищи. Расщепляясь и сгорая въ той удивительной лабораторіи, которую представляетъ собой живой организмъ, сложныя по своему составу вещества, употребляемые нами въ пищу, превращаются въ простыя химическія соединенія. При этомъ скрытая въ нихъ, такъ называемая потенціальная энергія превращается въ живую силу, которая, смотря по обстоятельствамъ, можетъ являться въ видѣ теплоты или въ видѣ внѣшней и внутренней работы.

Слѣдовательно, разложеніе есть причина жизни, *а потому для поддержанія жизни необходимо непрерывное доставленіе организму способныхъ къ разложенію веществъ.*

Было бы, однако, несправедливо думать, что немедленно съ прекращеніемъ подвоза пищи прекращаются и тѣ химическіе процессы въ организмѣ, которыми поддерживается жизнь его.

Дѣятельность клѣточныхъ элементовъ въ тканяхъ продолжается и при отсутствіи питанія, разложеніе бѣлковыхъ веществъ и жировъ непрерывно совершается и въ тѣлѣ голодающаго. Но существенная разница между питающимся и голодающимъ организмомъ заключается въ томъ, что первый живетъ на счетъ принимаемаго имъ *извне* питательнаго матеріала, тогда какъ второй, по истощеніи запаса, введеннаго въ тѣло съ послѣдними пріемами пищи, пожираетъ себя самаго, расходуя вещество, вошедшее уже въ органическій составъ тѣла. Этимъ именно и обусловливаются всѣ тѣ измѣненія, которыя при голоданіи происходятъ въ хими-

ческомъ составѣ и въ физиологическихъ функціяхъ организма и которыя, въ концѣ-концовъ, ведутъ къ роковой развязкѣ—голодной смерти.

Эти измѣненія, представляющія большой научный интересъ, но не лишены значенія и для практики питанія, за послѣднія 10—20 лѣтъ были предметомъ многочисленныхъ изслѣдованій, произведенныхъ, впрочемъ, почти исключительно на подвергнутыхъ голоданію животныхъ; лишь въ самое послѣднее время нѣкоторымъ ученымъ удалось сдѣлать систематическія и весьма полныя наблюденія надъ двумя-тремя «артистами по голоданію», которые сами, вѣроятно, для рекламы, выражали желаніе быть предметомъ подобныхъ наблюденій во время добровольнаго, болѣе или менѣе продолжительнаго голоданія.

Обратимся сначала къ результатамъ, полученнымъ на голодающихъ животныхъ *). *Общая потеря вѣса* у голодающихъ животныхъ, въ моментъ смерти, колеблется отъ 30 до 50% и, въ среднемъ, равняется 40%. Но если взвѣсить отдѣльные органы животнаго, умершаго отъ голода, и сравнить ихъ съ вѣсомъ тѣхъ же органовъ у нормально-питавшагося животнаго, то оказывается, что участіе ихъ въ общей потерѣ вѣса далеко не одинаково: наибольшій процентъ своего первоначальнаго вѣса (свыше 90%) теряетъ жировая ткань; затѣмъ идутъ нѣкоторые изъ внутреннихъ органовъ—селезенка, печень и проч. (50—70%), потомъ мышцы, теряющія 30—40%, кожа (20—30%), кровь (около 20%), кости (14—17%) и т. д. Наименьшую потерю вѣса претерпѣваютъ центральные органы нервной системы. Очевидно, что эти органы, функціи которыхъ при голоданіи долгое время сохраняются съ удивительною цѣльностью, въ данномъ случаѣ являются паразитами, живутъ на счетъ другихъ органовъ и утилизируютъ для своего питанія часть тѣхъ питательныхъ началъ, которыя, отдѣлившись отъ другихъ органовъ и тканей, вмѣстѣ съ кровью притекаютъ къ богатой мелкими кровеносными сосудами нервной системѣ. Явленіе это—въ высшей степени важное, потому что такимъ образомъ имѣющійся въ организмѣ питательный матеріалъ предоставляется въ распоряженіе именно тѣхъ органовъ, которые наиболѣе необходимы для продолженія жизни; оно, по всей вѣроятности, спасло жизнь уже не одному человеку, случайно оставшемуся безъ пищи въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени.

Температура тѣла у голодающихъ животныхъ остается долгое время безъ существеннаго измѣненія. Правда, въ ней замѣчается стремленіе къ весьма медленному, постепенному паденію, но быстрое и сильное пониженіе ея происходитъ только передъ смертью.

*) *Фойтъ*: „Физиологія общаго обмѣна веществъ“. 1885.

Манассеинъ: „Матеріалы для вопроса о голоданіи“. 1869.

Маньковский: „Къ вопросу о голоданіи (гистологическое изслѣдованіе)“. 1882.

Розенбахъ: „О вліяніи голоданія на нервныя центры“. 1883.

Казанъ: „Кровь и кровяное давленіе у голодающихъ“. 1883.

Посажный: „О газообмѣнѣ у голодающихъ собакъ“. 1886.

Газовый обменъ у животныхъ, т.-е. поглощеніе кислорода и выдѣленіе углекислоты, мало измѣняется во время голоданія, и лишь въ послѣдніе дни передъ смертью животнаго наблюдается быстрое паденіе его. Очевидно, что разложеніе углеродистыхъ веществъ, главнымъ образомъ, жира, происходитъ при голоданіи довольно энергично.

Азотистый обменъ, т.-е. разложеніе бѣлковыхъ веществъ въ тѣлѣ голодающихъ животныхъ, уменьшается въ началѣ голоданія довольно быстро и рѣзко, но затѣмъ, начиная съ 3-го—4-го дня, паденіе его идетъ весьма медленно и лишь подъ самый конецъ, непосредственно передъ смертью животнаго, энергія азотистаго обмѣна снова быстро уменьшается.

Еще сравнительно недавно среди ученыхъ было весьма распространено мнѣніе, что собственно ткани животнаго тѣла мало измѣняются во время голоданія и многіе изъ позднѣйшихъ наблюдателей болѣе или менѣе примкнули ко взгляду того итальянскаго ученаго, который въ концѣ XVIII вѣка писалъ: «трудно представить себѣ, какъ прекрасны и здоровы органы голодавшихъ животныхъ». Въ настоящее время мы знаемъ, однако, что таковыми они могли казаться лишь невооруженному глазу и что, наоборотъ, вездѣ—и въ крови, и въ мышцахъ, и во внутреннихъ органахъ, и въ нервной ткани—подъ вліяніемъ голоданія происходятъ весьма значительныя измѣненія атрофическаго и дегенеративнаго свойства, указывающія на серьезное нарушеніе въ питаніи клеточныхъ элементовъ ткани, ведущее сначала къ перерожденію, а затѣмъ и къ окончательному распаду ихъ: быстрое всего патологическія измѣненія обнаруживаются на кровяныхъ шарикахъ; въ мышечной системѣ процессы перерожденія сильнѣе всего сказываются на сердечной мышцѣ.

Наиболѣе систематическія наблюденія надъ добровольно-голодающимъ *человѣкомъ* удалось произвести итальянскому физиологу Luciani *), имѣвшему возможность, при помощи всѣхъ средствъ современной науки, слѣдить за жизненными отправленіями «артиста по голоданію» Succi, во время его 30-ти дневнаго голоданія весной 1889 года. Результатъ этого наблюденія былъ весьма поразительный, и Luciani резюмируетъ его слѣдующими словами: изъ провѣрки всѣхъ главныхъ жизненныхъ отправленій Succi оказывается, что онъ перенесъ полное воздержаніе отъ пищи въ теченіе 30 дней, безъ того, чтобы функціи его тѣла понизились за физиологическій предѣлъ, и безъ того, чтобы здоровье его пострадало. И въ самомъ дѣлѣ: средняя темп. его тѣла за все время голоданія равнялась 36,8° Ц.; дыханіе лишь въ исключительныхъ случаяхъ заходило за физиологическіе предѣлы 16—24 дыханій въ минуту; число сердцебиеній, при полномъ покоѣ, колебалось между 50 и 70 въ минуту; кровяное давленіе понижалось хотя и довольно замѣтно, но весьма постепенно (съ 20 мм. ртутнаго столба до 12 мм.); мышечная сила хотя и уменьшалась, но замѣтное паденіе ея приходится лишь на послѣдніе дни голоданія; функція

*) *Luigi Luciani*: „Das Hungern. Studien und Experimente am Menschen“. 1890.

органовъ чувствъ во время голоданія осталась нормальной; число красныхъ кровяныхъ шариковъ не уменьшилось, а о тѣлесной и умственной бодрости Succi достаточно краснорѣчиво говоритъ то обстоятельство, что онъ во все время опыта дѣлалъ много движенія, ходилъ пѣшкомъ (въ общемъ среднемъ 3,000 — 4,000 шаговъ въ день), ѣздилъ верхомъ (на 12-й день голоданія приходится прогулка верхомъ, продолжавшаяся 1 ч. 40 мин.), занимался фехтованіемъ и т. п.

Правда, примѣръ Succi вовсе не доказываетъ, что и всякій другой такъ же легко могъ бы перенести такое продолжительное голоданіе; онъ не допускаетъ обобщенія и нисколько не противорѣчитъ тому, что мною раньше было сказано о роковыхъ послѣдствіяхъ продолжительнаго голоданія. Профессоръ Luciani опредѣленно указываетъ на тѣ личныя качества Succi, которыя въ весьма значительной степени благопріятствовали счастливому исходу его опыта; они заключаются: 1) въ зрѣломъ возрастѣ его (40 лѣтъ), 2) въ пріобрѣтенной предшествовавшей жизнью привычкѣ къ умѣренности въ ѣдѣ и медленности обмѣна веществъ въ организмѣ, 3) въ хорошей упитанности его и въ большомъ запасѣ питательнаго матеріала, введеннаго Succi въ тѣло до начала голоданія.

И дѣйствительно, мы знаемъ на основаніи экспериментальныхъ данныхъ, что *есть и величина тѣла, возрастъ субъекта, степень упитанности его и характеръ предшествовавшей пищи имѣютъ весьма большое вліяніе на энергію процессовъ разложенія въ организмъ и, следовательно, на способность переносить продолжительное голоданіе.* Такъ, наприм., у маленькихъ животныхъ и у молодыхъ субъектовъ происходитъ сравнительно болѣе быстрый обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ, нежели у крупныхъ животныхъ или у взрослыхъ субъектовъ; очевидно, что у первыхъ, въ слѣдствіе большей скорости кровообращенія, отдѣльнымъ органамъ въ единицу времени доставляется сравнительно больше крови, а стало быть, и больше питательнаго матеріала, нежели у вторыхъ; весьма вѣроятно также, что болѣе быстрому ходу химическихъ процессовъ въ организмѣ небольшихъ и молодыхъ субъектовъ содѣйствуетъ болѣе легкая возбудимость ихъ нервной системы, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что послѣдняя имѣетъ здѣсь большое значеніе и играетъ весьма важную роль общаго регулятора интенсивности химической работы, происходящей въ клѣточныхъ элементахъ организма. Далѣе мы знаемъ, что значительное вліяніе на быстроту разложенія бѣлковыхъ веществъ въ голодающемъ организмѣ имѣетъ болѣе или меньшій запасъ отложившагося въ тѣлѣ жира: такъ какъ во время голоданія тѣло живетъ на счетъ находящихся въ немъ бѣлка и жира, и такъ какъ прибавленіе жира къ азотистой пищѣ предохраняетъ отъ разложенія извѣстную часть бѣловыхъ веществъ, *то и при голоданіи организмъ, болѣе богатый жиромъ, долженъ терять въ единицу времени меньше бѣлка, чѣмъ субъектъ съ небольшимъ запасомъ жира.* Поэтому молодыя животныя или дѣти, въ организмѣ которыхъ, при усиленномъ азотистомъ обмѣнѣ, находится небольшой запасъ жира, переносятъ голо-

даніе несравненно хуже, нежели взрослые субъекты съ развитою жировою тканью. На томъ же основаніи плохо упитанные люди страдаютъ отъ голода гораздо больше, чѣмъ субъекты съ хорошимъ питаніемъ. Населеніе, которое хронически голодаетъ или пища котораго въ обыкновенное время близка къ низшему предѣлу тѣхъ количествъ питательнаго матеріала, которыя крайне необходимы для продленія жизни, въ неурожайное время весьма легко дѣлается жертвой голода. То же значеніе для большей или меньшей способности переносить голоданіе, которое справедливо приписывается количеству отложившагося въ организмъ жира, имѣетъ и характеръ непосредственно предшествовавшей голоданію пищи: человекъ, снабдившійся предварительно большимъ запасомъ питательнаго матеріала, можетъ болѣе спокойно идти на встрѣчу голоду, чѣмъ тотъ, который во дни, непосредственно предшествовавшіе голоданію, сидѣлъ на обыкновенной или даже скудной діетѣ.

Отъ только что упомянутыхъ условій зависитъ, конечно, и *возможная продолжительность голоданія и болѣе или менѣе раннее наступленіе смерти*. Въ общемъ смерть, вслѣдствіе полного отсутствія пищи, наступаетъ тогда, когда потеря въ вѣсѣ организма достигаетъ 40—45% первоначальнаго вѣса. Но этотъ моментъ, при различныхъ условіяхъ, согласно только что сказанному, является въ различное время. Маленькія дѣти умираютъ, при отсутствіи пищи, уже на 3 или 4 день, тогда какъ взрослый человекъ, смотря по состоянію своего тѣла, можетъ переносить абсолютный голодь 30—40 дней и долѣе. Вышеупомянутый Succi нѣсколько разъ успѣшно голодалъ (подъ наблюденіемъ ученыхъ) въ теченіе 30 дней; знаменитый д-ръ Таннеръ голодалъ 40 дней, но, судя по имѣющимся свѣдѣніямъ, онъ ослабъ въ гораздо большей степени, нежели Succi; нѣкто Merlati голодалъ 50 дней,—онъ остался живъ, но въ послѣдніе дни голоданія энергія химическихъ процессовъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и производство тепла въ его организмѣ понизились настолько, что окружавшіе его врачи, для того чтобы согрѣвать его, были вынуждены завертывать его въ вату; при этомъ они сложили съ себя всякую отвѣтственность за послѣдствія болѣе продолжительнаго голоданія.

Но упомянутые здѣсь случаи—исключительные: такое продолжительное голоданіе могутъ выносить только субъекты, специально приспособившіе свой организмъ для этой цѣли, и изъ имѣющихся въ литературѣ наблюденій надъ людьми, случайно лишенными пищи въ теченіе продолжительнаго времени, оказывается, что, въ общемъ ѳсреднемъ, человекъ можетъ переносить полное отсутствіе пищи не болѣе 25 дней. Правда, на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ, мы должны допустить, что человекъ, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ существовать безъ всякой пищи въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. [Подобный случай, въ которомъ отсутствіе питанія продолжалось болѣе года, наблюдался въ Испаніи въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія; сюда же относятся такъ называемые фокусы индійскихъ факировъ, которые, зарывшись въ землю, остаются безъ пищи въ

продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Но, очевидно, въ такихъ случаяхъ рѣчь идетъ не о простомъ, фізіологическомъ голоданіи, а объ особенномъ, летаргическомъ состояніи организма, которое можно уподобить свойственной многимъ животнымъ зимней спячкѣ и въ которомъ жизнь можетъ продолжаться весьма долго, потому что, вслѣдствіе полного отсутствія движенія и значительнаго пониженія температуры тѣла, вся жизнедѣятельность организма держится на крайне низкомъ уровнѣ. Теплокровное животное во время зимней спячки, равно какъ и человѣкъ во время летаргическаго сна, приобрѣтаютъ большое сходство съ холоднокровнымъ животнымъ, въ тѣлѣ котораго процессы разложенія происходятъ очень медленно и которое можетъ оставаться безъ пищи 6—7 мѣсяцевъ.

Если теперь спросить: *чѣмъ же обуславливается смерть при продолжительномъ отсутствіи пищи*, то на этотъ вопросъ отвѣтить не особенно легко. Для не-врача болѣе понятно то, что человѣкъ, не принимающій пищи, долженъ умереть, нежели то, что при этихъ условіяхъ онъ можетъ долго жить. Между тѣмъ, съ научной точки зрѣнія послѣднее явленіе (т.-е. продленіе жизни) представляется болѣе яснымъ, нежели первое (т.-е. смерть), и какъ это ни покажется парадоксально, но мы, все-таки, должны сказать, что дѣйствительно научнаго объясненія смерти подъ вліяніемъ голоданія до сихъ поръ нѣ имѣется. Очевидно, что смерть не происходитъ отъ отсутствія въ голодающемъ организмѣ матеріала, ибо она наступаетъ обыкновенно въ такое время, когда на тѣлѣ остается еще извѣстное количество жира и довольно много мяса. Надо думать, что смерть обуславливается тѣми патологическими измѣненіями, тѣми дегенеративными процессами, которые, вслѣдствіе недостаточнаго питанія, совершаются въ великомъ регуляторѣ всей жизнедѣятельности организма—въ нервной системѣ. Смерть наступаетъ именно въ тотъ моментъ, когда дѣйствіе этого регулятора прекращается.

Интереснымъ въ научномъ и практическомъ отношеніяхъ является вопросъ *о тѣхъ крайнихъ предѣлахъ истощенія отъ лишенія пищи, при которыхъ еще возможно откармливать голодающаго и спасти его*. Примѣръ одного изъ вышеупомянутыхъ артистовъ голоданія, который, повидимому, благополучно перенесъ 50-ти дневное лишеніе пищи, съ значительнымъ паденіемъ температуры тѣла, остается пока единичнымъ въ литературѣ и приходится допустить, что въ общемъ среднѣ невозможность спасти голодающаго человѣка наступаетъ гораздо раньше. Опытъ показалъ, что животныхъ, доведенныхъ голоданіемъ до того, что они находятся наканунѣ смерти, спасти откармливаніемъ нельзя. Если они берутъ еще пищу и, въ особенности, если, на ряду съ откармливаніемъ, согрѣвать ихъ искусственно, то иногда удается продлить ихъ жизнь на нѣкоторое время; но они почти вовсе не поправляются и, въ концѣ-концовъ, умираютъ, по всей вѣроятности, отъ перерожденія сердечной мышцы. Въ болѣе раннихъ стадіяхъ голоданія откармливаніе вполне возможно даже при большой потерѣ въ вѣсѣ, если только не произошло еще значительнаго паденія температуры тѣла.

При удачномъ откармливаніи нормальный вѣсъ животного восстанавливается довольно скоро и опытъ показалъ, что въ этихъ случаяхъ нерѣдко достигается даже увеличеніе вѣса, противъ первоначального, на нѣсколько процентовъ, зависящее, по всей вѣроятности, отъ того, что въ тканяхъ откармливаемыхъ послѣ голоданія животныхъ накапливаются значительныя количества жира и воды.

Но, спрашивается, *возстанавливается ли организмъ вполне при откармливаніи послѣ болѣе продолжительнаго голоданія*, и не остаются ли въ немъ слѣды тѣхъ патологическихъ измѣненій, которыя произошли въ его тканяхъ во время голоданія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, насколько можно судить по имѣющимся въ специальной литературѣ даннымъ, долженъ быть не совсѣмъ благоприятный *). Такъ, наприм., мы знаемъ, что откармливаемый послѣ голоданія организмъ, когда ему приходится голодать вторично, разрушается гораздо быстрее, чѣмъ нормальный; онъ, слѣдовательно, носитъ въ себѣ слѣды бывшаго голоданія. Къ тому же заключенію мы придемъ, если примемъ во вниманіе, что для того, чтобы добиться, при промышленномъ откармливаніи извѣстныхъ животныхъ, жироваго перерожденія печени, специалисты этого дѣла въ извѣстной мѣрѣ примѣняютъ къ своимъ питомцамъ голоданіе. Такимъ образомъ, если и можно допустить, что организмъ, откармливаемый послѣ незначительнаго истощенія голодомъ, поправляется сравнительно быстро и совершенно, т. е. что тѣ слабыя измѣненія, которыя можно предполагать и въ мышцахъ, и въ нервной системѣ и пр. въ первые періоды голоданія, способны къ выравниванію, то, съ другой стороны, нельзя не признать, что *болѣе продолжительное или повторное голоданіе должно оставлять въ организмѣ прочныя патологическія измѣненія*.

Скажу еще, что при откармливаніи голодающихъ, вопреки весьма распространенному мнѣнію, наиболѣе полезной оказалась пища плотная, богатая питательными началами: мясо, яйца и т. п. вещи переносятся лучше и даютъ болѣе благоприятные результаты, нежели жидкая пища, разные бульоны и проч.

До сихъ поръ я старался, на основаніи научныхъ данныхъ, выяснить сущность голоданія и послѣдствія абсолютнаго лишенія пищи, наблюдавшіяся при лабораторныхъ опытахъ. Теперь перейдемъ къ разбору *той картины, которую представляетъ населеніе, лишенное правильнаго питанія вслѣдствіе неурожая*, а также къ изложенію *тѣхъ требованій, которыя должно имѣть въ виду при заботахъ о питаніи голодающихъ*.

Прежде всего надо сказать, что между опытнымъ животнымъ, которое лишается пищи въ интересахъ науки, или дающимъ представленіе «артистомъ голоданія», съ одной стороны, и человѣкомъ, голодающимъ вслѣдствіе неурожая—съ другой, существуетъ немаловажная разница. Въ пер-

*) *Каланъ*: „Вліаніе голоданія на вѣсъ тѣла при откармливаніи голодавшихъ ограниченномъ количествомъ пищи“ (*Русск. Медиц.* 1885 г., №№ 17—19).

Каланъ: „Пережемающееся острое голоданіе“ (*Русск. Медиц.* 1886 г., №№ 26—27).

вошь случаѣ мы имѣемъ передъ собой картину *абсолютнаго* голода, которое сознательно доводится до извѣстнаго предѣла. Во второмъ же случаѣ голоданіе бываетъ обыкновенно *неполное*, и человекъ, лишенный своей обычной пищи, благодаря неурожаю, всегда старается замѣнить ее чѣмъ-нибудь другимъ. Побуждаемый инстинктомъ самосохраненія и находясь подъ гнетомъ мучительнаго чувства голода, онъ отыскиваетъ различные суррогаты и употребляетъ въ пищу всевозможныя вещества, отъ которыхъ онъ ожидаетъ утоленія голода. При этомъ, къ сожалѣнію, ему не приходится быть особенно разборчивымъ: онъ беретъ то, что подъ рукой, то, что, по традиціи, по установившемуся обычаю, пользуется извѣстною репутаціей какъ суррогатъ пищи, то, что, наполняя желудокъ своимъ объемомъ, даетъ ему чувство сытости. Ему не приходится разсуждать о томъ, доставляетъ ли онъ этимъ путемъ своему организму достаточное количество питательнаго матеріала, или же питаніе при этихъ условіяхъ превращается въ мученіе. Онъ не можетъ останавливаться на мысли о томъ, не приноситъ ли ему тотъ или другой суррогатъ больше вреда, чѣмъ пользы. Голодающее населеніе, предоставленное самому себѣ, не можетъ дать себѣ отчета въ томъ, что полезно и что вредно; оно, подъ давленіемъ своего несчастнаго и безысходнаго положенія, способно прибѣгать къ самымъ отвратительнымъ и неестественнымъ способамъ питанія.

Приведу нѣсколько примѣровъ того, чѣмъ именно населеніе различныхъ мѣстностей Россіи въ неурожайные годы питалось и какими неестественными путями оно старалось утолять мучительное чувство голода.

Въ 1092 году, когда неурожаемъ былъ во многихъ мѣстностяхъ тогдашней Россіи, должны быть приурочены первыя извѣстія о потребленіи въ пищу лебеды. Преподобный Прохоръ, черноризецъ печерскій, собиралъ лебеду и дѣлалъ изъ нея хлѣбъ. «И сего видѣвъ нѣкій человекъ,—говорится въ лѣтописи,—сбирающа лебеду, начать и той сбирати лебеду... а тѣмъ препитаются въ гладное время». Преподобный Прохоръ получилъ даже названіе «Лебедника».

Въ Новгородѣ, во время голода 1214 — 15 гг., когда цѣна на рожь достигла, на наши деньги, около 40 руб. за четверть, люди, по словамъ лѣтописца, ѣли сосновую кору, липовыя листья и мохъ.

Въ 1230 году голодъ до того довелъ несчастныхъ новгородцевъ, что они, не имѣя возможности купить хлѣба по цѣнѣ почти баснословной, принуждены были сѣдять труны умершихъ собратій или убивать живыхъ и пожирать ихъ. «Яко иніи простая чадь рѣзяху люди живыя и ядаху; а иніи мертвая мяса и трущія обрѣзающе ядаху, а друзіе конину, псину, кошки; иніи же мохъ ядаху, ушь, сосну, кору липову и листь ильмъ, кто что замысля» *).

Въ 1419 году голодъ заставилъ людей ѣсть кошекъ, собакъ, кротовъ и человѣческое мясо.

*) В. Лешковъ: „О народномъ продовольствіи въ древней Россіи“. 1854 г., стр. 19.

Въ 1602 году голодъ до того довелъ людей, что они поѣдали другъ друга, матери пожирали дѣтей, а дѣти грызли матерей *).

«Свидѣтельствуюсь истинной и Богомъ,—пишетъ одинъ изъ очевидцевъ этого голода,—что я собственными глазами видѣлъ въ Москвѣ людей, которые лежали на улицахъ, подобно скоту, щипали траву и питались ею; у мертвыхъ находили во рту сѣно; мясо лошадиное казалось лакомствомъ; ѣли собакъ, кошекъ, стерво, всякую нечистоту. Люди сдѣлались хуже звѣрей; не только грабили и убивали за кусокъ хлѣба, но и пожирали другъ друга. Путешественники боялись хозяевъ и гостиницы стали вертепами душегубства: давили и рѣзали сонныхъ для ужасной пищи. Мясо человѣческое продавалось въ пирогахъ на рынкахъ. Матери глодали трупы своихъ младенцевъ» **).

Въ 1673—74 гт. жители Валуйскаго уѣзда принуждены были ѣсть, «съ мякиной мѣшаючи, племъ и жолуди, племковые кнѣпи».

Въ 1748 году ѣли лебеду, траву и толченую древесную кору.

Въ 1788 году былъ голодъ въ центральной Россіи и въ Малороссіи. «Тамъ,— пишетъ вн. Щербатовъ,— претерпѣваютъ неизмовѣрный голодъ; ѣдятъ солому, мякину, листья, сѣно, лебеду; но и сего уже не достаетъ, ибо, къ несчастью, и лебеда не родилась, и оной четверть по 4 руб. покупаютъ... Бо мнѣ изъ Алексинской моей деревни привезли хлѣбъ, испеченный изъ толченаго сѣна, мякины и лебеды; онъ меня въ ужасъ привелъ, но мнѣ сказали, что этотъ еще хорошъ, а есть гораздо хуже».

Въ 1822 году на сѣверѣ Россіи, въ Олонецкомъ краѣ, народъ питался сосновою корой; въ Орловской губ. онъ ѣлъ конопляные жмыки и мякину.

Въ 1833 году смѣшивали муку съ мякиной, макухой; разваривали щавель, снить (*Aegorodium*) и другую зелень.

Въ 1839 году, какъ видно изъ журналовъ медицинскаго совѣта, жители многихъ губерній употребляли хлѣбъ изъ муки пихтовой коры, соломы, мякины, хлѣбныхъ зеренъ, лебеды и проч. ***).

Въ 1883 году, когда неурожаемъ поразилъ, между прочимъ, и Вятскую губернію, председатель губернской управы заявилъ на губернскомъ земскомъ собраніи, что въ Елабужскомъ уѣздѣ крестьяне питаются дубовыми желудями (*B. Н. Щепкинъ*, loco cit.).

А что ѣдятъ въ 1892 году, это мы увидимъ ниже.

Въ Ирландіи, насколько мы могли видѣть изъ тѣхъ скудныхъ свѣдѣній, которыя намъ удалось найти въ литературѣ по этому вопросу, во время бывшихъ тамъ голодовъ, населеніе мѣстами по цѣлымъ недѣлямъ питалось вареными свеклами, посыпанными небольшоимъ количествомъ ов-

*) *Словцо* (свяс.): „Историческое и статист. обозрѣніе неурожаевъ въ Россіи“ (*Сборникъ статистич. свѣдѣній о Россіи* 1858 г., кн. III. Изд. статистическ. отд. Императ. русск. географ. общества).

**) *В. Н. Щепкинъ*: „Голода въ Россіи“ (*Историческ. Вѣстникъ* 1886 г., т. 24, стр. 489).

***) *Архивъ судебной медицины и общества. тмѣны* 1870 г., № 4, отд. III, стр. 18.

сяной муки; затѣмъ—зеленою рѣпой, капустой, сорными травами съ полей или морскою травой *). Вообще въ сравнительно счастливомъ положеніи, по мнѣнію писателей, изучавшихъ исторію ирландскихъ голодовъ, находится тамъ побережное населеніе, всегда имѣющее въ своемъ распоряженіи морскую траву, которую они ѣдятъ съ небольшимъ количествомъ пшеничной муки.

Въ Германіи, въ различныхъ мѣстахъ и въ разные времена, жители утоляли голодъ хлѣбомъ изъ мергеля, т.-е. изъ болѣе или менѣе жирной земли. Еще въ прошломъ столѣтіи, въ 1719 и въ 1733 гг., въ Виртембергѣ ѣли хлѣбъ изъ такъ называемой земляной муки, которую брали изъ близъ лежавшей «мучной» горы, содержавшей очень тонкую и рыхлую породу мергеля. Въ 1720 г. голодавшее населеніе княжества Ангальтъ-Цербетъ съѣло цѣлую гору мелкаго бѣлаго мергеля **).

Во время неурожая хлѣбовъ и овощей въ Германіи въ 1770—72 гг., значительная часть населенія, по словамъ Вирхова, была вынуждена прибѣгать къ «скотской» и «противуестественной» пицѣ, т.-е. къ кашѣ изъ отрубей, къ овсянымъ высѣвкамъ, къ чертополоху, журавлиному герцоку и другимъ сорнымъ травамъ ***).

Ту же картину мы встрѣчаемъ въ Верхней Силезіи въ 1846—47 гг., когда населеніе этой несчастной провинціи питалось большимъ и гнилымъ картофелемъ, пыреемъ, зеленымъ клеверомъ и разными едва съѣдобными плодами.

Такия ненормальныя условія питанія цѣлыхъ массъ населенія, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, должны имѣть *рѣзкія и весьма печальныя послѣдствія для санитарнаго состоянія голодающихъ*; и насъ нисколько не поражаетъ, что при такихъ условіяхъ люди болѣютъ и умираютъ,—насъ, по справедливости, удивило бы, еслибы они не болѣли и не умирали. Позволю себѣ привести лишь немногія данныя, освѣщающія размѣры бѣдствій, вызываемыхъ неправильнымъ питаніемъ населенія во время голодовокъ.

О послѣдствіяхъ голода 1128 г. въ городѣ и волости Новгородской мы читаемъ въ лѣтописи: «И поставиша скудельницу и наметаша полную. О горе баше; по торгу трупіе, по улицамъ трупіе, по полю трупіе; не можуху пси изѣдать челоувѣкъ». Точно также и въ позднѣйшія времена неурожай въ Россіи сопровождался усиленною болѣзненностью и смертностью. Про 1299 голодный годъ въ лѣтописи сказано: «моръ бысть»; про 1366 г.—«и съ того люди мряху»; по поводу неурожая 1557 г. сказано: «и люди помроша»; во время голоднаго 1734 г.—«во многихъ мѣстахъ крестьяне пухли и лежали больными, а нѣкоторые и умирали». Но самыя ужасныя послѣдствія имѣлъ, очевидно, неурожай 1601—02 гг.,

*) John O'Rourke: „The history of the Great Irish Famine of 1847“, стр. 384 и слѣд.

**) В. Д. Орловъ: „Желудковый голодный хлѣбъ“. 1891 г., стр. 19.

***) R. Virchow: „Ueber den Hungertyphus etc.“ 1868 г., стр. 9.

когда, по словамъ современниковъ, въ одной Москвѣ отъ голода и холода умерло до 500,000 чел., а въ селахъ и другихъ областяхъ несравненно болѣе; зимою нищія толпами замерзали на дорогахъ. Неестественная пища также производила болѣзни и смерть, особенно въ Смоленскомъ уѣздѣ.

Среди ирландскаго населенія недостатокъ пищи и несвойственное человѣку питаніе въ различныя времена производили страшныя опустошенія. Такъ, наприм., въ 1740 г., вслѣдствіе неурожая картофеля, умирали сотни тысячъ отъ голода и болѣзни; по словамъ одного изъ епископовъ, вымерли цѣлыя деревни. Но выше человѣческихъ понятій были страданія ирландскаго народа во время голодныхъ 1846—47 гг., когда смертность въ этой несчастной странѣ поднялась до неслыханной высоты: въ 1841 г. населеніе «Зеленаго острова» равнялось 8.175,124 чел.; принимая во вниманіе обыкновенную смертность, мы должны были бы ожидать въ 1851 г. численность его въ 9.018,799 чел.; между тѣмъ, населеніе Ирландіи за эти 10 лѣтъ упало до 6.552,385 душъ, а это значитъ, что около 2½ миллионѣвъ людей исчезло во время голода: изъ нихъ 1.436,862 чел. эмигрировало; стало быть, 1.039,552 челов. погибло во время голода (сверхъ обыкновенной смертности) отъ недостатка пищи и болѣзни; къ этому числу надобно, однако, прибавить еще умершихъ отъ голода и его послѣдствій среди эмигрантовъ; таковыхъ можно считать 17 на 100 или въ общей сложности 200,000 эмигрантовъ за 6 лѣтъ. Слѣдовательно, отъ ирландскаго голода и его послѣдствій умерло 1.240,000 чел. Прибавимъ, что на нѣкоторыхъ корабляхъ съ эмигрантами смертность была ужасающая: такъ, наприм., на корабль *Avon* изъ 552 пассажировъ умерло 246 чел., а на *Virginus* изъ 476 пассажировъ умерло 267 *). По количеству жертвъ, этотъ голодъ напоминаетъ большой голодъ 1769—70 гг. въ Индіи, во время котораго отъ недостатка пищи погибло около трехъ миллионѣвъ людей **).

И замѣчательно, что всѣ эти ужасы, связанные съ ирландскими голодами послѣднихъ двухъ столѣтій, находятся въ тѣсной зависимости отъ обычнаго способа питанія ирландскаго населенія, — отъ того значенія, которое въ продовольствіи ирландцевъ мало-по-малу приобрѣлъ картофель. Будучи встрѣченъ при введеніи его въ Ирландію съ энтузіазмомъ филантроповъ и экономистами, рекомендовавшими культуру его повсюду для предупрежденія голода, картофель роковымъ образомъ сдѣлался главнымъ пищевымъ средствомъ для всего рабочаго населенія страны. Даже страшные голода въ срединѣ прошлаго столѣтія, находившіеся въ непосредственной связи съ гибелью картофеля, не могли заставить земледѣльцевъ отказаться отъ культуры картофеля, и зависимость ирландскаго населенія отъ урожая картофеля все болѣе и болѣе увеличивалась. Секретъ же заключается здѣсь въ томъ, что картофель безгранично плодороденъ: та же земля, которая,

*) *John O'Rourke*: „The history of the Great Irish Famine“, стр. 496—499.

**) *C. Walford*: „The Famines of the World“. 1879 г., стр. 89.

будучи засѣяна хлѣбомъ, кормить извѣстное число людей извѣстное время, способна кормить то же число людей втрое дольше, если она обрабатывается подъ картофелемъ. Понятно, что подъ вліяніемъ этой обильной по количеству пищи ирландское населеніе росло весьма быстро; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, привычка къ этой пищѣ породила абсолютное незнаніе другихъ пищевыхъ продуктовъ и способовъ приготовленія ихъ. Въ этомъ заключалась большая опасность. Вѣдь, населеніе, обыкновенная пища котораго состоитъ изъ различныхъ сортовъ хлѣба, мяса и т. п., можетъ во время неурожая и дороговизны сократить расходъ на пищу, пользоваться овсомъ, рисомъ, горохомъ, картофелемъ и т. д. Тѣ же, которые обыкновенно и исключительно питаются картофелемъ, живутъ вообще на границѣ человеческого существованія и, будучи лишены обычной пищи, не находятъ болѣе дешевыхъ продуктовъ. Между тѣмъ, урожай картофеля подверженъ большимъ случайностямъ, чѣмъ урожай хлѣба; кромѣ того, недостатокъ одного года не можетъ быть покрываемъ урожаемъ другаго, потому что картофель не сохраняется такъ долго, какъ хлѣбъ. Если картофель родится въ изобиліи, то лишній отдается свиньямъ или употребляется на винокуреніе; если же онъ не родится, то роковымъ образомъ является голодъ и болѣзнь. Наконецъ, перевозка картофеля съ одного мѣста въ другое, въ немъ нуждающееся, труднѣе и дороже перевозки хлѣба, потому что его приходится возить въ огромныхъ количествахъ: если на человѣка считать 2 ф. муки (3 ф. хлѣба) въ день, то 100 ф. муки хватитъ на 50 дней, тогда какъ 100 ф. картофеля хватитъ всего на 8 дней.

Такая же непосредственная и роковая связь между преобладаніемъ картофеля въ пищѣ населенія, съ одной стороны, и голодомъ, усиленною болѣзненностью и большою смертностью—съ другой, которая составляетъ несчастіе Ирландіи, наблюдается и въ другихъ мѣстахъ. Въ своей публичной лекціи въ пользу голодающихъ Восточной Пруссіи, читанной въ Берлинѣ въ 1868 г., Вирховъ указываетъ на то, что картофель въ сравнительно короткое время измѣнилъ, во многихъ частяхъ Европы, не только характеръ земледѣлія, но и всю социальную жизнь: большинство населенія въ деревняхъ и селахъ, равно какъ рабочіе и ремесленники мелкихъ городовъ, приобрѣли въ картофелѣ новый и богатый источникъ для своего продовольствія. А потому долгое время на введеніе картофельной культуры смотрѣли какъ на чистое благодѣаніе, и явилась надежда, что, благодаря картофелю, на будущее время будетъ устранена возможность голода. Слишкомъ печальною, однако, оказалась обратная сторона медали. Давно извѣстно, что картофель, самъ по себѣ, не даетъ достаточно матеріала для правильнаго питанія человѣка. Онъ хорошъ [какъ вспомогательное вещество, если соединить его съ достаточнымъ количествомъ хлѣба, мяса и жира; но онъ имѣетъ весьма сомнительную цѣну въ качествѣ главнаго пищевого продукта для цѣлыхъ массъ населенія. Мало того, что физическая сила такого населенія постепенно уменьшается и что каждый въ отдаленности становится менѣе способнымъ противостоять болѣзни,—первый

неурожаи картофеля, въ особенности, если онъ повторяется два года подрядъ, ставитъ такое населеніе лицомъ къ лицу съ голодомъ. Это было во Фландріи и въ Верхней Силезіи; это же мы видимъ въ Ирландіи и въ Восточной Пруссіи,—населеніе этихъ странъ постоянно находится у преддверія голода; въ случаѣ неурожая картофеля, оно совершенно безпомощно. Сознаніе этого печальнаго положенія цѣлыхъ областей должно побудить всякаго благоразумнаго человѣка къ тому, чтобы всѣми силами бороться противъ введенія такого исключительно - картофельнаго хозяйства.

Теперь посвятимъ нѣсколько словъ вопросу: *чѣмъ же болѣютъ и отчего умираютъ люди во время голода?* Очевидно, что и характеръ болѣзненности, и причины смерти должны находиться въ прямой зависимости отъ способа питанія голодающаго населенія, и здѣсь мы встрѣчаемся съ тремя главными моментами: 1) съ недостаткомъ пищи вообще, 2) съ болѣзнетворнымъ влияніемъ суррогатовъ пищи и 3) съ уменьшеніемъ способности истощеннаго неправильнымъ питаніемъ населенія противустоять распространенію заразныхъ болѣзней.

Какъ видно изъ исторіи голодовъ, всего чаще въ это время встрѣчается извѣстіе о появленіи и распространеніи *сыпнаго* или такъ называемаго «*голоднаго*» тифа. Ирландскіе голода часто сопровождались эпидеміями сыпнаго тифа, нерѣдко свирѣпствовавшего въ этой несчастной странѣ со страшною силой. Сильнѣе всего онъ господствовалъ, повидимому, во время голодовъ 1741, 1817—19 и 1846—47 гг. Въ послѣдній голодъ заболѣваніе нерѣдко имѣло характеръ возвратнаго тифа; возвраты встрѣчались весьма часто и были прямо характерны—3 или 4 возврата у одного и того же больнаго. Въ 1847 г. въ главную санитарную комиссію поступило 343 просьбы объ открытіи временныхъ тифозныхъ больницъ; въ томъ же году въ постоянныхъ и временныхъ тифозныхъ больницахъ было принято около 160,000 случаевъ, а вообще въ теченіе 1846—49 гг. болѣло отъ тифа въ Ирландіи слишкомъ 1½ милл. людей.

Точно также во время голодовъ во Фландріи, въ Верхней Силезіи, въ Восточной Пруссіи населеніе болѣло и умирало, главнымъ образомъ, отъ сыпнаго тифа. У насъ, въ Россіи, въ сопровожденіи голодовъ также встрѣчается сыпной тифъ; какъ извѣстно, ограниченныя пока эпидеміи этой болѣзни существуютъ и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ частяхъ пострадавшихъ отъ неурожая губерній (Казанская, Пензенская, Саратовская, Самарская, Нижегородская, Тамбовская и др.); въ Казанской и Нижегородской губ. эпидемія сыпнаго тифа мѣстами, повидимому, принимаетъ даже угрожающій характеръ.

Не входя здѣсь въ разборъ вопроса о томъ, представляетъ ли такъ называемый «*голодный*» тифъ особую форму заболѣванія или не совпадаетъ ли онъ съ сыпнымъ, а отчасти и съ возвратнымъ тифомъ, мы должны, однако, сказать, что, очевидно, во время голодовъ много случаевъ заболѣванія и смерти, приписываемые сыпному тифу, должны быть отнесены къ другимъ болѣзнямъ, среди которыхъ, безъ всякаго сомнѣнія,

главную роль играют *гастро-энтериты*, т. е. как острия, такъ и болѣе затыжные желудочно-кишечные катарры, вызванные несвойственною чело-вѣку пищей, тѣми отвратительными суррогатами, къ которымъ, какъ мы видѣли выше, населеніе прибѣгаетъ подъ давленіемъ голода. Вѣдь, не трудно представить себѣ состояніе пищеварительныхъ органовъ у людей, цѣлыми недѣлями и мѣсяцами питающихся хлѣбомъ съ лебедой, древесною корой, соломой, жыхами и т. п. вещами, которыя даже неизбалованный нѣжною пищей человекъ можетъ ѣсть только подъ вліяніемъ крайней нужды и которыя, по мѣткому выраженію одного англійскаго писателя, могутъ продлить жизнь только до тѣхъ поръ, пока они ее не разрушатъ. Неудивительно поэтому, что на ряду съ сыпнымъ тифомъ въ описаніяхъ голодовъ встрѣчаются и указанія на болѣе прямыя послѣдствія того общаго недомоганія, которое вызывается въ населеніи недостаточною и вредною пищей,—унадокъ силъ, головокруженіе, сильные поносы, вообще желудочно-кишечные катарры и *дизентерія*: И такъ какъ достаточное питаніе упомянутыми суррогатами ни при какихъ условіяхъ невозможно, то въ результатъ получаются смѣшанная картина населенія, страдающаго отъ истощенія, вслѣдствіе недостатка пищи, и отъ заболѣваній пищеварительныхъ органовъ, вслѣдствіе продолжительнаго приема несвойственной чело-вѣку пищи. Понятно, что отъ совокупнаго вліянія этихъ двухъ причинъ страдаютъ раньше всего и сильнѣе всего дѣти, представляющія наименѣе стойкій элементъ голодающаго населенія.

Какъ часто крайнее истощеніе организма отъ недостатка пищи, а равно и послѣдствія нецѣлесообразнаго питанія суррогатами ея, представляють картину голоднаго тифа, мы видимъ и въ настоящее время, когда многіе изъ больныхъ, приводимыхъ во временныя тифозныя больницы, прежде всего, просятъ «поѣсть», а наѣвшись, оживляются и нерѣдко даже изъявляютъ желаніе выписываться изъ больницы. Вирховъ, будучи въ 1851 г. командированъ въ одну пострадавшую отъ неурожая мѣстность Германіи, въ которой обнаружились многочисленныя заболѣванія, нашелъ тамъ не тифъ, а особенное состояніе общей слабости, истощенія и головокруженія, болшею частью безъ лихорадки, имѣвшее нѣкоторое сходство съ легкимъ тифознымъ заболѣваніемъ, но, въ большинствѣ случаевъ, скоро уступившее правильному питанію при помощи столовыхъ, раздачи хлѣба, риса и т. п. пищевыхъ продуктовъ. Скажу еще, что между другими разстройтвами питанія нерѣдкимъ послѣдствіемъ нецѣлесообразной пищи во время голодовокъ является и *цита*.

Нельзя не указать здѣсь еще на одну форму заболѣванія, возникающую на почвѣ недостаточнаго питанія, это — *душевные разстройтва*, болшею частью развивающіяся постепенно, но иногда появляющіяся и внезапно подъ вліяніемъ истощенія организма голодомъ. Психіатрамъ извѣстно, что лишеніе пищи, помимо своего вліянія, предрасполагающаго къ психическимъ заболѣваніямъ вообще, приводитъ нерѣдко къ особенной формѣ душевнаго разстройства, носящаго названіе «бредъ отъ истощенія».

Истощеніе долгое время переносится безъ всякихъ психическихъ симптомовъ; но затѣмъ, когда оно достигаетъ крайней степени, начинается извращеніе сознанія. Ассоціація идей лишается контроля, задерживающее вліяніе сознанія ослабѣваетъ, появляются многочисленные галлюцинаціи слуха и зрѣнія, которыя вторгаются въ сознаніе и обуславливаютъ множество нелѣпныхъ идей, большею частью съ оттѣнкомъ преслѣдованія, иногда величія. Впрочемъ, эти идеи не укрѣпляются въ сознаніи, а мѣняются такъ же быстро, какъ галлюцинаціи. Если питаніе возобновляется и больной избѣгаетъ смерти, то обыкновенно уже черезъ нѣсколько дней онъ начинаетъ сознавать свои галлюцинаціи, какъ таковыя, и бредъ безслѣдно исчезаетъ. Иногда, впрочемъ, нелѣпыя идеи и галлюцинаціи, возникшія въ періодъ истощенія, подаютъ поводъ къ развитію продолжительнаго помѣшательства *). Очевидно, что тѣ патологическія измѣненія, которыя, какъ мы видѣли выше, совершаются въ нервной ткани во время голоданія, не проходятъ безслѣдно и для функций нервной системы. Весьма возможно также, что многіе изъ тѣхъ нелѣпныхъ и жестокихъ дѣйствій, многія изъ тѣхъ преступленій, которыя совершаются во время голодовокъ, должны быть приписываемы временному помраченію ума, охватившему истощенныхъ недостаткомъ пищи людей.

Посмотримъ теперь, какіе суррогаты ржаного хлѣба употребляются населеніемъ пострадавшимъ отъ неурожая губерній въ настоящее время. Обращики большинства этихъ суррогатовъ, а равно и приготовленныхъ изъ нихъ хлѣбовъ, находятся въ моихъ рукахъ и подвергнуты изслѣдованію въ завѣдуемомъ мною гигиеническомъ институтѣ Московскаго университета. Я не буду долго останавливаться на хлѣбахъ, приготовляемыхъ изъ ржаной муки съ примѣсью ржанныхъ или пшеничныхъ отрубей, кукурузной муки, пшена или проса, картофеля, свекловичнаго жома, пивной барды, гороховой муки и т. п. веществъ. Всѣ эти продукты (за исключеніемъ развѣ барды и свекловичныхъ выжимокъ) въ той или иной формѣ употребляются человѣкомъ въ пищу и въ обыкновенное время; они не заключаютъ въ себѣ никакихъ вредныхъ для потребителей составныхъ частей и могутъ быть названы «суррогатами высшего порядка». Весьма естественно, что при неурожаѣ ржи и при отсутствіи запасовъ ея, крайней мѣрѣ, временно, до подвоза достаточнаго количества ржаной муки, всѣ вышеупомянутыя вещества, въ большей или меньшей пропорціи, примѣшиваются къ ржаной муцѣ для печенія хлѣба, причемъ выборъ того или другаго изъ нихъ будетъ зависѣть, главнымъ образомъ, отъ мѣстныхъ условій, т. е. отъ того, что именно въ данной мѣстности можно достать, въ соответствующемъ количествѣ, по сходной цѣнѣ. Прибавленіе всѣхъ этихъ веществъ къ ржаной муцѣ можетъ болѣе или менѣе измѣнять нормальныя качества ржаного хлѣба, можетъ сдѣлать его болѣе влажнымъ (пшено, дающее большой припекъ), можетъ ускорить въ немъ процессъ

*) *Розенбахъ*: „О вліяніи голоданія на нервныя центры“. 1883 г., стр. 84 и слѣд.

зачерствѣнія, можетъ превратить его до извѣстной степени въ лепешку (кукуруза), можетъ лишить его свойственнаго хорошему ржаному хлѣбу аромата, можетъ болѣе или менѣе уменьшить его удобоваримость и усвояемость (просо, отруби, свекловичныя выжимки), можетъ, однимъ словомъ, понизить его достоинства въ качествѣ пищевого и вкусового вещества; но оно не сдѣлаетъ его неприятнымъ или отвратительнымъ на вкусъ, оно не придастъ ему вредныхъ для здоровья потребителей свойствъ; отъ хлѣба съ такими примѣсями населеніе не будетъ болѣть и умирать. Поэтому всѣ упомянутыя примѣси, замѣняющія въ хлѣбѣ часть ржаной муки, представляютъ больше интереса съ экономической, нежели съ санитарной точки зрѣнія. Гигиенистъ можетъ приблизительно одинаково мириться съ примѣсью, во время неурожая, къ ржаной мукъ кукурузы, гороха, картофеля, пшена, ржаныхъ или пшеничныхъ отрубей и т. д., и рѣшающій голосъ, при выборѣ того или другаго матеріала, въ каждомъ данномъ случаѣ долженъ принадлежать, главнымъ образомъ, экономическимъ соображеніямъ.

Но въ настоящее время въ разныхъ мѣстахъ употребляется, въ качествѣ суррогатовъ ржаной муки, много другихъ веществъ, къ которымъ мы, съ санитарной точки зрѣнія, должны относиться гораздо строже, отчасти потому, что они, вкусный самъ по себѣ, ржаной хлѣбъ превращаютъ въ отвратительную, внушающую ужасъ массу, отчасти же потому, что они придають ему прямо вредныя для здоровья потребителей свойства. Приведу здѣсь тѣ изъ нихъ, относительно которыхъ располагаю положительными данными; но прежде скажу нѣсколько словъ *объ основахъ санитарной оцѣнки подобныхъ суррогатовъ*, которые мы можемъ назвать «суррогатами низшаго порядка». Большею частью эта оцѣнка основывается на *химическомъ* изслѣдованіи того или другаго вещества: химикъ, при анализѣ его, находитъ въ немъ извѣстное количество бѣлковъ, жира, крахмала, клетчатки, и, на основаніи этихъ данныхъ, выводитъ заключеніе о степени питательности даннаго вещества, давая этимъ право предпринимчивымъ людямъ рекомендовать его для питанія населенія. Такимъ образомъ, на основаніи химическаго состава, рекомендуются различные жмыхи, солома, мохъ и т. д. Я считаю своимъ долгомъ заявить, *что оцѣнка суррогатовъ хлѣба, основанная на результатахъ одного химическаго анализа, есть капитальная и роковая ошибка*, потому что здѣсь не принимается во вниманіе та *форма*, въ которой отдѣльныя питательныя начала (бѣлки, жиры, крахмалъ, сахаристыя вещества и клетчатка) находятся въ томъ или другомъ суррогатѣ. Между тѣмъ, физиологамъ и гигиенистамъ хорошо извѣстно, что эта форма имѣетъ рѣшающее значеніе для усвояемости пищевыхъ веществъ и ихъ суррогатовъ; ею именно опредѣляется то количество питательныхъ началъ, которое человѣческій организмъ въ состояніи извлекать изъ того или другаго вещества, а равно и тотъ процентъ ихъ, который, безъ всякой пользы для организма, проходитъ черезъ пищеварительный каналъ и выбрасывается изъ него, какъ ненужная вещь. Добавлю, что, при содержаніи въ пищѣ большаго количества такого балла-

ста, послѣдній, въ болѣе или менѣе значительной степени, уменьшаетъ и усвояемость тѣхъ питательныхъ началъ, которыя при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ легко и въ большомъ количествѣ извлекаются изъ пищи организмомъ. Чѣмъ больше, наприм., въ хлѣбѣ мало доступной пищеварительнымъ сокамъ чловѣка клѣтчатки, тѣмъ меньшій процентъ содержащихся въ немъ бѣлковыхъ веществъ усваивается организмомъ; а потому нерѣдко большое количество питательныхъ веществъ въ какомъ-нибудь суррогатѣ хлѣба, само по себѣ, вовсе не говоритъ еще за полезность его для питанія чловѣка, и раньше, чѣмъ рекомендовать его для этой цѣли, необходимо предварительно ознакомиться съ остальными свойствами его, а прежде всего выяснить степень его усвояемости чловѣкомъ. Къ сожалѣнію, подобныя изслѣдованія довольно затруднительны; не только потому, что они требуютъ большаго навыка въ лабораторныхъ работахъ, но и потому, что необходимо располагать для нихъ такими людьми, въ качествѣ экспериментируемыхъ субъектовъ, которые согласились бы въ теченіе нѣсколькихъ дней подрядъ питаться исключительно тѣмъ веществомъ, усвояемость котораго желаютъ опредѣлить; а найти добровольцевъ, которые согласились бы ѣсть нѣсколько дней одинъ лебединной хлѣбъ или хлѣбъ съ подсолнечными жмыхами, или съ соломой, не легко. Я очень счастливъ, что благопріятныя обстоятельства позволили мнѣ организовать, на ряду съ химическими анализами голоднаго хлѣба, и опыты надъ усвояемостью различныхъ видовъ его: уже въ теченіе трехъ мѣсяцевъ подобные опыты производятся въ гигиеническомъ институтѣ университета однимъ изъ нашихъ военныхъ врачей, докторомъ Н. П. Поповымъ, наблюденія котораго будутъ весьма цѣнны уже потому, что подобныхъ изслѣдованій въ нашей специальной литературѣ еще не имѣется.

Переходя теперь къ тѣмъ суррогатамъ хлѣба (т.-е. суррогатамъ «низшаго» порядка), которые въ настоящее время употребляются у насъ въ неурожайныхъ губерніяхъ или рекомендуются съ различныхъ сторонъ, мнѣ приходится, прежде всего, обратить ваше вниманіе на различные виды *лебеды*, зеленой и бѣлой (*Chenopodium viride et album*, *Atriplex patulum*), представляющей у насъ въ Россіи наиболѣе частый суррогатъ хлѣбныхъ растений,—настолько частый, что, по крайней мѣрѣ, въ центральныхъ губерніяхъ, рѣдко приходится видѣть голодный хлѣбъ безъ лебеды. Лебеда имѣетъ весьма маленькія сѣмена, съ черною, блестящею оболочкой и съ совершенно бѣлымъ ядромъ. Зерно настолько мало, что ободрать черную и крѣпкую оболочку его очень трудно, и при употребленіи лебеды для хлѣбопеченія оболочка эта никогда не удаляется крестьянами. Она придаетъ лебединому хлѣбу тотъ отталкивающий чернѣйшій цвѣтъ, который заставляетъ насъ содрогаться при одной мысли, что люди, и, притомъ, не только взрослые и здоровые, но и дѣти, и старики, и больные, должны питаться такимъ хлѣбомъ. Въ черной же сѣменной оболочкѣ, по всей вѣроятности, содержится и то горькое начало, которое лебединому хлѣбу придаетъ свойственный ему отвратительный вкусъ, настолько отвратительный, что для

непривычнаго челоуѣка требуется нѣкоторая рѣшимость разжевать и проглотить этотъ хлѣбъ. Наконецъ, эти жесткія сѣменные оболочки, проходя черезъ кишечный каналъ, несомнѣнно раздражаютъ слизистую оболочку и легко могутъ вызвать болѣе или менѣе серьезное расстройство ея. При этихъ условіяхъ неудивительно, что результатъ физиологическаго опыта надъ усвояемостью лебедянаго хлѣба находится въ весьма рѣзкомъ противорѣчій съ тѣмъ значеніемъ, которое можно было бы придавать лебедѣ на основаніи химическаго состава ея сѣмянъ. Сѣмя лебеды весьма богато азотистыми веществами и жиромъ и содержитъ довольно много крахмала, но при употребленіи его въ пищу болѣе половины этихъ питательныхъ началъ не усваивается, а проходитъ черезъ пищеварительные пути безъ всякой пользы для организма. При питаніи лебедянымъ хлѣбомъ, полученнымъ нами отъ г-жи А. Н. Брадкѣ изъ Новосильскаго уѣзда, Тульской губерніи, и содержащимъ 75% лебеды и 25% ржи съ полевою гречишкой, челоуѣкъ ежедневно теряетъ значительныя количества бѣлковыхъ веществъ съ своего тѣла, равновѣсіе въ приходѣ и расходѣ питательнаго матеріала совершенно нарушается и организмъ находится въ состояніи хроническаго голоданія. Но у потребителей лебедянаго хлѣба, даже при кратковременномъ питаніи имъ, наблюдаются, кромѣ того, такія явленія, которыя не могутъ быть приписываемы лишь недостаточному подвозу пищевого матеріала, а наводятъ на мысль о содержаніи въ лебедѣ какого-то вреднаго, ядовитаго начала. Сюда относятся: замѣтное угнетеніе нервной системы, несоразмѣрный упадокъ силъ, по временамъ головокруженіе, паденіе температуры тѣла и уменьшеніе числа сердцебиеній. Въ подтвержденіе мысли о содержаніи въ лебедѣ вреднаго вещества могу привести еще тотъ фактъ, что изъ 6 бѣлыхъ крысъ, привившихъ къ черному хлѣбу, которымъ въ нашей лабораторіи предлагался лебедяной хлѣбъ, 5 штукъ издохло въ первые же дни кормленія этимъ хлѣбомъ, причеиъ у всѣхъ ихъ, при вскрытіи, были найдены явные признаки остраго гастро-энтерита.

Вотъ каковъ наиболѣе распространенный у насъ суррогатъ ржанаго хлѣба!

Вмѣстѣ съ лебедой, а иногда и безъ примѣси ея, крестьяне голодающихъ мѣстностей употребляютъ для хлѣбопеченія такъ называемую *полевою гречишку* (*Polygonum convolvulus*), растущую во ржи въ качествѣ сорной травы, принадлежащую къ тому же семейству, къ которому принадлежитъ и настоящая гречиха, и напоминающую послѣднюю трехгранною формою своего сѣмени. И здѣсь черная сѣменная оболочка далеко не всегда удаляется при молотбѣ, а потому хлѣбъ съ примѣсью полевой гречишки также получается черный, весьма неприглядный. Наичаще полевая гречишка, какъ суррогатъ хлѣбныхъ зеренъ, встрѣчается въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи и въ Западной Сибири, гдѣ она известна подъ именемъ «березки». Изъ Курганскаго округа, Тобольской губерніи, мы получили хлѣбъ, испеченный изъ чистой березки, изъ березки со ржаномъ мукой, или изъ березки съ мякиной различныхъ хлѣбныхъ зеренъ (этотъ

хлѣбъ въ значительной степени напоминаетъ высушенный лошадиный пометъ), изъ березки, рыжика (*Samolina sativa*), куколя и ржаной муки. Оттуда же намъ былъ присланъ хлѣбъ съ примѣсью различныхъ сорныхъ травъ и листьевъ, наприм., высушенныхъ и размолотыхъ стебельковъ и листьевъ той же березки, травы хорьковника, елки, колосняки и лѣпухи; между присланными образцами находится и хлѣбъ изъ листьевъ васильковъ. Замѣчательный хлѣбъ готовится въ той же Тобольской губерніи изъ *сердцевины корня камыша*. Этотъ хлѣбъ представляется совершенно волокнистымъ, имѣетъ видъ войлока и, навѣрное можно сказать, содержитъ въ себѣ самыя ничтожныя количества питательнаго матеріала, притомъ, въ весьма мало удобоваримой формѣ. Отъ лебедянаго хлѣба онъ существенно отличается тѣмъ, что не имѣетъ непріятнаго горькаго вкуса, а скорѣе нѣсколько сладковатъ.

Изъ Саратова мы получили хлѣбъ, для испеченія котораго, въ качествѣ суррогата, употребляется *подсолнечный жмыхъ*, т.-е. остатки выжатыхъ подъ гидравлическимъ прессомъ и не очищенныхъ отъ своей жесткой оболочки сѣмянъ подсолнечника. Содержаніе жмыховъ въ присланныхъ образцахъ хлѣба было 50% и 90%, остальное—ржаная мука. При этихъ условіяхъ хлѣбъ, не имѣя почти никакого связующаго элемента, въ рукахъ легко рассыпается; во рту онъ быстро расплывается, оставляя чувство пустоты; на языкѣ остается твердая клѣтчатка и песокъ, и такъ какъ, кромѣ того, хлѣбъ сильно отзывается прогорѣлымъ подсолнечнымъ масломъ, то является непреодолимое желаніе не проглотить, а выплюнуть взятый въ ротъ кусокъ его. Рекомендация этого хлѣба основывается на химическомъ составѣ жмыховъ, дѣйствительно весьма богатыхъ бѣлковыми веществами и жиромъ. Могу даже сказать, на основаніи произведеннаго докторомъ Поповымъ физиологическаго опыта, что жмыховый хлѣбъ сравнительно недурно усваивается. Но, тѣмъ не менѣе, этотъ хлѣбъ заслуживаетъ полнаго порицанія. Бѣда въ томъ, что въ жмыхѣ питательныя вещества находятся въ такой формѣ (прогорѣлое масло) и въ соединеніи съ такимъ огромнымъ количествомъ твердой клѣтчатки, что жмыховый хлѣбъ, съ одной стороны, въ первые же дни употребленія его внушаетъ къ себѣ непреодолимое отвращеніе, а съ другой—вызываетъ явленія, указывающія на раздраженіе желудка (изжога, стѣсненіе подъ ложечкой). При обоихъ опытахъ, произведенныхъ нами надъ этимъ хлѣбомъ, питавшіеся имъ субъекты, въ теченіе нѣсколькихъ дней, уменьшились въ вѣсѣ на 5 фунтовъ каждый.

Обращаясь еще къ такъ называемому *соломенному* хлѣбу, рекомендация котораго происходитъ изъ Пермь, причеиъ, опять-таки на основаніи химическаго состава ржаной соломы, указывается на то, что въ ней содержится будто бы большой процентъ веществъ той же категоріи, что и въ хлѣбныхъ зернахъ, т.-е. усвояемыхъ какъ азотистыхъ соединеній, такъ и углеводовъ. Увлеченіе соломой, какъ суррогатомъ ржаной муки, доходитъ у иныхъ даже до того, что въ ихъ глазахъ измельченная въ муку солома можетъ замѣнить зерно, при приготовленіи хлѣба, на половину; увѣряютъ,

что примѣсь соломы, «не ухудшая ни вкуса, ни запаха хлѣба, должна быть поставлена въ ряду наиболѣе подходящихъ къ хлѣбу суррогатовъ», и что хлѣбъ, приготовленный съ примѣсью $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{2}$ соломы, очень хорошъ и видомъ не отличается отъ обыкновеннаго крестьянскаго хлѣба средняго достоинства *). Увлекаясь соломой, эти люди забываютъ только одно маленькое, но очень существенное обстоятельство, именно, что сказка объ усвояемости соломы никакъ не можетъ быть примѣнена къ человѣку и его пищеварительнымъ органамъ, а всецѣло относится къ скотинѣ. Намъ былъ доставленъ изъ Перми хлѣбъ, состоящій на половину изъ мелко-истолченной соломы и на половину изъ ржаной муки. Опытъ надъ усвояемостью этого хлѣба еще не оконченъ, но уже теперь я могу сказать безъ всякихъ колебаній, что соломенный хлѣбъ для питанія человѣка абсолютно не годится и что солома представляетъ одинъ изъ самыхъ вредныхъ суррогатовъ хлѣба, вслѣдствіе того чрезвычайнаго раздраженія, которое мелкія, жесткія частицы ея производятъ на слизистой оболочкѣ пищеварительныхъ путей человѣка.

Не могу оставить этой части лекціи, не подѣлившись съ вами результатомъ изслѣдованій нѣкоторыхъ пробъ *муки* изъ пострадавшихъ отъ неурожая губерній. Такъ, наприм., намъ была доставлена мука изъ Измаковского (Елецкаго уѣзда) земскаго склада. Эта мука, кромѣ огромнаго количества отрубей (37,5%) и черезъ-чуръ большаго процента песку, содержала цѣльныя, не перемолотыя сѣмена ржи, мякину, древесныя опилки и сѣмена различныхъ сорныхъ травъ (костерь, плевель, куколь) въ значительномъ количествѣ. При оцѣнкѣ этой муки съ санитарной точки зрѣнія, не слѣдуетъ забывать, что какъ куколь, такъ и плевель содержатъ ядовитыя начала, и что поѣтому присутствіе ихъ въ мукѣ, которою снабжается голодающее населеніе, не можетъ быть терпимо.

Другой образецъ ржаной муки, на который я хотѣлъ указать, это—мука, взятая изъ нѣсколькихъ лавокъ въ Шадринскѣ и присланная пермскою губернской земскою управой въ гигиеническій институтъ нашего университета. Эта мука—грязновато-сѣраго цвѣта и оказалась фальсифицированной, главнымъ образомъ, березкой, которая, очевидно, примѣшана въ ней въ большомъ количествѣ. Кромѣ сѣменныхъ оболочекъ березки, мука содержитъ ржаныя и просяныя отруби, сѣмена куколя и другихъ сорныхъ травъ.

Раньше я утверждалъ, что примѣсь къ ржаной мукѣ извѣстнаго количества отрубей, кукурузной муки, гороха, картофеля, пшена и т. п. пищевыхъ веществъ съ санитарной точки зрѣнія болѣе или менѣе безразлична, такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ питаніе можетъ совершаться довольно правильно, а что центръ тяжести въ этомъ дѣлѣ сосредоточивается на хлѣбныхъ суррогатахъ «низшаго» порядка, т.-е. на тѣхъ, обыкновенно не употребляемыхъ въ пищу веществахъ, которыми въ голодное время закупаютъ ржаную муку.

*) *Пермскія Губернскія Видомости* 1891, № 80.

Теперь, я надѣюсь, мнѣ удалось доказать вамъ, что *дѣйствительно* *примѣсь къ ржаной мукѣ лебеды, полевой гречишки и другихъ сорныхъ травъ, различныхъ жмыговъ, соломы и т. п. неудобоваримыхъ для человека или вредныхъ для него веществъ составляетъ зло, къ устраненію котораго необходимо стремиться всѣми силами.* Человѣкъ, главная или почти единственная пища котораго состоитъ изъ подобнаго хлѣба, питается лишь для видимости. Воображая, что онъ питается дѣйствительно, мы сами обманываемъ себя: такой человѣкъ, въ сущности—голодающій, который пріемомъ неподходящей пищи систематически разстраиваетъ свое здоровье и который, если ему не удастся замѣнить своевременно эти суррогаты настоящею пищею, долженъ умереть либо отъ голоднаго истощенія, либо отъ гастро-энтерита, дизентеріи или сыпнаго тифа. Слѣдовательно, въ неурожайные годы не о томъ надо думать, какими бы суррогатами лучше всего замѣнить обыкновенный хлѣбъ, а нужно изгнать изъ употребленія всѣ эти суррогаты, нужно избавить населеніе отъ необходимости пользоваться ими... *въ современномъ государствѣ употребленіе хлѣбныхъ суррогатовъ, въ вышеуказанномъ смыслѣ, нетерпимо.*

Но что же нужно дѣлать для достиженія этой цѣли, какъ *слѣдуетъ организовать питаніе голодающихъ?*

Въ этомъ отношеніи я, конечно, новаго ничего не скажу; эта Америка давно открыта, и я могу только лишній разъ напомнить вамъ о томъ, что такъ часто, къ сожалѣнію, забывается.

Прежде всего, необходимо человѣка, который, по всѣмъ соображеніямъ, обреченъ на голодъ, снабдить своевременно настоящимъ хлѣбомъ. *Необходимо сблизить голодающее населеніе съ хлѣбомъ,* и такъ какъ населенію трудно идти на встрѣчу хлѣбу, то приходится организовать подвозъ хлѣба къ населенію. Это положеніе такъ просто и ясно, что, казалось бы, о немъ и говорить не стоитъ. Между тѣмъ, исторія голодовъ во всѣхъ странахъ и во всѣ времена показываетъ, что именно противъ этого простаго положенія грѣшатъ всего чаще, что оно вовсе не такъ просто и не такъ легко исполнимо, какъ это могло бы казаться на первый взглядъ, и что неисполненіе его зависитъ отъ чрезвычайно разнообразныхъ причинъ, между которыми далеко не послѣднюю роль играютъ, съ одной стороны, политическія и экономическія соображенія, а съ другой—неудовлетворительное состояніе путей сообщенія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что своевременное снабженіе голодающихъ мѣстностей хлѣбомъ, въ широкихъ размѣрахъ, можетъ быть успешно выполнено лишь при помощи государства; государство же, для исполненія своихъ предначертаній, можетъ пользоваться какъ мѣстными правительственными органами, такъ и общественными учрежденіями и частными лицами. Только въ рукахъ государства могутъ быть сосредоточены такія средства, какія требуются для надлежащаго питанія населенія, разъ голодъ охватилъ значительную территорію. Между тѣмъ, своевременная организція продовольственной части въ голодающихъ мѣстностяхъ, при помощи государ-

ства, нерѣдко встрѣчаетъ большія затрудненія. Вспомнимъ исторію ирландскихъ голодовъ въ XVII—XIX ст., когда англійское правительство, не желая стѣснять дѣятельность хлѣботорговцевъ и не имѣя въ виду виѣшиваться, безъ крайней надобности, въ отношенія между спросомъ на хлѣбъ со стороны населенія и предложеніемъ его на рынкѣ, вовсе не преслѣдовало дѣли во что бы то ни стало снабжать голодающее населеніе пищей, а принимало активное участіе въ этомъ дѣлѣ лишь въ крайности, т. е. тамъ, гдѣ не оказывалось достаточнаго предложенія ея со стороны торговцевъ. Этотъ принципъ руководилъ англійскимъ правительствомъ вплоть до 1847 года. Еще зимой 1846 года, въ началѣ большого ирландскаго голода, заботы правительства относительно снабженія населенія хлѣбомъ ограничились тѣмъ, что въ тѣ мѣстности, гдѣ не было достаточнаго количества торговцевъ этимъ предметомъ, доставлялось зерно или мука; собственно въ конкуренцію съ частными лицами правительство не вступало и даромъ хлѣба не раздавало, боясь, что облагодѣтельствуемые будутъ бросать организованныя правительствомъ общественныя работы. Вслѣдствіе этого люди умирали, имѣя передъ собой хлѣбныя склады и съ деньгами въ рукахъ, потому что имъ не отпускали хлѣба. Лишь въ январѣ 1847 года, когда начались засѣданія парламента, многіе члены послѣдняго выступили съ рѣзкою критикой проводимаго правительствомъ принципа невмѣшательства, который они признавали удобнымъ, можетъ быть, для обыкновеннаго времени, но не тогда, когда ирландскій народъ терпитъ неслыханную нужду и страшное бѣдствіе. Въ ту же сессію парламента было принято предложеніе объ организаціи мѣстныхъ комитетовъ, которые получали бы субсидію отъ правительства и частныя пожертвованія, раздавали бы пищу нуждающимся и устраивали бы кухни для приготовленія супа. Затѣмъ въ ту же сессію увѣнчалась успѣхомъ агитація въ пользу отмены закона о запрещеніи ввоза хлѣба въ Англію и Ирландію и объ открытіи ирландскихъ портовъ для привоза иностраннаго хлѣба. Вслѣдствіе этого, въ теченіе первой половины 1847 года въ Ирландію было ввезено много кукурузы изъ Америки, и благотворныя послѣдствія этой мѣры не заставили себя долго ждать. Вообще въ 1847 году направленіе помощи, оказываемой голодавшему населенію, сдѣлалось болѣе непосредственнымъ и стала практиковаться прямая раздача пищи, причѣмъ общественныя работы, противъ которыхъ дѣлалось въ то время много серьезныхъ возраженій, были постепенно брошены.

Въ исторіи *русскихъ* голодовъ, какъ красная нить, проходитъ стремленіе правительства сближать голодающее населеніе съ хлѣбомъ. Но далеко не всегда это стремленіе выражалось въ систематической, своевременной, цѣлесообразной дѣятельности, и собственно впервые подвозъ хлѣба въ голодающія мѣстности практиковался въ широкихъ размѣрахъ въ 1601—02 гг. царемъ Борисомъ Годуновымъ, который открылъ всѣ царскія житницы, обязалъ богатыхъ людей продавать запасы хлѣба бѣднымъ, и своею энергіей и распорядительностью остановилъ небывалый по своей силѣ голодъ, вы-

званшій людоедство и полумиллионную смертность въ одной только Москвѣ. Дѣятельность Бориса подтверждаетъ вышеприведенное положеніе, что подвозъ хлѣба въ голодающія мѣстности является одною изъ наиболѣе полезныхъ и радикальныхъ мѣръ въ борьбѣ съ голодомъ. Нельзя сказать, чтобы въ послѣдующія времена правительство упустило изъ вида необходимость по возможности снабжать голодающихъ хлѣбомъ, но канцелярскій и бюрократическій характеръ относящихся сюда распоряженій, регламентацій и предписаній въ значительной степени мѣшалъ ихъ успѣху, и, несмотря на указъ Екатерины II о заведеніи во всѣхъ городахъ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ, русскій народъ вступилъ въ XIX столѣтіе, не имѣя постоянной и широкой продовольственной организаціи. Всего рельефнѣе это отсутствіе систематической заботы о правильной продовольственной системѣ сказалось во время памятнаго всѣмъ намъ ужаснаго самарскаго голода 1873 года: вѣдь, въ этомъ случаѣ, когда голодала только лѣвая сторона Поволжья—Самарско-Оренбургская, а на правой сторонѣ—Саратовской—былъ прекрасный урожай, было, въ сущности, очень легко помочь Самарской губерніи обильнымъ подвозомъ хлѣба, а, между тѣмъ, этого не было сдѣлано въ надлежащихъ размѣрахъ.

Къ великому нашему утѣшенію, мы можемъ сказать, что въ настоящее время, когда болѣе или менѣе полный неурожай коснулся весьма обширнаго района, дѣлается очень много для сближенія голодающихъ съ хлѣбомъ. Правда, размѣры бѣдствія, которое поразило населеніе $\frac{1}{3}$ всѣхъ губерній Европейской Россіи, выяснились и были официально констатированы черезъ-чуръ поздно. Но когда въ сознаніе общества проникла увѣренность, что мы дѣйствительно находимся передъ страшнымъ призракомъ голода, то мы сдѣлались свидѣтелями дружныхъ усилій правительства, общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ къ скорѣйшему снабженію голодающихъ мѣстностей достаточнымъ количествомъ хлѣба.

«Скорѣе хлѣба» сдѣлалось лозунгомъ для всѣхъ слоевъ русскаго общества; «скорѣе хлѣба» было положено въ основаніе цѣлаго ряда крупныхъ государственныхъ и общественныхъ мѣропріятій. Вполнѣ справедливо рѣчь уже не идетъ теперь о томъ, какіе суррогаты хлѣба (въ выше опредѣленномъ мной смыслѣ) болѣе всего могутъ быть рекомендуемы; общественное сознаніе, идя вполнѣ въ унисонъ съ наукой, очевидно, уже сдѣлало надъ ними свой суровый приговоръ; нѣтъ, всѣ силы направлены къ тому, чтобы скорѣе замѣнить эти нигуда негодные и нетерпимые въ цивилизованной странѣ суррогаты настоящимъ хлѣбомъ.

Слѣдовательно, мы были правы, когда на первомъ планѣ выставили положеніе о необходимости, въ интересахъ правильнаго питанія голодающихъ, снабжать ихъ хлѣбомъ. Но это лишь одна часть, хотя и самая главная, той помощи, которая должна быть оказываема голодающимъ для поддержанія ихъ питанія, и второе положеніе, о которомъ я рѣшилъ напомнить вамъ сегодня, гласитъ: *необходимо снабжать голодающихъ теплою пищей*, а для этого слѣдуетъ устранивать по возможности больше без-

платныхъ столовыхъ, — столовыя въ каждомъ селѣ, столовыя въ каждой деревнѣ, столовыя при каждой народной школѣ.

Я не считаю нужнымъ приводить здѣсь всѣ тѣ доводы въ пользу устройства столовыхъ въ широкихъ размѣрахъ, которые такъ прекрасно и убѣдительно изложены въ нѣкоторыхъ статьяхъ гр. Л. Н. Толстаго. Скажу только, что всѣ тѣ мотивы, которые побуждаютъ насъ къ устройству дешевыхъ или бесплатныхъ столовыхъ для бѣднаго населенія въ *обыкновенное* время, сугубо требуютъ организаціи этого способа продовольствованія нуждающихся *во время голода*. Съ санитарной точки зрѣнія хорошо устроенная столовая, дающая 2 раза въ день достаточную горячую пищу всѣмъ, которые въ ней нуждаются, — главнымъ образомъ, конечно, женщинамъ, дѣтямъ всѣхъ возрастовъ, старикамъ, больнымъ, — представляетъ просто идеаль питанія голодающихъ. Теплая пища сама по себѣ, какъ бы скудна она ни была, оказываетъ неоцѣненные услуги страдающимъ отъ голода и холода; но если она, къ тому же, отвѣчаетъ вкусу народа, если она болѣе или менѣе разнообразна, не черезъ-чуръ бѣдна жиромъ и дается въ надлежащемъ количествѣ, то она вызываетъ такое чувство сытости и довольства, котораго никогда не можетъ дать сухой хлѣбъ, какъ бы вкусенъ онъ ни былъ. Кто знакомъ съ благотѣльнымъ вліяніемъ, которое оказываетъ приварокъ въ народныхъ школахъ или среди бѣднаго городского населенія въ обыкновенное время, тотъ не удивится тѣмъ восторгамъ и той истиннѣ трогательной радости, которые сопровождаютъ открытіе каждой новой столовой въ голодающихъ мѣстностяхъ, и тѣмъ благотворнымъ послѣдствіямъ, которыми вознаграждаются усилія, направленные на это въ высшей степени полезное дѣло.

Конечно, устройство столовыхъ во время голода придумано не нами. Выше я указалъ уже на то, что въ 1847 году англійское правительство, бросивъ принципъ невмѣшательства, рѣшило дать широкую помощь голодающему населенію въ видѣ теплой пищи, вслѣдствіе чего въ Ирландіи, во многихъ мѣстахъ, устраивались кухни для приготовленія супа, и число лицъ, которымъ ежедневно раздавались бесплатныя порціи, доходило въ іюнѣ мѣсяцѣ 1847 г. до 2 милліоновъ, а въ іюлѣ и въ началѣ августа — до 3 милліоновъ, включая сюда около 755;000 дѣтей. Но если мы и не выдумали столовыхъ, то, во всякомъ случаѣ, русскому обществу, и, прежде всего, нѣкоторымъ свѣтлымъ личностямъ изъ его среды, принадлежитъ честь широкаго примѣненія этихъ полезныхъ учрежденій въ настоящее тяжелое время. Въ Ирландіи, въ 1847 году, многие люди изъ интеллигенціи и аристократіи работали среди голодающихъ. То же самое можно сказать теперь про русскую интеллигенцію. Съ рѣдкимъ единодушіемъ и безпримѣрнымъ воодушевленіемъ всѣ, по мѣрѣ силъ и возможности — деньгами, вещами и самоотверженнымъ личнымъ трудомъ — стали принимать участіе въ этомъ дѣлѣ, и въ сравнительно короткое время многія изъ голодающихъ мѣстностей покрылись цѣлою сѣтью учрежденій, отпускающихъ нуждающимся горячую пищу.

Одно изъ существенныхъ достоинствъ столовыхъ, при недостаткѣ ржи, заключается несомнѣнно въ томъ, что горячая пища позволяетъ въ значительной степени сократить расходъ ржаного хлѣба и съ огромною пользою употребить, для питанія нуждающихся, многія разнообразныя по своему составу и вкусу пищевыя вещества, которыя вовсе не годятся для хлѣбопеченія или примѣсь которыхъ въ ржаной мучѣ хотя и возможна, но не особенно желательна. Если, для поддержанія своего организма, взрослому человѣку въ сутки требуется, какъ крайній минимумъ, 80 грам. бѣлковъ, 50 грам. жира и 500 грам. крахмалистыхъ веществъ, а ребенку, въ среднемъ, половина этого количества, то при питаніи однимъ ржанымъ хлѣбомъ, для доставленія упомянутыхъ количествъ питательныхъ началъ, взрослому человѣку необходимо давать ежедневно не менѣе 3 ф. хлѣба, а ребенку $1\frac{1}{2}$ фунта. При устройствѣ же столовыхъ хлѣбная порція можетъ быть сокращена приблизительно на половину, а остальное количество питательныхъ началъ можетъ быть предлагаемо въ видѣ теплой пищи (супъ, разныя похлѣбки, кашицы и т. п.). Повторяю, *сближеніе голодающихъ съ хлѣбомъ и организація столовыхъ являются основными, самыми важными и наиболее целесообразными мѣрами для борьбы съ голодомъ, съ сопровождающими его болѣзнями, и для измѣненія изъ употребленія вредныхъ суррогатовъ.* Временныя больницы и санитарныя отряды, посылаемые въ пораженные эпидеміей части неурожайныхъ губерній, сдѣлаютъ свое дѣло, — они необходимы; но, все-таки, лучшее средство въ борьбѣ съ желудочно-кишечными катаррами, сыпнымъ тифомъ и другими, сопровождающими голодъ болѣзнями — улучшеніе питанія голодающихъ.

Не лишено значенія въ борьбѣ съ голодомъ, въ особенности въ холодное время года, *снабжение голодающихъ теплою одеждою и топливомъ.* Эти мѣры важны уже потому, что наружная теплота, достигаемая хорошою одеждою и теплою избой, несомнѣнно сберегаетъ известное количество пищи. Хорошо одѣтому и располагающему теплою квартирою человѣку, для поддержанія теплоты и жизненныхъ функций своего организма, требуется меньше внутренняго топлива, меньше пищевого матеріала, чѣмъ человѣку, одѣтому въ лохмотья и лишенному теплаго помѣщенія. Въ этомъ отношеніи очень цѣнны заботы общества о снабженіи голодающихъ теплою одеждою, и въ высшей степени важно правительственное распоряженіе о предоставленіи крестьянамъ въ пораженныхъ неурожаемъ мѣстностяхъ пользоваться дровами изъ казенныхъ лѣсовъ.

Въ заключеніе скажу, что переживаемый нами въ настоящее время періодъ въ высшей степени важенъ для *правильной оцѣнки того значенія, которое культурное развитіе страны имѣетъ для организаціи питанія голодающихъ и для правильной борьбы съ голодомъ вообще.*

Несомнѣнно, что систематическая борьба съ голодомъ, принявшимъ обширные размѣры, требуетъ очень много благопріятныхъ условий: необходимо сознаніе предстоящей опасности, твердое намѣреніе принести постра-

давшимъ рациональную помощь, способность къ цѣлесообразной и соответствующей размѣрамъ бѣдствія организаціи помощи; необходимо располагать и большими матеріальными ресурсами, и достаточнымъ количествомъ дѣйствующихъ и преданныхъ дѣлу лицъ, и удобными путями сообщенія, и богатыми перевозочными средствами. Только совокупность этихъ, и еще многихъ другихъ, факторовъ обезпечиваетъ успѣхъ. А факторы эти могутъ быть налицо только тамъ, гдѣ всѣ сферы общества проникнуты гуманнымъ отношеніемъ къ народу, гдѣ чувство гражданскаго долга въ значительной части общества пустило глубокіе корни, гдѣ сознание въ солидарности, въ общности интересовъ между различными слоями народонаселенія достигло довольно высокаго развитія и гдѣ находятся налицо и внѣшніе атрибуты культурной жизни—желѣзныя дороги, телеграфъ и пр. и пр.

Если, съ этой точки зрѣнія, мы пожелаемъ отдать себѣ безпристрастный отчетъ въ томъ, что до сихъ поръ у насъ сдѣлано для спасенія населенія неурожайныхъ губерній отъ голодной смерти, мы, съ одной стороны, не можемъ скрыть отъ себя, что въ началѣ, когда только что обнаружались первые признаки приближающагося голода, было сдѣлано не мало промаховъ и не вездѣ во-время было обращено должное вниманіе на грозныя явленія; но, съ другой стороны, мы можемъ не безъ внутренняго удовлетворенія смотрѣть на то въ высшей степени симпатичное движеніе, которое охватило всю Россію по случаю настоящаго голода. Не далеко за нами то время, когда такія дружныя, совокупныя дѣйствія правительства, общественныхъ учреждений и частныхъ лицъ, свидѣтелями которыхъ мы являемся въ настоящее время, были бы невозможны въ такомъ сложномъ дѣлѣ. Наличность ихъ обнаруживаетъ значительный подъемъ культурнаго развитія страны. Но съ особеннымъ удовольствіемъ мы отмѣчаемъ присутствіе, среди большой части русскаго общества, того фактора, который наиболѣе способенъ обезпечить успѣхъ нашихъ стараній въ борьбѣ съ голодомъ—альтруистическаго чувства любви, любви къ той темной массѣ, которая сама себѣ помочь не можетъ и которая тѣмъ болѣе требуетъ къ себѣ вниманія со стороны государства и общества, чѣмъ больше она страдаетъ отъ ударовъ судьбы. Соединившись съ разумомъ и знаніемъ, любовь эта въ настоящее тяжелое время является хорошею руководительницей нашихъ дѣйствій.

Все, что мы пережили въ теченіе нынѣшней зимы, все, что происходитъ на нашихъ глазахъ, даетъ намъ основаніе думать, что, въ отношеніи борьбы съ голодомъ, дѣйствительно мы находимся теперь на правильномъ пути, и что, если нравственная сила наша не ослабнетъ, если мы стойко и дружно пойдемъ дальше по этому пути, то мы такъ или иначе справимся съ настоящимъ голодомъ. Но что будетъ дальше? Вѣдь, мы не можемъ рассчитывать на то, что неурожаетъ въ Россіи больше не будетъ. Они обусловливаются совокупностью факторовъ, изъ которыхъ многіе, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ, не могутъ быть устранены. Голодъ же не составляетъ необходимое послѣдствіе неурожая, онъ можетъ

быть, но может и не быть. Конечно, разбор мѣропріятій для предупрежденія голода во время будущихъ неурожаевъ не входитъ въ рамки настоящей лекціи. Но, воздавъ должное тому благородному порыву, которымъ теперь охвачено все русское общество, я не считалъ бы своей задачи выполненной, если бы не указалъ здѣсь на то, что *настоящимъ* пробнымъ камнемъ нашего культурнаго развитія должно признать наше отношеніе къ *будущему*, т.-е. къ такой организаціи продовольственной части въ странѣ, при которой тѣ тяжелыя картины, которыя намъ приходится видѣть въ настоящее время, были бы невозможны. Будемъ же надѣяться, что на канунѣ XX столѣтія мы дѣйствительно навсегда простимся съ годовомъ и его печальными послѣдствіями.

Ф. Эрисманъ.

Дворянское землевладѣніе въ южной Руси.

(Историческій очеркъ).

I.

Какъ адъ, по извѣстному выраженію, вымощенъ добрыми намѣреніями, такъ онъ, конечно, можетъ быть свободно вымощенъ ошибками, вытекающими изъ неправильнаго примѣненія аналогіи. И не только практическая жизнь кипитъ заблужденіями, имѣющими этотъ источникъ, — даже наука могла бы дать матеріалъ для созданія цѣлой литературы ошибокъ, научныхъ предразсудковъ, фальшивыхъ гипотезъ, призрачныхъ системъ, коренящихся все въ томъ же. Но какъ жизнь никогда не откажется отъ сужденій и аналогіи — этого преобладающаго типа практическихъ сужденій, — такъ не откажется отъ нихъ и наука. И она будетъ права. Конечно, дѣло не въ аналогіи, а въ злоупотребленіяхъ ею, хотя, надо сознаться, нѣтъ болѣе соблазнительнаго и скользкаго логическаго приѣма, слѣдовательно, болѣе способнаго вводить въ ошибки. И, все-таки, остается во всей силѣ положеніе: опредѣлите точно сферу компетенціи, обставьте достаточными гарантіями, и вы получите изъ аналогіи логическій приѣмъ, способный дать въ своихъ примѣненіяхъ самыя плодотворныя результаты.

Но въ чемъ «краткій смыслъ сей длинной рѣчи»? А вотъ въ чемъ. Въ своихъ цѣляхъ, — а какихъ, будетъ видно дальше, — мы хотимъ именно примѣнить аналогію, предоставляя читателю быть судьей въ томъ, насколько цѣлесообразно и плодотворно будетъ это примѣненіе.

Во время пребыванія нашего на сѣверѣ, въ предѣлахъ теперешней Архангельской губерніи, бывшей Двинской земли, намъ посчастливилось достать, главнымъ образомъ, изъ рукъ крестьянства, массу актовъ, касающихся исторіи мѣстнаго землевладѣнія. Документы эти освѣтили неожиданнымъ образомъ развитіе формъ сѣвернаго землевладѣнія, бросивъ, какъ намъ кажется, въ то же время, нѣкоторый свѣтъ на извѣстныя темныя и интересныя стороны въ исторіи великорусскаго землевладѣнія вообще. Хотя работа наша была въ свое время обнародована, по мы здѣсь должны повторить нѣкоторые ея выводы: они намъ здѣсь нужны, а мы не смѣемъ

надѣяться, чтобъ они были извѣстны кому-нибудь, кромѣ немногихъ специалистовъ, добровольно или вынужденно знакомящихся со всѣмъ, что касается ихъ специальности. Вотъ эти выводы.

Основною кѣлочкой въ историческомъ развитіи сѣвернаго землевладѣнія является деревня. Въ смыслѣ населеннаго мѣста, деревня — это поселокъ изъ нѣсколькихъ скученныхъ дворовъ; въ земельномъ смыслѣ — маленькій оазисъ обработанной, пахотной и сѣнокосной, земли, притянутой къ поселку трудомъ и захватомъ человѣка среди дикихъ и пустыхъ окружающихъ земель, главнымъ образомъ, лѣсныхъ и тундровыхъ. Нѣсколько, иногда десятка полтора-два такихъ деревень, раскинутыхъ на нѣсколькихъ верстахъ, причѣмъ въ одной изъ деревень есть церковь (погостъ), называется селеніемъ. Селеніе есть единица для управленія, для удовлетворенія религиозныхъ потребностей жителей; для землевладѣнія оно ничто. Организация земельныхъ отношеній заключена въ деревнѣ. Что же это за организация? Сохранившіеся документы еще захватываютъ тотъ ранній періодъ въ развитіи деревни, когда она является цѣльною и простою, не подвергшеюся дифференцированію земельною кѣлочкой, собственностью одной большой родовой семьи, которая, усѣвшисьъ среди дикихъ земель, «теревить» «лоскуты» земли и притягиваетъ ихъ къ себѣ. Все, что она успѣетъ вытеревить изъ-подъ лѣсу или тундры, все, куда ходитъ ея плугъ, коса и соха, есть ея неотъемлемая, полная собственность. Кромѣ того, что право ея такъ ясно само по себѣ, — оспаривать его некому. Кто бы ни считался верховнымъ собственникомъ земли, Великій ли Новгородъ, или великій князь Московскій, или даже кто-нибудь промежуточный въ видѣ монастыря или боярина, всякій можетъ только радоваться, что изъ ничего создается нѣчто, вырастаетъ тягло: какой смыслъ предъявлять притязанія сверхъ тѣхъ, какія естественно вытекаютъ изъ существа крестьянина, какъ тяглового человѣка? И притязаній не предъявляется ни откуда, земледѣлецъ утверждаетъ крѣпко на томъ, что вся земля, отнятая отъ безграничной стихіи лѣса и тундры его трудовымъ захватомъ, есть его неотъемлемая и неприкосновенная собственность. Но не личная собственность, конечно: что бы одинъ могъ тутъ подѣлать своими жалкими единичными силами? Тяжелая борьба съ ея результатами въ видѣ притянутыхъ лоскутовъ пахоты и сѣнокоса ведется «родомъ-племенемъ», т. е. цѣлымъ союзомъ ближайшихъ родственниковъ, которые живутъ въ тѣсномъ семейномъ единеніи: дяди, племянники, двоюродные братья. Они могутъ жить въ одной «избѣ» (до сихъ поръ на сѣверѣ держатся громадныя избы, настоящіе дворцы сравнительно, наприм., хотя бы съ южно-русскими хатами), могутъ и расселиться по разнымъ избамъ, подстроенымъ одна къ другой, все-таки, это одно нераздѣльное «печище». До поры до времени печище ведетъ совмѣстное хозяйство, какъ это мы и до сихъ поръ наблюдаемъ кое-гдѣ въ большихъ великорусскихъ семьяхъ. Однако, приходитъ такое время, когда жить вмѣстѣ становится тѣсно, будь то тѣснота матеріальная или нравственная. Дѣло доходитъ до дѣлежа, и дѣлежа, въ кон-

цѣ-концовъ, не только «животами, конями, коровами, овцами, хлѣбомъ и деньгами», но и землей, своею родою деревней. Но дѣлежъ «животами» — одно, дѣлежъ деревней — совсѣмъ другое. Печищанинъ еще не выросъ до той точки зрѣнія, что земля есть такая же вещь, какъ деньги, кузнь, снотъ. Раздѣлъ земли есть дѣло временнаго удобства, ничуть не мѣшающее деревнѣ оставаться въ глазахъ ея совладѣльцевъ единымъ цѣлымъ. Правда, при раздѣлѣ Шумилѣ досталась полоса и въ дворовомъ полѣ, и въ поженномъ, и въ закраинѣ, и въ маломъ полцѣ, — однимъ словомъ, во всѣхъ лоскутахъ, тянущихъ въ деревнѣ, а рядомъ съ Шумилою досталось Третьяку по полосѣ опять же таки во всѣхъ лоскутахъ, а рядомъ съ Третьякомъ — Завьялу и т. д.; но и Шумила, и Третьякъ знаютъ, что имъ принадлежитъ лишь приходящаяся на ихъ долю пятая часть деревни, а вовсе не та или другая полоса. Покажись Шумилѣ, что не всѣ его полосы равной доброты съ полосами другихъ совладѣльцевъ, и ему не откажутъ въ «передѣлѣ и уравнианіи». Однимъ словомъ, каждый изъ родовыхъ совладѣльцевъ деревни есть представитель не извѣстнаго земельного куска, а извѣстной идеальной доли деревни, которая не теряетъ, такимъ образомъ, отъ дѣлежа своей цѣлостности. О возможности продажи или другаго вида отчужденія помимо совладѣльцевъ еще пока не можетъ быть и рѣчи.

Но жизнь съ предъявляемыми ею къ печищанамъ требованіями все усложняется, родовыя связи съ теченіемъ времени слабѣютъ, стираются и соответствующія понятія. Представляются случаи къ тому, чтобъ и не члены рода, а посторонніе, путемъ ли женитьбы или какой-нибудь юридической сдѣлки, вступали въ права деревенскихъ совладѣльцевъ, и въ правовыхъ представленіяхъ печищанъ уже нѣтъ въ этому препятствій; да и между ними уже ослабѣла память о родовой связи, поддерживаемая развѣ еще общимъ патримоніальнымъ прозвищемъ. Деревня вступаетъ въ новый фазисъ существованія: изъ родовой деревни она превращается постепенно въ деревню «сосѣдей-складниковъ». Но представленіе о земельной цѣлостности деревни еще совершенно живо и переносится въ этотъ новый фазисъ. Каждый изъ деревенскихъ совладѣльцевъ, хотя и не связанныхъ между собою родствомъ, все-таки, является собственникомъ не такого или иного куска деревни, а лишь идеальной доли въ общемъ деревенскомъ земельномъ цѣломъ, той доли, какая ему досталась по наслѣдству ли, сдѣлкѣ или другому какому юридическому акту. Онъ по-старому сохраняетъ право требовать передѣла деревни, — передѣла, который возстановилъ бы его въ его правахъ на идеальную долю, буде ему кажется, что права эти нарушены. О земельномъ равенствѣ между складниками тутъ не можетъ быть и рѣчи. Каждую долю можно произвольно дробить до предѣловъ практической возможности, но, все-таки, это доля деревни, а не опредѣленный ея кусокъ. Изъ четырехъ складниковъ, составляющихъ деревню, одинъ можетъ сидѣть на $\frac{1}{2}$ деревни, другой на $\frac{1}{3}$, два остальныхъ на $\frac{1}{12}$ каждый. Первый изъ складниковъ можетъ раздѣлять свою половину между

нѣсколькими сыновьями, другой—отдать четверть своей доли въ приданое за дочерью, третій—завѣщать половину своей $\frac{1}{12}$ въ монастырь на поминъ души и т. д., и т. д. Понятно, какія прихотливыя и сложныя комбинаціи могли вытекать изъ такого порядка вещей. Это та вторая фаза въ организаціи земельного владѣнія, о которой говорятъ новгородская и псковская судныя грамоты, называя одинаково деревенскихъ совладѣльцевъ—складниковъ—сябрами. Характерныя черты этой формы до сихъ поръ сохранились на сѣверѣ въ Архангельской губ. въ организаціи владѣнія и пользования соляными варницами.

Наступилъ третій, критическій фазисъ. Деревня трепщитъ подъ бременемъ собственной сложности, вытекающей изъ умноженія населенія и практическихъ неудобствъ, обусловливаемыхъ ея традиціонною организаціей. Архаическія родовыя понятія, породившія идею неприкосновенной цѣлостности деревни, изглаживаются окончательно. Въ то же время, ничто не защищаетъ деревню отъ разложенія—ни законъ, ни власти; никому нѣтъ дѣла до ея внутренней организаціи, пока она является исправною тягловою единицей,—ничто не защищаетъ, кромѣ распатывающегося обычая. Конецъ деревни близокъ. Что же ее ждетъ впереди?

Двѣ возможности раскрываются передъ разлагающеюся деревней. Одна изъ нихъ уже, можно сказать, и не возможность, а осуществляющійся фактъ: это—распаденіе деревни на произвольные куски, находящіеся въ свободномъ движеніи, наступленіе порядка подворнаго владѣнія въ его болѣе или менѣе чистомъ видѣ. Другая возможность требуетъ предварительнаго осуществленія одного важнаго и труднаго условія. Эта другая возможность—общинный порядокъ землевладѣнія; предварительное условіе, котораго она требуетъ,—отобраніе у деревенскихъ совладѣльцевъ ихъ вѣковыхъ и, конечно, высоко цѣнимыхъ ими правъ полной, хотя и условно понимаемой собственности на деревенскую землю. Только одно это условіе и нужно: все остальное—идея органической цѣлостности деревни, представленіе своихъ правъ на нее лишь какъ правъ на идеальныя доли, а не реальныя куски деревенскаго цѣлаго, право передѣла,—все въ деревенской организаціи совершенно соответствуетъ общинному строю, дѣлаетъ переходъ отъ деревни къ общинѣ легкимъ и естественнымъ. Но когда можетъ имѣть мѣсто вышеупомянутое условіе, безъ котораго водвореніе общины на мѣсто деревни немислимо? Оно можетъ имѣть мѣсто, какъ и имѣло на самомъ дѣлѣ, когда верховный собственникъ земли государство, непосредственно ли, какъ это имѣло мѣсто на сѣверѣ, или посредствомъ помѣщичьей власти, какъ въ Средней Россіи, предъявить свои права на землю и, такъ сказать, конфискуетъ въ свою пользу исторически-сложившіяся и фактически признаваемыя имъ до тѣхъ поръ права крестьянства. Во имя своихъ верховныхъ правъ и практическихъ потребностей, государство предъявило сѣверной деревнѣ требованіе о земельномъ уравненіи, и деревенская организація перешла въ общинную,—перешла, надо сказать, не безъ серьезныхъ трудностей и замѣшательствъ, такъ какъ вмѣшательство го-

сударства явилось нѣсколько поздно, когда процессъ разложенія зашелъ уже далеко. Такъ было въ Архангельской губ., по несомнѣнному свидѣтельству многихъ сотенъ документовъ, сохранившихъ детальныя черты всего этого историческаго процесса. Но не могло ли бы все это сложиться иначе? Не могла ли бы деревня сама собой перейти въ общину? Гипотетически тутъ нѣтъ ничего невозможнаго: разъ деревенскіе сосѣди-складники сознали, что имъ, хотя бы въ виду тягловаго уравненія, нельзя удержаться на старомъ положеніи собственниковъ своихъ долей, нельзя обойтись безъ земельного равенства, переходъ деревни въ общину совершился бы какъ нельзя болѣе просто. Но мы не встрѣчались съ документальными свидѣтельствами о такихъ фактахъ *).

II.

Попросимъ теперь читателя мысленно передвинуться съ сѣвера на югъ, на исконную территорію южно-русскаго племени. Время, къ которому мы пока приурочиваемъ, главнымъ образомъ, наше изложеніе, XVI в., тотъ вѣкъ, когда сѣверно-русская деревня, частью въ своемъ патриархальномъ видѣ, частью въ видѣ уже деревни сосѣдей-складниковъ, стоитъ еще твердо, не обнаруживая никакихъ признаковъ грядущаго разложенія. Территорія, съ которой мы будемъ имѣть дѣло, не степь, еще пока лежащая пустою, «дикія поля», которыя едва только начинаетъ затрогивать новая поднимающаяся колонизаціонная волна, сдерживаемая въ своемъ стремленіи крымскимъ страхомъ: южно-руссы предпочитаютъ ютиться въ болѣе сѣверныхъ, залѣсенныхъ, относительно безопасныхъ мѣстностяхъ края.

Передъ нами Полѣсье, Пинскій повѣтъ, мѣстность, напоминающая крайній сѣверъ по естественнымъ условіямъ своего положенія: та же неблагоприятная почва, та же могучая стихія лѣса, съ которой населеніе должно вести борьбу за каждый кусокъ земельного простора. Населеніе этихъ мѣстъ исконное, русское, не тронутое и не сдвинутое съ своихъ насѣженныхъ мѣстъ ни татарскимъ погромомъ, ни напоромъ польской колонизаціи. Вотъ инвентарь Полонскаго имѣнія, относящійся къ 1598 г. **). Передъ нами населенное мѣсто, которое инвентарь называетъ селомъ: «село Угриниче» (Полѣсской волости, Пинскаго повѣта). Но это поселеніе, очевидно, имѣющее мало общаго съ тѣмъ, что мы теперь знаемъ подъ именемъ села. Село Угриниче, по инвентарю, есть совокупность «семи дворищъ». Является вопросъ: что же такое дворище? Инвентарь свидѣтельствуетъ, что дворище есть совокупность извѣстнаго небольшого числа дымовъ. Каждый дымъ соотвѣтствуетъ человѣку, какому-нибудь Ивашку Начевичу съ 4 сыновьями, или Мацку Величовичу съ сыномъ или просто Өомѣ Сеньковичу,

*) *Изслѣдованія народной жизни*. Москва, 1844 г., ст.: *Крестыянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ*, стр. 185—382.

***) *Памятники, изданные временною кievскою комиссіей для разбора древнихъ актовъ*, т. III, отд. 2.

при которомъ не упоминается никого. Семь дворищъ села Угринича носить слѣдующія названія: дворище Бопиловичъ, двор. Рокитичъ, двор. Тхоржевичъ, затѣмъ Гитковичъ, Миновичъ, Горбачевичъ и Давидовичъ. Меньшее число дымовъ въ дворищѣ пять, большее—одиннадцать; такимъ образомъ, на семь дворищъ село Угриниче заключаетъ въ себѣ 58 дымовъ. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ такимъ видомъ заселенія, который трудно понять, стоя на современной точкѣ зрѣнія. Но всякій, кто заглядывалъ въ сѣверно-русскія писцовыя и переписныя книги той же эпохи, или хотя выникъ въ то, что мы говорили выше о характерѣ населенныхъ мѣстъ Двинской земли, легко замѣтитъ, что тутъ идетъ дѣло о совершенно тождественномъ явленіи, носящемъ лишь нѣсколько иныя названія. Сѣверно-русское село есть совокупность нѣсколькихъ отдѣльныхъ деревень, южно-русское—нѣсколькихъ дворищъ. Сѣверно-русская деревня—совокупность небольшого числа дворовъ, хозяйствъ или «людей» («а въ деревнѣ такой-то дворовъ столько-то, а людей въ нихъ тожъ»—выраженіе, постоянно встрѣчающееся въ писцовыхъ книгахъ); южно-русская—небольшаго числа дымовъ, т. е. тоже «людей». Что южно-русское дворище соответствовало южно-русской деревнѣ, на это указывалъ еще Лешковъ *) въ своемъ извѣстномъ сочиненіи *Русскій народъ и государство*. Но можно ли изъ этой аналогіи, пока еще аналогіи чисто-внѣшняго характера, дѣлать какія-либо заключенія къ тождеству внутренней организациі той и другой формы? Займемся этимъ ниже; здѣсь же сдѣлаемъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній, необходимыхъ въ виду того, что, вѣроятно, для всѣхъ, кто не занимался специально вопросами южно-русской бытовой исторіи, ново не только понятіе дворища, но, можетъ быть, даже и самоё слово.

Со всякимъ малоизвѣстнымъ, а, слѣдовательно, и чуждо звучащимъ терминомъ человѣкъ склоненъ связывать лишь узкое и частное значеніе. Не легко освоиться съ мыслью, что дворище для территоріи южно-русскаго племени нѣкогда было такою же типичною формою господствующаго населеннаго мѣста, какъ деревня для великорусскаго; что если Великую Русь извѣстной исторической эпохи съ полнымъ правомъ можно назвать деревенской, то Малую или Литовскую Русь, по всей вѣроятности, съ такимъ же правомъ можно было назвать подворищной. Оговариваемся выраженіемъ: «по всей вѣроятности»—въ виду того, что исторія южно-русскаго племени въ изданныхъ историко-юридическихъ документахъ и памятникахъ далеко не представлена въ такой ея территоріальной широтѣ и полнотѣ, какъ исторія племени сѣверно-русскаго: богатая и ни съ чѣмъ несравнимая, для выясненія интересующихъ насъ здѣсь вопросовъ, сѣверная литература писцовыхъ и переписныхъ книгъ для южной Руси существуетъ лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Но что же свидѣтельствуютъ документы относительно распространенности дворищной формы, во времени и пространствѣ, на территоріи южно-русскаго племени?

*) *Русскій народъ и государство*. Москва, 1858 г., стр. 242—3.

Первое свидѣтельство о дворищѣ въ изданныхъ историко-юридическихъ памятникахъ относится къ половинѣ XIV в. къ территоріи Червонной Руси *)). Шестнадцатый вѣкъ, который наиболѣе освѣщенъ со стороны юридико-экономическихъ отношеній изданіемъ сравнительно большаго числа ревизій, инвентарей и писцовыхъ книгъ **), представляетъ дворище формой заселенія, господствующей во всей Волынской землѣ, которая захватывала въ эту эпоху почти всю Украину, за исключеніемъ развѣ Подолья, затѣмъ и въ остальномъ Литовскомъ княжествѣ, гдѣ жило южно-русское племя; въ собраніи актовъ, относящихся до XVI в., встрѣчаются и акты XV в., которые также свидѣлствуютъ о дворищной системѣ заселенія. Въ XVII в. мы еще встрѣчаемся съ документальными свидѣтельствами о дворищахъ на территоріи Волынской земли ***). Но въ это время, съ перерожденіемъ самаго явленія, начинаетъ терять смыслъ названіе и мало-по-малу исчезаетъ, по крайней мѣрѣ, въ старомъ своемъ, настоящемъ, значеніи. Отсюда мы заключаемъ, что дворищная организація населенія имѣла мѣсто на территоріи Литовской, а также Галицкой Руси, т.-е., слѣдовательно, во всей территоріи южно-русскаго племени, съ самаго, такъ сказать, разсвѣта южно-русской исторіи приблизительно до второй половины XVII в., внесшей въ эту исторію такую коренную пертурбацію. Изъ однихъ мѣстъ она была вытѣснена раньше, въ другихъ задержалась дольше; какъ, что и почему—будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія.

И такъ, дворище есть какое-то маленькое населенное мѣсто. Но только ли? — не только, и даже въ существѣ не это, а что-то другое, иначе невозможны были бы «пустыя дворища», о которыхъ нерѣдко упоминають документы. Пустое, т.-е. лишенное населенія, населенное мѣсто—очевидная бессмыслица, а, между тѣмъ, дворище и лишенное населенія представляетъ собою, какъ ясно видно изъ документовъ, полное и законченное понятіе; какое настоящее содержаніе этого понятія—изъ актовъ видно также. Королева Бона даетъ землянину «въ повѣтъ Пинскомъ четыре земли, т.-е. дворища пустыя» ****). Но слово «земля» замѣняетъ собою слово «дворище» не тогда только, когда дворище пусто,—наоборотъ, дворище съ людьми есть также, прежде всего, «земля». Выраженія: дворище, два дворища, столько-то дворищъ, несомнѣнно населенныхъ, очень часто замѣняются въ актахъ выраженіями: земля, двѣ земли, столько-то земель. Такъ что «земля» и «дворище» употребляются постоянно какъ синонимы, хотя слово земля имѣетъ и свое особое значеніе, болѣе общаго характера. Подъ «землей»

*) *Macejowski*: „Hystorya prawodawstw Slowianskich“, t. VI, стр. 146.

***) *Jablonsky*: „Rewizya zamkow ziemi Wolynskiej“. *Ревизія пущъ и переходовъ зवरиницъ въ бышемъ вел. кн. Литовскомъ 1559 г.*; изд. вил. арх. комис. 1867 г. *Писцовая книга Пинскаго и Клецкаго княжествъ. Писцовая книга Пинскаго стародства 1561—1566 г.* То и другое изданіе вил. арх. ком. Инвентарь въ память кievск. врем. ком. для разбора древнихъ актовъ.

****) *Архивъ юго-западн. Россіи*, ч. VI, т. I, № СХLIII.

*****) *Ревизія пущъ*, стр. 81.

Въ смыслѣ «дворища», очевидно, подразумѣвается какая-то обособленная, обчерченная, заключенная сама въ себѣ земельная единица. Содержаніе этой единицы также довольно отчетливо вырисовывается словами актовъ: дается «земля», которая называется тутъ же и «дворищемъ», «съ полми, сѣножатями, дубровами, водами, и з лѣсы и з деревомъ борнымъ и за нимъ, що къ той землѣ встародавна прислухало и якъ они (тѣ, за кѣмъ утверждается дворище) тыя земли входы вживали» *); или: дворище «съ полми, сѣножатями и з лѣсы и боры, и з деревомъ борнымъ, з рѣками и озеры и з гати, и езы, и з ловы рыбными и пташими и со всѣмъ на все, такъ округло, такъ широко и такъ долго, какъ здавна само въ себѣ масть» и т. д. **). Отсюда видно, что входило въ составъ земельной единицы дворища: на первомъ планѣ поля и сѣножати, а затѣмъ и все остальное, что дворище успѣло къ себѣ изстари притянуть своимъ захватомъ, «такъ округло, такъ широко и такъ долго», какъ удалось человѣческимъ силамъ, создавшимъ эту органическую земельную кѣточку, овладѣть окружающимъ стихійнымъ земельнымъ просторомъ. И не только то, что уже было, но даже и то, что еще только могло быть притянуто, входило въ понятіе дворища. По крайней мѣрѣ, одинъ актъ 1528 г. выражается на счетъ этого очень опредѣленно: перечисляя нивы и сѣножати, принадлежащія дворищу, укрѣпленному за нѣкіемъ паномъ Иваномъ Подоляниномъ, актъ прибавляетъ, что онъ «и въ дубровѣ и на болотѣ, што прикопаеть поля и протетеребитъ сѣножати, тое супокойне держати маеть» ***). Точному опредѣленію въ ихъ реальныхъ границахъ подлежали собственно лишь полевья, можетъ быть, частью сѣнокосныя земли дворища. *Писцовая книга Пинскаго старѣства 1561—1566* и. содержитъ во второй своей части точное описаніе множества дворищъ. Изъ нея видно, что земля дворищъ состояла изъ массы такихъ же «лоскутовъ», какъ и земля сѣверной деревни, да оно и не могло быть иначе, когда приходилось «теребить» землю изъ-подъ лѣсу. Такимъ образомъ, земля каждаго дворища состояла изъ 20—50, случалось и еще больше разбросанныхъ земельныхъ лоскутовъ; рѣдко меньше, чѣмъ изъ 20, т.-е. собственно въ указанной мѣстности: это могло, конечно, измѣняться въ связи съ измѣненіемъ топографическихъ условій. Остальныя принадлежности дворища, перечисляемыя актами и указанныя выше, дубровы, боры, воды и т. п., есть ничто иное, какъ «входы», т.-е. права на пользованіе въ угодьяхъ, не составляющихъ ничьей частной собственности. Естественно, что дворища не могли быть одинаковой величины: ихъ размѣры зависѣли отъ случайныхъ условій. Такъ, изъ измѣренія дворищъ Пинскаго старѣства видно, что они имѣли размѣры отъ $\frac{1}{4}$ уволоки до 9 уволокъ пахотной земли, приблизительно отъ 5 до 95 десятинъ, хотя надо

*) *Ревизія пунь*, стр. 254.

**) Тамъ же, стр. 254.

***) *Арх. юго-западн. Россіи*, ч. VI, т. I.

сказать, что чаще встрѣчающійся размѣръ дворища около одной уволоки, т.-е. около 20 десятинъ пахоти *).

Происхожденіе дворищъ ясно: это—тѣ начальныя земельныя единицы, которыя человѣкъ отнималъ у дикой природы своимъ трудовымъ захватомъ. Славянское право—право племенъ мирныхъ по основнымъ свойствамъ своей психологіи—всегда склонно было признавать право трудового захвата, и Литовская Русь представляетъ одно изъ самыхъ яркихъ доказательствъ этого положенія. Литва завоевала Русь и, естественно, была склонна отпоситься къ ней такъ, какъ искони вѣковъ побѣдители относятся къ побѣжденнымъ. Къ тому же, ея собственное внѣшнее положеніе было такое, что вынуждало ее напрягать всѣ силы къ организаціи военной защиты, и Русь должна была *volens-potens* переустраиваться по типу, опредѣленною этою цѣлью. Слово «служба» сдѣлалось даже послѣ «земли» еще новымъ синонимомъ дворища: будучи земельною единицей, оно было и податною единицей, съ которой связывалась извѣстная совокупность обязательствъ, составлявшая въ своей суммѣ «службу» **). Отсюда замѣна выраженій «столько-то дворищъ» или «столько-то земель» выраженіемъ «столько-то службъ». Впрочемъ, надо оговориться насчетъ того, что выраженіе «служба» болѣе распространено въ собственно Литовскомъ княжествѣ, а «дворище»—на Руси, съ другой стороны, служба могла представлять собою, вѣроятно, лишь дворище средняго размѣра, а не всякое дворище, могло быть и значительно больше, и значительно меньше средняго. Изъ военной организаціи Литвы естественно вытекало, что государственная власть, въ лицѣ великаго князя, раньше и безусловнѣе заявила себя верховнымъ собственникомъ земли, чѣмъ это имѣло мѣсто, наприм., въ Московскомъ государствѣ, и раздача земель на условіяхъ отбыванія военной повинности практиковалась полнѣе и шире. Тѣмъ не менѣе, въ этой военной и феодальной Литвѣ права земледѣльца на воеводѣываемую имъ землю признавались и уважались очень долго, пока не ворвался съ запада, черезъ соединеніе съ Польшей, иной складъ юридическихъ понятій и отношеній. Земли раздавались великими князьями землянамъ и боярамъ, отбирались, отдавались вновь, а земледѣлецъ все сидѣлъ на своей землѣ, лишь мѣняя тотъ объектъ, въ пользу котораго онъ отбываетъ свои обязанности: мало этого, онъ могъ свободно распоряжаться своею землею, какъ настоящій собственникъ, подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы всѣ обязанности съ земли отбывались по-старому, чтобы земля не выходила изъ службы, какъ въ Московскомъ государствѣ, изъ тягла. Даже настоящіе владѣльцы, вродѣ князей, за которыми всегда признавались болѣе полныя и безусловныя права на землю, чѣмъ за какими-нибудь землянами или боярами, и тѣ уважали права земледѣльцевъ, сидѣвшихъ на ихъ земляхъ. Это

*) Въ актахъ упоминаются дворища большія, добрыя, старожитныя и дворища малыя (*Памятники кіевск. комм.*, т. III, отд. II, прим. 4).

**) По третьему статуту, служба равняется крестьянскому хозяйству съ землями. (Предисловіе къ VI ч., I т. *Архива юго-зап. Россіи*, стр. 75, 102).

хорошо видно изъ одного любопытнаго акта 1498 года *). Князь Федоръ Ивановичъ Ярославичъ жалуется служебницѣ своей жены Святохнѣ Федковой Щепиной два пустыхъ дворища въ селѣ Кошевичахъ. Святохна жалуется на кошевицкихъ людей, Горностаевцевъ и Ганковцевъ, очевидно, сидѣвшихъ на сосѣднихъ дворищахъ, что тѣ люди захватили и «разробили» всю землю, такъ что ей, Святохнѣ, «не на чомъ хлѣба пахати». Князь выѣзжаетъ на землю, чтобы удовлетворить Святохну, но кошевицкіе люди не хотятъ уступать ничего Святохнѣ, говоря: «Мы, милостивый государю, не на Святохну твѣ земли разробливали, але на себе; а такъ дай, ваша милость, дубровы напротивку тыхъ полъ нашихъ старыхъ, нехай вона также себе разробливаеть». Князь, видя «ижь съ кривдою мужемъ нашимъ есть, а жебы мѣли старыя поля разробливаныя дѣлити», спрашиваетъ у крестьянъ, гдѣ бы можно было дать Святохнѣ землю, вмѣсто тѣхъ, уже разработанныхъ полей, и согласно ихъ указаніямъ отводитъ ей какіе-то острова. Еще въ XV вѣкѣ признавалось право на землю, основанное лишь на фактѣ расчистки **). Въ виду того, что право земледѣльца на обрабатываемую имъ землю признавалось не только государственною властью и тѣми, кому она передавала временно свои права, но и настоящими крупными собственниками-князьями, существуетъ еще одинъ синонимъ для обозначенія дворищной земли—«отчизна» (вотчина): даетъ великій князь землянину трехъ людей «съ ихъ отчизнами и съ пашными землями и съ бортными и сѣножатями и съ езы, и съ озеры, и съ гати, и съ дѣсы, и съ дуги, и со всѣми ихъ ихними воды, што къ ихъ трема отчизнамъ издавна прислухало». Сами же «люди» иначе называются «отчичи». Права ихъ стояли выше правъ, создаваемыхъ пожалованіемъ: такъ, возвратившіеся откуда-то отчичи берутъ у бояръ землю, пожалованную имъ, вѣроятно, въ видѣ запустѣвшаго дворища ***).

Чѣмъ же силами дикая земельная стихія обращалась въ «дворище», въ «землю», въ «отчину», въ «службу»? Конечно, не силами отдѣльных, разрозненныхъ человѣческихъ единицъ, а совокупными силами какихъ-то человѣческихъ группъ или союзовъ. Древнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ документовъ, свидѣтельствующихъ о дворищахъ, купчая половины XIV в.: нѣкій панъ Вацлавъ Дмитровскій покупаетъ «дворище и съ землею яко извѣка слушало къ тому дворищу вшисци вжитки што днесъ суть и потомъ могутъ быти а што може причинити больше меже теми вжитки то на свое полѣпшенье», покупаетъ «у вики у Василя, ему-жь ричуть Скибичъ, и въ его брата на имя у Гинка, и въ ихъ мовця у Оленка». Продавцы, «пришедши вшисци и съ своимъ племенемъ», «уздали пану Вацлаву со всеми обзиды того дворища по своей доброй воли и за иные молвилли: абы въ доб-

*) *Ревизія пущь*, стр. 277.

***) *Новицкій*: «Исслѣдов. объ экономич. и юрид. положеніи крестьянъ въ XVI—XVIII вв.», стр. 104. *Акты южной и западной Россіи*, т. I, № 47.

*) *Ревизія пущь*, стр. 107.

ромъ покоѣ вжити тихъ вжитковъ пану Вацлаву *)). Значить, собственникъ дворища—«племя» Скибичей, представителями котораго выступаютъ два брата и племянникъ. Масса несомнѣнныхъ свидѣтельствъ отъ XVI в. подтверждаетъ, что дворища были собственностью, какъ и сѣверныя деревни, «рода-племени», т.-е. болѣе или менѣе общирной группы ближайшихъ родичей, иначе говоря—большой или задружной семьи. Отсюда патримоніальныя названія дворищъ, сплошь господствующія въ переписяхъ дворищъ: двор. Придчичи, на которомъ сидятъ Придчичи, двор. Коптевичи, на которомъ сидятъ Коптевичи, двор. Шепелевичи—сидятъ Шепелевичи, двор. Сабановщина—сидятъ Сабановичи и т. д. **). Сидятъ на дворищахъ не только съ братьями и сынами, но съ братанчи, дядковичи и т. д.

И такъ, передъ нами видоизмѣненіе того же сѣвернаго «печища». Семейный союзъ сидитъ на землѣ, которую онъ самъ или его предки вытѣряли изъ-подъ лѣсу или вообще притянули къ себѣ своимъ трудовымъ захватомъ. Землю эту онъ считаетъ своею, хотя, конечно, очень условною, собственностью, и его права до поры до времени признаются тою общественною организаціей, для которой онъ составляетъ необходимый фундаментъ. Но семейный союзъ имѣетъ естественную тенденцію къ распаденію, независимо отъ всего прочаго, уже просто подъ давленіемъ своего собственного роста. А разъ онъ признаетъ за собой право распоряженія своею землей, неизбежно послѣдствіе, что дворище должно раздѣлиться. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. И вотъ мы уже рано начинаемъ встрѣчаться съ дробями дворища: половинами, четвертями, третинами. Къ сожалѣнію, изданные документы совсѣмъ почти не освѣщаютъ детальныя отношенія внутри дворища, и еслибъ намъ нельзя было призвать на помощь аналогію сѣверной деревни, мы были бы совсѣмъ беспомощны въ уясненіи себѣ этихъ отношеній. Но при помощи аналогій все уясняется совершенно согласно съ тѣми немногими указаніями и намеками, какіе даютъ источники. Хотя мы и не встрѣчаемся съ прямыми свидѣтельствами о болѣе мелкихъ дробленіяхъ дворищъ, чѣмъ третины, четверти и жеребни, но если на дворищѣ Перевальчичи сидятъ Петръ, Мартинъ, Никита, Ѳеодоръ, Антонъ, Кирила, Іона, т.-е. семеро людей, хозяевъ или дымовъ Перевальчичей ***), то каждый изъ нихъ долженъ представлять собою мелкую дробь. Мы полагаемъ, что каждому Перевальчичу должна была принадлежать именно извѣстная дробь дворищнаго цѣлаго, извѣстная идеальная доля въ общемъ владѣніи, а не тотъ или другой опредѣленный земельный кусокъ. Прямыхъ документальныхъ доказательствъ этого положенія нѣтъ, какъ ихъ не было и относительно сѣверной деревни, пока приходилось ограничиваться писцовыми, переписными книгами и разными изданными юридическими документами, несмотря на все ихъ богатство; и только счастливый случай, доста-

*) *Масіежовску*, VI, 146.

***) *Писцовая книга Пинскаго стардства*, т. II.

***) *Писцовая книга Пинскаго стардства*, II, 267.

жившіи намъ старинныя «веревныя» *) книги, сберегшіяся въ коробяхъ мѣстныхъ крестьянъ, освѣтилъ внутри - деревенскія земельныя отношенія. А дворищная организація едва ли можетъ разсчитывать когда - нибудь на такое освѣщеніе изъ прямыхъ источниковъ: разрушилось дворище гораздо раньше, чѣмъ деревня; къ тому же, мѣстное населеніе пережило много смѣнъ неблагопріятныхъ историческихъ условій, обратившихъ его въ тѣхъ темныхъ, невѣжественныхъ, суевѣрныхъ полѣшуконъ и пинчуконъ, которые едва ли могли бы цѣнить письменные документы, буде бы они и достались какими - нибудь судьбами въ ихъ руки. Но намъ кажется, что тѣхъ доказательствъ, хотя и косвенныхъ по существу, какія даютъ намъ документы, совершенно достаточно, чтобы утверждать съ увѣренностью, что внутри дворища господствовала такая же долевая организація землевладѣнія, какъ и въ сѣверной деревнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что въ извѣстный періодъ дворищное землевладѣніе уже не было нераздѣльнымъ землевладѣніемъ большой семьи-задруги, что дымы дворища были самостоятельными земельными хозяйствами, слѣдуетъ изъ того, что повинности и подати, всегда приурочиваемыя къ землѣ, платятся каждымъ дымомъ особо **). Да и трудно предположить, чтобы, наприм., 27 ховяевъ Плещичаго дворища ***) могли имѣть одно нераздѣльное земельное хозяйство. Къ тому же, сохранилось много актовъ о раздѣлѣ дворища между родственниками. Какая же форма земельныхъ отношеній должна была наступать по раздѣлѣ дворищъ? Общиннаго владѣнія не могло быть уже по одному тому, что это былъ дѣйствительно раздѣлъ, основывающійся на правовомъ отношеніи къ землѣ, какъ къ частной собственности; прямымъ же доказательствомъ того, что общиннаго владѣнія не было, есть неравенство платежей между дымами: такъ какъ платежи шли съ земли, то неравенство платежей есть эквивалентъ земельного неравенства. Не могло ли быть подворное владѣніе, предполагающее раздробленіе дворища на отдѣльные земельные куски? Все противорѣчитъ этому предположенію: и писцовыя книги, постоянно представляющія дворище во всемъ его земельномъ составѣ какъ одну цѣльную земельную единицу, и акты отчужденія, никогда не говорящія объ отдѣльныхъ земельныхъ кускахъ, а всегда лишь о дворищахъ или ихъ доляхъ. Какія же другія земельныя отношенія внутри дворища можно предполагать, кромѣ тѣхъ же, долевыхъ, что мы видимъ въ сѣверной деревнѣ? «Я продалъ часть дворища своего Савчинскаго, которая же часть того дворища мнѣ ея осталась отъ брата моей... и съ полми, и съ сѣножатями, и съ лѣсы, и съ боры, и съ деревомъ борнымъ, съ рѣками и озерами, и съ гати, и съ езы, и съ ловы рыбными и птичными, и со всемъ на все, какъ та часть дворища моего сама въ собѣ маеть и какъ мнѣ отъ брата моей въ отдѣлѣ

*) Веревныя книги — книги для измѣренія земли съ цѣлью раскладки повинностей внутри крестьянскихъ обществъ.

***) *Памятн. орем. кiev. комм.*, т. III, отд. II, 158. *Акты зам. Росс.*, II, 95: «З думу такового, въ которомъ земли своей и особаго хлѣба уживалтъ».

***) *Писцовая книга Пинскаго старѣства*, II, 201.

ея осталась», — вот слова акта XV в. Достается часть во всемя, какая причитається по раздѣлу съ братьями, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{8}$ и т. д. во всехъ угодахъ дворища, не только входахъ, но и поляхъ, и эта же часть, а не опредѣленные поля или другіе земельные куски, отчуждается. Очевидно, здѣсь дѣло идетъ не о какой-нибудь отрубной территоріи, а, по всей вѣроятности, лишь о правѣ на извѣстную, идеальную долю во всехъ угодахъ дворища, какъ входахъ, такъ и земельныхъ лоскутахъ, т.-е. то, что мы видѣли въ сѣверной деревнѣ.

Акты отчужденія, продажи и залога долей дворищъ вводили въ составъ владѣльцевъ дворищной земельной единицы чуждые, не родственные элементы и давали поводъ къ возникновенію сложныхъ комбинацій. Такъ, одинъ бояринъ закладываетъ жиду «часть отчины своей, которая ми часть осталась на дѣлу отъ брата моей... и съ дворомъ моимъ, и съ полми, и съ сѣножатями и огороды и поплавы и съ деревомъ борнымъ и со всемя на все, ничего на себѣ не оставуючи и не выймаючи, такъ широко и долго, какъ ея тая часть отчины моей сама въ собѣ имеетъ и какъ мнѣ отъ брата на дѣлу ея застало»; братъ этого боярина также закладываетъ тому же жиду и свою часть. Первый закладчикъ уговаривается съ жидомъ «тыи обѣ двѣ части (свою и братнюю) отчины нашей пахоти изъ четвертой части во всему Марку (жиду) три части, а мнѣ четвертая».

И вотъ мало-по-малу дворище теряетъ свой старый характеръ родового гнѣзда и вступаетъ въ новый фазисъ существованія. Изъ кровнаго оно дѣлается, какъ это обыкновенно принято выражаться, договорнымъ. Въмѣсто цѣлаго гнѣзда Скибичей или Перевальчичей, на дворищѣ сидятъ вмѣстѣ Велець Даниловичъ, Невдахъ Петровичъ, Ѳедоръ Борисовичъ съ братією, Иванъ Юрковичъ, Семень Демидовичъ, Прокъ Матвѣевичъ *). Конечно, они могутъ, несмотря на отсутствіе общаго патримоніальнаго прозвища, еще быть родственниками болѣе отдаленныхъ степеней родства; но и завѣдомо чужіе уже являются дворищными совладѣльцами. Въмѣсто сыновцевъ, братанчичей, дячковичей, выступаютъ на сцену «сябры» и «потужники»; кровный союзъ замѣняетъ «посябрина».

Что такое «посябрина»? Что такое сябры, участники, потужники, которыхъ постоянно перечисляютъ писцовыя книги при переписи дворищъ, о которыхъ такъ часто упоминаютъ разные документы? Никакихъ, не только прямыхъ разъясненій, но и косвенныхъ, сколько-нибудь достаточныхъ указаній на этотъ счетъ акты намъ не сохранили, а какъ бы для вящаго затемненія вопроса еще выступаетъ на сцену слѣдующее обстоятельство. Та эпоха, отъ которой наиболѣе сохранилось относящихся къ предмету письменныхъ памятниковъ, это XVI вѣкъ, и, главнымъ образомъ, его середина. Этотъ же моментъ совпадаетъ съ крупнымъ экономическимъ переворотомъ, о которомъ мы будемъ сейчасъ говорить, отразившимся на формахъ землевладѣнія разрушеніемъ дворища. Старыя слова, какъ это обык-

*) Писцовая книга Пинскаго старства, II, 455.

новенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, перешли въ новый историческій фазисъ, измѣнивъ свое содержаніе. Это обстоятельство упускали изъ вида немногіе изслѣдователи, касавшіеся этого предмета; вопросъ, и самъ по себѣ неясный, затемнился, такимъ образомъ, окончательно. Очевидно, сябры, потужники и участники эпохи, лежащей по сю сторону грани, были не то, что они же эпохи предшествующей. Для насъ пока важна только предшествующая эпоха: какую роль играли въ ней всѣ эти сябры и потужники? Мы полагаемъ, что это были тѣ же сѣверные сосѣди-кладники, совладѣльцы дворищныхъ долей, заступавшіе мѣсто извлекаемыхъ родственныхъ элементовъ, путемъ женитьбы, продажи, залога, путемъ разнообразныхъ договоровъ съ коренными дворищными владѣльцами. Это заключеніе сдѣлано нами только на основаніи аналогіи: мы считали себя вправѣ его сдѣлать, съ одной стороны, въ силу того, что источники ему не противорѣчатъ, съ другой, главнымъ образомъ, въ силу того, что оно является естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ всѣхъ предшествующихъ ему указанныхъ условій.

А между тѣмъ какъ дворище мѣняло свой видъ, подчиняясь естественнымъ законамъ своего роста, на него надвигалась извнѣ гроза, которая не дала ему завершить свой циклъ, какъ завершила его сѣверная деревня.

Польша всегда была ареной, на которой происходила борьба самобытныхъ, славянскихъ, началъ жизни съ напиравшими на нее непосредственно воздѣйствіями западно-европейской жизни, нѣмецкими. Въ правовой области борьба эта велась наиболѣе энергично и рѣзко отразилась, между прочимъ, на организациіи земельного устройства. Сохранился одинъ документъ отъ XIV в. (1378 г.) *), гдѣ нѣкій львовскій гражданинъ, по прозвищу судя, нѣмецкаго происхожденія, жалуется на неудобства, происходящія для него изъ того обстоятельства, что поля, принадлежащія къ его селу, расположены «*non in una linea secundum jus teutonicum*» — не въ одну линію согласно праву нѣмецкому, но «*secundum Ruthenorum consuetudinem sparsim et particulatim sunt distincti*», но разбросаны согласно русскому обычаю. Владиславъ Опольскій, тогдашній правитель Галицкой Руси, къ которому обращалась эта жалоба, находитъ ее совершенно правильною, и, чтобы удовлетворить жалобщика, даетъ ему, въ цѣляхъ размежеванія, въ обмѣнъ за его землю, свою (т.-е., очевидно, государственную, коронную). Документъ этотъ имѣетъ чрезвычайно большое историко-юридическое значеніе. Онъ принадлежитъ къ числу наиболѣе раннихъ свидѣтельствъ о дворищномъ характерѣ русскихъ поселеній: что подъ полями, расположенными «*sparsim et particulatim*», согласно русскому обычаю, надо понимать обработанные земли вмѣстѣ съ поселеніемъ, въ этомъ не оставляютъ сомнѣнія упоминающіяся дальше «*quinque mansos quantum cum quinque agris colere possit*», т.-е. пять дворищъ, сколько пятью плугами можетъ выпахать: такъ понимаетъ это и Мацѣевскій, который приводитъ этотъ до-

*) *Maciejowski*, т. III, стр. 335.

жументъ. Но намъ здѣсь важно не это. Важно то, что уже въ XIV вѣкѣ въ Галицкой Руси владѣлецъ, опираясь на нѣмецкое право, могъ требовать округленія своихъ владѣній и находилъ легальную поддержку своимъ требованіямъ. Округленіе же это влекло за собой послѣдствія чрезвычайной важности: съ одной стороны, такое округленіе становилось фундаментомъ крупнаго хозяйства, мѣнявшего въ корнѣ отношенія между владѣльцемъ и зависящими онъ него земледѣльцами; съ другой—обусловливало экспропрированіе собственниковъ дворищъ, права которыхъ защищались только обычаемъ. Этотъ документъ превосхищаетъ собою въ общихъ и трубныхъ чертахъ процессъ, какимъ шло дальнѣйшее развитіе землевладѣнія въ Литовской Руси.

Въ самомъ дѣлѣ, XVI вѣкѣ, вѣкѣ сліянія Литовскаго княжества съ Польскимъ государствомъ, надломилъ старый литовскій военно-патріархальный строй и внесъ инныя начала въ организацію земельныхъ отношеній. Въ собственной Польшѣ къ этому времени, въ особенности благодаря быстрому и сильному развитію отпускной торговли, успѣло укорениться крупное земельное хозяйство, имѣющее въ основаніи преобладаніе экономическихъ запасекъ (фольварочная система) и необходимое для такого хозяйства обращеніе зависимыхъ земледѣльцевъ въ крѣпостныхъ, отбывающихъ барщину. Выгоды этой системы для владѣльцевъ были слишкомъ очевидны и слишкомъ соблазнительны для того, чтобъ и литовско-русскіе князья и земляне, теперь ставшіе на правовое положеніе польской шляхты, не захотѣли сдѣлать попытки въ томъ же родѣ. Государство, съ своей стороны, въ лицѣ своихъ представителей, польскихъ королей, совершенно продиктованныхъ идеею превосходства польскаго строя, должно было явиться на помощь этимъ попыткамъ со всѣмъ натискомъ своей организованной силы. Все это подготовило для землевладѣнія Литовской Руси роковой кризисъ.

Дворищное землевладѣніе было, какъ мы видѣли выше, землевладѣніемъ маленькихъ группъ, сначала только родственниковъ, позже и не родственниковъ,—группъ или союзовъ, которые вели самостоятельно свое патріархальное хозяйство и смотрѣли на себя какъ на собственниковъ воздѣлываемой ими земли. По сословнымъ опредѣленіямъ, эти земледѣльческія группы были: крестьяне-отчичи, бояре и мелкіе земляне. Они, точно также какъ и крупные землевладѣльцы, князья и большіе земляне, могли вступать въ договорныя отношенія съ «похожими» вольными людьми и сажать ихъ на свои земли; но мы не касались этой стороны, такъ какъ не этими отношеніями обуславливалась организація землевладѣнія, а, наоборотъ, сами эти отношенія отливались въ приготовленныя уже имъ жизнью формы. И такъ, земельныя отношенія старой Литовской Руси основывались на признаніи правъ собственности за классомъ земледѣльцевъ, какъ бы ни назывались эти земледѣльцы, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ людей, которые временно сажались на чужую землю по договору (древне-русскіе половники). Но, какъ уже было замѣчено выше, эти права

собственности были очень условны, и значительно условнѣе, чѣмъ въ сѣверной Руси. Правда, и сѣверный крестьянинъ писалъ на купчей: «се язъ (такой-то) продаю землю великаго князя, а свое посилье», но онъ продавалъ эту землю великаго князя такъ же свободно, какъ бы и свою полную собственность; но литовско-русскій отчикъ или бояринъ обязательно долженъ былъ испрашивать разрѣшеніе на такую продажу. Права земледѣльца-крестьянина были ограничены съ двухъ сторонъ: съ одной стороны, правами владѣльца, въ пользу котораго онъ отбывалъ какія-нибудь повинности, натуральныя или денежныя, какъ бы въ вознагражденіе за военную службу, которую тотъ отправлялъ за него, точнѣе за его землю, государству; съ другой стороны, правами великаго князя, который считался верховнымъ собственникомъ всей земли, за исключеніемъ развѣ, быть можетъ, той, которая принадлежала князьямъ, долго сохранявшимъ за собою, несмотря на свой переходъ въ ряды простой аристократіи, кое-что изъ прерогативъ верховной власти. Права великаго князя на землю, въ виду ея реальныхъ собственниковъ, были, конечно, въ значительной степени номинальны; но отъ него зависѣло реализовать ихъ, въ особенности, когда за великимъ княземъ литовскимъ стоялъ польскій король, распорядитель всей организованной силы Польскаго государства.

Литва къ началу XVI в. уже вышла въ значительной степени изъ того положенія, которое обуславливало ея военный строй, необходимо вынуждало ее къ тому, чтобы представлять собою военный лагерь, суровый, вѣчно настороженный, всѣмъ жертвующій для своего укрѣпленія. Въ виду измѣнившихся политическихъ условій, старый строй являлся анахронизмомъ, ощущалась потребность въ коренныхъ общественныхъ преобразованіяхъ, ощущалась потребность въ подъемѣ экономическаго благосостоянія дикаго и бѣднаго края. Литовско-польскіе короли видѣли, на какомъ пути Польша развивала свои экономическія силы, видѣли въ расширеніи торговли, въ увеличеніи богатства, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и матеріальной культуры, блестящіе результаты развитія крупнаго барщиннаго хозяйства, и не могли, конечно, предвидѣть его гибельныхъ отдаленныхъ послѣдствій. Чтобы поставить Литву' на тотъ же путь, который естественно казался имъ единственно обезпечивающимъ ея благосостояніе, имъ необходимо было, прежде всего, реализовать свои верховныя права на земли. И они это сдѣлали: они подготовили, еще до сліянія Литвы съ Польшей, почву, на которой уже нетрудно было водвориться новымъ экономическамъ порядкамъ, распространявшимся по территоріи Литовской Руси безпрепятственно до тѣхъ самыхъ поръ, пока они не достигли Украины и не натолкнулись тамъ на фактическія отношенія, затормазившія ихъ распространеніе.

«Бметъ и вся его маетность чаша есть»,—заявляетъ Сигизмундъ-Августъ въ уставѣ о волокахъ 1557 г. (§ 29 *). «Каждый по тому, какъ онъ свой хлѣбъ ѣсть, долженъ и работать и повинности намъ отбывать,

*) *Памятники ерем. кiev. ком.*, т. II.

а не по своимъ предкамъ, со своихъ, какъ они ихъ называютъ, вотчинъ» (слова того же короля *). Конечно, *de jure* такъ оно полагалось и раньше, что и иметь, и его вотчина,—все считалось собственностью верховной власти; но *de facto* лишь съ половины XVI в. отрывается тотъ новый порядокъ вещей, который дѣлаетъ возможнымъ осуществленіе этого теоретическаго положенія. Открывается этотъ новый порядокъ вещей очень простымъ актомъ, за которымъ трудно на первый взглядъ признать радикальный или революціонный характеръ, и который, несомнѣнно, много разъ въ исторіи являлся именно съ такимъ характеромъ: размежеваніемъ.

Сигизмундъ - Августъ, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ (въ 1548 г.), предпринялъ повсемѣстное измѣреніе и описаніе своихъ имѣній (т.-е., правильнѣе говоря, имѣній государственныхъ), съ округленіемъ ихъ границъ и уничтоженіемъ чрезполосности посредствомъ полюбовнаго, а не рѣдко и принужденнаго размежеванія съ частными землевладѣльцами,—такъ говоритъ предисловіе къ писцовой книгѣ Пинскаго и Блецкаго староствъ. Самъ король такъ объяснялъ свои намѣренія въ инструкціи пинскому старостѣ Станиславу Довойнѣ: «Повѣдаемъ тебѣ иже для лѣпшаго покою межи подданныхъ иишихъ и для постановленья платовъ и пожитковъ нашихъ господарскихъ умыслили есмы розсказать въ староствѣ твоемъ Пинскомъ, яко и въ нашихъ замкахъ и дворехъ нашихъ, земли подданныхъ нашихъ на волоки въ три поля помѣрити и поровняти». Отсюда видно, что въ основаніе размежеванія положено было раздѣленіе всей воздѣлываемой земли на правильные куски, волоки или уволоки; уволока равнялась 19 дес. 1.354 кв. саж. 7 кв. ф. 64½ кв. д. на теперешнія наши мѣры и представляла собою, съ одной стороны, податную единицу, съ другой—средній, такъ сказать, идеальный размѣръ земли одного крестьянскаго хозяйства, его надѣлъ, говоря на современномъ языкѣ. Волока раздѣлялась на 30—33 морга и разбивалась, согласно требованіямъ трехпольной системы, на три равныхъ поля: крестьянская усадьба должна была находиться въ среднемъ полѣ. Не трудно понять послѣдствія этой, казалось бы, только раціональной хозяйственной мѣры—не больше. Крестьянинъ отрывался отъ своего дворища, отъ земли, выдранной усиліями его предковъ отъ лѣсной стихіи, расширенной и улучшенной трудами его отцовъ и его собственными. Пусть никакіе писанные законы не подтверждаютъ его правъ на эту землю,—за нихъ достаточно краснорѣчиво говорятъ сознаніе и нравственное чувство, какъ его собственное, такъ и всѣхъ окружающихъ, и равныхъ, и высшихъ. Всѣ знаютъ, что онъ отчичъ, что его предки «на себе» и на свой родъ - племя «тыя земли разробливали». Но вотъ наступаютъ измѣреніе и размежеваніе. Можеть быть, его и не вынуждаютъ высеяться съ своего дворища на какую-нибудь другую волоку, можеть быть, его дворище только перекраивается землемѣрами,—кое-что отъ него отръ-

*) *Jablonowsky*, t. 6., XVII.

зано, кое-что прирѣзано. Но, вѣдь, очевидно, что всѣмъ этимъ его старья права потоптаны, поставлены ни во что: отрѣзается земля, орошенная потомъ цѣлыхъ поколѣній его предковъ, прирѣзается земля, съ которою онъ не имѣетъ никакой трудовой, нравственной связи; его пращовская насиженная усадьба насильственно переносится на другое мѣсто; наконецъ, это уже не дворище, полученное имъ въ наслѣдство отъ дѣдовъ-прадѣдовъ, а что-то другое, «волока», которую онъ «принимаетъ» изъ рукъ землебрѣра. Пусть отъ этого его положеніе фактически не ухудшается, можетъ быть, оно даже временно улучшается: одною изъ сторонъ размежеванія было точное опредѣленіе повинностей, имѣвшее цѣлью защитить крестьянъ отъ несправедливыхъ поборовъ со стороны разныхъ старость и тивуновъ. Но, тѣмъ не менѣе, крестьянинъ, оставаясь земледѣльцемъ, былъ оторванъ всѣмъ этимъ отъ своей земли, и какъ Антей, лишенный силы, брошенъ былъ безсильною игрушкой на произволъ слѣпаго историческаго фатума. Не даромъ же крестьяне тамъ, гдѣ чувствовали за собой силу, рѣшительно отказывались давать размѣривать свою землю. «Боже избави, чтобъ мы то допустили, чтобъ распредѣлять землю по волокамъ, и позволили въ реестры вписывать свое племя»,—такъ говорили обыватели мѣстечка Слободищъ, Кіевскаго воеводства, не безъ основанія вида во всѣхъ этихъ вововведеніяхъ стремленіе обратить ихъ въ неволю къ панамъ *)).

Такимъ образомъ размежеваніе очистило почву для дальнѣйшихъ преобразованій. Уже въ уставѣ о волокахъ (§ 20) король высказываетъ желаніе, чтобы вездѣ, гдѣ удобно, заводимы были въ возможно большемъ числѣ фольварки. Подъ эти фольварки, въ каждомъ данномъ пунктѣ, отводились наилучшія волоки, причемъ соблюдалось такое отношеніе, чтобы на каждую волоку фольварочной земли приходилось семь волокъ крестьянской. Фольварочная система хозяйства начала распространяться съ чрезвычайною быстротою, какъ въ королевскихъ имѣніяхъ, такъ и въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ; рядомъ, какъ необходимое условіе фольварочнаго хозяйства, шло все увеличивающееся стѣсненіе крестьянина, постепенное обращеніе его въ крѣпостнаго, отбывающаго все болѣе и болѣе тяжелую барщину.

И такъ, вторая половина XVI вѣка открыла собою эпоху въ исторіи западно-русскаго крестьянства. Крестьянинъ-собственникъ обратился въ съемщика, такого же съемщика, какими были всегда такъ называемые «похожіе люди», «вольники», снимавшіе по договору чужую землю на извѣстныхъ условіяхъ. Мало того, его положеніе было хуже положенія съемщика, такъ какъ онъ до извѣстной степени былъ прикрѣпленъ къ своей землѣ, и это прикрѣпленіе становилось все тѣснѣе. Впрочемъ, и похожій человекъ также понемногу стѣснялся въ своемъ правѣ кидать по усмотрѣнію снятую землю, тоже прикрѣплялся постепенно къ землѣ. Та-

*) *Архив. юю-з. Росс.*, ч. 6, т. 1, LXXVII.

жить образомъ, оба вида крестьянъ, которые вначалѣ такъ между собою различались, слились въ одну безразличную крестьянскую массу, одинаково сидѣвшую на принятыхъ отъ господскихъ экономій волокахъ, одинаково платившихъ этимъ экономіямъ чинши и всякіе датки и отбывавшихъ барщины на поляхъ этихъ экономій, одинаково прикрѣпленныхъ къ землямъ своихъ волокъ. Разумѣется, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается: не въ одинъ день завершился и этотъ процессъ, какъ ни благоприятно все сложилось для его завершения.

Напримѣръ, на территоріи собственной Украины, по мостраціямъ первыхъ двухъ десятковъ лѣтъ 17-го вѣка, видны лишь зачатки фольварочно-барщинной системы, и только съ успѣшнымъ подавленіемъ козацкихъ возстаній 20-хъ и 30-хъ годовъ расчищается почва для ея роста. Вообще, широкое территоріальное распространеніе новаго строя нерѣдко встрѣчало для себя непреодолимые препятствія; но за то въ каждомъ данномъ пунктѣ онъ обхватывалъ всѣ подлежащія ему отношенія съ неудержимой быстротой. Какъ король, представитель государственной земельной собственности, такъ и всѣ частные землевладѣльцы, начиная отъ литовско-русскаго магната-князя до послѣдняго землянина, сдѣлавшагося теперь шляхтичемъ, всѣ были въ этомъ отношеніи связаны круговой порукой серьезнаго личнаго интереса. Такъ называемый «уставъ о похожихъ людяхъ» краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, какъ хорошо сознавался этотъ интересъ и какъ энергично проводился онъ въ жизнь при посредствѣ круговой поруки всѣхъ заинтересованныхъ *).

Стоить ли доказывать, что новый строй, въ фундаментѣ котораго лежало отнятіе у земледѣльца правъ собственности на воздѣлываемую имъ землю, насильственное прикрѣпленіе его къ панской волокѣ и барщинѣ, что этотъ строй не могъ благоприятствовать дальнѣйшему развитію или хотя бы даже просто существованію старыхъ земельныхъ организацій, родового ли типа, или вытекшаго изъ него договорнаго? Вѣдь, этотъ новый строй атрофировалъ тотъ жизненный нервъ, которымъ поддерживается всякая естественно выросшая организація: самоопредѣленіе. Но мало этого, принимались нарочитыя мѣры къ разрушенію этихъ организацій: складывающееся крѣпостное государство инстинктивно чувствовало, что эти организація до нѣкоторой степени есть, все-таки, защита и убѣжище стараго крестьянскаго вольнаго духа. Нужно было дезорганизовать крестьянскую массу, чтобы поставить лицомъ къ лицу съ новыми условіями лишь единичнаго крестьянина, совершенно безсильнаго, лишеннаго и проблеска сознанія о возможности оппозиціи и борьбы. Въ этомъ смыслѣ очень ха-

*) Содержаніе этого устава такое: всѣ землевладѣльцы Витебской и Полоцкой земли, духовные и свѣтскіе, крупнее и мелкіе, постановили на общемъ своемъ собраніи, что никто не будетъ принимать похожихъ людей иначе, какъ на извѣстныхъ стѣснительныхъ условіяхъ; постановлено привлечь къ этому взаимному обязательству и короля. Король согласился вступить въ этотъ союзъ наступленія на права „вольныхъ“ людей.

рактеры приведенныя выше слова Сигизмунда-Августа: «Каждый потому, какъ онъ свой хлѣбъ ѣсть, долженъ и работы и повинности намъ отбывать, а не по своимъ предкамъ, со своихъ, какъ они называютъ, вотчинъ». Стремленіе къ тому, чтобъ поставить крестьянина въ положеніе человѣка, «отбывающаго работы и повинности, на томъ же личномъ началѣ, на какомъ «онъ свой хлѣбъ ѣсть», проявляется во всемъ: въ разселеніи крестьянъ по волокамъ, въ замѣнѣ серебризны поголовщиной, вообще въ различныхъ мѣрахъ, которыми отмѣнялась старая система, принимавшая за единицу обложенія сначала дворище, потомъ дымъ,—всюду, гдѣ можно, выступаютъ лицо и личная отвѣтственность. Все это должно было привести къ быстрому и окончательному разрушенію дворищной организаціи. На эту тему князь Тадеушъ Любомірскій, одинъ изъ симпатичнѣйшихъ польскихъ историческихъ писателей, написалъ *) настоящую элегію въ прозѣ. Въ его шляхетскомъ сердцѣ нашлись глубоко прочувствованныя и трогательныя слова, которыми онъ изобразилъ положеніе крестьянина, лишеннаго защиты сильной дворищной организаціи и приведеннаго къ тому положенію, которое сами поляки залеймили выраженіемъ: «Polonia est infernus gusticogum». Съ 16-го вѣка, т. е. съ разрушенія дворищъ, крестьяне Холмской Руси потеряли «свободу отъ тѣлесныхъ наказаній, свободу женщинъ отъ отбыванія экономическихъ работъ, свободу варить напитки, суды и выборныхъ судей, самостоятельность хозяйствъ и возможность трудомъ приобрѣтать собственность»,—такъ заключаетъ кн. Любомірскій свою статью о Ратенскомъ староствѣ, т. е., скажемъ мы отъ себя, потеряли все, что отличало ихъ, какъ людей, отъ того рабочаго быдла, въ какое ихъ позже обратила исторія.

Мы сказали сейчасъ, что дворище разложилось быстро и окончательно, но должны прибавить оговорку: на той территоріи, гдѣ забрала полную силу новая система хозяйства. Выше уже было указано, что въ глубь Украины она распространялась туго, и даже передъ самою катастрофой распространеніе ея, уже довольно значительное, все-таки, ещё далеко не достигло равномѣрности. Понятно, поэтому, что мы находимъ слѣды дворищной организаціи въ степной Украинѣ до самой Хмельничины. Но надо сказать, что мѣстныя условія, топографическія и иныя, были таковы, что не благоприятствовали дворищной организаціи поселеній и землевладѣнія. Хуторъ, прямой преемникъ и наследникъ дворища, здѣсь долженъ былъ уступить мѣсто большому населенному мѣсту, селу, мѣстечку, которое представляло несравненно больше гарантій отъ татарскихъ нападений, вивсѣвшихъ постоянною черною тучей надъ украинскимъ горизонтомъ.

Но, зная живучесть органическихъ формъ, трудно предположить, чтобы старыя земельныя организаціи, вѣками вошедшія въ плоть и кровь крестьянина, не проявили стремленія въ чемъ-нибудь отродиться. И дѣйствитель-

*) *Biblioteka Warszawska* 1855—6 г.: „*Polnocno-wschodnje woloskie osady*“, „*Starostwo Ratenske*“.

но, несмотря на постоянно проявляющееся стремление панской власти поставить лицомъ къ лицу съ собою всякаго мелкаго съемщика, сидящаго на какомъ-нибудь ничтожномъ земельномъ отрѣзкѣ, который прежде входилъ на извѣстныхъ условіяхъ въ составъ дворищной организаціи, отбывавшей за него повинности, — все-таки, и при волочной системѣ можно наблюдать кое-что, напоминающее старыя порядки. Такъ, нерѣдко мы встрѣчаемъ, что волока снимается не единичнымъ крестьяниномъ, а группою хозяевъ въ два-три, даже и четыре человѣка, составляющихъ вмѣстѣ одинъ потугъ. Какъ устранивались между собою эти потужники по волокѣ — не видно; но, судя по постояннымъ упоминаніямъ о доляхъ, половинкахъ, третинахъ, четвертинахъ, надо думать, что въ эти отношенія внесено было кое-что изъ старой дворищной организаціи. Но была и еще одна область поземельныхъ отношеній, гдѣ старыя порядки также удерживались до нѣкоторой степени. Это такъ называемые «входы». Мы упомянули о нихъ выше, но не распространялись, какъ не считаемъ нужнымъ и здѣсь вдаваться въ бесплодныя догадки и соображенія насчетъ того, составляли ли входы остатки первобытной безграничной свободы въ пользованіи землей, или это есть обломки какихъ-нибудь разрушившихся большихъ общинныхъ организацій. Скажемъ только, что «входы» Литовской Руси значительно отличались отъ аналогичныхъ имъ порядковъ Руси сѣверной. Между тѣмъ какъ на сѣверѣ населеніе относилось къ рѣкамъ и озерамъ, лѣсамъ и тундрамъ, какъ къ Божиимъ стихіямъ, на которыя человѣку неестественно и грѣшно предъавлять какія-нибудь исключительныя права, въ Литовской Руси, уже въ 16-мъ вѣкѣ, даже безграничныя пуши, не говоря о другихъ угодьяхъ, подлежали частному праву. Но не только крестьяне дворищъ, даже и крестьяне волокъ, все-таки, сохраняли права на пользованіе этими угодьями. Только права эти были большею частью точно опредѣлены и подлежали извѣстнымъ строгимъ ограниченіямъ. Разумѣется, позже крестьянское пользованіе этими входами приняло видъ сервитутовъ, связанныхъ съ панскими землями. Какъ бы то ни было, еще въ концѣ 17-го вѣка и даже въ 18-мъ в. крестьяне такъ крѣпко держались еще на этихъ своихъ исконныхъ правахъ, что называли «входы» своими вотчинами, а себя вотчичами (*wchody, alias otczyny*, какъ выражаются документы *); всѣ же имѣвшіе вотчины въ одномъ угодьѣ были между собой сябрами.

Всѣ факты, о которыхъ шла рѣчь въ настоящей главѣ, относятся къ территоріи правобережной Украины, на которой сосредоточивалась въ ту эпоху историческая жизнь южно-русскаго племени. Слѣдующій историческій моментъ — съ половины 17-го в. — она переносится на лѣвый берегъ Днѣпра, и мы послѣдуемъ туда же, чтобы посмотреть, какія формы при-

*) *Протоколы кievскаго юридическаго общества*. Прибавл. къ *Протоколамъ* за 1890 г., стр. 68.

няло тамъ землевладѣніе. Но пока скажемъ нѣсколько словъ по поводу того, что происходило на территоріи лѣво-бережной Украины въ ту эпоху, о которой у насъ шла рѣчь, т.-е. до переворота, внесеннаго въ исторію Хмельнициной.

Немногочисленные документы свидѣтельствуютъ, что здѣсь, какъ и можно было ожидать, имѣло мѣсто все то же, что и на правомъ берегу. Населеніе сосредоточивалось въ сѣверномъ Полѣсѣ; степь только что начинала заселяться. Въ Сѣверщинѣ крестьяне «вутчичи» сидѣли точно также большими семейными группами на своихъ «вутчинахъ», «отчинахъ», «земляхъ». Слово «дворище» намъ здѣсь не попадалось; но описаніе «вутчицкихъ земель» и ихъ принадлежностей, даже самыя названія этихъ земель (Пилиповщина, Пророковщина и т. д.) показываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ тою же самою дворищною формой *). Встрѣчаются тѣ же самыя дворищные участники «*sortium suorum possessores*», сябры, которымъ принадлежить «во всякихъ рѣчахъ» известная часть. Когда въ первой половинѣ 17-го в. начинаютъ водворяться и здѣсь волоки, онѣ являются здѣсь съ тѣми же атрибутами стараго дворища, со всеми принадлежностями: «гаями, дубравами, сѣножатями и со всѣмъ, что колѣвкъ здавна належало» и т. д. **).

А. Ефименко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) *Jablonsky*: „Lustracya Krolewyszczyn“, 195—209. *Арх. юго-западной Рос.*, т. VII: *Описаніе Остерскаго замка*.

***) *Jablonsky*, 208. *Историко-статист. описаніе Чернив. епархіи*. V, 96.

Ярмарка женскаго тщеславія.

(*Journal de Marie Bashkirtseff*. 2 vols. Paris 1892.— *Lettres de Marie Bashkirtseff*. Paris 1891.— *Артистка*. Романъ въ 4 частяхъ Маріи Крестовской. *Вѣстникъ Европы* 1891 г., №№ 4—12).

„Имѣете ли вы понятіе, какое это искушеніе? Въ глазахъ образы, одинъ за другимъ, видѣнія, свѣтъ радуги, звуки... Имѣете ли вы понятіе, какая это жажда, какіе порывы, какая мука?... Вотъ, передо мной—и не достану! Другимъ, а не мнѣ! Я красавица—я въ лохмотьяхъ... Жить, жить! полной грудью чувствовать, что живу! что жизнь всего міра сливается съ моею жизнью! Сливается всѣми своими богатствами, красотами, теплою нѣгой... Мое тѣло проситъ нѣги; мнѣ грубое противно, мнѣ безобразіе страшно, мнѣ необходимъ душистый воздухъ, плоды, цвѣты, прикосновеніе шелка, тонкой ткани, ласкающей, какъ пухъ... Ничего словами необъяснимая, страстная потребность нѣги...“

В. Крестовскій-псевдонимъ.

„Que suis je? Rien. Que veux-je être? Tout“.

М. Башкирцева.

I.

Христіанскіе народы переживаютъ теперь моментъ, который получилъ названіе fin de siècle. Ничего, конечно, нѣтъ замѣчательнаго въ томъ фактѣ, что мы живемъ въ концѣ столѣтія, какъ нѣтъ вообще ничего замѣчательнаго въ какихъ бы то ни было хронологическихъ рубежахъ и подраздѣленіяхъ, но представленіе о какомъ-нибудь концѣ естественно вызываетъ представленіе объ итогѣ. Каковы итоги девятнадцатаго вѣка? По крайней мѣрѣ, въ чемъ заключается главная отличительная черта заканчивающагося столѣтія?

На этотъ вопросъ съ почти одинаковою основательностью могутъ быть предложены очень различные отвѣты и съ очень различныхъ точекъ зрѣнія. Историкъ, быть можетъ, сказалъ бы, что эта черта заключается въ развитіи національной идеи, которой Наполеонъ послужилъ своими войнами безсознательно, неумышленно, а Бисмаркъ своею политикою крови

и желѣза сознательно и преднамѣренно. Экономистъ сказалъ бы, вѣроятно, что идея труда, его правъ и его эмансипаціи, вошедшая какъ новый и могучій элементъ на арену исторической жизни, является самою замѣчательною особенностью девятнадцатаго вѣка, опредѣлившею его фizioномію. Съ этой точки зрѣнія героями вѣка являются четвертое сословіе и его апостолы, подобно тому, какъ съ точки зрѣнія историка «вѣкъ и современный человекъ» полнѣе всего выразился въ яркихъ и крупныхъ личностяхъ Наполеона и Бисмарка. Философъ-идеалистъ сказалъ бы, что девятнадцатый вѣкъ, какъ вѣкъ милитаризма, капитализма и націонализма, былъ мрачною эпохой полнаго торжества идеи силы въ ущербъ идеи права и—какъ неизбѣжный результатъ этого торжества—ослабленія альтруистическихъ инстинктовъ и чувствъ, пониженія общаго нравственнаго уровня людей. Философъ-реалистъ нашелъ бы, что грандіозный принципъ борьбы за существованіе, освѣтивъ собою сознаніе людей девятнадцатаго вѣка, возвысился на степень первенствующаго фактора прогресса, потому что ввелъ въ жизнь начало *сознательною историческою подбора*. Поэтъ сказалъ бы, вмѣстѣ съ представителями всѣхъ другихъ искусствъ, что девятнадцатый вѣкъ заставилъ, говоря метафорически, возить Пегаса воду, что онъ превратилъ всѣхъ девять прекрасныхъ сестеръ въ сестеръ милосердія, а чистую воду кастальскаго ключа подвергъ химическому анализу, т.-е. принудилъ искусство не только служить, но и прислуживать себѣ, своимъ «прозаическимъ» вкусамъ и своимъ «меркантильнымъ» интересамъ. Техникъ сказалъ бы, что девятнадцатый вѣкъ былъ вѣкомъ пара, какъ двадцатый вѣкъ будетъ, вѣроятно, вѣкомъ электричества. Теологъ назоветъ девятнадцатый вѣкъ вѣкомъ рационализма, аристократъ—вѣкомъ демократіи, демократъ—вѣкомъ окончательной ликвидаціи послѣднихъ остатковъ феодализма и т. д., и т. д. Въ каждой изъ этихъ характеристикъ была бы извѣстная доля истины, хотя очень неполной, условной и односторонней. Среди этого хора различныхъ мнѣній, что могъ бы сказать публицистъ—не какъ дѣятель той или другой партіи, не какъ членъ того или другого класса, не какъ человекъ той или другой національности, а именно только какъ публицистъ, т.-е. согласно этимологіи слова, служитель публичности, гласности, общественности?

Онъ могъ бы сказать, что девятнадцатый вѣкъ былъ по преимуществу *его* вѣкомъ, вѣкомъ почти полнаго торжества и развитія тѣхъ началъ, которые вызвали самую профессію публициста, создали его общественно-историческую роль. Въ самомъ дѣлѣ, что такое публицистика въ самомъ общемъ и широкомъ значеніи этого слова? Это—практическое выраженіе начала общественности и примѣненіе принципа гласности въ самой удобной и цѣлесообразной формѣ,—въ формѣ печатнаго слова. Но если чѣмъ девятнадцатый вѣкъ рѣшительно и безмѣрно превосходитъ всѣ предшествовавшіе ему вѣка, то это, конечно, развитіемъ сношеній между *народами*, сближеніемъ между *классами*, привлеченіемъ къ дѣятельному участию въ общихъ дѣлахъ *личности*. Теперь, скажемъ стариннымъ выраже-

нѣмъ, трудно быть «въ нѣтяхъ», трудно и для націи, и для человѣка. Жизнь личности тысячами нитей связана теперь съ жизнью общества и этой связи предстоитъ только все болѣе и болѣе крѣпнуть. Русскій помѣщикъ, который еще такъ недавно имѣлъ полную возможность прожить весь свой вѣкъ въ своей деревнѣ, «никому не кланяясь» и «ни въ комъ не нуждаясь», является теперь и въ роли судьи, и въ роли солдата, и въ роли земскаго «свѣдущаго человѣка», и въ роли купца, фабриканта, заводчика. Русскій купецъ, который еще недавно не зналъ никакихъ чужихъ странъ, кромѣ Бѣлой Арапіи, принужденъ интересоваться «заграницей» и ея дѣлами, потому что съ положеніемъ этихъ дѣлъ связана судьба интересныхъ для него вопросовъ о денежномъ курсѣ, о тарифахъ, о рынкахъ, объ успѣхахъ технического производства. Русскій чиновникъ, для котораго еще недавно весь міръ заключался въ стѣнахъ его департамента и для котораго, по свидѣтельству Салтыкова, было понятно слово «публика», но непонятно слово «общество», очень хорошо знаетъ теперь о существованіи общественнаго мнѣнія. И такъ далѣе. Вотъ какъ выражается ростъ общественности, зависящій отъ насущныхъ интересовъ, отъ давленія необходимости.

Начало *общественности* тѣснѣйшимъ образомъ связано съ началомъ *публичности*, какъ содержаніе съ формой. Всякая общественная дѣятельность есть служба обществу и, какъ таковая, должна совершаться на виду у общества и подъ его непосредственнымъ контролемъ. Чѣмъ выше поднимается волна общественности, тѣмъ болѣе съуживаются предѣлы личной жизни, той жизни, въ которой человѣкъ даетъ и имѣетъ право давать полную волю своимъ наклонностямъ, не представляя никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Еще гоголевскій Степанъ Ивановичъ Утѣшительный утверждалъ, что «человѣкъ принадлежитъ обществу», и его пріятель возражалъ ему лишь въ томъ смыслѣ, что «принадлежитъ, но не весь». Рѣшеніе этого вопроса—«весь» или «не весь» и насколько именно «не весь»—зависитъ не отъ какихъ-либо теоретическихъ доводовъ, а опредѣляется силою вещей: человѣкъ принадлежитъ обществу настолько, насколько онъ соподчиненъ ему, насколько общественная личность вліятельнѣе, значительнѣе и важнѣе всякой единичной индивидуальности. А это опредѣляется общимъ уровнемъ и общими условіями жизни, корни которыхъ теряются въ глубинѣ и во мракѣ исторіи. Во времена Утѣшительнаго, т.-е. лѣтъ шестьдесятъ-семьдесятъ назадъ, человѣкъ очень мало принадлежалъ обществу. Люди, говоря любимымъ выраженіемъ одного изъ персонажей Островскаго, жили «по душѣ», т.-е. поступали по наитію, по произволу, не имѣя образца ни на гнѣвъ, ни на милость. Человѣкъ, въ одно и то же время, былъ безконтрольнымъ повелителемъ въ одну сторону и безсловеснымъ исполнителемъ въ противоположную сторону. Судьба людей, стоявшихъ ниже его, зависѣла отъ расположенія его духа, точно также какъ его собственная судьба зависѣла отъ чужаго каприза. Сообразно съ этимъ, все совершалось домашнимъ, *калейнымъ*, т.-е. отъ всѣхъ чужихъ глазъ закры-

тымъ путь. Не было содержанія общественности — авторитета коллективнаго разума и коллективной воли и не было формъ для нея — гласности и всѣхъ видовъ публичности.

Въ сожалѣнію, какъ давно извѣстно, между формой и содержаніемъ довольно рѣдко бываетъ полное соответствіе. Очень мало его и въ нашемъ случаѣ. Если, *вообще говоря*, мы видимъ на Западѣ извѣстную пропорціональность между *общественностью*, какъ содержаніемъ, какъ основнымъ жизненнымъ принципомъ, и *публичностью*, какъ формой этого принципа, то у насъ такой пропорціональности оказывается очень немного. Пояснимъ дѣло нѣкоторою литературною иллюстраціей. Въ романѣ Тургенева *Дымъ* одинъ изъ многихъ представленныхъ тамъ генераловъ, послѣ очень запальчивыхъ тирадъ противъ нивелирующихъ тенденцій прогресса, заявляетъ, что онъ, впрочемъ, ничего не имѣетъ противъ *цивилизациі*: «почему же, въ самомъ дѣлѣ, не освѣщать улицъ газомъ?» Вотъ любопытное пониманіе сущности цивилизациі! Но развѣ просвѣщеніе людей не безконечно важнѣе освѣщенія улицъ? Развѣ значеніе поразительныхъ техническихъ изобрѣтеній, которыми гордится нашъ вѣкъ, заключается только въ увеличеніи внѣшнихъ удобствъ нашей жизни, а не въ томъ, главнымъ образомъ, что они расширяютъ возможность общенія между людьми и тѣмъ самымъ раскрываютъ для нихъ новые умственные горизонты? Но такое, такъ сказать, технологическое пониманіе сущности цивилизациі не представляетъ собою ничего необычнаго. Можно сказать даже, что оно, по отношенію къ нашей собственной жизни, не представляетъ и ничего очевидно ложнаго, *грубо* неправильнаго, потому что основывается на фактахъ исторіи нашего развитія. Дѣло въ томъ, что, по своей извѣстной «молодости», мы чаще всего увлекались только казовымъ концомъ культуры, воспринимали ея формы, нисколько почти не касаясь содержанія и даже иногда не догадываясь о немъ. Наши щеголи и петиметры прошлаго столѣтія, до тонкостей усвоивавшіе себѣ и костюмъ, и языкъ, и манеры, и даже иногда воззрѣнія самыхъ верхнихъ слоевъ культурныхъ обществъ Запада и, за всѣмъ тѣмъ, остававшіеся полудикарями, представляютъ собою типичный историческій образецъ нашихъ культурныхъ заимствованій. Извѣстное нелюбезное замѣчаніе Наполеона относительно насъ (*grattez* и пр.) до сихъ поръ сохраняетъ свой глубокой смыслъ. Академія наукъ при поголовномъ невѣжествѣ, гуманнѣйшій «Наказъ» при всеобщемъ безправіи и всеобщей продажности, свобода печати при отсутствіи серьезной литературы (до книги Радищева), либеральныя стремленія при наличности крѣпостнаго права, наконецъ, многія формы гласности и публичности при отсутствіи истинной общественности — какая странная амальгама Европы и Азіи, какое удивительное преобладаніе формы надъ сущностью!

На улицахъ нашихъ горитъ газъ, а на нѣкоторыхъ даже электричество. Театры наши полны, наши выставки блестящи, извозчики опрятны, полицейскіе вѣжливы, мостовыя исправны, газеты благородны, — словомъ, «жизнь тонкая и политичная, разговариваютъ все на тонкой деликатности,

галантерейное, чортъ возьми, обхождение!» Не только гоголевскій Осипъ, но и тургеневскій генераль можетъ удовлетвориться нашею культурностью. Какъ бы ни было бѣдно содержаніе, заключающееся въ этихъ культурныхъ формахъ, несомнѣнно, все-таки, что впечатлѣніе, производимое этою блестящею внѣшностью, самаго импонирующаго свойства—вотъ что важно. Сколько людей не могутъ освободиться отъ вліянія этого впечатлѣнія, подвергнуть его суду и анализу, не могутъ даже тогда, когда сила его притупляется привычкою! А отсюда происходитъ многое. Вотъ нарядная толпа Невскаго проспекта, какъ ее изобразилъ намъ Гоголь: «одинъ показывается щегольской мундиръ съ лучшими бобромъ, другой—греческій прекрасный носъ, третій несетъ превосходныя бакенбарды, четвертая пару хорошенькихъ глазокъ и удивительную шляпку, пятый—перстень съ талисманомъ на щегольскомъ мизинцѣ, шестая—ножку въ очаровательномъ башмакѣ, седьмой—галстугъ, возбуждающій удивленіе, восьмой—усы, повергающіе въ изумленіе». Не торопитесь обвинять этихъ людей въ мелочности и въ тщеславіи, хотя они, безспорно, повинны и въ томъ, и въ другомъ: чувство, лежащее въ основаніи ихъ дѣйствій, само по себѣ прекрасно, потому что это именно чувство обществѣнности, въ силу котораго человѣкъ добивается одобренія или уваженія себѣ подобныхъ. Тутъ нагляднымъ образомъ сказывается могущественное дѣйствіе примѣра, то уваженіе къ коллективному мнѣнію, которое одинаково успѣшно подвигаетъ человѣка и на добро, и на худо. Если человѣкъ надѣется удивить насъ своими усами, рысачами, перстнями, это, конечно, не дѣлаетъ чести его умственнымъ способностямъ, но, во-первыхъ, какъ же ему быть, если, кромѣ усомъ, повергающихъ въ изумленіе, природа не отпустила ему никакихъ другихъ даровъ? А, во-вторыхъ, онъ вовсе и не такъ глупъ, какъ кажется: вѣдь, его усы и перстни дѣйствительно на многихъ производятъ эффектъ, возбуждаютъ во многихъ не только вниманіе, но даже зависть, а, вѣдь, что же такое зависть, какъ не косвенное признаніе завидующаго въ превосходствѣ надъ собою?

Скажи мнѣ, чѣмъ ты гордишься, и я скажу тебѣ, кто ты такой. Извѣстная французская пословица и въ этомъ измѣненномъ своемъ видѣ сохраняетъ всю свою правду. Но мало того, что мы скажемъ, *кто такой* этотъ человѣкъ,—мы скажемъ, и каково то общество, среди котораго онъ живетъ. Дикарь гордится своею физическою силою; полудикарь гордится своимъ богатствомъ или своею красивою наружностью; цивилизованный человѣкъ гордится тою пользою, которую онъ приноситъ умственному и нравственному развитію своихъ согражданъ. На этой личной почвѣ дѣло, однако же, не кончается. Почему гордятся эти люди? Не потому только, что они лично считаютъ достоинствомъ физическую силу или богатство, или умственные труды, но, главнымъ образомъ, потому, что всѣ эти преимущества высоко цѣнятся тѣмъ общимъ мнѣніемъ, которое является для нихъ высшимъ авторитетомъ. Атлета-готтентота восхваляетъ готтентотское общественное мнѣніе, Вить Витычъ Брусловъ жаждетъ одобренія Замоскворѣчья,

Дарвинъ находитъ удовлетвореніе и награду въ уваженіи всѣхъ образованныхъ людей міра. Съ личной точки зрѣнія они одинаково правы и все дѣло сводится, очевидно, къ вопросу о томъ культурномъ уровнѣ, на которомъ находится общество, дающее оцѣнку и санкцію заслугамъ своихъ членовъ. Гоголевская толпа въ нашихъ глазахъ, быть можетъ, пошла и суетна, но люди, ее составляющіе, взятые каждый въ отдѣльности, могутъ вовсе и не быть пошляками: они дадутъ то, чего отъ нихъ требуютъ, добиваются того, чего добиваются такъ называемые «всѣ». Если общественнаго вниманія можно добиться парой хорошенькихъ глазокъ и удивительною шляпкой, если щегольской сюртукъ можетъ возбуждать почтеніе къ его счастливому обладателю, то совершенно естественно, что люди, надѣленные такими преимуществами, будутъ стараться выставлять ихъ на первый планъ. Въ нравственномъ и психическомъ смыслѣ мудро было бы указать различіе между тѣмъ чувствомъ удовлетворенія, которое испытываетъ какой-нибудь Гельмгольцъ, получивъ выраженіе уваженія со стороны какого-нибудь Вирхова, и тѣмъ чувствомъ восхищенія, которое прешполняетъ даму пріятную во всѣхъ отношеніяхъ, только что выслушавшую комплиментъ своей красотѣ отъ Чичикова или отъ Ноздрева. Съ другой стороны, если у насъ въ концѣ сороковыхъ годовъ гробъ Бѣлинскаго провожали, по разсказу Панаева, всего только двадцать человѣкъ, а гробъ Гюго въ восьмидесятыхъ годахъ провожали пятьсотъ тысячъ человѣкъ, то это вовсе не значитъ, что заслуги Бѣлинскаго для нашего развитія въ тысячи разъ меньше заслугъ Гюго для развитія французовъ, а значитъ лишь то, что неодинакова общественная оцѣнка дѣятельности этихъ людей, а оцѣнка неодинакова потому, что неодинаковъ культурный уровень заинтересованныхъ обществъ. Въ этомъ все дѣло; ради установленія этого простого положенія и были высказаны нами всѣ предъидущія соображенія.

Выводъ этотъ намъ нуженъ потому, что только твердо держась на его почвѣ мы можемъ удовлетворить требованіямъ справедливости, — той относительной, человѣческой справедливости, — которая судить и даже осуждаетъ, но не по результатамъ только, а и по производящимъ причинамъ. Мы увидимъ сейчасъ героинь тщеславія и намъ придется, конечно, сурово порицать ихъ, но будемъ помнить, все-таки, что это лучшія между дурными, что это не болѣе, какъ жертва темныхъ силъ общечеловѣческой культуры. *Газовая цивилизація — легковѣсные люди.*

II.

Если главною особенностью всякой исторической личности является ея *типичность*, то мы имѣемъ полное право отнести Марію Башкирцеву къ разряду историческихъ людей. Историческій человѣкъ, какова бы ни была его собственная индивидуальность, полнѣе другихъ отражаетъ въ себѣ хорошія или дурныя стороны даннаго общества или данной эпохи. Въ этомъ отношеніи различіе между историческими дѣятелями количественное, а не

качественное: одинъ является представителемъ цѣлаго вѣка или цѣлой страны, другой—всего только представителемъ нѣкотораго общественнаго слоя и извѣстнаго историческаго момента. Сопоставленіе именъ «железнаго канцлера» и русской степной барышни всякому показалось бы смѣшнымъ и нелѣпнымъ, но въ однои и, притомъ, очень существенномъ отношеніи мы имѣемъ полное право на такое сопоставленіе. Если вы хотите уяснить себѣ грубыя и мрачныя стороны современной цивилизаціи, тѣ стороны, въ которыхъ нѣтъ мѣста для нравственнаго идеала,—изучите личность и дѣятельность Бисмарка. Если вы желаете ознакомиться съ поверхностною пѣной нашей цивилизаціи, присмотрѣться поближе къ блестящему наружному лоску нашей жизни и оцѣнить его одурманивающее вліяніе,—изучите личность и жизнь Башкирцевой. Бисмаркъ въ такой же степени апостольскій эгоизма, въ какой наша Башкирцева—героиня безплодной суетности и ненасытнаго тщеславія.

Слова Башкирцевой: «Что я такое? Ничто. Чѣмъ я хочу быть? Всѣмъ»,—взятыя нами эпитафией, не пустая фраза. Это довольно вѣрная характеристика основнаго мотива внутренней жизни Башкирцевой. Говорятъ съ порицаніемъ объ эгоизмѣ старости: во сколько разъ хуже его эгоизмъ юности и молодости? Всѣ помыслы Башкирцевой всегда и неизмѣнно вращались около ея собственной особы. Она не только *хотѣла* быть *всѣмъ*, но, въ своихъ грезахъ и надеждахъ, дѣйствительно *была* *всѣмъ*, поставляя себя центромъ міра, все назначеніе котораго заключалось въ томъ, чтобы служить оправой для этого драгоценнаго брилліанта. Приведемъ одинъ мелкій, даже комичный, но тѣмъ болѣе выразительный примѣръ. У Башкирцевой пропала ея любимая собака и она сообщаетъ изъ Парижа объ этомъ своему знакомому въ такихъ выраженіяхъ: «У меня только что украли мою собаку. Это ужасно. Я думаю, что ее увезли изъ Парижа. Я написала во всѣ стороны, чтобы сострадательныя души, къ которымъ я обращаюсь, могли захватить презрѣнныхъ, въ случаѣ, если они появятся. Знаете ли вы что-нибудь болѣе гнусное, чѣмъ похищеніе собаки? Это въ полномъ смыслѣ нивость. Какъ! Хватаютъ созданіе, которое привязано къ своимъ хозяевамъ, у котораго иногда гораздо больше ума, нежели у иныхъ двуногихъ, но которое не въ состояніи защищаться—это верхъ злодѣйства и подлости. Я объявила о 200 франкахъ награды, и это не послужило ни къ чему. Не доказываетъ ли это гнусности всего рода человѣческаго?» (*Lettres*, 92). Это, конечно, не болѣе, какъ крикъ избалованнаго ребенка (Башкирцевой, однако, было въ это время уже восемнадцать лѣтъ отъ роду), но, вѣдь, характеръ человѣка сказывается даже въ его дѣтскихъ капризахъ. Быть обобраденнымъ никому не пріятно, но надо имѣть особую духовную организацію и особыя нравственныя привычки, чтобы по такому поводу проклинать à la Шопенгауэръ весь родъ человѣческій. Великолѣпный вопросъ: «знаете ли вы что-нибудь болѣе гнусное, нежели похищеніе собаки?»—былъ съ серьезнымъ негодованіемъ предложенъ блестяще-даровитою дѣвушкой въ 1878 году,—въ томъ самомъ году, когда на ро-

днѣ ея происходили событія, не часто встрѣчающіяся въ исторіи. Но всякія событія, если они не касались непосредственно Башкирцевой, могли идти какъ имъ угодно, не озабочивая и даже не интересуя нашу героиню, а вотъ за пропажу собаки, ея собаки, привлекается къ отвѣтственности весь родъ человѣческій. Это не наивность, это глубоко впоренившееся себялюбіе и высокошѣрное самолюбіе, всегда отличающія людей того нравственнаго типа, къ которому принадлежала Башкирцева.

Никто не возбуждаетъ въ толпѣ столько зависти, сколько люди, подобные Башкирцевой, и никто менѣе ихъ не заслуживаетъ такого чувства, потому что они отнюдь не сила, а только подобіе силы. Они свѣтятъ и не грѣбютъ, блестятъ, не будучи золотомъ, и оставляютъ послѣ себя то, что оставляетъ фейерверкъ: нѣсколько эффектныхъ свѣтовыхъ впечатлѣній и много дыма и копоти. Франсуа Коппе, рассказъ котораго о знакомствѣ съ Башкирцевой предшествуетъ *Письмамъ* въ видѣ какого-то рекомендательнаго предисловія, довольно хорошо выразилъ то смутное чувство удивленія, смѣшаннаго съ недовѣріемъ, которое возбудила въ немъ Башкирцева. «Я видѣлъ ее только одинъ разъ, я видѣлъ ее въ теченіе только одного часа... Я не забуду ее никогда»,—такую эффектною любезностью начинаетъ Коппе свой рассказъ. Большого преувеличенія тутъ нѣтъ, потому что яркая и разносторонняя даровитость Башкирцевой въ самомъ дѣлѣ сильно поражала воображеніе. Башкирцева обладала сразу нѣсколькими талантами—живописца, музыканта, писателя, и эти высокіе дары Божіи были оплодотворены и упрочены серьезнымъ изученіемъ. Вотъ какъ Коппе описываетъ бібліотеку Башкирцевой: «Я увидалъ многочисленныя томы, безпорядочно разставленныя по полкамъ, разбросанныя на рабочемъ столѣ. Я подошелъ и посмотрѣлъ на заглавія. Все это были великія произведенія человѣческаго ума. Они были тутъ въ подлинникахъ, на своихъ оригинальныхъ языкахъ—на французскомъ, итальянскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ, наконецъ, латинскомъ и даже греческомъ (забѣтимъ въ скобкахъ: о русскихъ шедеврахъ не упоминается, потому ли, что ихъ не было у Башкирцевой, или потому, что Коппе просто ихъ проглядѣлъ). И это были не «библіотечныя книги», бібліотечная мебель, а настоящія старыя книги, со слѣдами упорнаго изученія, истрепанныя, читанныя и перечитанныя. На конторкѣ лежалъ томъ Платона, раскрытый на возвышенной страницѣ». Надо вѣрить въ этотъ случаѣ Коппе, хотя ему, увлекающемуся поэту, вообще можно довѣряться только съ большою осторожностью. Такъ, онъ объясняетъ преждевременную смерть Башкирцевой поэтическимъ предположеніемъ, что «природѣ понадобился рождающійся геній молодой дѣвушки, чтобы увеличить блескъ и чистоту какой-нибудь звѣзды»—*pour augmenter l'éclat et la pureté d'une étoile*. Трудно ожидать трезвой характеристики отъ человѣка, въ серьезѣ высказывающаго такія фразы и метафоры.

За всѣмъ тѣмъ, на этотъ разъ повѣримъ Коппе на слово, т.-е. повѣримъ тому, что «великія произведенія человѣческаго ума» были не только истрепаны, но и прочтены Башкирцевой. Тѣмъ не менѣе, восхищенное по-

вѣствованіе Коппе не оставляетъ ли въ душѣ читателя какой-то тяжелый и непріятный осадокъ? Не возникаютъ ли въ читателѣ нѣкоторые скептическія сомнѣнія по отношенію не къ фактической, а къ нравственной сторонѣ дѣла? Пусть Башкирцева изучала классическія произведенія, но не слишкомъ ли ужъ *на виду* изучала, до такой степени на виду, что мы боимся, какъ бы это дѣлалось не просто *для виду*? Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, это какое-то красивое театральное представленіе, а не настоящая жизнь съ ея подлинною правдой. Приходитъ какой-то человѣкъ, котораго вы въ первый разъ отъ роду видите, начинаетъ разсматривать ваши рисунки, рыться въ вашихъ нотахъ, шарить въ вашей библіотекѣ, и вы не только не оскорбляетесь такою безцеремонностью, но съ предупредительною поспѣшностью объясняете ему: я дѣлаю то-то, думаю такъ-то, изучаю такихъ-то писателей. Назойливые репортеры, правда, часто врываются къ знаменитостямъ и осаждаютъ ихъ разнаго рода вопросами, но, отвѣчая по возможности на эти вопросы, знаменитости, все-таки, не пускаютъ вопрошателей дальше своей приѣмной и въ интимную откровенность съ ними не входятъ. «Великія произведенія человѣческаго ума», если Башкирцева точно изучала ихъ, должны были бы приучить ее, прежде всего, къ сдержанности и сосредоточенности, которыя свидѣтельствуютъ о самоуваженіи. Кто дѣйствительно цѣнитъ наслажденія уединенной умственной работы, для кого общеніе съ лучшими умами человѣчества составляетъ драгоценность внутренней жизни, тотъ не станетъ, конечно, съ хвастливымъ самодовольствіемъ рисоваться своими занятіями, мыслями, мечтами и не превратитъ свой кабинетъ въ какой-то пассажъ для всѣхъ праздношатающихся. Какъ тутъ не вспомнить энергическихъ словъ поэта:

Не унижай себя. Стыдися торговать
 То гнѣвомъ, то тоской послушной,
 И гной душевныхъ ранъ надменно выставлять
 На диво черни простодушной.
 Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?
 На что намъ знать твои волненья,
 Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,
 Разсудка злыя сожалѣнья?

Товаръ былъ показанъ Коппе лицомъ, и впечатлительный поэтъ былъ ослѣпленъ и оглушенъ. Какъ человѣкъ умный и бывалый, онъ, однако же, тотчасъ проникся скептицизмомъ здраваго смысла и «въ глубинѣ души тайный голосъ прошепталъ: это черезъ-чуръ». Это «с'est trop» Коппе мы нахваливаемъ чрезвычайно характернымъ для Башкирцевой. Она производила—и по особенностямъ своей личности должна была производить—на всѣхъ именно такое ослѣпительное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не серьезное впечатлѣніе. При всей своей вѣжливости и любезности, Коппе позволяетъ себѣ сравнить Башкирцеву съ «нѣкоторымъ оранжерейнымъ цвѣткомъ, дивно благоухающимъ и прекраснымъ». Это галантное сравненіе очень вѣрно и по тому самому убійственно для Башкирцевой. Оранжерейный цвѣтокъ—вещь по-

казная, непрочная и только очень немногимъ нужная. Сегодня онъ восхищается, завтра отцѣзтаетъ, а послѣ-завтра о немъ забываютъ. Не о физической смерти говорю я теперь. Преждевременная смерть Башкирцевой не болѣе, какъ несчастная случайность, но духовная бесплодность такихъ натуръ, какъ Башкирцева, не случайность, а необходимость, и эту-то бесплодность я и имѣю въ виду. Быть «всѣмъ», претендовать на обладаніе всѣми духовными дарами, всего хотѣть, ко всему стремиться и за все хвататься,—да, бесспорно «с'est trop». Чтобы быть стойкою, человѣческая природа должна быть уравновѣшенной, а чтобы быть уравновѣшенной, она должна найти свой центръ тяжести. Такимъ центромъ тяжести можетъ быть или рѣшительное призваніе къ какому-нибудь *одному* роду творчества, или какая-нибудь опредѣленная идея, достаточно широкая, чтобы сконцентрировать на себѣ всѣ силы человѣка, или, наконецъ, какое-нибудь простое практическое дѣло, какъ исполненіе заповѣди: «въ потѣ лица ѣсть хлѣбъ свой». Ни одной изъ этихъ трехъ опоръ у Башкирцевой не было.

Главнымъ талантомъ или, по крайней мѣрѣ, преобладающемъ влеченіемъ было у Башкирцевой влеченіе къ живописи. Психологія истиннаго художника все еще остается тайной, но нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что дѣйствительный, настоящій талантъ стремится выразиться независимо отъ какихъ бы то ни было практическихъ соображеній. Не говоря ни о чемъ другомъ, человѣка просто *тянетъ* къ работѣ, къ краскамъ, къ инструменту, къ перу. Процессъ работы доставляетъ ему то мученія, то наслажденія, безъ которыхъ его жизнь была бы не только пуста, но прямо испорчена. Усиѣхъ, извѣстность, обогащеніе и пр.,—все это для настоящаго таланта только пріятные аксессуары дѣятельности, но не содержаніе, не цѣль ея. Напротивъ, если неблагоприятныя обстоятельства потребуютъ отъ человѣка жертвъ ради удовлетворенія требованій его таланта, онъ не остановится передъ этимъ и сложить у подножія своей богини и свое имущество, и свои личныя привязанности, и свою физическую свободу и даже свое доброе имя, свою честь. Ничего подобнаго мы не видимъ у Башкирцевой, точнѣе, мы видимъ у ней нѣчто діаметрально-противуположное. Въ одномъ мѣстѣ своего *Дневника* (II, 120) она откровенно говоритъ: «Я не думаю, что люблю свое искусство, оно было только средствомъ и я его покидаю... Такъ ли? Ахъ, я и сама ничего объ этомъ не знаю!» Такъ же говорятъ люди дѣйствительно призванные. Сомнѣніе Башкирцевой («угаі-ment?») относится не къ чувству ея относительно живописи, а лишь къ тому, броситъ она ее или не броситъ. *Знать* этого Башкирцева точно не могла, потому что ставила свое рѣшеніе въ зависимость отъ того, выйдетъ или не выйдетъ она замужъ. Взглядъ Башкирцевой на живопись—какъ на средство только—доказывается безчисленными мѣстами ея *Дневника* и ея *Писемъ*. Въ *Дневникѣ* мы находимъ, наприм., такое признаніе: «Я ничего, ничего не вижу, кромѣ живописи. Если я сдѣлаюсь великимъ живописцемъ, это будетъ божественнымъ вознагражденіемъ, и приобрѣла бы право передъ собою имѣть чувства, мнѣнія и не презирала бы себя, пиша всѣ

эти бездѣлицы. Я была бы нѣчто... Я въ состояніи быть ничѣмъ и была бы счастлива этимъ, если бы меня любилъ человѣкъ, который былъ бы моею славой. Теперь нужно пробиваться самой». Истинная цѣль жизни Башкирцевой поставлена здѣсь съ полною прямою: *пробиться*—вотъ въ чемъ вся эта цѣль. Пробиться, т.-е. имѣть успѣхъ, приобрести значеніе, возбуждать вниманіе, *быть въ модѣ*, говоря собственнымъ выраженіемъ Башкирцевой. *Это*—цѣль, все остальное—только средства, въ томъ числѣ и живопись. Сама по себѣ живопись вовсе не улыбалась Башкирцевой и она смотрѣла на нее какъ на тяжелый искусъ, безъ котораго нельзя обойтись на пути къ извѣстности, жажда которой выражалась часто у Башкирцевой просто въ психопатическихъ формахъ. Восемнадцати лѣтъ отъ роду она заявляетъ: «къ двадцати двумъ годамъ я буду знаменита или умру», а на слѣдующій день пишетъ въ *Дневникъ*: «моя досада, мое бѣшенство, мое отчаяніе не имѣютъ выраженія на человѣческомъ языкѣ! Если бы я начала рисовать съ четырнадцати лѣтъ, я была бы знаменита». Живопись, какъ всякое искусство, требуетъ терпѣливаго изученія, долгаго и упорнаго труда, а Башкирцевой ожидать нѣтъ силъ и она предается такимъ мечтаніямъ: «Почему бы князю Орлову, который вдовъ, не влюбиться въ меня и не жениться на мнѣ? Я была бы парижскою посланницей, почти императрицей. Аничковъ, бывшій посломъ въ Тегеранѣ, женился же по любви на одной особѣ, будучи старше ея болѣе чѣмъ на 55 лѣтъ». Живопись въ такомъ случаѣ можно было бы, конечно, и по боку, какъ говорится... Нѣтъ, мы рѣшительно отказываемся вѣрить въ серьезность призванія, отъ котораго можно съ такою легкостью отказаться; въ силу и жизнеспособность таланта, воспитаніемъ котораго *скучно* заниматься. Истинный художникъ, повторяю, заботится не объ успѣхѣхъ, а объ идеалѣ, волнуящемъ его душу; истинный талантъ жаждетъ самоудовлетворенія, а не дешевыхъ похвалъ. Одинъ изъ русскихъ художниковъ писалъ свою единственную картину болѣе двадцати лѣтъ и успѣха, въ смыслѣ Башкирцевой, не имѣлъ, но его имя записано на вѣки вѣчные въ лѣтописяхъ русскаго искусства, какъ имя одного изъ величайшихъ мастеровъ. Но что говорить объ этомъ? Не нашъ ли величайшій поэтъ повѣдалъ намъ эту тайну настоящаго творчества, объяснилъ намъ это *цѣломудріе* истиннаго дарованія въ несравненныхъ стихахъ:

Ты—царь: жива одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя награды за подвигъ благородный.
Онъ въ самомъ тебѣ. Ты самъ—свой высшій судъ,
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.

Такой языкъ для всевозможныхъ Башкирцевыхъ—мѣдъ звенящая, и такіе понятія для нихъ—абракадабра. Имъ понятенъ лишь льстивый языкъ салоновъ, и слушаютъ они только трубные звуки рекламы. Но отъ того-то критика получаетъ право à priori, безъ непосредственнаго ознакомленія съ

ихъ произведеніями, заключить, что въ лицѣ ихъ имѣеть дѣло не съ талантами, а всего лишь съ претензіями на талантъ.

Не имѣя, такимъ образомъ, внутренней опоры въ талантѣ, не нашла ли ее Башкирцева въ какой-нибудь идеѣ, осуществленіе которой могло бы стать для нея цѣлью жизни? Нѣтъ. Подобно тому, какъ только что мы нашли у ней не талантъ, а лишь претензіи на талантъ, и въ этомъ случаѣ мы находимъ у ней не идею, а только претензію на идею,—претензію, какъ всегда у Башкирцевой, на подкладкѣ личнаго честолюбія и тщеславія. Вотъ характерный въ этомъ смыслѣ отрывокъ изъ *Дневника*: «Женщины всегда останутся только женщинами. Но, однако... если бы имъ давали такое же воспитаніе, какъ и мужчинамъ, оплакиваемое мною неравенство между ними исчезло бы и осталось бы лишь то, которое происходитъ отъ самой природы. Чтобы добиться такого равенства лѣтъ черезъ сто, нужно кричать и подвергаться осмѣянію, и я предоставляю это другимъ. Съ своей стороны я докажу его обществу, представивъ собою женщину, которая сдѣлается чѣмъ-нибудь, несмотря на всѣ невыгоды ея общественнаго положенія». Какъ видите, общій вопросъ переносится на чисто-личную почву: Башкирцева намѣревается доказать правоспособность женщины своимъ собственнымъ примѣромъ. Она, въ сущности, равнодушна къ дѣлу и принципиальную его защиту «предоставляетъ другимъ», но она не равнодушна къ своей личной карьерѣ, устраивая которую, она надѣется попутно рѣшить и женскій вопросъ. Чего тутъ больше—наивности или самоувѣренности, трудно сказать. Слишкомъ ясно, что какъ бы ни блистательно устроилась Башкирцева, ея примѣръ ровно ничего не доказалъ бы въ общемъ смыслѣ потому, во-первыхъ, что исключенія не опровергаютъ правила, и потому, во-вторыхъ, что единичныхъ примѣровъ женской удачи скопилось очень много задолго до рожденія на свѣтъ Башкирцевой. Въ *Письмахъ* встрѣчается еще одна попытка Башкирцевой придать своимъ личнымъ стремленіямъ нѣкоторое общее значеніе, но эта попытка уже цѣликомъ относится къ области чистаго комизма. Башкирцева пишетъ своему учителю живописи: «Столько было толковано о правахъ и вольностяхъ женщинъ и столько разумныхъ и просвѣщенныхъ людей смѣялись надъ этимъ, что даже одни слова *права женщинъ* преисполняютъ насъ стыдомъ; за всѣмъ тѣмъ, право или равенство, котораго мы добиваемся, не имѣеть ничего общаго съ политикой и не сопрягается ни въ какомъ отношеніи ни съ нигилизмомъ, ни съ социализмомъ, ни съ бонапартизмомъ, ни съ правомъ избирать и избираться. Повсюду были разсматриваемы эти вопросы, указывалось на массу болѣе или менѣе ужасныхъ несправедливостей по отношенію къ слабому полу, и только одна была оставлена безъ вниманія, должно быть, именно потому, что она наиболѣе очевидна, поразительна и жестока: это—отсутствіе школы изящныхъ искусствъ для женщинъ». Вотъ какъ иногда на виду у всѣхъ гора родить мышь! Читатель узнаеть здѣсь то самое перо, ту самую логіку и то самое чувство, которыя, какъ мы видѣли, по поводу пропавшей собачонки, разразились громовыми проклятія-

ми всему роду человѣческому. Послѣ этого бесполезно было бы доказывать, что никакого общественнаго идеала у Башкирцевой не было, никакими идейными и общими цѣлями она не задавалась. Отсутствие специальной женской художественной школы, какъ основной пунктъ женскаго вопроса—этого достаточно, чтобы исчезла всякая возможность сколько-нибудь серьезнаго разговора.

Наконецъ, у Башкирцевой не было и той элементарной опоры, которая спасаетъ безчисленное множество людей отъ нравственнаго оскуднѣнія и паденія—необходимости труда. Она могла заниматься хватаніемъ звѣздъ съ неба на полночь просторѣ, потому что заботливая судьба обезпечила за ней на землѣ хорошій кусокъ хлѣба. Нѣтъ сомнѣнія, она гораздо меньше раздражала бы себя мечтами о славѣ, если бы большая часть ея времени была наполнена борьбою за существованіе, за право пить и ѣсть. Въ живой средѣ, окружавшей Башкирцеву, она точно также не находила никакого противовѣса своимъ истерическимъ порываніямъ. Совершенно наоборотъ: «Обыкновенно,—пишетъ она въ *Дневникъ*,—родственники и близкіе люди не вѣрятъ въ геній великаго человѣка. У насъ слишкомъ вѣрятъ въ меня, такъ что не удивились бы, если бы я написала картину величиною съ плоть Медузы или если бы мнѣ дали орденъ почетнаго легіона. Дурной ли это знакъ? Надѣюсь, нѣтъ». Башкирцеву, какъ видите, обезпечивало это преклоненіе передъ нею только въ томъ смыслѣ, что ставило ее въ положеніе необычное для гениальныхъ людей, и она, повидимому, не подозрѣвала великаго нравственнаго вреда такого безразсуднаго баловства. Вѣдь, даже настоящій геній сбился бы съ толку и потерялъ бы всякое нравственное чутье, всякое уваженіе къ чужому праву, если бы всякая прихоть его встрѣчала потачку, всё сумасшедшія претензіи—одобреніе и даже восхищеніе. Представьте же себѣ человѣка обыкновенныхъ способностей, каковымъ была Башкирцева, зараженнаго язвой самомнѣнія, отъ котораго его нужно было бы излечивать суровымъ перевоспитаніемъ и у котораго, вмѣсто того, всё и все, и люди, и обстоятельства, только и дѣлаютъ, что растрavляютъ эту язву: какого добра тутъ можно ждать? Вѣдь, даже глупая старуха сказки, честолюбіе которой не шло сначала дальше новаго корыта, пожелала, наконецъ, стать царицею морской, потому что не видѣла никакого отпора своимъ претензіямъ. Въ *Дневникъ* разсказывается маленькій эпизодъ изъ дѣтской жизни Башкирцевой, отлично рисующій разбираемую нами сторону дѣла: «Я помню,—разсказываетъ Башкирцева,—когда я ребенкомъ въ первый разъ ѣхала по желѣзной дорогѣ и въ первый разъ встрѣтилась съ посторонними людьми; я усѣлась въ вагонѣ, занявши всевозможными вещами два мѣста. Вошли два пассажира. Эти мѣста заняты,—сказала я съ апломбомъ.—Хорошо,—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ,—я сейчасъ позову кондуктора. Я думала, что это шуточная угроза, къ которымъ я привыкла въ семействѣ, и нельзя описать того страннаго холода, который охватилъ меня, когда кондукторъ очистилъ мѣсто и пассажиръ занялъ его. Это была моя первая встрѣча съ дѣйстви-

тельностью». Вотъ въ такихъ-то урокахъ жизни болѣе всего и нуждалась Башкирцева, и въ нихъ-то именно и отказала ей злая судьба, обыкновенно даже слишкомъ щедрая на нихъ для безчисленныхъ Макаровъ. Вспомнимъ, сколько усилій большого ума и возмужалой воли нужно было употребить толстовскому Левину, чтобы освободиться отъ миражей ничѣмъ не сдерживаемой фантазіи и войти на правахъ обыкновеннаго работника въ трудовую жизнь простыхъ здоровыхъ людей,—вспомнимъ и снимемъ всякую отвѣтственность съ двадцати-трехлѣтней дѣвушки, которая не смогла поднять тяжкой ноши и была раздавлена ею. Разносторонняя даровитость Башкирцевой была и въ этомъ случаѣ не помощью, а помѣхою ей, потому что, не указывая ей какого-нибудь *одного* настоящаго исхода, указывала ей множество призрачныхъ, мнимыхъ, фантастическихъ, отъ живописи къ замужеству съ посланникомъ, отъ философіи къ свѣтской жизни и отъ литературныхъ занятій къ мечтамъ о самоубійствѣ. Это было не человѣческое существованіе, а какое-то нетерпѣливо-судорожное метаніе изъ стороны въ сторону,—не работа, а мартышкинъ трудъ,—не спокойное сознательное стремленіе, а головокружительная скачка съ препятствіями,

Благо наслѣдье богатыхъ отцовъ
Освободило отъ малыхъ трудовъ.

Въ чемъ же состояло содержаніе этой лихорадочной жизни, чѣмъ былъ наполненъ внутренній міръ этого страннаго существа? Если бы Башкирцева была не типомъ, а исключеніемъ, то все же заслуживала бы вниманія, хотя бы какъ «беззаконная комета въ кругу разчисленныхъ свѣтилъ». Но Башкирцева, настаиваю я, яркая представительница распространеннаго типа, а этотъ типъ—порожденіе извѣстныхъ силъ нашей цивилизаціи—вотъ ея значеніе.

Съ этой точки зрѣнія *Дневникъ* Башкирцевой является замѣчательнымъ литературнымъ произведеніемъ и даже историческимъ документомъ. Въ предисловіи къ *Дневнику* Башкирцева увѣряетъ читателя въ полной искренности, съ какой она говоритъ о себѣ, и хотя вообще всякимъ авторамъ всевозможныхъ личныхъ признаній и исповѣдей очень трудно вѣрится, мы можемъ вѣрить Башкирцевой по одной основательной причинѣ: наивное самомнѣніе Башкирцевой именно и ручается за ея искренность. Она до того увѣрена въ себѣ, такъ глубоко убѣждена, что всѣ ея дѣйствія и мысли, *faits et gestes*, превосходны и великолѣпны, что не видитъ надобности скрывать что-нибудь отъ читателя. «Я считаю себя слишкомъ достойной удивленія, чтобы цензурировать себя»,—высокомѣрно заявляетъ она въ предисловіи. А намъ, читателямъ, это и на руку,—эта презрительная безцеремонность по отношенію къ намъ гарантируетъ насъ отъ обмана. Подобно тому, какъ женщины древняго міра не стѣснялись совершать всѣ отправленія въ присутствіи рабовъ-мужчинъ, потому что не считали ихъ за людей, Башкирцева не стѣняется откровенничать съ нами, потому что заранѣе увѣрена въ наше удивленіе и въ нашей симпатіи

(«je suis bien sûre, qu'on me trouvera sympathique»). Если она ошибется на этот счет, тѣмъ хуже для нея, а мы, все-таки, свое получимъ—полюбуемся.

Съ чего бы начать? Вотъ восемнадцатилѣтняя дѣвушка, мечтающая о замужствѣ. Какой поэтической образъ, какая богатая тема для воображенія поэта, для мысли философа-психолога! А вотъ послушайте нашу героиню: «Я скоро выйду замужъ. Въ чему отдавать эту развязку? Чего еще ждать? Надо будетъ поѣхать въ Италию и сосватать себѣ мужа тамъ... Только не русскаго, купленный русскій былъ бы ужасенъ. Впрочемъ, въ Россіи я безъ труда вышла бы замужъ, особенно въ провинціи; но я не такъ глупа. Въ Петербургъ? Ну, что-жь, если отцу вздумается, можно будетъ провести тамъ одну зиму... Въ самомъ дѣлѣ, мысль о Петербургѣ мнѣ улыбается. Въ Парижѣ нельзя рассчитывать на богатыхъ жениховъ; что же касается бѣдныхъ, то Италия всего удобнѣе. Я всегда могу выйти за какого-нибудь итальянскаго князя, — подождемъ. Дѣло въ томъ, что, взявши итальянскаго князя, я получу въ свое распоряженіе и свои деньги, и буду работать на свободѣ, но, вѣдь, придется дѣлиться съ нимъ»... Вотъ важъ и поэзія, и психологія во вкусѣ fin de siècle! Рѣчи какого-то лошадиного барышника въ розовыхъ устахъ изящной восемнадцатилѣтней дѣвушки — это хорошо гармонируетъ съ нѣкоторыми особенностями нашей эпохи. А вотъ другія рѣчи—въ духѣ современнаго французскаго натурализма: «Мое тѣло античной богини, мои бедра trop esragpoles (?), моя маленькая и безукоризненной формы грудь, мои ноги, мои руки, моя дѣтская головка... къ чему все это, если меня никто не любить?» Довольно обстоятельное описаніе, отъ котораго не отказалась бы сама Нана... Позвольте! — тороплюсь я перебить возраженія читателя. — Я менѣе чѣмъ кто-либо склоненъ защищать лицемерную pruderie и очень хорошо знаю, что въ основѣ самой идеальной любви лежитъ физиологическое чувство. Но, во-первыхъ, это знаемъ мы, люди пожившіе, и знаемъ это теперь, а въ семнадцать лѣтъ отъ роду мы этого не знали и ужъ во всякомъ случаѣ объ этомъ не думали; во-вторыхъ, слова цѣломудріе, стыдливость, приличіе, точно также какъ слова нескромность, цинизмъ, неблагопрістойность, существуютъ не для наполненія лексиконъ, а для выраженія понятій, которыя играютъ роль въ нашемъ нравственномъ обиходѣ. Почему въ молодости не мечтать о любви? Но вpletать въ эти мечты каинимъ-то страннымъ образомъ представленіе о собственныхъ бедрахъ—значитъ обнаруживать болѣзненность воображенія, особенно непріятную въ молодой дѣвушкѣ, требующей отъ насъ симпатій къ себѣ.

Пойдемъ дальше: «Я умна, образована, проникательна, обладаю вообще всѣми мозговыми качествами и, кромѣ того, я справедлива. При такихъ условіяхъ, почему бы я не могла судить о себѣ? Это очень возможно, потому что я вижу ясно. И такъ, дѣйствительно ли я значу что-нибудь или сдѣлаюсь чѣмъ-нибудь въ искусствѣ? Что я думаю о самой себѣ?»

Вотъ страшные вопросы... дѣло въ томъ, что, сравнивая себя съ идеаломъ, котораго мнѣ хотѣлось бы достигнуть, я думаю о себѣ дурно, но когда я сравниваю себя съ другими... Въ концѣ-концовъ, я не думаю, что одарена гениемъ, но я надѣюсь, что увѣрю другихъ въ моей гениальности...» Если ужъ это не шарлатанство, то шарлатанства, значить, и совѣмъ нѣтъ на свѣтѣ. Принципъ «не быть, а слыть» не только не возбуждаетъ въ Башкирцевой отвращенія, столь естественнаго, казалось бы, именно для простодушной и чистосердечной молодости, а, наоборотъ, съ дипломатическою лукавостью и съ старческимъ хлоднокровіемъ полагается ею въ основу всей системы ея поведенія. Лишь бы убѣдить толпу въ своей гениальности, лишь бы взобраться на пьедесталъ, заставить поклоняться себѣ, а выйдетъ ли что-нибудь доброе изъ этого культа, прольется ли на людей тотъ свѣтъ и то тепло, которыми всякій истинный теній оплачиваетъ намъ за наше поклоненіе (точно также, впрочемъ, какъ и за наше преслѣдованіе и непониманіе), до этого Башкирцевой нѣтъ дѣла. Башкирцева обладала умомъ,—тѣмъ свѣтскимъ умомъ, который сводится къ житейскому такту и практической ловкости, и потому не слишкомъ печалилась объ отсутствіи въ ней гениальности, потому именно, что въ жизни, въ свѣтѣ важно не быть, а слыть. «Истинные артисты, — говорятъ Башкирцева, — не могутъ быть счастливы. Прежде всего, они знаютъ, что толпа не понимаетъ ихъ, что они работаютъ для какой-нибудь сотни людей и что остальные слѣдуютъ своему дурному вкусу или мнѣніямъ *Figaro*». Невѣжество всѣхъ слоевъ общества относительно искусства ужасающее». *Счастье*, о которомъ говоритъ здѣсь Башкирцева, это—единственно понятное ей «счастье» шумной извѣстности и базарнаго успѣха, и, дѣйствительно, *этого рода* счастье сплошь да рядомъ обходитъ истинные таланты. Ничего, поэтому, привлекательнаго въ истинной гениальности для Башкирцевой не было, тѣмъ болѣе, что, благодаря «ужасающему невѣжеству» общества, не трудно выдать бронзу за золото. Вотъ ходъ мысли Башкирцевой, и развѣ такая логика не есть та самая логика, которою руководствуются шарлатаны всѣхъ отраслей науки, искусства и ремесла? «Ахъ, друзья мои, — восклицаетъ далѣе Башкирцева, — вы можете все потерять, но внѣшность должна быть сохранена». Развѣ это не простая перефразировка первой и единственной заповѣди всякаго шарлатанства: «не быть, а слыть»?

Слово «la gloire», слава, — любимое слово Башкирцевой, потому что въ славѣ—и только въ славѣ—полагала она всю цѣль своей жизни. Встрѣчая новый 1884 годъ она записываетъ въ своемъ *Дневникѣ*: «Свои пожеланія я выражу въ одномъ словѣ, прекрасномъ, звучномъ, великолѣпномъ, опьяняющемъ и на бумагѣ, и въ живой рѣчи: слава!» Эта желанная «слава» откликнулась, наконецъ, на страстный призывъ Башкирцевой, картина которой имѣла успѣхъ на парижской выставкѣ. Башкирцева была въ восхищеніи: «Люди, которыхъ я не знаю, говорятъ обо мнѣ, занимаются мною, судятъ обо мнѣ. Какое счастье! Ахъ, я такъ этого желала и столь-

ко этого ждала, что мнѣ даже не вѣрится. Мнѣ льститъ тоже шумъ, который производитъ моя картина. Мнѣ завидуютъ, на меня клеветуютъ, я значу что-нибудь. Пусть же мнѣ будетъ дозволено немножко порисоваться, если это доставляетъ мнѣ удовольствіе». Замѣтимъ мимоходомъ, что успѣхъ картины Башкирцевой (какъ это видно изъ *Дневника*) былъ успѣхъ не серьезный, двусмысленный, вродѣ успѣха тѣхъ малолѣтнихъ пианистовъ и скрипачей, которые играютъ прескверно, но которымъ всѣ аплодируютъ. Главный интересъ картины Башкирцевой и главная причина ея успѣха заключались въ томъ, что она была написана дѣвушкой, да еще молодой, да еще красивой, да еще русской, да еще великосвѣтской. Сколько темъ для языкочесанія, какой благодарный сюжетъ для бездѣльнаго любопытства! Отсюда весь «bruit», а такъ какъ, по понятіямъ Башкирцевой, «bruit» и «gloire»—одно и то же, то она и преисполнилась самодовольствія. Но пора произнести настоящее слово, которое характеризуетъ Башкирцеву съ ногъ до головы и освѣщаетъ ее настоящимъ свѣтомъ: *тщеславіе*—вотъ это слово, резюмирующее всю личность Башкирцевой; Башкирцева сама это признаетъ и это дѣлаетъ честь ея откровенности, но не дѣлаетъ чести ея уму то, что она и другихъ считаетъ такими же. «Я хочу быть въ модѣ, вотъ главное. Строгіе умы, не поймайте плечами, не осуждайте меня съ притворнымъ равнодушіемъ: вѣдь, по правдѣ, вы сами, въ сущности, таковы. Конечно, вы остерегаетесь показать это, но въ глубинѣ души согласитесь со мною. Тщеславіе! Тщеславіе! Тщеславіе! Начало и конецъ всего, вѣчная и единственная причина всего. Что не произведено тщеславіемъ, произведено страстями. Страсти и тщеславіе—единственные повелители міра». Надо пожить и поучиться вамъ, сударыня,—вотъ что могли бы сказать на это «строгіе умы». Въ томъ «мірѣ», въ которомъ вы живете и за предѣлы котораго вы не выходили, быть можетъ, «страсти и тщеславіе—единственные повелители». Но нельзя же судить о жизни на основаніи салонныхъ наблюденій.

III.

Обратимся къ другому источнику для нашихъ иллюстрацій—къ роману г-жи Крестовской. Мы безусловно вѣрили показаніямъ Башкирцевой, но насколько мы можемъ вѣрить свидѣтельству г-жи Крестовской? Очевидно, это вопросъ просто о размѣрахъ художественнаго дарованія г-жи Крестовской, о которомъ мы и скажемъ нѣсколько словъ. Г-жа Крестовская смѣнила, но не замѣнила въ нашей литературѣ свою славную однофамилицу. Этимъ, конечно, еще немного сказано: Хвоцинскія-Крестовскія не каждое десятилѣтіе рождаются *). Ясно, все-таки, что г-жа Крестовская принадле-

*) Кстати замѣтить: біографію Хвоцинской и весь вообще нравственный обликъ знаменитой писательницы можно было бы рекомендовать особенному вниманію Башкирцевыхъ. На этомъ примѣрѣ онѣ убѣдились бы, что можно обладать огромными силами, не имѣя и тѣми тщеславія, что человека могутъ подвигать мотивы болѣе высокіе и чистые, нежели желаніе парадировать передъ толпою.

жить къ разряду тѣхъ второстепенныхъ или третьестепенныхъ талантовъ, которые не могутъ угадывать, обобщать, творить, но могутъ довольно хорошо описывать. Если они добросовѣстны, ихъ произведенія получаютъ положительное значеніе, какъ сводъ хорошо сдѣланныхъ и полезныхъ наблюденій надъ жизнью. Этому требованію добросовѣстности, достовѣрности г-жа Крестовская удовлетворяетъ даже съ избыткомъ, до того, что впадаетъ въ недостатокъ другаго рода. Вѣчно какъ бы боясь не досказать, остаться непонятой, г-жа Крестовская ищетъ спасенія въ многоглаголаніи. Не то чтобы она уклонялась въ сторону отъ своей темы и не то чтобы она не умѣла писать: она просто желаетъ быть обстоятельной и исправной, такъ чтобы ужь все было сказано, безъ малѣйшихъ недомолвокъ и неясностей. Въ результатѣ—масса тщательно написанныхъ, но совершенно ненужныхъ страницъ. Это не только ослабляетъ впечатлѣніе нужныхъ страницъ, но парализируетъ его, наводя на читателя тоску, разрѣшающуюся подъ конецъ чувствомъ нѣкотораго озлобленія и обиды: кто далъ автору право, думаетъ онъ, считать меня за какого-то несмышленка, которому надо не только приготовить, но и разжевать и въ ротъ положить пищу? Но видно ужь г-жа Крестовская не можетъ иначе. Она сначала нарисуетъ поступокъ или чувство какого-нибудь изъ своихъ персонажей, а вслѣдъ за тѣмъ расскажетъ непосредственно отъ своего авторскаго лица о томъ же самомъ чувствѣ или поступкѣ. Выходитъ что-то вродѣ живыхъ картинъ съ музыкою: впечатлѣніе смѣшанное, смутное, именно потому, что его излишне стараются усилить. По-русски это называется про однѣ дрожжи твердить трожды.

Очевидно, однако же, что для нашихъ спеціальныхъ цѣлей повѣствовательный недостатокъ г-жи Крестовской не представляетъ почти никакихъ неудобствъ. Героиня г-жи Крестовской—родная сестра Башкирцевой по духу, съ тѣмъ только существеннымъ различіемъ, что она одарена не сомнительнымъ, а безспорнымъ талантомъ актрисы. Такъ, по крайней мѣрѣ, *говоритъ* авторъ, хотя *изображаетъ* онъ, въ сущности, довольно пустопорожнюю женщину, обладающую не столько талантомъ, сколько темпераментомъ, т.-е. только однимъ изъ условій или элементовъ таланта. Главная цѣль жизни Ольги Леонтьевой (такъ зовутъ «артистку») состоитъ не въ служеніи своему искусству, а въ служеніи толпѣ. До крайнихъ униженій она не доходитъ въ этомъ направленіи, до водевиля не спускается и очень энергично бранитъ оперетку, но судить она объ искусствѣ точь-точь какъ Башкирцева. Въ *Письмахъ* Башкирцевой находится такое замѣчаніе: «Счастливы тѣ, кто не принадлежитъ къ числу артистовъ. Нужно быть безумнымъ, чтобы записаться въ ряды этихъ одержимыхъ. Но кто попалъ туда, тотъ уже никогда изъ нихъ не выйдетъ». Почему же не выйдетъ? Артистическая служба—не каторжная работа. Вотъ какъ это объясняетъ Леонтьева: «Ни художникъ, ни писатель не могутъ такъ сильно чувствовать это, такъ ошутительно наслаждаться своимъ успѣхомъ, какъ мы, актеры,—мы, получающіе награду тотчасъ же по исполненіи, и полу-

чающіе ее громко, открыто для всѣхъ, сразу отъ тысячной толпы. О, ты не знаешь сколько въ этомъ наслажденіи! Мнѣ часто кажется, что жизнь другихъ людей, лишенныхъ этого, такъ вяла, такъ скучна, такъ блѣдна! Тотъ только пойметъ это, кто уже испыталъ это самъ, кто жилъ въ этомъ чудномъ, захватывающемъ триумфѣ... А кто жилъ въ немъ, тотъ уже не можетъ жить потомъ безъ него». И это все?—спроситъ читатель. Да, все, что можно выжать изъ рѣчей Башкирцевой и Леонтьевой: неутолимая жажда всеобщаго одобренія—вотъ что неразрывною цѣпью приковываетъ артиста къ искусству, рукоплесканія публики — вотъ высшая награда и высшее наслажденіе артиста. Бѣдные писатели, вы лишены этого счастья... Не утѣшить ли ихъ слѣдующее обстоятельство: въ настоящую минуту подвизается въ Петербургѣ клоунъ Дуровъ—большая знаменитость своего рода—показывающій дрессированныхъ крысъ. Онъ полною чашей пьетъ то наслажденіе, которое такъ краснорѣчиво описала Леонтьева, «жить въ чудномъ, захватывающемъ триумфѣ», который раздѣляютъ съ нимъ и его сподвижники—крысы. Найдется ли, однако, такой несчастный репортеръ, который согласился бы помѣняться съ нимъ мѣстами, если отстранить вопросъ о матеріальномъ вознагражденіи? Позвоительно сомнѣваться въ этомъ и въ такомъ случаѣ какая же цѣна «захватывающему триумфу»? Не очевидно ли, что для того, чтобы быть дѣйствительнымъ триумфомъ, онъ долженъ основаться на заслугѣ гораздо болѣе серьезной, чѣмъ счастье угодить толпѣ? А въ чемъ можетъ и должна состоять эта заслуга, это болѣе полувѣка назадъ выразилъ величайшій русскій писатель устами величайшаго русскаго актера: «Соотечественники! Вѣдь, у меня въ жилахъ тоже русская кровь, какъ и у васъ. Смотрите: я плачу. Комическій актеръ, я прежде смѣшилъ васъ, теперь я плачу. Дайте мнѣ почувствовать, что и мое поприще такъ же честно, какъ и всякаго изъ васъ, что я также служу землѣ своей, какъ и всѣ вы служите, что не пустой я какой-нибудь скоморохъ, созданный для потѣхи пустыхъ людей, но честный чиновникъ великаго Божьяго государства и возбудилъ въ васъ смѣхъ, не тотъ безпутный, которымъ пересмѣхаетъ въ свѣтѣ человѣкъ человѣка, который рождается отъ бездѣльной пустоты празднаго времени, но смѣхъ, родившійся отъ любви къ человѣку. Дружно докажемъ всему свѣту, что въ Русской землѣ все что ни есть, отъ мала до велика, стремится служить тому же, кому все должно служить на землѣ, несется туда же, кверху, къ верховной вѣчной красотѣ!» Должно быть, для нашего времени и для современныхъ артистовъ все это—«забытыя слова». Гоголевскій актеръ высказалъ такой взглядъ на свое призваніе въ грубыя времена, когда «начальство» говорило артистамъ «ты» и сажало ихъ подъ арестъ, и, все-таки, какъ оказывается, этотъ взглядъ далеко превышаетъ разумѣніе современныхъ артистовъ, общественное положеніе которыхъ стало теперь гораздо болѣе почетнымъ. Правда, Леонтьева говоритъ тирады противъ «униженія искусства», но это униженіе она понимаетъ по-своему. «Да, я дѣйствительно нахожу, что всѣ они (петербургскіе актеры) зары-

ваютъ въ землю свои таланты и не хотятъ ни работать, ни идти дальше, довольствуясь дешевымъ успѣхомъ въ райкѣ. И я нахожу, что постыдно и недобросовѣстно относиться такъ къ дѣлу людямъ умнымъ и талантливымъ; они только унижаютъ этимъ себя и роняютъ искусство, которому служатъ». Такъ разводитъ чужую бѣду руками Леонтьева, такъ изобличаетъ она соринку въ чужомъ глазу. Развѣ не она говорила о рукоплесканіяхъ, какъ о высшемъ наслажденіи и высшей наградѣ, объ оваціяхъ театральной толпы, какъ о «чудномъ, захватывающемъ триумфѣ»? Почему, говоря о себѣ, о рукоплесканіяхъ, доставшихся на ея долю, она не находитъ достаточно восторженныхъ выраженій, а рукоплесканія, доставшіяся товарищамъ, презрительно обзываетъ «дешевыми»? Потому что послѣднія раздаются изъ райка? Но, во-первыхъ, надо доказать, что Леонтьевой рукоплещеть партеръ и ложи, а ея товарищамъ только раекъ, и, вторыхъ, въ райкѣ только мѣста дешевы, рукоплесканія же его ни на волосъ не дешевле рукоплесканій партера. Побѣдителей не судятъ, и если товарищи Леонтьевой наслаждаются триумфами, и если въ этихъ триумфахъ—торжество артиста и его искусства, то не о чемъ и толковать. Бѣда Леонтьевой въ томъ, что она не обладаетъ смѣлостью Башкирцевой. На свое несчастье, она слыхала, что искусство имѣетъ высокое призваніе, свѣтлые идеалы, широкія нравственныя задачи, и путается въ этихъ понятіяхъ, какъ въ тенетахъ, тяготѣя, въ сущности, только къ внѣшнему успѣху, желая лишь être à la mode, какъ говорила Башкирцева.

Не служеніе обществу посредствомъ искусства, а служеніе своему тщеславію посредствомъ искусства—вотъ въ чемъ состоитъ вся миссія всевозможныхъ Леонтьевыхъ и Башкирцевыхъ. Не умѣя стать общественными дѣятелями, онѣ стремятся во что бы ни стало стать публичными дѣятелями, полагая, что вся сущность общественности именно и состоитъ въ публичности. Честно служить землѣ своей, — какъ выразился гоголевскій актеръ, — можетъ и долженъ всякій въ предѣлахъ своихъ способностей и для этого не требуется непременно публичности. Сельскій учитель, терпѣливо работающій въ какомъ-нибудь безвѣстномъ углу на пользу великаго дѣла просвѣщенія, священникъ, примѣромъ своей жизни доказывающій благо и силу высшаго нравственнаго идеала, земскій человѣкъ, трудящійся надъ разрѣшеніемъ элементарныхъ задачъ культуры родного края, женщина-мать, воспитывающая въ своихъ дѣтяхъ будущихъ честныхъ дѣятелей, — все это истинныя общественныя дѣятели, хотя ихъ служеніе проходитъ безъ всякихъ рукоплесканій и триумфовъ. Этимъ дѣятелямъ нельзя и не зачѣмъ тѣшить свое тщеславіе и не оно поддерживаетъ ихъ энергію и самоотверженіе, а чувство долга и сознаніе связи своего маленькаго дѣла съ великими общечеловѣческими задачами. Ихъ триумфъ—въ постепенномъ разчищеніи почвы для триумфа ихъ идеала; ихъ личное торжество—въ торжествѣ общаго дѣла. Какъ въ арміи бываютъ свои капитаны Тушины (*Война и миръ*), отъ силы духа и самоотверженія которыхъ зависитъ исходъ битвы, и свои Борисы Трубецкіе, годные только для украшенія парадовъ и

для отличій на мирныхъ маневрахъ, точно также и въ жизни есть темные труженики и блестящіе трутни. Если судьба надѣлила васъ талантомъ такой силы и такого рода, который требуетъ непременно публичности (писатель, не печатающій своихъ произведеній, живописецъ, не выставяющій своихъ картинъ, и т. п. не существуютъ не только для публики, но и для общества), если вы можете соединить пользу съ блескомъ, тѣмъ лучше или тѣмъ хуже для васъ, но помните, все-таки, что не въ публичности вашей дѣятельности заключается ваше достоинство, не ею опредѣляется ваша цѣна, а тѣмъ, насколько ваша дѣятельность проникнута общественнымъ началомъ. Не всякій общественный дѣятель есть публичный дѣятель и, наоборотъ, далеко не всякій публичный дѣятель есть дѣятель общественный. Когда Дарвинъ среди своихъ путешествій и въ тиши своего кабинета приготовлялъ и обдумывалъ свою книгу, его имя было неизвѣстно даже специалистамъ, но онъ былъ и тогда въ полномъ смыслѣ слова общественнымъ дѣятелемъ. Наоборотъ, безчисленное множество всевозможныхъ «любимцевъ публики» могутъ завтра же исчезнуть съ лица земли и о нихъ пожалѣютъ только всякаго рода антрепренеры, которые, впрочемъ, утѣшатся послѣ-завтра, потому что успѣютъ уже найти новый контингентъ живыхъ раритетовъ. *Обществу*, т.-е. совокупности людей, живущихъ извѣстными общими политическими, экономическими, нравственными интересами, мало дѣла до судьбы «пустыхъ скомороховъ», по гоголевскому выраженію, и оно можетъ интересоваться только *публику*, т.-е. совокупность людей, жаждущихъ развлеченій.

Г-жа Крестовская настойчиво увѣряетъ насъ, что у ея героини «огромный талантъ», но это не болѣе, какъ мнѣніе автора, для насъ не обязательное, потому что факты говорятъ другое. На всемъ протяженіи романа мы видимъ въ лицѣ «артистки» женщину, пожираемую заботой первенствовать и блистать. Параллельно съ этою чувствительностью къ одобренію, мы видимъ въ Леонтьевой чрезвычайную отзывчивость къ порицанію, доходящую до нервного расстройства отъ какой-нибудь газетной статьи. Любопытно было бы сопоставить томительное волненіе Башкирцевой, описанное въ ея *Дневникъ*, послѣ того, какъ она отослала свою картину на выставку, съ тѣми муками, которыя переживала Леонтьева послѣ того, какъ газеты напали на нее за ея переходъ съ московской сцены на петербургскую. Жалко и тяжело смотрѣть на этихъ несчастныхъ въ такія минуты... Вы видите не женщинъ, уважающихъ свое достоинство, не дѣятелей, вѣрующихъ въ свое призваніе, а какихъ-то рабынь, убитыхъ немилостью своего повелителя. И всего трагичнѣе, что эти рабыни не любить и не уважаютъ того, чья милость возноситъ ихъ къ небесамъ а немилость повергаетъ на самое дно ада. Мы видѣли, какъ Башкирцева третировала публику, указывала ея «поражающее невѣжество» въ вопросахъ искусства, а Леонтьева выражается на этотъ счетъ еще обстоятельнѣе. Слова Леонтьевой такъ хорошо освѣщаютъ эту сторону дѣла, что ихъ стоить привести цѣликомъ:

„Да,—сказала она, почти съ ненавистью и злостью вглядываясь въ проходивших мимо нея,—да, вотъ для васъ, для всѣхъ васъ, которыхъ я даже не знаю и которыхъ все равно до меня, я бросаю его, отрекаюсь отъ своей любви, ломаю, коверкаю и свою, и его жизнь, и все это для васъ, чтобы только сохранить себѣ ваше поклоненіе, вашу непрочную, жалкую любовь, которая есть сегодня и проходитъ завтра! А что вы мнѣ дадите за это? А что, если опять только обманете, какъ обманывали уже столько и даже меня же самою? Если я опять, кромѣ этого тушлага равнодушія, какъ вчера, ничего больше уже не найду въ васъ? О, какъ я всѣхъ васъ тогда возненавижу! Да я и теперь уже ненавижу васъ... ненавижу за то, что ради васъ добровольно отказываюсь отъ него, въ которомъ весь смыслъ, все счастье моей жизни, — не той жизни, которую я всю посвятила и отдала вамъ, а той маленькой части ея, которая уже моя собственность, которая принадлежитъ мнѣ самой да ему... А теперь я даже и этотъ послѣдній, жалкій кусокъ выдаю вамъ! О, конечно, вы скажете: намъ-то какое дѣло? Развѣ мы просили этого, развѣ у насъ нѣтъ другихъ, кромѣ ея, которые забавляютъ и тѣшатъ насъ? О, конечно, не просили; конечно, есть! Развѣ я васъ не знаю? Сегодня вы всё будете восхищаться мной, а завтра закидаете грязью и побѣдите за другими, новими, чтобы восхищаться этими другими, а потомъ забросаете грязью и насмѣлками точно такъ же и ихъ и побѣдите за третьими! Что мы, въ сущности, для васъ такое? Развѣ мы имѣемъ какое-нибудь серьезное значеніе въ вашей жизни, въ вашихъ удовольствіяхъ даже? Мы для васъ—простые гаеры, фигляры, которые важны и интересны вамъ, пока только забавляютъ васъ! А, между тѣмъ, мы, эти жалкіе фигляры, развѣ отвѣдавъ вашей лести, вашего поклоненія, уже не можемъ жить больше безъ васъ и вашихъ рукоплесканій, которымъ сами знаемъ цѣну... Да, знаемъ цѣну и, все-таки же, какъ глупыя, тщеславныя дѣти, бѣжимъ за вами, все для васъ бросаемъ, отрекаемся отъ всего дорогаго, чтобы только служить вамъ и добиваться вашихъ милостей! Боже мой, да развѣ вы стоите того, чѣмъ я жертвую теперь для васъ? Ну, что я имъ и что всё они мнѣ?...“

Вотъ замѣчательная страница, раскрывающая передъ нами такіе душевные тайники, въ которые нельзя спускаться съ нашею обыкновенною логикой. Человѣкъ отъ всей души презираетъ и, въ то же время, считаетъ одобреніе этихъ презираемыхъ имъ людей своею высшею наградой; человѣкъ ненавидитъ и отдаетъ добровольно ненавистнымъ людямъ «весь смыслъ, все счастье жизни»; человѣкъ терпитъ адскія муки униженія, сознаетъ бессмысленность своихъ усилій, въ послѣднемъ результатѣ которыхъ предвидитъ для себя только равнодушное забвеніе и даже закидыванье грязью, и считаетъ такое существованіе блестящимъ и завиднымъ; человѣкъ, наконецъ, имѣетъ полную матеріальную возможность выйти изъ своего невыносимаго положенія—и нѣтъ жертвы, на которую бы онъ ни рѣшился, чтобы сохранить за собою это положеніе. Нѣтъ, напрасно г-жа Крестовская увѣряетъ насъ въ «огромномъ талантѣ» своей героини. Истинный талантъ душевно-свободенъ, а Леонтьева—раба, и логика ея—рабская, и весь ужасъ ея положенія заключается въ томъ, что она носитъ своего деспота въ собственной груди, въ чувствѣ своего неутолимаго тщеславія и суетности. «Огромный талантъ», если бы имъ Леонтьева дѣйствительно обладала, разбилъ бы ея цѣпи, познакомилъ бы ее съ наслажденіемъ власти надъ толпой, безъ подчиненія ей, власти, которая благопродолживаетъ, потому что пріобрѣтается воздѣйствіемъ на лучшія, а не на

худшія стороны человѣка. Истинные таланты не гоняются за рукоплесканими, не напрашиваются на похвалу, не нуждаются ни въ какихъ базарныхъ триумфахъ. И они—люди, и для нихъ дорого одобреніе тѣхъ, чьему суду подлежатъ ихъ дѣятельность, но для нихъ это—праздники, которые скрашиваютъ жизнь, а не будни, которые составляютъ жизнь. А тщеславіе не знаетъ удовлетворенія. Оно вѣчно голодаетъ, потому что питается наркотиками, ему нуженъ авторитетъ внѣшняго одобренія, потому что въ немъ нѣтъ внутренней силы, ему нужно постоянное чужое вниманіе, чтобы сознать себя чѣмъ-нибудь. У него нѣтъ достоинства, а есть только апломбъ.

Такъ какъ я не разбираю романъ г-жи Крестовской, а только пользуюсь имъ какъ фактическимъ матеріаломъ, то мнѣ нѣтъ надобности долго останавливаться на исторіи любви Леонтьевой къ Чемезову,—любви, коллизія которой съ призваніемъ актрисы составляетъ психологическій узелъ романа. Однако, тутъ есть нѣчто пригодное и для нашихъ цѣлей. Едва Леонтьева успѣла полюбить, едва товарищи и родные ея убѣдились, что эта любовь не мимолетная интрижка, а прочное чувство, которое можетъ увѣнчаться бракомъ, какъ всѣхъ ихъ обуялъ страхъ за артистическое будущее героини. Этотъ страхъ вполне раздѣляла съ ними и сама Леонтьева. «Эхъ, Оленька, Оленька!—говорить ей актеръ-товарищъ,—какая жеты актриса послѣ того! Актриса—птица, а у тебя, милая, крылья связаны». — «Ахъ, знаю я это! Все знаю сама и, все-таки же, не могу!»—крикнула она съ такою болью и безсильнымъ отчаяніемъ, точно признавала сама, что для сцены она почти совсѣмъ уже погибла. Прочіе доброжелатели Леонтьевой, отъ ея горничной до ея матери, варьируютъ на одну тему: «актриса должна быть свободна».

Вотъ пунктъ, который надо разъяснить. Толки о свободѣ въ устахъ Леонтьевой должны имѣть какой-нибудь специальный смыслъ. Ей ли, невольницѣ, то грызущей, то цѣлующей свои цѣпи, понимать, что такое истинная свобода? Почему бы этотъ миръ семейной жизни, тихія заботы материнства и любовь къ мужу должны вредить интересамъ *свободы*? Конечно, если подъ свободой понимать возможность ѣздить по загороднымъ ресторанамъ и возвращаться домой въ восемь часовъ утра, то свобода такого рода не вяжется съ условіями семейной жизни. Если дѣйствительно актриса не столько человѣкъ, сколько «птица», то любовь, освященная закономъ и сопровождаемая обѣтами, должна казаться помѣхой. Но, вѣдь, это свобода тѣла, а не духа, свобода цыганскихъ привычекъ, а не свобода творческаго процесса. Леонтьевой, какъ ее изобразила г-жа Крестовская, конечно, нуженъ не мужъ, а импресарій, не дѣти, а клаеры, не нѣдра семьи, а эстрада, подмостки, но это именно и доказываетъ, что она не «огромный талантъ», а нервно-разстроенная, болѣзненно-тщеславная «фиглярка», говоря ея собственнымъ выраженіемъ. Истинный талантъ не боится, а ищетъ уединенія, онъ полонъ собою, тою внутреннею работою,

которая совершается въ немъ какъ стихійный жизненный процессъ. Если бы Леонтьева обладала дѣйствительнымъ дарованіемъ (совмѣщеніе большого таланта съ большимъ тщеславіемъ, какъ оно ни безобразно, встрѣчается иногда, напримѣръ, въ Лассалѣ), то остается только пожалѣть о томъ вліяніи, которое имѣли на нее дикіе взгляды товарищей по профессіи, — взгляды, по которымъ всякій художникъ долженъ быть непременно какимъ-то дебоширомъ и забудыгой. Леонтьевой, на ея бѣду, некому было объяснить ея заблужденіе. Ее угораздило влюбиться въ директора департамента (наши романистки новѣйшей формаціи очень любятъ надѣлать своихъ героевъ, въ числѣ прочихъ качествъ, чинами и орденами—черта едва ли случайная и еще не очень давно почти невозможная у насъ), который хорошо зналъ толкъ въ «бумагахъ», но въ художественныхъ вопросахъ разбираться не привыкъ. Превосходительный Ромео много дѣлалъ для своей Юліи, даже бѣгалъ съ нею взапуски по лужку и собиралъ цвѣточки (см. романъ), но путнаго совѣта не могъ ей дать и, конечно, въ душѣ былъ радъ-радехонекъ, когда, наконецъ, такая «неудобная» женщина, какъ Леонтьева, обратилась отъ него въ бѣгство.

IV.

Прошу читателя припомнить слова Брестовской-Хвоцинской, взятыя эпиграфомъ для этой статьи. «Имѣете ли вы понятіе, какое это искушеніе? Въ глазахъ образы, одинъ [за другимъ, видѣнія, свѣтъ] радуги, звуки... Имѣете ли вы понятіе, какая это жажда, какіе порывы, какая мука?... Вотъ, передо мной—и не достану! Другимъ, а не мнѣ! Я красавица—я въ лохмотьяхъ!» и пр. У Хвоцинской это говоритъ молодая дѣвушка, пожираемая влеченіемъ къ роскоши и потому продавшаяся богатому и женатому старичу. Но формы тщеславія разнообразны. Онѣ отнюдь не ограничиваются только желаніемъ блистать костюмами и брилліантами, «доводящими умъ до восторга», хотя самая сущность тщеславія при всѣхъ формахъ остается одна и та же: это—стремленіе во что бы то ни стало и чѣмъ бы то ни было блеснуть, выдѣлиться, отличиться, привлечь къ себѣ вниманіе, удивить вселенную или хоть только свой муравейникъ. Это стремленіе растетъ въ глубину и въ ширину по мѣрѣ развитія нашей культуры, точнѣе—внѣшнихъ сторонъ нашей культуры, именно тѣхъ, которыя, требуя самой широкой публичности, почти совершенно лишены элемента общественности. Культурная толпа,—та толпа, которая требуетъ не «хлѣба», въ буквальномъ смыслѣ слова, а «зрѣлищъ»,—именно и создаетъ запросъ на людей публичности, готовыхъ дѣлать изъ себя именно «зрѣлище». А гдѣ существуетъ запросъ, тамъ непременно явится и предложеніе. Людямъ такого рода даже не нужно, вредно обладать настоящимъ талантомъ,—это Башкирцева отлично поняла,—потому что талантъ гордъ и прислуживать толпѣ не станетъ, а она ищетъ именно работѣнныхъ

служъ, которыхъ и поощряетъ, презирая въ глубинѣ души. Надо только, какъ говорила Башкирцева, заставить толпу увѣровать въ свою гениальность, а это, при наличности хоть какого-нибудь дарованія, не трудно: толпа идетъ на встрѣчу этому стремленію, *хочетъ* быть обманутою, потому что ей приятно думать, что передъ ней пресмыкается не ничтожество, а заправскій гений или талантъ. Это даетъ иллюзію серьезности ея «зрѣлищамъ» и возвышаетъ ея собственное значеніе. Но у кого же нѣтъ зародыша хоть какого-нибудь дарованія? И, съ другой стороны, кто не склоненъ преувеличивать свою цѣнность, свои силы? И вотъ, благодаря совокупности этихъ и еще другихъ причинъ, начинается истинная вальпургіева ночь шабаша тщеславія, который былъ бы только смѣшонъ и гадокъ, если бы зачастую не захватывалъ въ свой одуряющій вихрь свѣжія и здоровыя силы. Вотъ безчисленныя будущія Патти, голоса которыхъ вы, однако же, еле слышите на разстояніи пяти саженъ; вотъ будущія Сафо, произведенія которыхъ—пока только писанныя—вы читаете лишь затѣмъ, чтобы упорядочить гениально-небрежную ореографію; вотъ живописицы, выставляющія раскрашенныя фарфоровыя тарелки или выжженныя деревянные доски, но въ глубинѣ души полагающія, что Крамской и Рѣпинъ—сами по себѣ, а оны—тоже сами по себѣ. Какое сверхъестественное изобиліе талантовъ! Какое богатство интеллектуальнаго производства, грозящаго перейти или уже перешедшаго въ перепроизводство! Да, и въ то же время наша деревня, т. е. та толпа, которая не зрѣлищъ, а хлѣба просить, задыхается въ невѣжествѣ, чахнетъ отъ нищеты, вымираетъ отъ эпидемій, и нѣтъ почти никого, кто бы пришелъ къ ней на помощь, потому что она награждаетъ не шумными аплодисментами, а тихими слезами, не одѣваетъ въ шелкъ, не ставитъ на пьедесталъ, хотя бы только двухвершковый. О, суета суетъ и всяческая суета! Какое грубое извращеніе всѣхъ понятій объ истинномъ человѣческомъ достоинствѣ, оно же и истинное счастье!

Конечно, человѣкъ не виновенъ въ томъ, что онъ угорааетъ въ угарной комнатѣ, если у него ужъ такая слабая голова. Но пусть же онъ знаетъ, все-таки, настоящую правду о себѣ, пусть не считаетъ себя человѣкомъ здоровымъ по преимуществу, пусть не думаетъ, что онъ заслуживаетъ не сожалѣнія, а уваженія. Допустимъ, что есть какой-то фатумъ надъ нами, что поэтъ былъ правъ, сказавши:

Чтобъ одного возвеличить, борьба
Тысячи слабыхъ уносить—
Даромъ ничто не дается: судьба
Жертвъ искупительныхъ просить.

Но если мы разумныя существа, то наша обязанность въ томъ и состоитъ, чтобы бороться съ враждебною судьбой, а не помогать ей, вырывать у нея жертвы, а не поставлять ихъ ей оптомъ и въ розницу. Не губить, а защищать насъ должна наша культура и наша цивилизація.

Губить, говорю я, потому что отвлекать человѣка отъ скромнаго, но плодотворнаго дѣла, наполнять его воображеніе образами призрачнаго счастья, обольщать миражами показной культуры—значить извращать его природу, готовить ему тяжелый конецъ. Тщеславіе не знаетъ удовлетворенія, потому что не знаетъ самоудовлетворенія. Только человѣкъ, сознающій въ глубинѣ своей души, что имъ выполненъ лежавшій на немъ долгъ, можетъ терпѣливо ждать признанія своихъ заслугъ и, кончая свой путь, съ спокойнымъ духомъ сказать свое «нынѣ отпущаеши...»

М. Протопоповъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Почти тридцать лѣтъ тому назадъ великая республика Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ переживала тягостный кризисъ, угрожавшій самому ея существованію. Между сѣверными и южными штатами велась кровопролитная междуусобная война изъ-за отмены невольничества. Защищавшіе рабство южные штаты находили сочувствіе въ правительствѣ императора Наполеона III и королевы Викторіи. Тогда императоръ Александръ II, только что свершившій великое дѣло освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, послалъ военную эскадру къ берегамъ сѣверной Америки, чтобы демонстративно выразить сочувствіе борьбѣ противъ невольничества. Нравственное значеніе этой демонстраціи было велико, и о немъ напомнилъ американскій консулъ Брауфордъ, когда въ Либавѣ чествовали экипажъ *Индіаны*, доставившей первую партію хлѣба, пожертвованную американцами нашимъ голодающимъ крестьянамъ. Да, посылка военного флота въ Америку была антитезою венгерской кампаніи и принесла, конечно, противоположные результаты.

Сѣверо-американцы—народъ практической, но умный, образованный, энергическій. Въ ихъ политикѣ нѣтъ сентиментализма, но они понимаютъ, что истинно расчетливая политика не можетъ противорѣчить доброму чувству, что справедливость и благодарность—хорошіе совѣтники благоразумія и выгоды.

Тепло и торжественно встрѣтила Либавъ, отъ лица всей Россіи, американскій подарокъ. Вагоны съ хлѣбомъ, присланнымъ Филадельфіей, украшенные американскими и русскими флагами, проходятъ почти все наше отечество и торжественно встрѣчаются властями и народомъ на мѣстахъ назначенія. Международная солидарность—не пустое слово, и великій русскій народъ,—американцы убѣдятся въ этомъ,—крѣпко помнитъ добро и умѣетъ постоять, когда это понадобится, за своихъ искреннихъ друзей.

На обѣдѣ, который представители городского управленія Либавы дали американскимъ гостямъ, городской голова, г. Адольфи, передалъ капитану Сергенту серебряный кубокъ съ надписью: «Но любовь есть величайшая изъ нихъ». Эти святые слова не понапрасну звучатъ въ мірѣ, какъ бы не осмѣивали ихъ любители *крови и желта*.

Въ отвѣтной рѣчи Брауфордъ разсказалъ о томъ, какъ стотысячная толпа провожала *Индіану* изъ Филадельфіи. Городъ былъ украшенъ американскими и русскими флагами *). Во всѣхъ рѣчахъ на либавскихъ чествованіяхъ американскихъ гостей звучало искреннее сочувствіе и уваженіе къ великому американскому народу, къ этимъ практическимъ янки, которые соединяютъ гуманныя стремленія и великодушныя порывы съ глубокимъ пониманіемъ нуждъ и условій времени и мѣста, которые въ каждое дѣло вносятъ неодолимую энергію воспитавшагося въ самоуправленіи народа. Одинъ изъ ораторовъ на либавскомъ банкетѣ, французъ, г. Бапри, остроумно сказалъ, что тѣ, кто такъ хорошо представляютъ PROVIDENCE на землѣ, имѣли право помѣстить небесныя звѣзды на своемъ знамени.

То движеніе общественнаго мнѣнія въ Германіи, о которомъ мы говорили въ прошлomorphic обзорѣ, повело къ отставкѣ Цедлица и къ отказу правительства отъ школьнаго законопроекта. Университеты, городское самоуправленіе, либеральная печать дружно и энергично возстали противъ реакціонной затѣи. Прославившаяся своимъ угодничествомъ передъ правительствомъ національ-либеральная партія поняла, что на этотъ разъ дѣло шло о всемъ будущемъ Германіи, о такой уступкѣ клерикаламъ и реакціонерамъ, послѣдствія которой отразятся въ ряду поколѣній. Въ числѣ совѣтниковъ императора Вильгельма II нашлись благоразумные и добросовѣстные люди, представившіе ему въ истинномъ свѣтѣ настроеніе страны. Императоръ пожелалъ, чтобы министры взяли назадъ пресловутый законопроектъ. Канцлеръ Каприви, — пѣхотный, кажется, генералъ, бывшій по волѣ Вильгельма II и морскимъ министромъ, — подчинился и на этотъ разъ. Графъ Цедлицъ вышелъ въ отставку, что вызвало сочувственныя замѣчанія со стороны либеральной печати. Клерикалы и реакціонеры, конечно, раздражены противъ правительства.

Другимъ послѣдствіемъ паденія школьнаго законопроекта было раздѣленіе должностей имперскаго канцлера и прусскаго министра-президента. При нынѣшнихъ германскихъ порядкахъ, когда парламентарная система далеко еще не установилась, это обстоятельство едва ли можетъ имѣть сколько-нибудь значительное вліяніе на общій ходъ государственныхъ дѣлъ. Но кризисъ, пережитый Германіей, представляетъ добрый урокъ и несомнѣнно поведетъ къ болѣе правильному отношенію между властью и общественнымъ мнѣніемъ и въ Пруссіи, и въ Германіи вообще. Неустойчивость *нового курса* вызываетъ, съ одной стороны, все болѣе и болѣе определенное желаніе значительной части германскаго общества достигнуть организациі министерства, отвѣтственнаго передъ парламентомъ, а съ другой — усиливаетъ симпатіи къ прежнему кормчому — князю Бисмарку. День рожденія бывшаго канцлера въ нынѣшнемъ году былъ отпразднованъ съ

*) Beilage zur *Libauschen Zeitung*, № 55.

особенною торжественностью. Привѣтствія, подарки, депутація явились со всѣхъ концовъ Германіи. Князь Бисмаркъ, естественно, былъ глубоко обрадованъ этими чествованіями. Онъ заявилъ на радостяхъ, что Германія достаточно сильна, чтобы разбить соединенныя силы враговъ Запада и Востока, но что она вызывать никого не намѣрена. Только ужасающій опытъ могъ бы, разумѣется, подтвердить или опровергнуть хвастливое утвержденіе князя Бисмарка; что же касается втораго заявленія бывшаго канцлера, то оно, къ сожалѣнію, не имѣетъ ровно никакого значенія, потому что нынѣшняя официальная Германія склонна къ нѣскольکو вызывающему образу дѣйствій. Въ послѣднее время, впрочемъ, обнаруживаются успокоительные признаки и то, что въ германскомъ національномъ духѣ есть великаго и благотворнаго, оживаетъ и крѣпнеть. Въ числу отраднхъ указаній въ этомъ смыслѣ можно отнести чествованіе памяти Амоса Коменскаго, одного изъ славнѣйшихъ представителей идеи международнаго братства и высокой гуманности. Берлинъ торжественно отпраздновалъ трехсолтіе со дня рожденія творца *Великой дидактики*. Но за то отличился австрійскій министръ народнаго просвѣщенія Гаучъ, запретившій чествовать память Коменскаго на его родинѣ, въ Богеміи. Съ полнымъ основаніемъ младо-чешскій депутатъ Герольдъ публично, въ ландтагѣ, назвалъ за это Гауча выскочкой, недостойнымъ развязать ремень у обуви великаго чешскаго учителя. Естественно, что министерское запрещеніе вызвало среди чеховъ сильнѣйшее раздраженіе. Въ Прагѣ столкновенія съ полиціей дошли до того, что оказалось не мало раненыхъ. Понятно, что австро-нѣмецкія либеральныя газеты, не ослѣпленныя національною ненавистью, возмущены распоряженіемъ Гауча, считая его дикимъ насиліемъ, только раздувающимъ вражду чешскаго народа къ вѣнскимъ централистамъ. «Трудно понять, — говоритъ, напримѣръ, *Wiener Allgemeine Zeitung*, — смыслъ этого запрещенія. Неужели въ нашихъ правительственныхъ сферахъ никогда не поймутъ, что вѣчное опеканіе, эти милостивыя разрѣшенія и немилостивыя запрещенія производятъ совершенно обратное дѣйствіе, чѣмъ какое имѣютъ въ виду? И неужели не понимаютъ, въ какомъ странномъ свѣтѣ должно являться государство, въ которомъ даже память педагога не можетъ быть отпразднована безъ полицейскаго надзора? Если церковь запретила чествованіе памяти Коменскаго, то это понятно. Но государству нѣтъ дѣла до церковнаго реформатора Коменскаго, — оно знаетъ лишь великаго ученаго и празднованіе предназначалось не церковному реформатору, а защитнику школьной реформы».

Wiener Allgemeine Zeitung, очевидно, другаго мнѣнія о задачахъ и правахъ современнаго государства, чѣмъ нынѣшнее австрійское правительство, которое всяческими средствами старается обмануть самосознаніе славянъ, да отчасти и нѣмецкую либеральную партію. Въ борьбѣ съ либерализмомъ кабинетъ графа Таафе опирается, кромѣ клерикаловъ и консерваторовъ, на поляковъ и чеховъ (на послѣднихъ до тѣхъ поръ, пока народъ не перешелъ на сторону младо-чеховъ); не желая дать законнаго

простора стремленію чеховъ и другихъ славянскихъ племенъ къ автономіи, тотъ же кабинетъ обращается къ партіи австро-нѣмецкихъ либераловъ-централистовъ. Широкія уступки дѣлаются только полякамъ, — не изъ симпатіи къ нимъ, разумѣется, а для привлеченія ихъ на сторону Австро-Венгрии въ случаѣ возможнаго столкновенія съ Россіей. Эта хитрая дипломатическая игра усложняется еще тѣмъ, что вѣнскіе правители находятъ отъ времени до времени полезнымъ давать кое-какія права галичанамъ-малоруссамъ, оживлять ихъ надежды на національное самоуправленіе, на уравненіе съ поляками. Вслѣдствіе той же двойной игры, въ которой своекорыстные расчеты международной политики соединяются съ настойчивымъ желаніемъ сохранить за Австро-Венгеріею возможно больше изъ ея значенія, какъ военно-бюрократической державы, — австрійская дипломатія враждуетъ то съ Болгаріей (когда она въ добрыхъ отношеніяхъ съ нашимъ отечествомъ), то съ Сербіей (при томъ же условіи). Вѣнскіе правители никакъ не могутъ прямодушно и окончательно отрѣшиться отъ меттерниховскихъ преданій и отъ воздыханій о быломъ значеніи Австрійской имперіи, разрушенномъ побѣдами Наполеона III и Вильгельма I. Лишило Австрію этого значенія стремленіе итальянцевъ, а потомъ германскаго народа къ національному объединенію. Теперь положеніе вещей запутаннѣе, и можно только пожелать, чтобы у австрійскихъ государственныхъ людей нашлось достаточно мудрости и чувства справедливости, чтобы удовлетворить законныя желанія народовъ многоплеменной имперіи и согласовать съ ними общегосударственные интересы. Разумѣется, основнымъ требованіемъ для исполненія этой трудной задачи должна явиться полная увѣренность въ глубокомъ европейскомъ мирѣ.

Дикія анархическія покушенія и драки, вызывавшіяся въ церквяхъ *клерикальными анархистами*, какъ остроумно назвали католическихъ проповѣдниковъ противъ современнаго государства, тревожили и поглощали въ послѣднее время вниманіе французскаго общественнаго мнѣнія. Эти печальныя явленія, однако, недолговѣчны. Во французскомъ обществѣ достаточно просвѣщенія, энергіи и навыка къ политическому самоуправленію, чтобы благополучно перенести подобныя болѣзни и сохранить въ полной крѣпости государственный организмъ. Республика, такъ много сдѣлавшая для оздоровленія этого организма, отравленнаго второю имперіей, приступаетъ теперь къ преобразованію французскаго высшаго образованія. Министръ народнаго просвѣщенія, Леонъ Буржуа, внесъ на разсмотрѣніе сената законопроектъ, надъ разработкой котораго много потрудились и его предшественники. *Journal des Débats* говоритъ, что республика вела дѣло улучшенія преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ съ послѣдовательностью и энергіей въ высшей степени замѣчательными. Наполеоновскій режимъ оставилъ въ наслѣдство пришедшія въ ветхость зданія, убогія ученія и учебныя пособія, неудовлетворительный составъ профессоровъ. Факультеты превратились въ школы, приготовлявшія чиновниковъ

и узкихъ специалистовъ. Живой духъ университета, то, что даетъ высшему образованию его высшій смыслъ и высшую красоту, — бодрая объединяющая мысль, ясное сознание неразрывной связи всѣхъ наукъ, — погасъ при второй имперіи и смѣнился іерархически-канцелярскимъ единствомъ. Свободомыслившіе профессора были удалены или ушли сами, большая часть остальныхъ приспособилась къ новымъ условіямъ...

Но, къ сожалѣнію, за рутину стоятъ и люди, преданность которыхъ дѣлу высшаго образованія не подлежитъ никакому сомнѣнію и голосъ которыхъ заслуженно пользуется уваженіемъ. Въ сенатѣ обсужденіе законопроекта Леона Буржуа началось рѣчью Шаллемель-Лакура, рѣшительно выступившаго противъ правительственнаго предложенія. Ораторъ стоялъ за систему отдѣльныхъ факультетовъ, разбросанныхъ по большимъ и маленькимъ городамъ Франціи. Онъ находилъ, что реформа, имѣющая въ виду создать самоуправляющіеся университеты, противорѣчатъ *генію Франціи*. Дѣйствительно, если этотъ геній разъ и навсегда воплотился въ идеѣ бюрократической централизаціи, тогда планы нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія несомнѣнно ему противорѣчатъ. Шаллемель-Лакуръ забываетъ только, что призываемый имъ *геній* всего полнѣе выразился въ наполеоновской системѣ, что республика, преобразовывая и расширяя начальную школу, усиливая значеніе мѣстнаго самоуправленія, давши свободу печати, нанесла именно этому *генію* тяжелые, по всей вѣроятности, смертельные удары.

Въ превосходной [отвѣтной] рѣчи Леона Буржуа были сгруппированы всѣ существенныя доказательства того, что университетъ долженъ быть университетомъ, что бюрократическіе способы непригодны для управленія этими, въ одно и то же время, учебными и учеными учрежденіями. Пишонъ справедливо осыпаетъ въ *Paris* похвалами министра народнаго просвѣщенія за его рѣчь, проникнутую ясными идеями и богатую строго соображенными фактическими данными. *Journal des Débats* также говоритъ, что Леонъ Буржуа отразилъ нападеніе Шаллемель-Лакура съ большою силой логики, съ правильнымъ пониманіемъ интересовъ и потребностей высшаго образованія. Но сенатъ склоняется больше въ сторону Шаллемель-Лакура и другихъ противниковъ правительственнаго законопроекта, вполне заслуживая на этотъ разъ насмѣшки, которыми осыпаетъ его *Justice*. Такимъ образомъ, несмотря на то, что законопроектъ Леона Буржуа тщательно выработанъ при участіи лучшихъ представителей французской науки, на успѣхъ его въ сенатѣ надежды мало. Извѣстный профессоръ Эрнестъ Лависсъ держится, впрочемъ, на этотъ счетъ другаго мнѣнія и думаетъ, что парламентъ завершитъ университетскою реформой двадцатилѣтнюю плодотворную работу преобразованія всей системы образованія во Франціи. По справедливому замѣчанію Лависсы, законопроектъ Леона Буржуа проникнуть вѣрою въ науку и сознаніемъ ея единства, проникнуть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вѣрою въ демократію *).

*) *Journal des Débats* 8 mars.

Шансы англійскихъ либераловъ на побѣду при наступающихъ общихъ выборахъ въ парламентъ все усиливаются. Очень важнымъ показателемъ общественнаго настроенія является исходъ выборовъ въ лондонскій совѣтъ. По новому закону, самоуправленіе столицы Великобританіи преобразовано и она прировнена, какъ автономная единица, къ графству. Число гласныхъ-прогрессистовъ превышаетъ сто, умѣренныхъ и консерваторовъ—менѣе 40 ч. Консервативная печать старается ослабить значеніе этого пораженія, утверждая, между прочимъ, что союзники консерваторовъ по отношенію къ Ирландіи и въ вопросахъ иностранной политики—унионисты съ Чемберленомъ во главѣ—въ вопросахъ внутренней политики часто являются прогрессистами. Такъ какъ на приближающихся парламентскихъ выборахъ ирландскій вопросъ выдвигается на первый планъ, то, по мнѣнію консервативныхъ газетъ, многіе, подававшие голоса за прогрессистовъ—кандидатовъ въ лондонскій совѣтъ, подадутъ голоса за кандидатовъ консервативной партіи при избраніи депутатовъ въ нижнюю палату. Либеральная печать толкуетъ дѣло иначе, и на ея сторонѣ несравненно болѣе оснований. Побѣда либераловъ въ Лондонѣ составляетъ новое доказательство медленнаго, но постояннаго поворота англійскаго общественнаго мнѣнія въ сторону Гладстона и гомруля для Ирландіи. Кромѣ того, въ лондонскомъ самоуправленіи принимаетъ теперь участіе обширный кругъ избирателей. Рабочіе, которыхъ консерваторы неоднократно привлекали на свою сторону болѣе или менѣе заманчивыми обѣщаніями экономическихъ реформъ, теперь не довѣряютъ вождямъ этой партіи и не хотятъ разединять стремленій къ экономическому благосостоянію отъ серьезныхъ политическихъ реформъ. При такихъ условіяхъ рассчитывать на удержаніе власти послѣ общихъ выборовъ въ парламентъ консерваторамъ мало вѣроятія, и поэтому понятно упрямое желаніе лорда Салисбюри не выпускать изъ рукъ этой власти до крайняго предѣла законнаго срока полномочій нынѣшняго парламента. За это время какая-нибудь несчастная случайность можетъ и поднять временно шансы консерваторовъ. Произвести выборы въ такой моментъ было бы, конечно, ловкою политическою передержкой. Во всякомъ случаѣ, пораженіе консерваторовъ на лондонскихъ городскихъ выборахъ является знаменательнымъ и весьма утѣшительнымъ для либеральной партіи, въ особенности если принять во вниманіе, что изъ числа депутатовъ, посланныхъ Лондономъ въ нынѣшній парламентъ, двѣ трети принадлежатъ къ противникамъ Гладстона. Очевидно, демократическія идеи провсачиваются теперь и въ твердыню унионизма и консерватизма, какою была до послѣдняго времени столица Великобританіи. Блистательная побѣда прогрессистовъ поведетъ за собою борьбу съ обветшалыми правителями лондонскаго *Сити*, со многими недостатками и несправедливостями въ сборѣ налоговъ и т. п.

Въ заключеніе этого обозрѣнія скажемъ нѣсколько словъ о письмѣ, которое написано Лависсомъ, по просьбѣ бельгійскихъ студентовъ, для

альманаха одного изъ ихъ университетовъ. Упомянувши въ краткихъ чертахъ о великой исторической роли Бельгii, Лависсъ продолжаетъ: «Бельгійскіе студенты! Вы имѣете основаніе гордиться своею страной; но вы, знающіе почетныя заслуги своего народа, не чувствуете ли вы ностальгiю по быломъ величiи? Много значить жить, и хорошо жить, какъ вы; но для націй необходима задача выше обыденной жизни, чтобы ихъ душа не потухала. Теперь нѣтъ надобности разливать по Европѣ новыя силы, вести народы на крестовыя походы, защищать вашу свободу или завоевывать вашу независимость. Но наше время имѣетъ задачи еще болѣе великія, чѣмъ задачи былого времени. Двѣ проблемы повелительно встаютъ передъ нашею цивилизаціей, и она должна разрѣшить ихъ или погибнуть: проблема социальной справедливости и проблема международной справедливости. И молодые люди были бы слѣпыми мальчиками, еслибы они замыкались въ приготовленіи къ своимъ профессіямъ и не искали бы снова разгадки этихъ великихъ загадокъ. Сфинксъ будетъ ждать недолго».

Въ горькихъ словахъ напоминаетъ Лависсъ о завѣреніяхъ европейскихъ государственныхъ людей, что всѣ нынѣшнія безумныя вооруженія служатъ только миру, успокоенію. Да,—замѣчаетъ французскій гуманистъ,—тысячи и тысячи душъ, благодаря этому милитаризму, совсѣмъ близки къ вѣчному успокоенію... И Лависсъ кончаетъ свое письмо горячимъ призывомъ къ бельгійской университетской молодежи всѣми силами содѣйствовать распространенію идей мира, социальной и международной справедливости.

В. Г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБЗОРАНІЕ.

Ходъ продовольственной операціи.— Положеніе о хлѣбозапасныхъ магазинахъ.— Проектъ г. Грасса о страхованіи посѣвовъ отъ неурожаа.— Дѣло Тельнова.— Уложеніе о наказаніяхъ и охрана личности.— Статистика судимости за преступленія противъ личности.— Два подвижника врачебнаго дѣла.— Женскій медицинскій институтъ.— Число врачей въ Россіи.— Комиссія Н. С. Абази.— Финансовыя результаты 1891 года.— М. И. Семевскій и гр. Салысъ (Евгенія Туръ) †.— Отчетъ по изданію *Русскими Вѣдомостями Сборника* въ пользу голодающихъ.

Въ началѣ и въ половинѣ минувшаго мѣсяца дороги уже повсемѣстно испортились, а хлѣба, не развезеннаго въ общественныя магазины, къ 1 марта оставалось много. Можно сказать, что развозка главной массы сѣменнаго хлѣба, съ которою необходимо спѣшить, должна была производиться въ самую пору бездорожья. Въ самомъ дѣлѣ, по официальной вѣдомости, къ 1 марта изъ состоявшихъ въ наличности 23 милл. пудовъ сѣменнаго зерна лишь немного болѣе четвертой части, а именно 6 м. п., уже находилось въ общественныхъ магазинахъ; затѣмъ оставалось еще доставить таковаго зерна изъ другихъ губерній 5³/₄ м. п. И такъ, къ посѣву требовалось развести на мѣста болѣе 22 м. п. зерна.

Далѣе, изъ хлѣба на продовольствіе, состоявшаго въ наличности въ количествѣ 22¹/₂ м. п., къ 1 марта находилось въ общественныхъ продовольственныхъ магазинахъ только 4¹/₂ м. п. А такъ какъ средняя мѣсячная пропорція опредѣляется въ 9⁹/₁₀ м. п., и этотъ размѣръ, навѣрное, ниже дѣйствительной потребности, соотвѣтствующей марту, то въ общественныхъ магазинахъ состояло хлѣба гораздо менѣе, чѣмъ на потребность двухнедѣльнаго бездорожья. Легко догадаться, что во многихъ мѣстахъ магазины въ этомъ промежуткѣ могутъ оказаться пустыми въ теченіе нѣсколькихъ дней и что потребуются увеличенный расходъ и особыя усилія для безостановочной развозки хлѣба въ это время. Это-то запозданіе и представляетъ собой слабую сторону хода продовольственной операціи, какъ онъ выясняется изъ цифръ послѣдней вѣдомости.

Въ теченіе февраля доставка и мѣстное заготовленіе хлѣба шли успѣшно, а именно доставлено вновь хлѣба: продовольственнаго 13³/₂ милл. пуд. и сѣменнаго 7¹/₂ милл. пуд. Это составляетъ почти такое же ко-

личество, какъ въ январѣ. Но при этомъ въ минувшемъ мѣсяцѣ оказалось примѣчательное обстоятельство: почти половина всего доставленнаго въ этотъ мѣсяцъ хлѣба была заготовлена на мѣстахъ. Такъ, изъ 7½ милл. пуд. вновь доставленнаго сѣменнаго хлѣба было привезено по желѣзнымъ дорогамъ всего 2 м. п., гужомъ—менѣе 1 м. п., а все остальное количество, т.-е. гораздо болѣе половины, заготовлено на мѣстахъ. Относительно хлѣба продовольственнаго пропорція количества, заготовленнаго на мѣстныхъ хлѣбныхъ рынкахъ, оказывается уже меньше; она составляла менѣе половины. Это сопоставленіе наводитъ на мысль, что къ заготовкѣ сѣменнаго зерна на мѣстныхъ рынкахъ пришлось обратиться за невозможностью ожидать хлѣбъ, шедшій изъ отдаленныхъ губерній, который прежде показывался на обѣмененіе, а теперь будетъ зачтенъ въ запасъ продовольственный. Въ самомъ дѣлѣ, такого закупленнаго, но не доставленнаго зерна для обѣмененія числилось къ 1 марта еще 5¾ м. п. Если обратимъ вниманіе, что въ теченіе февраля, а именно въ теченіе 34 дней (27 января—2 марта), сѣменнаго зерна было привезено по желѣзнымъ дорогамъ и гужомъ всего 3 м. п., то сомнительно, чтобы упомянутые 5¾ м. п. могли быть перевезены въ теченіе марта, а, стало быть, взаимѣнъ всего этого количества или части его, вѣроятно, пришлось покупать зерно для посѣва на мѣстныхъ рынкахъ.

Въ послѣдней вѣдомости уже отсутствуетъ рубрика о хлѣбѣ, который еще слѣдовало докупить, а за то помѣщена противъ каждой губерніи отмѣтка—обезпечена ли губернія хлѣбомъ по 1 мая. «Обезпеченными» оказываются всѣ 17 губерній въ отношеніи хлѣба продовольственнаго, но при этомъ относительно нѣкоторыхъ оговорено, что обезпеченными онѣ считаются въ виду ожидаемаго подвоза и закупки на мѣстахъ. Изъ числа этихъ послѣднихъ назовемъ двѣ, которыхъ обезпеченность можно признать не вполне достаточною. Такова Пензенская, въ которой наличность составляетъ 1 милл. пуд., да ожидается подвозъ до 1 мая 520 тыс. пуд., между тѣмъ какъ 2-хъ мѣсячная потребность этой губерніи выражается цифрою 1 м. 684 т. п. Такова еще губернія Базаская, въ которой 2-хъ мѣсячная потребность исчислена въ 1½ м. п., а налично состоитъ менѣе 1½ м. п. По отношенію же къ запасамъ на обѣмененіе, три губерніи не показаны обезпеченными. Изъ нихъ для Пермской требуются еще на обѣмененіе 700 тыс. пуд., изъ которыхъ примѣрно ¾ находятся въ пути, а остальное будетъ куплено на мѣстахъ.

Въ губерніяхъ Тобольской, Оренбургской и Рязанской къ 1 марта вовсе не имѣлось зерна на обѣмененіе въ общественныхъ магазинахъ, между тѣмъ, Оренбургская показана обезпеченною. Положимъ, указанное обстоятельство еще не внушаетъ опасенія по отношенію къ губерніи Тобольской, но въ Оренбургской, казалось бы, слѣдовало посѣпить этимъ дѣломъ. Она показывается въ числѣ обезпеченныхъ по обѣмененію, а, между тѣмъ, немного болѣе половины всего зерна, нужнаго на посѣвъ, было въ наличности (633 т. п.), между тѣмъ какъ другая половина (598 т. п.)

не была еще доставлена въ губернію, а изъ наличнаго сѣменнаго зерна не имѣлось ничего въ общественныхъ магазинахъ. О губерніи Тамбовской показано, что не имѣется свѣдѣній, обеспечена ли она обсѣмененіемъ. Между тѣмъ, самый размѣръ необходимой ссуды на обсѣменение въ Тамбовской губерніи въ февралѣ еще составлялъ вопросъ, который и былъ внесенъ въ земское собраніе.

Вообще, на чрезвычайныхъ сессіяхъ, происходившихъ въ февралѣ въ неурожайныхъ губерніяхъ, многія земства постановили ходатайствовать о дополнительныхъ правительственныхъ ссудахъ, какъ на усиленіе санитарной части, въ виду распространившагося тифа, такъ и на дальнѣйшія закупки хлѣба, вслѣдствіе дополнительныхъ исчисленій. Естественно, что съ наступленіемъ весны не вездѣ возможно будетъ ограничиться продовольственными ссудами, исчисленными съ исключеніемъ людей рабочаго возраста. Не говоря объ отсутствіи заработковъ, людямъ этого возраста придется съ весны работать въ полѣ.

Въ предшествующемъ обзорѣ мы упоминали о циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ, которымъ предлагался на обсужденіе губернскихъ совѣщаній цѣлый рядъ вопросовъ, относящихся къ лучшему устройству продовольственнаго дѣла. Въ числѣ ихъ находился и вопросъ, должны ли продовольственные запасы быть натуральными или денежными. И такъ, вопросъ этотъ, повидимому, еще не считается рѣшеннымъ. Но, между тѣмъ, по словамъ газетъ, выработанъ былъ проектъ положенія для хлѣбозапасныхъ магазиновъ, и проектъ этотъ уже прошелъ въ государственномъ совѣтѣ.

По словамъ *Московскихъ Вѣдомостей*, постановляется, что на каждые 300 дворовъ должно быть не менѣе одного или двухъ хлѣбныхъ магазиновъ, въ которыхъ должны храниться запасы, обновляемые черезъ каждыя 9 лѣтъ. Каждый магазинъ долженъ имѣть 10 отдѣленій, причѣмъ ежегодно можетъ быть роздано въ ссуду не болѣе пятой части магазиннаго запаса, т.-е. содержаніе двухъ отдѣленій. Въ годы полнаго неурожая условія выдачи изъ магазиновъ особенно опредѣляются министерствомъ. Въ магазинахъ должны находиться запасы зерна по двѣ четверти озимаго и одной четверти яроваго хлѣба на дворъ. Газета, однако, не прибавляетъ, чтобы устройство хлѣбозапасныхъ магазиновъ было сдѣлано обязательнымъ въ самомъ законѣ.

И такъ, мы должны думать пока, что законъ этотъ устанавливаетъ лишь образцовыя правила для устройства такихъ магазиновъ. Нельзя же предполагать, что если бы какое-либо сельское общество устроило магазинъ не съ десятью, а, наприм., съ восемью отдѣленіями, то это было бы сочтено педозволительнымъ, если рядомъ другое общество вовсе никакого магазина не устраиваетъ. Другое дѣло, если бы новый законъ вводилъ обязательность устройства хлѣбозапасныхъ магазиновъ на каждые 300 дворовъ. Но, въ такомъ случаѣ, вопросъ о магазинахъ, конечно, не былъ бы предлагаемъ на обсужденіе губернскихъ совѣщаній.

Мы уже не раз касались вопроса о предпочтительности продовольственных запасовъ въ хлѣбѣ или въ деньгахъ, причемъ признавали вполне естественнымъ, что, подъ впечатлѣніемъ нынѣшняго бѣдствія, мнѣнія будутъ склоняться въ пользу магазиновъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы во всей неурожайной полосѣ существовали магазины съ запасомъ хлѣба по 3 четверти на дворъ, то это обезпечивало бы минимумъ прокормленія всего населенія примѣрно на 5 мѣсяцевъ, а половины населенія—на все время нужды. Но для этого требовалось бы, чтобы общества несли постоянный расходъ по содержанию магазиновъ, чтобы въ нихъ не было растраты, чтобы хлѣбъ, ссыпанный въ запасъ, оставался годнымъ къ употребленію. Расчетъ же *Московскихъ Вѣдомостей*, что за хлѣбъ теперь платилось до 1 р. 50 к. пудъ, между тѣмъ какъ при хорошемъ урожаѣ рожь на мѣстахъ производства стоитъ до 50 к., и что, стало бытъ, натуральные запасы предпочтительнѣе денежныхъ, такъ какъ въ будущемъ крестьянину придется отдать 3 пуда хлѣба за 1 полученный нынѣ пудъ, самъ по себѣ не убѣдительно. Если крестьянинъ въ годъ хорошаго урожая выручилъ за проданный хлѣбъ втрое болѣе денегъ, чѣмъ въ годъ полнаго неурожая, то онъ можетъ внести въ продовольственный капиталъ платежъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы пополнить недоборъ при трехъ неурожайныхъ годахъ, а, стало быть, при новомъ неурожаѣ можетъ получить тотъ самый пудъ хлѣба, стоящій втрое дороже. Такимъ образомъ, въ теченіе, наприм., десятилѣтій сборъ въ деньгахъ или въ хлѣбѣ, на пополненіе определенной нормы хлѣбнаго запаса или замѣняющаго его денежнаго капитала, представить одинаковый размѣръ. Вопросъ уже переносится съ экономической почвы на иную, когда утверждаютъ, что запасъ въ хлѣбѣ остается цѣль, а запасъ въ деньгахъ уйдетъ на иныя потребности. Отъ земствъ зависитъ не допускать постороннихъ ссудъ изъ продовольственныхъ капиталовъ, но для земствъ гораздо труднѣе наблюдать за наличностью хлѣба въ сельскихъ магазинахъ и за его качествомъ.

Предшествующее замѣчаніе сдѣлано нами только потому, что нынѣ принято представлять въ превратномъ свѣтѣ все, что дѣлалось въ 60-хъ годахъ. Тогдашнее предпочтеніе хлѣбнымъ запасамъ, требующимъ расходовъ и сопряженнымъ съ порчею, денежныхъ продовольственныхъ капиталовъ, приносящихъ доходъ, вовсе не было нераціонально въ принципѣ. Если же капиталы, въ значительной мѣрѣ, были розданы въ постороннія ссуды и не оказались при наступленіи бѣдствія, то еще спрашивается, сколько зерна и какое зерно оказалось въ данномъ случаѣ въ запасныхъ магазинахъ.

Отъ вопроса о возвращеніи къ прежней системѣ продовольственныхъ запасовъ мы перейдемъ къ такому проекту, который, въ случаѣ успѣшнаго его осуществленія, упразднилъ бы самую потребность какъ въ хлѣбо-запасныхъ магазинахъ, такъ и въ продовольственныхъ капиталахъ. Это есть проектъ о страхованіи посѣвовъ отъ неурожая, предлагаемый Д. І.

Грассомъ *), председателемъ казанскаго окружнаго суда. Этотъ проектъ обоснованъ на обстоятельномъ статистическомъ изслѣдованіи объ урожаяхъ каждаго хлѣба съ 1857 года по губерніямъ, а за шестидѣтиѣ 1883—1888 годовъ — и по уѣздамъ. Авторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи огромный матеріалъ, обнимающій не только напечатанныя официальные данныя и земскія изслѣдованія, но еще ежегодные отчеты губернаторовъ за 20 лѣтъ и свѣдѣнія, собранныя имъ лично отъ землевладѣльцевъ, по сообщенной имъ формѣ, относящіяся въ сложности къ 10 милліонамъ десятинъ пахотной земли, а также свѣдѣнія объ урожаяхъ за 25 лѣтъ существованія земскихъ учреждений, доставленныя непосредственно автору, по его просьбѣ, съ обозначеніемъ почвенныхъ и климатическихъ условій, огромнымъ большинствомъ уѣздныхъ земскихъ управъ.

Этотъ матеріалъ разработанъ авторомъ съ приведеніемъ данныхъ изъ всѣхъ источниковъ къ одинаковымъ формамъ и однороднымъ единицамъ и съ взаимною провѣркой однихъ данныхъ другими. И какой потребовалось работы по одной этой части всего предпринятаго г. Грассомъ труда, можно судить по слѣдующему его замѣчанію въ выноскѣ на одной изъ страницъ: по цифрамъ общаго посѣва и сбора въ четвертяхъ, для исключенія степеней урожая лишь за 16 лѣтъ, для 5 хлѣбовъ, по 600 уѣздамъ, пришлось сдѣлать 48 тысячъ дѣленій. Не меньшая работа была нужна и для выведенія цифръ страховыхъ платъ, въ числѣ 9,356 для разныхъ мѣстностей, по каждому роду хлѣбовъ, опредѣленныхъ соотвѣтственно степени средней урожайности по условіямъ почвеннымъ и климатическимъ, степени колеблемости урожаявъ и роду земледѣлія (частнаго или крестьянскаго). Трудъ г. Грасса составляетъ огромный томъ *in quarto* со множествомъ таблицъ и 12 картами. Присмотримся ближе къ его основной мысли и сущности предлагаемаго проекта о страхованіи посѣвовъ.

Мысль эта, въ своей сущности, не нова, такъ какъ во всей Европѣ существуетъ страхованіе посѣвовъ отъ градобітія. Сверхъ того, и о самой возможности страхованія отъ неурожая заявлялось нѣсколькими иностранными экономистами, а у насъ въ восьмидесятыхъ годахъ вопросъ этотъ былъ поставленъ въ брошюрахъ гг. Берга, Штакеншнейдера и Брандта. Но это являлось только принципиальною постановкой вопроса, между тѣмъ какъ трудъ г. Грасса представляетъ научнымъ путемъ опредѣленныя основанія для его рѣшенія и самый способъ рѣшенія.

Изъ собранныхъ данныхъ оказывается, что урожай гораздо устойчивѣе въ полосѣ нечерноземной, чѣмъ въ черноземной: такъ, въ первой группѣ губерній изъ всего числа урожаявъ за 10-тилѣтіе 45% представляли урожай средніе (47% для хлѣбовъ озимыхъ и 43% для яровыхъ), между тѣмъ какъ во второй группѣ губерній случаи урожаявъ среднихъ составляли только 27% общаго числа (24% для озимыхъ и 31% для яровыхъ). И по отдѣльнымъ годамъ различіе въ урожайности бываетъ болѣе рѣз-

*) *Страхованіе сельско-хозяйственныхъ посѣвовъ отъ неурожая.* Казань, 1892 г.

нить въ черноземной полосѣ. Пространство, охваченное одновременно неурожаемъ, бываетъ здѣсь обширнѣе; такъ, въ 1859 году изъ 24 черноземныхъ губерній неурожаемъ озимыхъ были поражены 22, а неурожаемъ яровыхъ—18. Притомъ, и самая степень недорода здѣсь бываетъ больше: число случаевъ, когда урожай достигали $\frac{2}{3}$ среднего урожая, за 10-лѣтіе оказывается почти втрое больше въ губерніяхъ черноземной полосы, чѣмъ въ нечерноземныхъ.

Изъ главныхъ родовъ хлѣба наибольшую устойчивость (наибольшее число среднихъ урожаяевъ) представляетъ рожь; за ней идутъ въ порядкѣ устойчивости: овесъ, яровая пшеница, ячмень, озимая пшеница и гречиха.

Въ книгѣ помѣщены: картограмма, показывающая районы одинаковой средней измѣнчивости урожаяевъ, и 12 картъ, представляющихъ средніе урожай каждого хлѣба въ Европейской Россіи, на земляхъ крестьянскихъ надѣльныхъ и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. По степени измѣнчивости или колеблемости урожаяевъ, авторъ дѣлитъ всю поверхность Россіи на 14 полосъ или округовъ. Понятно, что размѣръ страховой платы долженъ быть тѣмъ выше, чѣмъ больше измѣнчивость урожая въ каждой полосѣ и по каждому роду хлѣба.

Затѣмъ, для опредѣленія самаго размѣра страховыхъ платъ, необходимо было еще установить среднюю урожайность въ каждомъ уѣздѣ или части уѣзда. Размѣръ гарантируемаго, при страхованіи по нормальному тарифу урожая, по взгляду автора, долженъ быть таковъ, чтобы, не поощряя хозяина къ нерадѣнію, страховое вознагражденіе избавляло бы его отъ разоренія при неурожаѣ, возвращая ему сѣмена и оборотные расходы и обезпечивая ему продовольствіе. На этомъ основаніи, нормою страхованія признается не вся высота среднего урожая въ каждой мѣстности, а только отъ 60 до 80 процентовъ этой высоты, соответственно мѣстнымъ условіямъ и роду посѣва. И такъ, положимъ, что страхуется посѣвъ ржи на 20 десятинахъ въ такой мѣстности, гдѣ, по росписанію, среднимъ урожаемъ признанъ самъ—пять, что составляетъ—при посѣвѣ 1 четверти на десятину—100 четвертей при среднемъ урожаѣ. Въ такомъ случаѣ гарантируется страхованіемъ сборъ не 100, а только отъ 60 до 80 четвертей, и насколько сборъ окажется ниже этого, настолько владѣлецъ вознаграждается выдачею застрахованной суммы. Впрочемъ, кромѣ страхованія по тарифу общему, нормальному, авторъ допускаетъ и страхованіе по тарифу спеціальному для хозяйствъ, ведущихся болѣе совершенными приемами, съ плодосѣвною системою и т. п., что должно быть удостовѣрено мѣстнымъ агентомъ страхованія.

На основаніи высоты среднего урожая въ каждой мѣстности и степени измѣнчивости урожая въ той полосѣ, къ какой она отнесена, и опредѣляется самый размѣръ страховой платы. Въ трудѣ г. Грасса средняя урожайность и измѣнчивость урожая опредѣляется для 490 уѣздовъ, по каждому изъ 6 главныхъ родовъ посѣва. На основаніи этихъ данныхъ исчис-

лены затѣмъ нормальные тарифы (размѣры страховой платы) для ржи — въ 490 уѣздахъ, для озимой пшеницы — въ 250, для ячменя — въ 378, для овса — въ 279, для яровой пшеницы — въ 283 и для гречихи — въ 351 уѣздахъ. Но собранныя данныя показывали, что въ большинствѣ уѣздовъ средняя урожайность весьма различна по мѣстностямъ, а потому ограничиться тарифомъ поуѣзднымъ нельзя. Результатомъ подраздѣленія уѣздовъ на особыя тарифныя территоріи, съ болѣе или менѣе однородною урожайностью, явилось опредѣленіе 9,356 нормъ тарифнаго размѣра по мѣстамъ и роду посѣва. Эти тарифы составятъ особый томъ, еще не напечатанный.

Въ среднемъ для всей Россіи страховая плата составляла бы 2,1% съ застрахованной суммы для ржи. Но размѣры очень различны и для самой ржи: въ однихъ мѣстахъ менѣе 1%, а въ другихъ до 9%. На всѣ другіе хлѣба страховая плата выше, чѣмъ на рожь, а именно (въ среднемъ для Россіи): рожь—2,1%, овесъ—2,9%, ячмень—3,1%, яровая пшеница—3,8%, озимая пшеница—3,9% и гречиха—4,9%. Для опредѣленія страховой суммы приняты слѣдующія условныя цѣны хлѣбовъ за пудъ: ржи—50 коп., овса—45 к., пшеницы—75 к., ячменя—65 к. и гречихи—50 к.

Цѣны эти, конечно, низкія, какъ низокъ и самый размѣръ страхуемой суммы: 60—80% цѣнности сбора по среднему урожаю. Но авторъ вообще принялъ низкія нормы, во-первыхъ, для уменьшенія рискованности всей операціи, а, во-вторыхъ, по тому соображенію, что цѣлью страхованія посѣвовъ отъ неурожая должно быть не полное устраненіе убытковъ, но предохраненіе хозяйствъ отъ разоренія однимъ неурожаемъ, такъ какъ у землевладѣльца и у земледѣльца есть извѣстный минимумъ расходовъ обязательныхъ, которыхъ онъ не можетъ сократить, хотя бы не собралъ ничего: платежи банковые, выкупные, денежные сборы, обмененіе, содержаніе инвентаря, собственное продовольствіе. Вотъ на покрытіе этихъ-то расходовъ и разсчитана высота страхуемой суммы, составляющая отъ 3 до 4 пятахъ цѣнности средняго мѣстнаго урожая.

Мы сочли нужнымъ привести нѣсколько цифръ какъ для выясненія самаго плана страхованія посѣвовъ, такъ и для того, чтобы дать понятіе о размѣрахъ труда, исполненнаго г. Грассомъ, и показать, что предлагаемый имъ проектъ основанъ не на голословныхъ догадкахъ, но на весьма обстоятельной статистической работѣ. Мысль, несомнѣнно, завлекательная, хотя и вызываетъ возраженія, изъ которыхъ многія предвидѣны самимъ авторомъ. Вопросы о томъ, въ чьихъ рукахъ должно быть страхованіе: правительственнаго или частнаго учрежденія и должно ли страхованіе быть обязательное или необязательное,—авторъ не касается. Онъ ограничился разработкой условій самой операціи.

Страхованіе посѣвовъ отъ неурожая доселѣ не существуетъ нигдѣ, за исключеніемъ одной Японіи, и краткія свѣдѣнія объ этомъ примѣрѣ сообщаются въ книгѣ. Но вотъ уже и возраженіе: если бы страхованіе отъ неурожая было возможно, то оно было бы введено въ европейскихъ стра-

накъ, съ культурою высшей, чѣмъ наша. Можно возразить еще, что опасно строить обширную операцію на нашихъ оффиціальныхъ статистическихъ свѣдѣніяхъ и т. д. На первое возраженіе авторъ отвѣчаетъ, что самая необходимость въ страхованіи посѣвовъ является у насъ вслѣдствіе сильной колеблемости урожаевъ, а обезпеченность страхованія обусловливалась бы у насъ обширностью государства. Въ Западной же Европѣ, благодаря усовершенствованнымъ системамъ хозяйства и равнообразію воздѣлываемыхъ растений, которое вознаграждаетъ недоборъ въ однихъ урожаевъ въ другихъ, урожаи ниже средняго бывають гораздо рѣже, чѣмъ въ Россіи. Сверхъ того, при значительно меньшихъ территорияхъ западныхъ государствъ, неурожай того или другаго рода хлѣба или иного земледѣльческаго продукта поражаютъ иногда если не всю площадь страны, то большую ея часть вслѣдствіе большей однородности почвы.

Страхованіе посѣвовъ не только желательно, но и осуществимо лишь на громадной территоріи, гдѣ, къ тому же, культура первобытна и 86% всей пашни заняты всего 6 родами хлѣбовъ. Г. Грассъ напоминаетъ, что въ самые неурожайные годы: 1833, 1839, 1844 — 1846, 1867, 1869, 1877 и 1882, когда недоборы въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи были весьма велики, въ другихъ частяхъ государства урожаи были вполнѣ удовлетворительны. Прибавимъ къ этому, что большинство европейскихъ странъ прикупають хлѣбъ за границей и всѣ имѣють настолько развитую промышленность и обезпеченность зимняго заработка для земледѣльцевъ, что неурожай того или другаго хлѣба въ нихъ не принимаетъ размѣровъ бѣдствія, исключая развѣ Венгрію и Галицію, гдѣ культура, все-таки, ближе къ нашей. Между тѣмъ, у насъ не уродились вотъ рожь и озимая пшеница и въ цѣлой полосѣ страны множеству людей нечѣмъ кормиться.

Что касается втораго изъ приведенныхъ нами возраженій, то г. Грассъ весьма энергично и подробно доказываетъ возможность положиться и на оффиціальныя наши данныя объ урожаяхъ, такъ какъ они собираются двумя самостоятельными учрежденіями и двумя различными способами, а, между тѣмъ, въ общемъ дають довольно близкія показанія. Но, кромѣ этихъ данныхъ, онъ, какъ объяснено выше, имѣлъ и многія другія, располагая въ совокупности шестью источниками свѣдѣній объ урожаяхъ на весьма значительномъ пространствѣ Россіи и провѣряя одни другими. Онъ, видимо, убѣжденъ, что основанныя на нихъ вычисленія, особенно при умѣренности принятыхъ нормъ, могутъ обезпечивать успѣхъ страховой операціи.

Одну изъ трудностей при ея организаціи представляетъ присканіе большаго числа надежныхъ агентовъ, такъ какъ и общества страхованія отъ огня затрудняются иногда присканіемъ мѣстныхъ агентовъ. Но агентъ, служащій одному обществу, не можетъ быть одновременно агентомъ другаго общества по однородному страхованію. А такъ какъ страхованіе посѣвовъ не составляетъ конкуренціи для страхованія отъ огня, то авторъ полагаетъ, что можно будетъ воспользоваться агентами обществъ послѣдней названной категоріи.

А что, если землевладельцы станут страховать свои посѣвы только тогда, когда самое положеніе посѣвовъ покажетъ, что ожидать урожая уже нельзя? На это отвѣчаетъ практика обществъ страхованія отъ градобитія: агентъ долженъ убѣдиться, что предъявляемый къ страхованію посѣвъ еще не подвергся градобитію. Точно такъ и въ страхованіи отъ неурожая посѣвъ будетъ приниматься на страхъ только послѣ осмотра агентомъ или выдачѣ страхователемъ подписки, что посѣвъ не подвергся поврежденію отъ насѣкомыхъ, наводненія, града и т. п. Сверхъ того, для различныхъ мѣстностей можетъ быть опредѣлено срочное время, въ теченіе котораго каждый посѣвъ принимается къ страхованію. Наконецъ, что касается высоты самой оцѣнки каждаго посѣва, то высшая мѣра ея опредѣлялась бы особою инструкціей агентамъ, какъ то дѣлается въ нѣкоторыхъ обществахъ по страхованію отъ градобитія.

Какъ ни представляется смѣлою мысль о страхованіи отъ неурожая, но мы не встрѣтили доселѣ такихъ возраженій, которыя бы убѣдительно доказали невозможность ея осуществленія. Въ печати предъявлены были противъ проекта или замѣчанія детальныя, какъ, наприм., то, что однообразная норма двухъ третей средняго урожая неприможима къ болѣе устойчивому сѣверному хозяйству наравнѣ съ болѣе рискованнымъ степнымъ, или возраженія, касающіяся своевременности осуществленія этого плана. Надъ подробностями нельзя останавливаться, хотя мы замѣтимъ, что въ проектѣ предлагается не однообразная норма $\frac{2}{3}$, но болѣе растяжимая — отъ $\frac{2}{3}$ до $\frac{4}{5}$ (60—80%) средняго урожая.

Что касается вопросовъ о своевременности, то они сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ. Высказывается сомнѣніе, чтобы, несмотря на обстоятельность разработки данныхъ г. Грассомъ, кто-либо, кромѣ правительства, могъ принять на себя веденіе операціи страхованія посѣвовъ, тѣмъ болѣе, что для прочной постановки этого страхованія пришлось бы установить его общеобязательность; а, между тѣмъ, въ сферахъ административныхъ, повидимому, уже преобладаетъ убѣжденіе въ необходимости возстановленія хлѣбозапасныхъ магазиновъ. Далѣе выражается мнѣніе, что прежде слѣдовало осуществить у насъ кредитъ на сельско-хозяйственныя улучшенія (меліорационный), а уже затѣмъ, по общему улучшеніи сельскаго хозяйства, можно бы подумать и о страхованіи посѣвовъ.

Мы замѣтимъ, что то обезпеченіе, какое могутъ представить хлѣбозапасные магазины, можетъ быть достаточно лишь въ томъ случаѣ, если допустить, что неурожай, именно въ той полосѣ, которую нынѣ постигло бѣдствіе, не учащаются и не принимаютъ постепенно все болшихъ размѣровъ. Если признать, что тамъ, какъ и вездѣ, одинъ значительный неурожай можетъ предѣлиться только на десять лѣтъ, соответствующихъ десяти отдѣленіямъ магазиновъ, въ такомъ случаѣ обезпеченіе это можетъ быть достаточно, хотя и оно требуетъ большаго надзора и расхода. Но дѣло въ томъ, что такой увѣренности имѣть нельзя и что въ самомъ выборѣ хлѣбовъ для посѣва въ такихъ слишкомъ часто неурожайныхъ гу-

берніяхъ, какъ, наприм., Самарская, должна быть нѣкоторая ошибка, которой магазны не исправятъ. Но страхованіе, полагающее одну изъ самыхъ высокихъ платъ на озимую пшеницу, какъ наиболѣе рискованный хлѣбъ (кромѣ гречихи, играющей, во всякомъ случаѣ, второстепенную роль), могло бы повліять на самый выборъ культуры.

Мелиорационный кредитъ не долженъ быть откладываемъ, хотя бы осуществилось страхованіе отъ неурожая. Но трудно понять, почему это страхованіе должно бы быть отложено до улучшенія всего сельскаго хозяйства въ Россіи, то-есть до того времени, когда болѣе разнообразная и болѣе высокая культура приблизила бы насъ къ Западной Европѣ и тѣмъ самымъ сдѣлала бы страхованіе урожаяевъ, болѣе устойчивыхъ, ненужнымъ?

Какъ бы то ни было, нельзя не отдать справедливости г. Грассу, въ виду огромнаго труда, какакой онъ долженъ былъ исполнить для изложенія своей мысли въ осязательной и практической формѣ. Въ томъ реально-обоснованномъ видѣ, какъ онъ ее представилъ теперь, она положительно заслуживаетъ всесторонняго обсужденія.

Не проходитъ мѣсяца, чтобы въ однѣхъ только нашихъ столицахъ судьи не разбирали какаго-нибудь дѣла объ истязаніи, о тяжкихъ увѣчьяхъ или жестокихъ побояхъ, которыхъ жертвами бывають женщины и дѣти, послѣднія въ болѣе части случаевъ—ремесленные ученики. Присяжные, въ прежнее время, были склонны къ нѣкоторой снисходительности въ подобныхъ случаяхъ; но, повидимому, самая частость такихъ дѣлъ въ послѣднее время побудила присяжныхъ къ болѣе строгости. По крайней мѣрѣ, за два послѣдніе мѣсяцы можно бы указать на два случая признанія виновными ремесленниковъ, жестоко обращавшихся съ учениками. Но вотъ, въ прошломъ же мѣсяцѣ, въ петербургскомъ судѣ разсматривалось дѣло въ томъ же родѣ, возмутительное по своему свойству и замѣчательное тѣмъ, что присяжные признали виновность въ нанесеніи мужемъ женѣ тяжкихъ, подвергавшихъ жизнь опасности побоевъ, которыхъ послѣдствіемъ и была смерть, но судъ постановилъ ходатайствовать о значительномъ смягченіи наказанія.

Крестянинъ Тельновъ и его жена нанимали уголь и жили подневной работой, имѣя скудный заработокъ; 6 августа они вѣстѣ или водку и пѣли пѣсни, а 7 Тельновъ ушелъ на работу, жена же его на работу не пошла, заняла у хозяйки 20 коп., напилась водки и легла спать. Тельновъ, возвратясь вечеромъ и не получая отъ жены отвѣта, стащилъ ее за волосы съ кровати на полъ и сталъ бить кулаками и ногами, куда попало. Потомъ онъ вышелъ изъ дому, выпилъ «для куражу» и принялся снова бить жену и топтать ее ногами до тѣхъ поръ, пока сосѣди не оттащили его отъ жертвы, которую они же уложили на кровать, а Тельновъ легъ возлѣ жены и, несмотря на ея стоны, заставлявшіе сосѣдей подходить къ мучившейся женщинѣ и давать ей воды, всю ночь отлично спалъ. Тельнову свезли въ больницу, гдѣ оказалось, что у нея были переломле-

ны семь реберъ, причѣмъ одно изъ нихъ прорвало плевру и повредило легкое; 20 августа Тельнова умерла.

Присяжные признали Тельнова виновнымъ въ нанесеніи женѣ тяжкихъ, опасныхъ для жизни побоевъ, отъ которыхъ она умерла, однако, заслуживающимъ снисхожденія. На основаніи этого вердикта, судъ приговорилъ Тельнова къ лишенію правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на 8 лѣтъ, но, въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ, постановилъ ходатайствовать о замѣнѣ означеннаго наказанія ссылкой на поселеніе въ Сибирь въ мѣста не столь отдаленныя, съ послѣдствіями по 26 ст. улож. о наказ. Справившись съ этою статьей, видимъ, что послѣдствіемъ для Тельнова будетъ «лишеніе правъ семейственныхъ и правъ собственности». Но такъ какъ изъ дѣла видно, что Тельновы не имѣли никакой собственности, кромѣ того платья, какое на нихъ было, а скудный заработокъ Тельновъ найдетъ и въ Тобольской губерніи, то, спрашивается, каковы же будутъ для него дѣйствительныя послѣдствія варварскаго истязанія жены и ея смерти послѣ двухнедѣльныхъ мученій?

Для того, чтобы объяснить вердиктъ присяжныхъ и рѣшеніе суда, мы должны прісмотреться нѣсколько ближе къ законамъ и второстепеннымъ обстоятельствамъ дѣла. Тельновъ обвинялся по ст. 1489, 1490 и 1492 уложенія. Передадимъ вкратцѣ совокупность этихъ статей, насколько онѣ относятся къ данному случаю. Тяжкіе, опасные для жизни побои не только приравнены къ истязаніямъ и мученіямъ, но поставлены въ числѣ ихъ на первомъ мѣстѣ. Въ томъ же случаѣ, когда послѣдствіемъ означенныхъ побоевъ, истязаній или мученій бываютъ увѣчья или тяжкія раны, то виновный, «хотя бы онъ и не имѣлъ прямого намѣренія нанести сіи увѣчья или раны», приговаривается къ каторжной работѣ на заводахъ на время отъ 4 до 6 лѣтъ; а если «послѣдствіемъ оныхъ была самая смерть», то онъ подвергается каторжной работѣ въ крѣпостяхъ на время отъ 8 до 10 лѣтъ. Наконецъ, строгость наказаній, опредѣленныхъ въ упомянутыхъ статьяхъ, возвышается на двѣ степени, если жертвой было лицо, состоявшее въ близкихъ степеняхъ родства или въ бракѣ съ преступникомъ.

На вопросъ, были ли нанесены Тельновымъ женѣ тяжкіе побои, угрожавшіе жизни и послѣдствіемъ которыхъ была смерть, присяжные не могли не отвѣтить утвердительно; они могли только допустить обстоятельства, дающія право на снисхожденіе, что они и сдѣлали. Затѣмъ, на основаніи такого вердикта, судъ не имѣлъ возможности примѣнить меньшаго наказанія, чѣмъ 8 лѣтъ каторжной работы, такъ какъ законъ опредѣляетъ 8—10 лѣтъ, а состояніе въ бракѣ съ жертвою ведетъ къ повышенію наказанія на двѣ степени. И такъ, только вслѣдствіе допущенія обстоятельствъ, дающихъ право на снисхожденіе, судъ могъ примѣнить самую низшую мѣру—8 лѣтъ. Но, затѣмъ, судъ постановилъ ходатайствовать о замѣнѣ этого наказанія такимъ, которое, въ сущности, совсѣмъ не измѣняетъ положенія Тельнова, и сдѣлалъ это въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ.

Въ чемъ же могли заключаться такія обстоятельства въ данномъ дѣлѣ? Укажемъ на тѣ единственныя обстоятельства, какія могли быть приводимы въ пользу Тельнова. Онъ познакомился съ своею женою въ одномъ изъ тѣхъ большихъ домовъ, гдѣ живутъ бѣдняки, въ такъ называемомъ «домѣ Вяземскаго», и жилъ съ нею сперва безъ брака, потомъ женился на ней, стало быть, поступилъ съ нею хорошо. Но это обстоятельство, имѣвшее значеніе прежде, представляется второстепеннымъ и даже мало-важнымъ теперь, такъ какъ, если кто женился, хотя бы даже на проституткѣ, но потомъ убилъ ее, то странно видѣть благодѣяніе для нея въ его женитьбѣ. Далѣе идутъ такія чрезвычайныя обстоятельства, свѣдѣнія о которыхъ почерпнуты единственно изъ показаній подсудимаго, который выгораживалъ себя: будто онъ приревновалъ жену къ кому-то и опасался, что она снова возвратится на тотъ путь, съ котораго онъ ее свелъ. Это самооправданіе опровергается показаніями свидѣтелей, которые утверждаютъ, что хотя Тельнова, когда выпивала, не любила работать, но поводовъ мужу къ ревности не давала.

Далѣе, опять-таки самъ Тельновъ рассказывалъ, что въ день истязанія имъ жены онъ имѣлъ всего 15 коп., изъ которыхъ взялъ себѣ «на прокормленіе» 10 коп., а ей далъ 5 коп., а потомъ, заставъ ее пьяною на запятыя 20 коп., онъ «пришелъ въ раздраженіе». Въ этомъ обстоятельствѣ трудно усмотрѣть нѣчто чрезвычайное въ пользу убійцы, потому что если даже основаться на его самооправданіи, то, все-таки, оставивъ женѣ 5 коп., онъ взялъ себѣ 10 коп. «на прокормленіе», а потомъ для куражу напился пьянъ, стало быть, издержалъ не менѣе, чѣмъ его жена. Наконецъ, имѣется еще показаніе околоточнаго надзирателя, который спрашивалъ покойную въ больницѣ о ея желаніи, «чтобы мужъ ея не былъ наказанъ, ея заявленіе, что она его прощаетъ и что, если выздоровѣетъ, то будетъ опять жить съ нимъ». Здѣсь позволительно спросить, почему, вмѣсто показанія околоточнаго, мы не имѣемъ показанія въ томъ же смыслѣ судебного слѣдователя, который обязанъ былъ опросить потерпѣвшую, такъ какъ она жила еще 13 дней? Но, во всякомъ случаѣ, чрезвычайное обстоятельство, если его видѣть въ словахъ Александры Тельновой, свидѣтельствуется гораздо болѣе въ ея пользу, чѣмъ въ оправданіе ея убійцы.

Насъ занимаетъ, конечно, не личная судьба Тельнова, но вопросы общественныя—о примѣненіи законовъ судебными мѣстами, объ относительной строгости или снисходительности суда къ разнымъ видамъ правонарушеній, а, стало быть, и о степени охраненія отъ нихъ общества, насколько такое охраненіе зависитъ отъ судебного ихъ преслѣдованія. Въ данномъ случаѣ не присяжные оправдали преступника, но судъ значительно облегчилъ его судьбу. Вообще уже самое законодательство наше недостаточно охраняетъ личность отъ жестокихъ и оскорбительныхъ дѣйствій. Нашъ законъ, полагая за поединкомъ, имѣвшій послѣдствіемъ легкую или тяжелую рану, или смерть противника, кары въ предѣлахъ отъ 8-ми мѣсячнаго заключенія въ тюрьмѣ или крѣпости до заключенія въ крѣпости на

6 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, не устанавливаетъ, между тѣмъ, достаточнаго огражденія отъ такъ называемыхъ «непосредственныхъ» личныхъ оскорбленій. Глава уложенія «объ оскорбленіяхъ чести» заключаетъ въ себѣ только преступленія противъ цѣломудрія женщинъ, тяжкіе побои, не опасные для жизни, и оскорбительныя дѣйствія противъ родителей. Всякія иныя оскорбленія дѣйствіемъ частныхъ лицъ подлежатъ лишь наказаніямъ, налагаемымъ мировыми судьями.

Высшею мѣрой наказанія за истязанія и мученія, имѣвшія послѣдствіемъ смерть, является 10-ти лѣтняя каторжная работа, между тѣмъ какъ, наприм., если контрабандистъ или бѣгущій изъ заключенія арестантъ, при борьбѣ со стражею, совершитъ убійство безъ прямого намѣренія, то высшая мѣра наказанія для него полагается въ 12 лѣтъ каторги. За убійство умышленное, но безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія и безъ особенныхъ, увеличивающихъ вину обстоятельствъ высшая мѣра наказанія — каторга на 15 лѣтъ.

Однако, вовсе не рѣдки случаи, когда истязанія и мученія, имѣвшія послѣдствіемъ смерть, представляютъ собой цѣлый рядъ жестокостей надъ женщиной или ребенкомъ, совершавшихся иногда систематически въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ явнымъ намѣреніемъ «въ гробъ вколотить», не совершая прямого убійства. Въ сравненіи съ подобнымъ преступленіемъ холоднаго и долговременнаго звѣрства не представляются ли болѣе легкими—выстрѣлъ, которымъ обороняющійся контрабандистъ отвѣтилъ на выстрѣлы, или хотя бы пуля, пущенная въ соперника, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія? Представимъ себѣ еще такой случай: крестьяне оказываютъ сопротивленіе описи имущества за недоимки и при этомъ одинъ изъ нихъ ударилъ коломъ сотскаго въ голову такъ, что убилъ его на мѣстѣ. Это—не бунтъ, это—сопротивленіе властямъ, съ убійствомъ безъ прямого намѣренія, но за это можетъ быть назначена 12-ти лѣтняя каторга. А за долговременныя, самыя тяжкія мученія жены, послѣдствіемъ которыхъ была смерть черезъ нѣсколько дней послѣ послѣдняго истязанія, законъ не дозволяетъ суду назначить болѣе 10 лѣтъ, допущеніе же смягчающихъ вину обстоятельствъ почти всегда понижаетъ этотъ размѣръ.

Мы говорили теперь о самыхъ постановленіяхъ закона, въ нѣкоторыхъ случаяхъ недостаточно охраняющихъ личность отъ оскорбленій дѣйствіемъ и существа слабыя—отъ жестокостей и насилія. А, между тѣмъ, именно защита слабыхъ противъ сильныхъ должна быть главною задачею всякаго законодательства уже потому, что она есть первая цѣль самого государственнаго союза.

Но если обратимся къ общимъ даннымъ о судебной практикѣ, то увидимъ, что она еще нѣсколько ослабляетъ гарантію личности отъ жестокости и насилія, данную закономъ, въ томъ именно, что суды наши, старыя и новыя, взятые въ совокупности, допускаютъ значительно болѣе процентъ оправданій по преступленіямъ противъ личности, чѣмъ по многимъ категоріямъ иныхъ правонарушеній.

Изъ статистическихъ данныхъ, обнимающихъ дѣятельность старыхъ и новыхъ судовъ за періодъ 1861—1871 г. *), видно, что въ упомянутый 10-ти лѣтній періодъ за преступленія противъ жизни, здравія, свободы и чести частныхъ лицъ судились 354 тыс. чел. и изъ нихъ были обвинены 85 т. За преступленія же противъ собственности частныхъ лицъ судились 1,161 т. чел., изъ которыхъ обвинены 278 т. человек. (для вывода процентныхъ отношеній мы округляемъ цифры). И такъ, по дѣламъ о преступленіяхъ противъ личности, какъ и о преступленіяхъ противъ собственности, осуждено было около 24% всего числа подсудимыхъ.

Въ отдѣльности, по дѣламъ о нанесеніи увѣчья, ранъ и другихъ поврежденій, изъ 56 т. подсудимыхъ осуждено 12 т., что составляло уже только 23½%. Этотъ процентъ представляется относительно весьма низкимъ, въ сравненіи съ общимъ 24%, если принять во вниманіе, что въ дѣлахъ объ увѣчьи и т. д. доказать виновность несравненно легче, чѣмъ въ покушеніяхъ на собственность, гдѣ большинство привлекаемыхъ къ суду (791 т. изъ 1,161 т.) состоитъ изъ судимыхъ за воровство-кражу, пріемы улики въ которой весьма часто отсутствуютъ. Еще снисходительнѣе относились суды къ дѣламъ по личнымъ оскорбленіямъ: изъ 183 т. подсудимыхъ обвинено 37 т., что составляетъ только 22%. Въ дѣлахъ же по обвиненію въ преступленіяхъ противъ чести и цѣломудрія женщинъ на 15 т. подсудимыхъ осуждено 2 т. чел., т.-е. всего 13½%.

Если сравнимъ съ этими данными тѣ, которыя относятся, наприм., къ дѣламъ по нарушенію казенныхъ уставовъ, и, тѣмъ болѣе, противъ порядка управленія, то получимъ гораздо болѣшій процентъ обвиненій, котораго мы, однако, не приводимъ по той причинѣ, что такія дѣла рѣшаются безъ участія присяжныхъ (въ новыхъ судахъ), что усложняетъ сравненіе.

Во всякомъ случаѣ, изслѣдованіе какъ постановленій, такъ и судебной практики фактически подтверждаетъ намъ тотъ фактъ, что у насъ личность обезпечена чрезвычайно слабо, а честь, здравіе и т. д. менѣе, чѣмъ ответственность. Между тѣмъ, несомнѣннымъ условіемъ культурнаго развитія представляется необходимость созданія въ странѣ возможно болѣе человѣчныхъ условій быта и, стало быть, возможно болѣшаго охраненія личности и уваженія къ ея законнымъ правамъ.

Въ Харьковѣ происходило въ минувшемъ мѣсяцѣ замѣчательное торжество: городское представительство, мировой съѣздъ, ученые общества, купеческое сословіе и цѣлыя толпы собравшагося народа поздравляли скромнаго врача д-ра Франковского съ 50-лѣтнѣемъ его дѣятельности, какъ «врача и друга бѣдныхъ». Въ залѣ городской думы управа поднесла д-ру Франковскому дипломъ на званіе почетнаго гражданина Харькова, президентъ медицинскаго общества проф. Грубе произнесъ рѣчь о заслугахъ юби-

*) В. Новаковский: „Опытъ подведенія итоговъ угол. статистики 1861—1871 гг.“ 1891 г.

ляри, проф. Кузнецовъ прочелъ постановленіе того же общества о помѣщеніи въ его залѣ портрета г. Франковскаго, затѣмъ представители разныхъ корпорацій приносили юбиляру свои привѣтствія и читались телеграммы изъ разныхъ городовъ.

Въ чемъ же заключалась заслуга врача, почтеннаго такимъ всеобщимъ заявленіемъ сочувствія? Въ томъ, что этотъ человекъ въ продолженіе 50 лѣтъ совершалъ великій подвигъ безкорыстнаго и самоотверженнаго служенія бѣдному люду. Д-ръ Франковскій слушалъ курсъ сперва въ бывшей медико-хирургической академіи въ Вильнѣ, потомъ въ Харьковскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ его блестящимъ образомъ, такъ что его хотѣли оставить при университетѣ для приготовления къ профессурѣ, но онъ, которому врачи, по состоянію его здоровья, давали всего нѣсколько лѣтъ жизни, предпочелъ посвятить ихъ бѣднымъ. Съ полнымъ самоотверженіемъ, во всякое время дня и ночи, онъ являлся на ихъ призывъ безъ вознагражденія и самъ приносилъ имъ лѣкарства. Д-ръ Франковскій проработалъ, такимъ образомъ, долгіе годы и пережилъ въ своей дѣятельности нѣсколько эпидемій. Огромная, хотя и бесплатная практика среди немущихъ дала ему большой опытный матеріалъ, который при солидности знанія и способностяхъ сдѣлалъ то, что онъ сталъ среди харьковскихъ врачей авторитетомъ и сами профессора звали его на консилиумы. Доживъ до старости, этотъ всѣми уважаемый врачъ уже не можетъ попрежнему бѣгать на каждый призывъ на чердаки и въ подвалы, но принимаетъ бѣдныхъ у себя, и въ особыхъ случаяхъ продолжаетъ посѣщать тѣ помѣщенія, въ которыхъ проработалъ полвѣка. Д-ръ Франковскій, сверхъ того, былъ основателемъ харьковскаго медицинскаго общества, устроилъ дѣтскую больницу и проч. «Но всѣ эти почтенныя заслуги, — говоритъ *Неделя*, — совершенное ничто въ сравненіи съ непримѣрнымъ подвижничествомъ этого замѣчательнаго человека среди бѣдняковъ... Примѣры праведной жизни, примѣры нравственнаго величія, — справедливо замѣчаетъ газета, — имѣютъ огромное общественное значеніе».

На ряду съ докторомъ Франковскимъ, который при долговременныхъ трудахъ дожилъ до почтеннаго возраста, мы поставимъ молодую женщину-врача, павшую жертвою сознательною служенія страдающему народу. Вра Конастантиновна Золотилова, дочь помѣщика и воспитанница одной изъ частныхъ гимназій въ Петербургѣ, затѣмъ слушательница врачебныхъ курсовъ, сперва завѣдывала женскимъ отдѣленіемъ въ городской больницѣ въ г. Кирилловѣ, а затѣмъ около 6 лѣтъ состояла врачомъ въ мѣстномъ земствѣ, завѣдуя участкомъ съ 25 тыс. населеніемъ. Какъ передаетъ корреспондентъ той же газеты, В. К. Золотилова, «много разъ исполняя обязанности своихъ товарищей по службѣ, поочередно завѣдывала всѣми участками обширнаго уѣзда, въ иные мѣсяцы дѣлая разъѣзды въ тысячу верстъ и болѣе, и въ уѣздѣ осталось не много деревень, въ которыхъ не побывала энергичная труженица. Число ежегодныхъ пациентовъ ея считалось тысячами; ни время года, ни темнота ночи, ни бездорожье,

ни собственное нездоровье не могли удержать ее от поѣздки туда, куда призывали ее долгъ и горе ближняго». Проработавъ большую часть дня въ своей больницѣ, она затѣмъ нѣсколько часовъ разъѣзжала въ мужицкой телѣгѣ по деревнямъ.

Но неурожай, поразившій значительную часть страны, и обычный его спутникъ—тифъ впушили покойной неустойчивое желаніе работать тамъ, гдѣ наиболѣе страданій, гдѣ всего нужнѣе помощь. Она оставила службу въ земствѣ, гдѣ пользовалась общимъ уваженіемъ и сочувствіемъ, и въ декабрѣ отправилась въ Оренбургскую губернію, въ г. Челябинскъ, гдѣ лечила заводскихъ рабочихъ и работала въ тифозной больницѣ «Краснаго Креста». Въ прошедшемъ мѣсяцѣ она заразилась сыпнымъ тифомъ и умерла въ далекомъ чужомъ краѣ.

Честь благороднымъ подвижникамъ, которыхъ путь, долгій или краткій, былъ непрерывнымъ рядомъ благодѣяній, вѣрнымъ, неустрашимымъ служеніемъ «труждающимся и обремененнымъ»!

Примѣровъ женщинъ - врачей, пріобрѣвшихъ свои знанія на бывшихъ медицинскихъ курсахъ въ Петербургѣ, и затѣмъ снискавшихъ себѣ общее уваженіе службою въ земствѣ, не мало. А, между тѣмъ, курсы эти остаются закрытыми. Правда, были частныя извѣстія о проектѣ учрежденія имѣющаго замѣнить ихъ женскаго медицинскаго института. Но что-то давно не было слышно о движеніи этого проекта. Только въ прошломъ мѣсяцѣ въ печати былъ переданъ слухъ, что означенный проектъ уже одобренъ государственнымъ совѣтомъ. Затѣмъ, матеріальныхъ препятствій къ осуществленію его представиться не можетъ. Петербургская дума еще передъ закрытіемъ прежнихъ курсовъ изъявила готовность ежегодно отпускать на нихъ значительную сумму, а сверхъ того имѣются уже заявленныя частныя пожертвованія, могущія обезпечить содержаніе института. Притомъ, отъ города зависить отвести одну изъ состоящихъ въ завѣдываніи его больницъ для клиническихъ занятій слушательницъ этого училища. Наконецъ, если институтъ будетъ учрежденіемъ правительственнымъ, то, конечно, ему будутъ даны еще и казенныя средства.

Но одного женскаго врачебнаго института для Россіи слишкомъ мало. Москва имѣла бы достаточное право учредить другой и, несомнѣнно, также собрала бы значительныя для него средства, такъ что и это второе въ высшей степени полезное училище могло бы осуществиться съ небольшимъ, относительно, расходомъ для казны. Постепенно могли бы возникнуть еще такія же институты въ Варшавѣ, гдѣ тотчасъ нашлись бы частныя средства, въ Одессѣ, Казани и Томскѣ.

Мы упоминаемъ теперь же о необходимости широкой постановки врачебнаго образованія для женщинъ, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, въ Россіи крайне мало врачей; во-вторыхъ, при существующей малодоступности заработка для образованныхъ женщинъ, справедливость требуетъ, чтобы предпринять былъ серьезный починокъ для открытія имъ врачебной дѣ-

ательности, такъ какъ, кажется, уже не можетъ быть спора, что врачеваніе и уходъ за больными вполне согласуются съ призваніемъ женщины, какъ бы произвольно и тѣсно оно ни опредѣлялось. Дѣйствительно, нѣтъ уже теперь, кажется, никого, кто бы возражалъ противъ учрежденія новыхъ общинъ сестеръ милосердія и училищъ для фельдшерицъ. А, вѣдь, сестры милосердія и фельдшерицы исполняютъ именно грубую работу ухода за больными. Что же возможно было бы возражать противъ увеличенія числа женщинъ, снабженныхъ полнымъ медицинскимъ знаніемъ?

Возражать могли бы только врачи-мужчины, изъ побужденій профессиональныхъ, изъ опасенія, что конкуренція уменьшитъ ихъ практику. Но Россія такъ велика и всякихъ вообще культурныхъ средствъ въ ней доселѣ такъ еще мало, что положительно нѣтъ повода говорить о конкуренціи. Она ощущается только по отношенію къ казеннымъ должностямъ, которыхъ имѣется ограниченное количество. Но врачъ-женщина можетъ оказать помощь тысячѣ такихъ крестьянъ, которыхъ не имѣлъ бы возможности, по условіямъ разстоянія и времени, лечить уѣздный врачъ-мужчина.

Здѣсь мы считаемъ нелишнимъ навести справку о томъ, въ какой мѣрѣ наличное нынѣ въ Россіи число врачей соответствуетъ дѣйствительной потребности народа и до какой степени у насъ,—по сравненію съ западно-европейскими государствами,—не можетъ быть и рѣчи о чрезмѣрной конкуренціи между врачами.

По официальному списку лицъ, имѣющихъ право на медицинскую практику, ежегодно публикуемому медицинскимъ департаментомъ, въ 1890 году у насъ было 18,694 врача. По послѣднему же списку, обнародованному департаментомъ, на основаніи свѣдѣній, собранныхъ посредствомъ новаго приема (вмѣсто сообщеній отъ всѣхъ вѣдомствъ о врачахъ служащихъ и отъ губернаторовъ о врачахъ вольно-практикующихъ, была примѣнена система регистраціи практикующихъ врачей посредствомъ карточекъ, доставленныхъ врачами, на которыхъ регистрація была возложена), врачей состоитъ нынѣ въ Россіи уже только 12,185. *Новое Время* приводитъ имена нѣкоторыхъ извѣстныхъ врачей, даже профессоровъ, опущенныхъ въ новомъ официальном спискѣ, такъ что, за опубликованіемъ его, аптеки собственно не имѣютъ права отпускать лѣкарства по рецептамъ этихъ профессоровъ (профессоры Лесгафтъ, Пелехиянъ, Бовалевскій, Полотебновъ въ Петербургѣ, проф. Эрисманъ въ Москвѣ и проч.). Возраженіе, присланное медицинскимъ департаментомъ въ газету, не опровергаетъ самаго факта, а сверхъ того и не даетъ новой, точной цифры врачей, ограничиваясь приблизительнымъ числомъ отъ 13 до 14 тысячъ.

Но все равно, которое бы изъ послѣднихъ официальныхъ свѣдѣній о числѣ врачей мы ни приняли, для нашего сравненія окажется крайній недостатокъ въ Россіи врачей и полное отсутствіе медицинской помощи для огромнаго большинства населенія. Если возьмемъ цифру 18 т. врачей, то получимъ 18 врачей на 100,000 населенія, а если примемъ цифры 14 или 12 т., то 14 или 12 врачей на то же число душъ. Когда же примемъ во

вниманіе, что большинство врачей живутъ въ городахъ, то убѣдимся, что для сельскаго люда, особенно въ губерніяхъ отдаленныхъ, врачебная помощь почти недоступна.

Сравнимъ теперь положеніе въ странахъ дѣйствительно культурныхъ * съ положеніемъ, какое видимъ у насъ. На 100 тыс. жителей приходилось врачей: въ Швейцаріи 75, въ Италіи 60, Англій 58, Голландіи 43, Бельгіи 42, Франціи 39, Германіи и Австріи по 32, Испаніи 31 и Венгріи 24. И такъ, только Венгрія нѣсколько приближается къ нашимъ условіямъ въ этомъ отношеніи, хотя, все-таки, если примемъ низшую официальную нашу цифру, то окажется, что въ Россіи врачей и противъ Венгріи менѣе вдвое, а въ сравненіи съ Швейцаріею въ $6\frac{1}{4}$ разъ меньше.

Но это только числа практикующихъ врачей по отношенію къ населенности. А если возьмемъ пространства, на которыхъ они дѣйствуютъ, тогда проявляющійся въ Россіи недостатокъ во врачебной помощи обнаружится еще яснѣе. По наименьшему протяженію территорій, приходящемуся на одного врача, на первомъ мѣстѣ стоитъ Бельгія—13 квадр. километра на 1 врача. Далѣе идутъ: Англія и Италія—по 16 кв. кил. на 1 врача, Голландія—18, Швейцарія, которая здѣсь теряетъ первое мѣсто—19, Германія—39, Австрія—41, Венгрія—37, Испанія—96.

Пространство Россійской имперіи составляетъ 19 м. 713 тыс. квадр. верстъ или 22 м. 434 т. кв. километра. Если бы мы отнесли число врачей въ официальномъ спискѣ, гдѣ показаны и практикующіе въ азіатскихъ владѣніяхъ, то отношеніе оказалось бы просто ничтожнымъ. Но не принимая въ расчетъ пространствъ не заселенныхъ или малонаселенныхъ, остановимся только на поверхности Европейской Россіи, распредѣляя на ней все число врачей, практикующихъ хотя бы и въ Азіи.

Въ такомъ случаѣ получаемъ слѣдующія данныя: поверхность Россіи Европейской—4.846,000 кв. верстъ, что равняется 5.515,000 кв. километровъ. Принимая цифру врачей въ 18 тыс., получимъ 1 врача на 306 кв. километровъ, а при цифрѣ 12 т.—на 459 кв. километровъ. Достаточно сравнить эти отношенія съ тѣми, какия оказываются на Западѣ, чтобы убѣдиться въ возможности умноженія у насъ медицинскаго персонала въ 20 разъ безъ конкурренціоннаго ущерба, и чтобы убѣдиться въ крайней нерациональности стѣсненія доступа къ медицинскому образованію, когда у насъ, въ среднемъ, одинъ врачъ долженъ объѣзжать около 300 квадратныхъ верстъ.

Но и независимо отъ потребности народа во врачебной помощи, нельзя не придавать весьма серьезнаго значенія вопросу о заработкахъ для множества женщинъ средняго класса, остающихся необезпеченными по своему семейному положенію. Процентъ дѣвушекъ, не выходящихъ замужъ, въ этомъ классѣ постоянно возрастаетъ. Сверхъ того, бываютъ и семьи, которыхъ быть сложился такъ, что единственною работницей и кормилицей малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ, а иногда больныхъ матери или отца, являются

*) *Bulletin de l'Institut international de statistique*, т. I. Данныя по разнымъ странамъ отъ 1870 до 1885 годовъ.

эти труженицы, которымъ доступенъ только ничтожный заработокъ швей или учительницы.

Наиболѣе передовыя государства уже облегчили женщинамъ доступъ къ высшему и спеціальному образованію почти наравнѣ съ мужчинами. Таковы Швейцарія, Англія и Франція. Въ Германіи, гдѣ гётевское *das ewig Weibliche* въ филистерскомъ представленіи бюргеровъ долгое время сводилось, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы ограничить дѣятельность женщины—кухней и заботою объ исправности бѣлья мужа, за послѣднее время также произошло нѣкоторое измѣненіе даже въ мѣщанскихъ взглядахъ. Оказалось, что около милліона дѣвушекъ въ Германіи поставлены въ необходимость сами зарабатывать на свое существованіе. И вотъ, въ прошломъ мѣсяцѣ вышелъ циркуляръ прусскаго министра народнаго просвѣщенія, который предлагаетъ совѣтамъ университетовъ и факультетамъ высказаться, не было ли бы цѣлесообразно измѣненіе постановленій, по которымъ женщины не принимаются ни въ качествѣ студентокъ, ни въ качествѣ вольнослушательницъ въ университеты.

Приведенное выше извѣстіе, что большинство членовъ государственнаго совѣта высказалось за утвержденіе устава женскаго медицинскаго института, представляетъ, все-таки, только газетное свѣдѣніе, а стало быть, послѣдній результатъ этого разсмотрѣнія еще не установленъ окончательно. Но было бы въ высшей степени достойнымъ сожалѣнію, если бы этотъ проектъ не осуществился и если бы, признавая за женщинами право исполнять болѣе грубую работу въ больницахъ, государство не предоставило имъ доступа къ дѣятельности болѣе самостоятельной на пользу населенія. Многочисленные примѣры самоотверженной службы женщины въ военныхъ госпиталяхъ во время послѣдней восточной войны, примѣръ покойной Золотиловой и многихъ другихъ женщинъ-врачей, которыя въ земствахъ приобрѣли репутацію высокаго самоотверженія и дѣйствительно-добросовѣстной службы народу, должны бы пристыдить насъ, если бы дѣятельность женщинъ на врачебномъ поприщѣ осталась стѣсненною въ силу пустыхъ и глухихъ предразсудковъ.

Еще въ февралѣ сдѣлалось извѣстно объ учрежденіи особой комиссіи, подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта Н. С. Абазы, для изслѣдованія возможныхъ мѣръ къ упроченію дворянскаго землевладѣнія. Мы доселѣ не говорили о ней потому, что свѣдѣнія о назначенномъ для нея кругѣ занятій были слишкомъ недостаточны. Теперь выясняется, что задача комиссіи заключается лишь въ предлѣхъ ходатайствъ, представленныхъ нѣкоторыми дворянскими собраніями. А такъ какъ ни одно изъ этихъ собраній не ходатайствовало объ обязательномъ обращеніи дворянскихъ имѣній въ заповѣдныя, то въ комиссіи не могъ и быть поставленъ вопросъ объ обязательности. *Новое Время* сообщаетъ, какъ совершенно достоверное извѣстіе, что въ комиссіяхъ уже состоялось единогласное заключеніе въ смыслѣ ходатайствъ объ установленіи заповѣдныхъ имѣній по доброй волѣ владѣльца.

Въ этомъ не было бы ничего новаго, такъ какъ и доселѣ дворянинъ могъ бы ходатайствовать объ обращеніи его имѣнія въ майоратъ. Но, потому же извѣстію, предположеніе комиссіи, въ практическомъ своемъ выраженіи, «сведется къ облегченію установленныхъ въ нашемъ законѣ требованій при установленіи заповѣдности имѣній, причемъ, безъ сомнѣнія, будутъ ограждены интересы третьихъ лицъ, въ этомъ случаѣ могущіе быть замѣшанными, какъ-то: кредитныхъ учреждений и вообще взаимодавцевъ, законныхъ наследниковъ и т. д. Предполагается облегчить внѣшнія условія для укрѣпленія помѣстій за своимъ родомъ каждому дворянину-помѣщику, когда онъ самъ найдетъ нужнымъ и возможнымъ прибѣгнуть къ той или другой формѣ такого закрѣпленія. «Та же газета, которая сообщаетъ это извѣстіе, имѣющее свое значеніе, прибавляетъ, что хотя и въ этихъ рамкахъ потребуются нѣкоторыя измѣненія въ законахъ, но не такія, которыя могли бы угрожать потрясеніемъ сложившагося гражданского порядка». Въ *Русскихъ Ведомостяхъ* читаемъ слѣдующее объясненіе по этому предмету: «задача комиссіи, согласно новѣйшимъ свѣдѣніямъ, сводится къ рѣшенію вопроса: возможно ли освободить дворянъ, желающихъ заповѣдать свои имѣнія, отъ необходимости просить на это высочайшаго разрѣшенія, и нельзя ли предоставить имъ право осуществлять это желаніе нотаріальнымъ порядкомъ?»

Прежде всего, остановимся на этомъ ближайшемъ и практическомъ, хотя и второстепенномъ вопросѣ. Мы сомнѣваемся, чтобы главною причиною рѣдкости у насъ ходатайствъ объ учрежденіи майоратовъ была собственно нѣкоторая продолжительность дѣлопроизводства по испрошенію разрѣшенія верховной власти. Такъ, число случаевъ ходатайствъ о помилованіи, о пересмотрѣ судебныхъ дѣлъ, объ усыновленіи (дворянамъ), о разрѣшеніи принять иностранные ордена у насъ безъ всякаго сравненія больше, чѣмъ число ходатайствъ объ учрежденіи майоратовъ, хотя всѣ эти ходатайства одинаково восходятъ на усмотрѣніе верховной власти.

Затѣмъ, на нашъ взглядъ, представляется положительно болѣе рациональнымъ, болѣе согласнымъ съ духомъ нашего законодательства и предпочтительнѣе во всѣхъ отношеніяхъ нынѣшій порядокъ утвержденія заповѣдности имѣній, чѣмъ предлагаемая нотаріальная запись. Неравное распредѣленіе наследства, обращеніе имущества на цѣлые вѣка въ заповѣдное, нераздробимое и неотчуждаемое за долги, не можетъ и не должно быть приравниваемо къ контракту на годовой наемъ квартиры, совершаемому нотаріальнымъ порядкомъ. Если на учрежденіе любаго промысловаго товарищества требовалось прежде утвержденіе законодательства, а нынѣ разрѣшеніе министерства финансовъ, то основательно ли создавать болѣе поспѣшную процедуру для утвержденія вѣковой неотчуждаемости недвижимыхъ имѣній? Пришла фантазія дворянину—и вотъ въ полчаса готовъ нотаріальный актъ, обуславливающій положеніе земельного имѣнія на всю будущность... Не видимъ, почему бы желательно было облегчать рѣшенія столь важныя и имѣющія дѣйствовать долго послѣ того, какъ исчезнетъ оная память о личности совершившаго актъ.

Переходимъ теперь къ юридическому принципу въ этомъ вопросѣ. Законодательство наше изъимлетъ наслѣдованіе въ имѣніяхъ родовыхъ отъ произвола настоящаго владѣльца на томъ основаніи, что такъ какъ не онъ приобрѣлъ это имущество личными заслугами или трудомъ, то онъ не долженъ и имѣть права распоряжаться имъ въ порядкѣ наслѣдованія. Почему же имѣніе, переходившее въ одномъ родѣ къ нѣсколькимъ послѣдующимъ поколѣніямъ, безъ ходатайства заслужившихъ или составившихъ его о заповѣдности, могло бы такъ легко быть обращаемо въ заповѣдное настоящимъ его владѣльцемъ?

Отъ имѣній родовыхъ обратимся къ «благоприобрѣтеннымъ». Законъ и въ настоящее время предоставляетъ самому приобрѣтателю имѣнія полное право завѣщать его, кому онъ желаетъ. Владѣлецъ можетъ оставить его одному сыну, съ устраненіемъ остальныхъ сыновей и дочерей, можетъ завѣщать его постороннимъ лицамъ и учрежденіямъ. Но законъ не допускаетъ только одного: чтобы завѣщатель, оставляя кому-либо свое имѣніе въ собственность, могъ ограничивать полноправность наслѣдника, могъ опредѣлять порядокъ наслѣдованія въ этой собственности послѣ своей смерти. Съ этимъ основнымъ нашимъ гражданскимъ закономъ было бы безусловно несогласнымъ право дворянина, владѣльца благоприобрѣтеннаго имѣнія, опредѣлить порядокъ наслѣдованія въ немъ на всѣ вѣка, посредствомъ нотаріальной записи.

Этотъ легкій и повседневный способъ совершенія обязательствъ всего менѣе подходитъ къ совершенію такого акта, который составляетъ исключеніе изъ общеустановленнаго порядка наслѣдованія. По смыслу нашихъ законовъ, завѣщатель имѣетъ только право въ выборѣ собственника, наслѣдующаго его имущество, но не имѣетъ права ограничивать дальнѣйшее наслѣдованіе этою собственностью. Мы вполне повижаемъ исключеніе изъ общихъ законовъ, дѣлаемое тою законодательною властью, которая ихъ создаетъ. Но порядокъ нотаріальный долженъ ограничиваться совершеніемъ сдѣлокъ или заключеніемъ обязательствъ согласно дѣйствующимъ общимъ постановленіямъ. Если владѣлецъ родоваго имѣнія не имѣетъ права измѣнить общихъ условій наслѣдованія, если собственникъ имѣнія благоприобрѣтеннаго не можетъ обусловить порядка наслѣдованія послѣ того наслѣдника, котораго онъ назначилъ въ завѣщаніи, то, казалось бы, предоставление кому-либо видоизмѣнять наслѣдованіе навсегда, путемъ нотаріальной записи, создавало бы именно то, что *Новое Время* отрицаетъ по отношенію къ данной комиссіи, а именно «потрясеніе сложившагося гражданского порядка».

Что касается степени практической пользы, какой государство могло бы ожидать отъ созданія неподвижности значительной части частнаго землевладѣнія, то ее опредѣлить довольно трудно. Всѣ экономическія соображенія, какія приводятся въ пользу майоратовъ, относятся собственно не къ этой формѣ владѣнія, но къ крупной земельной собственности вообще. Но крупная земельная собственность сама по себѣ не требуетъ законодательной

поддержки. Это есть только одна изъ формъ капитала, и пока будутъ крупныя денежныя капиталы, будетъ существовать и крупное землевладѣніе.

Естественно, что одни крупныя землевладѣльческія состоянія будутъ дробиться, но за то другія могутъ составляться вновь. А какъ называется крупный собственникъ, Ивановъ или Петровъ, это, въ экономическомъ отношеніи, совершенно все равно. Государство при этомъ заинтересовано лишь въ томъ, чтобы крупное имѣніе находилось въ рукахъ владѣльца, имѣющаго достаточныя денежныя средства, такъ какъ въ противномъ случаѣ, т.-е. при недостаткѣ оборотныхъ средствъ, исчезаетъ и та возможность веденія улучшеннаго образцоваго хозяйства, которое представляетъ собой главное преимущество крупной собственности. Въ этомъ смыслѣ неподвижность земельного владѣнія, обусловленная закономъ, скорѣе была бы вредна, чѣмъ полезна, такъ какъ для государства было бы полезнѣе, чтобы крупное имѣніе, пришедшее въ разстройство въ рукахъ дворянина, не имѣющаго достаточныхъ денежныхъ средствъ, перешло къ капиталисту, который можетъ улучшить положеніе имѣнія.

Имѣній, влонящихся къ упадку, нельзя поддержать и навсегда упрочить закономъ. Такъ или иначе, но хозяйственное разстройство поведетъ къ тому, что имѣніе или перейдетъ въ новыя руки, или прежній родъ будетъ владѣть имъ только номинально. Юридическая неотчуждаемость майоратовъ будетъ имѣть послѣдствіемъ стѣсненіе для владѣльцевъ ихъ кредита, такъ какъ взысканіе долга можетъ уже обращаться только на доходы, а не на титулъ собственности. А стѣсненіе кредита еще увеличитъ трудность положенія для владѣльцевъ въ случаѣ недостатка въ оборотныхъ средствахъ.

Правда, въ пользу дворянскихъ майоратовъ предъявляются и другіе доводы, но это же доводы не экономического свойства, и какова бы имъ была ихъ вѣсность, они не опровергаютъ дѣйствія силъ экономическихъ. Ссылаются на политическое значеніе помѣстнаго дворянства; но при нашихъ историческихъ условіяхъ трудно доказать, почему бы и въ этомъ отношеніи необходима была именно неподвижность. Помѣстное дворянство создавалось службою, создается отчасти ею и теперь.

За то вполне очевидны тѣ многія нравственныя невыгоды, какія бываютъ связаны съ единонаслѣдіемъ. Оно вноситъ неравенство въ семью, лишаетъ дѣтей наслѣдства, возбуждаетъ между ними зависть и ненависть, съ дѣтства приучаетъ наслѣдника къ безпечности и праздности.

Предварительныя кассовыя свѣдѣнія о государственныхъ доходахъ и расходахъ за минувшій годъ обнаруживаютъ уже вліяніе неурожая въ отношеніи финансовомъ. Хотя неурожай отразился на финансовомъ хозяйствѣ только за полгода, но уже понизилъ годовыя итоги обыкновенныхъ доходовъ съ 934,2 м. р. (1890 г.) до 890,1 м. р., т.-е. выразился недоборомъ въ 45 м. р. Упали: питейный доходъ—на 21 м. р., выкупныя платежи—на 19 м. р., доходъ отъ казенныхъ имуществъ—на 2 м. р., таможенные—на 5 м. р., отъ казенныхъ капиталовъ и банковыхъ операций—на 5 м. р. Уже одни

только что перечисленные пониженія составляютъ въ сложности 52 м. р. недобора противъ предшествующаго года, но эта цифра уменьшается до 45 м. р. фактомъ повышенія дохода по нѣкоторыхъ другимъ статьямъ. А, впрочемъ, въ ряду этихъ повышеній есть только одно значительное, именно эксплуатація казенныхъ желѣзныхъ дорогъ дала перевыручку противъ 1891 г. на 11 милл. р.; это зависѣло отъ поступления въ казну новыхъ линій, что сопровождалось и соответственнымъ увеличеніемъ расхода.

Въ результатъ собственно по обыкновенному бюджету оказывается дефицитъ, но незначительный, всего въ $\frac{1}{2}$ милл. р., такъ какъ итогъ обыкновенныхъ расходовъ показанъ въ 890,6 м. р. Главную роль въ этомъ уровновѣшеніи обыкновеннаго бюджета, при недоборѣ въ нѣкоторыхъ доходахъ на 45 м. р., играло уменьшеніе произведенныхъ въ 1891 г. платежей по займамъ на 23,6 м. р., что въ свою очередь зависѣло, главнымъ образомъ, отъ произведенныхъ въ прошломъ году конверсій и досрочнаго выкупа займовъ.

Уменьшеніе въ ближайшіе годы цифры годоваго расхода на платежи по займамъ имѣетъ равное значеніе со всякимъ другимъ сбереженіемъ, но только въ смыслѣ бюджетномъ. Въ смыслѣ же финансовомъ здѣсь представляется большое различіе. Для примѣра положимъ, что, вслѣдствіе паденія заработной платы, удалось въ такомъ-то году сберечь 1 милл. р. на государственныхъ постройкахъ, не уменьшивъ ихъ разиѣра; это составляетъ настоящее сбереженіе. Но когда расходъ на годовую платежъ по долгамъ уменьшился вслѣдствіе разсрочки этихъ долговъ, съ пониженіемъ процента, то сбереженіе можно видѣть только въ полученіи процента, а не въ уменьшеніи платежа по погашенію, такъ какъ этотъ послѣдній платежъ современемъ, все-таки, придется произвести. А, между тѣмъ, при нашихъ конверсіяхъ сокращеніе платежей по займамъ въ ближайшіе годы составляетя, главнымъ образомъ, именно изъ уменьшенія годовой уплаты на погашеніе.

Иное дѣло—сбереженіе въ расходѣ по государственному кредиту, зависѣвшее отъ досрочнаго выкупа въ минувшемъ году займовъ на 93 м. р. Этотъ выкупъ былъ произведенъ изъ свободной наличности государственнаго казначейства, которая образовалась отчасти изъ излишковъ отъ обыкновенныхъ доходовъ прежнихъ лѣтъ, а отчасти изъ остатковъ отъ новыхъ займовъ. И такъ, бюджетное сокращеніе по этой статьѣ имѣетъ значеніе чистаго, финансоваго сбереженія лишь въ той мѣрѣ, насколько платежи по выкупленнымъ займамъ превышали платежи по новымъ.

Чрезвычайные расходы 1891 года достигнутъ огромной цифры 232 милл. р. Сюда вошли 63 милл. р., назначенные на чрезвычайные расходы по росписи, затѣмъ упомянутый выше расходъ до 93 милл. р. на досрочный выкупъ старыхъ займовъ и, наконецъ, 76 милл. р. ассигнованій на потребности, вызванныя неурожаемъ. Но сумма 232 м. р. включаетъ въ себя всѣ подлежащіе въ теченіе финансоваго года къ исполненію чрезвычайные расходы; изъ нихъ 22 м. р. представляютъ собой чрезвычайные

расходы въ счетъ прежнихъ росписей, а 25 м. р. хотя и зачислены въ счетъ росписи 1891 г. по отчету контроля, но въ дѣйствительности (по 1 января издержаны не были. Это — остатокъ отъ 76 м. р., ассигнованныхъ на потребности 1891 года вслѣдствіе неурожая, такъ какъ въ календарномъ 1891 г. на помощь нуждающимся губерніямъ отпущены были изъ казначейства только 51 м. р.

Доселѣ, какъ извѣстно, ассигновано было на ссуды по продовольствію и обмененію въ неурожайныхъ губерніяхъ 123 милл. р., а сверхъ того 12 м. р. на общественныя работы. А такъ какъ дѣйствительно отпущены были изъ государственнаго казначейства, въ счетъ этихъ 134 милл. руб., только 51 милл. р., то 83 м. р. будутъ подлежать отпуску уже въ текущемъ году.

Въ общемъ результатѣ, расходы по росписи 1891 года превосходятъ поступившіе въ 1891 г. доходы на 190³/₄ милл. рублей, — цифру, которая включаетъ въ себѣ и упомянутый выше ¹/₂ миллионный дефицитъ по обыкновенному бюджету. Но весьма утѣшительно, что оказывается возможнымъ покрыть эти 190 м. р. изъ свободной наличности государственнаго казначейства, которая въ контрольномъ отчетѣ за 1890 г. была вычислена къ 1 января 1891 г. въ 219 ³/₄ милл. рублей!

А такъ какъ въ сообщеніи о доходахъ и расходахъ 1891 года положительно сказано, что въ этомъ году никакихъ поступленій отъ займовъ не было, то отсюда слѣдуетъ, что заключенный въ томъ же году трехпроцентный заемъ въ 125 милл. рублей остается въ цѣлости и вмѣстѣ съ 20-ти миллионнымъ остаткомъ отъ свободной наличности 1891 года (за покрытие недостатка въ общей суммѣ доходовъ) можетъ быть обращенъ на непредвидимыя потребности настоящаго года. Такой результатъ при постигшемъ страну бѣдствіи нельзя не признать, относительно, весьма благопріятнымъ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ скончались гр. Сальясъ, извѣстная въ литературѣ подъ псевдонимомъ Евгени Туръ, и Михаилъ Ивановичъ Семевскій, даровитый историкъ, редакторъ-издатель лучшаго нашего историческаго изданія *Русской Старины*. [Талантливая писательница] Евгения Туръ умерла въ преклонныхъ уже годахъ; Михаила Ивановича Семенова смерть унесла еще въ добрую рабочую пору. Онъ [былъ] крупною научно-общественною силой, и преждевременная кончина его составляетъ тяжелую утрату для русской науки и для русской журналистики. Въ счастіе, *Русская Старина* переходитъ въ руки брата покойнаго, В. И. Семенова.

Въ *Русскихъ Видомостяхъ* напечатанъ слѣдующій отчетъ о сборникѣ *Помощь голодающимъ*, изданномъ редакціею этой газеты:

Расходы по изданію сборника, въ количествѣ 6,100 экземпляровъ, составили:

За бумагу, по счету писчебумажнаго товарищества М. Г. Бувшинова . . . . . 1,550 р. — в.

За печатаніе, по счету типографіи товарищества А. А. Левенсонъ	1,624 р. 90 к.
За фототипіи: по счету Р. Ю. Тиле.	450 » — »
» по счету Шереръ, Набогольцъ и Б°	240 » — »
За цинкографіи, по счетахъ цинкографич. заведенія П. О. Яблонскаго.	51 » 37 »
Разныхъ расходовъ (конторскихъ, почтовыхъ и проч.)	318 » 92 »
За пересылку денегъ нижеуказаннымъ лицамъ.	88 » 79 »
Итого	4,323 р. 98 к.

Весь этотъ расходъ былъ принятъ на себя товарищами по изданію *Русскихъ Вѣдомостей*.

Изъ вырученной отъ продажи сборника суммы (18,300 р.), согласно постановленію гг. участниковъ въ сборникѣ, отправлено по настоящее число въ пользу голодающихъ:

Нижегородской губ., въ Лукояновскій уѣздъ, врачу В. В. Рахманову, на поддержаніе столовыхъ—400 р.; въ тотъ же уѣздъ В. Г. Короленко—300 р.; с. Богоявленье, земскому начальнику Е. П. Егорову—200 руб.; Казанской губ., въ Цивильскій уѣздъ, И. И. Лыжину—600 р.; Тетюшскаго уѣзда, Сумароковская волость, земскому начальнику Казину—300 р.; Спасскаго уѣзда, земскому начальнику V участка Ю. А. Ермолову—200 р.; Симбирской губ., гор. Сызрань, женщинѣ-врачу С. Л. Гурвичъ—500 р.; Сызранскаго уѣзда, уд. с. Томышево, чрезъ Д. И. Воейлова—200 руб.; Борсунскаго уѣзда, с. Большіе-Березники, В. С. Сѣровой—600 р.; туда же, Е. Д. Вагнеръ—300 р.; для Курмышскаго уѣзда, П. М. Филатову—200 р.; Борсунскаго уѣзда, учителю земской школы въ с. Чумакинѣ, Демкину—50 р.; продовольственной комиссіи общества саратовскихъ санитарныхъ врачей—700 руб.; Саратовск. уѣз. земск. начальнику А. А. Шахматову—200 р.; Саратов. уѣз., въ с. Сухой Карбулакъ, женѣ земскаго врача М. И. Шмукеръ, на столовую—300 р.; на устройство пекарни въ с. Салтыковѣ, Сердобскаго уѣзда, Л. А. Калачовой—300 руб.; Самарской губ., для Николаевскаго уѣзда, Е. А. Ботляревской—600 р.; Новоузенскаго уѣзда, земск. начальнику IV участка, Померанцеву—400 р.; Самарскаго уѣзда, Липовской вол., въ с. Дмитріевку, В. В. Воевожскому—200 руб., Тамбовской губ., Усманскаго уѣзда, члену попечительства о народномъ продовольствіи II участка, А. Г. Сукочеву—500 р.; Тамбовскаго у., с. Протасово, предѣдателью мѣстнаго попечительства, священнику А. Викторову—100 р.; Лебедянскаго у., въ с. Павловское, Д. А. Игумнову, на поддержаніе столовой—300 р.; Козловскаго у., предѣдателью попечительнаго комитета Успенской вол. Н. Б. Голицыну—150 р.; Моршанскаго у., с. Большое-Гагарино, казначею мѣстнаго комитета для сбора пожертвованій въ пользу голодающихъ, свящ. Г. Б. Серповскому—150 р.; Шацкаго

уѣзда, с. Печины, свящ. С. А. Бурганскому—200 р.; Липецкаго уѣз., с. Шехмань, свящ. Е. Я. Рудовскому—200 р.; того же уѣзда, с. Плавницы, свящ. А. Г. Серповскому—100 р.; Рязанской губ., Данковского у., с. Паники, Н. Н. Философовой, на поддержаніе столовыхъ — 200 р.; того же уѣзда с. Нилова-Головнищина, свящ. І. Смирнову—150 р.; Касимовскаго уѣзда, с. Мелихово, продвол. попечителю барону Г. Г. Лепель—200 р.; ст. Рязань; для дер. Бутиловой, свящ. И. А. Виноградову—100 р.; Пронскаго уѣзда, с. Большое, земск. врачу Соколову—200 р.; ст. Старожилово, ряз.-козл. жел. дор., земскому попечителю П. А. Сазонову — 100 р.; гор. Сапожокъ, Е. Ѳ. Беклемишевой, для поддержанія столовыхъ—200 р.; туда же, члену Жолобово-Борковского попечительства А. И. Кушнеренко—150 р.; ст. Ухолово, д-ру И. Ѳ. Бѣляеву—150 р.; туда же д-ру П. М. Виноградову—150 р.; Орловской губ., Елецкій у., земскому начальнику А. Д. Полютову—150 р.; туда же, члену продовольственнаго попечительства д-ру В. А. Варгунину—150 р.; туда же, земскому начальнику С. Д. Кривцову, для безземельныхъ крестьянъ, не получающихъ пособій—200 р.; туда же, им. Озерки, Н. Ѳ. Цвилленеву—100 р.; Тульской губ., Чернского уѣз., ст. Доробино, М. М. Левицкой—100 р.; въ Епифанскій у., Р. А. Писареву—200 р.; Новосильскаго у., Л. Н. Бобринцевой-Пушкиной—200 руб.; Пензенской губ., председателю губернской земской управы А. Н. Бекетову—500 р.; Моршанскаго у., члену попеч. о нар. продол. В. П. Быстринину—300 р.; туда же, для столовой при с. Михайловкѣ, О. Н. Азаревичъ—300 р.; Нижнеомовскаго у., члену попечительства д-ру М. Н. Ягодинскому, на поддержаніе столовыхъ—500 р.; Воронежской губ. и уѣзда, члену макарьев. попечительства А. И. Эртели—300 р.; туда же, для с. Малышева, съ деревнями, женѣ врача Е. В. Федяевской—300 р.; туда же, для школы въ с. Рождественскомъ-Хавѣ, учителю М. Бучневу—100 руб.; Нижнедѣвицкаго уѣз., земск. нач. IV уч. Я. А. Харкѣвичу—500 р.; туда же, члену Никольскаго сельскаго попечительства, свящ. М. Сивябскому—300 р.; туда же, председателю Ясеновскаго сельск. попечительства, свящ. А. Ингеницкому—200 р.; туда же, с. Россоши, свящ. Дроздову—150 р.; Воронежск. у., на столовыя, Л. С. Буланской—300 р.; Задѣнскаго уѣзда, председателю земской управы В. Н. Томаповскому—500 руб.; Валуйскаго уѣзда, с. Погромцы, Н. В. Корфу—200 р.; Воронежскаго у., с. Ордово, председателюницѣ попечительства С. У. Малиновой, на столовую—100 р.; туда же, председателюницѣ богородицкаго попечительства Л. Н. Ходской на поддержаніе столовыхъ—100 р.; Курск. губ., Староскольскаго уѣзда, В. Е. Ягушкину—300 р.; въ г. Курскѣ, В. Д. Сукманъ, на поддержаніе столовыхъ—200 р.; въ Курскій уѣздъ, въ распоряженіе М. Е. Богданова—200 р.; Оренбургской губ., Челябинскаго уѣзда, с. Птичь, въ церковно-приходское попечительство—150 р.; Пермской губ., въ Шадринскій уѣздъ, Е. Г. Огневой—300 р.; московскому комитету грамотности, на столовыя для дѣтей въ пораженныхъ неурожаемъ мѣстностяхъ—600 рублей. Итого 17,350 рублей!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Апрѣль.

1892 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика.—Педагогика.—Публицистика.—Исторія и биографія.—Политическая экономія и статистика.—Юридическія книги.—Этнографія и археологія.—Языковѣдѣніе.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Учебники.—Справочныя книги. II. Периодическія изданія: „Вѣстникъ Европы“, *февраль—мартъ*.—„Русское Богатство“, *январь*.—Славянская періодическая печать. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 15 марта по 15 апрѣля 1892 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Дневникъ толстовца“. Н. Д. Ильина.

Дневникъ толстовца. Н. Д. Ильина. Спб., 1892 г. Цѣна 1 руб. 50 коп. Давно извѣстно, что самыми злыми противниками извѣстнаго моральнаго ученія являются тѣ лица, которыя вѣровали и потомъ разочаровались въ правдѣ ученія и въ правдивости учителей и проповѣдниковъ той доктрины. Чѣмъ сильнѣе было увлеченіе, тѣмъ разочарованіе прискорбнѣе, тѣмъ оно обиднѣе, въ особенности если человекъ не только вѣровалъ, но и дѣла совершалъ, которыми вѣру свою всенародно засвидѣтельствовалъ, къ немалому для себя ущербу нравственному и матеріальному. Г. Ильинъ былъ „толстовцемъ“ довольно своеобразнымъ: онъ служилъ чѣмъ-то, должно быть, по судебному вѣдомству, велъ какія-то денежные дѣла; его жена содержала модную мастерскую и школу кройки; произведеніями гр. Толстаго они оба восхищались, умиленно говорили о жизни „по-правдѣ“, объ евангельской любви и о непротивленіи злу, сами же работали по мѣрѣ силъ своихъ, какъ всѣ небогатые люди, обязанные воспитывать дѣтей, каковыхъ у супруговъ Ильиныхъ было не мало. На бѣду, разныя житейскія неприятности разстроили нервы г. Ильина. А тутъ, какъ на грѣхъ, появилась на выставкѣ картина проф. Н. Н. Ге: *Что есть истина?* Г. Ильинъ пришелъ отъ изображеннаго на ней Христа въ такой восторгъ, что расплакался, потомъ вступилъ въ переписку съ авторомъ картины, потомъ съ нимъ познакомился, тотчасъ же заобожалъ его и, не долго раздумывая, бросилъ домъ свой и дѣла свои, жену и дѣтей, и предложилъ свои безвозмездныя услуги возить картину по Европѣ и Америкѣ на показъ, ради прославленія имени профессора Ге. Трудно представить себѣ что-либо болѣе траги-комическое, чѣмъ этотъ г. Ильинъ, сорокалѣтній отецъ семейства, увѣровавшій до изступленія въ картину, въ „дѣдушку“ Ге, въ его „пестрадинную“ рубаху, въ спасительность барскаго юродства... Романтизмъ и наивность г. Ильина превосходятъ

всякое въроутіе. Изъ-за безумной идеи явить міру дивное произведеніе „дѣдушки“, недостаточно опѣненное на родинѣ, онъ разоряетъ семью, залѣзаетъ по-уши въ долги, терпитъ ужасающія лишения, заставляетъ своего шестилѣтняго сына переносить тяжелыя страданія, — сына онъ съ собою забралъ въ путешествіе, — доходитъ, вмѣстѣ съ ребенкомъ, до полной нищеты, до голода, чуть самъ не умеръ, едва ребенка не уморилъ... И, въ концѣ-концовъ, всю тяжесть того, что самъ себя пристроилъ и что выстрадалъ, онъ вымещаетъ на профессорѣ Ге и на „толстовщинѣ“. Несомнѣнно, г. Ильинъ и г. Ге ждали отъ путешествія съ картиной, одобренной *самимъ* Л. Н. Толстымъ, совсѣмъ иныхъ и очень блистательныхъ результатовъ. Ожиданія не оправдались, вся стоимость картины ушла на ея показыванія, и получилось взаимное раздраженіе со всѣми его нехорошими послѣдствіями: перекорами, обвиненіями, заподозриваніями и обличеніями, часто одинаково грязными обѣ стороны. Положительное достоинство книги и интересъ ея заключаются въ правдивомъ описаніи мытарствъ наивнаго и неумѣлаго человѣка, взявшагося совсѣмъ не за свое дѣло — устройства въ разныхъ городахъ Европы и Америки выставокъ картины, которую никто не хочетъ смотрѣть. Что же касается обоюдныхъ счетовъ Н. Д. Ильина и Н. Н. Ге, то они характерны лишь въ томъ отношеніи, что въ нихъ сказалась злобная и мелочная ненависть, для обихъ унижительная.

П Е Д А Г О Г И К А.

„Народная школа“. А. Анастасіева.

Народная школа. Руководство для учащихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Составилъ А. Анастасіевъ, инспекторъ народныхъ училищъ Симбирской губерніи. Симбирскъ. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 руб. 25 коп. Книга г. Анастасіева носитъ характеръ справочный, а потому въ ней на ряду съ важными вопросами (напримѣръ, о воспитаніи) встрѣчается много мелочей. Цѣль ея дать народному учителю такое руководство, которое „замѣняло бы опытнаго товарища, всегда готоваго дѣлиться своими взглядами и стремленіями, своими знаніями и наблюденіями“. Вся книга раздѣляется на три части.

Первая часть содержитъ правила по организаціи школы въ отношеніи воспитательномъ, учебномъ, хозяйственномъ и административномъ; во второй части находятся подробныя программы преподаваемыхъ въ начальныхъ училищахъ предметовъ съ объяснительными записками, а въ третьей изложено подробный конспектъ занятій въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

Самую интересною, конечно, является первая часть, при составленіи которой авторъ пользовался распоряженіями и инструкціями министерства народнаго просвѣщенія, циркулярами училищныхъ совѣтовъ и инспекторовъ народныхъ школъ, но „значительная часть *Правилъ* выработана самостоятельно“. Правила написаны въ афористической формѣ, вродѣ уставовъ и сводовъ законовъ. Очень жаль, что авторъ не отдѣлилъ и ниваякъ не отмѣтилъ того, что у него взято изъ министерскихъ циркуляровъ, отъ того, что онъ самъ предлагаетъ. Циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія—одно дѣло, а разъясненія и комментаріи г. Анастасіева—дѣло другое. Уже эта самая форма, въ

которой авторъ дѣлаетъ свои комментаріи, смѣшивая ихъ съ министерскими постановленіями, намъ не особенно нравятся. Цѣль всякаго комментарія воздѣйствовать на убѣжденія человѣка, и съ ними можно соглашаться, можно и не соглашаться и по-своему толковать; придавать же этимъ разъясненіямъ форму непререкаемыхъ истинъ и ставить ихъ на ряду съ циркулярами, по меньшей мѣрѣ, слишкомъ смѣло. Но дѣло, впрочемъ, не въ формѣ. Знакомясь ближе съ характеромъ *Правиль*, мы видимъ, что на первомъ планѣ г. Анастасіевъ ставитъ авторитетъ учителя, которому совѣтуетъ относиться къ крестьянскимъ дѣтямъ не просто по-человѣчески, а какъ-то особенно—свысока. Такъ, „выраженіемъ воли учителя по отношенію къ ученикамъ служитъ приказаніе, отрицательною стороною котораго является запрещеніе“. При этомъ на крестьянскихъ мальчиковъ авторъ смотритъ какъ на наивныхъ и непосредственныхъ, готовыхъ „смѣяться, когда, повидимому, вовсе нѣтъ достаточнаго повода“. Этотъ взглядъ на дѣтей заставляетъ учителя явиться, прежде всего, въ роли воспитателя: онъ долженъ искоренить всѣ свободныя проявленія дѣтской природы, приучить къ повиновенію и воспитывать, „неуклонно и настойчиво требуя исполненія всѣхъ правилъ, касающихся какъ поведенія, такъ и учебныхъ занятій, влѣдствіе чего у дѣтей является увѣренность, что ослушаніе невозможно“. О любви къ дѣтямъ и о хорошемъ отношеніи къ нимъ учителя авторъ нигдѣ не говоритъ. Кромѣ приказанія, воспрещенія, пристыженія и наказанія, у учителя, по г. Анастасіеву, нѣтъ другихъ отношеній къ ученикамъ. „Формами школьной дисциплины являются слѣдующія: 1) приученіе къ труду, 2) надзоръ, 3) приказаніе, 4) награда, 5) наказаніе“ (это не воспитаніе, а дрессировка!). И странно, что у автора *Народной школы* хватаетъ духу сказать: „личный примѣръ учителя и качества его, какъ воспитателя, создаютъ ему *авторитетъ* между учениками и вызываютъ къ нему *любовь* ихъ“. Совсѣмъ не за что дѣтямъ любить учителя, который только и дѣлаетъ, что приказываетъ и наказываетъ; причинъ же бояться такого учителя очень много. А, между тѣмъ, кто не знаетъ, что страхъ передъ учителемъ—величайшій тормазъ всякаго обученія? Чувство страха и дрожаніе (къ сожалѣнію, такъ часто замѣчаемыя у нашихъ учениковъ низшихъ и среднихъ школъ) мѣшаютъ ребенку сосредоточиться, подумать, заставляютъ часто отвѣчать на-угадъ, лишь бы скорѣе отвѣтить и заслужить одобреніе. Этотъ страхъ передъ учителемъ создалъ даже особый типъ учениковъ—„торопыгъ“. Отъ учениковъ г. Анастасіевъ ничего не требуетъ, кромѣ повиновенія, которое выражается, между прочимъ, въ томъ, что „во время уроковъ ученики не должны отвѣчать не по вызову, прерывать занятія вопросами учителю“. Кромѣ того, требуется почтеніе къ педагогу и благопристойность, выраженіемъ которой является то, что ученикъ при вызовѣ учителя долженъ встать и кланяться ему. Много и другихъ подобныхъ совѣтовъ учителямъ мы находимъ въ этихъ *Правилахъ*, но и приведеннаго уже достаточно, чтобы познаться съ характеромъ ихъ.

Система г. Анастасіева совсѣмъ не совмѣстима ни съ какими правилами педагогики. Еще Добролюбовъ, болѣе 30 лѣтъ тому назадъ, въ своей статьѣ о значеніи авторитета въ воспитаніи и въ полемикѣ съ Пироговымъ ясно показалъ, что та форма отношеній, когда учитель *только приказываетъ и наказываетъ* ученика за неисполненія приказаній, ученикъ же *только подчиняется*, приводитъ къ самымъ печальнымъ результатамъ. Путь такого воспитанія ведетъ обыкновенно къ

строгимъ мѣрамъ взысканія, ибо авторитетъ учителя держится до тѣхъ поръ, пока воспитываемые не прекословятъ, а безусловно принимаютъ за истину каждое слово учителя. Разъ у учащагося является сомнѣнiе въ правотѣ учителя и онъ возражаетъ ему, это считается дерзостью, хотя бы первый и былъ правъ. Ученикъ долженъ *стыдиться* и запоминать, что говорить учитель, а не разсуждать. По этой системѣ ученикъ является благовоспитанною машиною, зазубривающею все, чему бы ни учили, и конечная цѣль—не развитiе способностей ребенка и нравственное влiянiе на него, а вкладыванiе въ его голову грамматическихъ правилъ, примѣровъ, разсказовъ и требованiе исполненiя приказанiй. Не нужно также забывать, что приобретається такое повиновенiе съ большимъ трудомъ, и въ большинствѣ случаевъ педагоги, будучи не въ состоянiи справиться съ нѣкоторыми развивающимися самобытно натурами и подвести ихъ подъ общiй шаблонъ, принуждены бывать пускать въ ходъ самыя строгiя мѣры взысканiя и, отчаявшись, видать единственное спасенiе въ розгѣ. Да оно иначе и не можетъ быть,—гдѣ все основано на *стыдѣ* въ авторитетъ, тамъ всегда желаемымъ вѣнцомъ должна быть розга.

Совсѣмъ иное представляетъ изъ себя 2-я часть книги. Здѣсь видно знатока дѣтской учебной литературы. Предлагается много матеріала, даются вѣрныя и мѣткія оцѣнки разныхъ общеупотребительныхъ учебниковъ, такъ что для учителя народной школы эта часть можетъ оказывать существенную услугу.

Третья часть—несущественна. Въ ней мы находимъ распредѣленiе на цѣлый годъ по днямъ того, что должно быть пройдено по программѣ. Несущественною эта часть является потому, что распредѣленiе учебнаго матеріала по днямъ зависитъ почти исключительно отъ того, каковъ общiй уровень класса. При одномъ составѣ учениковъ учитель можетъ пройти программу очень скоро и захватить даже часть слѣдующаго курса, при другомъ—иногда даже можетъ не успѣть выполнить обязательную программу. При распредѣленiи учебнаго матеріала гораздо важнѣе общiя замѣчанiя опытнаго педагога, чѣмъ такая детальная разработка вопроса.

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Сибирь и каторга“. С. Максимова.—„Изъ эпохи великихъ реформъ“. Гр. Джанниева.

Сибирь и каторга, въ трехъ частяхъ. С. Максимова. Изданiе второе, исправленное и дополненное. Спб., 1891 г. Въ нашей литературѣ, кромѣ гениальныхъ *Записокъ изъ мертвато дома*, не имѣется ни одного такого обстоятельнаго и талантливаго описанiя быта каторжныхъ, какъ книга г. Максимова. Сочиненiе это уже давно пользуется въ нашемъ обществѣ заслуженною извѣстностью, и лучше всего это доказываетъ необходимость втораго изданiя.

Авторъ описываетъ не только самую каторгу, но и то, что Веннгъ называлъ динамикою ссылки, т.-е. движенiе арестантовъ по этапу. Съ этого и начинается его изслѣдованiе. Глава I посвящена картинѣ этапа; здѣсь, между прочимъ, авторъ описываетъ знаменитый пруть, на которомъ водили арестантовъ и который былъ уничтоженъ лишь въ 1854 году. Надо вообще сказать, что эта глава (какъ, впрочемъ, и большая частъ всей книги) носитъ исключительно историческiй характеръ. Благодаря

энергичной дѣятельности великаго филантропа, д-ра Ф. П. Газа, этапные порядки теперь въ значительной мѣрѣ измѣнены.

Вслѣдъ за первой главой, носящею характеръ вступленія, начинается самое описаніе каторги. Сначала идетъ описаніе быта каторжныхъ и бѣглыхъ, затѣмъ описаніе быта поселенцевъ. На болѣе знаменитыхъ преступникахъ авторъ останавливается отдѣльно. Въ приложеніяхъ къ первому тому авторъ останавливается подробно на тюремныхъ пѣсняхъ и на искусственныхъ языкахъ, которые выработаны ссыльными и каторжными.

Во второй части, которая носитъ названіе „Виноватые и обиженные“, авторъ разсматриваетъ отдѣльно различные типы преступниковъ, причемъ онъ разсматриваетъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала совершившихъ преступленія противъ жизни, затѣмъ бродягъ и бѣглыхъ, различные виды преступниковъ противъ собственности, противъ вѣрн, противъ казны и противъ правъ семейственныхъ; отдѣльная глава посвящена знаменитому основателю папулинской общины, старовѣру Папулину. Въ послѣдней главѣ этого тома приведены весьма цѣнные статистическія данныя и, между прочимъ, очень интересная таблица преступленій, господствующихъ въ различныхъ сословіяхъ.

Въ третьей части г. Максимовъ описываетъ политическихъ и государственныхъ преступниковъ, ссыльныхъ поляковъ и декабристовъ. По увлекательности сюжета и по талантливости изложенія, это—лучшая часть всего сочиненія. Тутъ читатель найдетъ исторію Волконскаго, Трубецкаго, Оболенскаго, Муравьевыхъ, Завалишина, Кюхельбекера и др., а также нашихъ женщинъ-героинь—Трубецкой и Волконской. Послѣдняя глава представляетъ собой попытку собранія матеріаловъ для исторіи каторги.

Написанная оригинальнымъ, замѣчательнымъ языкомъ, основанная на фактахъ, почерпнутыхъ авторомъ или изъ собственныхъ наблюденій, или изъ рассказовъ очевидцевъ, книга г. Максимова представляетъ собою очень цѣнный матеріалъ какъ для всякаго интересующагося устройствомъ и бытомъ нашихъ каторжныхъ работъ, такъ въ особенности для будущаго историка нашей ссылки.

Изъ эпохи великихъ реформъ. Историческія справки Гр. Джаншіева. Москва, 1892 г. Въ пользу голодающихъ. Среди различныхъ сборниковъ, изданныхъ въ пользу голодающихъ, выдающееся мѣсто безспорно займетъ сборникъ г. Джаншіева, заглавіе котораго выписано нами выше.

Г. Джаншіевъ въ нашей литературѣ занимаетъ совершенно особое мѣсто: всѣ свои литературныя дарованія онъ употребилъ на изученіе великихъ реформъ прошлаго царствованія и на выясненіе истиннаго ихъ значенія, которое, къ сожалѣнію, еще далеко не оцѣнено нашимъ обществомъ и не вполне выяснено нашею историческою критикой. Насколько, вообще, нашимъ зоиамъ мало извѣстно изъ того, что они пишутъ о знаменательной эпохѣ 60-хъ гг., видно уже изъ слѣдующаго: какъ извѣстно, ни на одну реформу прошлаго царствованія не обрушилось столько нападокъ, сколько на судебную реформу; но враги ея настолько невѣжественны, что даже не *подозрѣвали* о существованіи огромнаго 74-хъ томнаго „дѣла о преобразованіи судебной части“, и, ссылаясь на изданіе суд. уставовъ съ разсужденіями государственной канцеляріи, упрекаютъ творцовъ ихъ въ легкомысленномъ отношеніи къ дѣлу. Надо читать подлинное дѣло, чтобы понять, сколько труда, любви къ родинѣ и вообще къ человѣку вложили въ

созданіе судебныхъ уставовъ ихъ творцы. Какъ вполне основательно замѣчаютъ редакторы въ предисловіи къ суд. уст., „судебные уставы истекаютъ не отъ произвола, а отъ началъ истины и справедливости, въ той степени, въ какой они выработаны наукою и опытомъ“.

Настоящая книга г. Джаншіева касается четырехъ великихъ реформъ: освобожденія крестьянъ, отмены тѣлеснаго наказанія, цензурной реформы и великой судебной реформы.

Въ блестящемъ, сжатомъ очеркѣ г. Джаншіевъ дѣлаетъ жѣткую и прекрасную характеристику крестьянской реформы; этой характеристикѣ посвящена собственно только первая глава статьи; вторая же глава трактуетъ о болѣе специальномъ вопросѣ—*О роли тверскаго дворянства въ крестьянской реформѣ*. Какъ извѣстно, тверской губернской комитетъ, благодаря своему предсѣдателю А. М. Унковскому *), въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ игралъ выдающуюся роль; главная заслуга его состояла въ томъ, что онъ наиболѣе противоборствовалъ освобожденію крестьянъ безземельному и требовалъ непременно освобожденія ихъ съ земельнымъ надѣломъ, и этотъ путь, какъ вполне справедливо замѣчаетъ комитетъ въ своей запискѣ, „представляетъ единственный мирный путь къ освобожденію крестьянъ, который, охраняя интересы всѣхъ сословій, ведетъ къ развитію производительныхъ силъ и могущества государства“ (стр. 60).

Послѣ статьи о крестьянской реформѣ, въ сборникѣ г. Джаншіева помѣщена небольшая статья *Объ отменѣ тѣлесныхъ наказаній*. Эта статья, также какъ и всѣ работы г. Джаншіева, проникнута теплотой чувства, въ ней слышится голосъ убѣжденнаго мыслящаго человѣка, умъ котораго не стѣсненъ отвлеченнымъ абстрактомъ, а вездѣ и повсюду стремится найти „живую душу“. Но, несмотря на все наше глубокое уваженіе къ таланту г. Джаншіева, мы, по поводу этой статьи, не можемъ не упрекнуть его въ исторической неточности: г. Джаншіевъ считаетъ началомъ дѣла объ отменѣ тѣлесныхъ наказаній записку кн. Орлова; далѣе, по его словамъ, „для разсмотрѣнія записки кн. Орлова былъ учрежденъ особый комитетъ при II отдѣленіи Его Имп. Вел. канцеляріи“ (стр. 77). Онъ дѣлаетъ въ этомъ мѣстѣ двѣ крупныя историческія ошибки: 1) Началомъ дѣла объ отменѣ тѣлеснаго наказанія слѣдуетъ считать не записку кн. Орлова, а записку, поданную по одному частному дѣлу Е. И. Высочеству Вел. Кн. Александру Николаевичу (впослѣдствіи императору Александру II) членомъ попечительнаго о тюрьмахъ общества Т. Б. Потемкиною. Въ запискѣ этой Т. Б. Потемкина ходатайствовала за одну дворовую женщину Анну Колоскову, и съ этой записки началось въ 1854 году „дѣло о публичномъ наказаніи женщинъ“, которое окончилось знаменитымъ указомъ 17 апрѣля 1863 г. Записка кн. Орлова является не болѣе, какъ однимъ изъ моментовъ этого дѣла. 2) Вторая ошибка г. Джаншіева заключается въ томъ, что комитетъ не былъ учрежденъ для разсмотрѣнія записки кн. Орлова, а существовалъ уже раньше подачи ея. Это видно изъ журнала II-го отд. С. Е. И. В. канцеляріи отъ 28 марта 1862 года, гдѣ сказано: „въ апрѣлѣ 1861 года Государь Императоръ, вручивъ статсъ-секретарю графу Блудову представленную Его Величеству генераль-адъютантомъ княземъ Николаемъ Орловымъ за-

*) А. М. Унковскій въ настоящее время состоитъ присяжнымъ повѣреннымъ округа с.-петербургской суд. палаты; характеристикѣ этой замѣчательной личности въ книгѣ г. Джаншіева посвящено, кромѣ настоящей статьи, еще нѣсколько прочувствованныхъ страницъ.

писку объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ Россійской Имперіи и Царствѣ Польскомъ, Высочайше повелѣтъ соизволилъ обратить ее на обсужденіе комитета, учрежденнаго при второмъ отдѣленіи Собственной Е. И. В. канцеляріи для разсмотрѣнія проекта новаго воинскаго устава о наказаніяхъ“.

Послѣ статьи о тѣлесномъ наказаніи слѣдуетъ весьма интересная статья о законѣ 6 апрѣля 1865 года и примѣненіи его на практикѣ; слѣдующая статья посвящена судебной реформѣ. Затѣмъ, помѣщена рѣчь, произнесенная авторомъ въ торжественномъ собраніи московскаго юридическаго общества; оканчивается книга талантливими характеристиками нашихъ славныхъ дѣятелей — Спасовича, Арцимовича, Стояновскаго и Унковскаго.

Отрадное впечатлѣніе получается послѣ прочтенія книги г. Джанишева: переносишься въ ту славную эпоху, когда люди дѣйствовали, жили и мыслили.

ИСТОРИЯ И БІОГРАФІИ.

„Потемкинъ“. А. Г. Брикнера. — „Великій артистъ - крестьянинъ М. С. Щепкинъ“. В. Е. Ермилова. — „Жизнь замѣчательныхъ людей“. Изд. Ф. Павленкова.

Потемкинъ. А. Г. Брикнера. Спб., 1891 г. Книга составляетъ перепечатку статей, появившихся въ *Нови* 1887 года и дополненъ позднѣе опубликованными данными. Авторъ не ставилъ себѣ задачей написать полную біографію Потемкина, а сосредоточился по преимуществу на одной сторонѣ этой біографіи: на отношеніи къ Потемкину императрицы Екатерины. Факты подобраны съ обычною у автора добросовѣстностью и знаніемъ дѣла; въ отношеніи фактичности очеркъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Заслуживаетъ сочувствія и та осторожность, съ которой авторъ относится къ своему матеріалу, отказываясь отъ употребленія въ дѣло многихъ яркихъ, но анекдотическихкихъ деталей, которыми такъ богата современная Екатерининъ памфлетная литература и которыми такъ охотно пользовалось большинство его предшественниковъ. Цѣль автора, указываемая имъ на первой же страницѣ, заключается въ установленіи „справедливой оцѣнки“ Потемкина, на основаніи „множества историческихкихъ матеріаловъ, опубликованныхъ въ послѣднее время, но еще не вполне разработанныхъ специалистами“.

Несомнѣнно, однако же, что выполненіе своей задачи авторъ значительно затруднилъ для себя уже самою постановкой своей темы. Черезъ всю книгу проходитъ одна красная нить: установленіе того факта, что отношенія Екатерины къ Потемкину во все время оставались, несмотря на частныя размолвки, вполне дружественными и высокая оцѣнка императрицей Потемкина не измѣнялась. Можно находить, что, увлекаясь этою основною мыслью, авторъ нарисовалъ взаимныя отношенія обоихъ недостаточно тонкими штрихами; но дѣло не въ этомъ. Болѣе существенный недостатокъ книги заключается въ томъ, что для читателя остается невыясненнымъ, была ли эта высокая оцѣнка Екатерины — субъективною оцѣнкой, или же, дѣйствительно, „безусловное къ нему довѣріе императрицы въ продолженіе столькихъ лѣтъ заставляеть предполагать въ немъ необыкновенный государственный умъ и истинныя заслуги“. Данныхъ для выясненія этого вопроса собрано немало, но сопоставлены они нѣсколько механически; а такъ какъ при этомъ они

часто прямо противоположны другъ другу, то общее впечатлѣніе выходитъ недостаточно опредѣленнымъ не только для читателя, но, какъ кажется, и для самого автора. „Весь онъ тутъ,—такъ кончаетъ г. Брикнеръ свою монографію,—баловень счастья, болѣе авантюристъ, чѣмъ патріотъ, болѣе царедворецъ, чѣмъ государственный человѣкъ, болѣе азартный игрокъ, чѣмъ герой. Его пороки объясняются въ значительной долѣ недостатками тогдашняго государственнаго и общественнаго строя. Его дѣятельность была далеко не бесполезною. Руничъ, перечисляя результаты ея—уничтоженіе Запорожской Сѣчи, построение Херсона и Николаева, покореніе Крыма, учрежденіе черноморскаго флота, овладѣніе Очаковымъ и тою областью, гдѣ Одесса,—замѣчаетъ: все это не ложные суть памятники дивной прозорливости великой Екатерины II и сотрудника ея. Память о князѣ Потемкинѣ-Таврическомъ не должна быть въ Россіи забвенною“. Такимъ образомъ, начавши за упокой, авторъ кончаетъ за здравіе, и, притомъ, любопытнымъ образомъ, чужими словами, какъ бы подчеркивая, что приподнятый тонъ панегириста не къ лицу историку. И дѣйствительно, припомнимъ, какъ въ теченіе книги авторъ установилъ тотъ фактъ, что Потемкинъ былъ только „ученикомъ“ Екатерины по отношенію къ *цѣлямъ* ея политики, и что по отношенію къ *средствамъ* онъ являлся, вопреки мнѣнію императрицы, плохимъ дипломатомъ и еще болѣе плохимъ полководцемъ,—припомнимъ это, мы окончательно придемъ въ недоумѣніе, въ чемъ же имѣнно состоитъ „справедливая оцѣнка“ авторомъ Потемкина и каково его окончательное мнѣніе о героѣ его разсказа. Если оставить въ сторонѣ это недоумѣніе, книга написана занимательно и даетъ богатый матеріалъ въ руки всякаго читателя для составленія собственнаго сужденія.

Великій артистъ-крестьянинъ М. С. Щепкинъ. В. Е. Ермилова. М., 1892 г. Цѣна 40 к. Біографическій очеркъ г. Ермилова написанъ просто и живо. Авторъ относится къ великому артисту съ горячимъ, вполне, конечно, заслуженнымъ сочувствіемъ, но впадаетъ въ явное преувеличеніе, утверждая, что Щепкинъ стоялъ „въ ряду самыхъ передовыхъ двигателей вѣка“. Странно читать мимоходомъ брошенное г. Ермиловымъ замѣчаніе, будто Мочалову недоставало умственнаго развитія. Бѣлинскій былъ не такъ строгъ...

Книжка написана какъ будто для дѣтей старшаго возраста, по крайней мѣрѣ, начало ея; во всякомъ случаѣ, біографическій очеркъ г. Ермилова съ пользою прочтется обширнымъ кругомъ читателей. Къ книжкѣ приложенъ портретъ Михаила Семеновича Щепкина.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліотека Ф. Павленкова. (Даламберъ, Е. О. Литвиновой; Гегель, Е. Соловьева; Гарриксъ, Т. Полнера; Кольцовъ, В. Огаркова). *Біографическую бібліотеку* г. Павленкова называютъ въ *Волжскомъ Вѣстникѣ*, если намъ не измѣняетъ память, разсыпанною храниной. Издателя упрекаютъ за то, что многихъ великихъ людей у него нѣтъ, а нѣкоторые невеликіе уже появились. Намъ приходилось указывать на нѣкоторые недостатки этой бібліотеки, но въ общемъ мы считаемъ ее очень полезнымъ предпріятіемъ. Не всѣ біографіи равнаго достоинства, но почти въ каждой маленькой книжкѣ *Біографической бібліотеки* свѣтится бодрая и гуманная мысль, теплый призывъ къ знанію и общественно-полезному труду. Лучшею изъ четырехъ названныхъ біографій надо признать книжку г. Соловьева о Гегелѣ. Хорошо и интересно написана біографія Гаррикса, но она, такъ сказать, слишкомъ насыщена матери-

аломъ. Живо и задушевно написанъ очеркъ г. Огаркова, хотя въ немъ преувеличивается значеніе Больцова. Очеркъ г-жи Литвиновой даетъ достаточно ясное понятіе о знаменитомъ энциклопедистѣ. Немножко странно читать сравненіе г-жи Тансень съ Матрешей изъ *Власти тьмы*, но это, конечно, мелочь.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТИКА.

„The working-class movement in America“, by Aveling. — „Die Fachvereine und die sociale Bewegung in Frankreich“, von Osten. — „Сборникъ свѣдѣній о благотворительности въ Петербургѣ“. — „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о благотворительности Москвы за 1889 г.“. — „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губ.“. — „Сборникъ матеріаловъ для статистики Сурь-Дарьинской области“.

The working-class movement in America, by Aveling. 1891. Эта книжка—результатъ совмѣстной работы извѣстнаго англійскаго публициста Эвелинга и его жены. Довольно продолжительное пребываніе въ Соединенныхъ Штатахъ дало имъ возможность изучить бытъ рабочаго класса въ Америкѣ и дать полную и интересную картину этого быта. Кромѣ личныхъ наблюденій, авторы почерпнули много матеріала изъ отчетовъ бюро труда, которые начали возникать въ концѣ 60-хъ годовъ и существуютъ уже въ 16 штатахъ. Авторы находятъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ положеніе работниковъ не лучше, чѣмъ въ Англии. Въ Америкѣ замѣчается съ каждымъ годомъ все большее имущественное неравенство; пролетаріатъ возрастаетъ въ числѣ, а крупныя состоянія становятся все болѣе значительными. Денежная заработная плата въ Америкѣ выше, чѣмъ въ Англии; средняя плата составляетъ отъ 6 до 9 долларовъ въ недѣлю; но трудъ отличается болѣе напряженностью. Притомъ же, и жизнь настолько дорога, что семья едва можетъ прожить на $1\frac{1}{4}$ доллара въ день. Къ отраслямъ съ наивысшею платой относится трудъ горнорабочихъ, которые получаютъ до 2 долларовъ въ день. Продолжительность рабочаго дня составляетъ болѣе частью 10 часовъ. Однако, есть и болѣе долгій день: въ пекарняхъ работаютъ до $14\frac{1}{2}$ часовъ въ сутки, а прислуга при конно-железныхъ дорогахъ—до 16 и 17. Въ послѣдніе годы вопросъ о сокращеніи рабочаго дня все чаще и чаще обсуждается въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ Канзасѣ и Висконсинѣ не только рабочіе, но и многіе предприниматели высказываются за сокращеніе рабочаго дня даже до 8 часовъ. По интензивности, американскій трудъ вообще превосходитъ англійскій. Рабочіе, переселившіеся изъ Англии въ Америку, утверждаютъ, что нужно нѣсколько мѣсяцевъ, дабы привыкнуть къ американскимъ приемамъ труда и войти въ колею американской трудовой жизни. Какъ въ Европѣ, такъ и въ Соединенныхъ Штатахъ безработица составляетъ довольно обычное явленіе. О жилищахъ рабочихъ авторы отзываются неодобрительно; болѣе частью они переполнены; такими жилищами особенно изобилуетъ Нью-Йоркъ. Пища работниковъ оставляетъ желать многого; однако, авторы признаются, что она въ общемъ недурна,—молоко, яйца, мясо составляютъ предметы ежедневнаго потребленія. Но женскій и дѣтскій трудъ оплачивается во многихъ отрасляхъ гораздо ниже указанной нормы: рубашечницы, наприм., рѣдко зарабатываютъ болѣе $1\frac{1}{2}$ долл. въ недѣлю; перчаточницы съ трудомъ зарабатываютъ болѣе 12 центовъ въ день. Примѣненіе дѣтскаго труда препятствуетъ многимъ дѣтямъ въ полученіи даже начальнаго образованія. Въ штатѣ

Нью-Джерсей насчитывается 343,897 дѣтей школьнаго возраста, но изъ нихъ 89,254, т.-е. 26%, не ходятъ въ школу. Въ штатѣ Нью-Йоркъ изъ дѣтей школьнаго возраста $\frac{1}{2}$ не ходитъ въ школу. Дѣтскій рабочій день составляетъ 9—9 $\frac{1}{2}$ часовъ.

Почти половина книжки отведена описанію организацій, которыя созданы рабочими съ цѣлью улучшить условія жизни. Въ первыя десятилѣтія настоящаго вѣка рабочіе союзы вовсе не были извѣстны. Движеніе начинается только съ 1825 года, когда и появляется нѣсколько мѣстныхъ рабочихъ союзовъ. Самый значительный союзъ типографщиковъ, который въ 80-хъ годахъ довель до 28,000 число своихъ членовъ. Большое развитіе получили также союзы машиностроительныхъ рабочихъ, сигарочниковъ и друг. Самую выдающуюся организаціей рабочихъ служатъ союзы рыцарей труда (Knights of Labour), которые насчитываютъ въ своихъ рядахъ до $\frac{1}{2}$ милліона членовъ. Эти союзы не преслѣдуютъ политическихъ цѣлей. Они стремятся создать кооперативныя учрежденія, устранить систему наемнаго труда и ввести ассоціаціонное производство. Именно эти союзы имѣютъ социалистическій характеръ. За послѣднія пять лѣтъ организовался особый самостоятельный союзъ — соединенный союзъ рабочихъ, который состоитъ изъ приверженцевъ Генри Джорджа; эта партія ставитъ себѣ цѣлью изыятіе изъ частной собственности земли и другихъ производительныхъ силъ природы. Авторы останавливаются также на характеристикѣ нѣкоторыхъ вожаковъ рабочаго класса. Среди нихъ первое мѣсто занимаетъ, безспорно, Генри Джорджъ. Изложивъ сущность его ученія, Эвелинги справедливо замѣчаютъ, что рѣдкость населенія въ Соединенныхъ Штатахъ и избытіе земли внушаютъ Джорджу и его послѣдователямъ увѣренность, что когда совершится націонализація земли, то право частной собственности на капиталъ не будетъ мѣшать улучшенію быта рабочихъ классовъ. Упоминаютъ о Ричардѣ Гинтонѣ, много поработавшемъ надъ основаніемъ въ Америкѣ бюро труда, объ Уильямѣ Блэкѣ, воодушевленномъ адвокатѣ рабочаго класса, нашемъ соотечественникѣ Сергѣй Шевичѣ, очень вліятельномъ журналистѣ, и т. д. Книжка Эвелинговъ представляетъ потому особенный интересъ, что авторы сами сдѣлали много наблюденій надъ бытомъ рабочаго класса.

Die Fachvereine und die sociale Bewegung in Frankreich, von Osten. 1891. Въ началѣ книги авторъ знакомитъ читателей съ движеніемъ французскихъ рабочихъ при Наполеонѣ III. Наполеонъ относился благопріятно къ росту четвертаго сословія, и даже приверженцы Прудона не казались ему опасными. Однако, его правительство смотрѣло подозрительно на коалиціи рабочихъ и въ 50-хъ годахъ союзы были часто преслѣдуемы. И только въ 1868 году спеціальнымъ соизволеніемъ рабочихъ была предоставлена значительная доля свободы; результаты обнаружались послѣ войны 1870 года. Свѣдѣнія, собранныя въ 1883 году, показали, что среди предпринимателей было очень сильное движеніе въ пользу образованія синдикатовъ: въ Парижѣ изъ 120,000 самостоятельныхъ ремесленниковъ и торговцевъ въ синдикаты соединились не менѣе 20,000. И провинція приняла участіе въ этомъ движеніи: въ томъ же году строительный промыселъ имѣлъ въ разныхъ городахъ 41 синдикатъ, виноторговцы—36 и т. д. Движеніе среди рабочихъ приурочивалось къ всемірнымъ выставкамъ въ Вѣнѣ, Филадельфіи и другимъ, куда отправлялись многочисленныя депутаціи рабочихъ и завязывали сношенія съ иноземными собратьями по ремеслу. Въ началѣ 80-хъ годовъ среди французскихъ рабочихъ рѣзко обозначились двѣ группы—крайне

и умѣренные. Первые, усвоивъ принципы Маркса и Энгельса, требуютъ немедленно кореннаго переворота въ экономической жизни, перехода земли и капиталовъ въ собственность государства, ограниченія размѣровъ частной собственности на движимыя имущества цифрой въ 20,000 франковъ. Вторые, имѣя своимъ главою Финанси, горячаго и убѣжденнаго контриста, вѣрятъ въ возможность только постепеннаго улучшенія быта рабочихъ. Первая группа много работаетъ надъ политическими вопросами. Вторая приближается въ своей дѣятельности къ англійскимъ союзамъ рабочихъ. Общее число союзовъ достигало въ 1890 г. 1,006 съ числомъ членовъ болѣе 300,000. Они ставятъ себѣ задачей организваніе кассъ взаимопомощи, отысканіе работы для членовъ, которые не имѣютъ занятія, основаніе ремесленныхъ училищъ и вечернихъ классовъ для взрослыхъ, наконецъ, улаживаніе несогласій между работниками и предпринимателями. Относительно послѣдняго пункта дѣятельность союзовъ была очень успѣшна: въ одной только писчебумажной промышленности изъ 1,000 случаевъ недоразумѣній между хозяевами и работниками 900 были улажены смѣшанною комиссіей изъ предпринимателей и рабочихъ. Мы согласны, что развитіе союзовъ рабочихъ представляетъ очень отрадное явленіе, такъ какъ только этимъ путемъ работникъ можетъ вносить коренныя улучшенія въ условія своей жизни, однако, мы считаемъ большимъ преувеличеніемъ слова автора, будто „союзы рабочихъ могутъ произвести такой же переворотъ въ хозяйственномъ строѣ, какъ сила пара въ области техники“ (стр. 32).

Сборникъ свѣдѣній о благотворительности въ С.-Петербургѣ за 1889 годъ. Изд. статистич. отдѣленія с.-петербургской городской управы. 1891 г. Въ 1886 году городскими петербургскими статистиками былъ изданъ такой же сборникъ, заключавшій свѣдѣнія о благотворительности столицы за 1884 годъ; черезъ шесть лѣтъ было принято новое обслѣдованіе общественнаго призрѣнія въ Петербургѣ. На этотъ разъ при собираніи свѣдѣній петербургскіе статистики встрѣтили еще больше затрудненій, и самый матеріалъ, хотя и относящійся къ новѣйшему времени, получился едва ли не менѣе полный, чѣмъ въ первомъ сборникѣ. Къ такимъ благотворительнымъ обществамъ приходилось обращаться за свѣдѣніями по два и по три раза, приходилось подолгу разыскивать лицъ, которые могли бы дать необходимыя данныя, и т. п. И, тѣмъ не менѣе, „обо многихъ учрежденіяхъ и заведеніяхъ, все-таки, не удалось получить никакихъ данныхъ“. Вѣдомство учреждений императрицы Маріи—крупнѣйшее изъ благотворительныхъ вѣдомствъ—заявило письменно городскому головѣ, что „свѣдѣнія о средствахъ заведеній вѣдомства, о принадлежащемъ имъ имуществѣ и стоимости содержанія не сообщались до настоящаго времени никакому лицу или учрежденію для статистическихъ или иныхъ цѣлей, а потому и въ настоящее время сообщены быть не могутъ“. Такая недоступность свѣдѣній дѣлу общественнаго призрѣнія не принесетъ пользы. На почвѣ общественной благотворительности дѣйствуютъ другъ возлѣ друга правительственные и общественные органы, частныя общества и отдѣльныя лица, не только не пытаясь работать сообща и выяснить общія силы и средства, но какъ бы хоронясь другъ отъ друга и отъ всякаго сторонняго глаза.

Лежащій передъ нами *Сборникъ* распадается на двѣ части—справочную и статистическую; и въ той, и въ другой частяхъ данныя размѣщены по отдѣльнымъ вѣдомствамъ и учрежденіямъ. Такое размѣщеніе справочнаго матеріала вполне понятно, но отъ статистической части

сборника можно бы ожидать общих итоговъ всей благотворительной дѣятельности столицы, сопоставленія ихъ съ данными по другимъ городамъ и пр. Все это было до нѣкоторой степени сдѣлано въ *Сборникѣ*, изданномъ въ 1886 году (хотя и тамъ въ таблицахъ итоги не подбиты), въ настоящемъ же *Сборникѣ* о петербургской благотворительности таблицы помѣщены лишь внутри текстовъ разработки отдѣльных подраздѣлений статистической его части, а общихъ итоговъ не дано, если не считать 1½ страницъ (381 — 382), озаглавленныхъ такимъ образомъ. Изъ этихъ „общихъ итоговъ“ отмѣтимъ, что всѣхъ благотворительныхъ расходовъ въ 1889 году насчитано по Петербургу 8.354,000 руб., изъ которыхъ лишь 429,000 р. израсходовано на пособія внѣ благотворительныхъ заведеній, которыхъ было въ Петербургѣ 757. На тѣхъ же 1½ страницкахъ сообщается, будто въ 1859 году было „846,801 человекъ, жившихъ при чужой помощи“. „Если даже уменьшить приведенную выше цифры въ 4 раза“, то и въ такомъ случаѣ получатся, по утверженію составителей *Сборника*, что больше четверти (27%) всего населенія столицы пользуются „подаемъ и благотворительностью“. На самомъ дѣлѣ, всѣ эти „итоги“ не такъ страшны. Въ число 846 тысячъ лицъ, „жившихъ при чужой помощи“, включено 691,000, воспользовавшихся амбулаторнымъ медицинскимъ совѣтомъ, стоившимъ отъ 20 до 40 коп. Если исключить этихъ амбулаторовъ, получимъ всего 156,000 лицъ, воспользовавшихся общественною благотворительностью, да и изъ нихъ 19½ тысячъ были приходскими учениками начальныхъ школъ и 76,000 лечились въ больницахъ. Едва ли этихъ дѣтей и больныхъ можно назвать „жившими при чужой помощи“.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о благотворительности Москвы за 1889 г. Составленъ статистическимъ отдѣленіемъ московской городской управы. Мысль объ изслѣдованіи благотворительности Москвы, зародившаяся еще въ 1886 г., осуществлена, наконецъ, въ концѣ прошлаго года. Къ сожалѣнію, составители сборника, не располагая всѣмъ необходимымъ матеріаломъ, не могли представить своей работы въ желательной полнотѣ. Общая сумма капиталовъ по всѣмъ вѣдомствамъ и учрежденіямъ, дѣйствовавшимъ въ Москвѣ за 1889 г., простиралась до 25 милл. р.; недвижимая же собственность по ихъ же оцѣнѣ равнялась приблизительно 23 милліонамъ руб.; недостаточность данныхъ о дѣятельности такого крупнаго благотворительнаго учрежденія, какъ моск. отдѣл. опекун. совѣта, заставляетъ думать, что вышеприведенныя цифры значительно ниже дѣйствительныхъ. Доходъ съ означенныхъ капиталовъ за 1889 г. равнялся 5 милл. 663 т. р., расходъ былъ нѣсколько ниже—5 милл. 325 т. р.; главная доля расходовъ пала на содержаніе благотворительныхъ учреждений; на пособіе внѣ ихъ было истрчено лишь 672 т. р. Число лицъ, получившихъ пособіе внѣ благотворительныхъ учреждений, составитель вычисляетъ приблизительно въ 18 т. чел. Приведенный выше расходъ обезпечал существованіе до 500 различнаго рода благотворительныхъ интернатовъ и заведеній для приходскихъ. Всѣхъ лицъ, призрѣвавшихся въ этихъ заведеніяхъ и жившихъ въ нихъ временно или постоянно, считается около 74 т. чел., изъ нихъ число лицъ женскаго пола на 10% выше лицъ мужскаго (35,039 и 38,594); лицъ, получившихъ ту или иную помощь отъ благотворительныхъ заведеній, не жившихъ внѣ ихъ, оказалось 353,933 чел.; изъ нихъ 192,964 муж. пола и 160,969 жен. пола. Въ эти цифры призрѣваемыхъ не вошло еще 1.200,000 случаевъ доставленія бесплатнаго или дешеваго ночлега въ

ночлежныхъ домахъ или обществъ въ народныхъ столовыхъ. Интересно сравнить теперь московскую благотворительность съ благотворительностью Петербурга и особенно съ благотворительностью западно-европейскихъ столицъ.

Сумма расходовъ на благотворительность въ Москвѣ за 1889 г. составляетъ 5,325 р., въ Петербургѣ въ 1884 г.—5,810 р., въ Вѣнѣ въ 1888 г.—8,705 р., въ Берлинѣ въ 1888 г.—9,730 р., въ Парижѣ въ 1883 г.—17,873 р., причемъ на каждого жителя, въ среднемъ, падаетъ въ Москвѣ 5,³¹, Петербургѣ—6,⁰¹, Вѣнѣ—5,³¹, Берлинѣ—4,¹⁸, Парижѣ—5,³¹, такимъ образомъ, большія абсолютныя цифры западно-европейскихъ благотворительныхъ учреждений парализуются въ свою очередь большимъ населеніемъ разсматриваемыхъ центровъ; въ одной только отрасли наша благотворительность отстала отъ западно-европейской, это именно—въ размѣрахъ суммъ, затрачиваемыхъ на школьное дѣло. Въ Москвѣ за 1889 г. истрачено на школы 663 т. р., Петербургѣ въ 1884 г.—595 т. р., Вѣнѣ—3,340 р., Берлинѣ 1888 г.—3,878 р., Парижѣ 1883 г.—5,203 р. Не имѣя возможности въ краткомъ очеркѣ познакомить читателей болѣе детально съ категоріями тѣхъ вѣдомствъ, на которыя разбивается московская благотворительность, мы упомянемъ лишь о томъ, что первымъ по размѣрамъ тратимыхъ суммъ на дѣло благотворительности является московское городское управление; сравнивая же его дѣятельность съ дѣятельностью другихъ городскихъ управленій, дѣйствовавшихъ въ этомъ направленіи, мы получимъ такую цифровую таблицу: въ Москвѣ—1,300 р.—1,⁵ р. на жителя, Петербургѣ—1,350 р.—1,⁵ р. на жит., Вѣнѣ—3,210 р.—3,² р. на жит., Берлинѣ—4,500 р.—3,² на жит., Парижѣ—12,670 р.—5,⁶ на жит. Какъ на особенный пробѣлъ въ дѣлѣ благотворительности Москвы, нужно указать на отсутствіе учрежденія, которое поставило бы себѣ задачей призрѣніе малолѣтнихъ законорожденныхъ дѣтей; дѣтскіе приюты принимаютъ дѣтей не моложе 5 лѣтъ, а сколько придется вынести до этого возраста ребенку несостоятельныхъ родителей, объ этомъ едва ли нужно распространяться; вотъ почему съ особымъ удовольствіемъ мы отмѣтимъ появившуюся въ № 43 *Русск. Вид.* замѣтку о томъ, что въ Москвѣ открывается новое „Елизаветинское“ общество, цѣль и задача котораго—забота о законнорожденныхъ дѣтяхъ бѣдныхъ родителей.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи. Отдѣлъ хозяйственной статистики. Т. X. Продовольственное дѣло. Выпускъ I. Съ приложеніемъ десяти картограммъ, одной картограммы, таблицы и одной днпограммы. Москва, 1891 г. Лежащая передъ нами книжка содержитъ свѣдѣнія о положеніи продовольственнаго дѣла въ Московской губерніи за истекшее 26-тилѣтіе (съ 1865 по 1891 г.). Считаю не лишнимъ познакомить читателей *Русской Мысли* съ этою интересною работой, прежде всего, передадимъ въ общихъ чертахъ содержаніе данной книжки. Первая глава посвящена сжатою историческому очерку русскаго законодательства по обеспеченію народнаго продовольствія и обзору современныхъ полномочій земства въ сферѣ контроля надъ продовольственнымъ дѣломъ. Отсюда мы узнаемъ, что закономъ 21 мая 1874 г. земству предоставлено право слѣдить за исправнымъ состояніемъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ и принимать тѣ или другія мѣры къ понужденію крестьянъ поддерживать дѣло продовольствія на известной высотѣ. Слѣдующая затѣмъ глава излагаетъ фактъ изъ дѣятельности земства по обеспеченію народнаго продовольствія въ тѣхъ

шести уѣздахъ Московской губ. (Дмитровскомъ, Клинскомъ, Волоколамскомъ, Рузскомъ, Верейскомъ и Звенигородскомъ), гдѣ населеніе находится на натуральномъ продовольственномъ окладѣ. Въ Звенигородскомъ уѣздѣ, впрочемъ, не всѣ крестьяне отбиваютъ натуральную продовольственную повинность, — часть ихъ (12,1%) уже перешла на денежный окладъ. Оказывается, что продовольственное дѣло въ этихъ уѣздахъ находится въ довольно плачевномъ положеніи. Законною нормой для засыпки хлѣба въ общественные магазины полагается съ ревизской души по 8 мѣръ овсаго и по 4 мѣры яроваго. А, между тѣмъ, изъ многочисленныхъ волостей, входящихъ въ составъ вышеупомянутыхъ уѣздовъ, только одна (Короваевская, Дмитровскаго уѣзда) болѣе или менѣе приближается къ типу нормальныхъ волостей, т.-е. въ одной только волости число мѣръ, засыпаемыхъ въ хлѣбозапасные магазины, почти достигаетъ законнаго; всѣ же остальные значительно отступаютъ отъ требуемой закономъ мѣры, большая часть вносить немного менѣе половины, очень многія — по 1—2 мѣры на душу; есть и такія селенія, гдѣ засыпка вовсе не производится. Кромѣ того, запасы хлѣба, насыпаемые осенью, весной почти цѣликомъ разбираются, несмотря на существующее постановленіе, чтобы крестьяне брали въ ссуду не болѣе половины имѣющихся налично запасовъ. Далѣе по закону каждая ревизская душа должна производить засыпку какъ рожью, такъ и овсомъ, на самомъ же дѣлѣ одни засыпаютъ только рожь, другіе — только овесъ. Наконецъ, и зерно, насыпаемое въ магазины, обыкновенно, самаго плохаго качества. Взятія ссуды возвращаются крайне неисправно и неаккуратно, и недоимки съ каждымъ годомъ растутъ. Несмотря на самыя строгія мѣры, практиковавшіяся этими (за исключеніемъ звенигородскаго) земствами и направленныя къ тому, чтобы заставить крестьянъ засыпать хлѣбъ въ требуемой закономъ пропорціи, разбирать весной въ ссуду не болѣе половины наличнаго состава хлѣба и внести накопившіяся недоимки, — несмотря на самыя энергичныя мѣры въ этомъ направленіи (на неоднократно, наприм., обращеніе за содѣйствіемъ къ чинамъ мѣстной полиціи), результаты получились самыя неутѣшительныя, или, вѣрнѣе, не получилось никакихъ результатовъ, и дѣло продолжало идти по-старому. Слѣдовательно, причины столь печальнаго состоянія продовольственнаго дѣла заключаются никакъ не въ бездѣятельности административныхъ и земскихъ властей. Что власти тутъ не причемъ, это лучше всего доказывается сопоставленіемъ дѣятельности двухъ земствъ: дмитровскаго и звенигородскаго. Въ то время, какъ первое съ самаго начала вступило на путь строгихъ мѣръ по взысканію продовольственныхъ недоимокъ и къ побужденію крестьянъ поставить дѣло продовольствія на надлежащую высоту и неуклонно придерживалось этого пути за весь 26-ти лѣтній періодъ своего существованія, второе, исходя изъ того взгляда, что такія иная постановка народнаго продовольствія есть дѣло чисто-крестьянское, совершенно не вмѣшивалось въ крестьянскіе распорядки въ этой сферѣ, обращая лишь большее или меньшее вниманіе на соблюденіе закона о возвратѣ взятаго въ ссуду хлѣба, и результаты получились, однако, совершенно аналогичныя.

Причины такого положенія вещей кроются въ общихъ экономическихъ условіяхъ, среди которыхъ живутъ крестьяне данныхъ мѣстностей. Эти общія условія, какъ показываютъ статистическія изслѣдованія, сводятся, прежде всего, къ частотѣ неурожаевъ, постигавшихъ описываемые уѣзды: изъ 26 лѣтъ обозрѣваемаго періода болѣе 15, т.-е.

болѣе половины годовъ; совершенно неурожайныхъ; затѣмъ къ незначительности размѣровъ земельныхъ надѣловъ, отсутствію вѣвземледѣльческихъ занятій, тяжести лежащихъ на населеніи другихъ платежей и повинностей и т. п. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ нужду весну является крайняя нужда въ продовольствіи и обмѣненіи полей, и крестьяне цѣликомъ разбираютъ всѣ имѣющіеся въ общественныхъ амбарахъ запасы хлѣба. Въ виду столь неудачнаго хода продовольственного дѣла и значительной стоимости постройки новыхъ общественныхъ амбаровъ, ремонта старыхъ и содержанія при нихъ сторожей и смотрителей,—стоимости, лежащейся довольно тяжелымъ бременемъ на крестьянское населеніе, земства означенныхъ уѣздовъ нѣсколько разъ предлагали сельскимъ обществамъ перейти съ натурального продовольственного оклада на денежный, внося, вмѣсто четверти ржи, 6 р., а вмѣсто четверти овса—4 руб. Нѣкоторые общества и селенія Звенигородскаго уѣзда согласились на предложеніе земства и въ размѣрѣ 12,1% всего населенія въ этомъ уѣздѣ перешли на денежный окладъ. Громадное же большинство крестьянскихъ обществъ самымъ категорическимъ образомъ отказались отъ перехода на денежный окладъ, мотивируя свое нежеланіе, главнымъ образомъ, слѣдующимъ соображеніемъ: въ случаѣ положенія на денежномъ окладѣ имъ придется осенью продавать хлѣбъ и вносить деньги въ указанномъ размѣрѣ въ продовольственный капиталъ, а весной, когда бываетъ обыкновенная нехватка въ хлѣбѣ на продовольствіе и на посѣвъ, покупать его снова, но уже по весенней цѣнѣ; а въ виду того, что весеннія цѣны бываютъ въ полтора раза или вдвое выше осеннихъ, это было бы для нихъ крайне невыгодно.

Впрочемъ, и земства, въ концѣ-концовъ, приходили къ тому же заключенію, т.-е. къ предпочтенію въ этихъ мѣстностяхъ натурального оклада передъ денежнымъ. Изъ всего вышеизложеннаго ясно, что общественные магазины, по наличности существующихъ въ нихъ запасовъ хлѣба, совершенно не удовлетворяютъ своему назначенію — служить въ неурожайные годы источникомъ продовольствія для нуждающагося населенія.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе I части этого труда. Слѣдующая затѣмъ II часть, составленная отчасти по документальнымъ даннымъ, отчасти разспросамъ мѣстнаго населенія, содержитъ въ себѣ: описаніе хлѣбозапасныхъ магазиновъ въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ застала реформа 1861 г., и тѣхъ видоизмѣненій, которыя они затѣмъ претерпѣли (1 глава); распредѣленіе формъ продовольственного оклада (2 гл.); детальное описаніе общественныхъ амбаровъ, существующихъ въ Московской губ.,—ихъ величины, формы, стоимости содержанія, ремонта и т. п. (3 гл.); свѣдѣнія о количествѣ продовольственныхъ запасовъ (4 гл.) и о нѣкоторыхъ условіяхъ, опредѣляющихъ количество и самое существованіе хлѣбныхъ запасовъ (5 гл.). Глава 2—о распредѣленіи формъ продовольственного оклада—знакомитъ насъ съ положеніемъ продовольственного дѣла въ тѣхъ остальныхъ уѣздахъ Московской губ., въ которыхъ населеніе находится на смѣшанномъ окладѣ—частью денежномъ, частью натуральномъ. Смѣшанная форма имѣетъ мѣсто въ слѣдующихъ уѣздахъ: Можайскомъ, Звенигородскомъ, Московскомъ, Богородскомъ, Бронницкомъ, Подольскомъ, Серпуховскомъ и Коломенскомъ. Если общее число ревизскихъ душъ, несущихъ ту или другую форму продовольственной повинности, выразить въ процентахъ, то получается слѣдующая статистическая картина:

	Въ процентахъ.	
	На хлѣбн.	На денежн.
Въ Можайскомъ	33,8	66,7
„ Звенигородскомъ	87,9	12,1
„ Московскомъ	55,3	44,7
„ Богородскомъ	15,6	84,4
„ Бронницкомъ	45,9	54,1
„ Подольскомъ	61,8	38,2
„ Серпуховскомъ	0,8	99,2
„ Коломенскомъ	0,8	99,2

Какъ видно изъ этой таблицы, въ 3 уѣздахъ хлѣбные оклады преобладаютъ надъ денежными, а денежная форма продовольственного оклада имѣетъ преобладаніе только въ 5 уѣздахъ. Полнаго, исключительнаго господства она нигдѣ не имѣетъ, но въ 2 уѣздахъ она очень близка къ этому (95,8%). Слѣдовательно, по формѣ продовольственныхъ окладовъ Московская губ. больше относится къ разряду хлѣбныхъ губерній, чѣмъ денежныхъ. Изслѣдуя вопросъ о томъ, чѣмъ оправдывается господство натуральной формы запасовъ въ одной части губерніи (сѣверо-западной) и денежной въ другой (юго-восточной) и не существуетъ ли въ дѣйствительности какого-либо соотношенія или связи между естественно-историческими и бытовыми условіями отдѣльных мѣстностей съ принятыми въ послѣднихъ формахъ продовольственного оклада, составители этой работы пришли къ слѣдующимъ довольно важнымъ съ экономической точки зрѣнія выводамъ. Оказывается, что различіе формъ продовольственного оклада въ разныхъ мѣстностяхъ Московской губ. объясняется неодинаковою степенью развитія въ нихъ заводско-фабричной промышленности, неодинаковымъ отношеніемъ населенія къ своему надѣльному земледѣлію т.-е. различнымъ количествомъ лицъ, занимающихся земледѣліемъ, въ тѣхъ и другихъ уѣздахъ, неодинаковымъ числомъ торговыхъ заведеній и различными способами уборки хлѣба.

Натуральная форма имѣетъ преобладаніе въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ крупная заводско-фабричная промышленность оказывается слабо развитой, гдѣ земледѣліемъ занимается относительно большее число лицъ (до 90% всѣхъ домохозяевъ) и гдѣ, наконецъ, при меньшемъ числѣ торговыхъ заведеній, среднія рыночныя цѣны на хлѣбъ оказываются болѣе высокія. Съ такими именно условіями выступаютъ мѣстности сѣверо-западной части губерніи. Наоборотъ, на денежный окладъ перешло населеніе тѣхъ мѣстностей, гдѣ фабрично-заводская промышленность развита довольно значительно, гдѣ видная часть домохозяевъ (около 20%) совершенно уже перестала заниматься земледѣліемъ и гдѣ, наконецъ, при большемъ числѣ торговыхъ заведеній, покупка хлѣба оказывается болѣе доступною для населенія какъ по условіямъ рыночныхъ цѣнъ, такъ и потому, что среди населенія, благодаря фабричнымъ заработкамъ, можетъ болѣе обращаться мѣновыхъ знаковъ.

Въ IV главѣ мы находимъ самый подробный отчетъ о количествѣ продовольственныхъ запасовъ—денежныхъ и натуральныхъ. Что хлѣбные запасы въ уѣздахъ, обложенныхъ натуральною продовольственною повинностью, находятся въ крайне неудовлетворительномъ состояніи, объ этомъ мы говорили подробно. Посмотримъ, какъ обстоятъ дѣло въ уѣздахъ съ денежною формой продовольственного оклада. Оказывается, что положеніе продовольственного дѣла и здѣсь оставляетъ желать многого лучшаго. Такъ, наприм., изъ 88 волостей, входящихъ

въ составъ этихъ уѣздовъ, запасы, равные нормѣ, имѣются только въ 3 вол., отъ половины до нормы — въ 21, менѣ половины нормы — въ 59 вол.; въ 5 волостяхъ совершенно не имѣется никакихъ денежныхъ запасовъ. Для болѣе правильнаго сужденія о положеніи продовольственнаго дѣла, именно о состояніи общественныхъ хлѣбныхъ запасовъ въ Московской губерніи, авторы этой работы сочли за необходимое познакомиться съ положеніемъ этого дѣла въ разныхъ другихъ губерніяхъ (на основаніи имѣющихся въ московской губернской управѣ докладовъ и отчетовъ различныхъ земскихъ управъ по продовольственному дѣлу). Взяты слѣдующія губерніи: Владимирская, Вологодская, Воронежская, Казанская, Курская, Нижегородская, Новгородская, Смоленская, Тамбовская, Рязанская, Симбирская, Псковская, Орловская, Тверская, Тульская и Ярославская. Статистическія свѣдѣнія указываютъ, что и въ этихъ губерніяхъ положеніе продовольственнаго дѣла крайне неудовлетворительно: погубернскіе запасы ржи достигаютъ сколько-нибудь видныхъ размѣровъ въ одной только Воронежской губерніи (по 4,06 мѣры на душу), во всѣхъ же прочихъ мѣстахъ они менѣ половины законной нормы. Запасы ярогого болѣе или менѣ значительны только въ Тверской, Новгородской, Вологодской и Смоленской губ., во всѣхъ же остальныхъ губерніяхъ запасы ярогого не достигаютъ и половины законной пропорціи.

Отсюда ясно, что во всѣхъ этихъ губерніяхъ существуютъ какія-то особыя и, притомъ, общія причины, препятствующія крестьянскому населенію образовывать у себя хлѣбные запасы въ тѣхъ самыхъ количествахъ, какія требуются по закону.

Послѣдняя глава — „о нѣкоторыхъ условіяхъ, опредѣляющихъ количество и самое существованіе хлѣбныхъ запасовъ“ — ставитъ въ ряду такихъ условій размѣры крестьянскаго землевладѣнія, высоту урожаяевъ, различные виды уборки хлѣба и т. п. Приложенныя къ книжкѣ картограммы распредѣленія формъ и количествъ продовольственнаго оклада, обезпеченности населенія хлѣбозапасными магазинами, распространенія разныхъ видовъ уборки хлѣба, среднихъ лавочныхъ цѣнъ на ржаную муку и овесъ за 1886—1891 гг. и діаграмма движенія цѣнъ на рожь, овесъ и ржаную муку (въ Московской губ.) за то же пятилѣтіе, т. е. съ 1886 по 1891 г., самымъ рельефнымъ образомъ иллюстрируютъ различія здѣсь положенія и выводы относительно современнаго состоянія продовольственнаго дѣла въ Московской губерніи.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ сказать, что разсмотрѣнная нами книга, помимо своихъ крупныхъ достоинствъ, которыя вообще присущи статистико-экономическимъ работамъ московскаго губ. земства, — добросовѣстнаго и детальнаго подбора статистическихъ данныхъ, тщательной и умѣлой группировки сложнаго матеріала, широкихъ и научныхъ обобщеній, — представляетъ выдающійся интересъ еще и въ томъ отношеніи, что она какъ нельзя болѣе своевременна. Въ настоящее время, когда голодъ разразился почти надъ цѣлою третью Россіи, когда то или иное положеніе продовольственнаго дѣла должно было оказывать, да и оказало, существенное вліяніе на судьбы страдающаго населенія постигнутыхъ неурожаемъ мѣстностей, вопросъ о народномъ продовольствіи приобретаетъ огромное значеніе, и потому всѣ добросовѣстныя и серьезныя изслѣдованія причинъ настоящаго неудовлетворительнаго положенія вещей въ продовольственномъ дѣлѣ и условій, при которыхъ это дѣло можетъ быть поставлено на надлежащую высоту, какъ нельзя болѣе полезны и своевременны.

Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области. Ташкентъ, 1891. Ц. 3 руб. 50 к. Сыръ-дарьинскій *Сборникъ* изданъ мѣстнымъ областнымъ статистическимъ комитетомъ подъ редакцію секретаря И. И. Гейера. Самому редактору принадлежатъ 5 статей въ первомъ отдѣлѣ. Изъ любопытной вѣдомости о полученіи періодическихъ изданій за 1890 годъ мы узнаемъ, что въ этомъ году изъ ежедневныхъ изданій Сыръ-Дарьинская область читала всего больше *Свѣтъ* (244 экз.), изъ еженедѣльныхъ *Ниву* (224 экз.), изъ ежемѣсячныхъ *Русскую Мысль* (57 экз.). По цѣлой области сведены даннія о пожарахъ за 5 лѣтъ. Для Ташкентскаго уѣзда помѣщены общія описанія (г. Аверьянова), свѣдѣнія о болѣзненности, о промышленности, объ угодьяхъ, о цѣнахъ на продукты. Кромѣ того, въ первомъ отдѣлѣ напечатано еще нѣсколько монографій. Во второмъ отдѣлѣ *Сборника* напечатанъ этнографическій матеріалъ: 5 сказокъ и болѣе 1000 пословицъ Туркестанскаго края.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Сборникъ толкованій русскихъ юристовъ къ судебнымъ уставамъ Императора Александра II“. А. Тимановскаго.—„Основы государственнаго права Англіи“. А. В. Дайсы.—„Учебникъ права внутренняго управленія (полицейскаго права)“. Шеймина.—„Предварительное слѣдствіе по уставамъ Императора Александра II“. В. Харламова.—„Общедоступное руповодство къ изученію законовъ“. И. Дружинина.

Сборникъ толкованій русскихъ юристовъ къ судебнымъ уставамъ Императора Александра II. А. Тимановскаго. Изданіе второе. Варшава, 1892 г. Цѣна 3 руб. Г. Тимановскій выпустилъ въ настоящемъ году второе изданіе судебныхъ уставовъ. Полезность и даже необходимость такой вниги не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Какъ справедливо указываетъ въ предисловіи авторъ, „если образованному юристу, много читавшему и постоянно слѣдящему за новостями юридической литературы, важно имѣть подъ рукой справочный указатель, возстановляющій немногими словами въ его памяти все ранѣе прочитанное имъ по тому или другому вопросу, то не менѣе важно пользованіе такою книгой и для юриста, почему-либо отставшаго отъ обновленія своего запаса юридическихъ свѣдѣній; разъясненіе, соображеніе, мнѣніе, высказанныя въ томъ или другомъ тезисѣ, могутъ только вызвать въ немъ желаніе ознакомиться поближе съ интересующимъ его вопросомъ и заставить его прочитать то подлинное сочиненіе или ту указываемую журнальную статью, изъ коихъ сдѣлано извлеченіе“.

Для лицъ, занимающихся судебною практикой, настоящее изданіе, какъ вмѣщающее въ себѣ, между прочимъ, разъясненія, относящіяся къ отдѣльнымъ практическимъ случаямъ, является дополнительнымъ подспорьемъ къ сборникамъ кассационныхъ рѣшеній.

Такимъ образомъ, по своимъ задачамъ и цѣлямъ, изданіе г. Тимановскаго заслуживаетъ полнаго сочувствія. Необходимость подобныхъ изданій давно признана за границей, гдѣ существуетъ масса подобнаго рода изданій.

Сравнительно съ первымъ, вышедшимъ въ 1885 г., настоящее изданіе представляетъ массу перемѣнъ. Во-первыхъ, значительно увеличено его содержаніе, такъ что въ настоящее изданіе вошло болѣе тысячи новыхъ тезисовъ; во-вторыхъ, въ цѣляхъ доступности и удешев-

ленія книги исключень текстъ статей, и, въ-третьихъ, изданію предпослано нѣсколько газетныхъ и журнальныхъ отзывовъ о двадцатипятилѣтіи судебной реформы. Эти отзывы производятъ нѣсколько странное впечатлѣніе; послѣ прочтенія ихъ остается совершенно неизвѣстнымъ, чѣмъ руководился авторъ при выборѣ именно этихъ отзывовъ. На ряду съ статьями *Вѣстника Европы*, *Русской Мысли*, *Юридическаго Вѣстника* и др., г. Тимановскій приводитъ безграмотную выписку изъ *Современной Россіи*, которая находитъ, что „правосудіе стало руководиться не столько закономъ и правдой, сколько тенденціей“, или болѣе грамотную, но не менѣе возмутительную выписку изъ *Русскаго Обозрѣнія*.

Настоящее изданіе содержитъ въ себѣ только толкованія русскихъ юристовъ статей, относящихся къ учрежденіямъ судебныхъ установленій и уставу уголовного судопроизводства. Было бы очень желательно, чтобы въ русской литературѣ появилось подобное же изданіе толкованій русскихъ юристовъ и другихъ частей нашего процессуальнаго кодекса.

Основы государственнаго права Англии. А. В. Дайси. Переводъ О. В. Полторацкой, подъ редакціею профессора Виноградова. Спб., 1891 г. Цѣна 2 р. 50 коп. Книга профессора Оксфордскаго университета Дайси, составляющая введеніе въ изученіе англійской конституціи, принадлежитъ къ числу полезнѣйшихъ сочиненій, переведенныхъ въ послѣднее время на русскій языкъ. Ее съ интересомъ прочтеть и юристъ, и историкъ, и каждый образованный человѣкъ. Она сообщаетъ такія свѣдѣнія о государственномъ устройствѣ и общественномъ духѣ великаго народа, которыя необходимы для всякаго, кто мало-мальски сознательно относится къ политической жизни Европы. Дайси разсматриваетъ и общіе вопросы конституціоннаго права, дѣлаетъ поучительныя сопоставленія формы англійскаго общественнаго строя съ формами другихъ государствъ. Въ главѣ, напримѣръ, о парламентскомъ верховенствѣ и федерализмѣ оксфордскій профессоръ сравниваетъ Англій, Соединенные Штаты, Канаду, Швейцарію.

По справедливому замѣчанію профессора Виноградова, для русскихъ читателей наиболѣе важна вторая часть книги Дайси, трактующая о господствѣ права. „Терминомъ *господство права*,—говоритъ Дайси,—мы выражаемъ, прежде всего, ту мысль, что никто не можетъ быть наказанъ и подлѣтаться лично или своимъ состояніемъ иначе, какъ за определенное нарушеніе закона, доказанное обычнымъ-законнымъ способомъ передъ обыкновенными судами страны. Въ этомъ смыслѣ господство права представляетъ контрастъ со всякою правительственною системою, основанною на примѣненіи правительственными лицами широкой и произвольной принудительной власти“. Второй признакъ *господства права*,—этою характерной особенності англійской государственной жизни,—состоитъ въ томъ, что въ Англии нѣтъ никого, кто былъ бы выше закона; всякій человѣкъ, каково бы ни было его званіе и положеніе, подчиняется обыкновеннымъ законамъ государства и подлежитъ юрисдикціи обыкновенныхъ судовъ. „*Господство права*,—продолжаетъ Дайси,—можетъ, наконецъ, употребляться, какъ формула, для выраженія того факта, что конституціонное право, т.-е. нормы, которыя въ другихъ государствахъ естественно входятъ въ составъ конституціоннаго кодекса, у насъ являются не источникомъ, но слѣдствіемъ правъ частныхъ лицъ, которыя опредѣляются и защищаются судами; что, однимъ словомъ, у насъ принципы гражданскаго права

были настолько развиты судами и парламентомъ, что ими опредѣляется даже положеніе короны и ея слугъ, такъ что конституція является результатомъ обыкновеннаго права страны“.

Первая часть книги Дайси посвящена верховенству парламента, ученіе о которомъ есть,—говоритъ Дайси,—краугольный камень англійскаго государственнаго права. Третья часть *Основъ государственнаго права Ашліи* отвѣдена вопросу о связи между правомъ конституціи и конституціонными соглашениями. Чтобы для читателя было ясно, о чемъ идетъ рѣчь въ этой части, приведемъ слѣдующія слова Фригана, на котораго ссылается Дайси: „Мы имѣемъ теперь цѣлую систему политической нравственности, цѣлый сводъ правилъ для политическихъ дѣятелей, притомъ, такихъ правилъ, какихъ мы не найдемъ ни въ статутахъ, ни въ общемъ правѣ, но которыя считаются не менѣе священными, чѣмъ какой-либо принципъ, включенный въ великую хартію или петицію о правахъ. Однимъ словомъ, рядомъ съ нашимъ писаннымъ закономъ развилась конституція не писанная, основанная на обычай“.

Книгѣ Дайси предпослано краткое, но весьма полезное для русскаго читателя предисловіе профессора Виноградова. Нельзя не пожелать этой книгѣ побольше внимательныхъ, вдумчивыхъ читателей.

Учебникъ права внутренняго управленія (полицейскаго права). Особенная часть. Выпускъ второй. Шеймина. 1891 г. Краткій учебникъ г. Шеймина (80 страничекъ) было бы болѣе правильно назвать конспектомъ. Онъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) регулированіе личныя сношеній, гдѣ авторъ излагаетъ ученіе объ актахъ гражданскаго состоянія, объ условіяхъ возникновенія обществъ и союзовъ, о паспортной системѣ и переселеніяхъ. Второй отдѣлъ занимаетъ ученіе о полиціи безопасности. Изложеніе отмѣчается ясностью; приводится довольно обширная литература по отдѣльнымъ вопросамъ. Но система автора вызываетъ съ нашей стороны возраженіе. Онъ отнесъ въ главу о паспортной системѣ и ученіе объ арестѣ, полицейскомъ надзорѣ, административной ссылкѣ. Такъ какъ эти мѣры имѣютъ характеръ всеобщности и вовсе не связаны съ паспортною системою, то было бы предпочтительнѣе отнести это ученіе въ общую часть, соединивъ его съ изложеніемъ и другихъ формъ полицейскаго принужденія.

Предварительное слѣдствіе по уставамъ Императора Александра II. Справочно-настоятельная книга для судебныхъ слѣдователей и кандидатовъ на судебн. должности. В. Харламова. Спб., 1892 г. Ц. 3 р. Въ своей книгѣ, какъ говоритъ авторъ въ предисловіи, онъ былъ далекъ отъ преслѣдованія какой-либо научной цѣли; единственная цѣль состояла въ томъ, чтобы составить справочную книгу съ одними исключительно официальными разъясненіями, обязательными въ смыслѣ руководства ими. Поэтому, въ книгѣ г. Харламова читатель совершенно не найдетъ ни литературы, ни собственнаго мнѣнія автора для разрѣшенія того или другаго вопроса.

Имѣть подъ руками подобную справочную книгу для судебного слѣдователя является необходимою. Дѣятельность его протекаетъ болѣею частью вдали отъ мѣста его жительства, его камеры, въ глухой деревнѣ, гдѣ почти невозможно имѣть подъ рукою матеріалы для разрѣшенія возникающихъ при производствѣ слѣдствій процессуальныхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ требуется, однако, сейчасъ же, на мѣстѣ, съ ссылками на подлежащіе законы, разъясненія сената, циркуляры министра юстиціи и т. п.

Для устраненія этого затрудненія въ нашей литературѣ имѣется до-

вольно много различныхъ руководствъ; таковы, напримѣръ, классическое сочиненіе г. *Макалинскаго* „Практическое руководство для судебныхъ слѣдователей“ въ двухъ большихъ томахъ. Прекрасная книга г. *Арсеньева*: „Преданіе суду и дальнѣйшій ходъ уголовного дѣла до начала судебного слѣдствія“. Въ этомъ году руководство чисто-практическихъ вышло два: г. *Горановскаго* и весьма добросовѣстно составленное и изящно-изданное руководство г. *Лужковскаго*. Теперь къ нимъ прибавилось еще разбираемое нами руководство г. *Харламова*, которое отличается отъ предыдущихъ нѣсколько большею полнотою разъяснительнаго матеріала и большимъ количествомъ образцовъ дѣлопроизводительныхъ бумагъ и слѣдственныхъ актовъ. Но за то, съ внѣшней стороны, руководство г. *Харламова* издано довольно неряшливо: сбѣрая бумага, очень мелкая печать и, несмотря на то, довольно высокая цѣна—3 рубля.

Общедоступное руководство къ изученію законовъ. И. Дружинина. Спб., 1892 г. Цѣна 1 р. Въ самомъ началѣ книги г. Дружинина мы узнаемъ весьма интересную подробность, что „все сочиненіе дѣлится на части; части разбиваются на раздѣлы; раздѣлы состоятъ изъ главъ, а главы раздѣляются на отдѣлы или параграфы, причемъ каждый отдѣлъ носить особое заглавіе и означенъ особою цифрой, для удобства пріисканія (?) излагаемыхъ понятій“. Послѣ этого глубокомысленнаго вступленія слѣдуетъ самое руководство, первая часть котораго заключаетъ въ себѣ начальныя понятія, общія опредѣленія и практическія указанія, а вторая носитъ громкое названіе: *Основные государственныя законы*.

Какъ въ первой, такъ и во второй части книги г. Дружинина мы находимъ нѣсколько общихъ опредѣленій о томъ, что такое право и нравственность, что такое государство и т. п., заимствованныхъ имъ изъ различныхъ учебниковъ. Вторая часть представляетъ собой краткій *compendium*, составленный по Градовскому, 1 т. свода зак.

Таково содержаніе книжки г. Дружинина, которая лишена всякаго практическаго значенія; о научномъ достоинствѣ этой работы, конечно, и говорить нечего.

ЭТНОГРАФІЯ И АРХЕОЛОГІЯ.

„Культурныя переживанія“. *Сумцова*.—„Описаніе древне-греческихъ монетъ, принадлежащихъ Императорскому Московскому университету“. А. В. *Ортинкина*.

Культурныя переживанія. *Сумцова*. Кіевъ, 1890 г. *Культурныя переживанія* или даже „перезитки“—очень неудачный и аляповатый переводъ англійскаго *Survivals in culture*, получившій въ послѣднее время право гражданства въ нашемъ литературномъ языкѣ. Этотъ терминъ имѣетъ очень опредѣленное значеніе: когда употребляютъ его, обыкновенно подразумѣваютъ такія условія или явленія, которыя застѣли въ позднѣйшую эпоху, какъ наслѣдіе отошедшаго „въ тѣму вѣковъ“ прошлаго, не въ силу самостоятельнаго права на существованіе, соотвѣтствія жизненнымъ условіямъ или взглядамъ даннаго времени, а въ силу традиціи, въ силу присущей вообще бытовымъ явленіямъ живучести. Если мы подойдемъ къ книгѣ г. *Сумцова* съ такимъ пониманіемъ этого термина (единственно возможнымъ, по нашему мнѣнію), то насъ удивитъ цѣлый рядъ параграфовъ. Конечно, можно считать „культурнымъ переживаніемъ“ обрядовое добываніе огня посредствомъ

твенія, даже принесеніе въ церковь хлѣба или мяса, но какъ могли попасть въ такую книгу, какъ *Культурныя переживанія*: „два слова о церковныхъ и монастырскихъ пасѣвахъ“ (стр. 53), „къ исторіи южно-русской иконописи“ (стр. 57), „садоводство у крестьянъ“ (стр. 65), „колотало“ (деревянная колотушка, стр. 84) и пр.? Приступая къ работѣ, г. Сумцовъ не потрудился выяснитъ себѣ значенія этого часто употребляемаго имъ термина; „культурныя переживанія“ у него—все, что угодно: явленія, вполне подходящія къ современнымъ условіямъ и взглядамъ и—идущія съ ними въ разрѣзъ, сохраняющіяся только въ силу инерціи,—явленія, совершенно исчезнувшія изъ жизни и—присущія даже человѣчеству вообще, независимо отъ условій времени. Изъ 200 параграфовъ, на которые распадается эта книга, едва ли половина соответствуетъ данному авторомъ общему заглавію. Мы придаемъ этому существенное значеніе и не можемъ считать удачной попытку г. Сумцова связать свой хаотическій сборникъ случайныхъ замѣтокъ по folk-lore'у идеей „культурныхъ переживаній“.

Г. Сумцовъ такъ же странно оцѣниваетъ свою книгу, какъ и понимаетъ указанный выше терминъ. По его словамъ, въ этой книгѣ „всякому культурному переживанію отводится самостоятельное мѣсто и посвящается *особое изслѣдованіе*. При такой постановкѣ дѣла выигрываютъ изслѣдователь и читатель. Изслѣдователь не стѣсненъ матеріаломъ, рассматриваетъ то, что ему болѣе нравится и болѣе извѣстно, и всегда можетъ остановиться на любомъ мѣстѣ своего труда; читатель имѣетъ въ такомъ случаѣ передъ собою рядъ *статей* разнообразнаго содержанія, по возможности законченныхъ, и можетъ дѣлать изъ нихъ выборъ по своимъ личнымъ наклонностямъ и привычкамъ“ (стр. 2). Въ концѣ оказывается, что книга г. Сумцова разрослась въ „объемистое *изслѣдованіе*“ (стр. 402) и представляетъ изъ себя „*научную разработку мелочей*“ (ibid.). Такимъ образомъ, книга г. Сумцова оказывается то изслѣдованіемъ, то рядомъ изслѣдованій или даже статей разнообразнаго содержанія, изъ которыхъ каждый читатель можетъ „выбирать по своимъ личнымъ наклонностямъ и привычкамъ“ (кто колотало, кто „грабуванне“—грабежъ и пр.). Трудно согласиться съ этою оцѣнкой: книга г. Сумцова—не изслѣдованіе и не рядъ изслѣдованій, а потому такое названіе можно дать только такой работѣ, которая имѣетъ строго опредѣленныя рамки, въ которой собранъ, проверенъ критически по возможности весь подлежащій матеріалъ, которая привела къ опредѣленнымъ общимъ выводамъ и удовлетворяетъ вообще извѣстнымъ методологическимъ требованіямъ. Ничего подобнаго нѣтъ у г. Сумцова: опредѣленныхъ рамокъ у него не было, ибо, какъ онъ самъ нѣсколько наивно признается, онъ всегда могъ остановиться на любомъ мѣстѣ своего труда; матеріалъ подобранъ у него случайно, далеко не точно, безъ всякой критики. Его книга—рядъ механически сведенныхъ, случайныхъ выписокъ изъ книгъ самаго разнообразнаго содержанія, какія только ни попались ему подъ руку: пеструю вереницей проходятъ передъ читателемъ ссылки на самые разнообразные этнографическіе сборники, иногда даже не имѣющіе никакой научной цѣны; подрядъ выписываются мнѣнія по различнымъ тастнымъ случаямъ представителей самыхъ разнообразныхъ научныхъ теченій—безъ всякой попытки разобратся въ нихъ. Съ одинаковою тщательностью или, вѣрнѣе, неразборчивостью выписываются мнѣнія относительно происхожденія отдѣльныхъ словъ проф. Потебни и такого сомнительнаго знатока лингвистики, какъ Головацкій; по вопросамъ ис-

горіи литературы и мнѳологіи для г. Сумцова оказываются одинаково безапелляціонными авторитетами акад. Веселовскій и Аванасевъ, Ор. Миллеръ, де-Губернатисъ и пр. Трудно рѣшить, руководствовался ли г. Сумцовъ, неразборчиво сопоставляя въ своей книгѣ столь разнохарактерныя выписки, не дѣлая принципиальныхъ различій между данными первоисточниковъ и данными профильтрованными и своеобразно окрашенными въ изслѣдованіяхъ того или другаго представителя одной изъ научныхъ школъ,—руководствовался ли онъ чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ того, что въ данной книгѣ говорится объ оленѣ или колоталѣ, и поэтому, для полноты, это мѣсто нужно выписать и напечатать все вмѣстѣ съ другими подобными; можетъ быть, онъ хотѣлъ показать, насколько различны могутъ быть иногда мнѣнія относительно одного и того же предмета. Общихъ выводовъ г. Сумцовъ не даетъ, да при его взглядѣ на дѣло и не могъ бы дать; частные выводы изрѣдка у него попадаются, но, какъ увидимъ ниже, они почти всегда отличаются фантастическимъ, очень ненаучнымъ характеромъ гаданій, ни на чемъ не основанныхъ. Что такое научный методъ вообще и сравнительно-историческій въ частности—объ этомъ г. Сумцовъ имѣетъ крайне сбивчивыя представленія; даже *сопоставительнымъ*, если можно такъ выразиться, методомъ онъ владѣетъ слабо, ибо сравниваетъ и сопоставляетъ часто совершенно не соизмѣримыя и не имѣющія ничего общаго вещи. Все это не такія черты, которыя присущи изслѣдованію и „научной разработкѣ“. Для того, чтобы познакомиться съ характеромъ послѣдней у г. Сумцова, приведемъ нѣсколько выдержекъ.

„Символическій олень (ему нашъ авторъ даетъ оригинальное названіе „предмета историко-литературнаго и историко-художественнаго“) возникъ изъ религіозно-мнѳическихъ представленій объ оленѣ *древнихъ классическихъ* народовъ. Въ міросозерцаніи и символикѣ *древнихъ* народовъ олень занимаетъ видное мѣсто, какъ образъ (?) солнечнаго божества, какъ символъ свѣта и жизни (это г. Сумцовъ заставляетъ читателя принять на вѣру). У *египтянъ* (судя по первой фразѣ, г. Сумцовъ причисляетъ ихъ тоже къ *классическимъ* народамъ) олень служилъ знакомъ для обозначенія солнечнаго года (стр. 5); дальше говорится, что „не подлежитъ сомнѣнію, что символическій олень возникъ и развился на древней классической почвѣ“ (стр. 9). Читатель такъ и остается въ недоумѣніи: принадлежать ли египтяне къ *классическимъ* народамъ, или они только заимствовали отъ послѣднихъ своего символическаго оленя; о совершенно самостоятельно возникшемъ символическомъ оленѣ у сѣверныхъ народовъ авторъ такъ и не соизволилъ упомянуть. „Въ европейскихъ могилахъ *каменнаго вѣка* и болѣе позднихъ *меровитской эпохи* и въ могилахъ *англо-саксонскихъ* находятъ олени рога, причемъ (?) усматриваютъ въ нихъ (могилахъ или рогахъ?) символъ безсмертія души“ (стр. 6). Г. Сумцовъ такъ ничѣмъ и не обмолвился, имѣетъ ли какія-нибудь основаніе это предположеніе. „Число 9 встрѣчается въ *греческихъ былинахъ о Дигенисѣ* (посылалъ 9 мѣрокъ зерна); оттого, можетъ быть, и девять роговъ у оленя“ (стр. 10). Авторъ такъ и оставляетъ насъ въ полномъ недоумѣніи, каковыя отношенія греческихъ былинъ, Дигениса и мѣрокъ зерна къ рогамъ оленя. „Въ Меоанѣ... для отвращенія... вѣтра... *приносили въ жертву бѣлаго ттуха*... а въ Клеонахъ *охраненіе полей* община поручала градовымъ (?) сторожамъ“ (стр. 15): въ огородѣ бузина, а въ Кіевѣ дядько! Одинъ изъ § (94, „колотало“) состоитъ только изъ опредѣленія, что такое малорусское колотало, и указанія на „сходный деревянный колоколь-

чикъ на о. *Суматра*“ (стр. 84—85). „Раваша отъ слова рыть, зарубки“ (?? стр. 125). Название малорусской весенней игры: „король“ объясняется тѣмъ, что „въ игрѣ отражаются воспоминанія народа о тѣхъ стародавнихъ временахъ, когда князья вмѣшивались въ семейную жизнь народа, устраивали бракосочетанія, брали себѣ жену изъ народной среды, высмотрѣвъ ее предварительно на весеннихъ хоровахъ“, въ которыхъ молодежь участвовала безъ различія званія или сословія“ (стр. 148). По своей основательности это предположеніе (выраженное въ очень догматическомъ тонѣ) ничѣмъ не отличается отъ того, если бы мы объясняли название новобрачныхъ княземъ или королемъ и княгиней тѣмъ, что раньше вступали въ бракъ только князья и пр. Въ игрѣ въ кугилды „участвуютъ только двучики и жены молодухи, не имѣющія еще дѣтей“—и, „повидимому, мы имѣемъ въ кугиклахъ воспоминаніе с древней *козачкой походной* музыкѣ, а, можетъ быть, даже о *военной музыкѣ* болѣе ранняго времени, до монгольскаго нашествія“ (стр. 149). „Кувадой принято (кѣмъ?) называть то проявленіе низкаго умственного состоянія, когда отрицается физическое раздѣленіе индивидуумовъ, именно, когда между отцомъ и дѣтьми его, уже послѣ ихъ рожденія, признается физическая связь“ (стр. 171). Полное непониманіе г. Сумцовымъ значенія кувады свазывается не только въ этой фразѣ, но и во всемъ параграфѣ, а также въ томъ, что онъ вопросъ объ „обрядовомъ усновленіи“ рассматриваетъ совершенно отдѣльно (стр. 179—180). Обычай наказывать мужа за родовыя боли жены „возникъ, вѣроятно, въ эпоху полнаго развитія материнства (Mutterrecht), когда *главой семьи считалась* женщина“ (стр. 173): о роли брата, дяди при патриархатѣ г. Сумцовъ, видимо, ничего не слышалъ, и прилагаетъ къ этой эпохѣ не совсѣмъ умѣстныя названія: мужъ, жена.

Такіе курьезы можно встрѣтить на любой страницѣ. Полагаемъ, что приведенныхъ выше достаточно для ознакомленія съ характеромъ послѣдняго труда г. Сумцова. Некритическое отношеніе къ матеріаламъ, неосновательность и бездоказательность гипотезъ въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда нашъ авторъ пробуетъ сказать свое слово, недостатокъ общихъ свѣдѣній и методической подготовки, противорѣчія, полная случайность выбора данныхъ,—всѣ эти черты такъ же рѣзко выступаютъ въ настоящей работѣ, какъ и во всѣхъ предыдущихъ, и заставляють относиться къ нимъ очень осторожно. Нельзя, конечно, сказать, что эта книга совершенно бесполезна: она можетъ пригодиться, какъ справочная книга, къ сожалѣнію, написанная безъ всякой системы, въ хаотическомъ безпорядкѣ, съ цѣлымъ рядомъ крупныхъ и мелкихъ промаховъ, далеко не отличающаяся полнотой. Мы не останавливались бы такъ долго на ней, если бы она не была характернымъ явленіемъ для современнаго состоянія фольклеристики, которая все болѣе и болѣе дѣлается объектомъ наѣздовъ для мало подготовленныхъ и свѣдущихъ аматоровъ, къ работамъ которыхъ, почему-то, предъявляются самыя минимальныя требованія, которыхъ обыкновенно освобождаютъ отъ общихъ требованій, предъявляемыхъ ко всякому произведенію, посягающему на имя научнаго; увеличеніе подобныхъ наѣздническихъ работъ опасно потому, что онѣ начинаютъ давать извѣстную окраску цѣлому движенію, роняють дѣло фольклера въ глазахъ всѣхъ серьезныхъ людей.

Описаніе древне-греческихъ монетъ, принадлежащихъ Императорскому Московскому университету. А. В. Орѣшникова. Съ 3 таблицами снимковъ. Москва, 1891 г. Мы уже имѣли случай сооб-

щитъ читателямъ о работахъ, предпринятыхъ бывшимъ хранителемъ университетскаго минцъ-кабинета А. Н. Шварцемъ и его помощниками для приведенія въ извѣстность тѣхъ предметовъ древности, которыми владѣетъ нашъ университетъ. Вышедшимъ томомъ заканчивается серія описаній, посвященныхъ древнегреческому искусству; краткій инвентарь римскихъ монетъ, составленный г. Подшиваловымъ, печататься, кажется, не будетъ; описаніе русскихъ древностей, переданныхъ въ вѣдѣніе Императорскаго Историческаго музея, найдетъ себѣ, вѣроятно, мѣсто въ каталогахъ, изготовляемыхъ этимъ учрежденіемъ (опись ихъ см. у Орѣшниковъ, стр. VI).

Проф. Шварцъ не случайно довѣрилъ описаніе богатаго собранія монетъ университета г. Орѣшникову. Имя этого послѣдняго хорошо извѣстно и у насъ въ Россіи, и на Западѣ, какъ одного изъ очень солидныхъ нумизматовъ и лучшаго знатока монетъ Босфорскаго царства (о нихъ было издано г. Орѣшниковымъ нѣсколько специальныхъ изслѣдованій на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ). Изданный имъ нынѣ трудъ исполненъ съ его обычною тщательностью и, конечно, будетъ оцѣненъ по заслугамъ специалистами дѣла. Всѣхъ монетъ, приведенныхъ въ извѣстность, оказалось 2,752, помимо 44 свинцовыхъ тесеръ. „Особенныхъ рѣдкостей и такихъ экземпляровъ, которые проливали бы свѣтъ на хронологію или прибавляли бы новыя указанія на собственныя или географическія имена, въ университетскомъ собраніи нѣтъ, но за то оно имѣетъ представителей всѣхъ главнѣйшихъ государствъ и эпохъ древняго міра, по которой можно получить о древней нумизматикѣ цѣльное понятіе“ (слова предисловія). Наиболѣе интересные экземпляры сопоставлены на трехъ таблицахъ снимковъ, художественно исполненныхъ фототипіей преемниковъ Шерера и Набольца, и среди нихъ, наприм., одна монета, описанная подъ № 115, во всякомъ случаѣ, можетъ претендовать на отнесеніе ея къ числу *рѣдкостей*, такъ какъ схожимъ съ ней экземпляромъ владѣетъ только луврское собраніе. При описаніи приложенъ, сверхъ того, еще краткій очеркъ исторіи университетскаго собранія.

Обращая вниманіе любителей на это новое изданіе университета, позволимъ себѣ заключить эту замѣтку тѣмъ же пожеланіемъ, которымъ заключается свое введеніе и г. Орѣшниковъ, а именно: чтобы рано или поздно „описана была и остальная часть нумизматическаго собранія университета и особенно восточныя монеты, которыхъ не мало поступило въ кабинетъ послѣ описанія ихъ Френомъ въ 1836 году“.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

„Древній церковно-славянскій языкъ“. А. И. Соболевскаго.—Лекціи по исторіи русскаго языка“. *Его же.*—„Библиотека греческихъ и римскихъ классиковъ“. *Перев. В. Алексеева.*

Древній церковно-славянскій языкъ. Фонетика. Изъ лекціи А. И. Соболевскаго. Москва, 1891 г.—Лекціи по исторіи русскаго языка. Его же. Изданіе второе, съ измѣненіями и дополненіями. Спб., 1891 г. Обѣ книги петербургскаго профессора принадлежатъ къ числу университетскихъ учебниковъ, но имѣютъ также и научное значеніе: авторъ много работалъ по первоисточникамъ и сообщаетъ въ своихъ лекціяхъ большое количество и новыхъ данныхъ, и самостоятельныхъ выводовъ. Первый изъ названныхъ трудовъ посвященъ древ-

нему церковно-славянскому языку и состоитъ изъ шести главъ: 1) Что такое церковно-славянскій языкъ? 2) Источники. 3) Звуки церковно-славянскаго языка. 4) Отношеніе звуковъ церковно-славянскаго языка къ звукамъ родственныхъ индо-европейскихъ языковъ. 5) Обще-славянскія измѣненія звуковъ. 6) Церковно-славянскія измѣненія звуковъ (въ приложеніи: „Изъ литературы предмета). Другой трудъ, вышедшій уже вторымъ изданіемъ, содержитъ въ себѣ исторію звуковъ и формъ русскаго языка съ древнѣйшей эпохи до настоящаго времени.

Библиотека греческихъ и римскихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ. Сочиненія Лукіана. Выпускъ III. Съ греческ. переводъ В. Алексѣевъ. Спб., 1891 г. Въ настоящемъ третьемъ выпускѣ перевода сочиненій Лукіана (о двухъ первыхъ мы говорили своевременно) заключаются слѣдующія статьи: *Зевксидъ*, *Гармонидъ*, *Скивъ*, *О печали по умершимъ*, *Гиппій*, *Геракль*, *Разговоръ съ Гезіодомъ*, *Желанія*. Наиболѣе интересны изъ нихъ двѣ: *О печали по умершимъ* и *Желанія*. Переводъ предназначается для большой публики, а не для специалистовъ-филологовъ, какъ можно судить объ этомъ по тому, что г. Алексѣевъ мало заботился о близости своего перевода къ подлиннику, часто даже безъ всякой надобности удаляя его отъ текста, такъ что нѣкоторыя мѣста представляютъ скорѣе пересказъ, чѣмъ переводъ оригинала. Но для публики, конечно, нѣтъ никакой нужды въ томъ, чтобы переводъ былъ буквальный; ей нужно только, чтобы онъ былъ сдѣланъ хорошимъ языкомъ и вѣрно передавалъ мысль подлинника, и въ этомъ отношеніи трудъ г. Алексѣева вполне удовлетворителенъ. Конечно, въ немъ встрѣчаются ошибки, которыя покажутся довольно важными классику, но въ общемъ переводъ вѣренъ; есть, впрочемъ, и такія неточности, которыя замѣтитъ всякій читатель, даже не имѣя въ рукахъ греческаго текста; вотъ, наприм., одна въ статьѣ *О печали по умершимъ*, стр. 105 (рѣчь идетъ объ адскихъ рѣкахъ): „Вокругъ его (т.-е. Плутона) владѣній текутъ большія рѣки, наводящія ужасъ одними своими названіями,—*Вокитъ*, *Прифлегетонтъ* и т. п. По первую встрѣчается на пути самая большая изъ нихъ — лежащее вблизи „*Ахерузское озеро*“. Какимъ образомъ рѣка называется озеромъ? Дѣло въ томъ, что переводчикъ невѣрно передалъ выраженіе *to de megiston*: надо было сказать не „самая большая изъ нихъ“, а „что всего важнѣе“ или „а самое главное,—это то, что впереди лежитъ *Ахерузское озеро*“. Кромѣ того, такъ какъ переводъ предназначается для неспециалистовъ, не худо бы было, если бы г. Алексѣевъ дѣлалъ болѣе разъясненій: не всякій пойметъ, наприм., что такое „*псилы*“ (стр. 89), „*асфодель*“ (стр. 106), „*Стекторъ*“ (стр. 108) и т. д.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Курсъ зоологіи позвоночныхъ“. Н. Н. Полежаева и В. М. Шимкевича.

Курсъ зоологіи позвоночныхъ, составленный преподавателями С.-Петербургскаго университета Н. Н. Полежаевымъ и В. М. Шимкевичемъ. Выпускъ первый. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 75 к. По внѣшности учебникъ производитъ пріятное впечатлѣніе. Рисунки исполнены хорошо и не уступаютъ рисункамъ нѣмецкихъ учебниковъ, изъ которыхъ большинство ихъ и заимствовано. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же самаго про текстъ. Въ предисловіи авторы предупреждаютъ, что они не считали нужнымъ избѣгать гипотезъ и субъективныхъ пред-

положеній. Справедливость требуетъ добавить, что эти гипотезы и субъективныя предположенія часто превышаютъ предѣлы вѣроятнаго. Такъ, наприм., на стр. 43—44 читаемъ: „Весьма вѣроятно, что входженіе живичка въ отверстие въ оболочкѣ яйца, въ такъ называемое микропиле, обуславливается именно выдѣленіемъ изъ отверстия вещества, дѣйствіе котораго аналогично дѣйствию перечисленныхъ кислотъ“ и т. д. Спрашивается, почему это вѣроятно, когда на это нѣтъ никакихъ намековъ въ дѣйствительности? Вообще изложеніе страдаетъ часто излишнею краткостью и небрежностью, вслѣдствіе которой нерѣдко попадаютъ совсѣмъ не ясныя мѣста. Помимо указанныхъ недостатковъ въ изложеніи, есть прямо грубые промахи и ошибки. Для примѣра укажемъ двѣ наиболѣе рѣзкія. При описаніи развитія волокнистой соединительной ткани говорится, что фибриллы размножаются дѣленіемъ (!) (стр. 21). Въ отдѣлѣ о наложныхъ покровахъ на стр. 100 читаемъ, что эпителий у всѣхъ позвоночныхъ дифференцируется на поверхностный слой роговыхъ клѣтокъ и на внутренній мальпигиевъ слой. Пусть авторы внимательно разсмотрятъ на стр. 208 своего учебника рисунокъ, изображающій разрѣзъ черезъ кожу рыбы: они тогда убѣдятся, что высказанное ими общее положеніе невѣрно, что у рыбъ рогового слоя нѣтъ. Кромѣ того, есть мѣста, которыя просто вызываютъ недоумѣніе; такъ, на стр. 197 при описаніи наложныхъ покрововъ круглоротыхъ рыбъ читаемъ про ихъ epidermis: „Этотъ epidermis, лежащій на сильно развитомъ слой соединительной ткани, не содержитъ гладкихъ мышцъ“ (!).

Въ виду указанныхъ недостатковъ, новому учебнику трудно рассчитывать на успѣхъ. Но такъ какъ мы имѣемъ здѣсь только первый выпускъ, и авторы, повидимому, намѣрены продолжать свой трудъ, то выскажемъ пожеланіе, чтобы при составленіи слѣдующихъ выпусковъ авторы постарались избѣжать указанныхъ промаховъ и отнеслись бы болѣе серьезно и болѣе внимательно къ своей работѣ, и чтобы къ хорошему рисунку присоединился, по крайней мѣрѣ, толково написанный и не содержащій ошибокъ текстъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Вѣстникъ Винодѣлія“. — „Кочеводство“. П. Кулешова. — „Народохозяйственное значеніе дѣателей лѣсного производства“. А. Краузе.

Вѣстникъ Винодѣлія. Ежемѣсячный иллюстрированный журналъ, издаваемый подъ редакцію В. Таирова. Годъ I, № 1, 1892 г. Пробный номеръ новаго періодическаго изданія составленъ весьма удачно. Вступительная статья редактора г. Таирова (зареккомендовавшего себя недавно обстоятельнымъ библиографическимъ указателемъ по виноградарству и винодѣлію) даетъ мотивированный перечень мѣропріятій, необходимыхъ для поднятія русскаго винодѣлія. Профессоръ Д. П. Коноваловъ въ своей статьѣ остроумно доказываетъ возможность заниматься усовершенствованіемъ техники винодѣлія даже въ Петербургѣ. Статья проф. П. А. Костычева содержитъ цѣнные матеріалы для характеристики закавказскихъ и крымскихъ почвъ. По филоксерѣ и по грибнымъ болѣзнямъ винограда помѣщены особые обзоры, кромѣ того, начата общая краткая хроника вопросовъ винодѣлія и напечатано нѣсколько техническихъ замѣтокъ. Если послѣдующіе номера будутъ составлять столь же удачно, журналъ скоро добьется успѣха въ публикѣ, читающей сельско-хозяйственную прессу.

Коневодство. П. Кулешова. 2 издание, значительно дополненное и исправленное. Москва, 1892 г. Цѣна 1 руб. 30 к. Въ свое время (*Русская Мысль* 1888 г., кн. IV) мы отмѣтили выходъ въ свѣтъ перваго изданія *Коневодства*, составленнаго П. Н. Кулешевымъ (профессоромъ Петровской академіи). Мы не ошиблись, предсказывая успѣхъ этому учебнику. Въ короткій срокъ потребовалось второе издание книги. Къ прежнему составу учебника прибавленъ краткій очеркъ кормленія лошадей. Во взглядахъ автора на нѣкоторыя породы, на-примѣръ, на англо-нормановъ (стр. 106), произошли измѣненія; орловскій рысакъ изъ „вполнѣ константной“ породы разжалованъ въ „довольно константную“ (стр. 103). Многіе изъ прежнихъ рисунковъ замѣнены новыми цинко-фотографіями, но нѣкоторыя изображенія въ первомъ изданіи исполнены взящичѣе, чѣмъ въ новомъ. Указанное нами прежде смѣшеніе функціи мышцъ и связокъ перешло, къ сожалѣнію, и во второе издание (стр. 19 и 29). Цѣна за книжку въ 13 листовъ съ 106 рисунками, конечно, не можетъ быть названа высокою.

Народохозяйственное значеніе дѣятелей лѣснаго производства. А. Краузэ. Варшава, 1891 г. Сочиненіе г. Краузэ представляетъ собою этюдъ изъ мало разработанной еще области лѣсной экономіи. Авторъ слишкомъ широко смотритъ на этотъ предметъ и проводитъ въ терминѣ (стр. 8) аналогію съ сельско-хозяйственною экономіей. Лѣсное хозяйство, какъ промыселъ, несомнѣнно обладаетъ значительною самостоятельностью, но въ экономическомъ смыслѣ едва ли удобно противопоставлять часть (эксплуатацію лѣса) цѣлому (эксплуатаціи земли). Введеніе даетъ краткій очеркъ лѣсохозяйственной литературы и русской лѣсохозяйственной жизни; въ первомъ очеркѣ (стр. 6) авторъ слишкомъ смѣло подставляетъ слова „лѣсная экономія“ въ различныя опредѣленія, придаваемые политической экономіи. Первая глава сочиненія говоритъ о почвѣ, вторая—о климатѣ, третья—о древесныхъ породахъ. Авторъ полагаетъ, что если осушенные изъ-подъ болотъ мѣста занимать лѣсомъ, рѣчки не будутъ мелѣть (стр. 82). Разведеніе новыхъ лѣсовъ признается существенно необходимымъ для Валдайской возвышенности (стр. 108). Въ выводахъ изъ третьей главы авторъ подчеркиваетъ, между прочимъ, возрастающее экономическое значеніе липы и ивы (стр. 143). Четвертая глава относится спеціально къ лѣсной таксаціи. Въ двухъ послѣднихъ главахъ разсматриваются трудъ и капиталъ въ лѣсномъ хозяйствѣ. Однимъ изъ тезисовъ послѣдней главы авторъ предлагаетъ изыятіе защитныхъ и охранныхъ лѣсовъ изъ частнаго владѣнія и передачу ихъ въ собственность государства (стр. 276). По отношенію къ большинству общеэкономическихъ вопросовъ изложеніе страдаетъ значительною неясностью. Въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ къ своей работѣ г. Краузэ обнаруживаетъ обширную эрудицію. Къ сожалѣнію, онъ довольно не разборчивъ въ пользованіи источниками; особенно это замѣчаніе примѣнимо къ цитированію статистическихъ свѣдѣній о лѣсныхъ площадяхъ. Въ смыслѣ ознакомленія съ литературою лѣсохозяйственныхъ вопросовъ книга г. Краузэ можетъ принести свою долю пользы.

М Е Д И Ц И Н А.

„Отчетъ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ за 1889 г.“.

Отчетъ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ за 1889 годъ. Этотъ отчетъ, вышедшій изъ печати въ концѣ

1891 года, представляет собой довольно объемистый томъ (около 30 печатныхъ листовъ) и не походить на обычные канцелярскіе отчеты; напротивъ, онъ, какъ и отчетъ департамента за 1888 годъ, стремится уяснить современное состояніе здоровья различныхъ мѣстностей Россіи и всего государства, а также положеніе въ нихъ медицинскаго и санитарнаго дѣла. Разумѣется, этотъ отчетъ не можетъ имѣть значенія всесторонняго и обоснованнаго изслѣдованія Россіи въ медико-санитарномъ отношеніи хотя бы и за отчетный годъ; многія мѣста его основаны на отрывочныхъ и мало аргументированныхъ сообщеніяхъ учреждений и лицъ, подвѣдомственныхъ департаменту, тѣмъ не менѣе, и тѣ указанія, какія мы находимъ въ рассматриваемомъ изданіи, не лишены интереса, такъ какъ подобныхъ болѣе полныхъ и новыхъ свѣдѣній по цѣлому государству въ настоящее время не имѣется. Отмѣтимъ здѣсь нѣкоторыя изъ этихъ указаній.

По даннымъ *Отчета*, въ 1889 году во всей имперіи родилось болѣе 5 милл., а умерло свыше 3½ милліоновъ человекъ или на каждую тысячу жителей оказался приростъ въ 14 человекъ, т.-е. наименьшій за послѣднее трехлѣтіе (1887 — 1889 гг.). Это обусловлено одновременно пониженіемъ рождаемости и повышеніемъ смертности, что для 1889 года наблюдалось и въ большинствѣ другихъ государствъ Европы. Усиленіе смертности въ 1889 году наблюдалось во всѣхъ возрастныхъ группахъ, но, главнымъ образомъ, въ дѣтскихъ и старческихъ возрастахъ, и должно быть поставлено въ связь съ значительнымъ развитіемъ гриппа, дѣлавшимъ болѣе тяжелыми всѣ пораженія легкихъ и сердца и самъ по себѣ увеличивавшимъ число смертей преимущественно между дѣтьми и стариками. Интересно, что перевѣсъ числа умершихъ надъ числомъ рожденных въ 1889 году наблюдался въ 21 уѣздѣ и 116 городахъ; въ виду послѣдняго обстоятельства, медицинскій департаментъ предположилъ въ 1892 году произвести описаніе санитарнаго состоянія всѣхъ русскихъ городовъ.

Обозрѣніе данныхъ *Отчета* по организацин борьбы съ заразными болѣзнями и обзоръ свѣдѣній о санитарномъ состояніи населенныхъ мѣстностей, школъ, фабрикъ ярко свидѣтельствуютъ, что въ вопросахъ санитарнаго и медицинскаго благоустройства остается сдѣлать очень и очень много. Тѣмъ не менѣе, *Отчетъ* за 1889 годъ находитъ возможнымъ отмѣтить тотъ фактъ, что среди мѣстныхъ административныхъ и общественныхъ дѣятелей все болѣе и болѣе распространяется сознание необходимости принимать мѣры не только для непосредственной борьбы съ болѣзнями, но и въ предупрежденіе самаго ихъ возникновенія. Въ 1889 году увеличилось число мѣстностей съ общественными органами санитарнаго надзора, удвоилось число санитарныхъ врачей и вообще дѣятельность нѣкоторыхъ общественныхъ городскихъ управленій въ видахъ санитарнаго надзора была болѣе энергична и съ большею затратой средствъ. Впрочемъ, и въ отчетномъ году проявлялось иногда и несочувственное отношеніе нѣкоторыхъ представителей общественныхъ управленій къ дѣятельности санитарныхъ органовъ.

Остановимся нѣсколько на характеристикѣ санитарнаго состоянія школъ. Несмотря на то, что *Отчетъ* медицинскаго департамента крайне нетребователенъ въ этомъ отношеніи (онъ считаетъ, напримѣръ, школы обѣихъ нашихъ столицъ „вполнѣ удовлетворительными въ отношеніи помѣщеній и приспособленій“), онъ все же отмѣчаетъ, что даже немало городскихъ школъ оказалось „совершенно не удовлетворявшими требованіямъ школьной гигиены“, а въ нѣкоторыхъ городахъ школы

находились „въ всякаго санитарнаго надзора“. Въ большинствѣ сельскихъ школъ санитарный надзоръ носить совершенно случайный характеръ: школы осматривались врачомъ лишь при разгѣздахъ по дѣламъ службы или въ случаѣ появленія между учащимися какой-либо заразной болѣзни.

Большинство школъ, содержащихся на средства сельскихъ обществъ, находятся въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ; нѣкоторыя изъ нихъ помѣщаются въ волостныхъ правленіяхъ или въ обыкновенныхъ крестьянскихъ избахъ, а то и просто въ досчатыхъ постройкахъ, плохо защищенныхъ отъ холода и сырости. Впрочемъ, *Отчетъ* указываетъ и отрядныя исключенія, къ которымъ относятся школы сельскихъ обществъ Курляндской губерніи. Почти всѣ эти школы помѣщаются въ специально для нихъ построенныхъ зданіяхъ, стоящихъ вдали отъ жилищъ помѣщеній и окруженныхъ огородами и садами; онѣ снабжены совершенно достаточномъ искусственною вентиляціей и удовлетворительною мебелью. Земскія школы устроены значительно болѣе гигиенично, чѣмъ школы сельскихъ обществъ, но и онѣ, въ большинствѣ случаевъ, страдали самыми существенными недостатками въ санитарномъ отношеніи. Онѣ часто тѣсны, недостаточно освѣщены, холодны и сыры, плохо вентилируются и проч. Церковно-приходскія училища обставлены значительно хуже школъ сельскихъ обществъ и земскихъ. Громадное большинство этихъ школъ помѣщаются въ крестьянскихъ избахъ, нерѣдко въ тѣсныхъ церковныхъ сторожежахъ и даже въ кухняхъ священниковъ, безъ всякихъ приспособленій; въ нѣкоторыхъ церковно-приходскихъ училищахъ нѣтъ даже ни столовъ, ни свамеекъ, такъ что дѣти сидятъ на полу или стоятъ.

Еврейскія „хедеры“, несмотря на принятія правительствомъ мѣры, находятся въ крайне неудовлетворительномъ санитарномъ состояніи. Кромѣ обычныхъ недостатковъ, онѣ отличаются страшною грязью и невозможно тѣсны. Въ наиболѣе дурныхъ гигиеническихъ условіяхъ находятся магометанскія школы („медресе“ и „махтабы“); всѣ онѣ темны, тѣсны, безъ вентиляціи, нерѣдко холодны, съ землянымъ поломъ и безъ всякой школьной мебели. Учащіеся здѣсь сидятъ съ поджатыми ногами (по восточному обычаю), а учатся писать, лежа на животѣ.

Вообще въ огромномъ большинствѣ сельскихъ школъ санитарныя условія крайне неудовлетворительны: кубическое содержаніе воздуха не удовлетворяетъ самымъ минимальнымъ требованіямъ школьной гигиены, вентиляція крайне недостаточная; громадное число школъ вовсе не имѣетъ никакихъ ретиратовъ, а гдѣ они и есть, то холодны и болѣе или менѣе удалены отъ зданія училища. Тѣмъ не менѣе, все болѣе и болѣе развивающійся санитарный надзоръ, по словамъ *Отчета*, за школами не остается безъ вліянія на улучшеніе гигиеническихъ условій школы: благодаря посѣщенію врачами училищъ, не только предупреждается развитіе эпидемическихъ заболѣваній, но улучшаются и самыя школьныя помѣщенія.

УЧЕБНИКИ.

„Какъ учить писать“. Н. И. Азотова.—„Арифметика“. Г. Голубева.

Какъ учить писать. Методика чистописанія. Подробное руководство для учителей и всѣхъ лицъ, занимающихся преподаваніемъ чистописанія, а также для самообученія и исправленія

почерка. Н. И. Акатова. Москва, 1891. Цѣна 1 р. 25 к. Книжка г. Акатова представляетъ изъ себя попытку „подробнаго трактата“, какъ выражается авторъ (предисл.), по методикѣ чистописанія и въ качествѣ такой попытки заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Почти всѣ имѣющіяся у насъ руководства по чистописанію, по словамъ г. Акатова (предисл.), являются не болѣе, какъ собраніемъ образцовыхъ прописей, такъ какъ въ нихъ указанія методическихъ приѣмовъ весьма неопредѣленны; между тѣмъ, чистописаніе существуетъ и преподается въ школахъ, стало быть, нуждается, какъ и всякій преподаваемый предметъ, въ упрощеніи процесса преподаванія. Именно выясненіе подобнаго упрощенія и ставитъ себѣ задачей составитель новаго руководства.

Нельзя не согласиться, что выясненіе получается, такъ какъ авторъ шагъ за шагомъ и весьма систематично идетъ къ своей цѣли. Въ его руководствѣ каждой отдѣльной частности отведено свое мѣсто и есть очень много весьма цѣнныхъ и тонкихъ замѣчаній. Правда, мѣстами замѣчается нѣкоторый излишекъ подробностей, но составитель предвидитъ это и въ свое оправданіе напоминаетъ, что предлагаемая имъ книга „не есть учебникъ, а методика, и, притомъ, методика мало разработаннаго предмета“ (предисл.). Что касается цѣли чистописанія, какъ ее понимаетъ г. Акатовъ, то съ его стороны вполне умѣстно довольно настойчивое указаніе, что эта цѣль состоитъ въ приученіи къ чистому и скорому письму, а не въ красотѣ буквъ (стр. 4). Такимъ образомъ, вполне понятно, почему въ разбираемой книгѣ статья о шрифтахъ является дополнительною. Если въ чемъ можно упрекнуть г. Акатова, такъ это въ нѣкоторой голословности и бездоказательности нѣкоторыхъ его правилъ при преподаваніи чистописанія: по крайней мѣрѣ, у него часто встрѣчаются слова „слѣдуетъ“ и „нужно“ безъ указанія—почему. Въ этомъ случаѣ г. Акатовъ становится какъ бы самъ съ собою въ противорѣчіе, потому что недоволенъ однимъ изъ составителей руководства по чистописанію—Гортовымъ—за неубѣдительность его объясненій (предисл.).

Ариметика. Курсъ младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Г. Голубевъ, преподаватель Орловскаго реального училища. Москва. Ц. 35 к. Еще новый курсъ ариметики, но только краткій, удивительно краткій. Въ небольшую книжку, всего въ 68 страничекъ, авторъ затѣмъ-то постарался втиснуть полный курсъ ариметики всѣхъ трехъ низшихъ классовъ. Давая почти конспективное изложеніе предмета, авторъ „имѣлъ въ виду изложить арифметику въ такомъ видѣ, въ какомъ возможно было бы желать усвоенія ея со стороны учениковъ“,—цѣль, которую преслѣдуютъ, конечно, и всѣ другіе составители учебниковъ. Для достиженія столь похвальной цѣли, г. Голубевъ, „при изложеніи каждой статьи, прямо приступаетъ къ сущности дѣла, находя, что разработка подробностей и пространныя объясненія должны имѣть мѣсто при изустномъ преподаваніи, такъ какъ они затрудняли бы чтеніе и усвоеніе учебника“. Мы съ своей стороны полагали бы, что болѣе всего затруднить въ учебникѣ г. Голубева именно излишняя краткость, сопровождаемая, къ тому же, довольно неточными опредѣленіями арифметическихъ дѣйствій и нерѣдко весьма неясною формулировкой правилъ. Приведемъ примѣры: „умноженіе есть дѣйствіе, посредствомъ котораго число повторяется слагаемымъ нѣсколько разъ“, или: „вычитаніе есть дѣйствіе, посредствомъ котораго отъ числа отнимаемъ нѣсколько единицъ“, и т. п. Очевидно, при

составленіи учебника авторъ упустилъ изъ вида, что правило дѣйствія выводится изъ его опредѣленія и что поэтому это послѣднее должно быть выражено возможно строже и точнѣе. Кромѣ того, съ расширеніемъ понятія о числѣ должно, по мѣрѣ надобности, вводить новыя опредѣленія дѣйствій надъ этими числами; поэтому для ариѳметическихъ дѣйствій съ дробями необходимо было дать новыя опредѣленія, такъ какъ опредѣленія этихъ дѣйствій, данныя въ ариѳметикѣ цѣлыхъ чиселъ, не согласны съ понятіемъ о дробномъ числѣ.

То же отсутствіе ясности и точности замѣчается въ правилѣ о нахожденіи наименьшаго кратнаго, въ опредѣленіи десятичной дроби и проч. Для нѣкоторыхъ ариѳметическихъ преобразованій и дѣйствій, каковы, наприм., раздробленіе и превращеніе именованныхъ чиселъ, въ учебникѣ г. Голубева вовсе не имѣется опредѣленій, въ другихъ же правила даны безъ всякаго доказательства, какъ, наприм., при дѣленіи дробей. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ существуетъ нѣсколько выводовъ правила, авторъ выбираетъ, ради краткости, часто наименѣе рациональный, какъ это мы находимъ при обращеніи простой дроби въ десятичную: безъ идеи о предѣлѣ, выводъ, приведенный у г. Голубева, вноситъ въ умы учащихся рѣшительно нежелательное сомнѣніе въ строгости математическихъ вычисленій и преобразованій.

Самое изложеніе курса грѣшитъ непослѣдовательностью: такъ, наприм., въ ариѳметикѣ цѣлыхъ чиселъ (на стр. 12) введены дроби.

Увлекаясь желаніемъ быть возможно болѣе краткимъ, авторъ пропустилъ вовсе статью о скобкахъ. Наконецъ, не безупреченъ и языкъ учебника: такъ, наприм., въ § 21, вмѣсто какое-нибудь число, авторъ говоритъ: „что-нибудь“. Лучше изложена та часть учебника, которая составляетъ собственно курсъ III класса.

Вслѣдствіе указанныхъ выше недостатковъ, врядъ ли новый учебникъ можетъ быть полезенъ „не только для учениковъ первыхъ трехъ классовъ, для которыхъ собственно учебникъ и написанъ, но даже и для учениковъ старшихъ классовъ, особенно при подготовкѣ къ экзаменамъ“.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Ежегодникъ Императорскихъ театровъ“.

Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1890 — 1891 гг. Передъ нами первый опытъ художественно-артистическаго отчета о дѣятельности казенныхъ театровъ обѣихъ столицъ съ открытія осенняго сезона 1890 г. по 15 мая 1891 г. Для людей, интересующихся театромъ, эта книга полна интереса и во многихъ отношеніяхъ можетъ быть весьма поучительною. Въ книгѣ не обозначено, кѣмъ она составлена и кѣмъ издана. Подъ коротенькимъ предисловіемъ имѣется лишь анонимная подпись: „издателя“. Текстъ же предисловія выражаетъ рупчателство въ „достоверности и точности“ фактическихъ данныхъ, „заимствованныхъ изъ официальныхъ источниковъ“. А потому мы считаемъ себя вправѣ относиться къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ *Ежегодникомъ*, съ такимъ же довѣріемъ, съ какимъ привали бы отчетъ официальный, — до тѣхъ поръ, разумѣется, пока со стороны театрального управленія не послѣдуетъ какихъ-либо возраженій. Книга начинается поденнымъ воспроизведеніемъ за отчетный періодъ репертуара петербургскихъ театровъ: Маринскаго, Александринскаго и Михайловскаго,

и московскихъ: Большаго и Малаго. Изъ этихъ таблицъ видно, что въ Маломъ театрѣ сезонъ начался съ 16 августа и окончился 14 мая; въ Большомъ театрѣ и въ трехъ петербургскихъ открытіе сезона 30 августа, конецъ 30 апрѣля. Тутъ въ отчетѣ оказывается нѣкоторая незаконченность, а именно: не подведены итоги ни числа данныхъ на каждой сценѣ спектаклей, ни числа сыгранныхъ пьесъ, съ раздѣленіемъ ихъ на категоріи.

Было бы желательно въ слѣдующемъ выпускѣ *Ежегодника* имѣть такія статистическія цифры готовыми, дабы избавить насъ, театраловъ, отъ труда дѣлать самимъ такія сводки, представляющія не малый интересъ. Мы подсчитали, что въ Маломъ театрѣ за означенный сезонъ было дано 190 представлений, въ томъ числѣ 19 утреннихъ; слѣдовательно, артисты были заняты 171 день. Изъ очень обстоятельно составленнаго списка артистовъ видно, сколько разъ каждый изъ нихъ появлялся за это время въ роляхъ и на выходахъ. Оказывается, что наибольшее число ролей въ Москвѣ исполнили: Д. В. Гаринъ—139, І. І. Лазаревъ 2-й—130, І. А. Правдинъ—123, А. И. Южинъ—120, К. Н. Рыбаковъ—171, А. П. Ленскій—98, М. П. Садовскій—95. На долю петербургскихъ артистовъ достается еще болѣе тяжелая служба, такъ: В. С. Ремизовъ игралъ 171 роль, К. А. Варламовъ—151, В. П. Далматовъ—117, А. С. Черновъ—115, П. Д. Ленскій—101, П. М. Свободинъ—91, Н. Ѳ. Сазоновъ—90, и это въ 158 дней. Эта внушительная смѣта показываетъ, какою непосильною работой отягощены наши актеры вообще и въ особенности первые артисты русскихъ сценъ. Было бы очень хорошо, если бы издатели отмѣтили въ слѣдующемъ выпускѣ, сколько каждый артистъ сыгралъ новыхъ ролей и какихъ именно въ данный сезонъ. Тогда совсѣмъ уже ясно было бы количество труда и энергіи, затрачиваемыхъ актерами на службу театру. Получаемые артистами и артистками оклады содержанія и пенсій вовсе не показаны въ *Ежегодникѣ*. Свѣдѣнія эти было бы любопытно имѣть, и мы не думаемъ, чтобы встрѣтилось какое-либо препятствіе къ ихъ опубликованію. Въ книгѣ помѣщенъ списокъ пьесъ, исполненныхъ на казенныхъ сценахъ въ сезонъ 1890—1891 гг. Въ этомъ списокѣ пьесы, игранныя въ первый разъ, отмѣнены звѣздочкой и показано время ихъ исполненія въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Если бы кто-нибудь сталъ дѣлать изъ числа представлений каждой пьесы заключенія о ея достоинствѣ, тотъ впалъ бы въ очень большое заблужденіе. Даже выводы на основаніи этихъ данныхъ объ успѣхѣ или неуспѣхѣ должны быть составляемы съ большою осмотрительностью. Для приблизительно вѣрнаго опредѣленія, насколько пьеса понравилась публикѣ и привлекала зрителей, слѣдовало бы показать, какъ великъ былъ сборъ съ каждаго спектакля, по возвышеннымъ цѣнамъ и по обыкновеннымъ. Это дало бы будущимъ историкамъ цѣнный матеріалъ для сужденія о вкусахъ публики извѣстнаго времени и могло бы служить въ настоящемъ показателемъ, чего желаетъ публика отъ театровъ. Теперь же мы видимъ изъ указаннаго списка, что наибольшее число представлений приходится въ Петербургѣ на комедію М. И. Чайковскаго *Симфонія*, игранную 16 разъ; та же пьеса шла въ Москвѣ 12 разъ. Комедія В. А. Крылова *Днячій переполохъ* была дана въ Москвѣ 18 разъ, въ Петербургѣ—13 разъ. *Старая сказка* П. П. Гнѣдича дана въ Москвѣ 16 разъ. Число представлений новыхъ пьесъ въ первый сезонъ ихъ появленія на сценѣ обусловливается многими факторами, не имѣющими ничего общаго съ достоинствами самаго произведенія, что доказывается вышеприведен-

ными цифрами. Въ данномъ случаѣ большое значеніе имѣетъ, конечно, исполненіе пьесы; но и оно не можетъ быть поставлено на первое мѣсто. Тутъ все дѣло въ томъ, что мы назовемъ „репертуарными соображеніями“, понятными людямъ посвященнымъ и недоступными разумѣнію людей, постороннихъ театру. Опытные драматурги знаютъ эти „secrets du métier“ и пользуются своимъ знаніемъ; неопытные пусть пошутдируютъ *Ежегодникъ*,—это будетъ имъ на пользу. Какъ бы те ни было и чѣмъ бы ни обуславливался успѣхъ пьесы, судить болѣе или менѣе правильно объ этомъ можно только по второму сезону, а никакъ не по первому. Да и тутъ еще найдутся какіе-нибудь театральные секреты и закулисныя преткновенія, отправляющія пьесы „кувыркомъ“ въ архивъ.

Въ отдѣлѣ, озаглавленномъ *Обозрѣніе дѣятельности сценъ*, помѣщены очень любопытныя свѣдѣнія о постановкѣ новыхъ пьесъ съ фотографіями артистовъ и артистокъ, исполнявшихъ главныя роли, въ соотвѣтствующихъ костюмахъ, фототипныя снимки съ декорацій и съ нѣкоторыхъ выдающихся сценъ. Нечего говорить о томъ, какую огромную пользу принесетъ этотъ отдѣлъ нашимъ провинціальнымъ театрамъ. Въ Парижѣ существуетъ такого рода повременное изданіе—*Les premières illustrées*, дающее костюмы и подробности постановки новыхъ пьесъ съ раскрашенными рисунками, на видъ очень эффектными; но во французскомъ изданіи воспроизводятся не всѣ декораціи. Въ этомъ отношеніи нашъ *Ежегодникъ* полнѣе и лучше уже потому, что фотографія передаетъ вѣрнѣе оригиналы, чѣмъ ручные рисунки. Тѣмъ не менѣе, составителямъ *Ежегодника* не мѣшаетъ обратить серьезное вниманіе на парижское изданіе. Далѣе въ *Ежегодникъ* помѣщены восемь портретовъ нѣмецкихъ артистовъ и артистокъ въ обыкновенномъ городскомъ платьѣ. Мы не понимаемъ, кому и для чего могутъ быть нужны лица нѣмецкой труппы г. Ваха. Цѣлесообразнѣе было бы рядомъ съ фотографіями русскихъ сценическихъ дѣятелей въ костюмахъ и въ гримѣ дать ихъ подлинныя портреты. Изъ русскихъ артистовъ имѣется только портретъ Н. И. Музиля, данный по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія его службы театру. Въ отдѣлѣ некрологовъ помѣщено 18 портретовъ артистокъ и артистовъ, сошедшихъ не только съ театральной, но и съ жизненной сцены. Совершенно лишними мы считаемъ снимки, числомъ 8, съ церкви, класса и сценической залы театрального училища, съ фотографіи конторы и т. п. Это—ненужныя и, къ тому же, плохія картинки. Съ портретами нѣмцевъ оазывается 16 излишне включенныхъ въ внигу политинажей, бесполезно занимающихъ мѣсто и возвышающихъ цѣну книги. Все изданіе сдѣлано замѣчательно чисто, очень красиво и щеголевато, на хорошей бумагѣ и четкимъ шрифтомъ. Отъ души привѣтствуемъ издателей и желаемъ ихъ начинанію широкаго и прочнаго успѣха, въ каковомъ мы, впрочемъ, и несомнѣваемся.

Надѣмся, что второй выпускъ, посвященный сезону 1891—1892 гг., выйдетъ къ открытію слѣдующаго сезона.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, февраль — мартъ. — „Русское Богатство“, январь. — Славянская періодическая печать.

Вѣстникъ Европы, февраль—мартъ. Намъ приходилось уже отпечатать послѣдній романъ г. Боборыкина *Василій Теркинъ*, какъ самое

выдающееся явленіе нашей новогодней литературы. Продолжаясь въ названныхъ нумерахъ *Вѣстника Европы*, романъ вступилъ уже во 2-ю свою часть, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ другую фазу своего развитія, которая значительно отличается отъ первыхъ главъ его. Изъ бурнаго потока въ началѣ, смѣло пробирающагося по мало-исхоженнымъ тропамъ и тѣснинамъ, онъ превратился въ спокойную повѣствовательную рѣку, текущую по болѣе ровному и проторенному руслу. Русло это, хотя и сохранило достаточную глубину, однако, значительно ссузилось въ послѣднихъ главахъ разсказа. Въ романѣ попрежнему очень много разныхъ лицъ и происшествій, но большинство изъ нихъ не связано органически съ самымъ замысломъ и служить, повидимому, для оживленія и разнообразія дѣйствія. Весь же смыслъ и интересъ романа сосредоточивается теперь исключительно около моральной исторіи, перипетіи которой разыгрываются въ душѣ главнаго героя, Василя Теркина, независимо или почти независимо отъ пространства и времени, отъ какихъ-либо общественныхъ вліяній. Такимъ образомъ, уже со второй половины первой части романа тема его дѣлается психологической въ тѣсномъ смыслѣ. Это личная исторія грѣха и покаянія, паденія и возрожденія; это борьба совѣсти противъ эгоистическихъ инстинктовъ, происходящая въ сердцѣ Теркина. Чтобы поскорѣе разжиться и орудовать на Волгѣ въ качествѣ крупной матеріальной силы, Теркинъ совершаетъ преступленіе противъ самой элементарной нравственности, но отрезвленіе наступаетъ быстро, и совѣсть требуетъ остановиться во-время на опасномъ пути и не загубить въ себѣ „человѣка“. Орудіемъ того и другаго душевнаго акта являются двѣ женщины, послѣдовательно вызывающія страсть въ Теркинѣ. Одна изъ нихъ служитъ какъ бы воплощеніемъ грѣха и лжи, другая—правды и чистоты. Обѣ онѣ—сестры, вышли изъ одной и той же расколыничьей семьи на Волгѣ, обѣ получили кое-какое образованіе. Но натуры ихъ диаметрально противоположны и влекутъ ихъ по разнымъ путямъ. Серафима—вся страсть, красота, чувственное наслажденіе; она поверхностно скользитъ по всему, что не имѣетъ прямаго отношенія къ ея личнымъ страстямъ, она ни во что не вѣритъ, у ней нѣтъ никакого „закона“. Калерія—серьезное, вдумчивое существо, съ идеалистическими порывами, съ стремленіемъ къ самоотреченію до аскетизма. И другіе, и сама Калерія считаетъ себя „Христовою невѣстой“, а Серафима въ насмѣшку зоветъ ее „хлыстовскою богородицей“. И вотъ эти двѣ женщины, точно духи зла и добра, борются за душу Теркина, и Калерія побѣждаетъ Серафиму.

Собственно говоря, борьба совѣсти на такой исключительно романтической почвѣ представлялась бы менѣе всего оригинальной и интересной. Сидѣна одной женской власти другою надъ молодымъ страстнымъ человѣкомъ должна придать всей темѣ нѣсколько пошловатый характеръ и повредить ея серьезному значенію. Это такъ и можетъ, пожалуй, показаться съ перваго взгляда, но на самомъ дѣлѣ психологическая канва г. Боборыкина не столь проста и банальна. Впечатленіе читателя отъ излишняго увлеченія романическою подкладкой въ душевной исторіи Теркина спасается тѣмъ обстоятельствомъ, что еще и раньше, когда, повидимому, героемъ совершенно владѣли одни чувственные и эгоистическіе аппетиты, когда онъ еще состоялъ, такъ сказать, въ періодѣ нравственнаго паденія, совѣсть его не заглохла окончательно; она по временамъ подавала свой голосъ, и возможность

покаянія и возрожденія существовала независимо отъ появленія на сцену увлекательнаго женскаго образа „Христовой невѣсты“.

Вотъ эта-то *возможность* нравственнаго прозрѣнія, эта живучесть самокритики, какъ ни слабо она проявлялась, заглушенная вліаніемъ обольстительной Серафимы,—эта сторона внутренней жизни героя невидимыми нитями связываетъ, на нашъ взглядъ, его моральную исторію съ тѣми вліаніями соціальнаго характера, которыя были разсказаны авторомъ въ первыхъ главахъ романа. Безъ этихъ тонкихъ, но прочныхъ нитей съ прошлымъ вся послѣдующая подробная исторія любви Теркина и его колебаній между двумя женскими вліаніями имѣла бы черезъ-чуръ узкое основаніе, представляла бы только одну изъ многочисленныхъ иллюстрацій на назидательную тему о первоначальномъ грѣхопадѣніи.

Впрочемъ, назидательности и морализированія въ рассматриваемой нами части романа г. Боборыкина очень достаточно. Сказываются они особенно въ рѣзкомъ подчеркиваніи противоположности натуръ Серафимы и Калеріи. Это двѣ крайности, совершенно исключающія другъ друга. Душевныя качества обѣихъ героинь не развиваются передъ глазами зрителя; они не проходятъ стадій роста, колебаній, видоизмѣненія формъ, они даются цѣльными и готовыми, какъ нѣчто предопределенное отъ вѣка. Это—матеріальное и духовное начало, эгоизмъ и альтруизмъ въ своемъ чистомъ видѣ. По крайней мѣрѣ, такими эти двѣ женщины представляются Теркину, который отъ страсти въ одной рѣзко и безповоротно переходитъ къ боготворенію другой. Калерія для него олицетвореніе долга, „закона“. А „законъ“, каковъ бы онъ, по мнѣнію Теркина, ни былъ—узкій или широкій, глупый или умный—долженъ существовать для каждаго человѣка, чтобы обуздывать въ немъ „звѣря“. Серафима же представляется ему именно какъ рабскій слугитель „звѣря“, какъ „распуста“, не знающая никакого нравственнаго устоя; у нея „женская растяжимая совѣсть“, примиряющаяся со всякою неправдой и зломъ.

Такова чисто-моральная основа, на которой построены отношенія героинь, и, повидимому, въ ней заключается главная суть романа. Въ лицѣ самого Теркина совмѣщаются оба начала; въ немъ борются „звѣрь“ и „законъ“. Когда страсть къ Серафимѣ прошла, онъ ясно распознаетъ въ ней элементы хищничества и расчета, и не знаетъ уже для нея никакой пощады. Онъ ненавидитъ въ ней именно самого себя, т.-е. темныя стороны своей собственной природы, точно также какъ въ Калеріи любитъ, прежде всего, то, что она счумѣла однимъ появленіемъ своимъ воскресить въ немъ лучшія чувства молодости. Эти женщины служатъ какъ въ отраженіемъ его собственной души; въ нихъ раздѣлено заключены тѣ качества, которыя существуютъ у него рядомъ и дѣлаютъ его одинаково способнымъ и къ грубой практичности, и къ идеалистическимъ порывамъ. Самъ Теркинъ личность не достаточно сильная, чтобы властно распоряжаться въ своемъ духовномъ мірѣ, и поступки его въ значительной степени зависятъ отъ посторонняго вліанія,—въ данномъ случаѣ той или иной женщины. И это сообщаетъ чувству Теркина къ Калеріи и къ Серафимѣ вполнѣ личный, эгоистическій характеръ. На нихъ онъ провѣряетъ свой нравственный инвентарь. Такъ что, въ концѣ-концовъ, какъ мы говорили, все сводится въ романѣ къ внутренней жизни героя, къ его „душѣ“. Правда, эта беспокойная, впечатлительная, склонная къ саморазглядыванію душа представляетъ интересный психологическій матеріалъ. Но нельзя не замѣтить теперь

же, не дожидаясь окончанія романа, что многое въ этой исторіи душевныхъ движеній его героевъ изображено у г. Боборыкина схематично и одишкомъ прямолинейно. Ясно, что въ послѣднемъ своемъ романѣ авторъ отдаетъ обильную дань нашему морализующему времени, такъ много толкующему о „душѣ“, о внутреннемъ звѣрѣ“ и о внутреннемъ „законѣ“. Откуда взять внутренней „законъ“, если внутри все пусто, какъ предупредить появленіе этой пустоты, изъ какихъ источниковъ долженъ сложиться императивъ долга, основанный не на принужденіи, не на самообманѣ,—посмотримъ, дастъ ли морализирующий романъ ясный отвѣтъ на эти вопросы, косвенно имъ возбуждаемые. Теперь, пока *Василій Теркинъ* еще не оконченъ, нельзя, разумеется, дѣлать общихъ выводовъ по поводу этого романа, нельзя подробно оцѣнивать ни основную его идею, ни тотъ типъ, который представляетъ собою герой этого произведенія: ни идея, ни типъ не выяснились еще съ полною законченностью. Если бы мы стали, напримѣръ, пристально останавливаться на смыслѣ тѣхъ разсужденій, которыя пока предлагаются Теркинымъ, то могли бы вывести изъ нихъ только одно: внутреннему міру русскаго человѣка необходима палка, ежовья нравственной руковицы. Безъ таковыхъ онъ обращается въ „распусту“. Что касается отношеній къ самой палкѣ, то нужна только увѣренность въ ея наличности и убѣжденіе въ ея спасительности, какова бы она ни была по своему существу— „глупый или умный законъ—все равно,—говоритъ Теркинъ,—только бы былъ „законъ“. Мудрствовать лукаво о его происхожденіи, о его формѣ, о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя онъ можетъ оказать не на одну личность, а неизмѣнно окажетъ и на общественную среду, на общественные и умственные успѣхи,—мудрствовать обо всемъ этомъ напрасно и ненужно, нужно только преклониться передъ нимъ и признать его власть. Такъ, Теркинъ преклоняется передъ изувѣрствомъ и суевѣріемъ какихъ-то „сухарниковъ“,—раскольниковъ, главную святыню которыхъ составляетъ мѣшокъ съ сухарями, оставленными въ качествѣ „даровъ“ первоначальнымъ ихъ наставникомъ. Кто захватитъ въ свои руки этотъ мѣшокъ, тотъ и дѣлается столбомъ благочестія и по своему усмотрѣнію раздастъ крошки сухарей тѣмъ членамъ общины, которыхъ сочтетъ достойными. Путемъ же къ захвату мѣшка служатъ моленія и поклонны— „по тысячу поклоновъ въ день съ растяженіемъ въ суставахъ“, а то такъ и подарки, угощеніе начетчиковъ и т. п. Теркинъ съ благоговѣніемъ выслушиваетъ разсказъ о сухарникахъ и ихъ фанатизмѣ: „фанатизмъ—это верхъ убѣжденности. Быть суевѣрнымъ лучше, чѣмъ никакого закона не знать и никакого предѣла для звѣря, который въ насъ сидитъ“,—повторяетъ онъ свою любимую мысль.

Врядъ ли такая односторонняя оцѣнка нравственнаго закона и вѣра въ спасительность всякаго духовнаго фетиша явятся заключительнымъ выводомъ романа. Въ крайнемъ случаѣ взгляды Теркина могутъ имѣть известное значеніе только для такихъ типовъ, къ которымъ принадлежить онъ самъ, для натуры раздвоенной, шаткой и находящейся въ нравственномъ броженіи. Да и въ немъ тотъ критцизмъ, который помогъ ему придти къ сознанию необходимости идеала и нравственнаго закона, вышелъ не изъ чего другаго, какъ изъ міра „высокихъ идей“, къ которому онъ привоснулся въ молодости, и изъ „ума холодныхъ наблюдений“ надъ несправедливостью и горемъ жизни. Сложная внутренняя жизнь того типа, который олицетворенъ въ Теркинѣ, по-

вторяетъ, представляетъ много любопытнаго. Это главный нервъ все-го произведенія г. Боборыкина.

Изъ второстепенныхъ лицъ самымъ жизненнымъ и яркимъ является образъ Серафимы. Волжская красавица, сильная и цѣльная натура, выприсована авторомъ до мельчайшихъ подробностей и очень удачно. Отъ нея вѣетъ своеобразною поэзіей,— поэзіей сильныхъ страстей и смѣлыхъ рѣшеній. Любовь для нея—все въ жизни. Правда, въ основѣ ея характера лежитъ сухая расчетливость и практичность, но онѣ совершенно исчезаютъ въ отношеніяхъ къ любимому человѣку. У нея нѣтъ никакихъ нравственныхъ правилъ и она не колеблется ни минуты присвоить себѣ наслѣдство Калеріи,— „на что святошѣ деньги?“— разсуждаетъ она, но едва ли не главною побудительною причиною такого поступка служило желаніе отдать эти деньги на разживу своему любовнику, чтобы онъ могъ исполнить давнишнюю мечту—купить пароходъ на Волгѣ. По крайней мѣрѣ, это желаніе не позволяетъ ей колебаться и подумать о послѣдствіяхъ. Теркинъ знаетъ происхождение денегъ; онъ колеблется, угрызается и, все-таки, беретъ воровскія деньги и покупааетъ на нихъ пароходъ.

Когда московскіе жулики украли у Теркина карманныя деньги и онъ обращается къ содѣйствию полиціи, его вдругъ пронизываетъ мысль: „а ты чѣмъ лучше ихъ?“—и онъ не можетъ подавить прилива краски къ щекамъ. Его смущаетъ и „воровская жизнь“ вдвоемъ съ Серафимой, чужою женой, убѣжавшею отъ мужа къ нему. Нужды нѣтъ, что мужъ ея былъ дрянной и пустой человѣкъ, игрокъ, промотавшій все ея состояніе и не давшій ей ничего, кромѣ разочарованія и жажды иной, настоящей любви. Это въ глазахъ Теркина не оправданіе для ихъ „воровской жизни“ и служить даже ему вполнѣ послѣдствію лишнимъ предлогомъ обвинить Серафиму въ нравственной распущенности. Она, разумѣется, не знаетъ и не понимаетъ этихъ угрызеній. Для нея выше, благороднѣе и лучше ея „Васи“ нѣтъ никого на свѣтѣ. И когда, годъ спустя послѣ присвоенія чужаго капитала, Теркинъ хочетъ показаться передъ Калеріей, „очиститься“, она со всею силою страсти возстаетъ противъ этого рѣшенія не изъ страха, не изъ стыда, а единственно изъ чувства гордости за своего любовника: для нея невыносима мысль, что онъ хочетъ унизиться передъ „хлыстовскою богородицей“. Серафима положила всю себя въ одну страстную личную любовь. Любовь и стала для нея проклятіемъ. Теркинъ скоро разлюбилъ ее, отчасти вслѣдствіе того, что видѣлъ въ ней „сообщницу“ своего нравственнаго паденія, отчасти потому, что она не могла поддерживать въ немъ того, *другую*, Теркина, который платонически стремился сохранить въ себѣ „человѣка“, и чувствовалъ съ нею свое нравственное одиночество; наконецъ, образъ Калеріи совершенно вытѣснилъ изъ его сердца Серафиму. Она несимпатична, эта хищная и узкая женская натура, но она, все-таки, возбуждаетъ сожалѣніе, и что бы тамъ ни говорилъ Теркинъ о ея органической испорченности, но и прежній ея мужъ, и самъ Теркинъ много виноваты въ нравственномъ огрубѣніи молодой женщины. Притомъ, какъ натура цѣльная, Серафима дѣйствуетъ всегда прямо, она всегда остается правдивой въ своемъ чувствѣ къ Теркину. Это даже выгодно отбѣиваетъ ее въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, ибо Теркинъ по отношенію къ ней неискрененъ, скрываетъ свои чувства и мысли, хитритъ, дѣйствуетъ за ея спиной и боится открыто говорить ей правду о своемъ чувствѣ и сношеніяхъ съ Калеріей.

Мы сказали выше, что въ глазахъ героя г. Боборыкина оба эти жен-

скіе образа представляютъ олицетвореніе матеріальнаго и духовнаго начала во всемъ своемъ яркомъ противорѣчій. Въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, на протяженіи многихъ и многихъ страницъ романа, рѣчь идетъ о деньгахъ Калеріи, объ угрызенияхъ совѣсти, о необходимости прекращенія „воровской жизни“ и т. п. Но замѣчается, все-таки, что не въ этомъ одномъ дѣло, и въ настроеніи, вызываемомъ въ герою Серафимой и Калеріей, есть еще другая сторона, осложняющая романтическую завязку. Рыцарь Тангейзеръ, какъ извѣстно, провелъ семь лѣтъ въ гостяхъ у Венеры на Венеринихъ горѣ. Семь лѣтъ наслаждался онъ красотой и всѣми благами жизни; но они наскутили ему и его потянуло въ Римъ, ко святымъ мѣстамъ.

Не рыцарь нашъ разночинецъ. Теркинъ и мало, увь, ужасно мало въ немъ поэзіи, но программу Тангейзера онъ исполняетъ почти буквально. Годъ провелъ онъ безпечально въ объятіяхъ красавицы Серафимы, и вдругъ съ души его поднялся осадокъ просвѣщенія. Явилась жажда иного, неизвѣданнаго чувства. Самая красота Серафимы стала раздражать его, какъ нѣчто плотское, созданное только для любовныхъ утѣхъ. Его потянуло къ другой любви, возвышенной и свѣтлой, передъ которой онъ могъ бы восторженно преклонить колѣни въ мистическомъ экстазѣ. Ему противны поцѣлуи, ему хочется слезъ. И авторъ старательно подчеркиваетъ черты своихъ героинь, которыя вызываютъ въ Теркинѣ окончательную смѣну настроеній, подчеркиваетъ даже во внѣшнемъ обликѣ, въ костюмѣ. Калерія является передъ нимъ въ какомъ-то бѣломъ одѣяніи съ распущенными волосами, и Теркина неудержимо охватываетъ порывъ покаянія и стремленіе преклонить передъ ней колѣни, какъ передъ святой духовной красоты. „Онъ глядѣлъ на нее, бѣлую и стройную, въ падающихъ золотистыхъ волосахъ—и слезы подступали къ глазамъ... Какъ стоялъ, такъ и рухнулъ онъ передъ ней на колѣни и зарыдалъ“... И не дѣла Калеріи, не ея альтруистическія стремленія захватывали душу Теркина, а именно самая ея личность, какъ яркій контрастъ земнаго облика Серафимы, вызвала въ немъ какое-то необыкновенное умиленіе: „Ничего не было „особеннаго“ въ ея планѣ. Дѣтская амбулаторія!... Мало ли сколько ихъ заводится. Одною больше, одной меньше. Не самое дѣло, а то, что она своею душой будетъ освѣщать и согрѣвать его... Онъ видѣлъ ее воображеніемъ въ дѣтской лечебницѣ, съ ранняго утра, тихую, неутомимую, точно окруженную сіяніемъ...“ И въ другой разъ въ какомъ-то точно молитвенномъ экстазѣ онъ со слезами еле можетъ выговорить: „Вѣрьте... Василій Теркинъ до послѣдняго издыханія—вашъ, вашъ... какъ вѣрный песъ!...“ Все это еще болѣе осложняетъ картину душевной жизни главнаго лица и въ послѣдующихъ главахъ несомнѣнно получить свое особенное значеніе и смыслъ.

Что касается „Христовой невѣсты“, этого Ормузда въ образѣ Калеріи, то обликъ ея не вполне ясенъ. Нѣкоторые почему-то причислили ее къ разряду „стриженныхъ“, хотя она къ нимъ нивогда не принадлежала. Она сестра милосердія, носитъ постоянно „мундиръ“ своего званія и говоритъ со всѣми точно съ больными: на устахъ ея всегда готовы рѣчи утѣшенія, тихой ласки и благочестивыхъ афоризмовъ. Порою отъ нихъ отдаетъ тономъ Гоголевской переписки съ друзьями. Но въ общемъ образъ этотъ симпатиченъ. А таковъ ли онъ въ дѣйствительности, какимъ нарисованъ, трудно рѣшить пока.

Нельзя не упомянуть, что въ февральскомъ номерѣ *Вѣстника Евронии* напечатано стихотвореніе покойной Софьи Вас. Ковалевской, при-

сланное изъ Столгольма. Оно, безъ сомнѣнія, обратитъ на себя вниманіе ея біографовъ и всѣхъ тѣхъ, кому дорога память этого свѣтлаго-образа богато-одаренной русской женщины. Въ нѣжныхъ, задумчивыхъ звукахъ вылилось здѣсь настроеніе автора, навѣянное встрѣчей съ какою-то далекою, но родственною ему душой. Ученой женщиной-математику, оказывается, не чужды были лирическіе порывы и доступны были ихъ языкъ, что такъ рѣдко встрѣчается у людей, посвятившихъ себя этой сухой, отвлеченной наукѣ.

Интересная тема затрогивается въ разсказѣ изъ военнаго быта г. Жиркевича *Противъ убѣжденія*. Поручикъ Сомовъ, начальникъ „распущенной“ музыкантской команды, велѣлъ наказать розгами неисправимаго пьяницу, солдата Козловскаго. Сдѣлалъ онъ это противъ своего убѣжденія и долго колебался и самоугрызался передъ приведеніемъ наказанія въ исполненіе. Въ художественномъ отношеніи разсказъ слабъ и несамостоятеленъ: въ разработкѣ сюжета, въ манерѣ, въ описаніи военнаго быта чувствуется подавляющее вліаніе гр. Л. Толстаго. Но въ разсказѣ ребромъ ставится вопросъ, мимо котораго нельзя пройти равнодушно.

Герой разсказа г. Жиркевича преисполненъ былъ самыхъ гуманныхъ чувствъ по отношенію къ „меньшому брату“—къ солдатамъ. Онъ обращался съ нами всегда мягко, по-человѣчески, не только не злоупотреблялъ своими огромными правами начальника, но скорѣе даже конфузился этихъ правъ. Однако, солдаты не понимали и не хотѣли понимать его прекраснодушія; они считали это слабостью и мальчишествомъ, за глаза смѣялись надъ нимъ, а пьяница Козловскій не обращалъ вниманія на его увѣщанія и мягкія угрозы. Поручикъ не могъ приручить къ себѣ даже собственнаго денщика, который относился къ нему неуважительно и чисто по-хамски. Словомъ, вмѣсто любви и уваженія, которыхъ ожидалъ къ себѣ поручикъ Сомовъ, подчиненные выказывали ему только презрѣніе, худо скрываемое формальною дисциплиной. Прекрасный человѣкъ съ убѣжденіемъ попалъ, такимъ образомъ, въ дикую среду, для которой было понятно одно убѣжденіе—кулакъ. И вотъ является вопросъ: сѣчь или не сѣчь провинившагося солдата? Спрашивается, по чьему „убѣжденію“ поступать въ данномъ случаѣ, по своему или по чужому?

Странное впечатлѣніе производитъ разсказъ г. Жиркевича. Солдата высѣкли по приказанію поручика Сомова, но выходитъ, что его собственно высѣкла среда, сами солдаты, понятіямъ которыхъ о розгѣ уступалъ гуманный начальникъ ихъ. Оказывается, что солдаты вообще не прочь сѣчься, что розга для нихъ—добрая нянька, безъ попечительства которой они сами себя представить не могутъ. Поручикъ Сомовъ радъ бы не сѣчь, онъ жаждетъ, чтобы команда попросила его простить Козловскаго, но командѣ это и въ голову не приходитъ; она проситъ только о томъ, чтобы экзекуція совершена была рано утромъ, когда лагеръ спитъ,— иначе солдаты другихъ частей будутъ надъ нею смѣяться. Фельдфебель настаиваетъ на экзекуціи и своими доводами разбиваетъ всѣ попытки поручика дать дѣлу иной оборотъ. Наконецъ, самъ Козловскій отноется къ постыдному наказанію съ отминымъ равнодушіемъ: онъ веселъ, провелъ ночь спокойно и передъ самымъ выходомъ на экзекуцію плотно закусилъ въ карцерѣ... Полно, такъ ли это? Вѣрна ли на самомъ дѣлѣ эта идиллія розги, процвѣтающая будто бы въ солдатскихъ умахъ? Вѣрна или невѣрна, но выходитъ, что ради нея поручикъ не рѣшился самъ простить солдата и высѣкъ его

„противъ убѣжденія“. Однако, и въ такомъ случаѣ спрашивается, было ли само-то „убѣжденіе“ въ наличности, или поручикъ Сомовъ думалъ только, будто у него есть убѣжденіе, что съѣчь не годится? *Убѣжденіе*, вѣдь, не сдастся такъ легко... Наставать на этихъ вопросахъ даже по поводу слабого беллетристическаго разсказа г. Жиркевича весьма не лишне. Вопросъ о розгѣ, повторяемъ, поставленъ здѣсь прямо и категорично. Онъ имѣетъ по нынѣшнимъ временамъ слишкомъ важное и большое практическое значеніе, чтобы его можно было окутывать въ туманъ какихъ бы то ни было психологическихъ и художественныхъ аксессуаровъ. Никакихъ такихъ „психологическихъ“ рѣшеній, вродѣ разсказаннаго г. Жиркевичемъ, вопросъ этотъ не допускаетъ, а допускаетъ лишь одно рѣшеніе — ясное и неуклонное: „съѣчь“, „подтянуть“, „ежовыя рукавицы“, „иначе съ этимъ народомъ нельзя“, „они сами хотятъ, чтобы ихъ съѣли“. Гуманный поручикъ Сомовъ, — какъ ужъ ему не хотѣлось солдата съѣчь, какъ онъ боролся съ собою, — и дѣтство свое вспомнилъ, и завѣты няни, и грубыя сцены кадетской жизни, и мучительныя впечатлѣнія отъ экзекуцій, которыхъ самъ былъ свидѣтелемъ, наконецъ, и собственные обѣты свои, — все перебралъ, а солдата, однако, высѣкъ, ибо самъ солдатъ заставилъ-таки его это сдѣлать, и вся среда солдата вопіяла о розгѣ... Теперь представимъ себѣ этого „гуманнаго“ поручика Сомова въ другихъ мѣстахъ, — въ качествѣ земскаго начальника въ деревнѣ, педагога въ „распущенномъ“ классѣ, управляющаго на заводѣ... Сколько тутъ можетъ выйти разсказовъ *Противъ убѣжденія* съ самою тончайшею психологическою подкладкой, ибо, вѣдь, „ничего съ этимъ народомъ не подѣлаешь“! Наврядъ ли кто будетъ утверждать, что у такихъ дѣятелей есть какія-либо убѣжденія и что они приносятъ ихъ въ жертву...

Въ числѣ печатныхъ призывовъ къ интеллигентному классу идти на помощь голодающей и тоскующей деревнѣ одинъ изъ самыхъ определенныхъ и горячихъ принадлежитъ перу К. К. Арсеньева въ февральской книгѣ *Вѣстника Европы*. Описывая свои впечатлѣнія *Изъ недавней поездки* въ одну изъ голодающихъ губерній, Тамбовскую, почтенный авторъ даетъ точную и яркую картину положенія разоренныхъ и бѣдствующихъ, въ которой каждая черта дышетъ правдой, каждое слово свидѣтельствуется о глубокомъ впечатлѣніи, которое вынесъ наблюдатель оттуда. Онъ призываетъ каждого самому пройти севозъ строй современныхъ деревенскихъ впечатлѣній, результатъ которыхъ можетъ быть только одинъ: помогать, кормить, лечить, стараться всячески облегчить народу его невыносимое положеніе. вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Арсеньевъ разсказываетъ о способахъ практикуемой помощи, о самоотверженныхъ дѣятеляхъ на мѣстѣ, приводитъ отрывокъ изъ писемъ. Убѣдительное такихъ писемъ, кажется, трудно себѣ что-либо представить по вопросу о помощи голодающимъ. Прекрасную черту этого сообщенія представляетъ практичность и ясность самого призыва: „Громадное, необятное поле открывается теперь для частной помощи! — говорятъ г. Арсеньевъ. — Людей, поселяющихся въ деревнѣ съ цѣлью лично работать въ пользу голодающихъ, устраивать и вести столовую, прискипывать и готовить другія формы помощи, — такихъ людей уже теперь наберется не мало; но если бы число ихъ увеличилось въ сто, въ тысячу разъ, оно, все-таки, еще не достигло бы уровня потребности... Всякій отправляющійся на мѣсто бѣдствія, хотя бы даже на короткое время, увеличиваетъ этимъ самымъ не только запасъ личныхъ силъ, борющихся съ нуждою, но и запасъ матеріальныхъ средствъ, необхо-

данных для этой борьбы. Ему вѣрятъ лица, близко его знающіе; каждое изъ нихъ въ свою очередь пользуется довѣріемъ другихъ. Отсюда неизбежный приливъ пожертвованій, направленныхъ, притомъ, именно туда, гдѣ велика въ нихъ надобность и гдѣ организовано пользованіе ими. Въ настоящую минуту стоить только захотѣть, чтобы войти въ живое общеніе съ однимъ изъ центровъ народной нужды и частной, мѣстной помощи. Такое общеніе не позволяетъ удовольствоваться небольшимъ взносомъ, сдѣланнымъ изъ приличія, изъ подражанія, для очистки совѣсти; оно втягиваетъ все дальше и дальше, все больше и больше раскрываетъ нравственную обязательность серьезной, крупной помощи,—крупной, разумѣется, по сравненію съ средствами всякаго даннаго лица. Только этимъ путемъ, думается мнѣ, частная благотворительность можетъ выбиться изъ узкой колеи, въ которой она теперь движется, и достигнуть размѣровъ, сколько-нибудь соответствующихъ громадности бѣдствія. Кто не можетъ самъ ѣхать на мѣсто, тотъ пускай заочно выберетъ деревню, группу семействъ, одну семью, благосостояніе которой стало бы для него личнымъ дѣломъ, вопросомъ сердца и чести...“

Русское Богатство, январь. Съ нынѣшняго года *Русское Богатство* перешло въ другія руки, и настоящая книга является первою, свидѣтельствующею объ обновленіи и расширеніи программы журнала. Изъ личнаго органа г. Красова-Оболенскаго, прежняго издателя и главнаго сотрудника *Русск. Богат.*, журналъ сдѣлался нынѣ органомъ передовой русской литературы въ лицѣ болѣе широкаго круга талантливыхъ ея представителей и можетъ, поэтому, удовлетворять болѣе разнообразныя запросы читателя. Пожелаемъ же ему успѣха на этомъ пути.

Въ первой книгѣ, о которой мы говоримъ, вѣтъ ничего особенно яркаго и выдающагося, что, можетъ быть, объясняется именно тѣмъ, что она—первая. Важнымъ здѣсь является общая фізіономія книги, общающаяся въ *Русск. Богатствѣ* цѣльность мировоззрѣнія, вполнѣ серьезное и честное отношеніе къ задачамъ литературы и жизни. Давно уже, со временъ Бѣлинскаго, эти качества особенно цѣнились въ литературномъ органѣ и составляли главный рычагъ просвѣтительнаго и облагораживающаго вліянія литературы на читателей. Въ настоящее время они тѣмъ цѣннѣе, что цѣльность мировоззрѣнія и строгая приверженность извѣстному прогрессивному цнелу идей встрѣчаются рѣже прежняго, что часто журналъ дѣлается ареной „смѣшенія языковъ“ или поприщемъ мелкихъ литературныхъ тщеславій, стремящихся изобрѣтать какія-то „новыя мозговныя линіи“ и повторять басню о снигцѣ, которая моря не зажгла.

Кстати, о тщеславіи, о маніи величія, о жалкихъ потугахъ литературныхъ самолюбивій, образчики которыхъ, особенно среди молодаго поколѣнія, въ большомъ количествѣ навязываютъ современная русская жизнь. На эту тему въ отдѣлѣ критики и библіографіи *Русскаго Богатства* есть любопытная статейка г. Лесевича *Психологія тщеславія*. Здѣсь предлагается разборъ двухъ нѣмецкихъ сочиненій, главнымъ образомъ, соч. Зигварта *Ueber die Eitelkeit*. Литература психологіи тщеславія—предметъ у насъ новый, мало разработанный и какъ нельзя болѣе своевременный; поэтому можно только пожалѣть о краткости замѣтки г. Лесевича, возбуждающей серьезный интересъ. „Если тщеславыя и не будутъ исправлены этою литературой,—замѣчаетъ авторъ замѣтки,—то все же взоры ихъ, столь упорно устремленные на созерцающихъ ихъ зрителей, будутъ хотя на минуту отклонены на нихъ самихъ и заста-

вять ихъ хоть на малую толику времени тоже стать зрителями. Всякій же, хотя и не тщеславный человѣкъ, увидитъ здѣсь поучительность и важность обращенія внутренняго ока на самого себя, оцѣнить значеніе самокритики и самообвиненія, въ чемъ очень часто оказывается у насъ большой недочетъ". Достоинство разсматриваемой авторомъ книги заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что Зигвартъ сзумѣлъ прекрасно разграничить двѣ области: самый порокъ тщеславія съ его многочисленными подраздѣленіями и ту почву, на которой онъ произрастаетъ. Важность этого разграниченія дѣлается ясна изъ обстоятельнаго изслѣдованія почвы, т.-е. тѣхъ чувствованій и стремленій, изъ которыхъ можетъ выростать тщеславіе; ибо сама почва не представляетъ ничего вреднаго или смѣшнаго, и къ ней никимъ образомъ нельзя отнести съ тѣми упреками, какіе вызываетъ порокъ тщеславія. Почва эта есть чувство общности, заставляющее человѣка дорожить отношеніемъ къ себѣ своихъ близкихъ, цѣнить общественное мнѣніе и, сообразно съ этимъ, стремиться къ самоусовершенствованію. Такимъ образомъ, чувствительность и чуткость къ похваламъ является великою цивилизационною силой, значеніе которой нельзя не признать. Пренебреженіе этими чувствованіями предполагаетъ или отсутствіе чувства чести, или вліяніе меланхолин, или чрезмѣрное высокомеріе. Стоить только представить себѣ такое общественное состояніе, въ которомъ равнодушіе людей ко взаимной похвалѣ или порицанію было бы всеобщимъ, чтобы сейчасъ же возникла передъ нами картина самаго ужаснаго варварства. И область такихъ чувствованій широка, вплоть до внѣшнихъ проявленій, выражающихся въ формахъ вѣжливости, костюма и проч., но тѣ черты обще-человѣческихъ отношеній, которыя ее характеризуютъ, не подходятъ подъ понятіе о тщеславіи. Эта послѣдняя слабость, выростая и развиваясь на указанной почвѣ, представляетъ собою особая развѣтвленія общаго ствола, имѣющія свои особая свойства и степени интензивности. Сюда относятся формы тщеславія пассивнаго и активнаго. Въ послѣднемъ самую распространенную и безобидную является форма тщеславія любезничающаго, дѣлающая людей общительными, ласковыми и услужливыми. „Но на той же вѣтви есть и иные листья“, очень дурные и вредные листья. Это—тщеславіе самодовольное, апеллирующее, въ случаѣ непризнанія заслугъ другими, къ собственному „безпристрастному“ суду тщеславнаго: „Она становится передъ зеркаломъ и рѣшаетъ, что въ самомъ дѣлѣ она хороша и одѣта со вкусомъ, такъ что должна нравиться всякому, у кого есть глаза; онъ прочитываетъ мѣста изъ своихъ сочиненій, — мѣста мѣткія, умныя, хватающія за сердце, классическія“. Однимъ изъ видоизмѣненій этого тона тщеславія является тщесловіе дурацкое, смѣшное: „пускать въ печать плохенькіе стишки; по поводу какого-нибудь пустяка подымать такой вопль, какъ будто дѣло идетъ о серьезномъ бѣдствіи; пытаться возблестать новымъ блескомъ при помощи юношескаго наряда“ и т. п. Далѣе идутъ еще болѣе отвратительныя формы тщеславія—завистливаго, тщеславія болтливаго, прѣмы притворной скромности и т. д. Отсылаемъ интересующихся вопросомъ къ самой статьѣ *Психологія тщеславія*. Прибавимъ только съ своей стороны, что какъ ни полезно, какъ ни поучительно изображеніе различныхъ видовъ у Зигварта, съ которыми знакомитъ замѣтка г. Лесевича, въ немъ есть, на нашъ взглядъ, существенный пробѣлъ. Рядомъ съ описанными формами и типами, такъ сказать, тщеславія индивидуальнаго, слѣдовало бы поставить и разработку психологіи и формъ тщеславія классоваго и національнаго. На-

циональный шовинизмъ, крикливая, самообожаящая „самобытность“ и павлиньи перья сословной спѣси по своимъ послѣдствіямъ едва ли не важнѣе всѣхъ формъ личнаго тщеславія, вмѣстѣ взятыхъ. Указанные общественные пороки явно вредятъ дѣлу справедливости, человѣчности и мира; они явно тормазятъ прогрессъ человѣчества. И отчетливое отграниченіе ихъ отъ плодотворной почвы патріотизма, національнаго самосознанія и чувства чести, на которой они произрастаютъ подобно ядовитымъ плевеламъ, такое отграниченіе оказало бы большую услугу общественной мысли, если бы сдѣлано было съ тою же научною глубиной и обстоятельностью, какъ по вопросу о личномъ тщеславіи. Книга Зигварта, очевидно, трагуетъ только о послѣднемъ, ибо въ статьѣ г. Лесевича о формахъ національнаго и сословнаго тщеславія не говорится ни слова.

Не безъ таланта и чувства написанъ разсказъ г. Гарина во главѣ книги, *Дѣтство Тѣмы*, но онъ произвелъ бы гораздо больше эффекта въ журналѣ для юношества. Съ живымъ интересомъ читается беллетристическій фельетонъ изъ современныхъ нравовъ, подписанный псевдонимомъ *Скромный писатель*. Обрисованъ здѣсь уже весьма извѣстный типъ безпринципнаго молодого человѣка, циничнаго карьериста новѣйшей формациі, *Безшабашный*, какъ мѣтко назвалъ его авторъ.

СЛАВЯНСКАЯ ПЕРІОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ.

Трудъ, литературно-научно еписание. Година, в. III, книга X—XII. Търново, 1891 г. Большая часть настоящихъ 3-хъ выпусковъ *Труда* занята переводомъ *Записокъ изъ мертваго дома* Достоевскаго, очень недурнымъ, который не можетъ, все-таки, примирить со скудостью содержанія журнала. Если оставить въ сторонѣ очень длинную и очень скучную поэму г. Гинчева: *Сиракъ-Али* и наивныя стихотворенія г. Московска и Гинчева, все содержаніе 3-хъ выпусковъ сводится въ статьѣ Т. Н.—*Какъ знаемъ за обитаемость на планетитъ*, переведенной съ русскаго, небольшой замѣткѣ г. Ковачева о нѣкоторыхъ вредныхъ насѣкомыхъ въ С. Болгаріи и довольно интересному этюду гг. Московска о *Христѣ Ботевѣ*. Ботевъ игралъ видную роль въ возстаніи, бывшемъ „послѣднимъ опытомъ, посредствомъ котораго болгары пробовали умилостивить Европу и снять иго рабства съ измученныхъ плечъ“. Это возстаніе на нѣсколько лѣтъ ускорило освобожденіе Болгаріи; оно продолжалось не долго, но было однимъ изъ тѣхъ историческихъ событій, которыя не проходятъ безъ значительныхъ послѣдствій. „До тѣхъ поръ Европа смотрѣла на наши (болгарскія) возстанія, какъ на домашнія ссоры съ турками“; тѣ, которые возставали, считались безпокойными людьми, разбойниками, достойными казни. Ботевъ и его сподвижники показали, что „въ Болгаріи есть серьезные „элементы“, что можно было возставать противъ Турціи, не будучи разбойникомъ, а человѣкомъ честнымъ и умнымъ, патріотомъ, который беретса за оружіе, чтобы умереть за свой поработенный народъ“. Ботевъ не только обратилъ вниманіе Европы на дѣло болгарскаго освобожденія, но и заставилъ многихъ болгаръ-туркофиловъ отказаться отъ своихъ взглядовъ и пристать къ народному дѣлу. Г. Московскъ излагаетъ судьбу возстанія и одного изъ его главныхъ участниковъ—Янки Боянова, о которомъ автору удалось собрать довольно много свѣдѣній. Статья еще не кончена.

Критика, мѣсячно еписание. Година, I, книжка I—IV. Пловдивъ, 1891 г. *Критика*—новый болгарскій журналъ, выходящій въ Пловди-

въ съ марта 1891 года. Цѣль его—характеризовать „новыя и старыя литературныя явленія въ Болгаріи“, отмѣчать „безпристрастно все хорошее, полезное и прекрасное, не замалчивать ничего вреднаго, безполезнаго, низкаго и безграмотнаго въ болгарской литературѣ, абсолютно-независимо отъ лица, которому принадлежит данное произведение“ (стр. 2). Журналъ будетъ посвящать себя, главнымъ образомъ, „эстетической или художественной критикѣ“, „научная критика“ будетъ занимать второе мѣсто. Кромѣ того, болгарскіе „учебники для первоначальныхъ и среднихъ школъ таковы, что всякое молчаніе относительно ихъ, всякое смотрѣніе на нихъ съвозъ пальцы есть преступленіе“ (стр. 3); въ виду этого, критикѣ учебниковъ будетъ тоже отведено видное мѣсто. Отъ времени до времени будутъ появляться и „театральныя хроники“.

Содержаніе трехъ первыхъ выпусковъ довольно богато. Г. Б.—ровъ печатаетъ переводъ (въ сокращеніи) I части *Philosophie de l'art* Тэна, г. Куруяновъ помѣстилъ переводъ небольшой статьи Жуковскаго: *Критикъ* (ин. III—IV), г. Кръстевъ—полемическую статейку противъ г. Панкова, слишкомъ рѣзкую и бранчивую, анонимъ—*Литературныя писма за 1890 година*, довольно безцвѣтныя. Больше всего мѣста отведено рецензіямъ, въ большинствѣ случаевъ, основательнымъ и дѣльнымъ. Онѣ, конечно, представляютъ наибольшій интересъ для русского чтенія: только по нимъ можно составить себѣ представленіе о литературныхъ теченіяхъ въ Болгаріи, благодаря отсутствію книжныхъ сношеній Россіи съ Болгаріей, на что вполне справедливо жалуется *Критика* (стр. 69).

Судя по этимъ рецензіямъ, болгарская литература послѣдняго времени наводняется переводами; оригинальныхъ произведеній очень мало. Переводныя статьи занимаютъ главное мѣсто и въ журналахъ: нѣкоторые номера почти всецѣло состоятъ изъ переводовъ. Интересно, что большинство переводовъ—съ русскаго; знаніе европейскіхъ языковъ настолько еще слабо въ Болгаріи, что многія нѣмецкія, французскія и пр. статьи и книги переводятся съ русскіхъ переводовъ, на примѣръ: *Свобода*—Милля, *Исторія умственнаго развитія Европы*—Дрэпера, *Первый шагъ*—Мантегацци и проч. Усиленно переводятся русскія беллетристическія, публицистическія и научныя произведенія: довольно много переведено изъ Пушкина, Гоголя, Достоевскаго, Шелгунова (на примѣръ, *Прошлое и будущее европейской цивилизаціи*), Писарева (*Историческіе очерки*) и пр. Не оставляются въ тѣни и западно-европейскіе классики: переведенъ почти весь Шекспиръ, *Донъ-Кихотъ* и проч. Все это указываетъ на живые запросы болгарской читающей публики, которымъ такъ мало могла удовлетворять и такъ мало еще удовлетворяетъ мѣстная литература. Литературный языкъ пока еще не установился—и критикамъ приходится бороться съ массой руссизмовъ, наводняющихъ болгарскій языкъ.

Обзору журналовъ *Критика* отводитъ очень мало мѣста. „Смѣсь“ составлена пестро и, въ большинствѣ случаевъ, могла бы быть опущена безъ всякаго ущерба для содержательности журнала. Для русскіхъ можетъ представлять въ ней интересъ маленькая, очень тепло написанная замѣтка о 25-ти лѣтнемъ юбилеѣ *Вѣстника Европы* и нѣсколько словъ о *Вопросахъ философіи и психологии*, въ которыя вкралась ошибка: редакція думаетъ, что этотъ журналъ издается академіей наукъ (стр. 69).

Българскій периодически печатъ отъ възражданието му до

днееъ. Ю. Иванова. Книга I. София-Пловдивъ, 1891 г. Трудъ г. Иванова—не полная исторія болгарской періодической печати, а сводъ библиографическихъ данныхъ о ней, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ. Г. Ивановъ приводитъ названія журналовъ, перечисляетъ редакторовъ, приводитъ иногда краткія ихъ біографіи, даетъ иногда выдержки изъ журнальныхъ программъ. Нѣкоторые журналы настолько рѣдки, что г. Иванову, по его словамъ, несмотря на всѣ усилія, не удалось достать ихъ и пришлось ограничиваться глухими указаніями. Выводовъ онъ не дѣлаетъ, отгадывая ихъ, можетъ быть, до конца своего труда. Въ настоящемъ выускѣ описано 28 журналовъ 1844—1866 гг. Большинство ихъ было очень недолговѣчно и даже не доведено до конца года; только шесть достигло почтеннаго возраста 12 — 26 лѣтъ; особенно недолговѣчною отличались научные журналы. Приведенные г. Ивановымъ факты рисуютъ намъ очень бурную жизнь болгарской журналистики: ей приходилось вести тяжелую борьбу не только съ апатіей читающей публики, но еще болѣе съ преслѣдованіями правительства: многіе журналы запрещались или прекращались вслѣдствіе бѣгства или заключенія редакторовъ; многіимъ редакторамъ приходилось вести почти кочевую жизнь и издавать нумера журнала въ разныхъ мѣстахъ. Особенно любопытна исторія журнала *Зорница*: въ 1874—1875 гг. его редактировалъ какой-то Гринъ, который не зналъ по-болгарски (см. стр. 70), затѣмъ два американца—Лонгъ и Ригсъ, который, какъ нѣсколько названо выражается авторъ, „прекрасно зналъ латинскій, древне-греческій, еврейскій, сирійскій, халдейскій, ново-греческій, турецкій, армянскій, болгарскій, французскій и, можетъ быть, и другіе языки“ (стр. 71). Этотъ журналъ былъ предназначенъ „за млады-то (для молодежи) и отъ дважа пола“ и знакомилъ болгарскую публику съ американскою журналистикою и литературой. Большинство редакторовъ получило образованіе въ Россіи, но она мало знакомила болгаръ съ русскою литературой: большинство переводовъ съ русскаго относится къ болѣе позднему времени—80-мъ годамъ.

Czesky Lid. Sbornik věnovaný studiu lidu českého v Czechach, na Moravě, ve Slezsku a na Slovensku. Rocznik I, číslo I. Сильный подъемъ интереса къ народоуѣднью, быстрое развитіе такъ называемой „фольклѣристики“ составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ умственной жизни Европы за послѣднее время; движеніе это забираетъ все глубже и глубже, и теперь уже ставится на очередь вопросъ о сравнительномъ изученіи поэзіи и быта всѣхъ племенъ земнаго шара, культурныхъ, варварскихъ и дикихъ; самая возможность постановки подобнаго вопроса оправдывается существованіемъ массы ученыхъ обществъ и журналовъ, имѣющихъ корреспондентовъ въ разныхъ концахъ міра и сгруппировавшихъ около себя знатоковъ языка и быта даже самыхъ далекихъ отъ культурныхъ міра народовъ, находятъ себѣ точку опоры и въ сѣздахъ фольклѣристовъ, и въ трудахъ многочисленныхъ изслѣдователей, дѣйствующихъ по собственному почину, не примыкающихъ къ обществамъ и журнальнымъ кружкамъ. Конечно, не всегда представители этого движенія подходятъ къ своему дѣлу съ должнымъ заносомъ общихъ свѣдѣній и съ надлежащею методологическою подготовкой, не всегда даютъ себѣ отчетъ, на какія стороны нужно обращать больше вниманія, часто оставляютъ въ тѣни существенныя стороны и тратятъ время и средства на ничтожныя мелочи, но, все-таки, въ итогѣ, для будущихъ изслѣдователей они подготовили и подготавливаютъ цѣнные сырые матеріалы: попытки обобщеній, попытки на-

мѣтить генезисъ тѣхъ или другихъ сказаній, сдѣланныя до сихъ поръ, въ большинствѣ случаевъ, слишкомъ скороспѣлы, опираются на случайный подборъ фактовъ и разлетаются при первомъ прикосновеніи критики; факты и указанныя параллели останутся, конечно, и найдутъ себѣ болѣе компетентныхъ комментаторовъ и эксплуататоровъ въ лицѣ будущихъ изслѣдователей.

До послѣдняго времени Чехія стояла какъ-то въ сторонѣ отъ этого движенія. Появлялись и тамъ, конечно, этнографическіе труды, но спорадически, случайно: не было общества или журнала, которые объединили бы силы, дали бы живой толчокъ дѣлу систематическаго этнографическаго изученія Чехіи, въ которомъ уже давно чувствовалась потребность. Отвѣтомъ на эту потребность и явился *Szesty Lid*, вѣрнѣе—поставилъ себѣ цѣлью удовлетворять ей.

По первому номеру трудно, конечно, судить, насколько по плечу редакціи взятая ею на себя нелегкая задача объединить чешскихъ этнографовъ и начать систематическую разработку чешскихъ этнографическихъ матеріаловъ; редакція увеличила тяжесть этой задачи еще тѣмъ, что включила въ программу своего изданія археологію и антропологию: при 6 маленькихъ книжкахъ въ годъ мудро, конечно, сдѣлать много, но и то, что будетъ сдѣлано, принесетъ свою долю пользы.

Первый номеръ открывается статьей г-жи Tuřzov'ой о чешскихъ народныхъ вышивкахъ на земской юбилейной выставкѣ. Вышивки эти, судя по приложеннымъ прекраснымъ снимкамъ, отличаются большимъ изяществомъ. Г-жа Tuřzova описываетъ ихъ только, но ничего не даетъ для оцѣнки степени ихъ архаичности, для характеристики ихъ отношеній къ вышивкамъ другихъ славянскихъ племенъ. Т. Bartosz напечаталъ начало своего труда: *Хозяйственные обычаи и повѣрья моравскаго народа*; помѣщенные въ этомъ номерѣ данныя касаются пастбищъ, пастуховъ и рогатаго скота. Г. Kouřa сообщаетъ нѣсколько данныхъ къ исторіи словенскихъ одеждъ; нова помѣщены описанія женской одежды (рубашка, такъ называемая „орлеско“ или „rukauce“, т.-е. наплечникъ, и проч.), интересныя по нѣкоторыхъ архаичнымъ чертамъ, дающимъ матеріалъ для исторіи одежды. Къ статьѣ приложены рисунки, изъ которыхъ только одинъ вышелъ удачнымъ.

Судя по первымъ двумъ главамъ статьи г. Hostynsk'аго о чешской народной пѣснѣ, читателю нельзя многого ожидать отъ этого труда: авторъ ограничивается общими мѣстами, банальными фразами о вѣдѣніи народной пѣсни, значеніи ея изученія и проч.; довольно рѣзко звучитъ въ немъ опасная для научнаго дѣла слишкомъ приподнятая патристическая нотка, живо напоминающая симпатичныя, но навивныя часто толки первыхъ поборниковъ славянскаго возрожденія. Статья эта опоздала, по меньшей мѣрѣ, лѣтъ на 50 и, не къ своей чести, совершенно стала въ разрѣзъ съ современнымъ научнымъ движеніемъ.

Остальныя статьи посвящены мелкимъ этнографическимъ и археологическимъ вопросамъ; изъ нихъ отмѣтимъ: *Сельская кухня* г. Vukoukal'a, *Чешскія повѣрья о водникѣ или hastrman'ѣ (водникъ, водномъ духѣ)* г. Koszt'al'a и особенно библиографію лужицкой этнографіи, составленную однимъ изъ видныхъ западно-славянскихъ этнографовъ—Adolf'омъ Czerny.

Номеръ кончается нѣсколькими очень коротенькими и случайными рецензіями на книги и журналы, главнымъ образомъ, чешскіе.

Книга издана прекрасно; годовая цѣна очень доступна (3 р.).

**Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала
«Русская Мысль» съ 15 марта по 15 апрѣля 1892 г.**

- Маевскій, П.** Флора средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію среднерусскихъ двѣтковыхъ растений. Изданіе Е. В. Барановскаго. Москва, 1892 г. 596+XVIII in 8. Ц. 3 р. 50 к.
- Каталогъ кабинета уголовного права при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.** Спб., 1892 г. 58 in 8.
- Дьяковъ, В. Н.** Отчетъ по опытно-му полю полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества за 1890 годъ. Полтава, 1892 г. 58 in 4.
- Жю, Л.** Задачи по физикѣ. Переводъ съ французскаго. Изданіе Н. И. Мамонтова. Ц. 2 р. Москва, 1892 г. 271+VIII in 8.
- Овсянниковъ, Н. Н.** По поводу присоединенія Твери къ Москвѣ и участія тверскихъ бояръ въ этомъ событіи. Тверь, 1892 г. 26 in 8.
- Данѣвскій, В. П.,** профессоръ. Пособіе къ изученію исторіи и системы международного права. Вып. I и II. Харьковъ, 1892 г. Ц. за оба выпуска 2 р. 50 к.; вып. II 178 + V; вып. I 230 + V in 8.
- Аргуновъ, Павелъ.** Описаніе Минусинскаго музея. Вып. I. Сельско-хозяйственный отдѣлъ. Очерки сельскаго хозяйства Минусинскаго края и объяснительный каталогъ сельско-хозяйственнаго отдѣла музея. Издано на средства В. А. Давилова. Казань, 1892 г. 151 + XV in 8.
- Михневичъ, Н.** Значеніе германо-французской войны 1870—71 гг. въ исторіи военнаго искусства. Критико-историческое изслѣдованіе. Ч. 1-я. Стратегія. Спб., 1892 г. Ц. 3 р. 455 + IV + 87 in 8.
- Постниковъ, А. П.** Основанія электротехники. Ч. 1-я. Основные факты, законъ и теорія. Электрометрія. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к. 160 + IV in 8.
- Отрадинъ, В.** Стихотворенія, сны и драматическія поэмы. Т. II. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 562 in 8.
- Скворцовъ, И. П.,** проф. Въ чемъ елика жизни и всей природы? (Рѣчь, произнесенная на актѣ Харьковскаго университета 17 января 1892 года). Харьковъ, 1892 г. 37 in 16.
- Гебель, В.** Десятичная или метрическая система мѣръ и вѣсовъ. Ея происхожденіе, преимущества и польза введенія въ Россію. Съ приложеніемъ таблицы метрическихъ мѣръ. М., 1892 г. Ц. 25 к. 28 in 16.
- Барро, М.** Забытое („Мечты и звуки“ Н. А. Некрасова). Критическій очеркъ. Спб., 1892 г. Ц. 40 к. 24 in 8.
- Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губ. Т. IX.** Прилукскій уѣздъ. Изд. полтавской губернской земской управы. Полтава, 1891 г. Ц. 2 р. 451 in 8.
- Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Орловской губ. Карачевскій уѣздъ. Т. V, вып. II.** Ц. 2 р. 50 к. Кромскій уѣздъ. Т. IV, вып. II. Ц. 2 р. Болховской уѣздъ. Т. VI, вып. II. Ц. 2 р. 50 к. Изд. орловскаго губернскаго земства. Орель, 1892 г.
- Земскій сборникъ Черниговской губерніи 1891 г.** Изд. черниговской губернской земской управы. Черниговъ, 1891 г.
- Щербина, Ф.** Воронежское земство 1865—1889 гг. Историко-статистическій обзоръ. Изд. воронежскаго губернскаго земства. Воронежъ, 1891 г.
- Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Воронежской губ. Вып. I.** Томъ 7-й и 9-й. Павловскій уѣздъ—Новохоперскій уѣздъ. Изд. воронежскаго губернскаго земства. Воронежъ, 1891 г. Ц. по 1 р. за томъ. Томъ 7-й 166 + IV; томъ 9-й 253 + IV in 8.
- Отчетъ департамента неомладныхъ сборовъ за 1890 г.** Спб., 1891 г.

- Тимановскій, А.** Сборникъ толкованій русскихъ вѣстовъ къ судебнымъ уставамъ Императора Александра II. За двадцать пять лѣтъ (1866—1891). Учрежденіе судебныхъ установленій и уставъ уголовного судопроизводства. 2,000 тазисовъ. Изд. 2-е. 1892 г. *Sevki Lid. v Praze.* 1892 г.
- Фабержъ, Ф.**, докторъ. Гигіена беременности. Перевелъ съ нѣмецкаго и издавъ д-ръ медицины Н. П. Лейненберга. Одесса, 1892 г. Ц. 50 к.
- Съ бытности губернской комендантъ и Томскаго уѣзду въ острогахъ и слободахъ приказчики кто были и въ которыхъ годѣхъ и по какимъ указамъ.** Издавъ Кузнецовъ-Красноярскій. Томскъ, 1891 г.
- Гаммарштентъ, О.** Учебникъ физиологической химіи. Перев. съ нѣмецкаго проф. А. Я. Щербакова въ Казани. Съ одною спектральною таблицей. Спб., 1892 г. Ц. 3 р 60 к.
- Клаусенъ, Э. К.** Краткій учебникъ огородничества, размноженія растений и плододовства, особенно для юга Россіи. Съ 100 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1891 г.
- Кролюницкій, А.** Опытъ методички элементарнаго курса исторіи. Съ приложеніемъ программы курса, хрестоматіи изъ статей разныхъ авторовъ и библиографическихъ списковъ книгъ, картъ и картинъ, относящихся къ курсу. Москва, 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Карышевъ, Николай.** Итоги экономического исслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. II. Крестьянскія вѣннадѣльныя аренды. Дерптъ, 1892 г. Ц. 3 р.
- Федоровъ, П. Ф.**, д-ръ медицины. Экстракция зубовъ. Съ 41 рисункомъ. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Отчетъ нервой одесской городской бесплатной народной читальни за 1891 годъ. Одесса, 1892 г.
- Вернтсенъ, А.** Краткій учебникъ органической химіи. Съ третьяго изданія сочиненія перевели Л. Явейнъ и А. Тилло. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.
- Фидлеръ, И.** Мѣры для предупрежденія губельныхъ послѣдствій отъ неурожая. Москва, 1892 г. Ц. 20 к.
- Кернъ, Оврагъ,** ихъ закрѣпленіе, облѣсеніе и запруживаніе. Москва, 1892 г. Ц. 75.
- Радичъ, В.** „Въ чадѣ кулисъ“. Романъ. Издаваніе Ф. А. Югансона, Кіевъ, 1891 г.
- Протоколъ торжественнаго засѣданія харьковскаго медицинскаго общества 28 февраля 1891 года.** Владиславъ Андреевичъ Франковскій. Полулѣтковой юбилей (1840—1890 г.). Харьковъ, 1892 г. Ц. 1 руб.
- Баталинъ.** Календаръ и записная книжка русскаго сельскаго хозяина на 1892 г. Спб., 1892 г.
- Львовъ, И. Я.** Новое время—новая лѣсни. (О поворотѣ въ народной повѣи). Посвящается народнымъ учителямъ и прочимъ интеллигентамъ деревни. Устюгъ, 1891 г. Ц. 25 к. съ пересылкой.
- Клембовскій, В. Н.** Тайны развѣдки. (Военное шпіонство). Издаваніе В. Березовскаго. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Шмитцъ, А.**, д-ръ. Половая жизнь человѣка въ гигиеническомъ отношеніи и гигиеническое воспитаніе ребенка. Переводъ съ нѣмецкаго. Издаваніе Н. Лейненберга. Одесса, 1892 г. Ц. 50 к.
- Veit, J.**, д-ръ. Диагностика женскихъ бо-лѣзней. Со втораго изданія перевелъ д-ръ Н. П. Марьяничъ. Съ 28 рисунками въ текстѣ. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Гуперцъ, д-ръ.** Гимнастика легкихъ. Руководство для ухода и воспитанія дыхательныхъ органовъ. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія д-ра И. П. Тимоеева. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1892 г.
- Горнилинъ, В.** „Покройникъ“. Рассказъ. Издаваніе А. Маньковскаго. Москва, 1892 г. Ц. 15 к.
- Кайгородовъ, Димитрій.** Бесѣда о русскомъ лѣсѣ. Краснолѣсье (хвойный лѣсъ). (Со многими рисунками). Издаваніе третье, исправленное и дополненное. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 120+V in 8.
- Кренке, В. Д.** О сельскомъ хозяйствѣ. Томъ III, выпускъ VI, 3-е изданіе. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 60 к. 342+VIII in 8.
- Рева, И. М.** Кіевское сельско-хозяйственное общество, его дѣятели и его дѣятельность. Кіевъ, 1892 г. 31 in 8.
- Рейнеръ, К. И.** Кесоля, его изготовленіе, спускъ и погруженіе. Съ 120 рисунками въ текстѣ и таблицами. Москва, 1892 г. 238+VI in 8.
- Энгельгардтъ, А. Н.** Фосфориты и сидерация. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 251 in 8.
- Камрашъ, В. Г.** Научное свиноводство. Москва, 1892 г. 30 in 8. Ц. 30 к.
- Материалы для изученія экономическ. быта государствен. крестьянъ и ввородцевъ Западной Сибири. Выпускъ XIII. Спб., 1891 г. 355+XI. in 8.
- Полетаевъ, Н.** Объ основаніяхъ вѣченія по началамъ положительной философи. Спб., 1890 г. Ц. 3 р. 430+II in 8.
- Материалы по статистикѣ народнаго хозяйства въ С.-Петербургской губерніи. Выпускъ XI. Частновладѣльч. хозяйство въ Петергофскомъ уѣздѣ. Издаваніе слб. губернскаго земства. Спб., 1890 г. Ц. 50 к. 143+IV in 8.
- Материалы по статистикѣ народнаго хозяйства въ С.-Петербургской губ., выпускъ XII. Частно-владѣльч. хозяйство въ Царскосельскомъ уѣздѣ. Издаваніе слб. земства. Спб., 1891 г. Ц. 50 к. 127+IV in 8. Вни. XV. Частно-владѣльчское

- хозяйство въ Новолодожскомъ уѣздѣ. Изд. сиб. губерн. земства. Сиб., 1891 г. Ц. 50 к. 162+IV in 8.
- Тодорановъ, А.** Числительница за дожитіе классовъ на срѣдніи училища, книги 1-я за I-й классъ; 2-я—за II-й классъ 1892 г. Цѣна каждой 1 левъ. Издава въ гр. Разградъ, кн. 1-я 96 + II, кн. II—съ 97 стр. по 212 стр.; кн. 3-я—за III классъ 1892 г. Изд. въ гр. Разградъ. Ц. 1 л. ст. in 8.
- Александровъ, В. А.** Краткое руководство къ устройству и веденію школьныхъ садовъ при сельскихъ училищахъ. Съ 23 рисунками. Спб., 1892 г. Ц. 30 к. 88+VIII in 8.
- Малковский, К. О** наукѣ права въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Спб., 1892 г. 26 in 8.
- Лионъ, А.** Хроника умственного и нравственнаго развитія кишиневскихъ евреевъ (1778—1890 г.). Обзоръ еврейскихъ благотворительн. учрежденій въ Бессарабской губ. Выпускъ I, 32 in 8; выпускъ II, 34 in 8; выпускъ III, 32 in 8; Кишиневъ, 1891 г. выпускъ IV, 32 in 8; Кишиневъ, 1892 г.
- Дубновъ, С. М.** Объ изученіи исторіи русскихъ евреевъ и объ учрежденіи русско-еврейскаго историческаго общества. Спб., 1891 г. Цѣна 35 коп. 91 in 8.
- Бертенсонъ, Л.** Санитарно-врачебное дѣло на горныхъ заводахъ и промыслахъ Урала. Спб., 1892 г. 52 in 8.
- Зинченко, Н.** Мысь Оіодентъ и Георгіевскій монастырь въ Крыму (891—1891 гг.) (по поводу 1000-лѣтняго юбилея основанія монастыря). Изд. журнала „Колосъ“. Спб., 1891 г. 22 in 8.
- Неустроевъ, А. А.** О происхожденіи музыки. Эстетико-психологическій очеркъ. Спб., 1892 г. Ц. 60 коп. 63 in 8.
- Барсовъ, К. А.** Магометъ, его жизнь и ученіе. Изд. равани. книгопродавца С. С. Шемаева. Москва, 1892 г. Ц. 20 коп. 72 in 16.
- Бертенсонъ, В. А.** Путевыя замѣтки агронома. Одесса, 1892 г. 63 in 16. Ц. 40 к.
- Шляпошниковъ, М. С.** Руководство для больныхъ, отправляющихся на минеральна вода, морскія купанья, грязи, лампаическія станція, виноградъ и кумысъ. Изд. III—вой. Харьковъ, 1892 г. 88+XX. Ц. 50 коп.
- Никитинскій, Сергѣй.** Французская выставка въ Москвѣ. Продукты заводской обработки. Москва, 1892 г. 78 in 8.
- Материалы по статистикѣ народнаго хозяйства въ Петербург. губерніи. Вып. XIII.** Частновладельческое хозяйство въ Лужскомъ уѣздѣ. Изд. с.-петерб. губернскаго земства. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 406+IV in 8.
- Администрація по дѣламъ торговаго дома нерчинскихъ купцовъ братьевъ Бутиныхъ.** Ея дѣятельность и борьба съ распорядителемъ дѣлъ фирмы М. Д. Бутинымъ. Часть первая. Москва, 1892 г. 405+XIX.
- Микуличъ, В.** Мимочка. Очеркъ. Изданіе Ледерле. Сиб., 1892 г. Ц. 1 руб. 159+VIII in 8.
- Путникъ (Лендеръ, Н.).** Восторъ и Константинополь. Анатолийское побережье — по русскому Югу. Очерки и картины съ картою Чернаго моря. Спб., 1892 г. 244+VIII in 16.
- Альберти, К. Э. Р.** Генрихъ Песталоцци. Биографическій очеркъ. Съ немецкаго перевелъ Константинъ Воскресенскій. Рига, 1892 г. 36 in 8.
- Сборникъ саратовскаго земства 1892 г., № 1.** Изданіе саратовскаго губернскаго земства. Саратовъ, 1892 г. 195+18 in 8.
- Гринъ, Джонъ Ричардъ.** Исторія англійскаго народа. Томъ II. Переводъ съ англійскаго П. Николаева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва, 1892 г. Ц. 2 р. 50 к. 396+II in 8.
- Литература земельного кредита.** Библиографическій указатель сочиненій отдѣльно изданныхъ и статей, помѣщенныхъ въ повременныхъ изданіяхъ. Выпускъ II. Спб., 1892 г. 7 in 8.
- Розенбахъ, Г.** О значеніи мозговыхъ болѣзней для психологіи. Продается въ пользу пострадавшихъ отъ неурожаа. Спб., 1892 г. Ц. 60 к. 42 in 8.
- Эрлицкій, А. Ф.** О причинахъ душевныхъ болѣзней. Продается въ пользу пострадавшихъ отъ неурожаа. Спб., 1892 г. Ц. 60 к. 34 in 8.
- Бриксъ, А. А.** Теоретическій курсъ гидравлики и гидравлическихъ двигателей. Спб., 1892 г. 232+IX in 8.
- Смертность населенія гор.** Москвн 1872—1889 гг. Составлено статистическимъ отдѣленіемъ городской управы. Москва, 1891 г. 158 in 4.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. КНИГѢ.

	Стр.
Веллетристика: „Дневникъ толстовца“. <i>Н. Д. Ильина</i>	155
Педагогика: „Народная школа“. <i>А. Анастасіева</i>	156
Публицистика: „Сибирь и каторга“. <i>С. Максимова</i> .—„Изъ эпохи великихъ реформъ“. <i>Гр. Джаншиева</i>	158
Исторія и біографія: „Потемкинъ“. <i>А. Г. Брикнера</i> .—„Великій артистъ-крестьянинъ М. С. Щепкинъ“. <i>В. Е. Ермилова</i> .—„Жизнь замѣчательныхъ людей“. <i>Изд. Ф. Павленкова</i>	161
Политическая экономія и статистика: „The working-class movement in America“, <i>by Aveling</i> .—„Die Fachvereine und die sociale Bewegung in Frankreich“, <i>von Ostern</i> .—„Сборникъ свѣдѣній о благотворительности въ Петербургѣ“.—„Сборникъ статистическ. свѣдѣній о благотворительности Москвы за 1889 г.“.—„Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губ.“.—„Сборникъ матеріаловъ для статистики Снрь-Дарьинской области“	163
Юридическія книги: „Сборникъ толкованій русскихъ юристовъ къ судебнымъ уставамъ Императора Александра II“. <i>А. Тимановскаго</i> .—„Основы государственнаго права Англіи“. <i>А. В. Дэйси</i> .—„Учебникъ права внутренняго управленія (полицейскаго права)“. <i>Шеймина</i> .—„Предварительное слѣдствіе по уставамъ Императора Александра II“. <i>В. Харламова</i> .—„Общедоступное руководство къ изученію законовъ“. <i>И. Дружинина</i>	172
Этнографія и археологія: „Культурныя переживанія“. <i>Сумцова</i> .—„Описаніе древне-греческихъ монетъ, принадлежащихъ Императорскому Московскому университету“. <i>А. В. Орѣшниковъ</i>	175
Языкознаніе: „Древній церковно-славянскій языкъ“. <i>А. И. Соболевскаго</i> .—„Лекціи по исторіи русскаго языка“. <i>Его же</i> .—„Библіотека греческихъ и римскихъ классиковъ“. <i>Перев. В. Алексеева</i>	179
Естествознаніе: „Курсъ зоологіи позвоночныхъ“. <i>Н. Н. Полежаева и В. М. Шимкевича</i>	180
Сельское хозяйство: „Вѣстникъ Винодѣлія“.—„Коневодство“. <i>П. Кулешова</i> .—„Народохозяйственное значеніе дѣятелей лѣснаго производства“. <i>А. Краузе</i>	181
Медицина: „Отчетъ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ за 1889 годъ“	182
Учебники: „Какъ учить писать“. <i>Н. А. Ахатова</i> .—„Ариметика“. <i>Г. Голубева</i>	184
Справочныя книги: „Ежегодникъ Императорскихъ театровъ“	186

II. Периодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы“, <i>февраль — мартъ</i> .—„Русское Богатство“, <i>январь</i> .—Славянская періодическая печать	188
--	-----

Контора журнала „Русская Мысль“ (Москва, Леонтьевскій переулокъ, 21) принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Расчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ, прикладываемыхъ къ журналу объявленій, взимается съ каждой 1000 экз. за 1 лотъ вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы между собой или вброшюровываться въ журналъ.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 гг. цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующая: 1883 и 1886 г. за 1 экз. по 6 руб.; 1887 г. за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣна за всѣ означенные года вмѣстѣ 26 руб. съ пересылкою.

„КІЕВСКІЙ СБОРНИКЪ“

ВЪ ПОМОЩЬ ПОСТРАДАВШИМЪ ОТЪ НЕУРОЖАЯ.

Въ немъ напечатаны: 1) произведенія иностранныхъ писателей, присланныя спеціально для „Сборника“, Берты фонъ Суттнеръ („Изъ рѣчи на конгрессѣ мира“), П. Гейзе (стихотвореніе), Арне Гарборга („Смерть“), А. Н. Леффлеръ, герц. ди Найя-нелло („Изъ воспоминаній о Софьѣ Ковалевской“), Пьера Лоти („Chateaux de seigneurs“), Виктора Балагера (стихотвореніе), графа Гейерстама („Исторія двухъ орловъ“), А. Стридберга („Ужоры совѣсти“), П. Розеггера („Чудеса“), М. Нордау („Fin de siècle“), I. Ли („Орлица“), Л. Захеръ-Мазоха („На тернистомъ пути“), Г. Эберса (стихотвореніе).

2) Статьи: профессоръ М. Ковалевскаго („Кромвель и свобода совѣсти въ Англіи“), М. Владимірскаго-Буданова („Формы землевладѣнія въ Литвѣ“), П. Броунова („Погода и ея предсказаніе“), И. Синорскаго („Голодь и его послѣдствія“), В. Малинина („Надсонъ какъ поэтъ“), П. Морозова (Войнаѣи ея жертвы“), И. Лучицкаго („Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Италіи“), Т. Флоринскаго („Эпосъ сербовъ-мусульманъ Босніи“), В. Ермакова („Преподаваніе алгебры“), гг. А. Абрагамсона („Двѣ недѣли въ Средней Азій“), Р. Савельева („О предсказаніи неурожаевъ“), Г. Бобринцова („Матеріалы для исторіи войны 1877—78 гг.“), Л. Нуперника („Шарль Фурье“).

3) Разсказъ: Вл. Короленка („Щось буде“), М. Альбова („Домъ“), А. Любича („Туча набѣжала“), Н. Арамджі („Изъ школьныхъ легендъ“), М. Бертина („Ужинъ“), М. Бр—снаго („Подъ осенній дождь“), Е. Бердяевой („Бенефисъ“), Вас. Немировича-Данченко (глава изъ романа „Поляны“).

4) Стихотворенія: Б. Бьернсона, Карла Сноильскаго, Вл. Высоцкаго, Вас. Немировича-Данченко, ф. Черниговца, П. Тулуба, С. Бердяева, А. Львовой, Л. Мунштейна, де-Эрль.

Къ сборнику приложены фототипическіе снимки съ картинъ гг. Орловскаго („Дѣвпръ“), В. Васнецова („Голова Христа“), П. Свѣдомскаго („Воскрешеніе Лазаря“ и „Въ Геесиманскомъ саду“), Пимоненна („Сватанье“), Бодаревскаго („Свадьба“), Платонова („Дѣвушка со свѣчей“) и двѣнадцать снимковъ съ видовъ Средней Азій.

Цѣна (для неподписавшихся) 2 руб. 50 коп.

Съ пересылкой 2 руб. 95 коп.

Главный складъ изданія въ Кіевѣ въ редакціи (Левашевская, 14; И. В. Лучицкому).

Продается въ книжныхъ магазинахъ: Югансона, Корейво, Оглоблина, Розова въ Кіевѣ.

Въ Москвѣ главный складъ — въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Плющиха, домъ Орлова).

Въ Полтавѣ: въ губернской земской управѣ.

Находятся въ продажѣ новыя книги:

Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключенія знаменитаго Тарарена). Альфонса Додэ. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Сизифъ. Картинки деревенской жизни Клеменса Юндши. Перев. съ польскаго В. М. Лаврова. Цѣна 50 коп., съ пересылкою 65 коп.

Наше сердце. Романъ Гюи де-Мопассана. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р.

Объ искусствѣ. Критическія замѣтки В. А. Гольцева. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Гарденины, ихъ дворня, привѣренцы и враги. Романъ А. И. Эртеля. Цѣна 2 р. съ пересылкою.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала «Русская Мысль». Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Подписчики на журналъ «Русская Мысль» за пересылку не платятъ.

Щедринъ. (Критическій опытъ). Н. К. Михайловскаго. Цѣна 1 руб.

Очерки и рассказы. Владиміра Короленко. (Пятое изданіе.) Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.

Слѣпой музыкантъ. (Этюдъ). Владиміра Короленко. (Второе изданіе). Цѣна 75 коп. съ пересылкою.

Собраніе сочиненій Н. Златовратскаго. Цѣна за два тома 3 р., съ пересылкою 3 р. 80 к.

О пьянствѣ. Д-ра П. С. Алексѣева. Съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстаго: Для чего люди одурманиваются? Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Нашихъ полей ягоды. Романъ. М. Анютина (М. Н. Ремезова). Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к. Подписчики на «Русскую Мысль» за пересылку не платятъ.

Складъ изданій въ конторѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» (Москва, Леонтьевскій пер., 21).

	Стр.
XIV. ПАМЯТИ ЯНА АМОСА КОМЕНСКАГО. (1592—1892).— В. А. Гольцева	98
XV. ЛОКЕЪ. (Thomas Fowler: «Locke»). Окончаніе.— П. Ф. Н.	104
XVI. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ: Пятаніе голодающих.— Ф. Ф. Эрисмана.	128
XVII. ДВОРИЩНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ.— А. Я. Ефименко	156
XVIII. ЯРМАРКА ЖЕНСКАГО ТЩЕСЛАВІЯ.— М. А. Протопопова . .	178
XIX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.— В. А. Г.	204
XX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Ходъ продовольственной опера- ціи.— Положеніе о хлѣбозапасныхъ магазинахъ.— Проектъ г. Грасса о страхованіи посѣвовъ отъ неурожая.— Дѣло Тель- нова.— Уложеніе о наказаніяхъ и охрана личности.— Стати- стика судимости за преступленія противъ личности.— Два по- движника врачебнаго дѣла.— Женскій медицинскій институтъ.— Число врачей въ Россіи.— Коммиссія Н. С. Абазы.— Финан- совые результаты 1891 г.— М. И. Семеvскій и гр. Сальясъ (Евгенія Туръ) †.— Отчетъ по изданію <i>Русскими Выдомо- стями Сборника</i> въ пользу голодающихъ	211
XXI. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.— Педагогика.— Публицистика.— Исторія и біографіи.— Полити- ческая экономія и статистика.— Юридическія книги.— Этно- графія и археологія.— Языкознаніе.— Естествознаніе.— Сель- ское хозяйство.— Медицина.— Учебники.— Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», <i>февраль</i> — <i>мартъ</i>.— «Русское Богатство», <i>январь</i>.— Славянская периоди- ческая печать. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редак- цію журнала «Русская Мысль» съ 15 марта по 15 апрѣля 1892 года.	155

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

ЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Условія подписки на 1892 годъ

(ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 „	7 „	3 „	50 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 рубля.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. на каждый годового экземпляра. Кредита и разсрочекъ по оставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногороднихъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. За перемѣну адреса на заграничный доплачивается разна плата подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

- въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Леонтьевскій пер., 21.
- въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 20 '86
